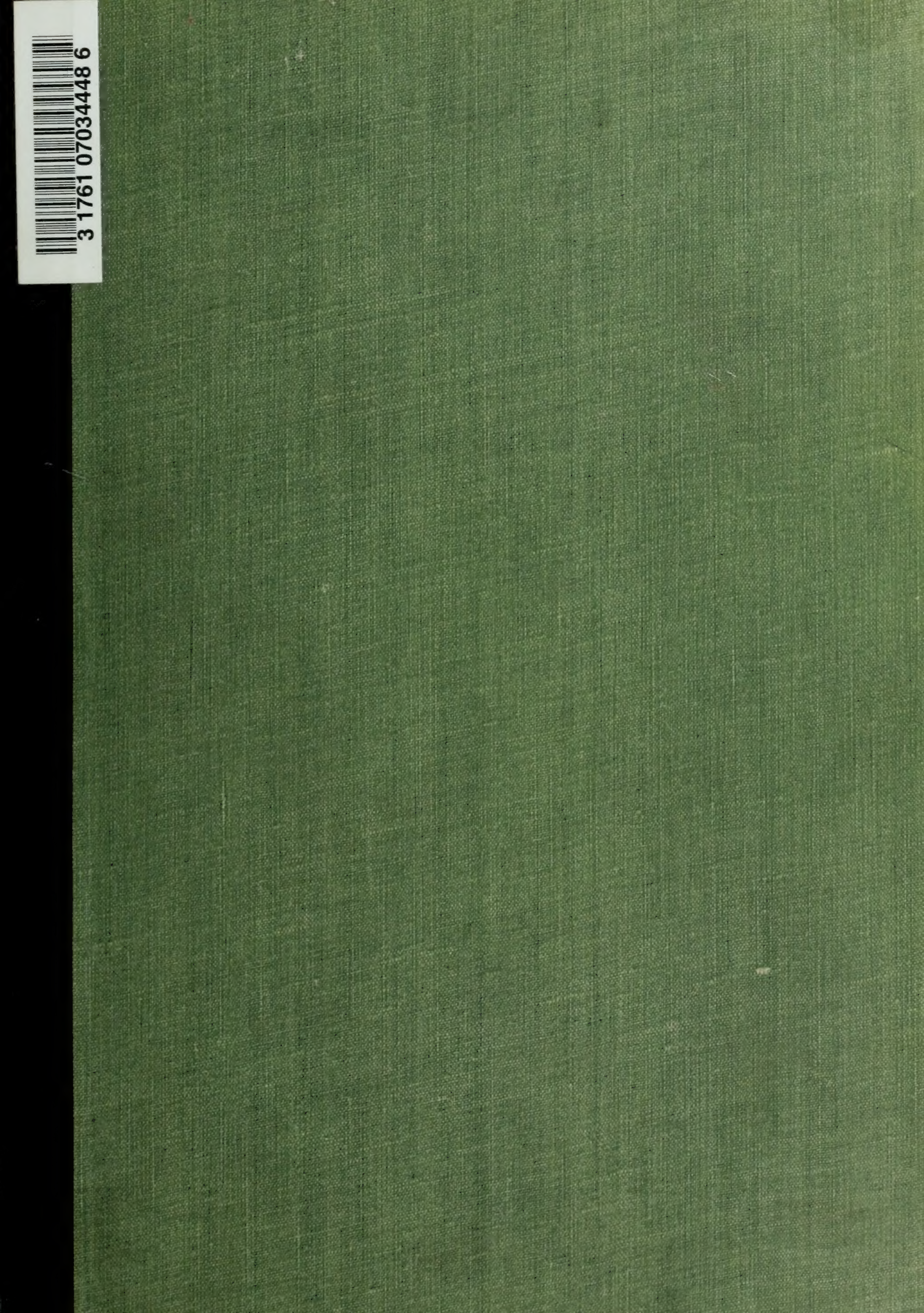

3 1761 07034448 6

Л. Пастернакъ

КСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ТИПО-
АФИИ „РУССКАЯ СКОРОПЕЧАТНЯ"
ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИНИНСКІЙ
КАНАЛЪ, 94.

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ
ВЪ ТИПОГР. МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ
СООБЩ. (Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°)
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ФОНТАНКА, 117.

ДОРЕФОРМЕННАЯ РОССІЯ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Оглавленіе II-го тома.

(Часть первая, отдѣлъ второй.)

Портреты, помѣщенные во II томѣ.

ецкій, который въ мартѣ и апрѣлѣ одержалъ нѣсколько блестящихъ побѣдъ надъ непріятельской арміей (подъ Вавромъ и Сѣдлецомъ), предался послѣ этого полной бездѣятельности. Наконецъ, вынужденный требованіями сейма и натискомъ общественнаго мнѣнія, онъ рѣшился на наступленіе. Встрѣча между арміями произошла подъ г. Остроленкой, Ломжинской губерніи, 26-го мая. „Остроленцкая битва сломила нравственную силу возстанія, лишила популярности главнокомандующаго, уменьшила число стараго войска, лишила насъ самыхъ дѣльныхъ офицеровъ *)“.

Но и послѣ Остроленцкой катастрофы еще оставалось въ польской арміи 50.000 солдатъ, и съ такой силой безусловно можно было сдѣлать очень много, можно было во всякомъ случаѣ преградить русскимъ войскамъ переходъ черезъ Вислу на ея лѣвый берегъ, къ чему были направлены всѣ усилія Дибича съ самаго начала войны. Ему уже это не удалось сдѣлать: въ іюнѣ главнокомандующій Дибичъ и вел. князь Константинъ погибли отъ холеры, которая стала свирѣпствовать въ рядахъ русской арміи. Этотъ рѣшительный, поворотный шагъ во всей кампаніи совершилъ фельдмаршалъ Паскевичъ, замѣнившій Дибича. 19-го іюля 60.000-ная русская армія переправилась черезъ Вислу, а 4-го сентября (н. ст.) она обложила Варшаву. 7-го сентября начался генеральный штурмъ Варшавы, предшествуемый бомбардировкой. Новый глава польскаго правительства—Чарторыйскій и его товарищи вышли въ отставку еще три недѣли передъ этимъ, послѣ знаменитой ночи 15-го августа *). Генералъ Круковецкій, вынудивъ на то согласіе сейма, отправилъ Паскевичу письмо, которое было въ сущности актомъ капитуляціи. Русскія войска вступили въ Варшаву, послѣ того какъ польскія успѣли переправиться на правый берегъ Вислы. Остатки сейма и польское правительство сопровождали польскую армію.

Возстаніе было кончено. Въ исторіи Царства Польскаго началась новая, тяжелая эпоха...

Мы лишь въ самыхъ общихъ чертахъ изложили ходъ военной кампаніи, подробное описаніе которой есть дѣло военныхъ историковъ. Недостатокъ рѣшительности, отсутствіе талантливыхъ полководцевъ, малочисленность польской арміи были причиной конечнаго пораженія этой послѣдней. Недостатокъ рѣшительности, т. е. боязнь смѣлыхъ наступательныхъ дѣйствій, боязнь развернуть революцію вширь и вглубь, объясняется не только личными качествами членовъ національнаго правительства и его главы Чарторыйскаго, но всей природой правящаго сословія и его представителя, сейма.

На засѣданіи сейма 29-го января 1831 г., на которомъ было избрано

*) Maurycego Mochnackiego—Pisma rozmaite, стр. 149.

*) Ночью 15-го августа тысячная толпа народа, ворвавшись въ замокъ, гдѣ находились арестованные по подозрѣнію въ измѣнѣ польскіе офицеры, вытащила ихъ на улицу и повѣсила на фонарныхъ столбахъ; справившихъ такъ съ измѣнниками, толпа принялась за шпіоновъ, служившихъ еще при Константинѣ. Въ эту памятную ночь убито было такимъ образомъ свыше 30-ти человѣкъ.

національное правительство, князь Адамъ Чарторыйскій произнесъ, такъ сказать, программную рѣчь, гдѣ онъ высказываетъ свой взглядъ на характеръ и задачи польской революціи:

„Слѣдуетъ убѣдить Европу, что наша революція чисто польская, т. е. что цѣлью ея является существованіе и независимость нашей родины, а не измѣненіе всѣхъ общественныхъ основъ и усиленіе отвратительныхъ элементовъ анархіи, освободиться отъ которыхъ одинаково велятъ нравственность, политика и голосъ всей Европы.

„Въ оружіи, въ вооруженіи единственная наша надежда, только къ этой цѣли должны стремиться всѣ честные и преданные поляки. Не время теперь думать объ учрежденіяхъ, объ общественныхъ реформахъ, громъ оружія отнимаетъ возможность предаваться серьезному и долгому размышленію и заставляетъ дѣйствовать быстро. Даже свободой, этимъ наиболѣе цѣннымъ сокровищемъ приходится въ минуты опасности жертвовать на время—для сохраненія независимости. Спасти ее является самой высокой потребностью, самымъ верховнымъ правомъ; передъ этой жизненной потребностью должны отступать всѣ другія соображенія".

Согласно высказаннымъ здѣсь принципамъ, дипломатическимъ агентамъ польскаго правительства, разосланнымъ въ главнѣйшія европейскія столицы, было поручено особенно настаивать передъ иностранными кабинетами на томъ, что „польская революція отнюдь не есть простое отраженіе французской революціи, какъ нѣкоторымъ угодно предполагать; единственная ея цѣль—возстановленіе національности и независимости; демагогическія идеи не могутъ пустить корней въ странѣ, которая, борясь за свою независимость, отвергаетъ тѣ теоріи, которыя нарушаютъ мирное развитіе въ другихъ странахъ".

Подобными заявленіями и увѣреніями кн. Чарторыйскій и его правительство хотѣли вызвать сочувствіе къ Польшѣ правящей Европы. Въ этихъ наивныхъ надеждахъ на сочувствіе и вмѣшательство иностранныхъ державъ, составлявшихъ центръ тяжести всей политики Чарторыйскаго, пришлось въ концѣ концовъ разочароваться. Но это разочарованіе наступило тогда, когда уже было поздно, когда правительство увидѣло спасеніе „только въ нашемъ отчаяніи, въ ожиданіи божескаго чуда и въ нашей твердой рѣшимости погибнуть" *).

Боязнь „демагогическихъ идей" не была лишь показной, для привлеченія сочувствія Европы. Она, какъ мы могли убѣдиться изъ всего предыдущаго, красной нитью проходитъ черезъ всю исторію польской революціи. Какія же это „демагогическія идеи"?

„Не время теперь думать объ учрежденіяхъ и объ общественныхъ реформахъ", говорилъ кн. Чарторыйскій въ приведенной рѣчи. Подъ общественными реформами онъ разумѣлъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и надѣленіе ихъ землей въ полную собственность. Въ Польшѣ, несмотря на наличность гражданскаго Кодекса Наполеона, барщинный трудъ былъ господствую-

*) См. Douzième circulaire diplomatique du gouvernement national de Pologne.

щимъ, и помѣщикъ считался собственникомъ всей земли, включая и ту, которую крестьянинъ обрабатывалъ для себя. Мы знаемъ, что за 15 лѣтъ существованія Царства Польскаго вопросъ о крестьянахъ не поднимался, а тотъ единственный разъ, когда онъ былъ поднятъ въ сеймѣ, это было сдѣлано не для того, чтобы улучшить положеніе крестьянъ, но скорѣе для того, чтобы навсегда закрѣпить ихъ рабское, зависимое положеніе.

По этому вопросу въ сеймѣ не было, да и не могло быть крупныхъ разногласій, ибо преобладающее и даже исключительное мѣсто въ немъ занимали представители шляхты-помѣщиковъ.

Тотъ же сеймъ въ своемъ прежнемъ до-революціонномъ составѣ оставался народнымъ представительствомъ возставшей Польши. Слабость, соціально-политическое безсиліе польской революціи лучше всего характеризуется именно тѣмъ фактомъ, что она не создала другого, болѣе полно отражающаго интересы народа національнаго представительства. Напрасно пылкіе публицисты „Новой Польши"—Мохнацкій и Гуровскій, считая этотъ сеймъ повиннымъ во всѣхъ несчастьяхъ и пораженіяхъ, взывали къ членамъ его: „Сложите съ себя намѣстничью власть народа, вернитесь въ то состояніе ничтожества, изъ котораго васъ хотѣла вырвать революція". Такіе совѣты вызывали лишь ненависть къ „якобинцамъ и демагогамъ", но не могли создать новаго народнаго представительства. Не было даже никакихъ попытокъ въ этомъ направленіи. Городскіе классы польскаго общества (мѣщанство—крупное и мелкое) были политически безсильны и неактивны, они не успѣли еще въ себѣ развить чувства и сознанія политической независимости, охотно тащась въ хвостѣ „старшей братьи"—шляхты. Самый многочисленный классъ — крестьянство, совершенно стоялъ въ сторонѣ отъ событій.

Поэтому партій въ собственномъ, современномъ смыслѣ этого слова, не было ни въ сеймѣ, ни внѣ сейма, хотя были названія для обозначенія трехъ группъ: аристократическая партія, конституціонная (или калишская) и революціонная. Но въ основѣ этихъ группировокъ не лежало различіе крупныхъ, глубокихъ соціальныхъ интересовъ. „Партіи эти, не отражающія соціальныхъ интересовъ, не представляющія общественныхъ классовъ, не имѣя, стало-быть, *подъ* собою общественной почвы и не видя *передъ* собою общественныхъ перспективъ и радикальныхъ измѣненій, были отчасти представительствомъ, отраженіемъ минувшихъ эпохъ, отчасти являлись органомъ преходящихъ мнѣній и политическихъ системъ, или совсѣмъ новыхъ утопій" (Мохнацкій).

Еще въ 1831 году, передъ штурмомъ Варшавы, Мохнацкій писалъ: „Изъ розсказней и пустыхъ басенъ у насъ возникли не партіи, а секты, не политическія группы, а котеріи... У насъ нѣтъ ни одной *партіи*, охватывающей большую массу, которая стремилась бы вытѣснить другую партію. Нѣтъ у насъ далеко заходящаго внутренняго раскола или столь крупнаго раздѣленія, чтобы оно дало возможность выдѣлиться рѣзко характернымъ, кореннымъ и основнымъ

чертамъ той или иной части народа, того или иного класса *въ ущербъ другому классу*."

Это вполнѣ вѣрно для того времени, но вѣрно не въ силу теоріи, созданной Мохнацкимъ и состоящей въ томъ, что Польша стремится не къ революціи, а къ реставраціи, не къ установленію того или другого соціальнаго порядка, а лишь къ тому, *чтобы быть*. Сущность польской революціи по этой теоріи *реставрація*. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Мохнацкаго, между народомъ независимымъ и народомъ, возстающимъ за свою независимость—разница громадная. Страна возстающая стремится къ тому, чтобы стать независимой. До осуществленія этого она нуждается только въ дѣльномъ, абсолютномъ, военномъ правительствѣ. Весь общественный укладъ, всѣ функціи организованнаго, независимаго строя прекращаются въ такомъ положеніи. „Народъ возстающій не можетъ дѣлиться на партіи, ибо у него нѣтъ различныхъ противоположныхъ интересовъ матеріальныхъ, ибо у него есть одинъ только главный и верховный интересъ — *бытіе*, который *деспотически* властвуетъ надъ всѣми иными до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ разрѣшенъ. Въ Польшѣ возстающей какой, напр., интересъ матеріальный или моральный могъ бы итти въ сравненіе съ интересомъ *независимости?* Можетъ быть, свобода наиболѣе многочисленнаго класса? Эмансипація, надѣленіе землей, просвѣщеніе крестьянъ? Спору нѣтъ, это важный вопросъ, но все-таки второстепенный, ибо нужно не только, чтобы *мужикъ* былъ свободенъ и просвѣщенъ въ Польшѣ, чтобы у него былъ кусокъ земли, чтобы онъ сдѣлался гражданиномъ этого края, но нужно прежде всего, чтобы оба они, т. е. *мужикъ* и *шляхтичъ* не были подъ ярмомъ Россіи, Пруссіи, Австріи" *).

Мохнацкій, вождь *революціонной* партіи, говорилъ то же самое, что и Чарторыйскій, глава *аристократической* партіи. Такое согласіе двухъ съ перваго взгляда столь рѣзко противоположныхъ теченій объясняется очень просто. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, что въ инсуррекціи нѣтъ, не можетъ и не должно быть партій, а въ томъ, что всѣ существовавшія въ то время польскія партіи—и аристократическая, и конституціонная, и, наконецъ, революціонная—были выразителями стремленій и представителями интересовъ господствующаго помѣщичьяго класса, были въ той или другой степени тѣсно связаны съ этими послѣдними.

И если страхъ передъ „анархіей и демагогіей", страхъ, который былъ свойственъ какъ аристократамъ, такъ и конституціоналистамъ, былъ въ сущности боязнью шляхты передъ возможностью пробужденія и возстанія крестьянства, то лишь по недоразумѣнію можно было за этотъ страхъ дѣлать отвѣтственной такъ называемую революціонную партію.

Мы только что привели взгляды самаго радикальнаго и яркаго представителя этой группы. Революціонность ея, какъ мы видѣли, состояла не въ томъ, что она намѣчала новыя цѣли, а лишь въ томъ, что она требовала для осуществленія той же цѣли другихъ средствъ. Она требовала

*) Maurycy Mochnacki. Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. T. II, str. 283.

смѣлаго, наступательнаго образа дѣйствій, добивалась, чтобы правительство развернуло *maximum* энергіи, таящейся въ польскомъ обществѣ, направивъ все къ одной, властной цѣли, къ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ. Эта группа *не боялась* революціи въ общественныхъ отношеніяхъ, напротивъ того, указывала, что только путемъ такой революціи можно будетъ привлечь широкія крестьянскія массы къ возстанію.

Мохнацкій еще до Гроховской битвы указывалъ въ своихъ статьяхъ, что нужна соціальная революція. Онъ задавалъ вопросъ: отчего массы не возстаютъ? И обращаясь къ сейму и правительству, онъ продолжаетъ: „Неужели вы думаете, что достаточно было писать пустыя прокламаціи и набивать непонятными фразами головы людямъ, не умѣющимъ читать? Тысячу разъ вы повторяли, что революція въ Польшѣ это—только инсуррекція. Мы, съ своей стороны, спросимъ васъ: что сдѣлано въ смыслѣ инсуррекціи? Какъ извѣстно, у насъ три съ половиной милліона жителей. Сколько же человѣкъ стало подъ ружье? Горсть регулярной арміи, съ десятокъ полковъ конницы и не больше! Здравый смыслъ наталкиваетъ на мысль, что только возстаніе массъ можетъ спасти этотъ край, что солдатъ только тогда оказывается непобѣдимымъ, когда его со всѣхъ сторонъ окружаютъ эти массы, когда его окружаютъ по собственной охотѣ, и съ такимъ оружіемъ въ рукахъ, какое въ нуждѣ всегда изобрѣталъ и создавалъ деревенскій умъ... Пришелъ послѣдній моментъ! Перестаньте же предаваться тому заблужденію, что одной лишь инсуррекціей вы спасете страну, необходима соціальная революція, необходимо употребить для спасенія погибающей отчизны тѣ средства, которыя дастъ въ руки соціальная революція. Необходимы коренныя средства, подобныя быстро дѣйствующимъ лѣкарствамъ въ минуты полнаго истощенія. Необходимо вамъ обратиться со своей рѣчью ко всему нашему народу, необходимо однимъ особымъ благороднымъ рѣшеніемъ пріобщить громадное большинство польскаго народа къ правамъ человѣка и гражданина, и всякому, кто взялся за оружіе, обезпечить немедленно, ему и его семьѣ, безопасность на вѣчныя времена“.

Послѣднее выраженіе очень туманно, но если понимать подъ нимъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости и надѣленіе крестьянъ собственностью, то почему Мохнацкій говоритъ только о тѣхъ, кто взялся за оружіе? Очевидно, освобожденіе крестьянъ для Мохнацкаго не являлось самодовлѣющей цѣлью, а лишь подчиненной, служа средствомъ къ вовлеченію массъ въ возстаніе, играя роль награды для тѣхъ, кто будетъ участвовать въ возстаніи. Мохнацкій считаетъ это средство послѣднимъ, рѣшительнымъ средствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ, которое „сможетъ насъ вырвать изъ всѣхъ опасностей. Наконецъ, развѣ не лучше сдѣлать путемъ добровольной, патріотической уступки то, что будетъ потомъ насильно вырвано завоевателями“?

Громадное большинство сейма, однако, слишкомъ было привязано къ своимъ господскимъ привилегіямъ, чтобы рѣшиться на актъ „всеобщей спра-

ведливости“. Но совершенно пройти молчаніемъ мимо этого вопроса сейму было невозможно. 28-го марта въ сеймъ былъ внесенъ проектъ, предлагавшій замѣнить барщину оброкомъ, но только въ національныхъ, т. е. казенныхъ имѣніяхъ, причемъ каждому такому „государственному“ крестьянину, по проекту, предоставлялось право выкупа своего участка въ полную собственность при условіи или единовременной уплаты капитализированнаго оброка или въ разсрочку, но не менѣе 100 польскихъ злотыхъ въ годъ. Одинъ изъ членовъ сейма, Шанецкій, предложилъ распространить указанное въ проектѣ право и на частновладѣльческія земли, такъ какъ только надѣленіе крестьянъ земельной собственностью свяжетъ ихъ „частный интересъ съ общимъ дѣломъ, подниметъ всю массу народа на завоеваніе независимости“.

Предложенія Шанецкаго сеймъ даже не хотѣлъ обсуждать, а изъ проекта о національныхъ земляхъ онъ выкинулъ ту часть его, въ которой предлагалось дѣлить „фольварки“, т. е. экономическую землю, на маленькіе участки для раздачи въ аренду заслуженнымъ въ борьбѣ за независимость солдатамъ. Сеймъ „не хотѣлъ нанести ущерба казнѣ“; но это было лишь предлогомъ, подъ которымъ скрывался голый помѣщичій интересъ: помѣщики вѣдь были арендаторами государственныхъ имуществъ. Въ концѣ концовъ весь проектъ рѣшено было отложить до того времени, когда наступитъ „соединеніе Царства съ прежними заборами“.

За стѣнами сейма крестьянскій вопросъ дебатировался въ Патріотическомъ Обществѣ, преемникѣ декабрьскаго революціоннаго клуба, но рѣшеніе, которое здѣсь давали этому вопросу, показываетъ всю немощь „революціонной“ партіи въ соціальномъ отношеніи. Лелевель, предсѣдатель Патріотическаго Общества, говорилъ на засѣданіи его: „Что касается замѣны барщины оброкомъ, то я искренно желаю, чтобы ею могли воспользоваться не только государственные, но и помѣщичьи крестьяне; но я полагаю, что въ это дѣло никакой законъ не долженъ вмѣшиваться, оно должно быть всецѣло предоставлено собственному убѣжденію въ томъ, что это будетъ лучше, что этого требуетъ обоюдный интересъ господъ и крестьянъ“.

Даже по вопросу о замѣнѣ барщины оброкомъ революціонеръ Лелевель не рѣшается итти противъ интересовъ шляхты. Неудивительно, что Патріотическое Общество не нашло болѣе подходящаго средства для разрѣшенія крестьянскаго вопроса, какъ основаніе жалкаго „Общества для надѣленія крестьянъ землей“, ставившее своей задачей на добровольныя пожертвованія пріобрѣтать у шляхты землю для раздачи крестьянамъ. Широта плановъ этого Общества лучше всего рисуется въ слѣдующихъ словахъ его основателей: „Если бы обстоятельства оказались настолько неблагопріятны, что Общество своими средствами сможетъ въ теченіе года сдѣлать собственникомъ хотя бы одного только крестьянина, то и тогда цѣль будетъ достигнута“.

Почему польская революція потерпѣла пораженіе? Въ конечномъ счетѣ причина кроется въ отсталости обще-

ственнаго развитія Царства Польскаго. Для того, чтобы странѣ съ $3^1/_2$ милліонами жителей помѣряться съ россійскимъ самодержцемъ, требовалось максимальное напряженіе ея силъ. Но для этого нужно было, чтобы народъ, крестьяне, считалъ войну съ Россіей не *панской* войной, какъ онъ ее называлъ, а *хлопской*. Если бы арміи крѣпостной Россіи пришлось воевать съ арміей раскрѣпощенной Польши, то на сторонѣ послѣдней было бы такое преимущество, которое могло бы сыграть рѣшающую роль. Но польское крестьянство покорно переносило свое рабство, и шляхта не думала поступаться своимъ правомъ на крѣпостной трудъ, ибо господствующій классъ никогда добровольно не выпускаетъ изъ рукъ орудій своего господства.

Притомъ слѣдуетъ помнить, что противъ возставшей Польши была не одна только Россія, но были также Австрія и Пруссія. Разбить коалицію трехъ монарховъ, на которую и Франція и Англія также смотрѣли, какъ на оплотъ *общественнаго* порядка въ Европѣ—было ли въ силахъ маленькаго Царства Польскаго? Мохнацкій прекрасно выясняетъ всю неосновательность надеждъ, которыя аристократически - дипломатическая партія возлагала на европейскіе кабинеты, совершенно забывая, что *„интересъ иностранныхъ кабинетовъ требуетъ, чтобы Польша никогда не была возстановлена въ своихъ старыхъ границахъ“* *). Нужно было дѣло Польши связать съ интересомъ европейскихъ народовъ, а не европейскихъ кабинетовъ—говоритъ Мохнацкій. Но для этого польская революція должна была перестать быть тѣмъ, чѣмъ она была—только реставраціей, и требованія соціальнаго характера должны были быть поставлены не на послѣдній, а на первый планъ.

ГЛАВА IX.

Прибалтійскій край въ первой половинѣ XIX вѣка.

(К. И. Ландера).

Прибалтійскія провинціи-латышскій и эстонскій край—были присоединены къ Россіи въ XVIII ст.: Лифляндія и Эстляндія въ 1721 г., а Курляндія въ 1795 г. До присоединенія къ Россіи аграрныя и соціально-экономическія отношенія во всѣхъ трехъ областяхъ края развивались болѣе или менѣе одинаковыми путями, за исключеніемъ леннаго польскаго герцогства Курляндскаго, гдѣ въ развитіи помѣщичье-крестьянскихъ отношеній замѣчаются нѣкоторыя характерныя особенности. Послѣ присоединенія развитіе аграрныхъ отношеній и аграрнаго законодательства во всѣхъ

*) Курсивъ Мохнацкаго.

трехъ губерніяхъ совершается далеко не по одному плану.

Въ Лифляндіи, напр., раздѣленіе земли на помѣщичью и крестьянскую, или мызную и усадебную, остается въ силѣ даже послѣ самыхъ крупныхъ реформъ въ области аграрныхъ отношеній, а въ Курляндіи оно мало-по-малу сглаживается и, наконецъ, официально отмѣняется въ 1863 г. Задача настоящей главы — разсмотрѣть развитіе социально-экономическихъ отношеній и политическаго строя мѣстной жизни въ первой половинѣ вѣка и въ частности—эволюцію аграрныхъ отношеній и аграрнаго законодательства въ краѣ.

1.

Начало XIX ст. въ Прибалтійскомъ краѣ ознаменовалось глубокими и серьезными реформами. Чтобы понять значеніе этихъ реформъ и причины, вызвавшія ихъ, слѣдуетъ нѣсколько остановиться на прошломъ края, на социально-экономическомъ состояніи его въ концѣ XVIII ст.

Населеніе края тогда рѣзко дѣлилось на двѣ части: крѣпостныхъ крестьянъ (латышей и эстовъ), съ одной стороны, и помѣщиковъ и бюргеровъ (нѣмцевъ), съ другой.

Характерною особенностью мѣстной жизни является и по настоящее время совпаденіе національнаго различія съ классовымъ. Въ XVIII ст. оно особенно рѣзко бросалось въ глаза. Всѣ безъ исключенія латыши и эсты принадлежали къ крѣпостному сословію крестьянъ и батраковъ, а нѣмцы были здѣсь только помѣщиками, купцами, промышленниками, или пополняютъ ряды мѣстной администраціи. Нѣмцевъ-рабочихъ, мастеровыхъ и тѣмъ болѣе крестьянъ здѣсь имѣется самая ничтожная горсточка.

Покореніе края нѣмцами совпало съ развитіемъ здѣсь первичныхъ формъ государственности и общественности, съ разрушеніемъ патріархально-общиннаго строя и, можно сказать, произошло именно на почвѣ этого историческаго процесса. Нѣмцы явились для латышей тѣмъ военно-служилымъ классомъ, который въ силу своего естественнаго превосходства вытѣснилъ и замѣнилъ собою мѣстную слабую военную организацію. Установивъ въ краѣ прочную военную организацію, создавъ цѣлый рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ, нѣмцы въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій успѣшно выполняли свою историческую миссію, защищали мирное земледѣльческое населеніе латышскаго и эстонскаго края отъ разорительныхъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей.

Между пришельцами-нѣмцами и „покоренными“ народностями сразу установились тѣ же отношенія, что и въ другихъ странахъ между „мирными“ слоями народа и военнымъ сословіемъ. Впослѣдствіи въ Прибалтійскомъ краѣ изъ воиновъ-рыцарей, нѣмцевъ, такъ же естественно и закономѣрно развились феодалы-помѣщики, какъ и въ другихъ странахъ, гдѣ военное сословіе принадлежало къ одному племени съ „покореннымъ“ народомъ.

Національное различіе между классомъ побѣжденныхъ и классомъ побѣдителей впослѣдствіи только усилило и обострило классовый антагонизмъ въ краѣ. Этотъ взглядъ отнюдь не разрушается частыми безпорядками и возстаніями латышей и эстовъ противъ нѣмецкаго ига, на что любятъ

ссылаться буржуазные латышскіе писатели-націоналисты; то были волненія угнетенныхъ классовъ противъ слишкомъ сильной эксплоатаціи угнетателей, и такія же волненія или „народные бунты“ переживали всѣ страны и народы, не подпавшіе никакому иноплеменному игу.

Въ концѣ XVIII ст. мы застаемъ въ Прибалтійскомъ краѣ полный расцвѣтъ феодально-крѣпостническихъ отношеній. Безправіе угнетенныхъ классовъ, латышскихъ и эстонскихъ крестьянъ, произволъ угнетателей, нѣмецкихъ бароновъ—достигли своего высшаго предѣла. Власть помѣщиковъ надъ крестьянами была неограничена; крѣпостныя повинности регулировались по усмотрѣнію помѣщиковъ, придерживавшихся лишь одного правила—какъ можно больше взять съ крестьянъ. Крестьяне были лишены элементарнѣйшихъ гражданскихъ правъ и вмѣстѣ съ семьями и всѣмъ добромъ составляли неотъемлемую собственность помѣщиковъ. Крестьяне были лишены даже права жаловаться кому бы то ни было, кромѣ своихъ помѣщиковъ, на чрезмѣрныя притѣсненія со стороны помѣщичьихъ властей, на обременительность барщины и т. д. Особенно ухудшилось положеніе крестьянъ съ присоединеніемъ края къ Россіи.

Шведское правительство, опиравшееся у себя дома на классъ свободныхъ крестьянъ-землевладѣльцевъ, пыталось и здѣсь въ интересахъ государственной и экономической политики поднять матеріальное и правовое положеніе крестьянъ, съ цѣлью создать изъ нихъ противовѣсъ нѣмецкому дворянству. Съ этою цѣлью шведскимъ правительствомъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣропріятій законодательнаго характера.

Понятно, что всѣ подобнаго рода дѣйствія шведскаго правительства встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны мѣстнаго дворянства, усмотрѣвшаго въ дѣятельности правительства дерзновенное посягательство на свои освященныя вѣками привилегіи и права. Вслѣдствіе этого правительство было лишено возможности осуществить полностью намѣченныя реформы. Но все-таки имъ было издано нѣсколько важныхъ законовъ объ урегулированіи крѣпостныхъ повинностей крестьянъ, составлены вакенбухи—расписаніе повинностей и, между прочимъ, произведена крупнѣйшая для того времени по своимъ размѣрамъ и характеру аграрная реформа—передача помѣщичьихъ земель (85%) казнѣ.

Но съ присоединеніемъ края къ Россіи положеніе здѣсь круто измѣнилось. Всѣ законы, изданные шведскимъ правительствомъ въ пользу крестьянъ, были отмѣнены и упразднены, помѣщикамъ возвращены всѣ ихъ конфискованныя земли, и возстановлены въ полномъ объемѣ всѣ попранныя дворянскія привилегіи.

Въ Россіи въ то время царило необузданное крѣпостное рабство, помѣщичій произволъ достигъ своего апогея и самодержавное правительство, оставаясь на высотѣ своей задачи, отстаивало интересы и права крѣпостническаго дворянства. И понятно, что политика правительства по отношенію къ окраинамъ не могла быть иною; нѣмцы-феодалы нашли въ своемъ новомъ верховномъ правительствѣ лучшаго защитника са-

мыхъ крайнихъ своихъ требованій и крѣпостническихъ вожделѣній.

Особой силы крѣпостническій гнетъ достигъ въ царствованіе Екатерины II, узаконившей административно-судебную власть помѣщиковъ надъ крестьянами, отнявшей у прибалтійскихъ крестьянъ право искать въ правительственныхъ судахъ и другихъ учрежденіяхъ защиты отъ чрезмѣрныхъ требованій и притѣсненій дворянъ-помѣщиковъ.

Разсмотримъ вкратцѣ аграрныя отношенія въ краѣ въ началѣ XIX ст., наканунѣ освобожденія крестьянъ въ Лифляндіи и Эстляндіи.

Крупныя сельскія хозяйства (помѣстья, имѣнія) въ краѣ раздѣлялись на 4 разряда: 1) дворянскія вотчины, 2) патримоніальныя имѣнія, 3) казенныя имѣнія, 4) церковныя видмы или пастораты.

Дворянскія вотчины, занимавшія первое мѣсто въ качествѣ хозяйственно-политической единицы, возникли здѣсь на той же правовой нормѣ, какъ и въ Германіи *). Онѣ составляли неотъемлемую и наслѣдственную собственность рыцарей и ихъ потомковъ, свободныхъ отъ земельнаго налога и прочихъ повинностей. Единственная повинность, которую древній рыцарь несъ по отношенію къ государству, была военная повинность на конѣ, замѣненная впослѣдствіи поземельнымъ налогомъ.

Согласно существовавшему законодательству помѣщики-дворяне обладали слѣдующими „естественными правами“: 1) они были свободны отъ всѣхъ косвенныхъ налоговъ, 2) таможенныхъ сборовъ и 3) воинскаго постоя. Особымъ правомъ помѣщиковъ-дворянъ считалось также участіе ихъ въ ландтагѣ.

Насколько были ограничены и совершенно упразднены всякія человѣческія права крестьянъ, настолько дворянамъ-помѣщикамъ была дарована самая широкая свобода самоуправленія и политическаго самоопредѣленія. Органомъ, руководящимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, были дворянскіе ландтаги.

До покоренія края русскими правомъ участія и голоса на ландтагахъ пользовались не только дворяне, но и всѣ крупные землевладѣльцы. Но съ 1783 г. это право предоставлялось уже исключительно дворянамъ; лица не дворянскаго происхожденія были лишены его одновременно съ потерею права владѣнія вотчиной, которое было тоже предоставлено исключительно дворянамъ.

Но кромѣ этихъ обычныхъ дворянскихъ правъ бароны въ силу гражданскихъ законовъ и обычнаго права пользовались еще рядомъ исключительныхъ правъ и монополій. Важнѣйшія изъ нихъ: 1) исключительное право винокуренія и пивоваренія, 2) исключительное право торговли водкой, пивомъ и съѣстными припасами, 3) право содержанія шинковъ и корчемъ, 4) право устройства и содержанія мельницъ, 5) право охоты и рыбной ловли. Право охоты впослѣдствіи было милостиво предоставлено также помѣщикамъ не дворянскаго происхожденія.

Принадлежащая къ дворянской вотчинѣ земля подраздѣлялась на 1) мызную, которою пользовался самъ помѣщикъ и 2) крестьянскую, которая

*) Тобинъ. — Аграрное законодательство Лифляндіи.

отдавалась въ пользованіе крестьянъ за отбываніе барщины и всякаго рода податей и повинностей. Величина дворянскихъ вотчинъ отъ 1— 100 кр. дворовъ-усадебъ (3000—5000—10000 десятинъ).

Право „не-дворянъ“ на владѣніе на правахъ собственника или арендатора имѣніями было отмѣнено уже съ самаго начала русскаго господства въ краѣ. Въ капитуляціи 1710 г. лифляндское дворянство выговорило себѣ право исключительнаго владѣнія имѣніями. Только для рижскихъ гражданъ тою же капитуляціей было сдѣлано исключеніе: за ними оставлено право пользованія помѣстною землею. Создавшееся благодаря этому противорѣчіе было впослѣдствіи устранено. Подтвержденное указомъ 1754 г., это „право“ неукоснительно осуществлялось въ Лифляндіи, благодаря чему число частныхъ имѣній все уменьшалось.

Патримоніальными имѣніями назывались имѣнія съ прилегающими землями и угодьями, которыя дарились правительствомъ городамъ для расширенія площади городского землевладѣнія и хозяйства. Эти имѣнія освобождались отъ многихъ повинностей (фуражной, конной и др.). Впрочемъ, патримоніальныхъ имѣній было немного, и выдающейся хозяйственной роли они не играли.

Происхожденіе казенныхъ имѣній относится къ глубокой древности. То были древнія орденскія и епископскія земли, а также часть церковныхъ и монастырскихъ земель, перешедшія по присоединеніи края къ Россіи въ собственность казны. Казенныя имѣнія были лишены всѣхъ преимущественныхъ правъ дворянскихъ вотчинъ. Такъ же, какъ дворянскія вотчины, они дѣлились на 1) мызную и 2) крестьянскую землю. Правомъ участія въ ландтагѣ арендаторы казенныхъ имѣній не обладали. Казенныя имѣнія были свободны отъ сборовъ на государственныя и земскія повинности и добровольнаго, такъ называемаго дворянскаго, налога. Слѣдуетъ замѣтить, что большинство казенныхъ имѣній послѣ присоединенія края къ Россіи были подарены прибалтійскимъ баронамъ— за разныя историческія услуги.

Церковныя видмы или пастораты возникли еще въ первой половинѣ XIII ст. То были земли и имѣнія (до 3—35 дворовъ) католическихъ, позже лютеранскихъ священниковъ.

Дѣйствовавшимъ въ краѣ законодательствомъ дворянскому ландтагу были присвоены самыя широкія права. Сужденію его между прочимъ подлежали: 1) всѣ общественныя дѣла края, 2) защита предъ правительствомъ всѣхъ интересовъ дворянскаго сословія и всего мѣстнаго населенія, 3) раскладка денежныхъ и др. повинностей; 4) замѣщеніе вакантныхъ, зависящихъ отъ дворянства должностей (къ числу которыхъ принадлежали и всѣ судейскія должности).

Ландтагу принадлежало также право законодательной иниціативы, право подачи ходатайствъ на высочайшее имя и. т. д. Въ его рукахъ было сосредоточено завѣдываніе дѣломъ народнаго образованія въ краѣ (устройство и содержаніе школъ, завѣдываніе ими).

Чрезъ ландтагъ лифляндскіе феодалы въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій управляли краемъ. Вся эконо-

мическая и политическая власть была сосредоточена въ его рукахъ. И чтобы ландтагъ оставался постоянно на высотѣ своего положенія, составъ его тщательно процѣживался. Даже во времена шведскаго господства, когда правомъ участія въ ландтагѣ пользовались всѣ крупные землевладѣльцы, а не только дворяне, уже тогда въ самомъ ландтагѣ чистокровные дворяне пользовались многими существенными преимуществами.

Такъ, напр., не всѣ участники ландтага, а только дворяне выбирали изъ своей среды предводителя дворянства и предсѣдателя ландтага; ландратами (членами ландратской коллегіи, см. дальше) могли быть только дворяне и только дворяне могли выбрать изъ своей среды членовъ высшаго административнаго учрежденія края—гофгерихта.

При русскомъ господствѣ путемъ примѣненія такъ называемой индегинатной системы составъ ландтага процѣживался еще тщательнѣе. Право участія и рѣшающаго голоса въ ландтагѣ было предоставлено лишь рожденнымъ въ краѣ „кореннымъ" дворянамъ, владѣющимъ дворянскою вотчиною, или такимъ, отцы которыхъ владѣли въ Лифляндіи земельными имѣньями. Крупнымъ землевладѣльцамъ, не принадлежавшимъ къ родовитой знати, разрѣшалось лишь присутствовать на засѣданіяхъ ландтага въ качествѣ зрителей и слушателей. Право голоса имъ предоставляли въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось распредѣлять мѣстные налоги и подати.

Такимъ образомъ лифляндское самоуправленіе находилось въ рукахъ родовитой дворянской аристократіи. Ландтаги пополнялись по собственному выбору этой знати, ревниво оберегавшей свое корпоративное учрежденіе отъ проникновенія туда всякаго неблагороднаго вліянія. Такимъ олигархическимъ учрежденіемъ ландтаги оставались до 1866 г., когда послѣ крупныхъ аграрныхъ реформъ туда проникли новые элементы—представители всѣхъ владѣльцевъ земельныхъ имѣній. Изъ городовъ только Рига пользовалась правомъ участія съ рѣшающимъ голосомъ на засѣданіяхъ ландтага.

Для осуществленія важной привилегіи лифляндскаго дворянства —быть выслушаннымъ по мѣстнымъ дѣламъ—существовало особое учрежденіе — ландратская коллегія или постоянный совѣтъ при мѣстной высшей правительственной власти (ген.-губернаторѣ).

На обязанности ландратской коллегіи лежало попеченіе объ охраненіи правъ, преимуществъ и учрежденій мѣстнаго дворянства.

Ландратская коллегія состояла изъ 12 членовъ, избиравшихся изъ среды мѣстныхъ дворянъ, и считалась исполнительнымъ органомъ дворянства. Изъ этихъ 12 чл. поочередно ежемѣсячно дежурилъ одинъ членъ, въ рукахъ котораго и были сосредоточены всѣ дѣла коллегіи (исполнительная часть). Вся же коллегія представляла изъ себя руководящій коллективъ, центръ мѣстнаго дворянскаго самоуправленія и несла главную отвѣтственность по дѣламъ дворянства. О самоуправленіи широкихъ слоевъ народа въ то время, понятно, не могло быть и рѣчи. За него все рѣшали его господа и повелители—помѣщики и богатые купцы.

Занятія между дежурными ландратами распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 1—дежурный, 3—засѣдали въ мѣстномъ высшемъ гражданскомъ и уголовномъ судебномъ учрежденіи—гофгерихтѣ, 1 состоялъ предсѣдателемъ лифляндской евангелически-лютеранской консисторіи, 4 находились во главѣ четырехъ главныхъ церковныхъ попечительствъ (важнѣйшихъ административныхъ единицъ уѣзда), а одинъ ландратъ завѣдывалъ почтовою частью.

Кромѣ того еще существовалъ особый институтъ дворянскаго самоуправленія, такъ называемые уѣздные депутаты, образовывавшіе двѣ коллегіи: 1) комитетъ и 2) конвентъ. Комитетъ давалъ заключенія по поступившимъ на разсмотрѣніе ландтага дѣламъ, а конвентъ представлялъ изъ себя учрежденіе, дѣйствовавшее въ промежуточное между засѣданіями ландтага время.

Комитетъ обсуждалъ всѣ доклады по текущимъ дѣламъ, и его заключенія вмѣстѣ съ заключеніями ландратской коллегіи представлялись на разсмотрѣніе ландтага. Ландтагъ созывался 1 разъ въ теченіе 3 лѣтъ.

Церковныя дѣла были урегулированы во время шведскаго господства. Внутренняя и внѣшняя организація лютеранской церкви были крайне сложны и обнимали собою всѣ области мѣстной жизни — попечительство о бѣдныхъ, школахъ, дорогахъ и т. д.

Всѣми дѣлами церкви и прихода управляли главныя церковныя попечительства и церковные конвенты. Церковныя попечительства всецѣло находились въ рукахъ дворянъ. Въ конвенты съ правомъ совѣщательнаго голоса входили представители крестьянъ (церковные старосты) и пасторы.

Во время шведскаго господства въ краѣ появилась первая правильная школьная организація; были основаны первыя латышскія и эстонскія учительскія семинаріи и народныя школы, латышамъ и эстамъ былъ открытъ доступъ къ среднему и высшему образованію. Но дѣло народнаго просвѣщенія такъ и осталось на зачаточной ступени, а при покореніи края русскими быстро заглохло.

Даже консервативный, однако обладающій солидною эрудиціею въ области мѣстнаго законодательства, историкъ края г. Тобинъ *) признаетъ, что состояніе дѣла народнаго просвѣщенія въ краѣ въ теченіе всего XVIII и первой половины XIX ст. было очень жалкое.

Къ концу XVIII ст. было всего нѣсколько народныхъ школъ самого допотопнаго образца, да по латышскимъ и эстонскимъ деревнямъ странствовали особые учителя грамотности, обучавшіе дѣтей грамотѣ, а подростковъ конфирмаціоннаго возраста — молитвамъ и церковнымъ псалмамъ. Кромѣ того—уже послѣ 1739 г., когда былъ изданъ законъ объ обязательномъ знаніи конфирмантами молитвъ, катехизиса и нѣсколькихъ церковныхъ пѣсенъ, — въ каждомъ приходѣ при пасторатѣ стали устраиваться подъ руководствомъ кистера (пономаря) курсы для подростковъ 16—18 лѣтъ, гдѣ они наставлялись истинамъ христіанской вѣры и непреложнымъ догматамъ лютеранской церкви. О дѣйствительномъ же на-

*) „Аграрное законодательство въ Лифляндіи въ XIX ст.“.

родномъ образованіи въ то время не могло быть и рѣчи.

Изъ судебныхъ учрежденій въ началѣ XIX ст. въ краѣ дѣйствовали ландгерихты и гофгерихтъ.

Ландгерихтъ (земскій судъ) представлялъ изъ себя низшую судебную слѣдственную инстанцію, рѣшавшую всѣ уголовныя и гражданскія дѣла, касающіяся лицъ недворянскаго происхожденія. Гофгерихтъ былъ высшей инстанціей для ландгерихтовъ и I инстанціей для всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ, касающихся дворянъ. Въ гофгерихтъ приносились также жалобы крестьянъ на притѣсненія помѣщиковъ. Рѣшенія гофгерихта считались безапелляціонными, однако дворянамъ разрѣшалось приносить по поводу этихъ рѣшеній прошенія на высочайшее имя. Въ 1786 г. была учреждена апелляціонная и ревизіонная инстанція по дѣламъ гофгерихта, такъ называемая юстицъ-коллегія лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ.

Низшими полицейско - административными учрежденіями были орднунгсъ-герихты, рѣшавшіе маловажныя дѣла въ административномъ порядкѣ. Нечего и упоминать о томъ, что всѣ должности въ судахъ и полиціи были заняты нѣмцами-баронами; даже послѣ покоренія края русскими за нѣмцами-помѣщиками было оставлено преимущественное право замѣщать своими людьми всѣ вакантныя должности въ краѣ.

Представителемъ высшей государственной власти въ краѣ былъ генералъ-губернаторъ. Сначала въ каждой губерніи былъ свой отдѣльный генералъ-губернаторъ, но съ 1801 г. было учреждено Прибалтійское генералъ - губернаторство, просуществовавшее до 1876 г., а затѣмъ снова введенное въ 1905 г.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію системы прибалтійскаго помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства, къ характеристикѣ мѣстныхъ аграрныхъ и экономическихъ отношеній, обусловливающихъ весь соціальный строй мѣстной жизни.

Мѣриломъ обложенія крестьянской земли повинностями являлся лифляндскій гакенъ („Haken"—соха), или пространство земли, которое можно было обработать при помощи одной сохи и 1 человѣка въ одинъ день. Сначала величина гакена колебалась, и вслѣдствіе этого обложеніе крестьянской земли повинностями находилось въ зависимости отъ другихъ условій крестьянскаго хозяйства— инвентаря, напр. Но впослѣдствіи гакенъ сдѣлался опредѣленною топографическою величиной и сталъ мѣрою земли, хотя еще въ XVI ст. въ Лифляндіи было 6 различныхъ гакеновъ, такъ какъ пространство земли, которое можно было обработать при помощи 1 лошади и 1 сохи, не всегда было одинаково.

Лишь Карлу XI удалось установить одинаковый для всей Лифляндіи гакенъ и этимъ нормировать крѣпостныя повинности крестьянъ, что было достигнуто путемъ измѣренія всѣхъ крестьянскихъ земель. Тогда же были составлены вакенбухи или расписаніе крестьянскихъ крѣпостныхъ повинностей, причемъ всѣ повинности были переведены на деньги и точно разсчитаны.

Такъ какъ шведскій способъ расцѣнки былъ возстановленъ законами 1804,—9,—17 и —19 гг. и дѣйствовалъ послѣ этого долгое время, то

нелишнее будетъ на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Оцѣнкѣ подверглись только казенныя — съ цѣлью опредѣленія размѣровъ аренды—и крестьянскія земли. Земля дѣлилась на 1) постоянную пашню и 2) переложную. Пашней называлась находящаяся въ постоянномъ пользованіи крестьянъ по системѣ 3-польнаго хозяйства земля, подъ перелогомъ (papuwe) — земля, находящаяся подъ паромъ. Количествомъ приходящагося на долю помѣщика дохода съ 1 тонштели земли являлась 1 тонна ржи. Въ основу этого постановленія легло то соображеніе, что 1 тонна будто бы является точной нормою чистаго дохода крестьянина съ 1 тонштели, за вычетомъ содержанія земледѣльца и общественныхъ податей. Стоимость тонны (бочки) ржи = 1 шведскому талеру.

Стоимость пѣшаго рабочаго дня = = 3 грошамъ, коннаго = 4 гр. По исчисленіи стоимости лежащихъ на крестьянинѣ тягостей и отдаваемыхъ взамѣнъ этого въ пользованіе его земель, полученныя данныя заносились на противоположныя страницы вакенбуха, причемъ каждые 60 талеровъ на кредитной сторонѣ—итогъ коей вполнѣ равнялся итогу дебетовой—считались за 1 гакенъ *).

За этотъ гакенъ, равный 60 талерамъ, крестьянинъ долженъ былъ отбывать: 1) разныхъ государственныхъ повинностей на $24^1/_3\%$ — 1.312,65 гр. 2) *помѣщичьихъ повинностей* на сумму 4.087,35 гр.: a) 10 конныхъ рабочихъ дней въ недѣлю (т. е. выставлять 2 работниковъ съ 2 лошадьми по 5 дней въ недѣлю въ продолженіе 48 недѣль въ году), итого—480 конныхъ рабочихъ дней, считая по 4 гр.—1.920 грошей; b) 10 пѣшихъ рабочихъ дней въ недѣлю въ теченіе 21 лѣтней недѣли, итого—210 раб. дней въ теченіе года по 3 гр.—630 гр.; c) около 35 рабочихъ (пѣшихъ) дней на помѣщика во время жатвы по 3 гр. — 105 гр.; d) особыхъ сверхурочныхъ рабочихъ дней—по подвозу строительныхъ матеріаловъ и т. п.—*60* (конныхъ) по 4 гр.—240 гр. и 75 пѣшихъ по 3 гр.—225 гр.; e) доставка продуктовъ для помѣщичьей семьи—на сумму 270 гр., или до 90 пѣш. и 65 конныхъ рабочихъ дней; f) поставкою предметовъ въ натурѣ слѣдовало покрыть остальные 697,35 грошей.

Такимъ образомъ крѣпостному крестьянину - дворохозяину приходилось работать на помѣщика *по меньшей мѣрѣ 925 дней въ теченіе года.* Поля помѣщика обрабатывались крѣпостными, а безземельные крестьяне -батраки работали лишь на дворохозяевъ, помогая имъ отбывать тяжелую барщину и добывать скудныя средства къ жизни. Такимъ образомъ чрезъ дворохозяевъ помѣщики эксплоатировали также трудъ батраковъ, а сами непосредственно пользовались ими лишь въ качествѣ дворни и мызной прислуги. Понятно, что такой способъ хозяйничанья оказывался пригоднымъ лишь до тѣхъ поръ, пока измѣнившаяся культура земледѣлія не потребовала другой организаціи, въ основу которой былъ положенъ уже наемный трудъ.

Вскорѣ послѣ покоренія края русское правительство отступило отъ шведскихъ порядковъ и ввело въ Лифляндіи подушную подать, что повлекло за собою усиленіе крѣпо-

*) Тобинъ.—Аграрное законодательство.

стного гнета и произвола помѣщиковъ, которые уже по собственному усмотрѣнію производили регистрацію крестьянскихъ повинностей, а согласно полученнымъ даннымъ устанавливали размѣры ихъ. Законъ пересталъ ограждать крестьянъ отъ чрезмѣрной эксплуатаціи помѣщиковъ, законодательная нормировка помѣщичье-крестьянскихъ отношеній уступила мѣсто патріархальному помѣщичьему усмотрѣнію и самодержавію.

Гнетъ крѣпостничества сдѣлался невыносимымъ. Всякаго рода повинности буквально разоряли крестьянъ.

Кромѣ помѣщичьихъ повинностей были еще церковныя и государственныя повинности.

Церковныя повинности были двоякаго рода: 1) повинности въ пользу духовенства (поставка натурою зернового хлѣба, дровъ, льна, рыбы, куръ, гусей и т. п., а также исполненіе барщинныхъ работъ и денежные взносы на содержаніе пастора); 2) кромѣ этого была еще особая церковно - строительная повинность, заключавшаяся тоже въ денежныхъ и натуральныхъ взносахъ и работахъ. Всѣ пасторы, имѣвшіе самостоятельные приходы, жили помѣщиками, владѣли пасторатомъ—имѣніемъ, распадавшимся на мызную и крестьянскую землю, имѣли своихъ крестьянъ-крѣпостныхъ.

Государственныя повинности были троякаго рода: конная служба, фуражная, балочная (подвозъ балокъ для казенныхъ построекъ) и подводная. Подушная подать была введена въ 1783 г., и введеніе ея сопровождалось крупными безпорядками среди крестьянъ, полагавшихъ, что подушною податью замѣняются всѣ крѣпостныя повинности.

Въ 1796 г. вводится рекрутскій наборъ (до того здѣсь происходила вербовка новобранцевъ). По закону о намѣстничествахъ въ 1784 г. вступили въ силу новыя постановленія о расквартированіи войскъ, согласно которымъ каждое земельное имѣнье величиною не менѣе 5 гакеновъ содержало въ особыхъ для того выстроенныхъ помѣщеніяхъ 15 конныхъ солдатъ, а имѣнія въ 10 гак.—40-50 солдатъ съ лошадьми. Кромѣ этихъ обыкновенныхъ государственныхъ повинностей приходилось отбывать многія чрезвычайныя — военные налоги и т. п.

Кромѣ того были еще особыя губернскія общественныя повинности: устройство и содержаніе въ исправности дорогъ, мостовъ — главныхъ, церковныхъ, проселочныхъ; помѣщики предоставляли необходимый для этого матеріалъ, а крестьяне—трудъ. Существовала еще такъ называемая почтовая повинность.

Всякаго рода повинности и подати—помѣщичьи, церковныя, государственныя и общественныя особенно возросли послѣ Сѣверной войны. Всѣ старались наперерывъ возстановить свое разоренное войной благополучіе трудомъ крѣпостныхъ. Система крѣпостной эксплуатаціи достигла страшныхъ размѣровъ. Это было уже не обычнымъ грабежомъ, а настоящимъ вымогательствомъ съ насиліемъ. У крестьянъ въ буквальномъ смыслѣ слова „выколачивались“ чрезмѣрныя подати. На помѣщиковъ была, напр., возложена отвѣтственность за исправное поступленіе государственныхъ податей съ крестьянскаго на-

селенія и наблюденіе за порядкомъ въ имѣніи. Крестьяне были отданы въ полное распоряженіе помѣщиковъ, которые являлись единственными судьями и начальниками ихъ. При преемникахъ покорителя Лифляндіи Петра I помѣщичья власть надъ крестьянами еще усиливалась. Такъ, напр., въ 1760 г. издается законъ, согласно которому помѣщикъ имѣетъ право за непристойное и дерзостное поведеніе ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь. Въ 1762 г. русское правительство идетъ еще дальше: издается законъ, слагающій съ помѣщика всякую отвѣтственность за убійство крѣпостного. До Александра I всѣ эти законы остаются въ силѣ и еще дополняются цѣлымъ рядомъ аналогичныхъ „законовъ“. Такъ, напр., былъ изданъ законъ, воспрещавшій подъ страхомъ смертной казни и ссылки въ Сибирь крестьянамъ приносить жалобы на помѣщиковъ кому бы то ни было, кромѣ самихъ притѣснителей. Единственнымъ закономъ, какъ справедливо замѣчаетъ Тобинъ, сдѣлалось неограниченное самовластіе помѣщиковъ.

Жизненныя потребности помѣщиковъ увеличились, появилась потребность въ роскоши. А порядки оставались тѣ же, система хозяйства сохранилась прежняя. Единственное средство увеличить свои доходы помѣщики видѣли въ усиленіи и безъ того уже чрезмѣрной эксплуатаціи крестьянъ и земли. Нѣкоторые стали прибѣгать къ разнымъ аферамъ — искусственному насажденію отхожихъ промысловъ, развитію винокуренія, овцеводства и т. д. И въ результатѣ получалось только окончательное и полное разореніе крѣпостныхъ, обнищаніе и неработоспособность ихъ, а отсюда неизбѣжно вытекало „оскудѣніе дворянства“. Усилились въ краѣ сельско-хозяйственные кризисы, голодовки и къ нимъ, наконецъ, присоединились крестьянскіе бунты (1784, 1796 и 1802 гг.). Предоставивъ помѣщикамъ полную власть надъ крестьянами, правительство перестало вмѣшиваться во внутреннія дѣла Лифляндіи, лишь изрѣдка присылая солдатъ для подавленія крестьянскихъ волненій. Правительство стойко охраняло конституцію лифляндской дворянской республики, но одного этого, къ сожалѣнію, оказалось недостаточнымъ для процвѣтанія края. Измѣнившіяся хозяйственныя условія потребовали коренного преобразованія всего мѣстнаго соціальнаго строя, и требованія эти выражались въ столь категорическихъ формахъ голодовокъ, кризисовъ и безпорядковъ, что правительство, наконецъ, признало необходимымъ уступить. Уступка эта произошла въ началѣ царствованія Александра I и санкціонируется законами 1804,—9,—17,—19 гг.

2.

При вступленіи на престолъ Александра I въ Лифляндіи была отмѣнена фуражная повинность, но одновременно утверждены нѣкоторыя важныя привилегіи дворянства. Въ 1803 г. былъ изданъ весьма неопредѣленный законъ о выкупѣ крестьянскихъ усадебъ, а еще раньше — въ 1801 г. былъ сдѣланъ высочайшій запросъ лифляндскому и эстляндскому дворянству, что они находятъ возможнымъ и желательнымъ пред-

принять для улучшенія участи крестьянъ и урегулированія помѣщичье-крестьянскихъ отношеній. Отвѣты дворянства послѣдовали въ 1802 г., причемъ былъ предложенъ проектъ аграрныхъ реформъ, разработанный Фридрихомъ фонъ Сиверсомъ, лифляндскимъ ландратомъ. Въ томъ же 1802 г. произошли крупные крестьянскіе безпорядки въ Кокенгузенѣ и Каугерсгофѣ изъ-за подушной подати. Число участниковъ безпорядковъ достигло 3.000 ч. Было вызвано войско всѣхъ родовъ оружія и пришлось употребить въ дѣло даже артиллерію, причемъ было убито нѣсколько десятковъ человѣкъ. Допрошенные послѣ усмиренія бунта „зачинщики" показали, что народъ волновался потому, что былъ убѣжденъ, что указомъ 1801 г. — о выкупѣ усадебъ и подушной подати— дарована полная свобода крестьянству, но гражданскими и военными чинами, подкупленными помѣщиками, обнародованъ подложный указъ, вслѣдствіе чего они и намѣревались истребить этихъ чиновъ.

Ландтагъ неохотно согласился на проведеніе назрѣвшихъ реформъ. Дѣйствительно предусмотрительныхъ, развитыхъ, и дальновидныхъ людей среди помѣщиковъ - феодаловъ было очень немного. Реформисты составляли незначительное меньшинство въ лифляндскомъ ландтагѣ, и правительству пришлось провести неотложныя реформы, опираясь на эту незначительную кучку съ Сиверсомъ во главѣ.

Положеніе о крестьянахъ 1804 г. состоитъ изъ 4 частей: 1) о личномъ состояніи крестьянъ, 2) о крестьянской собственности, 3) о крестьянскихъ повинностяхъ и 4) о подсудности крестьянъ. Первая глава (о личномъ состояніи крестьянъ) дѣлилась на 2 части: 1) о земледѣльцахъ (хозяевахъ, батракахъ и бобыляхъ) и 2) о дворовыхъ людяхъ.

Главныя, принципіальныя положенія этого закона слѣдующія: 1) признаніе политическаго существованія крестьянъ, 2) признаніе за ними права владѣнія законно пріобрѣтеннымъ имуществомъ (также недвижимымъ), 3) защита крестьянъ отъ притѣсненій помѣщиковъ и 4) опредѣленіе крѣпостныхъ повинностей.

Крестьянамъ предоставлено право пріобрѣтать участки земли—преимущественно отведенные въ ихъ пользованіе за отбываніе барщины— въ свою полную собственность, равно и управлять землею, продавать ее и наслѣдовать. Находящіеся въ пользованіи крестьянъ участки можно отнимать у нихъ лишь въ очень рѣдкихъ, строго опредѣленныхъ закономъ случаяхъ и лишь по приговору крестьянскаго суда. Вся усадебная земля крестьянина считается неприкосновенной, и законъ положительно воспрещаетъ присоединять ее къ имѣнію. Но тутъ же сдѣлана оговорка: въ исключительныхъ случаяхъ помѣщикамъ все же предоставлено право отчуждать крестьянскія земли, а именно, когда а) площадь помѣщичьей земли недостаточна по сравненію съ количествомъ рабочихъ рукъ (крѣпостныхъ), б) у помѣщика нѣтъ собственныхъ, принадлежащихъ къ имѣнію свободныхъ необработанныхъ земель для увеличенія площади землевладѣнія.

Такимъ образомъ спасительная „оговорка" выручала и на этотъ разъ! Выходило такъ, что при жела-

ніи помѣщикамъ не стоило труда всегда добиться истолкованія закона въ свою пользу...

Конечно—присвоеніе, спрѣчь отчужденіе, крестьянскихъ земель должно было производиться на законномъ основаніи. Во-первыхъ, за 3 года помѣщикъ долженъ былъ предупредить хозяина объ угрожающей ему экспропріаціи. Во-вторыхъ, онъ долженъ былъ вознаградить выселяемаго за всѣ издержки 1) по улучшенію хозяйства, 2) за послѣдній посѣвъ ржи въ размѣрѣ стоимости всего урожая и 3) уплатить выселяемому полностью всю стоимость усадьбы и земли.

Эти условія были далеко не пріятны для помѣщиковъ, но нечего говорить о томъ, что послѣдующими разъясненіями они были смягчены, а затѣмъ и вовсе упразднены. Для урегулированія крѣпостныхъ повинностей и согласованія ихъ съ величиною земельныхъ участковъ снова была введена упраздненная было метода шведской таксаціи (см. выше).

Довольно широкія права новый законъ даровалъ крестьянамъ-дворохозяевамъ, которые съ того времени выступаютъ здѣсь уже какъ отдѣльное политически-самостоятельное сословіе, насколько вообще можетъ быть рѣчь о политической самостоятельности при самодержавномъ режимѣ Николая I.

Крестьяне - дворохозяева не подлежали домашнему суду (расправѣ, какъ ее здѣсь характерно опредѣляли сами помѣщики) помѣщиковъ. На нихъ не распространялся также законъ о рекрутскомъ наборѣ. Были учреждены выборные крестьянскіе суды, причемъ судьи избирались самими крестьянами и вполнѣ самостоятельно рѣшали дѣла въ первой инстанціи, а во второй и третьей пользовались совѣщательнымъ голосомъ.

Новый законъ коснулся также безземельныхъ крестьянъ-батраковъ и дворовыхъ людей. Было установлено минимальное вознагражденіе батраковъ (годовое) слѣдующихъ размѣровъ: въ пользованіе батрака—взрослаго мужчины—отводились $4^1/_2$ лофштели (почти $1^1/_2$ десят.) пашни, $^1/_2$ лофштели перелога, 3 тонштели сѣнокоса, участокъ земли для огорода и выгонъ для скота; но за это содержаніе батракъ долженъ былъ работать на хозяина со своею лошадью и содержать ее; безлошадному батраку, понятно, отводилось меньше земли. Каждый взрослый холостой батракъ пользовался хозяйскою квартирою и столомъ и разъ въ 4 года получалъ шубу, разъ въ 2 года—суконный кафтанъ, пару суконныхъ штановъ, суконный камзолъ, пару онучей, а ежегодно—3 рубашки, 3 пары кальсонъ, холщевой китель, 3 пары лаптей, 2 пары шерстяныхъ чулковъ, пару носковъ и $^1/_2$ лофштели перелога. Самую незначительную часть вознагражденія батраки получали деньгами; батрачки получали то же, что и мужчины, но въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ.

Одновременно была проведена аграрная реформа въ Эстляндіи. Въ 1802 г. были изданы такъ называемыя регулятивы, а въ 1804 г.—положеніе о крестьянахъ. Оно было гораздо несовершеннѣе, чѣмъ въ Лифляндіи, и свелось не къ упраздненію, а къ смягченію крѣпостной повинности. Барщина не была нормирована, а въ основаніе попытки

нормировать ее было взято *предположеніе*, что у каждаго крестьянина-дворохозяина уже имѣется достаточное количество земли; на основаніи этой „аксіомы" произвели оцѣнку земель и распредѣленіе повинностей.

Курляндской губерніи реформа 1804 г. вовсе не коснулась. Здѣсь все осталось по старому.

Новый законъ породилъ въ латышскомъ и эстонскомъ крестьянствѣ сильныя волненія, выразившіяся въ цѣломъ рядѣ *забастовокъ*. Многія волости Лифляндской губ. отказывались работать на помѣщиковъ. Во многихъ имѣніяхъ забастовали также дворовые. Многимъ пасторамъ, по мнѣнію народа, неправильно толковавшимъ законъ 1804 г., запретили проповѣдовать. Въ г. Вольмарѣ собрались тысячныя толпы крестьянъ и требовали у мѣстныхъ русскихъ чиновниковъ, чтобы они сами непосредственно, а не чрезъ нѣмцевъ, управляли ими. Когда же ихъ требованіе было отвергнуто, они приготовились разгромить городъ, напали на ген.-губернатора и чуть не убили его. На Вольмаръ двинулся сильный отрядъ войска. Вооруженные чѣмъ попало, крестьяне пытались оказать войску сопротивленіе, но были разбиты. Предводители и подстрекатели были схвачены, частью казнены, частью сосланы или заточены въ тюрьмы. Одновременно (въ 1805 г.) происходили сильныя волненія въ сосѣдней Эстляндіи. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ событій собрался ландтагъ обсуждать мѣры къ постепенному раскрѣпощенію крестьянъ и урегулированію помѣщичье-крестьянскихъ отношеній.

Создалось явное противорѣчіе между назрѣвавшими экономическими отношеніями въ краѣ и новымъ закономъ. Современныя условія сельско-хозяйственной техники и требованія міроваго рынка находились въ противорѣчіи съ созданными положеніемъ 1804 г. условіями. Въ сельскомъ хозяйствѣ начался крупный переворотъ. Только что въ Германіи стала примѣняться новая, плодоперемѣнная, система Теэра, знаменитаго агронома-реформатора. Отголоски произведенной этою системой революціи въ области земледѣлія дошли и до Прибалтійскаго края, и здѣсь многіе, слѣдуя проповѣди Теэра, завели скотоводство, стали переходить отъ трехпольной къ 6—,9—, 12-типольной системѣ полеводства. Но крупныя реформы въ области сельскаго хозяйства требовали увеличенія площади земледѣлія и эксплуатаціи рабочей силы крестьянъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, что, согласно закону 1804 г., сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Необходимо было или совершенно отказаться отъ всякаго участія на міровомъ рынкѣ, обречь весь край на экономическую смерть, или найти выходъ изъ создавшагося положенія. На необходимость этого указывали также періодическія крестьянскія волненія, голодовки, сельско-хозяйственные кризисы. Въ 1807—8 г. страну постигъ сильный голодъ, а въ 1811—16 гг. — необыкновенные урожаи, вызвали небывалое дотого паденіе цѣнъ на хлѣбъ. Это былъ уже типичный сельско-хозяйственный кризисъ.

Уже въ 1809 г. были изданы дополнительные законы къ положенію 1804 г. Но дѣло необходимо было довести до конца. Развитіе ***капитала***

требовало раціональнаго сельскаго хозяйства крупнаго типа, а законъ создавалъ серьезныя препятствія къ развитію ихъ, покровительствуя хозяйствамъ мелкаго типа. Кромѣ того, производители были прикрѣплены къ землѣ, а капиталъ требовалъ примѣненія въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ *наемнаго труда*.

Это противорѣчіе и было устранено законами 1816,—17 и—19 гг. И сдѣлано это было настолько удачно, что въ теченіе цѣлаго почти столѣтія крестьяне оказались закрѣпощенными двойному игу—капитализма и остатковъ феодальнаго строя. Благодаря феодальнымъ прерогативамъ, помѣщикамъ была предоставлена возможность эксплуатировать крестьянскую рабочую силу на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ. Работа крестьянина-батрака и дворохозяина на помѣщика была смѣсью труда наемнаго съ подневольнымъ, крѣпостническимъ трудомъ.

3.

Въ 1816 г. были изданы законы объ освобожденіи эстляндскихъ крестьянъ. Основныя черты этого закона слѣдующія: 1) крестьяне освобождаются отъ наслѣдственной крѣпостной зависимости помѣщику; 2) помѣщикамъ воспрещается продавать и дарить крестьянъ съ землею и безъ нея; 3) крестьянамъ предоставляется право пріобрѣтать въ наслѣдственное владѣніе или въ личную собственность землю и др. недвижимое имущество; 4) по гражданскимъ дѣламъ крестьяне подчиняются крестьянскимъ судамъ 2 инстанцій, причемъ судьи частью избираются самимъ населеніемъ, частью назначаются; 5) крестьянамъ предоставляется право свободнаго договора при наймѣ на работы — помѣщичьи или крестьянскія,—а также аренды; 6) основывается мірское общество—зачаточная форма крестьянскаго самоуправленія; 7) крестьянину предоставляется право свободной перемѣны мѣстожительства и приписки, „буде онъ удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ, какія мірское общество, въ коемъ онъ состоялъ, и прежній *его помѣщикъ* къ нему имѣютъ“ *); 8) *полная собственность на всю землю сохраняется за помѣщикомъ*, почему ему и предоставляется имѣть надзоръ за *благочиніемъ* состоящихъ въ его помѣстьѣ мірскихъ обществъ и живущихъ въ ономъ крестьянъ.

Законы эти были изданы съ такимъ расчетомъ, что пользоваться ими крестьяне могли лишь по истеченіи 14 лѣтъ со дня опубликованія ихъ. Когда по истеченіи 14 лѣтъ состоялось фактическое освобожденіе—въ 1830 г.—новыя цѣпи рабства уже такъ плотно охватили эстляндскаго крестьянина, что онъ не замѣтилъ ни малѣйшей разницы между прежнимъ рабствомъ и теперешней „свободой“.

Въ 1817 г. состоялось „освобожденіе“ курляндскихъ крестьянъ. Согласно новому закону, вся земля была объявлена собственностью помѣщиковъ, а крестьянамъ дарована свобода договора и передвиженія, но лишь въ предѣлахъ губерніи, и еще нѣсколько незначительныхъ „личныхъ правъ“. Но зато крестьянамъ категорически воспрещено подавать какія бы то ни было жалобы на помѣщиковъ, и оставлена въ силѣ домашняя расправа, т. е. тѣлесное наказаніе крестьянъ въ администра-

*) Тобинъ, указан. сочиненіе.

тивномъ порядкѣ по усмотрѣнію помѣщичьей полиціи.

Закономъ 1819 года объ освобожденіи лифляндскихъ крестьянъ были уничтожены всѣ обѣщанія правительства относительно улучшенія быта крестьянъ, данныя въ 1804 г., всѣ благодѣтельныя для крестьянъ усадьбовладѣльцевъ послѣдствія законовъ 1804 и 1809 гг. Это была полная побѣда крупнаго сельскаго хозяйства надъ мелкимъ; въ жертву молоху-капиталу были принесены насущные, жизненные интересы мелкихъ землевладѣльцевъ и всего землевладѣльческаго населенія Лифляндіи.

Какъ и въ Курляндіи, законъ 1819 г. объявилъ всю удобную для обработки землю собственностью помѣщиковъ, а крестьянамъ предоставилъ свободу договора—на выработанныхъ помѣщикомъ условіяхъ—и свободу передвиженія въ предѣлахъ губерніи.

Законъ 1819 г. освободилъ дворянъ-помѣщиковъ отъ отвѣтственности за исправное несеніе крестьянами личныхъ и поземельныхъ общегосударственныхъ податей и повинностей, а также отъ чрезвычайно непріятной для нихъ обязанности оказывать нуждающимся крестьянамъ поддержку.

Коренному переустройству было подвергнуто также крестьянское самоуправленіе. Волость была преобразована въ чисто административную единицу, на обязанность которой возложено слѣдить за исправнымъ несеніемъ платежей и повинностей, отбываніемъ рекрутчины; компетенція волости по мѣстнымъ общественнымъ дѣламъ была ограничена заботою объ устройствѣ и содержаніи школъ, попечительствомъ о бѣдныхъ и т. п.

Высшимъ органомъ, контролирующимъ и направляющимъ дѣятельность крестьянскаго самоуправленія была помѣщичья полиція. По приказу ея собирались волостные сходы выслушивать распоряженія помѣщиковъ и обсудить мѣры къ исполненію ихъ. Каждое рѣшеніе волостного схода помѣщичья полиція по своему усмотрѣнію могла отмѣнить или опротестовать.

Волостные старшины и волостные судьи выбирались волостнымъ сходомъ. Выборы производились слѣдующимъ образомъ: на каждую должность сходъ выбиралъ 3 кандидатовъ, а изъ нихъ управленіе имѣнія утверждало одного. Обыкновенно предсѣдатель волостного схода справлялся у помѣщичьей полиціи—кого она намѣтила въ кандидаты, чтобы избѣгнуть лишней волокиты. На волостной судъ возлагались довольно сложныя и тяжелыя полицейскія обязанности, изъ которыхъ главныя были—отстаиваніе интересовъ помѣщиковъ предъ крестьянами. Собственно говоря, волостной судъ являлся только филіальнымъ отдѣленіемъ помѣщичьей полиціи.

Естественно, что послѣ этого освобожденія положеніе крестьянъ-усадьбовладѣльцевъ, помѣщичьихъ арендаторовъ, сильно ухудшилось. Арендныя условія сдѣлались невыносимо тяжелыми. Въ связи съ реформою было произведено перемежеваніе крестьянскихъ и помѣщичьихъ участковъ, которое свелось къ тому, что обработанныя крестьянскія земли были отняты и присоединены къ имѣнію, а крестьянамъ отведены пустыри, поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Пустыри эти однако были

оцѣнены какъ пахотныя поля, и крестьяне-арендаторы должны были за право пользованія ими—т. е. за обработку пустыря и доведенія его до извѣстной степени культурности—уплачивать полную арендную плату и нести всѣ натуральныя повинности.

Когда же послѣ страшныхъ трудовъ и лишеній крестьяне наконецъ превращали пустыри въ плодородныя пахотныя поля, помѣщики снова отнимали у нихъ все и снова переселяли ихъ на пустыри и т. д. безъ конца. Размѣръ арендной платы и повинностей крестьянъ опредѣлялись соотвѣтственно отведенныхъ имъ земельныхъ участковъ, но эти участки были переоцѣнены вдвоевтрое противъ ихъ настоящей стоимости, благодаря чему арендная плата и повинности достигали страшной высоты. Но даже при сколько-нибудь правильной оцѣнкѣ арендныхъ крестьянскихъ участковъ, латышскіе крестьяне-дворохозяева все же не могли избѣгнуть крѣпостнической кабалы вслѣдствіе недостатка денегъ въ крестьянскомъ быту, благодаря чему главная часть арендной платы была замѣнена натуральными повинностями на помѣщика, главнымъ образомъ, конечно, работой, барщиной. Эта работа отнимала у крестьянина столько времени, что онъ иногда едва успѣвалъ обрабатывать $^1/_{24}$ своихъ арендныхъ участковъ, а повинности и подати долженъ былъ нести за всю землю.

Хотя долгое время еще помѣщики обрабатывали свои поля при помощи барщиннаго, крѣпостническаго труда, и чистый наемный трудъ появился лишь во второй половинѣ XIX ст., но сейчасъ же послѣ реформъ 20-хъ гг. въ краѣ сложился многочисленный классъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, батраковъ, работающихъ уже не только на крестьянъ, какъ это было раньше, но и на помѣщиковъ.

Они во всемъ были подчинены произволу помѣщиковъ и во многомъ даже—дворохозяевамъ. Правда—на нихъ также былъ распространенъ законъ о свободѣ договора и свободѣ передвиженія, но послѣднею батракъ пользовался очень рѣдко, а первая „свобода“ привела его къ фактическому закрѣпощенію.

Согласно общераспространеннымъ условіямъ найма, батракъ обязывался безпрекословно исполнять всѣ работы, какія ему укажетъ хозяинъ; всякій убытокъ, который хозяинъ несъ по винѣ батрака, онъ обязанъ былъ возмѣщать—работою, понятно. Батракъ обязанъ былъ безпрекословно подчиняться всѣмъ домашнимъ правиламъ и порядкамъ своего хозяина и всегда, вездѣ и во всемъ соблюдать и защищать хозяйскіе интересы. За непослушаніе, грубость, лѣнь и т. п. дерзостные поступки хозяинъ могъ подвергать батрака тѣлесному наказанію (до 6 ударовъ палкою или кнутомъ и до 15 ударовъ въ недѣлю). Съ этого времени начинается въ краѣ проявленіе антагонизма между двумя классами сельскаго населенія — батраками и дворохозяевами.

Тогда же было положено начало крайне разорительной для крестьянъ системѣ выселенія (Sprengsystem). Она заключалась въ томъ, что по прошествіи извѣстнаго времени помѣщикъ, пользуясь своей неограниченной властью, выселялъ изъ усадебъ

крестьянъ-арендаторовъ, дабы присоединить къ имѣнію ихъ участки. По закону 1819 г. помѣщики могли уже въ любое время безъ предупрежденія арендатора выселить его изъ родной усадьбы, придравшись къ первому формальному предлогу, обыкновенно несоблюденію арендныхъ условій. А эти условія были составлены именно съ такимъ расчетомъ, что исполненіе ихъ было свыше человѣческихъ силъ.

Система выселенія разорила цѣлыя волости. Наконецъ, крестьяне лишились также своей „птичьей свободы", свободы передвиженія даже въ предѣлахъ губерніи. Оказалось, что большинство дворохозяевъ до того задолжали своимъ помѣщикамъ, что вынуждены были закабалить себя снова игу крѣпостничества, а на уплату долговъ когда бы то ни было нечего было и разсчитывать.

Послѣ войны 1812 г. въ Прибалтійскомъ краѣ сталъ наблюдаться усиленный наплывъ крестьянъ въ города. Города быстро и успѣшно развивались. Промышленность и торговля пышно расцвѣли послѣ войны, значительно расширилась область приложенія наемнаго труда. Уже тогда образовался классъ городскихъ пролетаріевъ—рабочихъ-грузчиковъ, ремесленниковъ и т. д.

Въ послѣдніе годы царствованія Александра I положеніе латышскихъ и эстонскихъ крестьянъ все ухудшалось, дворохозяева разорялись непосильными повинностями, тяжелыми арендными условіями и системою выселенія; батраки находились на положеніи безотвѣтныхъ рабовъ. Полукапиталистическій, полукрѣпостническій гнетъ оказался сильнѣе дореформеннаго феодальнаго рабства. Опять пошли періодическія голодовки, крестьянскіе бунты.

Уже въ 1819 г. вспыхнули въ Лифляндіи сильные безпорядки по поводу новаго закона о крестьянахъ. Въ 1832—34 гг. край снова посѣтилъ страшный голодъ. Но зато эта атмосфера народнаго безправья, бунтовъ и голодовокъ оказалась благодатной для развитія образцоваго крупнаго хозяйства помѣщиковъ.

Въ 30-хъ гг. въ краѣ сильно развилось также винокуреніе, явившееся важнымъ подспорьемъ для аграріевъ. Увлеченіе винокуреніемъ, на которое иногда уходилъ весь урожай, неоднократно являлось причиной голодовокъ крестьянъ.

За періодъ 1810—1835 гг. сложились и окрѣпли новыя формы хозяйства. Начался усиленный ростъ городовъ, усилился наплывъ въ города сельскаго населенія. Появились первые латышскіе полноправные граждане—ремесленники, мастера, лавочники, перекупщики, содержатели трактировъ.

Постепенно совершалась также пролетаризація широкихъ крестьянскихъ массъ и обособленіе класса мелкихъ землевладѣльцевъ-дворохозяевъ, несмотря на крайне невыгодныя для послѣднихъ условія. И всѣ эти крупные историческіе процессы сопровождались цѣлымъ рядомъ волненій, кризисовъ, или, вѣрнѣе, совершались чрезъ нихъ.

4.

Сороковые годы начались цѣлымъ рядомъ крупныхъ крестьянскихъ безпорядковъ (1841,—42,—43 гг.), потрясшихъ всю экономическую и со-

ціальную жизнь края и снова поставившихъ ребромъ вопросъ о неотложныхъ и насущныхъ реформахъ.

Движеніе 1841 г. въ самомъ началѣ носило мирный характеръ. Доведенные до послѣдней степени отчаянія, полуголодные батраки стали собираться толпами и отказывались работать на помѣщиковъ. Толпы бастующихъ батраковъ ходили по имѣніямъ и снимали съ работъ своихъ товарищей. Скоро къ батракамъ присоединились также дворохозяева, крайне недовольные своимъ положеніемъ и въ особенности разорительною системою выселеній. Они отказывались нести арендныя повинности и работать на помѣщиковъ. Волненія быстро охватили всю Лифляндію и угрожали распространиться на весь край.

Снова выступили на сцену войска, произошли кое-гдѣ стычки съ безоружными стачечниками, окончившіяся, понятно, пораженіемъ послѣднихъ. Толпы стачечниковъ быстро были разсѣяны, безпорядки подавлены. Началось усмиреніе съ неизбѣжнымъ уже въ то время сѣченіемъ до смерти. Очень много подстрекателей и зачинщиковъ были разстрѣляны и повѣшены, не считая убитыхъ въ стычкахъ съ войсками; еще большее количество людей были подвергнуты жесточайшему тѣлесному наказанію, заключены въ тюрьмы, сосланы въ Сибирь. Толпы бѣглецовъ, уцѣлѣвшихъ отъ пуль, штыковъ, висѣлицъ, шпицрутеновъ и Сибири, со своими семьями стекались въ города. Голодные, оборванные, они надѣялись спасти хоть свою жизнь.

Ихъ усадьбы были сожжены, по возвращеніи ихъ ожидала смертная казнь или жестокое истязаніе. Многіе города и мѣстечки были буквально наводнены бѣглецами, которые располагались лагеремъ на городскихъ площадяхъ. И вдругъ среди нихъ, а также остального населенія края распространился слухъ, что латышамъ будутъ отведены земли гдѣ-то на югѣ и что туда уже разрѣшено переселяться.

Этотъ вздорный слухъ, возникшій, надо полагать, благодаря правительственному проекту переселенія нѣкоторыхъ непокорныхъ волостей въ отдаленныя сѣверо-восточныя губерніи, взбудоражилъ населеніе, вызвавъ у него новыя несбыточныя надежды. Со всѣхъ сторонъ народъ громадными толпами сталъ стекаться въ города. Здѣсь крестьяне настоящими полчищами по цѣлымъ недѣлямъ осаждали правительственныя учрежденія, добиваясь разрѣшенія на переселеніе въ теплые края. Но просьбы ихъ оказались тщетными; вмѣсто ожидаемаго разрѣшенія былъ изданъ строгій приказъ, чтобы всѣ бѣглецы немедленно же вернулись въ свои волости, къ своимъ помѣщикамъ, что переселенія правительство никогда не разрѣшитъ, потому что вслѣдствіе него можетъ пошатнуться экономическое благосостояніе страны.

Но крестьяне отказывались вѣрить этому указу; они считали его подложнымъ, сочиненнымъ помѣщиками, чтобы обмануть ихъ. Напрасно самъ генералъ-губернаторъ разъѣзжалъ по всему краю, уговаривая оставить всякія надежды на переселеніе, которое никогда не можетъ быть разрѣшено; напрасно изъ Петербурга были командированы 2 генералъ-адъютанта со спеціальною миссіею успокоить мятущееся населеніе; го-

лодные, обозленные крестьяне упорно стояли на своемъ и все требовали отпустить ихъ въ теплый край, гдѣ они надѣялись избавиться отъ баронскаго рабства. Для вразумленія непокорныхъ снова пришлось пустить въ ходъ ружья, штыки и нагайки.

Вожаки-ходоки были арестованы и заключены въ тюрьмы, а остальныхъ войска разогнали по домамъ. Снова населеніе словно присмирѣло, но ненадолго—черезъ годъ волненія вспыхнули съ новою силой, хотя уже въ другомъ видѣ.

Съ 1843 г. въ краѣ началась дѣятельная пропаганда православія, которая велась преимущественно только среди латышскаго и эстонскаго населенія края. Среди лютеранскаго населенія она могла встрѣтить сочувствіе только при самыхъ исключительныхъ условіяхъ.

Для того, чтобы обезпечить успѣхъ своей пропагандѣ, православному духовенству необходимо было создать подходящую почву для агитаціи. Этого оно достигло, отстаивая, или, вѣрнѣе, дѣлая видъ, что отстаиваетъ, нѣкоторые экономическіе интересы латышскаго крестьянства и въ особенности дворохозяевъ.

Не успѣла улечься переселенческая смута, какъ среди латышскаго населенія стали распространяться новые смущавшіе его слухи о томъ, что препятствіемъ къ освобожденію латышей отъ нѣмецкаго ига является ихъ лютеранское вѣроисповѣданіе, — если бы латыши были одной вѣры съ русскими, правительство охотно облегчило бы ихъ участь. Наряду съ этимъ распространялся еще болѣе возбуждающій населеніе слухъ о томъ, что всѣ принявшіе православіе латыши будутъ надѣлены землею и освобождены отъ всякой зависимости отъ помѣщиковъ. Впослѣдствіи было установлено, что эти слухи распускались и православнымъ духовенствомъ съ рижскимъ епископомъ во главѣ. Правда—руссификаторская дѣятельность православнаго духовенства и русскихъ властей въ краѣ сопровождались нѣкоторыми подачками латышскому крестьянству, особенно при ген.-губернаторѣ Головинѣ, когда эта политика одержала было побѣду, но нечего, кажется, и говорить про то, что эти подачки не соотвѣтствовали прежнимъ обѣщаніямъ. Въ частности руссификаторской политикѣ въ значительной степени край обязанъ реформами 40 гг.

Движеніе въ пользу перехода въ православіе сначала было очень сильно среди латышей. Крестьяне устремились въ Ригу, гдѣ тысячными толпами въ теченіе многихъ дней окружали дворецъ генералъ-губернатора, прося его выдать разрѣшеніе на перемѣну вѣры. Это религіозное движеніе, возникшее на чисто экономической подкладкѣ, было крайне непріятно для помѣщиковъ-бароновъ, и они рѣшили бороться съ нимъ.

Генералъ-губернаторъ (гр. Суворовъ) былъ на ихъ сторонѣ. Онъ воспретилъ крестьянамъ лично хлопотать о перемѣнѣ вѣроисповѣданія, а „зачинщиковъ" велѣлъ заключить въ тюрьмы и наказать розгами. Тогда крестьяне стали подавать письменныя заявленія о желаніи перемѣнить вѣроисповѣданіе, но имъ была воспрещена и эта форма ходатайства. Однако вскорѣ руссификаторская политика взяла верхъ, и тогда нача-

лись въ краѣ массовые переходы въ православіе. За 1842—46 гг. въ православіе перешли свыше 100.000 человѣкъ.

Новообращенные съ нетерпѣніемъ ожидали обѣщанной земли и „воли“, но, не дождавшись ничего, пожелали вернуться обратно въ лютеранство. Это, конечно, оказалось невозможнымъ. Тогда крестьяне стали самовольно посѣщать лютеранскія церкви и требовали отъ пасторовъ совершенія надъ ними требъ. На этой почвѣ произошли новые безпорядки (въ 1847 г.). Открылось гоненіе на лютеранскихъ пасторовъ за совершеніе требъ надъ православными въ виду того, что многіе латыши выдавали себя за лютеранъ, между тѣмъ какъ въ церковныя книги они занесены не были, и формально числились православными. И только лишь законъ 17 апрѣля 1905 г. далъ, наконецъ, возможность диссидентамъ, числившимся православными, но посѣщавшимъ лютеранскія церкви и не имѣвшимъ рѣшительно ничего общаго съ православіемъ вернуться въ лютеранскую церковь.

5.

Крестьянскія волненія, не прекращавшіяся въ продолженіе 40-хъ гг., заставили помѣщиковъ задуматься надъ создавшимся положеніемъ и провести кое-какія палліативныя реформы. Уже въ 1841 г. была учреждена комиссія для разработки законопроекта аграрной реформы, чтобы представить его на обсужденіе ландтага. Въ основу этого законопроекта, согласно директивамъ ландтага, легло то соображеніе, что необходимо создать сословіе землевладѣльческаго крестьянства, которое владѣло бы земельною собственностью на тѣхъ же началахъ, какъ дворяне, и представляло бы изъ себя политически-консервативный элементъ, на который въ извѣстныхъ случаяхъ дворяне могли бы опираться.

Въ 1845 г. были высочайше утверждены новые аграрные законы, являющіеся въ извѣстной степени дополненіемъ къ законамъ 1817-19 гг.

Оставляя въ силѣ основныя положенія закона 1819 г., новые законы нѣсколько облегчаютъ нѣкоторыя повинности крестьянъ. Такъ, напр., 1) воспрещено заставлять крестьянъ работать на помѣщика въ уплату накопившихся за нимъ долговъ болѣе чѣмъ 1 годъ, 2) рабочее время женатаго крестьянина ограничено 4 днями въ недѣлю, 3) продолжительность рабочаго дня опредѣлена въ 12 часовъ, 4) воспрещено было брать на помѣщичьи работы болѣе половины всего числа рабочихъ крестьянской усадьбы.

Въ болѣе широкомъ объемѣ была проведена аграрная реформа въ 1849 г., когда было издано извѣстное „крестьянское и поземельное уложеніе“. Эта реформа коснулась главнымъ образомъ арендного договора, превративъ его въ своего рода крѣпостническое обязательство для крестьянъ. Законъ 1849 г., вопреки измѣнившимся экономическимъ условіямъ, устанавливаетъ барщину въ качествѣ арендного вознагражденія— т. е. крестьянамъ-арендаторамъ „разрѣшается“ взамѣнъ арендной платы отбывать натуральныя повинности, главнымъ образомъ работою на помѣщиковъ.

Тотъ же законъ проводитъ рѣз-

кую границу между крестьянской и помѣщичьей землей. Воспрещается отчужденіе крестьянскихъ земель въ пользу помѣщиковъ, но это воспрещеніе серьезнаго фактическаго значенія не имѣло, потому что подъ извѣстнымъ условіемъ—при отбываніи всѣхъ поземельныхъ и личныхъ, государственныхъ и общественныхъ повинностей — крестьянскую землю разрѣшалось пріобрѣтать и помѣщикамъ и бюргерамъ. При сохраненіи „арендной барщины“ это огражденіе крестьянскихъ земельныхъ интересовъ сводилось къ нулю. Всѣ болѣе или менѣе дѣйствительно серьезные и продуманные проекты улучшенія быта крестьянъ (напр., барона Фелькерзама) были провалены ландтагомъ. Сохранились въ полной силѣ и неприкосновенности существеннѣйшія феодальныя привилегіи дворянъ, и долго еще въ краѣ царила смѣшанная феодально - капиталистическая система. Предложенія замѣнить крѣпостнически-барщинную систему хозяйства системою денежной аренды, исходившія отъ наиболѣе передовыхъ помѣщиковъ, были рѣшительно отвергнуты громаднымъ большинствомъ ландтага.

Батраковъ законъ 1849 г. не коснулся. Его задачей было создать „консервативное сословіе мелкихъ землевладѣльцевъ“, но и этой своей задачи онъ не могъ достигнуть благодаря слишкомъ явному классовому противорѣчію между мелкими и крупными землевладѣльцами. Все же тенденція реформы въ этомъ направленіи была выдержана; законъ въ извѣстной степени оградилъ права крестьянъ-дворохозяевъ и создалъ возможность постепеннаго перехода отъ полукрѣпостнической аренды къ постоянному и наслѣдственному землепользованію. Были продлены сроки аренды (до 50 лѣтъ и больше), установлена наслѣдственная аренда, разрѣшено пріобрѣтать арендную землю и усадьбу въ собственность, а 300 дворохозяевамъ въ видѣ опыта проданы усадьбы на условіяхъ льготной разсрочки. Съ этою же цѣлью—облегченія крестьянамъ-дворохозяевамъ условій аренды и выкупа усадебной земли—были основаны въ томъ же 1849 г. первые крестьянскіе банки.

Съ 1849 г. было положено прочное начало латышскому крестьянскому (мелкому) землевладѣнію. И несмотря на сохранившіеся въ полной силѣ остатки крѣпостного права и нѣмецкаго, средневѣковаго феодализма новое теченіе успѣшно и быстро пролагало себѣ путь къ жизни, создавая новыя экономическія отношенія, новыя соціальныя условія.

Періодъ 50-хъ гг. характеризуется именно этою борьбою—иногда скрытою, глухою, иногда явною и очень страстною—мелкаго землевладѣнія съ крупнымъ, денежнаго хозяйства съ остатками натуральнаго. И кончилась эта борьба, какъ и слѣдовало ожидать, полною побѣдою капиталистическихъ отношеній надъ феодальными. Но завершилась она всего лишь въ началѣ XX ст., во время великой русской революціи.

Въ 40—50 годахъ латышскихъ крестьянъ сильно угнетала повинность, извѣстная подъ названіемъ закона о желѣзномъ инвентарѣ.

По истеченіи срока аренды дворохозяинъ-арендаторъ, уходя изъ арендуемой имъ усадьбы, обязанъ былъ

оставить въ ней для новаго арендатора извѣстную часть живого и мертваго инвентаря — это и былъ такъ называемый „желѣзный инвентарь“. Но онъ доставался далеко не всегда въ своемъ настоящемъ видѣ новому арендатору. По уходѣ арендатора помѣщикъ производилъ ревизію инвентаря, причемъ все лучшее изъ него отбиралъ себѣ, а для новаго арендатора оставлялъ кое-какія мелочи“. Общая стоимость этого желѣзнаго инвентаря въ 60-хъ годахъ достигала въ одномъ латышскомъ краѣ солидной суммы въ 18.000.000 рублей. Была еще масса другихъ „остатковъ“ крѣпостничества, которые сохранили силу до реформъ 1863—64 гг. Тяжелымъ бременемъ ложились они на крестьянское населеніе края, стѣсняя и ограничивая свободу его политическаго и экономическаго развитія. Однако всѣ эти преграды должны были пасть съ поступательнымъ ходомъ капитализма.

ГЛАВА X.

Университеты въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка.

(И. Н. Бороздина).

Изученіе судебъ высшаго образованія въ Россіи въ первое пятидесятилѣтіе XIX вѣка представляетъ большой культурно-историческій и общественный интересъ. Нигдѣ, можетъ быть, такъ ярко не сказались, такъ типично не отразились всѣ волнообразныя движенія правительственной политики, какъ на жизни и судьбахъ высшей школы. Періоды громко провозглашаемыхъ, но по большей части остававшихся въ теоріи, либеральныхъ начинаній смѣнялись періодами очень опредѣленной и открытой реакціи. И потому цѣлый рядъ отдѣльныхъ стадій этой эпохи ознаменованъ не столько заботами правительства о просвѣщеніи, сколько „борьбой съ просвѣщеніемъ“. Съ другой стороны, значительный интересъ представляютъ взаимоотношенія университетовъ и общества и роль первыхъ въ дѣлѣ пробужденія и развитія общественнаго сознанія.

Петровскія реформы, наиболѣе ярко опредѣлившія назрѣвшій переходъ отъ старозавѣтныхъ устоевъ къ новымъ жизненнымъ формамъ, коснулись и области народнаго образованія. Съ этого времени можно считать начало опредѣленной, измѣняющейся лишь въ формѣ правительственной политики по народному просвѣщенію; отличительными чертами ея являются практическій, утилитарный и дворянскій, классовый характеръ. Для новыхъ потребностей государству необходимы образованные слуги, чиновники; поэтому создается рядъ учебныхъ заведеній.

удовлетворяющихъ практическимъ потребностямъ момента. Ближайшей опорой правительственной власти является дворянство; необходимо, слѣдовательно, въ новыя школы привлечь дворянство и въ свою очередь школы приспособить въ интересахъ господствующаго класса. Въ первой половинѣ XVIII вѣка основывается прежде всего рядъ профессіональныхъ школъ: артиллерійскихъ, навигацкихъ, математическихъ и т. п. Очень ярко выразилась вторая тенденція правительственной политики въ созданіи (въ 1731 г.) строго-сословнаго сухопутнаго шляхетскаго кадетскаго корпуса. Но наряду съ энергичнымъ насажденіемъ разсадниковъ профессіональнаго образованія, правительство не лишено было мысли создать и высшія ученыя и учебныя учрежденія, преслѣдующія цѣли общаго образованія. Уже Петръ I мечталъ объ основаніи университета и велъ по этому поводу переписку съ Лейбницемъ и Вольфомъ. Но въ значительной степени планы эти отличались отвлеченнымъ, теоретическимъ характеромъ. Открытая въ 1725 году Академія Наукъ — высшее ученое установленіе имѣло своей задачей также приготовлять въ академическомъ „университетѣ“ молодыхъ русскихъ ученыхъ. Однако, общее равнодушіе, выразившееся въ почти полномъ отсутствіи слушателей, не дало развиться этому начинанію.

Въ 1755 году дѣлается новая попытка создать высшее учебное заведеніе; основывается Московскій университетъ. Выборъ Москвы обусловливался тѣмъ, что въ ней жило множество дворянъ, что эта столица находится въ серединѣ государства, что новое учрежденіе привлечетъ къ себѣ помѣщичьихъ дѣтей, получающихъ образованіе отъ невѣжественныхъ учителей и т. п. Для приготовленія въ университетъ учреждается гимназія съ двумя отдѣленіями — для дворянъ и для разночинцевъ (почти въ то же время аналогичная гимназія основывается въ Казани). Правительство всячески старалось привлечь дворянъ въ университетъ; въ награду за ученье учебные годы зачитывались въ службу, и по окончаніи курса студентъ получалъ оберъ-офицерскій чинъ. Но, несмотря на всѣ эти правительственныя мѣропріятія, дворянство оставалось весьма холоднымъ къ попыткамъ насажденія русскаго высшаго образованія. Въ царствованіе Екатерины II, когда на крѣпостныхъ основахъ пышно расцвѣтали либеральныя идеи и усиленно работала въ теоріи творческая мысль, народное образованіе подверглось довольно-существеннымъ реформамъ. Просвѣтительныя идеи Наказа, педагогическіе планы Бецкаго и т. п. завершились основаніемъ „комиссіи объ учрежденіи училищъ“ (1782) подъ предсѣдательствомъ будущаго перваго министра народнаго просвѣщенія Завадовскаго. Въ числѣ работъ этой комиссіи наше вниманіе займетъ составленный въ 1787 г. „планъ“ университетовъ. Екатерина задавалась цѣлью создать нѣсколько новыхъ университетовъ, и „планъ“ комиссіи является проектомъ устава университетовъ. Нельзя не отмѣтить, что этотъ проектъ, никогда не осуществленный, является однимъ изъ самыхъ либеральныхъ университетскихъ уставовъ. Свобода препода-

ванія признается основой ученой дѣятельности; „профессора не подвергаются принужденію ни въ разсужденіи правилъ науки, ни въ разсужденіи книгъ учебныхъ; свобода мыслей способствуетъ вообще знаніямъ, но при такой наукѣ, въ коей ежедневно являются новыя разрѣшенія и новыя открытія, нужна она особливо“. Очень характернымъ для фразеологіи Екатерининскаго времени является признаніе общедоступности („для всѣхъ любознательныхъ посѣтителей“), безъ различія состоянія,— академическаго образованія. Эта мысль выражена въ слѣдующихъ, нѣсколько высокопарныхъ выраженіяхъ: „Несвободные люди также должны имѣть право быть въ университетѣ; когда несвободные люди будутъ въ университетѣ учиться, какъ и прочіе студенты, то сила науки и ученые люди ни мало не будутъ унижаемы, такъ какъ цари и князи не унижаются тѣмъ, когда несвободные бываютъ съ ними вмѣстѣ въ храмахъ и слушаютъ слово Божіе; науки свободными называются для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобы сіе право предоставлять только людямъ свободнымъ“. Но этотъ проектъ, подобно большинству проектовъ эпохи Екатерины, остался только на бумагѣ въ качествѣ интереснаго историческаго документа. Впрочемъ, этотъ „планъ“ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на выработку уставовъ въ царствованіе Александра I.

Но прежде чѣмъ перейти къ этой эпохѣ, мы должны нѣсколько остановиться на слѣдующемъ вопросѣ. До сихъ поръ мы изучали правительственную дѣятельность въ области народнаго образованія; теперь интересно разсмотрѣть, какъ русское общество XVIII вѣка относилось къ новому просвѣщенію и поскольку, въ свою очередь, разсадники высшаго образованія вліяли на русское общество. Намъ уже приходилось отмѣчать, что общество первой половины XVIII вѣка относилось въ высокой степени инертно и пассивно ко всякимъ просвѣтительнымъ начинаніямъ; судьба академическаго „университета“ служитъ лучшей иллюстраціей къ этому положенію. Военныя заведенія или домашніе воспитатели, въ лучшемъ случаѣ, удовлетворяли образовательнымъ запросамъ дворянства. Во второй половинѣ вѣка положеніе мало измѣнилось; комедія Фонвизина имѣетъ очень реальныя основанія. Высшій классъ дворянства, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ западныхъ идей, стремился къ источникамъ просвѣщенія—въ западные университеты и проводилъ свои „Lehr-und Wanderjahre“ за границей. И потому положеніе Московскаго университета—разсадника высшаго образованія было далеко не блестящимъ; недостаточное число слушателей является показателемъ еще недостаточной развитости сознанія общества. Но все же и тогда Московскій университетъ выполнялъ свою высокую культурную и извѣстную общественную миссію. Достаточно указать на связь Дружескаго Общества и всей просвѣтительной дѣятельности Новикова съ Московскимъ университетомъ, на громадное идейное вліяніе предшественника Грановскаго — профессора Шварца и мн. др., чтобы признать вліяніе Московскаго университета на

передовое общество того времени. Не лишеннымъ значенія является и тотъ фактъ, что любопытный конституціонный проектъ, проектъ ограниченія верховной власти, принадлежалъ перу профессора Московскаго университета Десницкаго.

1.

Новое правленіе Александра I*) было до извѣстной степени реставраціей Екатерининской эпохи. Такая же торжественная и пышная либеральная фразеологія сверху, такіе же пропитанные гуманными и просвѣтительными началами Запада проекты, по большей части лишь провозглашенные, такое же несоотвѣтствіе выспреннихъ идеаловъ съ окружающей дѣйствительностью и такой же во вторую половину царствованія поворотъ къ открытой реакціи, къ уничтоженію всего, что знаменовало „дней Александровыхъ прекрасное начало“ **).

Но все же первые годы царствованія ознаменованы рядомъ существенныхъ реформъ въ центральномъ управленіи, и начинанія эти окрашены въ извѣстный либеральный колоритъ. Насъ интересуетъ прослѣдить, какъ эти новыя начинанія были примѣнены къ реформѣ и устройству дѣла народнаго просвѣщенія.

Прежде всего было организовано особое вѣдомство для руководства народнымъ образованіемъ — 8 сентября 1802 года учреждено министерство народнаго просвѣщенія. Съ учрежденіемъ министерства, во главѣ котораго сталъ Завадовскій, прежняя комиссія объ учрежденіи училищъ была переименована въ „главное училищъ правленіе“ и на это учрежденіе была возложена задача разработать планы общаго устройства учено-воспитательной части въ имперіи. Вся имперія была раздѣлена на шесть учебныхъ округовъ, подчиненныхъ особымъ попечителямъ, состоявшимъ въ то же время непремѣнными членами главнаго училищъ правленія. Попечители обязаны были ревизовать округа, но постоянно жить внѣ его предѣловъ, въ Петербургѣ, чтобы не стѣснять мѣстную академическую дѣятельность. Постоянными замѣстителями попечителя во главѣ учебнаго округа были университеты, которые являлись, такимъ образомъ, не только высшими учеными и учебными учрежденіями, но и учебно-административными органами. Вся новая система въ теоріи являлась очень стройной; четыре типа учебныхъ заведеній представляли собою пирамиду — училища приходскія, училища уѣздныя, гимназіи и университеты.

Правительство открыло рядъ новыхъ университетовъ; въ главномъ училищъ правленіи были разработаны основанія новыхъ университетскихъ уставовъ. Хотя уставы отдѣльныхъ университетовъ и разнились въ нѣкоторыхъ деталяхъ и частностяхъ, тѣмъ не менѣе можно говорить объ ихъ общихъ основахъ, можно отмѣтить ихъ отличительный

*) Правленіе его непосредственнаго предшественника въ исторіи просвѣщенія ничѣмъ положительнымъ не ознаменовано, кромѣ разрѣшенія прибалтійскому дворянству основать собственный университетъ въ Дерптѣ.

**) Теперь, когда стали доступны изслѣдователямъ протоколы негласнаго комитета и другіе документы, можетъ быть совершенно оставлена легенда объ опредѣленной систематической либеральной политикѣ молодого императора.

„духъ“ и главныя идеи. За основу при составленіи уставовъ были положены порядки западно-европейскихъ, по преимуществу германскихъ университетовъ, но кромѣ того приняты во вниманіе были особыя мнѣнія и замѣчанія спеціальныхъ экспертовъ и совѣтниковъ - графа д'Антрега, нѣмецкаго историка университетовъ Мейнерса, Брандеса и др. Разсмотримъ теперь въ общихъ чертахъ основныя положенія устава. Въ статьѣ, устанавляющей понятіе и задачу университета, онъ опредѣляется, какъ высшее учебное заведеніе, обязанное приготовлять юношество „для вступленія въ различныя званія государственной службы“. Наряду съ этими практическими цѣлями университету вмѣняется въ обязанность распространеніе знаній вообще и спеціальная научная дѣятельность преподавателей въ частности. Уставъ предписываетъ, чтобы ежемѣсячно были собранія совѣта чисто ученаго характера, „въ которыхъ профессора и почетные члены подъ предсѣдательствомъ ректора разсуждаютъ о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ, ректоромъ или кѣмъ изъ членовъ предложенныхъ“. При университетѣ должны быть основываемы научныя и литературныя общества, должны быть организуемы конкурсы, преміи и т. п. Университетъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ или отдѣленій, которые были представлены слѣдующимъ образомъ: 1) отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ, 2) отдѣленіе физическихъ и математическихъ наукъ, 3) отдѣленіе врачебныхъ или медицинскихъ наукъ и 4) отдѣленіе словесныхъ наукъ. Академическое сословіе составляютъ „преподающіе въ наукахъ наставленія ординарные и экстраординарные профессора, адъюнкты, магистры, студенты и учители языковъ, пріятныхъ искусствъ и гимнастическихъ упражненій“. Уставъ довольно подробно формулируетъ обязанности профессоровъ; они должны „преподавать курсы лучшимъ и понятнѣйшимъ образомъ и соединять теорію съ практикой во всѣхъ наукахъ, въ которыхъ сіе нужно“. Характерно, что при этомъ профессору вмѣнялось, „преподавая наставленія, пополнять курсы свои новыми открытіями, учиненными въ другихъ странахъ Европы“. Но уже въ этомъ уставѣ, уставѣ либеральномъ, свобода преподаванія основательно ограничена; свои лекціи профессора обязаны читать по точно опредѣленнымъ и одобреннымъ совѣтомъ пособіямъ (въ качествѣ таковаго пособія преподаватель могъ взять „книгу своего сочиненія или другого извѣстнаго ученаго мужа“). Профессора и адъюнкты избираются въ совѣтъ по рекомендаціи членовъ соотвѣтствующихъ отдѣленій; при этомъ въ уставѣ пояснено—„природные россіяне, нужныя знанія и качества имѣющіе, должны быть предпочтены чужестраннымъ“.

Переходя теперь къ административному строю университетовъ по новому уставу, мы должны отмѣтить слѣдующія основныя черты. Органами коллегіальнаго управленія являются—совѣтъ университета, собранія отдѣленій (факультетовъ) и правленіе. Совѣтъ, состоящій изъ профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ и избирающій изъ своей среды ректора, вѣдаетъ всѣ университетскія дѣла;

кромѣ того, ему принадлежитъ руководство училищными дѣлами учебнаго округа. По дѣламъ учебнымъ и судебнымъ совѣтъ является высшей инстанціей. Засѣданія совѣта бываютъ обычныя, экстренныя и чисто-ученыя (о послѣднихъ мы уже говорили). Факультетскія собранія вѣдаютъ дѣла своихъ отдѣленій,—дѣла, по преимуществу, учебнаго характера; окончательное утвержденіе принятыя факультетомъ постановленія получаютъ въ совѣтѣ.

Правленіе является исполнительнымъ органомъ совѣта и состоитъ изъ ректора, декановъ факультетовъ и особаго непремѣннаго засѣдателя, назначаемаго изъ среды ординарныхъ профессоровъ попечителемъ. Правленіе вѣдаетъ всю хозяйственную и отчетную часть; въ то же время оно является одной изъ судебныхъ инстанцій, и тогда въ его засѣданіи принимаетъ участіе особое выборное (изъ профессоровъ — юристовъ) лицо—синдикъ. Переходя къ организаціи университетскаго суда, нужно отмѣтить, что она была разработана очень обстоятельно, и судъ имѣлъ цѣлыхъ три инстанціи: ректоръ, правленіе и совѣтъ. Сфера вліянія университетскаго суда была довольно широка и касалась нѣкоторыхъ внѣуниверситетскихъ проступковъ членовъ профессорской коллегіи, студентовъ, университетскихъ чиновниковъ и служащихъ; вѣдѣнію университетскаго суда, напр., подлежали дѣла по раздѣлу наслѣдственнаго движимаго имущества и т. п. Въ дѣлахъ уголовныхъ сфера университетскаго суда ограничивалась лишь производствомъ дознанія; но въ подлежащемъ присутственномъ мѣстѣ при разборѣ дѣла допускался въ качествѣ депутата отъ университета синдикъ. Регламентація жизни студентовъ представлена въ самыхъ общихъ чертахъ; характерной особенностью этого устава является отсутствіе полицейской опеки, фискальнаго надзора. Наблюденіе за устройствомъ академической жизни возложено на совѣтъ: „студенты въ разсужденіи нравственности и поведенія сообразуются съ правилами благочинія, сочиненными университетскими совѣтами и на утвержденіе начальства взнесенными“. Инспекція надъ студентами является выборной; инспекторъ избирается изъ числа ординарныхъ профессоровъ, его помощники изъ числа магистровъ или кандидатовъ. Главнымъ представителемъ университета является ректоръ, избираемый на годъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ и утверждаемый высочайшей властью; ректоръ является предсѣдателемъ совѣта и другихъ собраній, онъ отвѣчаетъ за внутренній распорядокъ университета. Замѣстителемъ его является также выборный проректоръ. Въ такомъ видѣ представляется университетскій строй по уставу 1804 г. Въ заключеніе надо замѣтить, что на университетахъ еще лежала обязанность стоять во главѣ учебнаго округа и руководить всей образовательной частью въ его предѣлахъ; кромѣ того, на ихъ же обязанности была цензура книгъ и сочиненій.

Изъ этого общаго обзора содержанія новаго устава мы видимъ, что онъ въ теоріи былъ построенъ по западнымъ образцамъ и переносилъ къ намъ понятія германской академической жизни. Но въ сильномъ

противорѣчіи со всѣмъ самоуправляющимся строемъ стоитъ власть попечителя. Хотя много подчеркивалось то обстоятельство, что попечитель живетъ внѣ округа, не вмѣшивается во внутреннюю жизнь университета, не зависитъ отъ вліянія партій и самъ въ свою очередь не оказываетъ давленія, однако на практикѣ власть попечителя являлась очень сильной и существенной. Даже въ раннюю лучшую эпоху дѣйствія устава 1804 г. постоянно приходится считаться съ этимъ фактомъ.

Подвергая критическому анализу новый уставъ и вскрывая его историческія основы, мы увидимъ въ немъ очень опредѣленную правительственную тенденцію—тенденцію „государственнаго утилитаризма". Сколь много ни говорилось бы въ новомъ уставѣ о высокомъ научномъ и культурно-просвѣтительнномъ значеніи университетовъ, государству прежде всего и главнымъ образомъ были необходимы слуги — „чиновники". Исторіографъ Казанскаго университета проф. Загоскинъ, первые вышедшіе три тома обстоятельнаго труда котораго являются однимъ изъ основныхъ сочиненій по исторіи университетовъ Александровскаго времени, прекрасно замѣчаетъ по этому поводу: „Подготовленіе для государства чиновниковъ по „разнаго рода службамъ" — выступаетъ, такимъ образомъ, факторомъ первенствующаго значенія въ дѣлѣ зарожденія русскихъ университетовъ; да и сами профессора университетовъ представлялись въ глазахъ правительства не свободными представителями свободной науки, но чиновниками („чиновникъ по философіи", „чиновникъ по словесности", „чиновникъ по естественному праву"—обычныя выраженія добраго стараго времени для обозначенія представителей кафедръ), обязанными читать свои курсы въ строго опредѣленномъ направленіи и по строго опредѣленнымъ программамъ и руководствамъ". Пышныя, либеральныя разсужденія покрывали старыя и очень опредѣленныя тенденціи правительственной политики по народному образованію. Уставъ 1804 г. стоитъ, такимъ образомъ, въ прямой и непосредственной связи съ практической политикой XVIII вѣка и является въ свою очередь однимъ изъ промежуточныхъ звеньевъ въ общей исторіи русскаго народнаго просвѣщенія.

Мы видѣли, слѣдовательно, тѣ задачи, которыми руководилось правительство при созданіи университетовъ; теперь намъ интересно остановиться на отношеніи общества къ факту созданія новыхъ университетовъ, разсмотрѣть степень его пониманія насущныхъ потребностей высшаго образованія. Оставивъ въ сторонѣ Московскій университетъ, который уже имѣлъ свои традиціи, и основанные на окраинахъ университеты Дерптскій (стоявшій въ культурной преемственности съ латино-шведскими университетами) и Виленскій, мы остановимся на основаніи Харьковскаго и Казанскаго университетовъ *). При созданіи перваго изъ этихъ университетовъ невольно бросится въ глаза фактъ общественной иниціативы; лишь благодаря ей, благодаря крупнымъ де-

*) Петербургскій университетъ, преобразованный изъ Педагогическаго института, началъ функціонировать въ 1819 г.

нежнымъ пожертвованіямъ дворянства, Харьковъ, соперничавшій съ другими южными городами, получилъ университетъ. Но всякое апріорное заключеніе о сильно развитой общественности и высокомъ культурномъ уровнѣ мѣстной дворянско-помѣщичьей среды будетъ ошибочнымъ и опрометчивымъ. Конечно, отдѣльные высоко-интеллигентные люди, какъ В. Н. Каразинъ и др., вполнѣ ясно и сознательно шли къ опредѣленной цѣли, вполнѣ стояли на высотѣ пониманія задачъ высшаго образованія. Отнюдь нельзя сказать того же о дворянской массѣ. Подобно правительству, проводившему съ начала XVIII вѣка свою точку зрѣнія, дворянство оставалось вѣрнымъ старымъ традиціямъ и всему предпочитало военную карьеру, какъ наиболѣе „благородный“ родъ занятій. Харьковское дворянство прежде, чѣмъ просить университетъ, хлопотало объ открытіи кадетскаго корпуса. И лишь кипучая дѣятельность Каразина, его пламенныя рѣчи побудили дворянство ходатайствовать объ открытіи высшаго учебнаго заведенія. Характерно, что въ первоначальномъ проектѣ, выработанномъ Каразинымъ и одобренномъ дворянствомъ,—въ „Предначертаніи о Харьковскомъ Университетѣ“ предположено въ рядѣ другихъ девяти отдѣленій отдѣленіе *военныхъ познаній*. На торжественномъ открытіи университета профессоръ Беленъ де-Баллю произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь „О необходимости наукъ для всѣхъ государственныхъ званій и въ особенности военнаго“. Въ качествѣ уступки разочарованному дворянству, не получившему „военнаго факультета“, на отдѣленіи физическихъ и математическихъ наукъ была учреждена кафедра *военныхъ наукъ*. Но все же харьковское дворянство было культурнѣе другихъ и способствовало развитію просвѣщенія въ Слободской Украйнѣ. Совсѣмъ другая картина представляется намъ при основаніи Казанскаго университета. Главной причиной, побудившей правительство создать здѣсь разсадникъ высшаго образованія, было то обстоятельство, что въ Казани существовала гимназія, основанная еще при Елизаветѣ. По мнѣнію главнаго училищъ правленія, для университета являлась здѣсь подготовленная почва; но, какъ мы увидимъ дальше, это присоединеніе университета къ гимназіи пагубно отразилось на судьбахъ перваго и надолго помѣшало правильному функціонированію академической жизни. Казанское общество, въ громадномъ большинствѣ мало культурное и погруженное въ непробудную спячку, весьма пассивно отнеслось къ правительственному намѣренію открыть университетъ.

Однако и въ Казани нѣкоторая часть дворянской „интеллигенціи“ сочла долгомъ выразить свои пожеланія и подала соотвѣтствующее заявленіе въ главное училищъ правленіе. Документъ этотъ является типичнымъ образцомъ сословно-дворянскаго мышленія; прежде всего въ немъ говорилось: „Учрежденіе университетовъ должно наиболѣе клониться къ просвѣщенію юношей *дворянскаго сословія*, занимающаго важнѣйшія должности въ государствѣ“. Далѣе, какъ обычный лейтъ-мотивъ, выдвигается необходимость преподаванія военныхъ наукъ: „Въ

университетахъ необходимо преподаваніе наукъ: воинскихъ, чтобы отвратить издержки, соединенныя съ учрежденіемъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ военныхъ училищъ, а равнымъ образомъ и для того, чтобы отъ раздѣленія образованія на гражданское и военное не вкралось излишнее и вредное по своимъ дѣйствіямъ пристрастіе къ одной изъ государственныхъ службъ въ ущербъ другой". Въ послѣднемъ случаѣ звучитъ опасеніе, чтобы университетъ не отвлекалъ дворянство отъ его обязанностей „noblesse d'epée". Но этотъ актъ казанскаго дворянства, не подкрѣпленный никакой существенной помощью, мало повліялъ на планъ открытія университета, да и самъ по себѣ является лишь необходимой отпиской. Мы думаемъ, что этихъ двухъ краснорѣчивыхъ примѣровъ достаточно для характеристики отношенія дворянскаго общества къ факту открытія университетовъ.

И въ цѣломъ получается довольно оригинальная комбинація: правительство съ очень опредѣленной, узко утилитарной точки зрѣнія основываетъ университеты, но даетъ имъ либеральные уставы; дворянское общество пассивно относится къ насажденію высшихъ знаній, но всякій разъ считаетъ своимъ долгомъ подчеркнуть свои классовыя требованія и пожеланія; наконецъ, университеты—двигатели науки и просвѣщенія въ теоріи, автономные и независимые по уставу, не могутъ на практикѣ ни выполнять свои культурно-просвѣтительныя задачи, ни обезпечить свою свободу.

На двухъ послѣднихъ обстоятельствахъ мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе. Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ вопросъ, какъ, при какихъ условіяхъ и въ какой обстановкѣ начали функціонировать университеты. Здѣсь опять любопытно будетъ обратиться къ исторіи двухъ провинціальныхъ университетовъ—Харьковскаго и Казанскаго; на нихъ въ особенно чистомъ видѣ были произведены эксперименты.

Прошлое этихъ университетовъ прекрасно разработано, и труды проф. Багалѣя по исторіи Харьковскаго университета и упомянутый выше трудъ проф. Загоскина по исторіи Казанскаго университета даютъ возможность во всѣхъ деталяхъ воссоздать интересные культурные и общественные моменты изъ ранней исторіи нашего высшаго образованія. Нигдѣ такъ ярко не сказался конфликтъ идеаловъ съ дѣйствительностью, какъ на первоначальной организаціи и дѣятельности университетовъ. Правительство полагало, что, написавъ и подписавъ хорошую бумагу, оно сдѣлало уже все, а остальное, т. е. проведеніе въ жизнь предначертаній, не столь существенно. Только этимъ своеобразнымъ пониманіемъ правительственныхъ задачъ можно объяснить первоначальную судьбу Казанскаго университета. Получивъ уставъ и грамоту въ 1804 г., университетъ былъ открытъ въ буквальномъ смыслѣ лишь въ 1814 году. До этого времени университетъ являлся какимъ-то высшимъ классомъ мѣстной гимназіи и, въ сущности, былъ подчиненъ волѣ директора гимназіи. Всѣ великолѣпныя статьи устава объ автономіи, о главенствѣ

совѣта и т. п. оставались „втунѣ сокровенными“, и пока что университетъ управлялся самодержавнымъ директоромъ. Первый попечитель Казанскаго округа, нѣкогда извѣстный ученый Румовскій, былъ старъ и дряхлъ; мало вмѣшиваясь въ дѣла округа, онъ во всемъ довѣрялъ своему клеврету—директору Яковкину и не спѣшилъ съ введеніемъ полнаго дѣйствія устава. Нѣтъ ничего поучительнѣе, какъ читать переписку попечителя съ директоромъ; послѣдній, кромѣ цѣлаго ряда жалобъ и кляузъ, сообщаетъ своему начальнику грязныя и пикантныя сплетни про профессоровъ, особенно про враждебно къ нему настроенныхъ. И впавшій въ дѣтство попечитель въ отвѣтныхъ письмахъ не столь интересуется дѣломъ ввѣреннаго его попеченію округа, сколько дальнѣйшими перипетіями какой-нибудь скандальной исторіи. Яковкинъ, утѣшая своими рапортами начальника, самовластно распоряжался дѣлами университета. Приглашенные профессора, особенно иностранные ученые, видѣли нарушеніе не только автономіи, но и всякихъ элементарныхъ основъ ученой самодѣятельности. Университетскій совѣтъ ничего не могъ постановить вопреки мнѣнію директора; въ противномъ случаѣ ему грозило строгое внушеніе отъ попечителя. Профессора не только въ научно-общественной, но и въ личной жизни были подвергнуты строгому надзору и опекѣ. Особеннымъ непріятностямъ и придиркамъ подвергались тѣ, которые выражали протестъ противъ дѣйствій директора-временщика. Не лучше администрація была поставлена и научно-образовательная часть въ Казанскомъ университетѣ. Основаніе университета застало Казань врасплохъ, не было предварительной культурной и созидательной работы (какъ въ Харьковѣ); но попечитель и директоръ рѣшили, что все можно сдѣлать скорѣйшимъ и простѣйшимъ образомъ. Для занятія каѳедръ были приглашены иностранные ученые, а также въ ученыя званія были возведены нѣкоторые преподаватели гимназіи. Слушатели также были набраны изъ гимназіи; и вотъ домашними средствами былъ готовъ университетъ.

При всякомъ случаѣ директоръ старался блеснуть внѣшней стороной и устраивалъ пышные офиціальные торжества, акты и т. п. Преподаваніе въ ново-открытомъ университетѣ, въ виду неподготовленности слушателей и недостатка научныхъ силъ, велось самымъ элементарнымъ образомъ. Достаточно указать, что самъ директоръ, профессоръ русской исторіи, читалъ университетскій курсъ по изданному имъ для народныхъ училищъ руководству; и другіе курсы отличались въ большинствѣ случаевъ подобнымъ же общимъ характеромъ. Иностранные ученые старались исправить недостатки ученаго механизма, но всѣ ихъ усилія оставались тщетными. И едва Казанскій университетъ сталъ приходить въ норму послѣ настоящаго открытія въ 1814 году, какъ вскорѣ бурнымъ шкваломъ налетѣла эпоха ревизіи и попечительства Магницкаго, и еще не окрѣпнувшее высшее заведеніе было подвергнуто полному разгрому.

Когда мы перейдемъ къ разсмо-

трѣнію судебъ другого ново-открытаго провинціальнаго университета— Харьковскаго, то мы найдемъ нѣкоторыя существенныя черты различія. Энергичная дѣятельность Каразина и перваго попечителя округа—культурнаго и прогрессивнаго графа Потоцкаго способствовала тому, что Харьковскій университетъ сравнительно скоро былъ обставленъ научными силами и могъ начать правильно функціонировать. И здѣсь главнымъ контингентомъ учащихъ были иностранные ученые, приглашенные изъ Германіи и Франціи; многіе изъ нихъ пользовались заслуженной извѣстностью и опредѣленной репутаціей за границей. Нѣсколько хуже обстояло дѣло съ учащимися; недостаточность общаго образованія и малое знакомство съ языками мѣшали правильному слушанію лекцій. И подобно Казанскому собрату, Харьковскій университетъ вначалѣ насчитывалъ лишь нѣсколько десятковъ слушателей. Харьковскій университетъ былъ сразу открытъ по уставу, безъ всякихъ предварительныхъ уклоненій; и потому на его судьбахъ особенно ярко сказались противорѣчія между торжественными провозглашеніями и реальной дѣйствительностью. Съ самаго начала въ совѣтѣ начинаются раздоры между русскими и иностранными профессорами; послѣдніе, воспитанные на заграничныхъ университетскихъ порядкахъ, строго проводятъ принципы академической автономіи. Но, хотя университетскій совѣтъ и правильно функціонировалъ, однако его выступленія оканчивались совершенно непредусмотрѣннымъ либеральнымъ уставомъ образомъ. Такъ, при попыткѣ совѣта настоять на одномъ изъ принятыхъ совѣтомъ постановленій, неправильно кассированныхъ попечителемъ, протестовавшихъ профессоровъ велѣно было „призвать въ Харьковское губернское правленіе и сдѣлать имъ строжайшій выговоръ съ подтвержденіемъ, что ежели впредь окажутъ подобное непослушаніе, то будутъ преданы суду“. Таковы были результаты попытки осуществить на практикѣ начала университетской свободы. Иностранные ученые, занесенные въ полу-татарскую Казань и въ Харьковскія степи, тщетно надѣялись на проведеніе въ жизнь провозглашенныхъ основаній. И эти ограниченія профессорской самодѣятельности мы находимъ еще въ лучшую пору дѣйствія уставовъ, въ первую половину царствованія Александра I; въ дальнѣйшую же эпоху въ рѣзкой и уродливой формѣ выступила систематическая „борьба съ просвѣщеніемъ“.

Общество, какъ мы уже видѣли, въ большинствѣ равнодушно относилось къ университетамъ; дворянство желало устройства строго сословныхъ учрежденій съ особымъ цикломъ наукъ, другія общественныя состоянія еще не могли имѣть въ этомъ отношеніи большого значенія. Недостатокъ слушателей служитъ показателемъ этого отношенія; въ первые годы своего существованія Казанскій университетъ едва насчитывалъ нѣсколько десятковъ (40—50) слушателей; Харьковскій университетъ былъ открытъ въ составѣ 57 студентовъ, въ 1812 году это число возросло до 118. Больше всего слушателей насчитывалъ старый Московскій универси-

тетъ: съ 215 студентовъ въ 1811 г. цифра поднялась до 494 въ 1820 г. Въ особыхъ условіяхъ и въ особой обстановкѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ Запада дѣйствовали университеты— Дерптскій и Виленскій. По сословнымъ дѣленіямъ основнымъ контингентомъ слушателей въ русскихъ университетахъ были дѣти дворянъ, затѣмъ шли дѣти чиновниковъ, разночинцевъ, духовенства и иностранцевъ. Въ изучаемую эпоху университеты еще не могли имѣть сильнаго вліянія на общество, но все же научная проповѣдь съ высоты каѳедры оказывала свое воздѣйствіе. Многіе дѣятели получили образованіе въ этихъ первыхъ университетахъ; въ цѣляхъ большаго сближенія съ широкими слоями общества Московскій университетъ *) устраивалъ публичные курсы и лекціи. И дѣло шло впередъ, какъ наступила памятная въ исторіи русскаго просвѣщенія эра Магницкаго и Рунича.

2.

Извѣстный реакціонный поворотъ правительственной политики, ознаменовавшій вторую половину правленія Александра I, особенно ярко отразился въ области народнаго просвѣщенія. Подъ эгидой Священнаго союза былъ произведенъ полный разгромъ высшаго образованія въ Россіи.

Этотъ походъ на просвѣщеніе характеризуетъ цѣлую опредѣленную эпоху въ исторіи общественнаго развитія XIX вѣка.

Событія 1812 года, затѣмъ переходъ отъ пораженій къ торжественному шествію по всей Европѣ оказали сильное впечатлѣніе на психику Александра I. Онъ охотно сталъ считать себя орудіемъ Провидѣнія и нашелъ обоснованія своей новой миссіи въ готовыхъ мистическихъ и піэтическихъ ученіяхъ. Религіозная символика очень часто покрываетъ реакціонныя поползновенія; ученіе о служеніи Вышнему постоянно является основой владычества земного деспота. Но одному личному настроенію Александра нельзя придавать исключительнаго значенія; оно является лишь эпизодомъ на фонѣ большого общаго реакціоннаго движенія противъ идей Великой революціи. Національныя чувства, поднятыя иноземнымъ нашествіемъ, ловко превращены были въ *націоналистическія*; борьба съ французскими солдатами перешла въ борьбу съ *французскими идеями*. Передовая интеллигенція пыталась протестовать противъ такого положенія вещей, но силы ея были еще слабы. Послѣ 1815 года большинство европейскихъ государствъ погружается въ тяжелый, мрачный сонъ подъ бдительной опекой союза трехъ монарховъ „Божіею милостью"; пушки русской арміи всегда были готовы разнести всякія попытки освободительной борьбы... Естественно, что реакція не могла не коснуться области наукъ и просвѣщенія. Упорная и неумолимая борьба съ завоеваніями человѣческаго разума ведется на всемъ протяженіи этой эпохи; всѣ усилія направлены къ тому, чтобы вернуть науку къ ея

*) Культурная дѣятельность Московскаго университета начала широко развиваться со времени попечительства Муравьева, искренняго друга и поборника просвѣщенія.

средневѣковому положенію „служанки богословія“. Уже изъ соотвѣтствующихъ строкъ акта основанія Священнаго союза можно извлечь главныя тенденціи, легшія въ основу новой „просвѣтительной“ политики: „. . . . въ отношеніи же къ подданнымъ и къ войскамъ своимъ они (т. е. три монарха), какъ отцы семействъ, будутъ управлять въ томъ же духѣ братства... исповѣдуя, что Самодержецъ народа христіанскаго есть тотъ, кому собственно принадлежитъ держава (т. е. Спаситель), поелику въ Немъ единомъ обрѣтаются сокровища любви, вѣдѣнія и премудрость безконечная“. Такимъ образомъ, является девизъ—все въ религіи и все черезъ религію. Наступившая реакція вызвала горячій отпоръ въ студенческихъ кружкахъ Германіи. На торжественномъ праздновапіи трехсотлѣтія реформаціи въ Вартбургѣ (1817 г.) студенчество устроило грандіозную демонстрацію и подвергло ауто да фе творенія ненавистныхъ реакціонныхъ писателей. Вскорѣ за этимъ писатель Копебу, котораго молва считала агентомъ русскаго правительства, палъ подъ ударомъ кинжала революціоннаго романтика, студента Карла Занда. Убійство это произвело громадное впечатлѣніе въ Германіи (въ Россіи оно ярко выразилось въ стихотвореніи Пушкина „Кинжалъ“); историкъ Трейчке по этому поводу замѣчаетъ: „Даже зрѣлые мужи сравнивали убійцу съ Теллемъ, Брутомъ, Сцеволой“.

Не менѣе сильное впечатлѣніе эти событія произвели и на заправилъ реакціи, которыя стали принимать соотвѣтствующія мѣры. Въ 1819 году на съѣздѣ делегатовъ нѣмецкихъ государствъ были приняты извѣстныя Карлсбадскія постановленія, согласно которымъ университеты подвергались строгому надзору и опекѣ, устанавливалась цензура надъ всѣми сочиненіями и, наконецъ, большинство прогрессивныхъ профессоровъ было уволено. Одновременно съ этимъ разгромомъ западно-европейскихъ университетовъ, былъ объявленъ походъ противъ высшаго образованія и въ Россіи.

Русскіе университеты были построены по образцу германскихъ; теперь, когда послѣдніе стали подвергаться преслѣдованіямъ за неблагонадежность, надо было и въ русскихъ университетахъ энергично искоренить крамолу. Въ донесеніи Александру русскій агентъ Стурдза, говоря о современномъ положеніи Германіи, замѣчаетъ, что „университеты вмѣсто того, чтобы строить ковчегъ христіанскаго государства, являются разсадникомъ революціоннаго духа и безбожія“. Еще болѣе образная характеристика вышла изъ-подъ пера Магницкаго: „Самъ князь тьмы, видно, подступилъ къ намъ; рѣдѣетъ завѣса, его закрывающая и, вѣроятно, скоро уже расторжется... Слово человѣческое—есть проводникъ сей адской силы, книгопечатаніе — орудіе его; профессоры безбожныхъ университетовъ передаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству, а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ“. Отсюда вытекала прежде всего задача изолировать русскіе университеты отъ „тлетворнаго“ западнаго вліянія. Еще ранѣе, уже въ 1815 году, подъ вліяніемъ пробудившагося на-

ціонализма появилось министерское распоряженіе, чтобы университетскія каѳедры занимали „одни только россіяне, но отнюдь не иностранцы“. Къ 1816 году относится громкій эпизодъ съ изгнаніемъ извѣстнаго ученаго, харьковскаго профессора Шада, обвиненнаго въ приверженности къ новѣйшей нѣмецкой философіи, въ частности за пропаганду идей Шеллинга. Въ 20-хъ годахъ стремленіе изолировать университеты отъ нѣмецкаго вліянія выразилось въ рядѣ мѣръ, препятствующихъ обученію остзейскаго юношества въ нѣмецкихъ университетахъ.

Особенно ярко опредѣляется реакціонный періодъ съ назначеніемъ министромъ народнаго просвѣщенія близкаго друга императора, президента Библейскаго Общества князя А. Н. Голицына. Чрезвычайно характерно, что уже вскорѣ министерство народнаго просвѣщенія было преобразовано въ „министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“. Высочайшій манифестъ такъ формулировалъ необходимость этой реформы: „Желая, дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія, признали мы нужнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія подъ названіемъ министерства духовныхъ дѣлъ“. Проведеніе основъ „христіанскаго благочестія“ было возложено на министра и подчиненное ему главное училищъ правленіе, гдѣ скоро главную роль сталъ играть Магницкій. Положеніе высшаго образованія стало тяжкимъ; былъ поднятъ вопросъ объ окончательномъ упраздненіи университетскаго образованія. Въ одномъ письмѣ попечителя Казанскаго округа Салтыкова, замѣнившаго Румовскаго, мы читаемъ слѣдующія любопытныя строки: „Болѣе, нежели вѣроятно, что за исключеніемъ Московскаго всѣ остальные наши университеты будутъ упразднены; вопросъ о закрытіи университетовъ Казанскаго и Харьковскаго уже поставлены на очередь“. Но до этихъ предѣловъ реакція не дошла; въ ближайшемъ же наступила, пророчески предсказанная тѣмъ же Салтыковымъ „эра проскрипцій Марія и Суллы“.

Наиболѣе краснорѣчивыми фактами этого періода является разгромъ сначала Казанскаго, а затѣмъ и новооткрытаго Петербургскаго университетовъ; событія эти тѣсно связаны съ именами Магницкаго и Рунича. Безпринципный, беззастѣнчивый карьеристъ, человѣкъ, не останавливающійся ни передъ чѣмъ для достиженія своей цѣли, Магницкій явился яркимъ воплощеніемъ и проводникомъ новыхъ священно-охранительныхъ началъ. Бывшій ранѣе сотрудникомъ Сперанскаго, Магницкій быстро сдѣлался „убѣжденнымъ“ піэтистомъ, религіознымъ ханжой перваго разряда и за то возвеличенъ былъ по заслугамъ. Назначенный въ 1819 году членомъ главнаго училищъ правленія Магницкій въ томъ же году былъ посланъ по высочайшему повелѣнію ревизовать Казанскій университетъ. Эта знаменитая ревизія и положила начало его „блестящей“ карьерѣ по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Результатомъ ревизіи явилось обширное донесеніе, въ которомъ Магницкій, вполнѣ выка-

завшій свои способности сыщика, въ самыхъ черныхъ краскахъ рисуетъ современное состояніе университета. Весь этотъ документъ является своего рода перломъ изувѣрства и религіознаго мракобѣсія той эпохи; онъ заканчивается классическимъ выводомъ о необходимости уничтоженія университета. При этомъ Магницкій указываетъ, что уничтоженіе можетъ быть двухъ родовъ: въ видѣ пріостановленія университета или въ видѣ публичнаго его разрушенія. Самъ авторъ донесенія стоитъ за послѣднее средство и подкрѣпляетъ свое положеніе слѣдующимъ соображеніемъ: „Актъ объ уничтоженіи Казанскаго университета тѣмъ естественнѣе покажется нынѣ, что, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ правительства обратятъ особенное вниманіе на общую систему ихъ учебнаго просвѣщенія, которое, сбросивъ скромное покрывало философіи—стоитъ уже посреди Европы съ поднятымъ кинжаломъ". Но этотъ энергичный планъ, напоминающій въ общихъ чертахъ реформаторскія предположенія полковника Скалозуба, встрѣтилъ противодѣйствіе въ главномъ училищъ правленіи; здѣсь крайнюю лѣвую представлялъ петербургскій попечитель, будущій министръ Николаевской эпохи — Уваровъ.

Вмѣсто „публичнаго разрушенія" было рѣшено произвести въ университетѣ коренныя реформы; и проведеніе новыхъ началъ было возложено на назначеннаго попечителемъ Казанскаго округа Магницкаго. Теперь для его дѣятельности открылось широкое поле, и несчастному университету пришлось подвергнуться цѣлому ряду всевозможнѣйшихъ экспериментовъ. Трудно въ краткомъ очеркѣ представить всю разнообразную дѣятельность, направленную къ разрушенію всѣхъ основныхъ понятій научнаго и культурнаго учрежденія; каждое новое начинаніе, каждое распоряженіе попечителя наносили удары академическому строю. Мы приведемъ изъ этого мартиролога Казанскаго университета лишь нѣсколько наиболѣе типичныхъ фактовъ. Прежде всего автономія университета подверглась рѣзкому и существенному ограниченію. Избраніе ректора было замѣнено назначеніемъ; но мало того, была еще создана новая и стоящая въ извѣстномъ отношеніи выше компетенціи ректора власть директора университета. Должность эта не значилась въ уставѣ 1804 года и вызвана была „новыми" условіями, въ частности желаніемъ Магницкаго имѣть своего клеврета, свои „очи и уши". „Директоръ университета, — говорится въ инструкціи, — есть довѣренный гражданскій чиновникъ, которому правительство поручаетъ хозяйственное и полицейское управленіе университета, въ качествѣ предсѣдателя правленія и лично важную часть нравственнаго образованія воспитанниковъ". Въ дополненіе къ этому появился „назначенный" инспекторъ студентовъ. Произведя ломку въ административномъ строѣ университета, Магницкій составляетъ инструкціи директору и ректору университета, гдѣ въ различныхъ формахъ высказываетъ свои основныя мысли и требованія. Въ первой инструкціи мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Цѣль правительства въ образованіи студентовъ состоитъ въ воспитаніи вѣрныхъ сыновъ православной церкви, вѣрныхъ

подданныхъ государю, добрыхъ и полезныхъ гражданъ отечеству... Душа воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть покорность. Посему послушаніе есть важнѣйшая добродѣтель юности; въ молодости только, упражненіемъ покорности, получаетъ воля ту мягкость, которая на всю жизнь остается и для благосостоянія общества столь необходима". Инструкція ректору представляетъ еще большій интересъ; здѣсь кромѣ общихъ директивъ даются планы веденія университетскаго преподаванія по кафедрамъ. Представителю кафедры политическихъ наукъ даются слѣдующія указанія: „Благоразумное преподаваніе политическаго права покажетъ, что правленіе монархическое есть древнѣйшее и установлено самимъ Богомъ; что священная власть монарховъ, въ законномъ наслѣдіи и въ тѣхъ предѣлахъ, кои возрасту и духу каждаго народа свойственны—нисходитъ отъ Бога, и законодательство, въ семъ порядкѣ установляемое—есть выраженіе воли Всевышняго". На математическомъ отдѣленіи „профессоръ теоретической и опытной физики обязанъ во все продолженіе курса своего указывать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ чувствъ и орудій для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ". На врачебномъ отдѣленіи (медицинскомъ факультетѣ) „профессора сего факультета должны принять всѣ возможныя мѣры, дабы отвратить то ослѣпленіе, которому многіе изъ знатнѣйшихъ медиковъ подверглись отъ удивленія превосходству органовъ и законовъ животнаго тѣла нашего, впадая въ гибельный матеріализмъ именно отъ того, что наиболѣе премудрость Творца открываетъ". Приведемъ еще инструкцію представителю кафедры русской исторіи: „Профессоръ исторіи россійской преподастъ ее во всей нужной подробности. Онъ покажетъ, что отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упредило многія современныя государства и докажетъ сіе распоряженіями по части учебной и духовной Владимира Мономаха, показавъ въ то же время положенія другихъ европейскихъ государствъ въ семъ отношеніи. Онъ распространится о славѣ, которою отечество наше обязано августѣйшему дому Романовыхъ такъ, какъ и о добродѣтеляхъ и патріотизмѣ его родоначальника".

Въ заключеніи инструкціи Магницкій выражаетъ убѣжденіе, что реформированный Казанскій университетъ „пріобрѣтетъ отличное покровительство правительства, благодарность общества, уваженіе иноземныхъ народовъ и славу въ исторіи". Для приведенія въ исполненіе поставленныхъ задачъ необходимо было: 1) разогнать большинство профессоровъ и замѣнить ихъ угодливыми исполнителями „новой науки" и 2) ввести самую строгую опеку и бдительный надзоръ за учащимися. Вскорѣ университетъ принялъ видъ мрачнаго монастыря, а студенты —видъ послушниковъ, отбывающихъ свое служеніе. Находясь подъ неусыпнымъ попеченіемъ директора, они должны были оказывать „покорность и строжайшее чинопочитаніе". Провинившійся назывался „грѣшникомъ" и заключался въ карцеръ, носящій названіе „комната уединенія". Здѣсь грѣшникъ долженъ былъ размышлять о содѣян-

номъ проступкѣ, а товарищи его каждое утро передъ лекціями должны были молиться о спасеніи его души.

Большинство профессоровъ было уволено Магницкимъ, но на ихъ опустѣвшія мѣста нашлось мало охотниковъ. Поэтому приходилось замѣщать кафедры людьми, часто совершенно невѣжественными, но зато вполнѣ пропитанными новыми религіозно-реакціонными идеями. Надо отмѣтить, что, какъ вновь назначенные, такъ и нѣкоторые оставшіеся старые профессора перешли всѣ границы въ угодничествѣ и раболѣпному поклоненію всесильному попечителю. Каждую его мысль, каждое новое предписаніе они съ великой ревностью проводили въ жизнь, стараясь съ своей стороны выказать и свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Магницкій энергично вмѣшивался въ университетское преподаваніе и очень властно распоряжался судьбами отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ.

Такъ, онъ замѣнилъ изученіе римскаго права правомъ византійскимъ, ввелъ преподаваніе западныхъ конституцій (съ цѣлью доказывать превосходство самодержавной власти) и, наконецъ, открылъ цѣлый походъ противъ ученій естественнаго права. Научное преподаваніе было подвергнуто самой тщательной опекѣ; кульминаціоннымъ пунктомъ въ этомъ направленіи было распоряженіе о представленіи на утвержденіе конспектовъ курсовъ. Ревность профессоровъ—неофитовъ „новаго благочестія" вполнѣ соотвѣтствовала этимъ начинаніямъ.

Профессоръ краснорѣчія Городчаниновъ въ своей актовой рѣчи утверждалъ, что Гомеръ въ своихъ поэмахъ явился лишь робкимъ подражателемъ Моисея. Профессоръ математики, объясняя высшее значеніе своего предмета, такъ опредѣлялъ гипотенузу: „Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, чрезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ". Кромѣ обычнаго лѣтоисчисленія, Казанскій университетъ велъ особый счетъ отъ преобразованія университета; и подобно культу императоровъ въ Римѣ былъ созданъ цѣлый культъ Магницкаго въ Казани. На торжественномъ актѣ ректоръ заканчивалъ рѣчь слѣдующимъ славословіемъ: „Подъ защитою высокаго въ чувствованіяхъ и христіанскихъ доблестяхъ, одареннаго духомъ и силою необыкновенными, господина попечителя нашего Михаила Леонтьевича Магницкаго — начнемъ новый курсъ бытія нашего въ единеніи духа, да Духъ Господенъ, духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ страха Божія пребудетъ со всѣми нами". Приведеннаго достаточно, чтобы представилась вполнѣ ясная картина состоянія Казанскаго университета подъ „новой эрой". Университетъ потерялъ свое научное и культурное значеніе, лишился всѣхъ своихъ правъ и привилегій; на его мѣсто было создано какое-то полу-духовное, полу-свѣтское училище съ цѣлымъ рядомъ обрядовъ и церемоній, съ особымъ цикломъ наукъ и съ особой научной системой. Естественно, что эта пародія на высшее учебное заведеніе могла вла-

чить только самое жалкое существованіе, и ревизія генерала Желтухина (1826 г.) опредѣленно вскрыла всю глубину паденія университета за время управленія Магницкаго.

Въ то время, какъ Магницкій производилъ свои эксперименты надъ Казанскимъ университетомъ, его ближайшій соратникъ и соумышленникъ Руничъ старался сдѣлать то же съ Петербургскимъ. Этотъ университетъ, преобразованный изъ ранѣе функціонировавшаго главнаго Педагогическаго института, началъ дѣйствовать лишь съ 1819 года.

Ново-открытый университетъ получилъ свой уставъ, уже нѣсколько отличающійся отъ обычнаго типа уставовъ 1804 года; вліянія эпохи наложили на него свой отпечатокъ. Но все же подъ эгидой либеральнаго, по тому времени, попечителя Уварова, онъ смогъ правильно начать свою дѣятельность. Въ числѣ своихъ преподавателей университетъ насчитывалъ видныхъ научныхъ дѣятелей того времени: Галича, Арсеньева, Куницына и др. Но недолго продолжалась нормальная жизнь университета...

Большинство главнаго училищъ правленія съ неодобреніемъ смотрѣло на дѣятельность Петербургскаго университета; его восхищали реформы Магницкаго, которыя было предположено примѣнить ко всѣмъ другимъ университетамъ. Главная роль въ походѣ противъ ново-открытаго университета принадлежала, какъ мы уже указывали, Руничу. Еще въ 1820 году онъ поднялъ громкое дѣло о книгѣ профессора Куницына „Право естественное", которую онъ обвинялъ въ „святотатственномъ нападеніи на божественность Св. Откровенія, тѣмъ болѣе опасномъ, что оно покрыто широкимъ плащомъ философіи". Въ результатѣ, инкриминируемая книга была изъята изъ обращенія, а самъ профессоръ уволенъ изъ университета. Въ слѣдующемъ году Руничъ былъ назначенъ попечителемъ округа и сталъ энергично проводить свою разрушительную программу. Прежде всего къ Петербургскому университету были примѣнены извѣстныя инструкціи директору и ректору Казанскаго Университета; это должно было служить основой. Самымъ характернымъ эпизодомъ эпохи владычества Рунича явилось дѣло четырехъ профессоровъ—Германа, Арсеньева, Раупаха и Галича. По вступленіи въ отправленіе своихъ обязанностей Руничъ (въ 1821 г.) возбудилъ преслѣдованіе противъ этихъ профессоровъ, обвинивъ ихъ въ томъ, что „философскія и историческія науки преподаются въ университетѣ въ духѣ, противномъ христіанству, и въ умахъ студентовъ вкореняются идеи разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія".

Въ подтвержденіе своихъ положеній Руничъ представилъ въ правленіе выписки изъ тетрадей, отобранныхъ у студентовъ, записывавшихъ лекціи. „Главное училищъ правленіе,—сказано въ протоколѣ,—съ содроганіемъ и крайнимъ изумленіемъ увидѣло, что въ лекціяхъ отвергается достовѣрность Священнаго Писанія и находятся дерзкія хулы на распоряженія правительства..." Рѣшено было предать профессоровъ суду, и судъ этотъ прошелъ цѣлыхъ четыре инстанціи—конференцію университета,

главное училищъ правленіе, комитетъ министровъ и, наконецъ, въ 1826 году было прекращено по высочайшему повелѣнію. Академикъ Сухомлиновъ въ своей работѣ „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I" опубликовалъ чрезвычайно любопытные документы этого дѣла—инкриминируемыя выписки изъ тетрадей, опросные пункты, протоколы и т. п.; для исторіи судебъ русскаго просвѣщенія эти матеріалы представляютъ высокій интересъ.

Другихъ университетовъ реакція коснулась въ значительно меньшей степени. Старѣйшій разсадникъ высшаго образованія, Московскій университетъ почти совсѣмъ не былъ задѣтъ бурей, и наоборотъ, цифровыя данныя указываютъ на расширеніе его научно-образовательной дѣятельности (съ 605 человѣкъ въ 1821 году число студентовъ возросло до 876 въ 1825 г.).

Въ Харьковскомъ университетѣ, кромѣ относящагося къ болѣе ранней порѣ и уже отмѣченнаго эпизода съ изгнаніемъ профессора Шада, надо указать на серьезное ограниченіе автономнаго права, а именно, на замѣну, по представленію попечителя округа, ректора по избранію ректоромъ по назначенію. Въ Дерптѣ попечитель Ливенъ, убѣжденный піэтистъ удалилъ четырехъ профессоровъ богословскаго факультета, обвиненныхъ въ проповѣди раціонализма.

Нѣсколько особнякомъ стоитъ Виленскій университетъ. Возникшій для обслуживанія мѣстныхъ интересовъ, университетъ, связаный традиціями извѣстнаго культурнаго прошлаго, сначала пользовался полной свободой, но въ 20-хъ годахъ, въ связи съ общей перемѣной правительственной политики, надъ нимъ былъ учиненъ надзоръ. Политическія движенія въ западно-европейскихъ странахъ не могли не оказать вліянія на отзывчивую польскую молодежь, и вотъ образуется рядъ тайныхъ обществъ и кружковъ, занимающихся пропагандой революціонныхъ идей. Пропаганда эта носила патріотическій и національный характеръ; во главѣ ставилось требованіе отдѣленія Привислинскаго края отъ Россіи и возстановленія самостоятельной Польши. Правительство обратило вниманіе на эту дѣятельность, и въ 1823 г. была назначена ревизія университета. Правительственный комиссаръ Новосильцевъ представилъ докладъ, въ которомъ заявилъ: „Однимъ словомъ, вся система ученія имѣла только то въ предметѣ, чтобы внѣдрить въ юношество республиканскія правила и питать въ немъ надежду на возстановленіе прежней Польши". Результатомъ этого разслѣдованія явилась отставка попечителя—извѣстнаго патріота князя Чарторыйскаго и извѣстныя ограниченія устава.

Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы судить, какъ реагировала учащаяся молодежь въ русскихъ университетахъ на окружающія событія; нѣтъ никакихъ извѣстій объ организаціи политическихъ кружковъ и обществъ, нѣтъ указанія на принадлежность къ большимъ тайнымъ обществамъ, подготовившимъ декабрьское возстаніе. Поэтому приходится пока оставить безъ отвѣта вопросъ объ опредѣленной общественно-политической

роли университетовъ въ эпоху реакціи. Несомнѣнно, не подвергшіеся разгрому университеты выполняли свою культурно-образовательную миссію и воспитывали на извѣстныхъ общественныхъ началахъ; но этими общими замѣчаніями приходится въ настоящее время ограничиться.

Таковы, въ самихъ общихъ чертахъ, основные моменты исторіи русскихъ университетовъ во вторую половину правленія Александра I. „Новый курсъ“ былъ въ свою очередь обвиненъ въ приверженности къ западнымъ теоріямъ, и въ 1824 году піэтиста Голицына замѣнилъ адмиралъ Шишковъ, представитель и поборникъ старо-русскихъ устоевъ. Но дѣятельность его въ значительной степени относится уже къ новому царствованію.

3.

Правленіе Николая I знаменуетъ очень опредѣленный періодъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Въ эту эпоху ярко выясняется и формально укрѣпляется узко утилитарный и дворянско-классовый характеръ правительственной политики по народному образованію; несомнѣнно, онъ стоитъ въ исторической преемственности съ общими начинаніями всей предшествующей политики, но въ данный періодъ находитъ особенно характерное выраженіе. Причемъ въ то время, какъ въ непосредственно предшествующее царствованіе особенно подчеркивалась утилитарно практическая сторона правительственныхъ начинаній, въ правленіе Николая I цѣлый рядъ мѣропріятій носитъ отпечатокъ узкой дворянско-классовой политики. Всѣ понятія объ ученомъ значеніи университетовъ замѣняются „идеальнымъ“ представленіемъ объ университетахъ —школахъ для практическаго воспитанія дворянъ. Въ такомъ видѣ представляется „духъ“ правительственной дѣятельности по народному и, въ частности, по высшему образованію. Но совсѣмъ другую, по сравненію съ прошлымъ, картину представляетъ отношеніе общества къ университету—общества, сознавшаго громадную культурную силу и великое общественное вліяніе высшихъ учебныхъ заведеній. Университеты, несмотря на правительственныя препятствія, становятся во главѣ русской интеллигенціи, и ихъ выдающіеся ученые представители являются въ то же время выразителями и глашатаями прогрессивныхъ идей времени. Такимъ образомъ, изученіе судебъ университетовъ въ Николаевскую эпоху открываетъ интереснѣйшія страницы изъ исторіи нашего прошлаго.

Въ самомъ началѣ новаго царствованія сразу были выдвинуты на первый планъ цѣли политическаго воспитанія общества. Въ манифестѣ, объявляющемъ приговоръ надъ декабристами, читаемъ: „не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ,— недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, и наконецъ—погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ приуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ“. Въ

Гр. А. А. Аракчеевъ.

цѣломъ рядѣ особо учрежденныхъ совѣщаній и комитетовъ стали разрабатываться вопросы коренной реформы различныхъ отраслей народнаго образованія. Въ спеціальномъ комитетѣ подготовлялся проектъ новаго общаго устава университетовъ; работа была закончена въ 1832 году, но проектъ не получилъ утвержденія, и при новомъ министрѣ Уваровѣ подвергся коренному пересмотру. Лишь въ 1835 году появился общій уставъ россійскихъ университетовъ. Но прежде чѣмъ перейти къ этому основному факту правительственной дѣятельности, мы остановимся на предварительныхъ мѣропріятіяхъ по университетскому вопросу.

Съ удаленіемъ Магницкаго и Рунича были отмѣнены нѣкоторыя чрезвычайныя мѣры; такъ, уничтожена была пресловутая должность директора въ Петербургскомъ и Казанскомъ университетахъ. Но въ то же время автономія потерпѣла рядъ ограниченій. Въ Виленскомъ университетѣ повелѣно было ректора назначать отъ правительства. Въ 1826 году попечителю Харьковскаго округа разрѣшено приглашать, по своему усмотрѣнію, и опредѣлять въ университетъ профессоровъ и адъюнктовъ. Академическая дѣятельность профессоровъ подвергалась самому бдительному надзору; они обязуются представлять на утвержденіе попечителя подробные конспекты своихъ курсовъ. Въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій правительство старается изолировать молодежь отъ вредныхъ политическихъ вліяній. Къ этому разряду относится ограниченіе доступа въ университетъ лицъ низшихъ классовъ, ограниченіе непосредственнаго общенія съ Западомъ и мѣры полицейскаго надзора. Рескриптъ 1827 г. гласитъ, что въ университеты и гимназіи разрѣшается принимать лишь людей свободныхъ состояній. Указъ сенату (1831 г.) ставитъ преграды полученію образованія въ заграничныхъ университетахъ и предписываетъ воспитывать юношество въ возрастѣ 10—18 лѣтъ непремѣнно въ Россіи. Постепенно подготовляется отмѣна извѣстнаго привилегированнаго положенія студенчества, подчиненнаго въ судебно-административномъ отношеніи академическому начальству. Въ 1827 году на докладѣ о подчиненіи своекоштныхъ студентовъ Московскаго университета надзору городской полиціи императоръ далъ резолюцію: „На подчиненіе присмотру городской полиціи тѣмъ болѣе я согласенъ, что иначе и быть не должно“. Наряду съ этимъ принимается рядъ мѣръ къ установленію строгой дисциплины и надзора за студентами.

Изъ положительныхъ начинаній того времени необходимо упомянуть о заботахъ создать контингентъ ученыхъ преподавателей. Здѣсь выпала видная роль Дерптскому университету, который явился спеціальной школой молодыхъ ученыхъ. „Аѳины на Эмбахѣ“ въ этотъ періодъ являлись истиннымъ культурнымъ и научнымъ центромъ, не уступавшимъ во многомъ и западно-европейскимъ университетамъ. Послѣ предварительнаго обсужденія въ комитетѣ было рѣшено (въ 1827 г.) 20 лучшихъ студентовъ отправить сначала на два года въ Дерптъ, а затѣмъ также на два года въ Берлинъ или Парижъ подъ наблюденіемъ особаго

начальника. Николай I утвердилъ это представленіе, снабдивъ его резолюціей: „Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы непремѣнно всѣ были природные русскіе“. Каждый университетъ долженъ былъ выбирать достойнѣйшихъ питомцевъ и отправлять ихъ для усовершенствованія въ особый „профессорскій институтъ“ при Дерптскомъ университетѣ. Институтъ этотъ, выпустившій рядъ выдающихся ученыхъ дѣятелей, просуществовалъ до 1838 года.

Въ то время, какъ Дерптскій университетъ процвѣталъ, университетъ Виленскій, уже давно заподозрѣнный въ крамолѣ, былъ послѣ польскаго возстанія окончательно закрытъ. Таковы главнѣйшія правительственныя мѣропріятія до введенія новаго общаго устава.

Ученый комитетъ, какъ мы указывали выше, съ середины 20-хъ годовъ былъ занятъ разработкой проекта университетскаго устава, но лишь въ министерствѣ Уварова были формулированы и введены въ дѣйствіе новыя установленія. Новый уставъ тѣсно связанъ съ той реформой системы народнаго образованія, которая соединена съ именемъ Уварова. И чтобы исторически изучить основы университетскаго устава, необходимо познакомиться съ общимъ направленіемъ, съ руководящими идеями дѣятельности министра народнаго просвѣщенія.

Въ эпоху Магницкаго и Рунича Уваровъ являлся своего рода либераломъ и даже „идейно“ вышелъ въ отставку, когда былъ открытъ походъ противъ Петербургскаго университета. Но въ царствованіе Николая Уваровъ явился яркимъ выразителемъ и вдохновителемъ опредѣленной правительственной политики по народному просвѣщенію. Его классическая формула—„самодержавіе, православіе и народность“ служитъ извѣстнымъ философскимъ обоснованіемъ новыхъ началъ, провозглашенныхъ еще манифестомъ 1826 года. Задача, поставленная министромъ, опредѣлялась такъ: „Посреди быстраго паденія религіозныхъ и гражданскихъ учрежденій въ Европѣ, при повсемѣстномъ распространеніи разрушительныхъ понятій, надлежало укрѣпить отечество на твердыхъ основаніяхъ; найти начала, въ коихъ зиждется благоденствіе, силы, составляющія отличительный характеръ Россіи и ей исключительно принадлежащія; собрать въ одно цѣлое священные остатки ея народности и на нихъ укрѣпить якорь нашего спасенія. Къ счастію, Россія сохранила теплую вѣру въ спасительныя начала, безъ коихъ она не можетъ благоденствовать, усиливаться, жить... Русскій, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного изъ догматовъ нашего православія, сколь и на похищеніе одного перла изъ вѣнца Мономахова. Самодержавіе составляетъ главное условіе политическаго существованія Россіи. Наряду съ сими двумя національными началами находится и третье, не менѣе сильное: народность... Вотъ тѣ главныя начала, которыя надлежало включить въ систему общественнаго образованія“.

Прежде всего и главнымъ образомъ реформа въ соотвѣтствующемъ направленіи коснулась высшихъ учебныхъ заведеній. Уставъ 1804 г.

уже во многомъ фактически не осуществлялся; на смѣну ему готовился новый общій уставъ. Предварительно нѣкоторые принципы, положенные въ его основу, были примѣнены при составленіи особаго устава ново-открытаго университета Св. Владимира. Самый фактъ учрежденія этого университета былъ вызванъ очень опредѣленными условіями; послѣ закрытія Виленскаго университета было рѣшено создать „русскій" университетъ, который обслуживалъ бы нужды Юго-западнаго края и являлся бы противодѣйствіемъ польскому вліянію. Это особое положеніе вновь созданнаго университета вызвало и особый уставъ (1833 г.), который былъ введенъ въ видѣ временной мѣры на 4 г.

Основныя начала — „внушенныя опытомъ улучшенія" такъ формулированы министромъ: „судопроизводство университетское надъ своими членами уничтожено; власть попечителя и вліяніе министра опредѣлены въ ясныхъ границахъ; хозяйственная часть отдѣлена отъ учебной; поставлены строгіе экзамены для всѣхъ, допускаемыхъ къ университетскимъ лекціямъ; юридическія науки распредѣлены по Своду законовъ; курсъ университетскій опредѣленъ на 4 года; внутренняя полиція ввѣрена особому, не изъ ученыхъ, чиновнику. Вообще все движеніе управленія внутренняго приспособлено къ видамъ правительства о точнѣйшемъ и неразрывномъ наблюденіи за духомъ и ходомъ высшихъ учебныхъ заведеній". Эти начала въ общихъ основаніяхъ были перенесены и въ общій уставъ. Университетъ потерялъ свое ученое и административное значеніе, пересталъ быть научной академіей и главой учебнаго округа; по новому уставу онъ былъ лишь высшимъ *учебнымъ* заведеніемъ. Наряду съ этимъ особенно опредѣленно былъ подчеркнутъ *дворянско-классовый* характеръ правительственной политики. Министръ такъ выражаетъ двѣ главныя цѣли реформы 1835 года: „во-первыхъ, возвысить университетское ученіе до раціональной формы и, поставивъ его на степень, доступную лишь труду долговременному и постоянному, воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному поступленію на службу молодежи еще незрѣлой; во-вторыхъ, привлечь въ университетъ дѣтей высшаго класса въ имперіи и положить конецъ превратному домашнему воспитанію ихъ иностранцами..." Свобода преподаванія и академическое самоуправленіе были отринуты; вмѣсто принципа автономности былъ строго проведенъ принципъ полицейской опеки. По новому уставу чрезвычайно усилена власть попечителя, который теперь обязанъ былъ жить въ округѣ и непосредственно руководить всѣми его дѣлами. Попечитель является непосредственнымъ начальникомъ университета: „Онъ обращаетъ вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе профессоровъ, адъюнктовъ, учителей и чиновниковъ университета, исправляетъ нерадивыхъ замѣчаніями и принимаетъ мѣры къ удаленію неблагонадежныхъ". Подъ его непосредственнымъ начальствомъ состоитъ инспекторъ студентовъ, назначаемый изъ военныхъ или гражданскихъ служащихъ, и его помощники. Университетъ окончательно лишается своихъ судебныхъ функцій;

всѣ инстанціи университетскаго суда упраздняются. Теряетъ, какъ мы уже указывали, университетъ и свою роль въ учебномъ округѣ въ дѣлѣ учебно-административномъ. Права и обязанности совѣта по сравненію съ уставомъ 1804 года весьма ограничены и касаются почти исключительно руководства учебной частью. Ректоръ избирается совѣтомъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ на 4 года. Хозяйство и полицію вѣдаетъ правленіе, подчиненное непосредственно попечителю. По новому организованы факультеты, въ составѣ трехъ: философскаго, раздѣляющагося на отдѣленіе историко-филологическихъ наукъ и отдѣленіе наукъ физико-математическихъ, юридическаго и медицинскаго. Въ распредѣленіи научныхъ дисциплинъ интересно отмѣтить введеніе обязательной для всѣхъ факультетовъ кафедры богословія. Юридическій факультетъ лишается цѣлаго цикла наукъ, но зато получаетъ цѣлый рядъ спеціальныхъ курсовъ русскаго законодательства; на философскомъ факультетѣ учреждаются кафедры русской исторіи, исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій. Здѣсь очень ярко выступаютъ попытки культивизаціи „національнаго“, „самобытнаго“, съ одной стороны, и боязнь политическихъ и философскихъ доктринъ, съ другой. Профессора и другіе преподаватели избираются совѣтомъ, но министру предоставлено право „по собственному своему усмотрѣнію назначать въ профессора и адъюнкты на вакантныя кафедры людей, отличныхъ ученостью и даромъ преподаванія, съ требуемымъ для сихъ званій учеными степенями“. Студенты по новому уставу всецѣло подчинены назначенной инспекціи, которая получаетъ большія права; вводится обязательная форма, уставъ заботится даже о „наружномъ образѣ“ учащихся, прическѣ, манерахъ и. т. п. Таковы основныя черты новаго устава, отразившаго на себѣ господствовавшія теченія правительственной политики.

Дальнѣйшія мѣропріятія Уварова дополнили и развили провозглашенныя имъ начала. Особенно старалось правительство ограничить лицамъ низшихъ сословій доступъ въ университеты и превратить послѣдніе въ спеціально дворянскіе институты. Мы уже отмѣтили тѣ мѣры, которыя были приняты въ этомъ направленіи въ началѣ правленія Николая; Уваровъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Исторіографъ министерства народнаго просвѣщенія, г. Рождественскій приводитъ слѣдующія любопытныя мѣста изъ секретнаго циркуляра къ попечителямъ учебныхъ округовъ (1840 г.), въ которомъ министръ рекомендуетъ при пріемѣ студентовъ обращать вниманіе на ихъ происхожденіе: „Хотя по сему предмету трудно положить рѣшительную границу, постановивъ твердое правило, но не менѣе того можно и слѣдуетъ руководствоваться соображеніемъ, что, при возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію, наступило время пещись о томъ, чтобы чрезмѣрнымъ этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученья не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній, практическое приложеніе коихъ впослѣдствіи весьма часто не подвер-

ждаясь успѣхомъ, обманываетъ надежды недостаточныхъ родителей и мечтательныя ожиданія юношей“. Большинство попечителей согласилось съ министромъ и предложило рядъ ограничительныхъ мѣръ; лишь попечитель Казанскаго округа и, особенно, московскій попечитель графъ Строгановъ энергично высказались противъ всякихъ стѣсненій. Всесильный министръ старался однако проводить свои начинанія „при дѣйствіи подобныхъ мѣръ, тихихъ, негласныхъ, облеченныхъ лишь формой министерскихъ распоряженій...“

Самой цѣлесообразной мѣрой въ этомъ отношеніи министръ считалъ увеличеніе платы. Указывая въ докладѣ императору, „что въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ, очевидно, умножается приливъ молодыхъ людей, отчасти рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе безполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя изъ круга первобытнаго состоянія, безъ выгоды для нихъ и государства“, министръ ходатайствуетъ о повышеніи размѣра платы за ученье. Николай I вполнѣ одобрилъ предположенія и еще увеличилъ цифры. Изъ другихъ мѣропріятій, направленныхъ къ той же цѣли, слѣдуетъ указать на требованіе отъ дѣтей купцовъ и мѣщанъ увольнительныхъ отъ обществъ свидѣтельствъ, на запрещеніе принимать въ университеты вольноотпущенныхъ, не приписанныхъ къ податному состоянію и. т. п. Все это даетъ намъ представленіе о правительственныхъ попыткахъ создать дворянско-бюрократическую школу. Русскіе профессора должны были читать русскую науку русскимъ дворянамъ; символомъ этого министерскаго идеала являлась теорія „официіальной народности“. Въ 1843 году Уваровъ, подводя итоги десятилѣтняго управленія министерствомъ, съ чувствомъ гордости и нравственнаго самоудовлетворенія замѣчаетъ: „Русскіе университеты, преобразованные въ духѣ и формѣ преподаванія, составляютъ нѣчто цѣлое, которое соотвѣтствуетъ требованіямъ времени и видамъ правительства“.

Мы разсматривали до сихъ поръ отношенія правительственной власти къ университетамъ; теперь намъ надо перейти къ другимъ поставленнымъ вопросамъ — вопросу объ отношеніи общества къ разсадникамъ высшаго образованія и связанному съ нимъ вопросу о культурно-общественномъ вліяніи университета на общество. Въ эпоху Александра I, какъ мы уже указывали, общество довольно пассивно относилось къ русскимъ университетамъ (наиболѣе передовые слои общества попрежнему предпочитали заграничное образованіе), и сами университеты „на зарѣ своего существованія“ еще не могли пустить корней, не могли въ полной мѣрѣ выполнять свою миссію. Въ изучаемый періодъ общая картина сильно мѣняется. Общество въ лицѣ своей интеллигенціи, насильственно разобщенное съ образовательными центрами Западной Европы, концентрируетъ свои силы и воспринимаетъ научное и общественное воспитаніе въ русскомъ университетѣ. Декабристы были послѣдними борцами, получившими воздѣйствія непосредственно съ Запада; вся послѣдующая освободительная борьба въ основныхъ ея фазисахъ тѣсно связана съ русскими университетами.

Въ мрачный періодъ Николаевскаго царствованія, когда Россія должна была представлять ровную и однообразную пустыню, устроенную военно-жандармскими средствами, университеты являлись рѣдкими и высоко цѣнными культурными оазисами. Среди темной ночи они свѣтили путеводными огнями, въ сонномъ царствѣ они неустанно пробуждали общественную мысль и общественное сознаніе.

Особенно велика роль, которая выпала на долю „старѣйшаго"—Московскаго университета. Въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годовъ онъ группировалъ вокругъ себя кадры русской интеллигенціи, онъ диктовалъ общественныя лозунги и руководилъ культурной дѣятельностью. Дѣятельность Грановскаго, жизнь московскихъ кружковъ, начало критической дѣятельности Бѣлинскаго и первые шаги публицистической дѣятельности Герцена—все это яркое и типичное для интересующей насъ эпохи связано съ Московскимъ университетомъ. Уже въ 30-хъ годахъ, когда „новые" профессора, представители новыхъ взглядовъ, встрѣчались еще единицами (упомянемъ здѣсь о профессорахъ Павловѣ и Надеждинѣ), университетъ оказывалъ громадное вліяніе на молодежь. Для характеристики тогдашняго настроенія достаточно вспомнить восторженныя страницы изъ „Былого и Думъ" Герцена. Около университета группировались кружки, которые сыграли такую крупную роль въ исторіи нашего общественнаго и литературнаго развитія; особенно выдѣлялись кружки Станкевича и Герцена. Передовое студенчество изучало [illegible] и новѣйшую нѣмецкую философію, знакомилось съ великими завоеваніями соціалистической мысли и, естественно, обращало вниманіе на „проклятые вопросы" окружающей дѣйствительности. Еще недавно прогремѣло декабрьское вооруженное возстаніе, и молодежь жаждала итти по слѣдамъ Рылѣева и Пестеля. Самъ университетъ, научно-образовательный центръ прежде всего, создавалъ извѣстное общественное настроеніе. Герценъ такъ выражаетъ эту мысль: „Съ другой стороны, научный интересъ не успѣлъ еще выродиться въ доктринаризмъ; наука не отвлекала отъ вмѣшательства въ жизнь, страдавшую вокругъ. Это сочувствіе съ нею необыкновенно поднимало *гражданскую* нравственность студентовъ. Мы и наши товарищи говорили въ аудиторіи открыто все, что приходило въ голову; тетради *запрещенныхъ* стиховъ ходили изъ рукъ въ руки, запрещенныя книги читались съ комментаріями..." Но чувства общественнаго протеста не могли еще долго вылиться въ опредѣленныя формы; окружающія условія разбивали въ корнѣ всѣ теоріи.

Однако, уже въ эту раннюю пору исторіи студенчества оно отдало свою дань и начало мартирологъ университетскихъ борцовъ за свободу. Въ 1833 году преданъ былъ суду кружокъ Сунгурова, обвиненный въ *намѣреніи* составить тайное общество, въ преступныхъ разговорахъ; за это члены кружка, какъ бы предваряя будущую участь своихъ потомковъ—товарищей 90-хъ годовъ, были сданы въ солдаты и отправлены въ Оренбургъ. Еще серьезнѣе было дѣло въ Кіевскомъ университетѣ, гдѣ въ 1837—38 гг. были обнаружены слѣды

польской революціонной пропаганды; университетъ былъ закрытъ, и всѣ студенты уволены. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ университетъ былъ открытъ, но, какъ замѣчаетъ историкъ университета проф. Владимірскій - Будановъ, „университетъ вышелъ изъ тяжкаго состоянія не безъ громадныхъ потерь; онъ лишился половины своихъ преподавателей и почти всѣхъ студентовъ“.

40-ые годы составляютъ эпоху въ исторіи нашего общества. Съ этимъ знаменательнымъ періодомъ связаны представленія о тѣхъ раннихъ стадіяхъ общественнаго движенія, о тѣхъ гуманистическихъ началахъ, которыя предваряли и въ извѣстной степени подготовляли послѣдующія времена „бури и натиска“; 40-ые годы были „весеннимъ“ періодомъ въ исторіи нашей дворянской интеллигенціи. Въ 40-ые годы были заложены и прочные фундаменты истинно-научнаго знанія: съ этого времени можно говорить о началѣ самостоятельной университетской науки, о правильномъ ходѣ занятій. Вспомнимъ, что въ эту эпоху выступили Грановскій и Кудрявцевъ, Буслаевъ и Тихонравовъ, С. Соловьевъ, Кавелинъ, Пироговъ и мн. др. Новые профессора выступили не только „учителями наукъ“, но несли и общественную миссію. „Наши профессора, — говоритъ Герценъ,—привезли съ собой... горячую вѣру въ науку и людей; они сохранили весь пылъ юности, и кафедры для нихъ были свѣтлыми налоями, съ которыхъ они были призваны благовѣстить истину; они являлись въ аудиторіи не цеховыми учеными, а миссіонерами человѣческой религіи“. Первое по вліянію мѣсто занимаетъ имя, которымъ всегда будетъ гордиться Московскій университетъ— имя Грановскаго, профессора - гуманиста.

Грановскій на кафедрѣ былъ учителемъ и воспитателемъ университетской молодежи, Грановскій въ общественной дѣятельности, на публичныхъ лекціяхъ былъ учителемъ и воспитателемъ русскаго образованнаго общества. Въ 40-ые годы онъ—историкъ „минувшаго“—былъ глашатаемъ высшихъ идеаловъ настоящаго, свое знаніе прошлаго онъ примѣнялъ къ врачеванію недуговъ современности... „Грановскій,—говоритъ проф. Ключевскій,—преподавалъ науку о прошедшемъ, а слушатели выносили изъ его лекцій вѣру въ свое будущее—ту вѣру, которая свѣтила имъ среди самыхъ безпросвѣтныхъ ночей нашей жизни“. Грановскій былъ трибуномъ московскаго общества; Грановскій былъ классическимъ представителемъ русской либеральной интеллигенціи въ эпоху ея „весны“. Культурное вліяніе съ Грановскимъ раздѣлялъ его другъ и товарищъ по кафедрѣ Кудрявцевъ; блестящій и талантливый историкъ, мастерски воспроизводившій картины прошлаго, онъ сердечно болѣлъ настоящимъ и ушелъ въ раннюю могилу, оставивъ яркій слѣдъ въ душахъ своихъ слушателей и учениковъ. Научное вліяніе съ этими двумя историками дѣлитъ выдающійся ученый, знаменитый авторъ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьевъ, положившій начало цѣлой школѣ, плодотворно разработавшій исторію нашей родины. Мы не будемъ говорить здѣсь о другихъ научныхъ дѣятеляхъ, только повторимъ, что въ эту эпоху расцвѣта Мо-

сковскій университетъ ими не оскудѣвалъ.

Культурная и общественная миссія университета встрѣчала гармоническое созвучіе въ настроеніи передовыхъ слоевъ общества, которые видѣли въ немъ вождя и руководителя. Каждое университетское начинаніе находило горячій откликъ; достаточно указать, что публичныя лекціи Грановскаго были въ буквальномъ смыслѣ слова „историческимъ событіемъ". Но передовыхъ борцовъ было еще мало; массы молчали, погруженныя въ тяжелый сонъ подъ опекой самодержавно-полицейскаго государства. И часто становилось жутко и страшно отъ окружающаго, представлялось, что трудно разбудить и заставить дѣйствовать русское общество. Въ одномъ письмѣ Грановскій пишетъ: „Окружающее меня здѣсь не радостно. Въ университетѣ у насъ есть движеніе, жизнь, но въ этой жизни есть что-то искусственное. Студенты занимаются хорошо, пока не кончили курса; по выходѣ изъ университета лучшіе изъ нихъ, тѣ, которые подавали наиболѣе надеждъ, пошлѣютъ и теряютъ участіе къ наукѣ и ко всему, что выходитъ изъ круга такъ называемыхъ *положительныхъ* интересовъ. Ихъ губитъ *матеріализмъ* и безнравственное равнодушіе нашего общества. Вотъ почему университетская жизнь кажется мнѣ искусственно оторванной отъ остального русскаго общества". Здѣсь Грановскій ярко обрисовалъ аморфное состояніе общества въ его массахъ и въ то же время, несмотря на пессимистическій тонъ, указалъ на особое положеніе университета. Университеты были оазисами, но все же живительной влагой они снабжали окружающее; немолчная проповѣдь ихъ лучшихъ представителей разбивала мало-помалу апатію общества, его „безнравственное равнодушіе".

Новый періодъ въ исторіи университетовъ начинается съ эпохи 1848 г. Февральскія и мартовскія бури „безумнаго" года, которыя потрясли многіе троны, сильно подѣйствовали на воображеніе русскаго самодержавнаго правительства. Цѣлый рядъ мѣръ принимается къ тому, чтобы окончательно изолироваться отъ „тлетворнаго" вліянія Запада. Уваровъ, какъ и въ былые годы, снова оказался „либераломъ" и долженъ былъ очистить мѣсто. Въ 1849 году по высочайшему повелѣнію число своекоштныхъ студентовъ (за исключеніемъ медицинскаго факультета) было ограничено 300; запрещены были поѣздки съ научной цѣлью за границу и велѣно было преподавателямъ (въ цѣляхъ лучшаго надзора за ихъ направленіемъ) представлять въ Публичную библіотеку литографированные курсы лекцій за своей подписью.

Въ началѣ 1850 года былъ снова поднятъ вопросъ объ увеличеніи платы, чтобы ограничить доступъ лицамъ низшихъ сословій. Новый министръ народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ по этому поводу варьируетъ мысли Уварова: „Лица низшаго сословія, выведенныя посредствомъ университетовъ изъ природнаго ихъ состоянія, не имѣя по большей части никакой недвижимой собственности, но слишкомъ много мечтая о своихъ способностяхъ и свѣдѣніяхъ, гораздо чаще дѣлаются людьми безпокойными и

недовольными настоящимъ положеніемъ вещей, особливо если не находятъ пищи своему чрезъ мѣру возбужденному честолюбію или встрѣчаютъ на пути къ возвышенію непредвидѣнныя преграды". Правительство также, обративъ вниманіе на то, что многіе молодые люди по окончаніи курса не поступаютъ на службу, но остаются въ столицахъ и принимаютъ участіе въ газетахъ и журналахъ,—открыло для кандидатовъ университета двери всѣхъ казенныхъ канцелярій.

Большимъ ограниченіямъ и урѣзкамъ подвергается выборное начало въ университетахъ. Особымъ указомъ сенату предписано ректоровъ всѣхъ университетовъ, кромѣ Дерптскаго, назначать министру изъ лицъ, имѣющихъ ученую степень, на неопредѣленное время. Избраніе декановъ оставлено было попрежнему на 4 года, но министру дано было право „продолжать пребываніе профессоровъ въ этомъ званіи и увольнять отъ онаго прежде срока, по своему усмотрѣнію" и представлять о назначеніи декановъ „независимо отъ университетскихъ выборовъ" (такъ, одно время деканомъ не былъ утвержденъ Грановскій). На обязанности ректора и декановъ лежало строго слѣдить за университетскими курсами профессоровъ, подробные конспекты которыхъ должны были разсматриваться и одобряться совѣтами. При разсмотрѣніи этихъ программъ ставились условія, близко напоминающія намъ эпоху Магницкаго: а) чтобы предметъ изложенъ былъ въ полнотѣ сообразно съ потребностью университетскаго чтенія; б) чтобы, какъ общія начертанія, такъ и отдѣльныя статьи программы строго соотвѣтствовали и ученой и нравственной цѣли; в) чтобы въ содержаніи программы не укрывалось ничего несогласнаго съ ученіемъ православной церкви, или съ образомъ правленія и духомъ государственныхъ учрежденій нашихъ и г) чтобы, напротивъ, ясно и положительно выражались вездѣ, гдѣ только сіе правило можетъ имѣть разсудительное приложеніе, благоговѣніе къ святынѣ, преданность государю и любовь къ отечеству".

Въ „Наставленіи ректору и деканамъ юридическаго и перваго отдѣленія философскаго факультета" предписывается обратить самое бдительное вниманіе на тѣ предметы, „которыхъ изложеніе, по предосудительному духу настоящаго времени, можетъ подавать неблагонамѣренности болѣе случаевъ ко внушенію молодымъ людямъ неправильныхъ и превратныхъ понятій о предметахъ политическихъ. Таковы, напримѣръ, государственное право, политическая экономія, наука о финансахъ и всѣ вообще историческія науки, возможность злоупотребленія коихъ не подлежитъ сомнѣнію". Особенное безпокойство правительству доставляетъ быстрый ростъ соціалистическихъ ученій; правительство усиленно старается оградить университетъ отъ этихъ „разрушительныхъ" вліяній. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи пунктъ пятый разбираемаго наставленія, который гласитъ слѣдующее: „Въ ректорѣ и деканахъ предполагается ясное понятіе о возникшихъ въ наше время, преимущественно во Франціи, разныхъ политико-экономическихъ системахъ, ка-

ковы сенъ-симонисты, фурьеристы, соціалисты и коммунисты, въ особенности о двухъ послѣднихъ, имѣющихъ столь важную роль въ современныхъ событіяхъ на западѣ Европы. Основная мысль ихъ, какъ извѣстно, есть достиженіе всѣми возможными средствами безусловнаго равенства. Объявивъ непримиримую войну всему, что возвышается надъ беззмельною и бездомною чернью, коммунизмъ нагло подводитъ подъ свой желѣзный уровень всѣ состоянія, съ уничтоженіемъ всякихъ отличій породы, заслугъ, богатства и даже ума. Слѣдя внимательно за развитіемъ столь гибельнаго и, по несчастію, преуспѣвающаго мнѣнія въ Европѣ, ректоръ и деканы будутъ тщательно отсѣкать въ разсматриваемыхъ ими программахъ и воспрещать въ устномъ преподаваніи съ кафедръ все, что можетъ даже и косвенно содѣйствовать къ распространенію у насъ этихъ разрушительныхъ началъ или служить имъ нѣкоторой опорой. Къ сему относятся разсужденія, имѣющія цѣлью унизить достоинство и пользу какого бы то ни было сословія въ государствѣ или поколебать установленныя законами отношенія между разными состояніями, двусмысленные или сомнительные намеки насчетъ несбыточныхъ теорій объ общности капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, однимъ словомъ, всякаго рода попытки притязанія пролетаріевъ къ общественной и частной собственности". Въ пунктѣ шестомъ этого любопытнаго документа мы находимъ запрещеніе касаться отношеній между крестьянами и помѣщиками. Особый циркуляръ установлялъ строгій надзоръ надъ спеціальными учеными изслѣдованіями—диссертаціями. Реформа коснулась и преподаванія научныхъ дисциплинъ; нѣкоторыя кафедры были совсѣмъ уничтожены. Въ 1849 году предписано было пріостановить преподаваніе государственнаго права, мотивируя это тѣмъ, „что при настоящемъ еще довольно шаткомъ состояніи Западной Европы весьма затруднительно положить опредѣленныя границы этой науки..."

Въ 1850 году была упразднена кафедра философіи, а чтеніе логики и психологіи было поручено профессорамъ богословія. Съ другой стороны, дѣлались попытки созданія своей, самобытной „русской" науки. Въ 1850 году Грановскій получаетъ порученіе составить планъ учебника всеобщей исторіи, при чемъ министръ народнаго просвѣщенія, мотивируя свое предложеніе, указываетъ на существенную потребность „въ хорошемъ руководствѣ къ изученію всеобщей исторіи, написанной въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія".

Таковы были главнѣйшія правительственныя мѣропріятія въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ. Въ провинціальныхъ университетахъ (въ Харьковскомъ съ 1846 г.) власть попечителя перешла въ руки генералъ-губернаторовъ. Такимъ образомъ, была окончательно установлена военно-полицейская диктатура надъ просвѣщеніемъ.

Правленіе Николая I заканчивалось; при немъ самодержавный режимъ достигъ кульминаціоннаго пункта своего развитія. Все было подавлено гнетомъ абсолютизма, надъ всѣмъ простиралась жандарм-

ская опека. Но уже въ средѣ общества начинается броженіе, наступаетъ медленное пробужденіе отъ долгаго сна... Университеты и ихъ представители сдѣлали въ этомъ направленіи свое дѣло. Изнуренные борьбой послѣднихъ лѣтъ, они продолжали высоко нести свое просвѣтительное и общественное знамя. Таково было соотношеніе силъ, когда разразилась Восточная война и, когда подъ Севастополемъ абсолютистическому строю былъ нанесенъ сильный ударъ.

ГЛАВА XI.

Русская литература до Пушкина.

(П. Н. Сакулина).

Въ теченіе всей первой половины XIX в. наша литература была въ рукахъ главнымъ образомъ *средняго дворянства*. Экономическое и общественно-политическое развитіе Россіи совершалось съ такою медленностью, что за цѣлое полстолѣтіе сословно-классовый составъ нашего „общества" не испыталъ сколько-нибудь существенныхъ перемѣнъ. Тонъ жизни неизмѣнно даетъ помѣщикъ, дворянинъ и рабовладѣлецъ, соціально-экономическимъ антагонистомъ котораго является крѣпостной мужикъ.

Дворянское происхожденіе литературы, естественно, должно было наложить извѣстный отпечатокъ какъ на формы, такъ и на сущность нашего литературнаго развитія. Очень долгое время литература была какъ бы принадлежностью культурнаго комфорта; писатели далеко не часто видѣли въ своихъ занятіяхъ профессію, а просто, въ часы досуга „упражнялись" въ сочинительствѣ. Это въ значительной степени лишало литературу того общественнаго значенія, которое по праву должно было принадлежать ей, придавало ей характеръ чего-то внѣшняго, случайнаго. Историкамъ литературы подчасъ приходится серьезно недоумѣвать, какъ могло возникнуть то или другое „теченіе" русской литературы: столь ничтожна иногда бывала связь литературнаго явленія съ органическими процессами жизни. Эта черта прекрасно гармонируетъ съ экзотическимъ характеромъ всей дворянской культуры, особенно въ XVIII вѣкѣ.

Писатель-дворянинъ, уже въ силу своей барской психологіи, обнаруживалъ склонность къ эстетизму, къ сантиментально романтической мечтательности, къ мягкости тоновъ, ко всему, въ чемъ сказывалась его холеная душа, пропитанная впечатлѣніями деревенской усадьбы или аристократическаго салона съ его утонченными вкусами.

Наконецъ, въ смыслѣ идейнаго содержанія, дворянской литературѣ, конечно, свойственно было отражать міросозерцаніе своего сословія, даже временами идеологію своего класса. И въ Александровскую и въ Николаевскую эпохи извѣстная часть

нашей литературы сознательно поддерживала идеологію крѣпостниковъ и монархистовъ, которая получила такое классическое выраженіе въ знаменитой формулѣ „офиціальной народности“.

Рядомъ съ этимъ однако мы должны тотчасъ же подчеркнуть крупный фактъ, что уже во второй половинѣ XVIII в. русское общество выдѣлило изъ своей среды ту *интеллигенцію*, которая, обладая сравнительно широкимъ умственнымъ кругозоромъ, можетъ, по выраженію Каутскаго, „подняться надъ классовой и сословной ограниченностью, способна чувствовать себя выше интересовъ минуты и эгоизма, умѣетъ видѣть и защищать постоянныя потребности общества въ его цѣломъ“. Это тѣ новаторы, о которыхъ Бельтовъ (Плехановъ) говоритъ, что они „раньше и лучше другихъ предвидятъ тѣ перемѣны, которыя должны совершиться въ общественныхъ отношеніяхъ“.

Въ Екатерининскую эпоху средоточіемъ подобной интеллигентной группы были Новиковъ и Шварцъ. Постепенно ряды интеллигенціи пополнялись разночинцами. Уже въ Николаевскую эпоху среди писателей мы видимъ такихъ типичныхъ разночинцевъ, какъ Надеждинъ, Погодинъ, Полевой, Бѣлинскій. Дѣятелями литературы все болѣе и болѣе становятся представители внѣсословной и внѣклассовой интеллигенціи; такимъ же характеромъ въ значительной степени отличается и ихъ „идеологія“. Литература дѣлается органомъ общественнаго самосознанія, беретъ подъ свою защиту права крѣпостного народа, отстаиваетъ идеи общественной и личной свободы противъ реакціонной части самого общества и правительства, которому, по условіямъ нашей государственности, всегда принадлежала чрезвычайно видная роль въ ходѣ русской жизни и въ судьбахъ русской литературы.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ характеристикѣ русской литературы до Пушкина и прежде всего посмотримъ, что получилъ XIX вѣкъ въ наслѣдство отъ XVIII.

1.

Итоги Екатерининской эпохи.

Литература *Екатерининской эпохи* отличается большимъ оживленіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и немалой пестротой, почти калейдоскопичностью.

Ложноклассицизмъ еще сохраняетъ свою величавую осанку и не думаетъ выходить въ отставку. Екатерининская эпоха, когда дворянство окончательно конституируется, какъ привилегированный классъ, представляла еще слишкомъ много данныхъ для процвѣтанія той литературы, которая, по выраженію Тредьяковскаго, говоритъ „языкомъ двора, благоразумнѣйшихъ министровъ, премудрѣйшихъ священноначальниковъ и знатнѣйшаго дворянства“. Но, несмотря на это, ортодоксальный классикъ съ грустью могъ констатировать упадокъ „истиннаго вкуса“, попытки сбросить съ литературнаго

творчества ярмо односторонней теоріи, осложнить форму и содержаніе литературы новыми элементами, которые придали бы ей больше гибкости, чуткости и приблизили бы ее къ дѣйствительной жизни. Крыловъ въ своей восточной повѣсти „Каибъ“ (1792 г.), И. И. Дмитріевъ въ сатирѣ „Чужой толкъ“ (1795), журналъ Новикова „Живописецъ“ и др. зло и остроумно высмѣиваютъ одописцевъ и авторовъ фальшивыхъ эклогъ. Писатели, въ родѣ имп. Екатерины и Державина, позволяютъ себѣ пренебрегать „ѳеатральными“ и иными правилами ложноклассическаго кодекса. Ясно обнаруживается тенденція демократизировать и гуманизировать литературу. Широкое распространеніе получаютъ у насъ разнообразные отголоски европейскаго сантиметализма, не исключая и буржуазной драмы. Русскій переводчикъ драмы Дидро „Побочный сынъ“ объявляетъ неразумнымъ „предразсужденіемъ“ то мнѣніе, что „несчастія однихъ только знатныхъ людей, героевъ, завоевателей имперій, или разорителей многихъ народовъ заслуживаютъ общую чувствительность, а участь прочихъ добрыхъ людей нашего вниманія недостойна и никакихъ впечатлѣній у насъ произвести не можетъ“. Часть екатерининской литературы пріобрѣтаетъ народническую окраску. Народничество это еще носитъ всѣ черты наивнаго сантиментализма и условности, тѣмъ не менѣе оно является характернымъ симптомомъ эпохи. Наконецъ, въ томъ же періодѣ мы видимъ рядъ интересныхъ попытокъ дать реальное воспроизведеніе русской жизни какъ въ консервативно-націоналистическомъ освѣщеніи, такъ и въ прогрессивномъ. Наибольшей идейной высоты это теченіе достигаетъ въ сатирической журналистикѣ (особенно въ журналахъ Новикова), въ комедіи (особенно у Фонвизина) и въ знаменитомъ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ Радищева. Идеалы европейскаго, преимущественно французскаго XVIII вѣка, болѣе или менѣе прочно были усвоены лучшими представителями русской общественной мысли и послужили имъ критеріемъ для отрицательной оцѣнки разныхъ сторонъ русской жизни, въ частности крѣпостного права.

Какъ видимъ, Екатерининская литература, представляетъ интересную, но еще нестройную картину броженія, какимъ неизмѣнно сопровождаются всѣ поворотные моменты культурной исторіи. Пыпинъ былъ во многомъ правъ, когда утверждалъ, что „было бы преувеличеніемъ говорить о какихъ-либо опредѣленныхъ литературныхъ направленіяхъ въ Екатерининское время“. Закономѣрный, органическій ростъ литературы затруднялся тѣмъ, что въ самомъ общественномъ строѣ еще отсутствовалъ прочный матеріальный центръ для этого развитія. Твердое ядро интеллигенціи, видѣвшей въ литературѣ серьезное средство для поднятія общественнаго самосознанія, едва оформливалось. Выдающимся, но въ сущности единственнымъ примѣромъ организаціи интеллигентныхъ силъ для общей работы былъ кружокъ Новикова—Шварца. Даже Радищевъ въ свое время стоялъ особнякомъ. Писатели обычно выступаютъ, какъ разрозненныя единицы. Съ другой стороны, читателей все

еще поставляетъ главнымъ образомъ дворянская среда. Правда, есть извѣстія о томъ, что нарождается читатель изъ мѣщанъ и купцовъ, но вліятельная роль этого читателя еще далеко впереди.

Если, такимъ образомъ, трудно говорить о строго опредѣленныхъ „школахъ“, все же очевидно, что русская литература Екатерининскаго періода уже вышла изъ коснаго состоянія, и передъ нами уже отчетливо вырисовываются контуры будущихъ литературныхъ кристаллизацій.

Реакція Екатерины II и Павла I тяжело отозвалась на положеніи еще неокрѣпшей литературы. Многіе писатели и при томъ, разумѣется, наиболѣе талантливые (какъ Новиковъ, Радищевъ) были выхвачены изъ строя. Литература была обезсилена. Живые ростки болѣе прогрессивныхъ теченій начали глохнуть въ сухой, безплодной почвѣ, и черезъ границу XVIII в. безпрепятственно могли перекинуть свои цѣпкія вѣтви только сантиментализмъ и классицизмъ.

2.

Идейныя настроенія въ Александровскую эпоху.

Въ царствованіе императора *Александра I* русская жизнь испытала рядъ могучихъ толчковъ. Внутренняя политика правительства, либеральнаго вначалѣ и реакціоннаго потомъ, участіе Россіи въ грандіозныхъ европейскихъ событіяхъ—все это поддерживало русское общество въ состояніи напряженія, направляло мысль въ сторону большихъ вопросовъ жизни, сильно возбуждая интересъ къ общественно-политическимъ проблемамъ.

Либерализмъ снова попробовалъ поднять свою голову. Оказалось, что идейная традиція не окончательно погибла въ русскомъ обществѣ. Живымъ воплощеніемъ этой традиціи былъ *А. Н. Радищевъ*.

Имп. Павелъ въ 1796 г. возвратилъ его изъ ссылки, и до 1801 г. онъ жилъ въ своемъ имѣніи Нѣмцовѣ (Калужской губ., въ 2 верст. отъ Малоярославца). Несмотря на свои преклонные годы и расшатанное здоровье, Радищевъ продолжалъ свои литературныя занятія и, какъ видно изъ статьи „Описаніе моего владѣнья“, не забылъ своихъ взглядовъ на крѣпостное право, отъ которыхъ онъ вынужденъ былъ отказаться передъ императрицей. Въ 1801 г. Радищевъ назначается членомъ комиссіи сочиненія законовъ. Тѣ свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ относительно его дѣятельности въ комиссіи, позволяютъ намъ сдѣлать заключеніе, что она носила оппозиціонный характеръ и была достойна автора „Путешествія“. Однажды комиссіи пришлось разбирать „казусное“ дѣло о вознагражденіи помѣщика Трухачева, у котораго крестьянами другого помѣщика была убита крѣпостная женщина. Комиссія присудила взыскать въ пользу Трухачева 100 рублей. Радищевъ не могъ присоединиться къ такому постановленію и свой взглядъ выразилъ въ запискѣ „О цѣнахъ за людей убіенныхъ“. „Цѣны человѣку убитому,

умышленно или неумышленно, определить не можно",—говорилъ Радищевъ: „Мы не войдемъ въ исчисленіе такихъ цѣнъ, опредѣляемыхъ помѣщикомъ за убіенныхъ и ему принадлежащихъ людей: цѣна крови человѣческой не можетъ быть опредѣлена деньгами". Мало того, авторъ записки не можетъ не подчеркнуть несоотвѣтствія между „закономъ" и „общимъ умоначертаніемъ": „Исполинскіе шаги въ образованіи россійскаго государства и народовъ, въ немъ обитающихъ, перемѣнивъ общее умоначертаніе, даютъ вещамъ новый видъ, и то, что существуетъ хотя законно, производитъ иногда нѣкоторый родъ невольнаго въ душѣ отвращенія, и чувствительность терпитъ отъ того, что законъ почитаетъ правильнымъ". Свободомысліе Радищева не нравилось предсѣдателю комиссіи, гр. Завадовскому, и нѣкоторымъ ея членамъ, и Завадовскій, какъ разсказываютъ, весьма недвусмысленно напомнилъ неисправимому прогрессисту о существованіи Сибири. Эта угроза, вѣроятно, въ связи съ другими причинами, на которыя намекаютъ сыновья Радищева, заставила его покончить жизнь самоубійствомъ (въ 1802 г.).

Идеи Радищева нашли себѣ сочувственный откликъ въ кружкѣ *Ивана Петровича Пнина*, перваго предсѣдателя „Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ", членами котораго между прочимъ были и сыновья Радищева; нѣкоторое отношеніе къ обществу имѣлъ и Батюшковъ, не перестававшій до конца питать серьезное уваженіе къ автору „Путешествія". Воспитанный на идеяхъ XVIII в., Пнинъ былъ убѣжденнымъ поклонникомъ Радищева, и смерть послѣдняго была настоящимъ горемъ для Вольнаго Общества. Въ прочувствованномъ стихотвореніи Пнинъ оплакалъ человѣка,

Кто къ счастью велъ путемъ свободы,
. . . .
Кто столько жертвовалъ собою
Не для своихъ, но общихъ благъ,
Кто былъ отечеству сынъ вѣрный,
Былъ гражданинъ, отецъ примѣрный,
И смѣло правду говорилъ...

Пнинъ хотѣлъ писать и дѣйствовать въ духѣ Радищева. Онъ воспѣвалъ человѣка, „царя вселенной", „зиждителя-человѣка", скорбѣлъ о рабствѣ и призывалъ раба сбросить съ себя цѣпи.

Когда бъ позналъ свою рабъ должность,
Спросилъ природу, разсмотрѣлъ,—
Кто бѣдствій всѣхъ его виною?—
Тогда бы тою же рукою
Сорвалъ онъ цѣпи, что надѣлъ.

Необходимо водворить въ жизни „правосудіе", т. е. правовой гражданскій порядокъ, обезпечивающій „духъ зиждительной свободы". Не раздѣляя соціальныхъ мечтаній о всеобщемъ равенствѣ и свободѣ, видя въ этихъ идеяхъ дѣтище революціи, „исчадіе раздоровъ", Пнинъ пытается по своему освѣтить нужды Россіи въ книгѣ „Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи" (1804 г.), написанной по поводу правительственнаго проекта организаціи дѣла просвѣщенія. Чтобы просвѣщеніе принесло ожидаемую пользу, говорилъ Пнинъ, слѣдуетъ, вопервыхъ, его постановку привести въ соотвѣтствіе съ общественнымъ строемъ, съ потребностями и особенностями отдѣльныхъ сословій (земледѣльческаго, мѣщанскаго, дворянскаго

и духъ [illegible] и, во-вторыхъ, слѣдуетъ озаботиться поднятіемъ матеріальнаго благосостоянія сословій. Экономическое благополучіе находится въ зависимости отъ того, насколько обезпечены права собственности и личная неприкосновенность гражданъ. „Собственность—священное право, душа общежитія, источникъ законовъ! Гдѣ ты уважена, гдѣ ты неприкосновенна, тамъ только спокоенъ и благополученъ гражданинъ. Но ты бѣжишь отъ звука цѣпей, ты чуждаешься невольниковъ. Права твои не могутъ существовать ни въ рабствѣ, нивъ безначаліи: ты обитаешь только въ царствѣ законовъ". Въ этихъ словахъ довольно полно выразился весь общественный идеалъ Пнина. Роковымъ противорѣчіемъ этому идеалу было величайшее беззаконіе—крѣпостное право, и Пнинъ желалъ освобожденія крестьянъ съ землею, чтобы и крестьянамъ законъ обезпечилъ гражданскія права и въ томъ числѣ право на собственность. Второе изданіе книги Пнина уже не было пропущено цензурой.

Міровоззрѣніе Пнина не отличается той широтой идейнаго захвата, которой мы удивляемся у Радищева, но, несомнѣнно, въ лицѣ Пнина и его друзей, членовъ Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, мы имѣемъ живое звено, соединяющее александровскую интеллигенцію съ интеллигенціей Екатерининской эпохи, особенно съ Радищевымъ.

Цѣлый рядъ другихъ фактовъ, позволяетъ думать, что *идеи французскаго XVIII в.* не утратили своего вліянія на русскіе умы и въ новомъ столѣтіи. Францію, какъ писалъ одинъ современникъ въ 1800 г., русскіе привыкли считать „убѣжищемъ свободы и разума, очагомъ священнаго огня, гдѣ они нѣкогда зажгутъ свѣтильникъ, долженствующій освѣтить ихъ сумрачное отечество". Дм. Языковъ въ 1809—14 гг. обогащаетъ русскую литературу своимъ переводомъ книги Монтескье „О существѣ законовъ"; по инціативѣ правительства переводятся книги Делольма „La constitution de l'Angleterre" и Кондорсе „Bibliothèque de l'homme publique"; въ рукахъ Рылѣева были не только Бентамъ, но и Руссо съ Вольтеромъ и т. д.

Мысль и творчество французовъ продолжаютъ сохранять притягательную силу, и въ нашей литературѣ наряду съ старыми именами мелькаютъ и новыя, преимущественно французскихъ романтиковъ: Ламартина, Шатобріана, В. Гюго и др.

Вмѣстѣ съ этимъ усиливаются *нѣмецкое и англійское вліянія.* Русскую молодежь мы видимъ въ Лейпцигѣ и Геттингенѣ. Тамъ „подъ небомъ Шиллера и Гете", она воспитываетъ свои „вольнолюбивыя мечты". Именно въ Геттингенѣ Ник. Ив. Тургеневъ писалъ свое сочиненіе „Опытъ теоріи налоговъ", настойчиво проводящее самую завѣтную мысль автора о необходимости освобожденія крестьянъ, ибо „благоустроенное государство не должно созидать благоденствія на несправедливости: угнетеніе одного класса гражданъ другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно добраго народа".

Та же мысль занимала и другого геттингенца, Андрея Кайсарова,

автора „Dissertatio inauguralis philosophico-politica de manumittendis per Russiam servis“ (1806). Германіи обязанъ своими научными воззрѣніями и извѣстный проф. Куницынъ, авторъ „Права естественнаго“ (1818—20).

Англія на нѣкоторое время, повидимому, вытѣсняетъ всѣ другіе авторитеты. Типичный русскій вольтерьянецъ, Иванъ Петровичъ Лаврецкій (въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургенева) въ Александровскую эпоху дѣлается англоманомъ и ведетъ „исключительно политическій и политико-экономическій разговоръ“. За рѣшеніемъ этихъ политическихъ и политико-экономическихъ вопросовъ, стоявшихъ въ самой русской жизни на первой очереди, обращались главнымъ образомъ къ англійской литературѣ. Сочиненія Бентама переводятся по высочайшему повелѣнію *), правительство субсидируетъ и Политковскаго, переводчика Адама Смита. Всѣ подобныя сочиненія имѣли огромный успѣхъ. По свидѣтельству Дюмона, издателя Бентама, произведенія этого англійскаго мыслителя ставились „выше всего, что было подобнаго прежде“. Имена англійскихъ экономистовъ дѣлаются модными. Вспомнимъ, что Онѣгинъ „читалъ Адама Смита и былъ глубокій экономъ“, а „иная дама толкуетъ Сея и Бентама“.—Англія, далѣе, знакомитъ насъ съ ланкастерской системой взаимнаго обученія (Беля и Ланкастера), одно время столь популярной, что у насъ возникаетъ (въ 1818 г.) спеціальное „Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія“. Англійская художественная литература, преимущественно въ лицѣ Вальтеръ Скотта и Байрона, даетъ образцы для русскаго творчества, а Байронъ надолго дѣлается „властителемъ думъ“ молодого поколѣнія. Дѣло доходитъ до того, что въ кружкѣ Репетиловыхъ говорятъ именно о Байронѣ, о камерахъ, присяжныхъ, что князья Григорьи усваиваютъ „англійскую складку“, Онѣгины одѣваются, какъ „дэнди лондонскій“, знать заводитъ англійскую упряжь, англійскіе парки, помѣщики перенимаютъ англійскіе способы обработки земли и пр. и пр. Очевидно, Англія съ ея наукой, литературой и бытомъ сильно импонируетъ русскимъ, и передъ ея обаяніемъ на нѣкоторое время меркнетъ ореолъ самой Франціи. Недаромъ кн. Барятинскій въ своихъ „Мысляхъ о воспитаніи сына“ (1815 г., въ „Запискахъ В. А. Инсарскаго“) усиленно рекомендуетъ сыну образовательное путешествіе „по всѣмъ тремъ королевствамъ Великобританіи“ и выражаетъ желаніе, „чтобы ему была основательно объяснена конституція этой страны и чтобы онъ обстоятельно ознакомился со всѣми находящимися въ ней чудесами современной цивилизаціи“.

Такимъ образомъ, русское общество въ его наиболѣе отзывчивой части испытывало рядъ идейныхъ воздѣйствій со стороны Европы, которыя органически сплетались съ традиціями французскаго свободомыслія XVIII в. Къ этому присоединяются, далѣе, стимулы, связанные съ условіями самой *русской жизни*. Намѣреніе правительства приступить къ коренному преоб-

*) „Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи, сочиненіе англійскаго юрисконсульта Іереміи Бентама, изданное въ свѣтъ на франц. языкѣ Стан. Дюмономъ..., переведено Мих. Михайловымъ съ прибавленіемъ дополненій, отъ г. Дюмона сообщенныхъ“ (1805 г.).

разованію нашихъ политическихъ формъ держало общество въ состояніи напряженнаго ожиданія, независимо отъ того, желали или боялись осуществленія конституціонныхъ плановъ Александра I. Карамзинъ, напр., писалъ Дмитріеву въ апрѣлѣ 1818 г.: „Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ. Спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать—въ „Сынѣ Отечества“*), въ рѣчи Уварова; иное уже вышло, другое готовится“. Отечественная война значительно поднимаетъ тонъ прогрессивнаго настроенія; развиваясь съ логической послѣдовательностью, оно приводитъ къ 14 декабря 1825 г.

Либерализмъ, переходившій даже въ политическій радикализмъ (какъ это было у декабристовъ), составляетъ, несомнѣнно, одну изъ характерныхъ чертъ Александровской эпохи. „Въ это время“, свидѣтельствуетъ декабристъ Якушкинъ, „свободное выраженіе мыслей было принадлежностью не только всякаго порядочнаго человѣка, но и всякаго, кто хотѣлъ казаться порядочнымъ человѣкомъ“. Торговцы петербургскаго Гостинаго двора громко разсуждали о важности конституціи и даже въ провинціи (какъ, напр., въ одномъ уѣздномъ городѣ Воронежской губ.), куда также нерѣдко попадали книги общественно-политическаго содержанія, находились—и при томъ часто среди мѣщанъ и купцовъ—сторонники представительнаго образа правленія. И Фамусовъ съ своей точки зрѣнія имѣлъ право сказать,

> Что нынче пуще, чѣмъ когда,
> Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ
> и мнѣній.

Но все это либерально-оппозиціонное движеніе въ концѣ концовъ было только теоретическимъ. Дѣйствительность тогдашней русской жизни представляетъ самый вопіющій контрастъ разнообразію и яркости красокъ, которыми блещетъ умственная жизнь русскаго общества. Ни одна изъ великихъ идей, о которыхъ толковали въ кружкѣ приближенныхъ императора, о которыхъ писали въ журналахъ, „шумѣли“ въ Англійскомъ клубѣ, мечтали въ тайныхъ обществахъ, не получила реальнаго воплощенія. Общественный и политическій строй Россіи не испыталъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій. Монархическая власть осталась непоколебленной и въ періодъ аракчеевской реакціи дала новый наглядный примѣръ того, какъ всемогущій абсолютизмъ превращается въ деспотизмъ; дворянство сохранило всѣ свои прерогативы; крестьянство попрежнему „влачилось по браздамъ неумолимаго владѣльца“. Словомъ, экономическія и соціальныя условія русской жизни въ сущности остались тѣми же, какія были при „матушкѣ Екатеринѣ“. Новыя вѣянія пронеслись по поверхности, болѣе или менѣе взволновали ее, но оказались безсильными передъ прочностью нашихъ устоевъ. Возстаніе декабристовъ окончилось печальной неудачей. Александровская эпоха не только заканчивается трагедіей, она вся представляетъ сплошную драму, какъ результатъ ея неспособности дать живое воплощеніе идеямъ, которыя уже успѣли овладѣть мыслью и самого императора и его лучшихъ

*) Имѣется въ виду [illegible] проф. [illegible] „Сына Отечества“ 1818 г.)

современниковъ. Конечная причина этой драмы лежитъ, разумѣется, не въ правительственной реакціи, а въ состояніи всей страны, въ настроеніи большинства самого общества; оно крѣпко держалось за старыя формы жизни, которыя такъ хорошо обезпечивали интересы господствующаго класса. *Консерватизмъ* въ разныхъ его проявленіяхъ имѣлъ подъ собою твердую почву. Событія, связанныя съ Отечественной войной, дали благодарный поводъ возвести защиту сословно-классовыхъ интересовъ на высоту патріотическаго подвига, подновить давно уже звучавшіе въ нашей литературѣ націоналистическіе мотивы.

Война, дѣйствительно, приняла характеръ общенародный и вызвала страшный взрывъ патріотизма. Всѣ, кто могъ, спѣшили стать въ ряды ополченцевъ. Идетъ на войну и почтенный кн. Шаховской, и мирный сантименталистъ Жуковскій, чтобы пѣть „во станѣ русскихъ воиновъ"; идетъ и Батюшковъ, переставъ пѣть „любовь и радость, безпечность, счастье и покой и шумную за чашей младость". Великосвѣтское общество изыскиваетъ способъ бороться съ французскимъ вліяніемъ; барыни, впрочемъ, на весьма короткое время, разстаются съ своими робронами, фуро-ферме, левитами и надѣваютъ сарафаны съ кокошниками. Языкъ, привыкшій съ дѣтства произносить преимущественно французскія слова, изъ патріотизма дѣлаетъ усилія овладѣть русской рѣчью. И нелегко же это было! Когда Гнѣдичъ произнесъ свою громовую рѣчь противъ французскаго языка, „языка враговъ нашихъ, который русскіе должны забыть",—въ публикѣ, сочувственно настроенной, шелъ характерный обмѣнъ мнѣніями и притомъ какъ разъ на французскомъ языкѣ: „Ah, que c'est beau!"—"Oui, mais ce n'est pas possible".—Обличеніе галломаніи становится самой популярной темой литературы. *Гр. Ѳ. В. Растопчинъ* обнаруживаетъ поистинѣ кипучую дѣятельность во славу русской самобытности: онъ пишетъ и памфлеты, и комедіи, и повѣсти и, наконецъ, свои знаменитыя афиши. „Господи помилуй!" восклицаетъ его любимый герой, его alter ego, ефремовскій дворянинъ Сила Андреевичъ Богатыревъ („Мысли вслухъ на Красномъ крыльцѣ", 1807 г.): „да что за народъ эти французы! копейки не стоитъ: смотрѣть не на что, говорить не о чемъ... Въ французской всякой головѣ вѣтреная мельница, гошпиталь и сумасшедшій домъ... Вѣдь что проклятые надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили: законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя! —отца. Головы рубили, какъ капусту; всѣ повелѣвали—то тотъ, то другой злодѣй. Думали, что это будто равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носу показать, а судъ былъ хуже Шемякина". Богатыревъ напоминаетъ русскимъ о добродѣтеляхъ предковъ и о внутренней мощи Россіи: у насъ „государь милосердый, дворянство великодушное, купечество богатое, народъ трудолюбивый". Пора опомниться, приняться за умъ, „сотворить молитву и, плюнувъ, ска-

зать французу: сгинь ты, дьявольское навожденіе! ступай въ адъ или восвояси, все равно, — только не будь на Руси".

Въ этихъ словахъ Растопчина съ исчерпывающей полнотой формулированы тѣ идеи, которыми была полна *патріотическая литература* Александровской эпохи, которыя вдохновили Крылова написать рядъ басенъ и комедіи „Модная лавка", „Урокъ дочкамъ", которымъ служила и патріотическая журналистика, въ родѣ „Сына Отечества" Н. И. Греча и „Русскаго Вѣстника" С. Н. Глинки. Пожаръ Москвы превратилъ протесты противъ французовъ въ жгучее чувство ненависти къ вандаламъ и разссорилъ съ ними и тѣхъ, кто понималъ значеніе французской культуры. Когда Батюшковъ увидѣлъ „море зла и неба мстительнаго кары, враговъ неистовыхъ дѣла, войну и гибельны пожары",—подъ первымъ впечатлѣніемъ онъ готовъ былъ отказаться отъ своей „философіи". Поступки французовъ въ Москвѣ, писалъ онъ Гнѣдичу, „вовсе разстроили мою маленькую философію и поссорили меня съ человѣчествомъ... И этотъ народъ извергова осмѣлился говорить о свободѣ, о философіи, о человѣколюбіи! И мы до того были ослѣплены, что подражали имъ, какъ обезьяны!" Только непосредственное общеніе съ Западомъ во время заграничнаго похода русской арміи смягчило гнѣвъ Батюшкова и примирило его съ „человѣчествомъ". Нѣсколько позднѣе Грибоѣдовъ заставилъ Чацкаго въ горячей и искренней репликѣ декламировать противъ „слѣпого и рабскаго подражанія".

Это патріотическое возбужденіе патріотическаго чувства было широко использовано консервативными кругами и освятило попытки созданія соотвѣтствующей идеологіи.

Идеологами консервативнаго націонализма выступили *Карамзинъ* и *Шишковъ*. Даже въ періодъ „Писемъ русскаго путешественника" и „Бѣдной Лизы" нашъ чувствительный, сантиментально-мечтательный авторъ не разъ обнаруживалъ порядочную дозу житейскаго благоразумія и трезвой разсудочности. Восторгъ передъ „Новой Элоизой" не помѣшалъ „русскому путешественнику" тотчасъ же подчеркнуть, что въ этомъ романѣ „много неестественнаго, много увеличеннаго", а вскорѣ въ разсужденіи „Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи" выступить рѣшительнымъ оппонентомъ женевскаго философа по вопросу о значеніи просвѣщенія. Увлеченіе жизнью „счастливыхъ швейцаровъ" уживается съ полнымъ непониманіемъ смысла французской революціи. Съ годами двойственность натуры Карамзина исчезаетъ, и побѣда остается на сторонѣ разсудочности и консерватизма. Вступленіе на престолъ императора Александра Карамзинъ встрѣчаетъ торжественной одой, въ которой прославляетъ свободу, какъ основу любви народа къ государю, и доказываетъ, что свобода „съ пользою царей согласна". Но свобода эта еще не обозначаетъ равенства.

Свобода тамъ, гдѣ есть *уставы*,
Гдѣ добрый не боясь живетъ,
Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый!
Свобода мудрая свята,
Но *равенство одна мечта*.

Карамзинъ совершенно разстался съ этой мечтой. Въ слѣдующемъ же 1802 г. онъ выступаетъ со статьей „Пріятные виды, надежды и желанія нашего времени“, гдѣ развиваетъ твердый взглядъ на французскую революцію и ея послѣдствія. „Революція“, писалъ онъ, „объяснила идеи, мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства, что, разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти; что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать законы нравственному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ,.. и что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенство гражданскихъ обществъ“. Революціонеры думали ниспровергнуть законную власть, расшатать троны государей, но они достигли совершенно противоположныхъ результатовъ. Ужасы революціи заставили всѣхъ сплотиться вокругъ правительства. „Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новизнѣ. Никогда согласіе ихъ не бывало столь явнымъ, искреннимъ и надежнымъ“.

Нечего думать о новизнѣ. Теперь Карамзинъ озабоченъ тѣмъ, чтобы укрѣплять въ русскихъ людяхъ „любовь къ отечеству и народную гордость“ („Разсужденіе“ 1802 г.). Вся „Исторія государства россійскаго“ пишется съ мыслью, что Русь всегда спасалась единодержавіемъ. Прошлое даетъ уроки настоящему, и Карамзинъ связываетъ „оба полы времене“ въ своей „Запискѣ о древней и новой Россіи“ (1810—11 гг.). Исторіографъ заявляетъ себя рѣшительнымъ противникомъ реформаторскихъ плановъ императора, напоминая ему объ отвѣтственности передъ Богомъ, совѣстью и потомствомъ. Онъ предвидитъ гибельныя послѣдствія, если правительство дастъ „господскимъ людямъ свободу“: крестьяне, освобожденные безъ земли (вѣдь земля составляетъ собственность помѣщиковъ), образуютъ опасный для государственнаго спокойствія пролетаріатъ. Но особенно Карамзина ужасаетъ перспектива, что Россія можетъ сдѣлаться конституціонной страной. Онъ совершенно не видитъ разумныхъ способовъ, какъ „законъ поставить выше государя“. Если сенатъ или совѣтъ, которому будетъ предоставлено право блюсти законъ, будетъ состоять изъ лицъ, назначенныхъ государемъ, то, какъ на этотъ разъ справедливо заключаетъ Карамзинъ, они явятся „угодниками царя“. Если же члены подобнаго учрежденія будутъ выбираться государствомъ, то лицомъ къ лицу окажутся двѣ власти, какъ „два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга“, и въ случаѣ конфликта съ верховной властью придется апеллировать къ народу, „возмущать“ его. „Всякое доброе русское сердце содрогается отъ сей ужасной мысли“. И вотъ единственное, что Карамзинъ можетъ посовѣтовать Александру, какъ и другому государю: „Да цар-

ствуетъ добродѣтельно! да пріучитъ подданныхъ ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народныя, который лучше всѣхъ бренныхъ формъ удержатъ будущихъ государей въ предѣлахъ законной власти; чѣмъ? страхомъ возбудить всеобщую ненависть въ случаѣ противной системы царствованія".

Итакъ, нѣтъ надобности въ новизнѣ, дѣло не въ „бренныхъ формахъ": страна можетъ спокойно благоденствовать при крѣпостномъ правѣ и самодержавіи, лишь бы государи царствовали добродѣтельно.

Въ трогательномъ согласіи съ Карамзинымъ оказался его литературный противникъ, адмиралъ *Шишковъ*. Въ 1811 г. онъ прочиталъ въ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова" рѣчь на тему, близкую сердцу Карамзина,—„Разсужденіе о любви къ отечеству". Шишковъ тоже призываетъ бороться съ „развращенными идеями Запада", съ тѣми „развратными нравами, которымъ новѣйшіе философы обучили родъ человѣческій, и которыхъ пагубные плоды, послѣ толикаго пролітія крови, понынѣ еще во Франціи гнѣздятся". Средствомъ для этого являются сохраненіе въ чистотѣ русскаго языка и національное воспитаніе, укрѣпляющее благочестіе, вѣру и добродѣтель. Примѣры этихъ добродѣтелей во множествѣ представляетъ русская исторія, которая гордится именами Гермогеновъ, Филаретовъ, Пожарскихъ, Трубецкихъ и др.

Успѣхъ рѣчи превзошелъ ожиданія оратора. Чувства Шишкова были по достоинству оцѣнены и императоромъ, который назначилъ его государственнымъ секретаремъ. Удача окрылила адмирала, и онъ не упускалъ случая высказывать свои патріотическія сентенціи. Въ 1820 г. А. И. и Н. И. Тургеневы представили въ департаментъ законовъ государственнаго совѣта проектъ закона „о пресѣченіи продажи крестьянъ порознь и безъ земли". Шишковъ не только возсталъ противъ этого проекта, но и постарался перевести вопросъ на общую, широкую почву. „Въ то время", разсуждаетъ онъ, „когда мы слышимъ и видимъ, что почти всѣ европейскія державы вокругъ насъ мятутся и волнуются, наше благословенное отечество пребыло всегда и пребудетъ спокойно". Россія „больше благоденствуетъ, нежели всѣ другіе народы... На что жъ перемѣны въ законахъ, перемѣны въ обычаяхъ, перемѣны въ образѣ мыслей?.. Мы явно видимъ надъ собою благодать Божію. Десница Вышняго хранитъ насъ. Чего намъ лучше желать?"

Трудно обнаружить большій оптимизмъ. Шишковъ и Карамзинъ непоколебимо вѣрятъ въ святость и спасительность главныхъ основъ нашего національнаго бытія: самодержавія, вѣры православной, крѣпостничества и истинно-русскихъ добродѣтелей, взрощенныхъ вѣками нашей старины. Въ этомъ — наша „народность"; поддерживать и беречь ее значитъ „любить отечество".

Свои по существу традиціонные взгляды Карамзинъ и Шишковъ стараются обосновать исторической и публицистической аргументаціей и тѣмъ кладутъ начало для дальнѣйшаго теоретическаго развитія идеологіи крѣпостниковъ и монархистовъ, такъ называемой офиціальной народ-

ности. Пройдетъ еще какое-нибудь десятилѣтіе, и Уваровъ заключитъ суть этой идеологіи въ сжатую формулу: православіе, самодержавіе и народность.

Картина общественной реакціи въ Александровскую эпоху, и безъ того достаточно яркая и сочная, обогатилась еще одной специфической чертой — *піэтистическимъ обскурантизмомъ*. Европейское по своему происхожденію, это теченіе приняло у насъ самобытныя русскія формы. Русское правительство, такъ много сдѣлавшее въ лицѣ самого императора для осуществленія идеи Священнаго Союза, задалось цѣлью подчинить церкви и религіи всѣ стороны духовной жизни страны. Въ 1817 г. создается типичное для эпохи „министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія", „дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія".

Глава этого страннаго вѣдомства, піэтистъ и мистикъ, кн. А. Н. Голицынъ, нашелъ себѣ усердныхъ сотрудниковъ прежде всего среди членовъ вновь образованнаго при министерствѣ „ученаго комитета". Этотъ комитетъ, вѣдая цензуру учебныхъ книгъ, долженъ былъ, согласно инструкціи, стремиться „къ истинной, высокой цѣли—къ водворенію въ составѣ общества въ Россіи постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властію или, другими выраженіями, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ". Наука, „вѣдѣніе" ставится въ тиски между вѣрой и властью, и нетрудно себѣ представить вытекающія отсюда послѣдствія. Магницкій, Руничъ, цензоръ Красовскій—все это громкія имена борцовъ противъ свободы мысли, гасителей просвѣщенія. Въ выборѣ средствъ не стѣснялись: имъ „орудіемъ духовнымъ—проклятье, мечъ, и крестъ и кнутъ". Піэтистическій психозъ захватываетъ значительную часть высшаго общества. Католицизмъ и іезуиты пріобрѣтаютъ огромный авторитетъ. Дѣти аристократическихъ семей воспитываются въ модныхъ іезуитскихъ пансіонахъ. Нерѣдки случаи явныхъ и тайныхъ переходовъ въ католичество. Юлія Крюднеръ, Селивановъ, Татаринова, скопецъ Ѳедоровъ—выступаютъ въ вліятельной роли духовныхъ вождей. Литература наводняется мистическими сочиненіями туземнаго и иностраннаго происхожденія („Сіонскій Вѣстникъ" Лабзина съ 1806 г., произведенія Юнга, Шиллинга, Бема, Эккарстгаузена и др.). Библейское Общество, основанное въ 1812 г. съ просвѣтительной цѣлью распространять Св. Писаніе, рѣшительно вступаетъ на тотъ же путь реакціонной мистики. „У всѣхъ на языкѣ слова: религія въ опасности, нарушеніе нравственности, приверженецъ иноземныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкмасонъ, фанатикъ и т. д. Словомъ, совершенное безуміе", писалъ С. С. Уваровъ Штейну въ 1813 г. Никогда еще у насъ въ такой степени не злоупотребляли религіей и именемъ Бога, какъ теперь. Во имя вѣры совершались самыя кощунственныя издѣвательства надъ разумомъ, совѣстью и свободой человѣка.

Такимъ образомъ, потокъ либерализма наталкивался на толстую плоти-

ну, сооруженную изъ твердыхъ матеріаловъ вѣковой косности, узкаго національзма, реакціи и обскурантизма. Борьба была неравная, и нѣжнымъ всходамъ свободной мысли трудно было укрѣпиться на невоздѣланной почвѣ русской жизни. Старое прочно засѣло въ умахъ и сердцахъ. Его нелегко было поколебать тѣмъ болѣе, что за нимъ стоялъ далеко еще не расшатанный порядокъ жизни.

Вотъ почему развитіе художественной литературы въ Александровскую эпоху долгое время идетъ по старой колеѣ, вотъ почему поразительную живучесть обнаруживаютъ унаслѣдованные отъ XVIII в. сентиментализмъ и классицизмъ.

3.

Борьба литературныхъ теченій.

Самъ Карамзинъ отъ беллетристики уже перешелъ къ другимъ литературно-научнымъ занятіямъ, но его слава, какъ *сантиментальнаго* писателя, увлекла за нимъ цѣлую группу литераторовъ, среди которыхъ въ XIX в. встрѣчаемъ имена Подшивалова, Владиміра и Александра Измайловыхъ, П. Ю. Львова, кн. П. И. Шаликова, Свѣчинскаго и др. Имъ принадлежитъ множество произведеній въ карамзинскомъ жанрѣ во всѣхъ родахъ и видахъ литературнаго творчества, подъ самыми трогательными заглавіями: Бѣдная Маша, Несчастная Лиза, Исторія бѣдной Маріи, Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевыхъ горъ, Милыя и нѣжныя сердца и т. д. и т. д. Кто предпринимаетъ чувствительное путешествіе въ полуденную Россію (В. Измайловъ, Шаликовъ), кто просто въ Кронштадтъ (Шаликовъ). Лирики украшали любовь и дружбу гирляндами изъ нѣжныхъ цвѣтовъ сантиментализма. Съ театральныхъ подмостковъ не перестаютъ раздаваться трогательныя рѣчи героевъ мѣщанской драмы во вкусѣ Коцебу. „И коцебятина одна теперь на сценѣ", жаловался кн. Горчаковъ. Всюду обильно лились тихія, сладкія слезы, отовсюду слышались нѣжные вздохи. Бѣлинскому даже въ 1834 г. пришлось разбирать стихотворенія А. Коптева, снабженныя эпиграфомъ: „Чувствительность есть даръ, поэзія искусство, Природа сердце мнѣ, судьба дала перо". „Подражая", по его чистосердечному признанію, „нѣжной музѣ Н. М. Карамзина", М. М. Хераскову, П. И. Шаликову, Коптевъ свое сердце и перо посвятилъ любви и дружбѣ.

Слезы, ахъ! льются,
Сердце трепещетъ
Бѣдно мое.
Нѣтъ здѣсь любезныхъ,
Я воздыхаю -
Милыхъ здѣсь нѣтъ.
. . . .

Нѣкоторые стихи онъ „написалъ въ угодность одной прелестной дѣвушкѣ; прелестной, слѣдовательно, и любезной, которая сама часто посвящаетъ Музамъ праздные часы свои, охотница до ландышей, любитъ стихи сего размѣра".

Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ весьма длительнымъ литературнымъ настроеніемъ.

Въ Англіи сантиментализмъ былъ

продуктомъ измѣнившихся условій общественно-политической жизни и отражаетъ въ себѣ общій процессъ демократизаціи жизни. У нашихъ сантименталистовъ также по временамъ мелькаютъ черты демократизма и гуманности, но, не опираясь на соотвѣтствующія измѣненія въ структурѣ общества, попавъ все въ ту же дворянскую среду, нашъ сантиментализмъ не могъ развить наиболѣе цѣнной своей стороны—соціальной. Въ русской обстановкѣ она быстро вывѣтрилась, зато непомѣрно разрослись безпредметная чувствительность и игра воображеніемъ. Сама теорія, поскольку вообще можно говорить о теоріи русскаго сантиментализма, прежде всего провозглашаетъ именно приматъ сердца надъ другими сторонами человѣческой психики. Подшиваловъ пишетъ цѣлый гимнъ „Къ сердцу“ (1794), воспѣвая сердце чувствительное, мягкое, доброе, „простосердечіе и мягкосердечіе“. Тихія колебанія сердца—„чистый, неизсякаемый источникъ драгоцѣнныхъ чувствъ и добродѣтелей“. „Виновникъ дѣлъ великихъ, дѣлъ благородныхъ, сердце! для чего ученые, ищущіе просвѣщенія, съ ущербомъ правъ твоихъ обогащаютъ свой разумъ? для чего образуютъ, воспитываютъ болѣе сей послѣдній, нежели тебя? Какой можетъ быть проповѣдникъ, какой писатель, когда нѣтъ сердца, нѣтъ чувства? Какой человѣкъ будетъ безъ нихъ счастливъ?“ „Дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ“, доказываетъ одновременно и Карамзинъ („Что нужно автору?“). Задача поэта—„изображать красоту, гармонію и распространять въ области чувствительнаго пріятныя впечатлѣнія“, и ему необходимо имѣть „доброе, нѣжное сердце“, которое бы билось „страстью къ добру“, „неограниченнымъ желаніемъ всеобщаго блага“. Карамзинъ и Подшиваловъ играютъ антитезой „чувствительной и холодной“, все время отожествляя чувствительность съ гуманной отзывчивостью, съ добромъ, съ добродѣтелью. Въ ихъ рѣчахъ звучитъ уже опредѣленный протестъ противъ холодной мѣщанской разсудительности и призывъ къ благородной „безразсудности“, къ „великимъ жертвамъ добродѣтели“, къ „великимъ дѣламъ“. Эти „великія дѣла“ въ пониманіи сантименталистовъ однако не выходятъ изъ условныхъ предѣловъ „добродѣтели“. Категоріи чувствительнаго, прекраснаго и добраго сливаются въ одномъ синтезѣ, и это единство „тайно для разума, но извѣстно сердцу“ (Карамзинъ въ ст. „О книжной торговлѣ“).

Напрасно теоретики сантиментализма тратили свои аргументы въ подтвержденіе здравой мысли, что необходима искренность, правдивость и даже простота въ изображеніи своихъ чувствъ: сердце русскихъ „авторовъ“ не хотѣло подчиняться теоріи, и „чувствительность“ перешла въ смѣшную гипертрофію чувства. Сердце, объявленное средоточіемъ всей человѣческой психики, разрослось до такихъ размѣровъ, что заслонило собою другія ея стороны, особенно „разумъ“. Ничтожная подчасъ причина вызываетъ неожиданный по силѣ аффектъ. Льются слезы, раздаются вздохи по самымъ незначительнымъ поводамъ. Подъ наплывомъ чувствъ замолкаетъ работа разума, и тѣмъ легче человѣкъ

погружается въ царство мечты, идиллическихъ грезъ, дѣйствительныхъ или только воображаемыхъ наслажденій любовью и дружбой, при чемъ дружба сбивается на любовь, а изъ любви стремятся сдѣлать amitié amoureuse. Все это такъ сладко убаюкиваетъ сердце, лелѣетъ чувство; душа полна тихаго восторга, на глазахъ— слезы, сладкія слезы. Радость и грусть чередуются между собой и проникаютъ другъ друда, создавая своеобразное настроеніе меланхоліи, этой— неразлучной спутницы сентиментализма, „сильной царицы превыспреннихъ мыслей". Жуковскій пытается даже дать психологическое опредѣленіе и обоснованіе меланхоліи: „Меланхолія не есть ни горесть, ни радость: я назвалъ бы ее оттѣнкомъ веселія на сердцѣ печальнаго, оттѣнкомъ унынія на душѣ счастливца". Чувствительный меланхоликъ ищетъ себѣ соотвѣтственной обстановки. Онъ любитъ сумерки, ночь, луну, кладбище, развалины. Замѣтимъ, что еще до Жуковскаго элегія Грея „Сельское кладбище" дважды переводится у насъ и вызываетъ подражаніе со стороны Павла Львова. Въ такой обстановкѣ легче проникаться „духомъ оссіановской горести", поддерживать полетъ „превыспреннихъ мыслей". Эти мысли носятъ не только чувствительно-моральный отпечатокъ, но и яркую благочестивую окраску. Сантиментализмъ и религіозный піэтизмъ родились и выросли въ одной колыбели. Оттого въ сантиментальной литературѣ рядомъ съ чувствительными и кладбищенскими мотивами такъ отчетливо звучатъ и мотивы отрицанія разума, земной суеты, преданности Богу. Въ этомъ направленіи между прочимъ творили и три поэтессы: Анна Бунина, Анна Волкова и Анна Турчанинова. Послѣдняя, напримѣръ, писала стихотворенія подъ заглавіями: Достоинство смерти, Гласъ смертнаго къ Богу, Къ суетѣ и т. п.

„Мирные энтузіасты чувствительности, ограниченные стѣнками своего сердца, убаюкивающіе себя до тихихъ восторговъ и слезъ анализомъ своихъ ощущеній, которыя за жизненной тщетой давали предчувствовать небо",—писалъ покойный академикъ А. Н. Веселовскій,—люди этого типа уходятъ отъ общественности въ міръ своего крошечнаго „я", въ абстракцію „человѣчности", внутренней „свободы", въ уединеніе, въ природу, вѣщающую о благости Творца. Такова эта прекрасная душа, schöne Seele, belle âme Руссо".

„Только то и прекрасно, чего нѣтъ въ дѣйствительности, говоритъ Жанъ-Жакъ Руссо. Такъ что же?" разсуждаетъ Карамзинъ: „Если это прекрасное, подобно легкой тѣни, вѣчно отъ насъ убѣгаетъ, овладѣемъ имъ хотя бы въ воображеніи, устремимся за нимъ въ міръ сладкихъ грезъ, будемъ обманывать себя самихъ и тѣхъ, кто достоинъ быть обманутымъ. Поэтъ имѣетъ двѣ жизни, два міра. Если ему скучно и непріятно въ существенномъ, онъ уходитъ въ страну воображенія и живетъ тамъ по своему вкусу и сердцу, какъ благочестивый магометанинъ въ раю съ своими семью гуріями". И вотъ мы видимъ, какъ воображеніе культивируется въ спеціальномъ жанрѣ сантиментальной литературы— въ волшебныхъ сказочныхъ повѣстяхъ и балладахъ, въ родѣ „Баха-

ріаны" Хераскова или „Громвала" Каменева. Образы народной поэзіи разныхъ вѣковъ и народовъ, средневѣковыхъ сказаній, Оссіана и т. п. уносили во времена „романическія", отрывая отъ жизни и превращая ее въ сказку.

Наша жизнь лишь только сказка есть,
Чудная и баснословная,
Гдѣ мечты и привидѣнія
Появляются и царствуютъ,
Умъ приводятъ въ замѣшательство.
Счастливъ тотъ, чья жизнь, какъ тѣнь, прошла
И въ рѣкѣ забвенья скрылася.

Такъ философствовалъ Херасковъ. Изъ тьмы глубокой старины, изъ міра народныхъ преданій и вѣрованій вызывались тѣни рыцарей, волшебниковъ, чудовищъ, духовъ, привидѣній, мертвецовъ со всѣми пугающими воображеніе аксессуарами. Въ этомъ литературномъ жанрѣ обыкновенно видятъ уже романтизмъ, но это въ лучшемъ случаѣ только предвѣстники романтизма. „Чертовщина, привидѣнія и сказочные страхи",—писалъ академикъ Веселовскій въ своей монографіи о Жуковскомъ,—„вовсе не показаніе исключительно романтизма: ихъ воздѣлывала съ лихвой банальная литература волшебныхъ, разбойничьихъ и т. д. романовъ". Литературное теченіе, „вызвавшее къ бытію груды череповъ и скелетовъ, сонмъ призраковъ и мыслей на кладбищѣ, все это закутанное ночью или освѣщенное задумчивой луной", существовало до романтизма; тутъ нѣтъ еще „романтизма съ его теоретической обоснованностью, а до-романтизмъ (итальянцы называли его preromanticizmo) на почвѣ чувствительности".

Много было у насъ сентиментальныхъ писателей, но большинство изъ нихъ далеко не могло похвалиться талантомъ. Трудно было встрѣтить сочетаніе большого таланта съ такими особенностями „натуры", которыя бы отвѣчали установившимся вкусамъ сантиментализма; нелегко было сколько-нибудь искреннему человѣку выполнить взятое на себя обязательство быть чувствительнымъ. Этой ролью тяготился даже такой скромный и мало извѣстный писатель, какъ Николай Петровичъ Брусиловъ. Онъ добросовѣстно подражалъ Карамзину и Дмитріеву; какъ полагается, написалъ „Исторію бѣдной Маріи", „Мое путешествіе" и пр. Но вотъ какимъ характернымъ обращеніемъ къ читателю закончилъ онъ одну изъ своихъ повѣстей: „Есть ли въ книжкѣ сей найдешь ты мало сентиментальности, оставляю въ концѣ оной двѣ бѣлыя страницы, пиши на нихъ, дополняй, что тебѣ надобно. Опиши живописнымъ перомъ то, чѣмъ всѣ романы наполнены и чего нѣтъ въ моей повѣсти, то есть: пріятную долину, ручеекъ, журчащій по камешкамъ между прекраснаго лѣса, заходящее солнце... Скажи, какъ милый звукъ счастливаго пастушка, игравшаго на свирѣли, отражаемый крутыми горами, ограждающими сію долину, живо отдавался въ твоемъ сердцѣ, не позабудь блеянія овечекъ, лаянія какой-нибудь фидельки, словомъ, вмѣсти въ сихъ страницахъ побольше сентиментальности, заставь милую красавицу, читая твое дополненіе „выронить нѣжную слезку".

Карамзинистъ Макаровъ осмѣиваетъ приторную слезливость Шаликова. Нападки на „нѣжныхъ села-

доновъ", „высокопарныхъ педантовъ" обычны на страницахъ „Сѣвернаго Вѣстника", „Журнала россійской словесности", а тѣмъ болѣе, конечно, въ органахъ ложноклассиковъ. Нѣкоторыя возраженія ложноклассиковъ противъ сентименталистовъ нужно признать положительно удачными: въ нихъ есть и остроуміе и основательность. Кн. Шаховской (комедіей „Новый Стернъ"), кн. Горчаковъ, кн. И. Долгорукій и др. сдѣлали дружный натискъ на сентиментализмъ. Журналъ Каченовскаго „Вѣстникъ Европы" (1812 г. № 13) подвергъ сентиментализмъ чрезвычайно дѣльной критикѣ, доказывая, что „чувствительность сердца" должно управляться „здравымъ разумомъ", и что источникомъ „приторной чувствительности" является „нерадивое воспитаніе и невѣжество, а слѣдствіемъ—изнѣженность сердца, неспособность къ отправленію должности въ общежитіи и несносная причудливость". Кн. И. Долгорукій въ порывѣ своего негодованія буквально шлетъ проклятія по адресу сентименталистовъ:

Да будетъ проклятъ тотъ безмозглыхъ книгъ писецъ,
Кто первый въ кровь пустилъ ядъ осы лжеморальной
И, разумъ помутя, направилъ путь сердецъ,
Къ той жизни, кою мы зовемъ сентиментальной.

Къ хору противниковъ сентиментализма присоединили свои голоса Воейковъ („Домъ сумасшедшихъ"), Грибоѣдовъ (комедія „Студентъ") и многіе другіе писатели. Очевидно, сентиментализмъ, уже близкій къ разложенію, доживалъ свои послѣдніе дни. Но [illegible] прихо[illegible]омъ: престижъ этой „школы" поддерживало одно, дѣйствительно, крупное дарованіе, которое не укладывается въ рамки одного сентиментализма, но которое находится въ несомнѣнномъ родствѣ съ карамзинскимъ направленіемъ. Мы говоримъ о *В. А. Жуковскомъ*.

Болѣе чѣмъ безспорно, что Жуковскій воспитывался въ атмосферѣ сентиментализма и благочестивой созерцательности, что очень долгое время его творчество представляетъ простые перепѣвы мотивовъ, столь хорошо знакомыхъ сентиментальной литературѣ. Не только какъ переводчикъ „Сельскаго кладбища", но и какъ авторъ балладъ, Жуковскій не представляетъ собою новаго литературнаго явленія. Порой его поэзія впадаетъ въ тонъ сухого дидактизма, разсудочной назидательности, противъ чего такъ возставали нѣмецкіе романтики. Философская сторона европейскаго романтизма, его болѣе тонкія и причудливыя формы остались недоступными нашему „поэтическому дядькѣ вѣдьмъ и чертей". Подъ старость пѣвецъ Свѣтланы весь погружается въ спокойно величавый міръ античнаго эпоса. Все это такія черты, которыя дали основаніе еще Н. С. Тихонравову оспаривать ходячее мнѣніе, что Жуковскій типичный представитель романтизма, и которыя, послѣ глубокаго и тщательнаго ихъ анализа, привели академика Веселовскаго къ заключенію, что Жуковскій стоитъ лишь „на порогѣ романтизма". Но, если собрать всѣ черты, сближающія Жуковскаго съ нѣмецкими романтиками, то ихъ все же окажется столько, что съ нашей стороны не будетъ

преувеличеніемъ сказать, что Жуковскій уже перешагнулъ этотъ порогъ романтизма. Нѣмецкіе романтики живо интересовали Жуковскаго; въ 1817 г. онъ намѣревался даже издать особый альманахъ изъ произведеній Тика, Шлегеля, Новалиса и др. Поэтъ съ ярко выраженной индивидуальностью, Жуковскій чрезвычайно близко подходилъ къ тому типу романтиковъ, который въ Германіи представленъ Новалисомъ. Сходство есть и въ ихъ личной судьбѣ, и въ характерѣ настроенія.

Новалисъ, по его словамъ, жилъ „только будущимъ, вѣрой въ Бога и въ безсмертіе души". „Жизнь есть начало смерти. Жизнь существуетъ ради смерти". Ему хотѣлось бы самую жизнь превратить въ грезу, въ сказку. —Глубоко вѣрующій и мечтательный Жуковскій также живетъ или воспоминаніями о дорогомъ прошломъ или надеждой „на лучшій, неизмѣнный свѣтъ". Настоящаго для него какъ бы не существуетъ.

Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

Жизнь не болѣе, какъ „прекрасный сонъ". Поэтъ боится „низости настоящаго" и „губящаго волненья жизни". Онъ боится и разума, который такъ безпощадно разрушаетъ всѣ иллюзіи и грезы.

О другъ мой, умъ всѣхъ радостей палачъ!
Лишь горькій сокъ даетъ сей грубый врачъ:
Онъ бытіе жестоко осмѣетъ,
Призракъ исчезъ—и грація скелетъ...

„Нетлѣннаго" можно ждать лишь за дверью гробовою,

А на землѣ всего вѣрнѣй мечтать.

Передъ нами—религіозно-эстетическій идеализмъ и ирраціонализмъ, черты, типичныя и для настроенія нѣмецкихъ романтиковъ. Поэтъ бѣжитъ отъ „низости настоящаго" въ міръ народныхъ сказаній, средневѣковыхъ образовъ. Творчество Жуковскаго, взятое въ его наиболѣе интимныхъ мотивахъ, есть своего рода поэтическое анахоретство. И въ своихъ эстетическихъ воззрѣніяхъ Жуковскій въ концѣ концовъ поднимается на высоту нѣмецкаго романтизма.

Вслѣдъ за Новалисомъ Жуковскій сравниваетъ поэта съ Мемнономъ (въ посланіи къ Вяземскому и Пушкину 1814 г.) и совершенно въ духѣ романтиковъ развиваетъ антитезу поэта и толпы.

Прекрасное есть нѣчто невыразимое, недоступное языку земному; окружающій насъ вещественный міръ лишь намекаетъ на „что-то лучшее, тайное, далекое". Поэтъ интуитивнымъ путемъ постигаетъ эту связь видимаго съ неуловимымъ, высшимъ началомъ, и тогда „всѣ мелкія, разрозненныя части видимаго міра сливаются въ одно гармоническое цѣлое, въ одинъ, самъ по себѣ несущественный, но ясно душою нашею видимый образъ". Для Жуковскаго „все прекрасное — родня" и „сливается въ одно: Богъ"; и поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли". Искусство—органъ вѣрующаго духа, вторая ипостась религіи. Только свободное творчество можетъ достигать этой высоты. Принципъ свободы творчества—основной въ эстетикѣ Жуковскаго. „Поэзія живетъ свободою"; ея прелесть заключается въ полной непринужденности, въ отсутствіи намѣренія произвести „то или другое опредѣленное, но стороннее дѣй-

ствіе“. Жуковскій наложилъ печать религіозности и на свою эстетику, но это нисколько не мѣшаетъ намъ видѣть сходство его воззрѣній съ эстетикой нѣмецкихъ романтиковъ.

Съ дѣтства усвоивъ сентиментализмъ, Жуковскій осложнилъ его чертами романтизма, и, какъ бы мы ни ограничивали его прикосновенность къ романтизму, мы не можемъ лишить его законныхъ правъ на мѣсто среди писателей - романтиковъ. Весь складъ его души — романтическій; ему не нужно было „подражать“, чтобы выразить поэзію романтическаго идеализма. „Поэзія Жуковскаго“, писалъ еще И. В. Кирѣевскій въ 1831 г.: „передала намъ ту идеальность, которая составляетъ отличительный характеръ нѣмецкой жизни, поэзіи и философіи“. И Жуковскій всю жизнь оставался вѣренъ своему основному настроенію, потому что онъ не могъ отказаться отъ самого себя. На глазахъ Жуковскаго, умершаго въ 1852 г., прошелъ сложный циклъ литературныхъ и общественныхъ теченій; при немъ завершилась дѣятельность Крылова, Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова и Гоголя; при жизни Жуковскаго начали выступать и писатели „сороковыхъ годовъ“ — Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ. Теоретически Жуковскій понималъ важность художественнаго реализма: А. Н. Майкову, гр. В. А. Соллогубу, А. П. Зонтагъ, какъ видно изъ писемъ, онъ совѣтуетъ изображать Русь, дѣйствительность, давать „живое, вѣрное изображеніе человѣка и общества“. Но самому Жуковскому „на новый ладъ не поется“; онъ все тотъ же „мечтательнаго зритель“, и уже современники, преклоняясь передъ непосредственной силой его таланта, передъ „плѣнительной сладостью“ его стиховъ, наконецъ, передъ его „возвышенной душой“, отмѣчали отсутствіе въ его поэзіи „натуры“ и даже (какъ Рылѣевъ) вредъ его туманной мечтательности. Жизнь шла мимо Жуковскаго, оставляя его на уединенномъ островкѣ какимъ-то поэтическимъ отшельникомъ.

Въ первыя два десятилѣтія имя Жуковскаго было однако знаменемъ новаго теченія, боровшагося съ ложноклассиками.

Позиція *классиковъ* даже при наличности популярнаго сентиментализма не была еще окончательно поколеблена. „Исключительная любовь къ французской словесности“, писалъ Батюшковъ въ 1814 г. „неизлѣчима: она выдержала всѣ возможныя испытанія и времени и политическихъ обстоятельствъ. Все было сказано на сей счетъ; всѣ укоризны, всѣ насмѣшки Таліи и людей просвѣщенныхъ остались безъ пользы, безъ вниманія“. Отголоски классицизма слышатся еще въ третьемъ десятилѣтіи вѣка: русскіе классики не выпускали изъ рукъ своего боевого знамени и тогда, когда враги уже перестали вступать съ ними въ серьезную борьбу, ограничиваясь шутливыми насмѣшками, колкими остротами надъ ветеранами, „въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалыми“.

Въ теченіе десятыхъ и двадцатыхъ годовъ ряды классиковъ были еще довольно многолюдны, производительность ихъ довольно значительна, и выступленія — довольно шумны. Безъ конца писались оды всѣхъ наименованій: торжественныя,

похвальныя, патріотическія, духовныя. Дань этому жанру заплатили сами Жуковскій и Пушкинъ („Воспоминанія въ Царскомъ селѣ“, 1815 г.). Но истинно „классическую“ славу одописца пріобрѣлъ себѣ графоманъ гр. Д. И. Хвостовъ. Вслѣдъ за Херасковымъ съ его „Россіадой“ потянулись цѣлой вереницей героическія поэмы кн. Шихматова, Грузинцева, А. Волкова, Романа Сладковскаго и мн. др., имена которыхъ уже ничего не говорятъ нашему времени. Да, впрочемъ, даже Татьяна Ларина охотно промѣняла на Мартына Задеку, „главу халдейскихъ мудрецовъ“, и на разрозненную „Мальвину“ (романъ г-жи Коттенъ)—сразу двѣ Петріады вмѣстѣ съ другими ненужными книжками.

Больше жизни и литературныхъ достоинствъ было въ театральныхъ пьесахъ ложноклассиковъ, тѣмъ болѣе что многіе изъ нихъ, повинуясь духу времени и непосредственнымъ внушеніямъ таланта, отражали уже и вѣянія сентиментально - романтическія.

Среди трагиковъ первое мѣсто, безспорно, принадлежало Озерову. Почерпая свои сюжеты изъ произведеній француза Дюси, изъ Оссіана, изъ русской исторіи, Озеровъ умѣлъ захватывать своихъ зрителей звучностью стиха, внѣшней эффектностью сценъ, идейной настроенностью героевъ и даже модными мотивами чувствительности и мечтательности. Послѣднія черты дѣлали Озерова писателемъ симпатичнымъ кружку Жуковскаго и интереснымъ даже для молодежи тридцатыхъ годовъ.

Среди комиковъ царилъ кн. Шаховской; онъ вывелъ, по выраженію Пушкина, „своихъ комедій шумный рой“. Обличая тщеславіе дворянства, смѣшныя затѣи помѣщиковъ-новаторовъ и т. п., произведенія Шаховскаго не блещутъ большими литературными достоинствами, но доставляли немалое удовольствіе публикѣ остроуміемъ сценъ, простотой языка и живостью дѣйствія. Отъ Расина и Вольтера Шаховской также постепенно эволюціонировалъ въ сторону новыхъ теченій. Къ 1820 году онъ уже дѣлается авторомъ „романтическихъ драмъ“, заимствуя сюжеты изъ произведеній Шекспира, В. Скотта, Оссіана и Пушкина. Мало того, не удовлетворяясь „драматическими подражаніями, принесенными къ намъ съ пудрою, шитыми кафтанами и красными каблуками изъ Парижа“,— онъ помышляетъ о созданіи „своего собственнаго театра на обширномъ и прочномъ фундаментѣ“ и въ этомъ духѣ написалъ даже нѣсколько пьесъ.

Весьма знаменательную неустойчивость своихъ литературныхъ вкусовъ обнаружилъ и критикъ ложноклассическаго лагеря, *проф. Ал. Ѳ. Мерзляковъ*. Подобно Каченовскому, „жителю Бутырской слободы“ и подобнымъ сотрудникамъ „Вѣстника Европы“, подобно А. Писареву, автору „Общихъ правилъ театра, выбранныхъ изъ полнаго собранія сочиненій г. Вольтера“ (1809 г.),— Мерзляковъ опирался прежде всего на авторитеты Буало, Батте, Лагарпа, Аристотеля и Горація, но, при составленіи своего „Краткаго начертанія теоріи изящной словесности“ и „Краткой риторики“, въ значительной степени пользуется книгой Эшенбурга „Entwurf einer Theorie und Literatur der

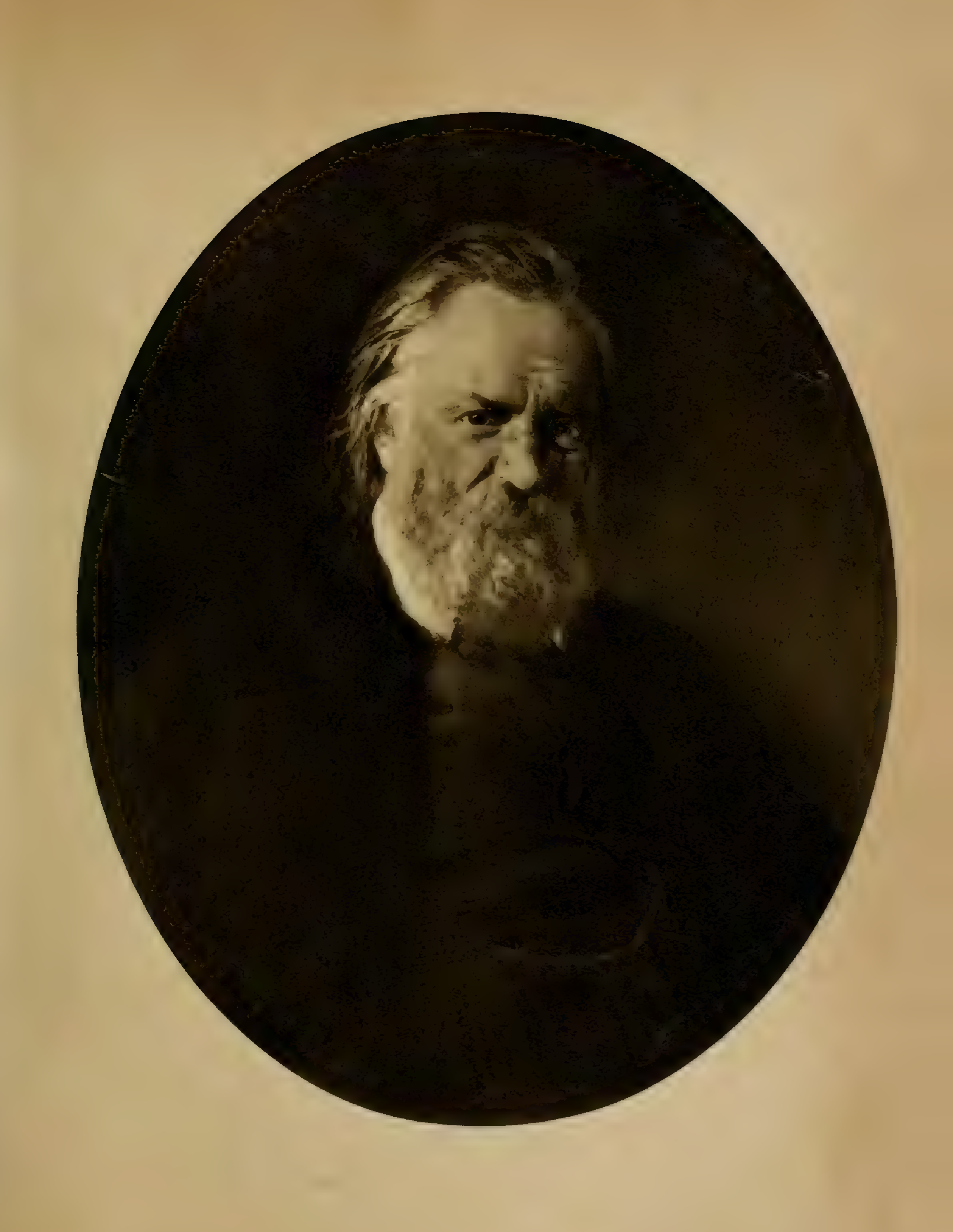
schönen Wissenschaften". А Эшенбургъ, котораго изучалъ и Жуковскій вмѣстѣ съ Зульцеромъ и Энгелемъ, популяризировалъ идеи Баумгартена, Вольфа и англійскихъ психологовъ-эстетиковъ. Мерзляковъ уже дошелъ до мысли, что „произведенія изящныхъ искусствъ, какъ предметъ чувствованія и вкуса, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ, кажется, имѣть постоянной системы или науки изящнаго". Цѣль художника, по его опредѣленію, „представлять природу вѣрно, подлинно, выразительно,—трогать, увеселять, и склонять на свою сторону сердца, на которыя онъ хочетъ дѣйствовать".

Забывая о суровыхъ требованіяхъ ложноклассической теоріи, Мерзляковъ способенъ и самъ отдаться „мечтаніямъ о той сладостной жизни или не-жизни, о которой жалѣемъ и въ которой не можемъ дать себѣ отчета, какъ во снѣ", способенъ сочинять заунывныя и трогательныя пѣсенки (въ родѣ: „Среди долины ровныя", „Чернобровый, черноглазый, молодецъ удалый" и пр.). Совершенно одновременно Мерзляковъ могъ нападать на „дикости" „Цыганъ" Пушкина и умиляться „Кавказскимъ плѣнникомъ". Видя въ балладахъ „дикій, враждебный правиламъ, нелѣпый" родъ литературы, возмущаясь „странными вымыслами юродствующаго воображенія", авторъ „Краткаго начертанія" нашелъ однако возможнымъ сказать: „Насъ русскихъ познакомилъ съ балладами, и весьма *удачно*—Жуковскій". Мерзляковъ стоялъ какъ бы на распутьи. Примирить свои сомнѣнія [illegible] и не [illegible] на диспутѣ.

Надеждина онъ продолжалъ настаивать, что истинная поэзія та, которая „согласна съ общимъ вкусомъ образованныхъ націй".

Такимъ образомъ, никакіе авторитеты, вѣками освященные, не могли уберечь ложноклассиковъ отъ того, что постепенно ихъ творчество и теорія стали принимать въ себя новые элементы.

Серьезный ударъ русскій ложноклассицизмъ получилъ со стороны людей, благоговѣвшихъ передъ античной литературой, со стороны представителей нашего *неоклассицизма*. Своимъ возникновеніемъ этотъ неоклассицизмъ обязанъ тому же подъему патріотическаго настроенія, который породилъ націоналистическую идеологію и декабризмъ. Начало неоклассицизма можно вести съ „Писемъ изъ сожженной Москвы въ Нижній-Новгородъ къ другу" И. М. Муравьева-Апостола (1813—15 гг.). Присоединяя свой негодующій голосъ къ общимъ протестамъ противъ галломаніи, Муравьевъ-Апостолъ подвергаетъ критикѣ французскую словесность, сопоставляя ее съ литературой другихъ народовъ и особенно съ произведеніями грековъ и римлянъ. Французская литература не такъ богата, какъ мы привыкли думать; испанцы, англичане, нѣмцы могутъ съ полнымъ правомъ противопоставить прославленнымъ французскимъ писателямъ имена Сервантеса, Шекспира, Мильтона, Юма, Виланда, Лессинга, Гете, Шиллера и др.; даже мы, русскіе, можемъ съ гордостью назвать Державина, „котораго природа одарила геніемъ удивительнымъ, а случайность предохранила въ воспитаніи отъ робкаго, изнѣженнаго



вкуса французовъ". „Французы не во всѣхъ родахъ словесности успѣли; у нихъ нѣтъ ни поэмы, ни исторіи, ни живописной поэзіи (poésie descriptive), ни пастушеской, ни даже романа своего". Поэтому странно все оцѣнивать на „французскій масштабъ". Французская литература сама носитъ подражательный характеръ, и притомъ „робкій изнѣженный вкусъ" французовъ сильно исказилъ достоинства античной литературы. Всѣ новѣйшія литературы „почерпнули красоты свои въ единственномъ и неизсякаемомъ источникѣ всего изящнаго—у грековъ и римлянъ". Отсюда слѣдуетъ, что, если мы желаемъ выйти изъ состоянія младенчества, мы должны отъ копіи обратиться къ оригиналу, мы должны воспитывать нашихъ дѣтей не на французскомъ языкѣ, а на греческомъ или, по крайней мѣрѣ, латинскомъ. Пока мы не введемъ классической системы образованія, „до тѣхъ поръ мы, большая часть толпы, будемъ не говорить, а болтать, не писать, а лишь марать бумагу".

Подобныя мысли въ защиту чистаго, не фальсифицированнаго классицизма развивалъ и Гнѣдичъ въ „Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности" (1814). Нѣсколько позднѣе мы встрѣтимся съ ними (хотя и въ своеобразной аргументаціи) у Д. В. Веневитинова въ статьѣ „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала" и у И. В. Кирѣевскаго въ статьѣ „Девятнадцатый вѣкъ".

Отвѣтомъ на призывъ Муравьева Апостола и Гнѣдича явились переводы съ классическихъ языковъ на русскій (М. Н. Муравьева, Мартынова, Мерзлякова, самого Муравьева-Апостола) и особенно знаменитый переводъ Иліады, сдѣланный Гнѣдичемъ.

Переводы позволяли сличать копію съ оригиналомъ, видѣть „французскія румяна", густымъ слоемъ наложенныя на литературные образы. Гримъ снятъ, и величавый герой превратился въ актера съ печальными морщинами на одряхлѣвшемъ лицѣ.

Въ непосредственномъ общеніи съ античной литературой ищутъ наслажденія и вдохновенія члены кружка *А. Н. Оленина*, стремясь сочетать свои классическія симпатіи съ любовью къ родной старинѣ. Блестки античной поэзіи сверкаютъ въ такъ называемой легкой, анакреонтической поэзіи, которой была весьма богата первая четверть XIX в. Во главѣ этой группы поэтовъ сталъ *Батюшковъ*, столь несравненно постигшій тайны греческой пластики и античной музыки стиха. Онъ придавалъ большую принципіальную важность „легкой поэзіи", которая „стояла бы ближе къ жизни, къ интересамъ образованнаго общества и отличалась бы изяществомъ формы". И, дѣйствительно, Батюшкову удалось, по мѣткому выраженію Гоголя, прикрѣпить поэзію „къ землѣ и тѣлу, выказывая всю очаровательную прелесть осязаемой существенности".

Такова была конечная судьба русскаго ложноклассицизма. Но, возвращаясь къ первымъ пятнадцати годамъ XIX ст., мы видимъ, что энергія еще не покидала старыхъ бойцовъ. Они еще выступали сомкнутыми, организованными рядами.

Въ ихъ распоряженіи былъ спеціальный журналъ „Драматическій Вѣстникъ“ (съ 1808 г.); они основываютъ „Бесѣду любителей россійской словесности“ (1811 г.); на ихъ сторонѣ была и Россійская Академія. Своимъ „Разсужденіемъ о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“ (1803 г.), вождь классиковъ, адміралъ Шишковъ, открываетъ пятнадцатилѣтнюю кампанію *противъ „карамзинистовъ“*. Въ полемикѣ принимали участіе всѣ болѣе живыя силы русской литературы. Комедія Шаховского „Липецкія воды или урокъ кокеткамъ“ (1815 г.), въ которой былъ осмѣянъ Жуковскій въ лицѣ поэта-балладника Фіалкина, подала ближайшій поводъ къ образованію общества „*Арзамасъ*“. Это важный моментъ въ исторіи нашего литературнаго развитія. Какъ ни много мѣста „арзамасскіе гуси“ отводили легкой шуткѣ, юмористическимъ вздѣвательствамъ надъ противниками, какъ ни кратковременно было существованіе „Арзамаса“ (въ 1818 г. онъ уже распался), но все же ему принадлежитъ серьезное *симптоматическое* значеніе. Уже самый фактъ сплоченія группы писателей—новаторовъ свидѣтельствуетъ о сознаніи ими своей силы. Не имѣя ни опредѣленной общественной программы, ни даже единой литературной теоріи, арзамасцы однако были связаны общностью настроенія, какъ „друзья смѣлыхъ музъ“, какъ „шайка независимыхъ“. Подъ вліяніемъ Вас. Л. Пушкина, Уварова, Батюшкова, М. Ѳ. Орлова „Арзамасъ“ въ 1817 г. пробуетъ расширить планъ своей дѣятельности и придать ей серьезный общественно-литературный характеръ: онъ намѣревается заняться „образованіемъ общаго мнѣнія“ и съ этой цѣлью между прочимъ „наблюдать политическое и нравственное состояніе Россіи и прочихъ государствъ“, распространять „идеи свободы, приличныя Россіи въ ея теперешнемъ состояніи“. Планы эти не были осуществлены, но путь предстоявшей работы намѣченъ вѣрно. Время „Арзамаса“ (1815—1818) есть своего рода рубежъ, водораздѣлъ. По ту сторону мы видимъ главнымъ образомъ борьбу классицизма съ сантиментализмомъ и сантиментальнымъ романтизмомъ. Литература служитъ здѣсь выраженію интимныхъ сторонъ личности, ея внутреннему освобожденію, но въ значительной степени рѣетъ надъ жизнью. По сю сторону рубежа литература проникается уже духомъ общественной свободы. Оплодотворенная байронизмомъ и декабризмомъ, она пріобрѣтаетъ молодую энергію и яркую жизненность. Геніальное сочетаніе новыхъ чертъ литературнаго движенія представили пѣвецъ декабризма, *А. С. Пушкинъ*, и авторъ „Горя отъ ума“, *А. С. Грибоѣдовъ*.

ГЛАВА XII.

Очеркъ Пушкинскаго періода.

(Е. В. Аничкова.)

На картинахъ князя Гагарина среди живописной природы Кавказа привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе стройная и нарядная фигура офицера въ изящномъ мундирѣ Александровскаго времени. Солдатчина Николаевскихъ временъ еще не наложила на него своей мертвящей печати, или же здѣсь на Кавказѣ она сглажена вольностями походной обстановки.

Этотъ блестящій офицеръ стоитъ въ самомъ центрѣ литературныхъ теченій второй половины царствованія Александра I и начала царствованія Николая. Онъ главный и почти неизмѣнный герой множества повѣстей Бестужева Марлинскаго и князя В. Одоевскаго. Онъ же мелькаетъ и въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, а у Лермонтова въ „Фаталистѣ“, въ „Маскарадѣ“, въ „Героѣ нашего времени“ онъ получаетъ свое полное и законченное изображеніе. Къ этому же типу принадлежали и сами писатели того времени. Таковъ Батюшковъ, противъ воли отца, по неудержимому порыву, поступившій на военную службу и продѣлавшій всѣ походы Александра I отъ Парижа до Финляндіи. Таковъ партизанъ Давыдовъ, таковы и пылкіе декабристы, члены различнаго рода тайныхъ обществъ: Рылѣевъ, князь Александръ Одоевскій, Бестужевъ. Къ той же блестящей военной молодежи принадлежалъ нѣкоторое время и Грибоѣдовъ, а позднѣе Лермонтовъ прожилъ среди нея всю свою, правда, недолгую жизнь. Статскіе: князь Вяземскій, Кюхельбекеръ, Пушкинъ, баронъ Дельвигъ, Веневитиновъ, Баратынскій жили въ сущности тѣми же впечатлѣніями, дружили съ тѣми же людьми, лелѣяли тѣ же идеалы и стремленія, и во многомъ и самый образъ жизни ихъ совпадалъ съ жизнью блестящаго свѣтскаго офицерства.

Направленіе давали именно военные, статскіе составляли скорѣе ихъ разновидность, скорѣе исключеніе изъ правила, чѣмъ особую среду.

Такой типъ дворянина, свѣтскаго щеголя и блестящаго офицера, создала бурная эпоха Отечественной войны. Она вывела русское дворянство на просторъ всемірной исторіи, оторвала его и отъ канцелярщины, и отъ исключительно казарменной солдатчины, и отъ родовыхъ помѣстій, съ ихъ слишкомъ затхлой и косной атмосферой. А послѣдовавшіе кавказскіе походы поддерживали эту же традицію отваги и бродячей жизни, эту же поэзію военныхъ и путевыхъ приключеній. Оставаясь помѣщикомъ, помѣщикомъ по самому существу, дворяниномъ - землевладѣльцемъ, съ рыцарскими представленіями о чести и доблести, подъ вліяніемъ новой жизненной обстановки, какъ было даже окончательно не свести всѣ счеты и съ чиновничествомъ и съ старо-русскимъ захолустьемъ? Въ канцеляріяхъ и въ своихъ усадьбахъ

блестящій офицеръ сталъ появляться мимоходомъ, съ одной стороны, какъ чужой, а съ другой, какъ существо высшее, какъ какое-то недосягаемое, хотя и родное, совершенство. Блестящій офицеръ того времени побывалъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ, съ дѣтства зная иностранные языки, онъ живо воспринималъ новые общественные и литературные взгляды и вкусы. Онъ исколесилъ чуть ли не всю Европу, побывалъ въ Парижѣ, въ Римѣ, на живописномъ востокѣ, тамъ, въ тѣснинахъ грознаго и упоительнаго Кавказа и чувствовалъ въ своей осложнившейся душѣ отзвуки одинаково родные, отзвуки интересовъ Запада и знойныхъ, хотя и полуспящихъ восточныхъ чувствъ. Мудрено ли поэтому, что именно ему то, этому блестящему офицеру, выпало на долю еще представить собою и ту передаточность между Востокомъ и Западомъ, которая составляетъ удѣлъ славянства и, еще болѣе, насъ русскихъ.

Именно дворянство—служилое сословіе, но по самому своему складу все-таки сословіе деревенское и аристократическое, сословіе, воспитанное въ феодальныхъ нравахъ и понятіяхъ—должно было, съ одной стороны, оказаться наиболѣе подвижнымъ, а съ другой, и наиболѣе способнымъ задуматься о государственномъ переустройствѣ Россіи.

1.

Русскій романтизмъ.

Дворянство —и именно дворянство высшее, наиболѣе служилое и развитое, въ значительной степени перешедшее въ городъ,—естественно могло наиболѣе легко поддаваться вліяніямъ смѣнявшихся на Западѣ литературныхъ взглядовъ. Оно стояло ближе къ Европѣ. Иностранная книга давно и даже въ изобиліи проникала въ эту среду. Мысль обострялась. Потребности умственной жизни уже имѣли довольно старую традицію. Сознаніе прошло черезъ „волтерьянство“ и европеизировалось.

Первое проявленіе на литературномъ поприщѣ очерченной мною особой умственной и соціальной среды была лирика. Красота индивидуальнаго поэтическаго творчества, красота личныхъ мыслей и личныхъ чувствъ была создана золотымъ вѣкомъ нѣмецкой поэзіи, но она была предугадана и во Франціи въ легкой лирикѣ Парни и въ предсмертныхъ стихахъ Андрея Шенье, а въ Англіи ее еще раньше подготовляла интимная чувствительность Томсона. Всѣ эти „мысли-звуки“ уже раздавались и у насъ. Ихъ познали и полюбили Карамзинъ, Жуковскій и Батюшковъ. Слѣдующее поколѣніе развило ихъ вторженіемъ еще болѣе сознательнаго личнаго почина и „парнасскаго аоеизма“, что

Сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй.

Поэтъ-офицеръ Александровскаго времени сталъ уже лирикомъ-романтикомъ; его лиризмъ превзошелъ лирику Карамзина и Жуковскаго, а у Батюшкова онъ принялъ иной новый еще невиданный блескъ. Пріютъ

ему давали альбомы мечтательныхъ уѣздныхъ и столичныхъ красавицъ, и всего полнѣе отразили его изящно изданные „Сѣверные цвѣты“ Дельвига.

Лирика Жуковскаго была строго элегична. Это—поэзія „воспоминанія“ и „сердечнаго воображенія“. „Идеальность, чистота и глубокость чувствъ; святость прошедшаго; вѣра въ прекрасное, въ неизмѣняемость дружбы, въ достоинство человѣка и благость Просвѣщенія, стремленіе къ неземному: равнодушіе ко всему обыкновенному, ко всему, что не душа, что не—любовь“—вотъ какъ опредѣлялъ поэзію Жуковскаго Иванъ Кирѣевскій. Близокъ къ элегизму еще и Батюшковъ. И онъ принадлежитъ еще къ этому пра-романтизму, когда опоэтизированы впервые вздохи и лунный свѣтъ, слезы кладбища, и „тихая покойная жизнь, далекая отъ всякой сутолоки, въ кругу нѣжныхъ друзей“. Но теперь это направленіе уже доведено до извращенія у Раича и князя Шаликова. Чувствительность, всегда немного напускная, стала приторна. Сантиментальность смѣшитъ, а не трогаетъ. Если Карамзинъ говорилъ о Шаликовѣ, что въ немъ „что-то тепленькое“, то теперь это уже не похвала, а насмѣшка. Правда, Александръ Одоевскій еще стремился „разстаять весь любви“, а Веневитиновъ продолжаетъ и въ началѣ двадцатыхъ годовъ тѣшить себя, напѣвая:

Я счастливъ и безъ вѣнцовъ
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

Но пора элегій прошла, и у Пушкина скоро сорвется имъ послѣднее и пренебрежительное прости:

Избавь насъ, Боже!
Отъ элегическихъ куку!

Не кукушка, а соловей становится символомъ новой лирики. Разнообразные трели—звуки, выливающіеся изъ сердца, настоящая радость и настоящее, потрясающее горе, ликованіе и гнѣвъ, все, чѣмъ живетъ, что воспринимаетъ поэтъ и что хочется ему выразить, все это „заостряетъ онъ риѳмой“, все это выливается безъ прикрасъ непосредственно и вольно, на тысячу мотивовъ разнообразныхъ и звучныхъ. Тотъ же Веневитиновъ выразилъ эту новую поэтику „парнасскаго аѳеизма“, когда онъ писалъ:

Кому небесное—родное,
Кто сочетаетъ съ сѣдиной
Воображенье молодое
И разумъ съ пламенной душой,
Въ волшебной чашѣ наслажденья
Онъ дна пустова не найдетъ
И воскликнетъ въ чувствахъ упоенья:
«*Прекрасному предѣловъ нѣтъ!*»

Герой и создатель новой поэзіи зажилъ слишкомъ сверкавшей и слишкомъ захватывающей жизнью, чтобы лирика его была „литературна“, отзывалась направленіемъ, условнымъ свѣтомъ, лившимся изъ чтенія и требовавшимъ нѣкоторой искусственности въ настроеніи. Начитанность только питала и убаюкивала, но выражалась сама жизнь. Начитанность и жизнь, правда и поэзія слились въ нѣчто единое. Романтизмъ пересталъ быть вычитаннымъ. Теперь онъ претворенъ. Теперь создается особый романтизмъ, романтизмъ русскій, занимающій свое собственное мѣсто рядомъ съ нѣмецкимъ и французскимъ.

Романтизмъ русскаго поэта двадцатыхъ годовъ—офицера и помѣщика,

не порвалъ такъ рѣзко съ вѣкомъ Просвѣщенія, какъ это было на Западѣ. Въ лицѣ Пушкина онъ еще не позабылъ „Парни, Вержье съ Грекуромъ“ и увлекался Андреемъ Шенье, поэзія котораго недавно увидѣла свѣтъ въ изданіи Латуша. „Парни, Вержье съ Грекуромъ“ и Андрей Шенье подходили къ настроенію веселости и упоенія жизнью, охватившаго молодого Пушкина и его лицейскій кружокъ, т. е. Дельвига, Кюхельбекера, князя Вяземскаго и другихъ, когда еще почти юношами праздновали они:

И клики радости безумной,
И мирныхъ музъ минутные дары,
И лепетанье славы шумной.

Лирика молодого Пушкина—лирика задора, кутежа и пріятельскихъ сношеній въ кругу себѣ равныхъ такихъ же повѣсъ высшаго круга. Такою остается его лирика и въ Кишиневѣ, и, позднѣе, въ Михайловскомъ и Тригорскомъ. Посланіе друзьямъ, стихи въ альбомы, стихи красавицамъ, достигающіе такой высокой идеализаціи, какъ „Я помню чудное мгновенье“, а иногда спускающіеся до почти холодного, сухого отношенія къ любовнымъ похожденіямъ, „пиры, любовницы, друзья“ и рядомъ эпиграммы вотъ тотъ фонъ, на которомъ только отъ времени до времени вспыхиваетъ элегія въ родѣ „Я пережилъ свои желанья“, „Къ морю“, вдумчивыхъ посланій къ Чаадаеву и проч. Этотъ фонъ, еще отдающій именно аристократическимъ вольномысліемъ и „либертинствомъ“ французскаго XVIII вѣка, теперь только выраженнымъ не неуклюжимъ слогомъ нашихъ классиковъ, а блестящимъ чеканомъ разговорной рѣчи, народныхъ пѣсенъ и „легкой поэзіи“, этотъ фонъ всей поэзіи Пушкинскаго періода воплотилъ князь Вяземскій,

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый.

А черезъ вліяніе Пушкина то же настроеніе передается и молодому Лермонтову, и студенту Полежаеву, еще не замученному Николаемъ I. Даже гораздо позже, во времена Герцена и Огарева, скажется то же въ сущности настроеніе разгульно-дворянское, и къ нему только пристанетъ налетъ французской романтической богемы, зачатой въ кружкѣ Виктора Гюго.

Но было и еще одно теченіе, унаслѣдованное отъ вѣка Просвѣщенія и поддерживаемое именно Андреемъ Шенье.

Это теченіе политическаго фрондерства, вольномыслія и вольнолюбія. Это „Ода вольности“ Пушкина. Это его мечты въ деревнѣ среди прелестей родной природы, среди чисто помѣщичьей обстановки, когда поэтъ восклицаетъ:

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ.
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества убійственный позоръ.

Эти „барство дикое“, присвоившее себѣ „и трудъ, и собственность, и время земледѣльца“, и „дѣвы юныя“ —„для прихоти развратнаго злодѣя“ —все это отзывается Грёзомъ и тѣмъ самымъ Парни, когда онъ хочетъ быть серьезенъ. Печать вѣка Просвѣщенія здѣсь совершенно ясно вид-

на. Даже эта знаменитая пророческая строфа:

Увижу ль я, друзья, народъ не угнетенный,
И рабство, павшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной,
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

и она гораздо ближе къ конституціоналисту Андрею Шенье, чѣмъ къ чисто романтическому вольнолюбію, на Западѣ слагавшемуся уже въ иной соціальной атмосферѣ. Шелли, котораго и не знали наши поэты Пушкинскаго періода, говорилъ уже совершенно инымъ языкомъ. Вольнолюбіе нашего поэта-офицера и барича,—это „мечта прекрасная свободы", взлелѣянная въ бурные годы политическихъ и соціальныхъ потрясеній и взлелѣянная еще отвлеченно и книжно по завѣтамъ вѣка Просвѣщенія. Только позднѣе мы увидимъ ее демократизованной, и она получитъ тогда новую, болѣе близкую къ дѣйствительности обоснованность. Покамѣстъ этотъ отвлеченный эстетическій характеръ носили „мечты прекрасныя свободы" и у декабристовъ, этой кучки „великолѣпно погибшихъ" апостоловъ нашего запоздалаго освобожденія. Кучка эта была не малая. Пушкинъ справедливо говорилъ: „насъ было много на челнѣ", но съ соціально-политической точки зрѣнія это была все-таки кучка. И сколько между ними было поэтовъ, унесшихъ съ собою на плаху и въ „мрачныя пропасти земли"

летучій рой,
Еще не зрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній.

не говоря уже о составившихъ себѣ имя въ литературѣ поэтахъ,—Рылѣевѣ, Бестужевѣ, князѣ Одоевскомъ, Батенковѣ, Кюхельбекерѣ!

Идеи вѣка Просвѣщенія и романтическій размахъ мечтаній, великолѣпная поэма, гдѣ героями выступили сами авторы, ненависть „самовластья" и лирическій восторгъ героическаго поступка, чисто офицерскаго, почти фантастическаго, а послѣ... такой также фантастически прекрасный и мрачный, какъ послѣдній актъ трагедіи, ужасный конецъ! Его изобразилъ Александръ Одоевскій:

Недвижимы, какъ мертвые въ гробахъ,
Невольно мы въ болѣзненныхъ сердцахъ
Хоронимъ чувствъ привычные порывы.

Но воображеніе русскихъ романтиковъ и тамъ, въ Сибири, не хочетъ угомониться и все поетъ словами тѣхъ же вольнолюбивыхъ увлеченій.

Мечи скуемъ мы изъ цѣпей,
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И съ нею грянемъ на царей—
И радостно вздохнутъ народы,

писалъ тотъ же Одоевскій Пушкину.

Такова связь русскаго романтизма съ вѣкомъ Просвѣщенія и его свѣтлыми идеями. Нашъ романтизмъ былъ радостенъ и великодушенъ. Нашъ „парнасскій аѳеизмъ" былъ гораздо жизненнѣе и разсудочнѣе нѣмецкаго Это не было также только художественное теченіе. Оттого чисто художественныя предпочтенія высказывались менѣе рѣзко, и у насъ сказалась меньшая исключительность.

Романтизмъ русскаго офицера и барича сохранилъ на себѣ слѣды вѣка Просвѣщенія и чисто философскіе. Пушкинъ былъ до извѣстной степени раціоналистъ въ по-

эзіи. Нѣмецкой философіи онъ не зналъ и, когда она распространится у насъ, онъ будетъ чуждаться ея. Поэтическій раціонализмъ Пушкина вылился въ его „Прозаикѣ и поэтѣ“.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?
Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
Ее съ конца я заострю,
Летучей риѳмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А тамъ пошлю напропалую—
И горе нашему врагу!

Такъ можетъ разсуждать только поэтъ-раціоналистъ. Гдѣ здѣсь теорія Канта объ „эстетическихъ идеяхъ“? Сравните съ этимъ извѣстный парадоксъ Новалиса, обновленный современными поэтами-символистами: „Можно представить себѣ разсказы безъ связи, но въ ассоціаціи, какъ сновидѣнія; стихотворенія, полныя красивыхъ словъ, но безъ всякаго смысла и связи, развѣ та или иная строфа будетъ понятна, точно разнородные отрывки“.

2.

Чудесное и живописное.

Если среди русскихъ романтиковъ еще живы идеи вѣка Просвѣщенія, если они еще до извѣстной степени раціоналисты, то воображеніе все-таки уже настраивается строго романтически. Безсознательно, въ томъ „внутреннемъ безпокойствѣ, которое предшествуетъ вдохновенію“ совершаются процессы, знакомые поэтикѣ романтизма, но совершенно чуждые разсудочности XVIII вѣка. Увлекаютъ и романтическіе образы. Не только Шиллеръ и Гёте черезъ посредство Жуковскаго окончательно уже полонили сознаніе. Къ двадцатымъ годамъ у насъ знаютъ и романтиковъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Тика лично посѣщали Кюхельбекеръ и Жуковскій. Воображеніе становится романтическимъ, и образы того особаго классическаго барокко или рококо, какими пользовался охотно еще и юный Пушкинъ, начинаютъ замѣняться иными.

Теперь, когда „дремота — звучная подруга“

отъ міра уводила
Въ очарованную даль,

этотъ „пиръ воображенія“, куда уносится поэтъ, основанъ на такихъ представленіяхъ, которыя ничего не имѣютъ общаго съ раціонализмомъ.

Раціонализмъ, сказывающійся у русскихъ романтиковъ, не помѣшалъ расширенію поэтическаго сознанія. Какъ Ижорскій Кюхельбекера, поэтъ Александровскаго времени говорилъ себѣ:

Давно ль? кричали: „адъ и небо бредни“!
Не вѣрили ни въ Бога, ни въ чертей,
Все просвѣщалось, самыя передни
Теперь—взгляните на своихъ дѣтей,
Ученики, поклонники Вольтера!
Конечно, суевѣріе не вѣра:
Но гдѣ же, гдѣ хваленый вашъ успѣхъ?
Что ваша мудрость? и подумать — смѣхъ!

„Суевѣріе“ и именно суевѣріе художественное, плѣняетъ, влечетъ къ себѣ, дразнитъ воображеніе. „Къ чудесному во всѣхъ возникла страсть“.

Если раньше въ эпоху главенства раціонализма „здравый смыслъ" долженъ былъ сдерживать воображеніе, теперь, напротивъ, воображеніе стремится даже къ необузданности. Словами Веневитинова и оно говоритъ теперь:

Прекрасному предѣловъ нѣтъ!

и празднуетъ свободу, разрываетъ свои прежнія оковы. Какъ выражается классикъ въ разговорѣ съ издателемъ въ предисловіи кн. Вяземскаго къ „Бахчисарайскому фонтану" Пушкина (1823): „въ наше время обратили музъ въ разсказчицъ всякихъ небылицъ". Создается тотъ своеобразный рой балладъ, поэмъ, повѣстей и даже драмъ, который лучше всего опредѣляется этими словами пролога къ „Руслану и Людмилѣ":

Тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ...

Все, что со временъ Чулкова было собрано въ литературѣ изъ причудливаго міра народныхъ повѣрій: русалки, вѣдьмы, домовые, лѣшіе, кикиморы и шишиморы, все то, съ чѣмъ ознакомилъ нѣмецкій романтизмъ: оборотни, саламандры, гномы, все это оживаетъ теперь въ поэзіи. Пушкинъ читаетъ сказки о Бовѣ-королевичѣ и богатыряхъ—Добрынѣ и Еруслане Лазаревичѣ, прислушивается и къ сказкамъ своей старушки-няни въ длинные вечера въ Тригорскомъ, пока

Буря мглою небо кроетъ
Вихри снѣжные крутя

и такъ жутко и трепетно

по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ.

А позднѣе молодой Гоголь станетъ писать матери, чтобы она старательно собрала для него „обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ", „о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ". „Множество,—писалъ онъ,—носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ и проч. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно"...

„Свѣтлана" Жуковскаго и „Русланъ и Людмила" почти мальчика-Пушкина, еще отзываются первая идиллизмомъ XVIII вѣка, а вторая —унаслѣдованнымъ отъ Возрожденія шуточно-гривуазнымъ эпосомъ. Но вотъ тотъ же Пушкинъ нѣсколько разъ, какъ это видно по его замѣткамъ и по отрывкамъ не конченныхъ балладъ, ищетъ уже изображенія „страшнаго". Поэтическое „суевѣріе" романтиковъ стремилось именно къ страшному. Страшное должно было возбуждать воображеніе и манить за собою раздумье, зовя его за предѣлы разсудочности. „Утопленникъ" въ этомъ смыслѣ достигаетъ совершенства. Пестрымъ роемъ врывается въ литературу множество балладъ того же рода цѣлой плеяды второстепенныхъ поэтовъ: Козлова, Глинки и др., печатавшихся въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ". Тому же художественному вкусу старается отвѣтить и Бестужевъ-Марлинскій въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ. „Пиковая дама" Пушкина должна быть отнесена сюда же. Такова литература, плетущая вокругъ появленія „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки" свои замысловатые узоры. „Страшная месть" доводитъ романтическое „страшное" до потрясающаго, и совершенство формы миритъ съ нимъ разъ навсегда. Съ ранними повѣстями Гоголя мы на самыхъ высяхъ романтическаго вдохновенія. Мы опять при-

близились къ вѣчному, всечеловѣчески прекрасному творчеству, какъ и вдохновенная пушкинская лирика.

Художественное суевѣріе коренилось, однако, не въ однихъ порывахъ воображенія, не въ однихъ литературныхъ впечатлѣніяхъ. Теперь если не кричатъ больше: „и адъ, и небо бредни“, то потому, что въ обществѣ широко распространены мистическія ученія. Масонскія ложи—ихъ пріютъ. Не только суевѣріе, но и вѣра въ таинственное, вѣра въ „запретныя знанія“ снова оживились и у насъ и на Западѣ,—оживились въ то самое время, когда свободомысліе, казалось бы, торжествовало окончательную побѣду. Вновь толкуютъ о Парацельсѣ, о Василіи Валентинѣ, о Геберѣ, объ Арнольдѣ де-Вилланова. Не только въ двадцатыхъ годахъ XIX в., но и позже все это влечетъ къ себѣ наряду съ художественнымъ суевѣріемъ. Характернымъ показателемъ такой струи въ русскомъ романтизмѣ были позднія повѣсти Владимира Одоевскаго: „Эльса“, „Саламандра“ и др. Онѣ, правда, появились, когда уже нарождалось нѣчто уже совсѣмъ новое: „положительное“ теченіе мысли. Но Одоевскій нарочно вкладываетъ разсказъ о причудахъ Эльсы, погубившей алхимика Янко, въ уста такого новаго, положительнаго человѣка, „гоняющагося только за ясностью“. Симпатіи самого Одоевскаго явно на сторонѣ его собесѣдника и дяди, „перебывавшаго членомъ всѣхъ возможныхъ мистическихъ обществъ“, и симпатіи эти—наслѣдіе романтизма. Романтически „страшное“ увлекало какъ неизвѣданное, какъ таинственная и увлекательная игра мысли.

Художественное суевѣріе русскаго романтизма вполнѣ соотвѣтствовало безпокойнымъ умамъ этихъ выхваченныхъ войной изъ помѣщичьяго уюта молодыхъ странниковъ и воиновъ, брошенныхъ въ міръ приключеній и бродячей жизни. Припѣвомъ къ своеобразному бисеру романтическихъ образовъ того времени могли бы служить подорожные „Бѣсы“ Пушкина:

> Мчатся тучи, вьются тучи,
> Невидимкою луна
> Освѣщаетъ снѣгъ летучій.
> Мутно небо, ночь мутна.
> Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ:
> Колокольчикъ-динь-динь-динь...
> Страшно, страшно поневолѣ
> Средь невѣдомыхъ равнинъ.

Внутренняя, встревоженная любознательность воображенія нашихъ романтиковъ была разбужена подвижностью ихъ жизни, иногда и не зависѣвшей отъ ихъ желаній. Апологетъ нашего романтизма, Полевой и называлъ сущность его „неопредѣленнымъ, неизъяснимымъ состояніемъ человѣческаго сердца“. Это же самое „неопредѣленное страстей“, которое толкало въ сторону романтизма и раціоналистовъ—французовъ въ самый разгаръ революціи.

Та же подвижность и встревоженность воображенія давала и еще одну особенность романтической поэтики—красочность. Поэтъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ—офицеръ и баричъ, создалъ особую живописность, особую залитую солнцемъ красоту въ описаніяхъ природы и въ самыхъ сюжетахъ. Какъ французъ Делакруа, онъ полюбилъ яркіе цвѣта. Они запечатлѣлись въ его поэтическомъ сознаніи на Кавказѣ и на югѣ Россіи, въ Крыму и Бессарабіи. Кавказъ

сталъ чѣмъ-то въ родѣ классическаго мѣста литературной ссылки. Тамъ сошлись Лермонтовъ, Одоевскій, позднѣе и Полежаевъ. Тамъ бывалъ и Пушкинъ, когда „сѣверъ" оказался ему „вреденъ". И вотъ кавказскія поэмы слѣдуютъ одна за другой: „Кавказскій Плѣнникъ", „Измаилъ-Бей", „Хаджи Абрекъ", „Мцыри", „Тамара". А рядомъ съ ними: „Цыгане" зовутъ въ степи благодатной Бессарабіи; „Бахчисарайскій фонтанъ" плѣняетъ роскошью красотъ Крыма. Всюду сіяніе яркихъ цвѣтовъ, солнца и убранства южной природы. Воображеніе сѣвернаго человѣка, конечно, любившаго и свою блѣдную природу, именно тогда въ двадцатыхъ годахъ впервые нашедшую себѣ цѣнителей, приковываютъ къ себѣ эти только что открытыя болѣе живописныя красоты. „Люблю отчизну я, но странною любовью", скажетъ Лермонтовъ. Его плѣняютъ

Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ

но настоящая поэтическая его родина—это Кавказъ. Другое новое направленіе въ поэзіи должно смѣнить романтиковъ, чтобы возникъ истинно русскій поэтическій пейзажъ и русская живописность. Они, правда, уже создались, и даже всего заманчивѣе и увлекательнѣе создались у Гоголя, но это все-таки Украйна, въ прелесть которой Пушкинъ всматривается, какъ въ нѣчто таинственно чужое и манящее, словно, издалека. Поэтъ—офицеръ и баричъ, странникъ, безпокойный и неугомонившійся, былъ скорѣе воспріимчивъ и впечатлителенъ, чѣмъ способенъ къ интимному и вдумчивому наблюденію, открывающему скромную, какъ бы стыдливую красоту его родного края. Некрасовъ, Майковъ, Фетъ, Тургеневъ—вотъ кому не нужны больше Кавказъ и Крымъ, украинскія ночи и степи Бессарабіи. Серединной Россіей довольствовался развѣ Дельвигъ, но друзьямъ его было нужно живописное, лучезарное; оно отвѣчало клокотавшимъ безъ удержа сердцамъ и неустанно искавшимъ взорамъ романтиковъ.

3.

Байронизмъ.

Въ глубинѣ русскаго романтизма лежалъ одинъ поэтическій недугъ, собиравшій всѣ зардѣвшіеся лучи въ одно цѣлое, объединявшій всѣ наболѣвшія въ душѣ чувства и выражавшій особую скорбь, также вычитанную или подслушанную, но, несомнѣнно, отвѣчавшую самому сокровенному смыслу всей жизни поэта—офицера и барича.

Пушкинскую „Чернь" долго было принято понимать, какъ переходъ къ служенію такъ называемому чистому искусству.

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!

Эти слова считались восклицаніемъ художника, который теперь сталъ тяготиться своимъ общественнымъ служеніемъ. Онъ презираетъ теперь чернь, т. е. огромное большинство

народа со всѣми его нуждами и запросами. Онъ говоритъ:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Но почему собственно „звуки сладкіе“ и „молитвы“ противополагаетъ поэтъ служенію обществу? Значитъ ли это, что онъ, дѣйствительно, отказывается отъ него? Позднѣе тотъ же Пушкинъ скажетъ себѣ:

Поэтъ, не дорожи любовію народной

и, развивая эту мысль, онъ гордо воскликнетъ:

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Не тутъ ли, именно, вотъ въ этомъ мрачномъ: „живи одинъ“ разгадка еще не совсѣмъ яснаго разногласія поэта съ тѣмъ, что онъ называетъ чернью? „Усовершенствованные плоды любимыхъ думъ“ и „подвигъ благородный“, самихъ по себѣ, никакъ нельзя противополагать общественному служенію. Нѣтъ, Пушкинъ не отрекался никогда отъ поэтическаго гражданства. Тутъ—другое. Стихотвореніе „Чернь“ было первымъ стономъ благородной души, вдругъ почувствовавшей свое одиночество, свою непонятость, свою отверженность отъ большинства; это большинство онъ назвалъ съ презрѣніемъ чернью, и тогда, глубже вдумавшись въ тѣ же свои скорбныя думы, онъ и сказалъ себѣ: „ты царь: живи одинъ“.

Поэтъ—офицеръ и баричъ, оторвавшійся отъ своего класса, переросшій его высоко въ своихъ мечтахъ и понятіяхъ, былъ трагически одинокъ. Одиночество поэта выразилъ въ этихъ скорбныхъ стихахъ Бестужеву и Рылѣевъ:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!
Слишкомъ рано мракъ таинственный,
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.

Романтикъ мечталъ о геніи; только геній могъ быть его героемъ. Артистъ и пошлая непонимающая его толпа, это такое противоположеніе, которое какъ бы преслѣдуетъ романтиковъ за все время двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, преслѣдуетъ и на Западѣ и у насъ. Разсказы Одоевскаго „Послѣдній квартетъ Бетховена“, „Импровизаторъ“ и „Себастьянъ Бахъ“ стараются проникнуть въ самую душу художника. Чисто артистическую трагедію представляетъ собою и „Моцартъ и Сальери“ Пушкина. Эти романтическіе интересы составляютъ содержаніе и повѣстей Полевого, озаглавленныхъ „Мечты и жизнь“. Художникъ—избранникъ, но не легко дается это избранничество. Тѣ, кто тамъ внизу, можетъ быть, счастливѣе. У генія, наслаждающагося вдохновеніемъ, есть особое страданіе. Въ разсказѣ „Импровизаторъ“ Одоевскій назвалъ его: „все видѣть, все знать, все понимать“. Такую способность поэту, Кипріяно, даруетъ магъ, докторъ Сегеліель. Сначала Кипріяно торжествуетъ: „чортовъ мостъ съ китайскими погремушками протянулся для него надъ бездною, отдѣляющею мысль

отъ выраженія“. Но вскорѣ все опостылило поэту: всюду онъ увидѣлъ зло. Оно ни въ чемъ никогда не могло скрыться отъ него.

Для того, кто обладаетъ даромъ „все видѣть, все знать, все понимать“, общество не можетъ не казаться „чернью“.

Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы,

говоритъ поэту то общество, къ которому онъ принадлежитъ. Онъ долженъ: „глаголомъ жечь сердца людей“, а передъ нимъ?.. да развѣ это люди? его огонь не можетъ прожечь ихъ уродливой твердыни. Руки опускаются, и стынетъ умъ.

Не выходъ изъ жизни, не увлеченіе искусствомъ, оторвавшимся отъ печали народной было пушкинское стихотвореніе „Чернь“, а вопль безсилія при полномъ сознаніи своего права и своего величія. Тутъ—трагедія русскаго романтизма.

И другой поэтъ, такъ вдохновенно оплакавшій смерть Пушкина, эту горестную, встревожившую всю Россію смерть Пушкина, послѣдствіе „коварнаго шопота безчувственныхъ невѣждъ“, этотъ поэтъ, бичевавшій ту самую чернь, противъ которой ополчился Пушкинъ, какъ „свободы, генія и славы палачей“, „надменныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ“, онъ, въ своемъ углубленномъ въ самого себя печальномъ раздумьи причислилъ и себя къ той же черни, когда онъ говорилъ:

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ подъ бременемъ познанья
и сомнѣнья
Въ бездѣйствіи состарится оно.

Но Пушкинъ считалъ себя „малодушно погруженнымъ въ забавы суетнаго свѣта“ только временно, „пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Апполонъ“. Лермонтовъ шелъ дальше и, глядя на то, что было кругомъ, глядя на себя самого, какъ члена и участника этого общества, онъ, содрогаясь, предвѣщалъ себѣ это до несправедливости жестокое осужденіе:

И прахъ нашъ, съ строгостью судьи
и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ
стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго
сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Пушкинъ еще могъ говорить: „насъ было много на челнѣ“, Лермонтовъ уже не видѣлъ этихъ свѣтлыхъ надеждъ декабристовъ, онъ только слышалъ о нихъ и слышалъ тогда, когда самъ загнанный другъ ихъ, Пушкинъ, обманутый коварнымъ участіемъ Николая Павловича увѣрялъ себя, что „глядитъ впередъ безъ боязни“ „въ надеждѣ славы и добра“, старался утѣшить себя тѣмъ, что и „начало славныхъ дней Петра мрачили мятежи и казни“ и, посылая слова утѣшенія въ Сибирь къ тѣмъ, кто въ „глубинѣ сибирскихъ рудъ хранили гордое терпѣнье“, твердилъ съ какимъ-то упорствомъ отчаянія:

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю.

Никто никогда такъ благородно и такъ жестоко не заблуждался. Горшее паденіе надеждъ были тогда эти лживыя надежды Пушкина, и оттого самъ онъ тутъ же въ тотъ

же годъ слышалъ въ своемъ сердцѣ это „Предчувствіе“:

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ,
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ.

Не столько „снова“, сколько теперь болѣе, чѣмъ когда-либо! И вотъ оттого-то Лермонтовъ и идетъ гораздо дальше Пушкина. Онъ подозрителенъ не только по отношенію къ себѣ. Онъ подозрѣваетъ даже свое вдохновеніе, то самое вдохновеніе, величіе котораго онъ пѣлъ такъ часто, умѣлъ такъ совершенно выразить. Оттого Лермонтовъ говоритъ себѣ въ злую минуту:

Случится ли тебѣ въ завѣтный чудный мигъ
Открыть въ душѣ давно-безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный —
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.

Всѣ эти мысли и чувства получили окончательный свой чеканъ, свое стройное и реальное выраженіе, уже на склонѣ романтическаго періода. Пушкинъ и Лермонтовъ высказали ихъ не въ ранней молодости.

Но раньше, давно, въ самой юности ихъ, еще въ двадцатыхъ годахъ, эти же мысли и чувства жили и бились въ тайникахъ сознанія русскаго поэта, тогда только еще плохо сознанныя, скорѣе предугаданныя воображеніемъ, чѣмъ продуманныя размышленіемъ. Тогда родилась, какъ выразился Шатобріанъ, „эта преступная меланхолія, зарождающаяся среди страстей, когда страсти безъ исхода уничтожаютъ другъ друга въ одинокомъ сердцѣ“. У насъ „преступная меланхолія“ или еще „неопредѣленное страстей“, и открытое молодымъ Шатобріаномъ въ Англіи, когда онъ набросалъ свой опытъ о революціяхъ, и г-жею де-Сталь, влекли къ Байрону.

О байроническихъ увлеченіяхъ Пушкина вслѣдъ за Апполлономъ Григорьевымъ принято говорить, какъ о вліяніи моды. „Нарядная печаль“ поэта—офицера и барича, считается чѣмъ-то въ родѣ красиво сыгранной роли. Нѣтъ, байронизмъ только подсказалъ поэтическое выраженіе тому, что стучалось и роптало въ живыхъ сердцахъ. И именно Байронъ, а никто другой, долженъ былъ отвѣтить неопредѣленнымъ біеніямъ вдохновеній. У насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо долженъ былъ расцвѣсть байронизмъ по самому существу своей основной логики.

Шатобріанъ былъ также офицеръ и баричъ, вырванный революціей изъ свойственной ему среды. Отсюда — „неопредѣленное страстей“, въ чистомъ художествѣ сказавшееся тяготѣніемъ къ чудесному и живописному. Его бретонская кровь только давала развиться сильнѣе тому, что рождалось въ силу вещей. Но Шатобріанъ былъ испуганъ ходомъ событій. Онъ утопалъ въ ихъ волнахъ. Одиночество его зависѣло не только отъ него самого. Байронъ, поэтъ-баричъ, аристократъ по крови и привычкамъ, аристократъ еще и по уязвленному самолюбію, заставлявшему превозносить свой аристократизмъ, отвернулся отъ своихъ собратьевъ, ужаснувшись ихъ

низостью и влекомый не противъ революціи, а вмѣстѣ съ ея теперь уже повергнутыми, чуть живыми идеями. Таковъ былъ и Пушкинъ. Таковы были всѣ наши романтики, поэты-офицеры и баричи.

Но рядомъ съ Байрономъ тамъ, въ классической странѣ настоящаго правового порядка, въ странѣ медленно и правильно совершающейся, но никогда не останавливающейся эволюціи общественныхъ формъ, стоялъ Шелли, болѣе глубоко продумавшій одиночество своего воображенія, пошедшій чисто по-англійски на ту же борьбу съ позорнымъ мѣщанствомъ высшихъ отсталыхъ классовъ англійскаго общества, къ которымъ принадлежалъ столько же, сколько и Байронъ. Оттого тамъ, на своей родинѣ, Шелли скоро затмилъ Байрона. Оттого тамъ онъ гораздо менѣе оказался одинокъ, если не при жизни, то потомъ, когда разбиты были стѣны, воздвигнутыя вокругъ его пламеннаго генія ревнивой англійской чопорностью. Байронъ ушелъ, надменный и одинокій и своимъ аристократическимъ пренебреженіемъ къ литературѣ и своими порывистыми, безъ удержа и расчета, стремленіями къ общественности. Этотъ мечтавшій о славѣ оратора „наслѣдственный законодатель" Англіи, не сумѣлъ стать законодателемъ по-англійски и отвернулся отъ англійской жизни. Въ своемъ стремленіи къ аристократизму и смѣшивая его съ духовнымъ одиночествомъ, онъ какъ бы перестал быть англичаниномъ. Оттого-то онъ и оказался ближе людямъ странъ болѣе отсталыхъ въ политикѣ. Байронъ чувствовалъ почти какъ варваръ, и вотъ байронизмъ у насъ, варваровъ, сталъ единственной „нарядной печалью" своего времени, единственнымъ выразителемъ міровой скорби. Байронъ, своенравный аристократъ и наивный вольнолюбецъ, былъ близокъ нашимъ поэтамъ—офицерамъ и баричамъ—даже своей театральностью. Его поэтической небрежности они разгадать не могли, но, отчасти благодаря ей, онъ казался простъ. Онъ былъ такой „матеріей важной", которая оказалась по плечу. Но ее глубоко прочувствовали наши поэты и превознесли, можетъ быть, даже выше поэзіи самого Байрона. Русскій байронизмъ — подражаніе - совершенство, подражаніе, возсоздающее и превосходное.

И оттого-то русскій байронизмъ съ начала своего появленія больше десятка лѣтъ растетъ и развивается. Кюхельбекеръ въ своемъ „Ижорскомъ", спутавъ байроническій демонизмъ съ фаустовскимъ дерзаніемъ, чуть ли не опошлилъ его и строго осудилъ. „Алеко" Пушкина еще рисуется, онъ слишкомъ живописенъ. Это красивая мечта еще бѣглая, блеснувшая, увлекшая и недостаточно убаюканная „праздностью вольной, подругой размышленья". Но вотъ въ воображеньи Пушкина проходитъ горняя тѣнь „духа отрицанія, духа сомнѣнія".

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Теперь всякая связь съ сантиментальной элегіей уничтожена. Не элегическій вздохъ, а сатанинскій смѣхъ рвется изъ устъ поэта. Онъ не боится въ своей разочарованности хулить даже то, чему въ тайнѣ продолжаетъ молиться. Байронизмъ какъ бы открылъ дверь въ эту духовную могилу. Но она стала чертогомъ, сіяющимъ, могилой превращенной свѣтомъ высшихъ увлеченій въ мѣсто пиршествъ. Индивидуализмъ торжествуетъ. Все позволено, потому что, зачѣмъ воспрещать себѣ что бы то ни было, разъ божество повержено и растоптано отвратительной пятой презрѣнной черни и презрѣнной тоскливостью безвременья. Среди такого-то разочарованія и такой-то скорби религіозная душа Лермонтова,—Лермонтова, автора „Вѣтки Палестины“, „Ангела“ и „Молитвы“,—стала творить себѣ божественный обликъ „духа отрицанія и сомнѣнія“. Она долго вынашивала въ себѣ Демона. Воображеніе сосредоточивалось на немъ. Надо заставить полюбить и Демона. Любовь Демона—вотъ, что стоитъ выносить въ своемъ любвеобильномъ, пылко вѣровавшемъ сердцѣ, теперь злословящемъ и богохульствующемъ до самоупоенія, до самоистязанія, до „преступленій сладострастья“. Уже не какой-нибудь Алеко или Измаилъ-бей, даже не усталый духомъ, но твердо и до конца остающійся героемъ человѣкъ, а духъ безплотный, недосягаемый для смертнаго, въ своемъ величіи и въ своей скорби, нѣкогда святой, а теперь навѣки проклятый, богоравный духъ, заставляетъ трудиться и создавать „праздность вольная, подруга размышленія“. Черна и бездонна пропасть между дѣйствительностью и святыней „любви, добра и красоты“. Надъ этой пропастью можетъ витать лишь Демонъ. Звуки рая въ немъ живы, но онъ поверженъ. Онъ—„царь познанья и свободы“; но потому-то любовь, на которую, только дразня себя, богохульствуетъ байронизмъ, злая любовь Демона—самое высокое, жгуче больное и упоительно прекрасное, что можетъ родиться въ тотъ чудный мигъ, когда въ отверстую грудь поэта вложитъ „угль, пылающій огнемъ“ божественный шестикрылый серафимъ, податель вдохновенія. Любовь Демона, сказавшаго о себѣ:

Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ,
Едва надежда расцвѣтетъ;
Я тотъ, кого никто не любитъ,
Но все живущее клянетъ,

—это любовь—не бренная и преходящая, это—любовь не земли,

Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья
Ни долговѣчной красоты,

—это любовь—„смертельный ядъ“, любовь, своей божественною силой превращающаяся въ ненависть. Въ лобзаньи Демона сошлося все:

любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой,
И безнадежное прощанье,
Прощанье съ жизнью молодой.

„Демонъ“ Лермонтова—высшій престолъ поэтической благодати русскаго романтизма.

Поэтъ-офицеръ и баричъ, достигъ тутъ самаго совершеннаго воплощенія своихъ творческихъ восторговъ и своей самой сокровенной горести. Тутъ сосредоточилось все, что накипѣло въ его воображеніи, что выстрадало сердце и долго зрѣло въ

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ.

(Историческій музей въ Москвѣ).

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ" Изданіе Т-ва Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°.

умѣ. Тутъ и страсть, и художественное суевѣріе, и гордый индивидуализмъ, и сверкающая яркими красками живописность, и разочарованіе, и вольномысліе, и отверженность и безпредѣльная грусть по сіяющему идеалу въ самой поверженности своей.

4.

Народность и „мѣстность“.

Гёте первый далъ формулу національнаго самосознанія Германіи. Она гласила: „Нѣмецъ—все, а Германія—ничто“. Но когда наши войска въ тринадцатомъ году вступили въ Германію, тогда началось уже и политическое пробужденіе нѣмецкаго народа. Нѣмецкій умъ, продумавъ прошлое своей родины, началъ искать и въ настоящемъ залога общаго возрожденія. Романтическое увлеченіе золотымъ міромъ старины слилось съ новымъ, уже обще-германскимъ чувствомъ патріотизма.

Патріотизмъ русскаго человѣка отлился сначала въ чисто внѣшнюю государственно-военную форму. Онъ не могъ значить ничего иного, какъ „за вѣру, царя и отечество“, причемъ слова: „вѣра“ и „отечество“ звучали какой-то прибавкой, чѣмъ-то, надъ чѣмъ особенно задумываться вовсе не полагалось. Чисто офиціально было и пра-славянофильство Шишкова. Еще болѣе холодной и деревянной казенщиной проникнутъ этотъ послѣдующій, придуманный Уваровымъ терминъ —„самодержавіе, православіе и народность“. Тутъ слово „народность“ утрачиваетъ уже всякое значеніе, а православіе значитъ лишь: вѣруй, какъ приказано. Терминъ: „народность“ употребленъ здѣсь только потому, что самодержавіе всѣмъ тѣмъ, чье благосостояніе зиждилось на устояхъ тогдашняго строя общества и государства, этой „черни“ „надменныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ“ было выгодно счесть чѣмъ-то незыблемымъ и народнымъ. А православіе въ значеніи: вѣруй, какъ приказано, должно было этимъ устоямъ придать еще характеръ святости. Можно было бы сказать: самодержавіе, святѣйшій синодъ и крѣпостное право, это было бы вѣрнѣе. Во всякомъ случаѣ, это было бы искренно. Каждый „вѣрноподданный“ тогдашняго времени, говорившій по-французски лучше, чѣмъ на своемъ родномъ языкѣ и увлекавшійся Священнымъ Союзомъ, въ душѣ своей долженъ былъ чувствовать именно такъ. Злыя слова Пушкина:

Необходимость самовластія
И прелести кнута,

какъ положеніе, „доказываемое“ „Исторіей Государства Россійскаго“ консерватора Карамзина,—Карамзина, сказавшаго послѣ событій 14 декабря: „Я, мирный исторіографъ, алкалъ пушечнаго грома, будучи увѣренъ, что не было иного способа прекратить мятежъ“,—эти слова Пушкина—грубая, но несомнѣнная правда; сущность тогдашней консервативной народности и офиціальнаго патріотизма заключалась не въ чемъ иномъ, какъ въ оправданіи насилія и произвола, которыхъ не видѣлъ развѣ только подернутый сентиментальными слезами глазъ поэтовъ-элегиковъ.

Но, когда русскіе офицеры вернулись домой изъ похода четырнадцатаго года, когда они, какъ выражается въ своихъ запискахъ Декабристъ Якушкинъ, „выросли“ въ своемъ духовномъ развитіи, для нихъ патріотизмъ оказался уже чѣмъ-то совершенно инымъ. Это былъ патріотизмъ скорѣе того особаго значенія, какое придали ему во Франціи въ вѣкъ раціонализма и революціи. „Права человѣка“, которыми грезилъ долгое время императоръ Александръ I, начали сливаться съ идеей народности. Иначе и не могло быть въ средѣ русскихъ романтиковъ, еще помнившихъ XVIII в.

Залогъ блаженства всѣхъ странъ —
Святую праотцевъ свободу
И древнія права гражданъ,

вотъ, что хотѣлось вычитать въ исторіи своего отечества русскимъ романтикамъ. Народность, родина призывали къ себѣ, какъ нѣчто живое, способное къ росту и развитію, отнюдь уже не противорѣчащее всѣмъ порывамъ къ свободѣ, которые пробудила по всему лицу Европы французская революція и которыхъ не заглушили ни режимъ Наполеона I, ни режимъ Меттерниха. Подъ національнымъ знаменемъ крѣпло освободительное движеніе въ Италіи и Греціи. Чисто національный патріотическій характеръ носило и русское освободительное движеніе двадцатыхъ годовъ.

Въ простыхъ, но четкихъ выраженіяхъ эта связь прогрессивныхъ и патріотическихъ увлеченій отмѣчена въ часто приводимыхъ словахъ фонъ Визина: „Въ то время многіе офицеры гвардіи и генеральнаго штаба съ страстью учились и преимущественно читали сочиненія и журналы политическіе, также иностранныя газеты, въ которыхъ такъ драматически представляется борьба оппозиціи съ правительствомъ въ конституціонныхъ государствахъ. Изучая смѣлыя политическія теоріи и системы, весьма естественно, что занимающіеся ими желали бы видѣть ихъ приложеніе въ своемъ отечествѣ. А это и было главнымъ предметомъ занятій размножившихся въ Европѣ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ члены исключительно посвящали себя политикѣ. Статуты нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ, существовавшихъ во Франціи, завезены были въ Петербургъ“.

Конституціоналистическія теоріи и упорная мысль о судьбахъ родины, раціонализмъ въ политикѣ и національное самосознаніе—въ литературѣ выразителемъ этого направленія былъ Рылѣевъ. Оно сквозитъ и у Пушкина. Таковы извѣстныя пламенныя строки къ Чаадаеву:

Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою рукой
Отчизны внемлемъ призыванья.
Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.

Рылѣевъ въ жизни осуществилъ то, къ чему призываетъ Пушкинъ. А въ литературѣ онъ ищетъ примѣровъ, онъ ищетъ подтвержденія того, что патріотическій пылъ, и готовность пасть за родину не только въ битвѣ съ внѣшними врагами, но и въ борьбѣ за внутреннее благо,

за свободу и за прогрессъ присущи и русскимъ. Въ своихъ „Думахъ" онъ точно говоритъ намъ: Да, и въ Россіи были свои Бруты, потому что и на Руси всегда тлѣла и часто вспыхивала любовь къ болѣе совершенному общественному строю, а тамъ въ глубинѣ прошлаго когда-то и у нашихъ предковъ еще было не попрано „естественное право", по которому „всѣ люди рождаются свободными", эта „святая праотцевъ свобода", эти „древнія права гражданъ".

Рылѣевъ, былъ, конечно, романтикъ. Его поэзія—романтизмъ гражданской скорби. Но самыя мысли его настолько еще связаны съ вѣкомъ Просвѣщенія, что интересовавшій еще въ то время жгучій споръ между классиками и романтиками былъ ему совершенно чуждъ. „Обѣ стороны,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ Рылѣевъ о классицизмѣ и романтизмѣ,—спорятъ, какъ обыкновенно случается, болѣе о словахъ, нежели о существѣ предмета, придаютъ слишкомъ много важности формамъ; на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни классической, ни романтической поэзіи, а была, есть и будетъ одна истинная самобытная поэзія, которой правила всегда были и будутъ одни и тѣ же".

Оттого поэзія Рылѣева, дѣйствительно, стоитъ особо. Патріотизмъ его, погибшаго на плахѣ декабриста, патріотизмъ, съ одной стороны, очень яркій и слишкомъ личный, а съ другой стороны, не разсуждающій и не сомнѣвающійся, наложилъ на его поэзію особый отпечатокъ непосредственности. Ему было не до разсужденій съ тѣхъ поръ, какъ онъ

поспѣшилъ
Подъ знамена свободы.

Оттого его „Думы" чистѣйшая лирика. Кого бы въ нихъ ни вспомнилъ Рылѣевъ изъ русскихъ національныхъ героевъ, князя Михаила Тверского, Глинскаго, Дмитрія Донского, Войнаровскаго или Наливайку, основной герой всюду онъ самъ. Вѣдь вотъ эти слова, сказанныя о Волынскомъ, къ кому могутъ они лучше всего быть отнесены, какъ не къ самому Рылѣеву?

Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу.
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

Рылѣевъ, можетъ быть, и не сознавалъ, что воспроизводилъ всюду самого себя. Онъ хотѣлъ, чтобы „Думы" его были историческими. Такъ понимали ихъ его друзья-поэты. Они вмѣстѣ съ Пушкинымъ чувствовали у Рылѣева лишь недостатокъ поэзіи. Рылѣевъ несомнѣнно высказывалъ общераспространенное о себѣ мнѣніе, когда онъ говорилъ Бестужеву въ своихъ стихахъ, начинающихъ „Войнаровскаго":

Ты не увидишь въ нихъ искусства—
Зато найдешь живыя чувства.
Я не поэтъ, а гражданинъ.

Гражданиномъ, конечно, былъ Рылѣевъ и даже тѣмъ „прямымъ гражданиномъ", какимъ въ его поэмѣ призналъ Мазепа Войнаровскаго. Но это былъ гражданинъ-поэтъ, опоэтизировавшій гражданскую доблесть въ жизни и въ поэзіи. Оттого въ его поэмахъ больше патріотизма, чѣмъ исторіи. Его герой изображается всегда въ такой моментъ, когда онъ уже пожертвовалъ „женой, дѣтями

и собой", „любя страну своихъ отцовъ". Передъ нами всегда трагедія подвига, или, вѣрнѣе, самый ея исходъ. Герой только вспоминаетъ о своемъ подвигѣ, говоритъ о немъ съ паѳосомъ и увлеченіемъ; но въ чемъ собственно подвигъ, какое собственно историческое значеніе имѣетъ этотъ подвигъ, на этомъ вниманіе Рылѣева какъ-то не успѣваетъ сосредоточиться. Смыслъ подвига Войнаровскаго опредѣляется только этими общими словами:

борьба,
Борьба свободы съ самовластьемъ.

Мазепа, призвавши Войнаровскаго къ этой „борьбѣ свободы съ самовластьемъ", говоритъ какъ декабристъ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка. Историческій Мазепа тутъ, конечно, не при чемъ. Главное, самое основное достоинство Рылѣева въ его пылкой искренности. Ради этой искренности и ставилъ Герценъ Рылѣева рядомъ съ Шиллеромъ въ своемъ первомъ литературномъ опытѣ, этомъ лирическомъ возгласѣ съ Воробьевыхъ горъ.

Такъ впервые яркимъ закаломъ гражданственности засіяла національная идея у русскихъ романтиковъ.

Это была—„мечта прекрасная свободы", за которой въ декабрѣ 1825 года въ моментъ, когда она разгорѣлась всего ярче, послѣдовало полное разочарованіе. Мы видѣли, какъ отразилось оно на общемъ настроеніи нашихъ поэтовъ-романтиковъ. На развитіе національной или, какъ въ то время говорили, народной идеи въ поэзіи это разочарованіе подѣйствовало особо. Дѣло тутъ не только въ казни выдающихся декабристовъ и въ томъ числѣ и Рылѣева, не только въ суровости приговора надъ всѣми остальными. Тутъ случилось нѣчто иное. Передъ молодыми мечтателями всталъ неожиданно тотъ, на кого призывали русскаго Брута, кого звали этимъ отвлеченнымъ классическимъ словомъ „тиранъ." Въ образѣ царя открылась во всей своей неприглядности русская дѣйствительность. Да, она была неприглядна, она хитрила и заманивала, она играла благородными мечтами, чтобы тверже установить свою косную незыблемость.

Николай I сыгралъ огромную роль въ русской литературѣ. Про великаго русскаго поэта и своего друга полякъ Мицкевичъ, судя по одной только внѣшности, имѣлъ право сказать, что онъ „бьетъ у царскихъ ногъ поклоны, какъ холопъ". И теперь мы знаемъ, что закалившій себя строгимъ закаломъ революціонеръ ригоризмъ имѣлъ бы право сказать это не только о Пушкинѣ, но и почти что обо всѣхъ декабристахъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ изображаетъ роль Николая I въ процессѣ декабристовъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ этой эпохи, П. Е. Щеголевъ: „Всю жизнь въ немъ крѣпко и прочно сидѣлъ—сыщикъ и слѣдователь, вѣчно подозрительный и выслѣживающій, вѣчно ищущій кого бы предать суду и наказанію. Но въ первые мѣсяцы царствованія эта основная сущность его души раскрылась съ необычайной полнотой и зловѣщей яркостью. Въ это время въ Россіи не было царя—правителя: былъ лишь царь—сыщикъ, слѣдователь и тюремщикъ. Вырвать признанія, вывернуть душу, вызвать на оговоры и извѣты—вотъ священная задача слѣдователя;

и эту задачу въ концѣ 1825 и въ 1826 годахъ исполнялъ русскій императоръ съ необыкновеннымъ рвеніемъ и искусствомъ. Ни одинъ изъ выбранныхъ имъ слѣдователей не могъ и сравниться съ нимъ. Дѣйствительно, Николай Павловичъ могъ гордиться тѣмъ, что матеріалъ, который легъ въ основу слѣдствія, былъ добытъ имъ и только имъ на первыхъ же допросахъ. Безъ отдыха, безъ сна онъ допрашивалъ въ кабинетѣ своего дворца арестованныхъ, вынуждалъ признанія, по горячимъ слѣдамъ давалъ приказы о новыхъ арестахъ, отправлялъ съ собственноручными записками допрошенныхъ въ крѣпость и въ этихъ запискахъ тщательно намѣчалъ тотъ способъ заключенія, который примѣнительно къ данному лицу могъ привести къ обнаруженіямъ, полезнымъ для Слѣдственной Комиссіи. За ничтожнѣйшими исключеніями, всѣ декабристы перебывали въ кабинетѣ дворца передъ ясными очами своего царя и слѣдователя. Первыя сообщенія по дѣлу каждый изъ нихъ дѣлалъ ему или генералу, сидѣвшему передъ кабинетомъ, снимавшему допросы и тотчасъ же докладывавшему ихъ государю. Иногда государь слушалъ эти допросы, стоя за портьерами своего кабинета...“

Что Николай I лично повліялъ на то, что реакція Аракчеевскаго періода царствованія Александра I еще усилилась въ его царствованіе и что общество какъ-будто даже охотно вторило ему,—это не подлежитъ сомнѣнію. Николай I сумѣлъ вызвать реакцію одновременно и сверху, и снизу. Для этого онъ угрожалъ, заманивалъ, очаровывалъ и даже льстилъ. Конституціоналистическія идеи замерли. Но удаться это могло царю-сыщику, конечно, только потому, что въ сознаніи тогдашняго общества соединеніе этихъ трехъ словъ: самодержавіе, православіе и народность дѣйствительно и было простымъ распространеніемъ слова: самодержавіе.

Но этому были еще и другія причины. Онѣ глубоко залегали тамъ, въ этой неизвѣданной зыби русскаго сознанія. Въ декабрьскіе дни такъ трагически встрѣтились другъ съ другомъ патріотизмъ романтиковъ, и это смутное чисто русское самосознаніе, которому предстоялъ еще такой длинный и трудный путь. Мы видѣли, что „Думы“ Рылѣева этому самосознанію не помогали. Онѣ звали къ героизму, къ истинному служенію родинѣ, онѣ развертывали передъ читателемъ лишь то, *что* нужно. Но *какъ* нужно? какъ достигнуть для нашей родины этого „залога блаженства чуждыхъ странъ“, т. е. правильнаго народнаго представительства взамѣнъ гибельнаго для родины „самовластія“, вотъ вопросъ, рѣдко произносимый, притаившійся, даже забываемый, но самый важный и самый коренной изъ всѣхъ вопросовъ, около которыхъ вьется вся пестрота чарованія красныхъ вымысловъ русской литературы. Возникаютъ и вопросы экономическіе и вопросы религіозные, а въ тѣ дни стоитъ еще этотъ страшный вопросъ о крѣпостномъ правѣ какимъ-то мрачнымъ идолищемъ, злымъ и ненарушимымъ, пугающимъ своимъ ужасомъ все, что есть живого и честнаго, и развращающимъ русскаго человѣка въ самомъ корнѣ его привычекъ и міросозерцанія, но и *это*

такъ безнадежно. Такой недостижимой кажется отмѣна изжитого феодализма именно пока Русь „подъ игомъ самовластья“.

Перефразируя приведенныя въ началѣ этой главы слова Гёте, можно было бы сказать: Россія была ничто, но, можетъ быть, ничто былъ и русскій. Но такъ ли это? Что такое русскій? что сдѣлаетъ онъ изъ своей родины, оставитъ ли онъ ее изнывать въ ничтожествѣ, прикрытомъ мишурой внѣшняго величія, или онъ можетъ пересоздать ее и перестроить? Этимъ вопросомъ мучалась сознательная часть русскаго общества.

Та полоса этихъ умственныхъ мукъ, которую представляетъ собою и поэзія и судьба декабриста Рылѣева, была выдающимся эпизодомъ среди подобныхъ терзаній. Ихъ общее теченіе залегало однако глубже, хотя и менѣе сверкало героизмомъ.

Иванъ Кирѣевскій писалъ въ своемъ обзорѣ литературы за 1829 г.: „Поэтъ для настоящаго, что историкъ для прошедшаго—проводникъ народнаго самосознанія“. То же самое говорилъ и присяжный критикъ романтизма Шевыревъ: „Я думаю, что первымъ писателемъ въ Россіи былъ бы теперь тотъ, кто бы вѣрнѣе показалъ назначеніе русскаго въ ряду другихъ народовъ“. Выраженіе въ поэзіи народнаго самосознанія вотъ чего упорно требовала критика за всѣ двадцатые годы. „Когда же будемъ писать прямо порусски?“ восклицалъ А. Бестужевъ въ „Полярной звѣздѣ“ 1825 года. Это была жажда своей собственной литературы, какая-то усталость отъ подражанія. Съ Пушкинымъ эта наша собственная, своеобразная литература какъ-будто бы уже народилась. Когда въ двадцать пятомъ году началъ появляться „Евгеній Онѣгинъ“, Полевой въ „Телеграфѣ“ сразу объявилъ это произведеніе національнымъ. Но Веневитиновъ оспаривалъ такое опредѣленіе. Ему казалось, что свѣтскій щеголь, Онѣгинъ, слишкомъ еще международенъ. Онъ вообще европеецъ. Хотѣлось чего-то большаго, чисто русскаго, такого, что можетъ быть вычитано только въ лѣтописи былыхъ временъ или подслушано въ народной поэзіи. Близкое, самое основательное ознакомленіе съ чисто русскимъ бытомъ стали настойчиво требовать отъ поэта. Въ своихъ статьяхъ въ „Полярной звѣздѣ“ А. Бестужевъ называлъ это „мѣстностью“.

У Рылѣева этой „мѣстности“ не было почти вовсе, хотя онъ, памятуя наставленіе своего друга Бестужева, насколько умѣлъ, непремѣнно старался ее достигнуть. Въ „Войнаровскомъ“ онъ сознательно вводилъ на каждомъ шагу разные термины сибирской жизни и сибирской природы. Также мало этой „мѣстности“ было, напримѣръ, и въ „Ермакѣ“ Хомякова, съ его ходульнымъ патріотизмомъ, сплетающимся съ характеромъ байроновскаго Корсара. Мало могли удовлетворить тѣмъ же требованіямъ и дубоватыя историческія драмы молодого историка Погодина.

Геній Пушкина, а за нимъ Гоголь и Лермонтовъ отвѣтили однако—отвѣтили такъ непринужденно и легко—этой насущной потребности тогдашней русской литературы. Для нихъ въ ихъ таинственномъ проникновенномъ вдохновеніи эта потребность была неизбѣжностью. Во всей своей полнотѣ это

„что-то невыразимое, понятное лишь русскому сердцу“, какъ выражается И. Кирѣевскій, сказалось въ „Борисѣ Годуновѣ“. Пушкинъ внимательно и съ поэтическимъ трепетомъ читалъ исторію Карамзина. Онъ читалъ и лѣтописи. Въ Тригорскомъ онъ записывалъ народныя пѣсни, которыя тщательно началъ уже собирать Петръ Кирѣевскій. Тайна русскаго поэтическаго самосознанія наконецъ раскрылась. Поэзія научилась и чувствовать и изображать по-русски.

Выразиться во всей своей полнотѣ это поэтическое самосознаніе должно было особенно въ драмѣ. Романтическая поэтика придавала такое огромное значеніе историческимъ хроникамъ Шекспира. Теперь шекспирологи не видятъ въ нихъ ни историческаго, ни національнаго откровенія. Въ нихъ сказалась развѣ политическая мысль Шекспира и окружавшаго его кружка. Но въ тѣ времена думали иначе. „Борисъ Годуновъ“ была одной изъ первыхъ романтическихъ драмъ въ Россіи и какъ таковой ей непремѣнно и надлежало быть національно исторической. Такой драмы ждалъ романтизмъ. Изображаемый моментъ, выбранный Пушкинымъ, сообразно романтической поэтикѣ, моментъ также драматическій. Начало Смутнаго времени—центральная завязка русской исторіи допетровскаго времени. Оттого тотъ же сюжетъ привлекалъ и Погодина. Погодинъ замышлялъ даже цѣлую трилогію изъ событій Смутнаго времени, гораздо позже осуществленную А. Толстымъ. Изъ той же эпохи Смутнаго времени былъ взятъ и сюжетъ лучшаго романа Загоскина „Юрій Милославскій“, которымъ такъ восторгался самъ Пушкинъ. Но это уже романтизмъ Вальтеръ Скотта.

Смутное время съ его быстрой смѣной событій, съ яркими образами Бориса, Лжедмитрія, Ляпунова, Минина и Пожарскаго тѣшило воображеніе. Но рядомъ съ этимъ вспоминались, конечно, и иныя эпохи: судьба Великаго Новгорода въ „Марфѣ Посадницѣ“ Погодина, покореніе Казани у Загоскина и т. д.

Согласно романтической поэтикѣ Борисъ Годуновъ Пушкина былъ однако не только національный, характерный для прошлаго родины герой, онъ былъ еще герой моральнаго конфликта. Такъ какъ Пушкинъ принялъ почти цѣликомъ взглядъ Карамзина на Лжедмитрія, этотъ крикъ больной души: „И мальчики кровавые въ глазахъ“, какъ бы руководятъ всѣмъ дѣйствіемъ. Злодѣй-честолюбецъ на тронѣ; онъ погубилъ наслѣдника престола. Въ лицѣ Лжедмитрія его ждетъ возмездіе, какъ возмездіе ждетъ и шекспировскихъ узурпаторовъ.

Да, тяжела ты, шапка Мономаха,

говоритъ устами Бориса въ сущности самъ Пушкинъ, послѣ декабрьскихъ событій сбитый съ толку коварной ласковостью Николая I и заново теперь гораздо глубже вдумывающійся въ проблему о самодержавіи. Оттого Пушкина приковываетъ къ себѣ и мысль о томъ, что Борисъ не былъ помазанникомъ. Но и то и другое, и непосильная одному тяжесть Мономаховой шапки, и таинственное помазанничество все-таки затмѣваются и отталкиваются на задній планъ злодѣйствомъ Бориса. Въ другихъ произведеніяхъ Пушкина: въ поэмахъ „Полтава“ и „Мѣдный Всад-

никъ“, гораздо выпуклѣе выступаетъ царизмъ, — царизмъ уже другой, героическій, царизмъ Петра Великаго, этого „шкипера славнаго, кѣмъ наша двигнулась земля“. Тутъ воображеніе Пушкина уже рисуетъ чисто историческое раздумье: возрожденіе Россіи, „окно въ Европу“, величественная и мощная фигура Мѣднаго Всадника, Полтавскій бой и „изъ топи блатъ“ горделиво вознесшаяся новая столица „полночныхъ странъ краса и диво“, „Петра творенье“. И раздумывая обо всемъ этомъ поэтъ останавливается, какъ его сумасшедшій Евгеній, ошеломленнымъ и испугавшимся передъ „гигантомъ съ простертою рукой“, на бронзовомъ конѣ.

Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы!

Въ этомъ восклицаніи слилось такъ много завѣтныхъ наболѣвшихъ и неуспокаивающихся мыслей, чувствъ, сомнѣній и желаній. Судьбы Россіи и царь, самодержавіе и враждебность къ тиранамъ, „мечта прекрасная свободы“ и поэтическое увлеченіе личностью императора, такого, какимъ хотѣлъ себя выставить Николай и какимъ,—зачѣмъ отгонять отъ себя эту горькую правду?—онъ, можетъ быть, и казался среди грёзъ о Петрѣ Великомъ даже Пушкину вотъ предметы историческихъ и національныхъ вдохновеній поэта, уже усталаго, уже согбеннаго, съ больнымъ, уязвленнымъ умомъ.

Вмѣстѣ съ этимъ тревожнымъ историческимъ самосознаніемъ развивалось въ Пушкинскій періодъ и національное самосознаніе иное, ужэ чисто художественное, такъ сказать, формальное. Требованіе „мѣстности“ очень скоро было уже настолько полно и въ совершенствѣ удовлетворено, что самый терминъ „мѣстность“ тутъ болѣе и не подходитъ. „Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ“ должны мы сказать о Пушкинскихъ сказкахъ и о „Купцѣ Калашниковѣ“ Лермонтова, въ національной красотѣ своей нигдѣ не превзойденномъ. Это послѣднее произведеніе стоитъ совсѣмъ отдѣльно среди другихъ созданій Лермонтова,—точно зарница неожиданно вдругъ вспыхнула. Но въ глубинѣ сознанія и этого романтика русская красота уже давно росла и искала выхода. „Въ его юношескихъ произведеніяхъ,—говоритъ о немъ Котляревскій,—есть опыты въ этомъ родѣ, но они не представляютъ цѣнности. Есть былина о Стенькѣ Разинѣ „Атаманъ“ 1831 г., есть пѣсня „Воля“ 1831 г.—мало удачная, которую поэтъ вставилъ въ свой разсказъ о „Вадимѣ“. Всѣ эти мелочи указываютъ на то, что Лермонтовъ, давно, еще въ свои юные годы отгадалъ, какой богатый родникъ поэзіи кроется въ народныхъ мотивахъ. Это подтверждается и одной замѣткой, которую еще въ 1830 г. поэтъ занесъ въ свою тетрадку. „Наша литература,—писалъ онъ тогда,—такъ бѣдна, что я изъ нея ничего не могу заимствовать; въ пятнадцать лѣтъ умъ не такъ быстро принимаетъ впечатлѣнія, какъ въ дѣтствѣ; но тогда я почти ничего не читалъ. Однако же, если захочу вдаться въ поэзію на-

родную, то,вѣрно, нигдѣ больше не буду ея искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ.—Какъ жалко, что у меня была матушкой нѣмка, а не русская—я не слыхалъ сказокъ народныхъ: въ нихъ, вѣрно, больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности".

И національное самосознаніе, сплетаясь съ романтическими увлеченіями, дало нѣчто совершенно особое, также формальное, но уже священное. Оно дало *красоту*.

Ее искала, ее жаждала душа романтиковъ, она рвалась къ ней, но стремленіе это было довольно безсознательно. Самосознанія требовала политика, но въ косной, застывшей средѣ тогдашняго русскаго общества въ политическомъ отношеніи это пресловутое національное самосознаніе, о которомъ говорятъ критики, многаго дать не могло, съ какимъ бы жаромъ ни обращался русскій романтикъ назадъ къ исторіи. Побѣдить косность, стать свободнымъ и создавать, освободиться цѣликомъ до полной независимости—все это можно было только въ причудливомъ мірѣ вымысла. Достигнуто было лишь эстетическое совершенство. Своимъ художествомъ русскій человѣкъ сталъ *всѣмъ* въ самый тотъ моментъ, когда надолго послѣ декабрьскаго взрыва для всякаго должно было оказаться яснымъ, что подъ гнетомъ бюрократическаго самовластія и крѣпостного права Россія—*ничто*.

Для полнаго русскаго самосознанія въ эстетическомъ отношеніи характерны тогдашнія мысли другого чародѣя возникшей русской красоты—Гоголя. Въ набросѣ о „Малороссійскихъ пѣсняхъ", вошедшемъ въ „Арабески", Гоголь разсуждаетъ, какъ историкъ и почти какъ политикъ. Въ то время, когда онъ занимался пѣснями, онъ себя считалъ историкомъ; онъ замышлялъ исторію Малороссіи. Отсюда такія слова о пѣсняхъ: „Это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ истины, обнажающая всю жизнь народа". И Гоголь думаетъ, что „кто не проникъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи". Такъ разсуждаетъ историкъ, а политикъ, хотя и не пламенный и впослѣдствіи оказавшійся не только робкимъ, но и совсѣмъ забитымъ, когда и въ немъ проявляется кое-что изъ рылѣевскихъ мечтаній, этотъ политикъ говоритъ о „широкой волѣ" казачества. Но Гоголь—эстетъ. Именно при изученіи пѣсенъ, давшихъ гораздо больше его воображенію, чѣмъ хроники, проснулся эстетъ. Какое-то личное призваніе, безсознательное, но глубоко вѣрное, имѣющее смыслъ общаго прозрѣнія тогдашней русской литературы, звучитъ вотъ въ этихъ словахъ о русскомъ народѣ, создателѣ пѣсни: „Если его жизнь была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ, при всей многосторонности ея, не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, всесильное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ".

Романтикъ Гоголь, обратившійся къ народной старинѣ и къ народной поэзіи, создалъ „Майскую ночь", „Ночь передъ Рождествомъ", создалъ „Вія". Историкъ Гоголь далъ намъ „Тараса Бульбу". Онъ не сдѣлался историкомъ-ученымъ. Историческая правда, которой ему хотѣлось добиться, возсіяла красотой Какъ тамъ, въ Англіи,

увлеченіе древней Шотландіей привело къ Вальтеръ Скотту, такъ у насъ, гдѣ зачитывался Вальтеръ Скоттомъ и Пушкинъ, явился „Тарасъ Бульба". Вліяніе Вальтеръ Скотта довольно ясно чувствуется въ „Дубровскомъ" Пушкина и портитъ его. Но то же теченіе мысли и воображенія, что было присуще англійскому романтизму совершаетъ у насъ въ Россіи даже несомнѣнно болѣе художественное, чѣмъ у Вальтеръ Скотта, прозрѣніе. Пушкинъ въ своихъ историческихъ занятіяхъ отъ Смутнаго времени обращается къ одному изъ наиболѣе яркихъ моментовъ нашего XVIII вѣка, пишетъ „Исторію Пугачевскаго бунта", а рядомъ съ этимъ „Капитанскую дочку"; Гоголь занимается исторіей Малороссіи и вотъ— „Тарасъ Бульба".

„Весь пылъ, всесильное, юное бытіе", можно сказать, перефразируя только-что приведенныя слова Гоголя о пѣсняхъ, вылились и только и могли вылиться въ то время въ Россіи,—и сколько еще десятилѣтій позже!—лишь въ одно: въ красоту поэтическаго творчества.

5.

Натуральная школа.

Ни въ одной литературѣ Европы это понятіе—воспроизведеніе дѣйствительности—не пользуется такимъ обаяніемъ, какъ въ Россіи. Дѣйствительность наша была нескончаемо долго безпросвѣтной и угрюмой. Но никогда за все время литературы XIX вѣка художество не отворачивалось отъ дѣйствительности. Напротивъ. Мы видѣли, что поэтическій полетъ въ причудливый міръ романтики былъ сопряженъ съ раздумьемъ о жизни. Это была жизнь особая, жизнь народныхъ повѣрій или жизнь давняя, историческая, но все-таки сама жизнь, а не одно только вырывающееся изъ ея путъ воображеніе.

Поэтъ-романтикъ—офицеръ и баричъ, былъ оторванъ отъ жизни и по самому своему положенію, какъ представитель класса, и по своему образованію и по образу жизни. Въ своемъ вольномъ и невольномъ бродяжничествѣ онъ скорѣе скользилъ по жизни, чѣмъ дѣйствительно принималъ въ ней участіе. Оторванность еще бо́льшая была результатомъ и государственнаго строя. Поэтъ — офицеръ и баричъ, былъ служилый человѣкъ, но служба его оказывалась какой-то роковой неизбѣжностью и роковымъ зломъ, зломъ для него самого, потому что онъ никогда не сочувствовалъ правительству, которому служилъ, и зломъ для его родины, потому что зломъ было правительство. Это дѣлало его только наблюдателемъ. Онъ упорно всматривался въ жизнь, потому что она почти всегда терзала его; нравственно терзала его лично и сама была истерзана. Рядомъ съ поисками національнаго самосознанія было такъ жутко необходимо познать еще самого себя и познать себя не только „въ себѣ", какъ черезъ полвѣка скажетъ Достоевскій, а въ этой вотъ сейчасъ развертывающейся и наблюдаемой дѣйствительности. Оттого очень рано, даже нѣсколько раньше чѣмъ на Западѣ, наша ху-

дожественная литература стала реалистической. Возникло то, что позднѣе стало носить названіе „натуральной школы". Можетъ быть, для объясненія этого полезно еще разъ вспомнить и то, насколько нашъ романтизмъ былъ близокъ къ нѣкоторымъ литературнымъ теченіямъ вѣка Просвѣщенія, французскимъ и англійскимъ,—„подражаніе природѣ" по формулѣ плохо понятаго Аристотеля еще стояло въ центрѣ эстетики.

Реализмъ, такимъ образомъ, шелъ также съ Запада и шелъ оттуда давно, но западные образцы могли давать только форму для реалистическаго воспроизведенія: романъ, повѣсть. Порывъ къ нему коренится все въ той же упорной работѣ самосознанія. Когда Бѣлинскій въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ" говорилъ: „У насъ нѣтъ литературы", онъ хотѣлъ сказать: у насъ нѣтъ еще того самосознанія, которое должно проявиться въ литературѣ. И онъ пламенно вѣрилъ, что оно придетъ, что оно не за долами и горами.

Поэтъ—офицеръ и баричъ, этотъ первый русскій интеллигентъ, выкинутый изъ жизни, прежде всего долженъ былъ стремиться осмотрѣться кругомъ и понять самого себя въ смыслѣ своего происхожденія и воспитанія. Съ этого и начали оба наши великіе поэты—и Пушкинъ и Лермонтовъ. Какъ-то криво улыбаясь, посмотрѣли они назадъ, въ ту дѣтскую, гдѣ они воспитывались въ старомъ помѣщичьемъ домѣ, городскомъ или деревенскомъ, цѣликомъ пропитанномъ затхлостью сословныхъ и свѣтскихъ предразсудковъ, пустотой, ханжествомъ и крѣпостнымъ правомъ. Тамъ въ первый разъ увидѣлъ жизнь „Герой нашего времени", не только Печоринъ, конечно, но и Арбенинъ, и Чацкій и Евгеній Онѣгинъ, тамъ началъ онъ впервые „грустной душой томиться межъ другихъ дѣтей"; тамъ впервые сталъ онъ вздыхать о красавицѣ такого же происхожденія, какъ и онъ, въ родѣ той, что чуть намѣчена въ Лермонтовской „Сказкѣ для дѣтей". Почти совсѣмъ мальчикъ, Пушкинъ въ своемъ „Городкѣ", навѣянномъ еще французскимъ чтеніемъ, еще поэтами исхода классицизма, вспоминаетъ добренькую старушку, и тутъ сразу развертывается передъ нами та обстановка, которую покинулъ поэтъ—офицеръ и баричъ.

Въ досужій мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душистый пью чаекъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней.
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ и вѣстей
Мнѣ пропасть наболтаетъ;
Газеты собираетъ
Со всѣхъ она сторонъ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала,
Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала;
Ѳома свою хозяйку
Ни за́ что наказалъ,
Антошка балалайку,
Играя, разломалъ—
Старушка все разскажетъ;
Межъ тѣмъ, какъ юбку вяжетъ,
Болтаетъ все свое.
А я сижу смиренно
Въ мечтаньяхъ углубленный,
Не слушая ее.

Нѣтъ, поэтъ видѣлъ, все видѣлъ, и все слышалъ и все понялъ.

Я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ,
все узналъ;

Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ
И болѣе всего страдалъ,

говоритъ лермонтовскій Арбенинъ. Такъ сталъ романтикъ реалистомъ. Отсюда чисто реалистическія сцены и изображенія повседневной жизни въ „Графѣ Нулинѣ“, или въ „Евгеніи Онѣгинѣ“.

Въ пушкинскомъ „Евгеніи Онѣгинѣ“ такъ много еще и юмора. Онъ совсѣмъ принадлежитъ той средѣ, въ которой жилъ поэтъ; онъ ея исчадіе, ея отпрыскъ. Позднѣе это опредѣленіе: „Евгеній Онѣгинъ“—энциклопедія русскаго общества, считалось сильно преувеличеннымъ. Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, конечно, недостаетъ декабристовъ, „умныхъ“, какъ выразился Пушкинъ въ наброскѣ ненаписаннаго романа. Но мы все таки видимъ здѣсь жизнь полную, отъ самой дѣтской до сановничества. То же самое и въ „Горе отъ ума“. Московское барство здѣсь все призвано къ отчету отъ мала до велика, отъ Молчалина до дядюшки Максима Петровича и опять-таки отъ дѣтскихъ лѣтъ Чацкаго, когда его драли за уши, до почтеннаго возраста графа Тугоуховскаго. Печорина мы видимъ на Кавказѣ. Только „Княгиня Лиговская“ кой-что сообщаетъ о его столичной жизни. Оттого тамъ меньше простора для воспроизведенія дѣйствительности. Но армейскаго офицера Максима Максимыча не смогъ бы вывести тотъ, кто не видѣлъ и не изобразилъ всего, что его окружало. Реализмъ народился. Нельзя противополагать ему романтизмъ поэта и барича. Напротивъ, романтикъ стремился къ нему и создалъ его. Дѣло только въ томъ, что самосознаніе его было все-таки его личнымъ дѣломъ, его личной заботой, заботой небольшого кружка изъ первенствующаго въ жизни, но немногочисленнаго класса. Оттого въ центрѣ и стоятъ Печоринъ, Онѣгинъ, Чацкій, а обстановка—Ларины, Фамусовы, кавказскіе военные нравы и т. д.

Что же увидѣлъ поэтъ въ своемъ сердцѣ, когда встали передъ нимъ Онѣгинъ, Чацкій и Печоринъ? Онъ подсмѣялся надъ собой въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, „этомъ москвичѣ въ гарольдовомъ плащѣ“; онъ увидѣлъ себя также неспособнымъ чувствовать, какъ Ленскій. Ленскій слишкомъ наивенъ. Байронизмъ уже влилъ свой ядъ въ романтическое увлеченіе. Но если въ Чацкомъ его смѣнилъ пророкъ—новый Альцестъ, всѣ мысли и чувства котораго такъ упорно и такъ пророчески противорѣчатъ всей окружающей средѣ, то пророкъ этотъ также оказался немного наивнымъ, хотя зато и убѣжденнымъ и пламеннымъ. Въ Онѣгинѣ подъ налетомъ всей тогдашней цивилизаціи и при всѣхъ его знаніяхъ нѣтъ ничего, кромѣ пустоты. Поэтъ будто отворачивается здѣсь отъ своей молодости и готовъ склониться передъ затверженными и старыми, но твердыми правилами Татьяны, также отдавшей въ молодости дань романтизму, а теперь, не найдя въ немъ ничего, кромѣ пустоты, отбросившей его ради не очень-то высокой и даже совсѣмъ нехорошей житейской трезвости. Оттого юморъ въ „Онѣгинѣ“ разрѣшается какой-то грустью:

Какія бъ чувства ни таились
Тогда во мнѣ—теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли иль измѣнились.

Самосознаніе привело къ результату,

мало утѣшительному, и это, конечно, не оттого, что открылся не Чацкій, а Онѣгинъ. Они—родные братья. Онѣгинъ хотѣлъ только наслаждаться въ этой средѣ и почувствовалъ себя поверженнымъ и ни на что негоднымъ. Чацкій хотѣлъ поучать. Образованностью своей онъ не пожелалъ такъ легкомысленно пользоваться, какъ Онѣгинъ, а въ результатѣ—выходъ вонъ изъ жизни и та же пустота развѣ только съ обманчивой искрой надежды о какомъ-то привѣтливомъ уголкѣ оскорбленному чувству. Жизнь не приняла ни „повѣсу" Онѣгина, ни „умнаго" Чацкаго, а проникнувшій въ ихъ сознаніе поэтъ, понявшій черезъ нихъ самого себя, какъ бы убоявшись подвергнуться ихъ участи, готовъ примириться съ этой жизнью. Зачѣмъ романтизмъ? зачѣмъ увлеченіе?—какъ будто бы говоритъ онъ въ этой знаменитой строфѣ, начинающейся словами:

„Иныя нужны мнѣ картины",
Мой идеалъ теперь—хозяйка,
Мои желанія—покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

Это первый выходъ въ свѣтъ въ нашей литературѣ „положительнаго человѣка", но, восклицаетъ поэтъ, все-таки сохранившій мечты молодости:

Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?

Въ послѣднихъ строфахъ „Евгенія Онѣгина" когда-то видѣли окончательный поворотъ къ реализму. Эти слова: „Иныя мнѣ нужны картины" давали поводъ думать, что это такъ. Но въ нихъ смыслъ, повидимому, иной. Эти иныя картины, это еще новое самосознаніе болѣе широкое, уже національное, а не только личное, появившееся въ „Борисѣ Годуновѣ", а позднѣе, болѣе широкое въ „Донъ Жуанѣ", въ „Фаустѣ", въ „Скупомъ рыцарѣ". Да, русскій реализмъ уже созданъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ", уже съ нимъ появилась „натуральная" школа, съ нимъ и съ „Горе отъ ума" Грибоѣдова. И вотъ даже въ этой-то послѣдней пьесѣ, этой характерной комедіи нравовъ, соблюдающей всѣ три единства, позволившей себѣ лишь показать намъ три разныхъ помѣщенія въ домѣ Фамусова,—еще не порвана связь со старымъ реализмомъ XVIII вѣка.

Почти по пятамъ „Евгенія Онѣгина" идетъ Печоринъ. И тутъ тотъ же реализмъ, можетъ быть, самый совершенный, какого когда-либо достигала русская литература. Но какъ предметъ изображенія и здѣсь опять-таки тотъ же самый воспитавшій себя на Байронѣ романтикъ. Отношеніе автора однако совсѣмъ иное. Здѣсь не грусть, а бичеваніе. Такъ много въ Печоринѣ открываютъ эти слова самого Лермонтова: „Герой нашего времени", милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка; это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ; а я скажу, что ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романтическихъ злодѣевъ, отчего же вы не вѣруете въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами, гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Ужъ не оттого ли, что въ немъ больше

правды, нежели бы вы того желали?

„Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигриваетъ? Извините. Довольно людей кормили сластями: у нихъ отъ этого испортился желудокъ; нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины. Но не думайте, однако, послѣ этого, чтобы авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему просто было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ и, къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить—это ужъ Богъ знаетъ!".

Эти слова, вовсе не доказываютъ, чтобы „Герой нашего времени" былъ тенденціозный романъ, бичующій порокъ—какъ онъ выразился въ байроническомъ героѣ того времени. Отнюдь нѣтъ. Смыслъ романа всего лучше выясняется въ связи съ этими уже приведенными выше стихами Пушкина:

Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны,
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы.

Нѣтъ, ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ не опоэтизировали русскаго романтика-офицера и барича. Ихъ романы оказались скорѣе чѣмъ-то въ родѣ покаянія и отсюда только что приведенныя слова Лермонтова. Реализмъ открылъ такимъ образомъ ту же душевную растерзанность, что и лирика; въ художественномъ воспроизведеніи она только убралась въ блестящую позолоту истинной художественной красоты.

По самому своему міровоззрѣнію русскій романтикъ остановился, сдѣлавшись реалистомъ, на томъ же противоположеніи поэзіи и жизни. У Гоголя въ его „Арабескахъ", въ „Мнемозинѣ" кн. В. Одоевскаго и въ разсказахъ Полевого эта трагедія художника и толпы, средняго мѣщанскаго общества и исключительной натуры получаетъ свое дальнѣйшее развитіе. Герой и тутъ оказался развѣнчаннымъ. Авторъ цѣликомъ на его сторонѣ; онъ родной ему; но авторъ не восхищается имъ, а бичуетъ его.

Приблизиться къ толпѣ, всмотрѣться въ ея черты, найти въ ней что-нибудь сродное себѣ, этого, несмотря на развѣнчаніе героя, однако отнюдь не могъ офицеръ или баричъ. Герой былъ слишкомъ ему близокъ. Онъ остался человѣкомъ класса, хотя и ненавидѣлъ тотъ классъ, къ которому принадлежалъ самъ; онъ возненавидѣлъ его за его мѣщанство. Найти утѣху, найти зародышъ стремленія къ идеалу въ другомъ классѣ общества было ему не по привычкамъ мысли и чувства. Но идеала неизмѣнно жаждала душа, и оттого ей необходимъ былъ герой, а герой не мыслился и не вставалъ въ воображеніи иначе, какъ въ видѣ такого же офицера и барича. Отсюда—безвыходность. Одновременно и разрывъ съ прошлымъ и невозможность сдѣлать шагъ впередъ.

6.

Гоголь и новый театръ.

Новый шагъ въ изображеніи дѣйствительности сдѣланъ новыми людьми, людьми новаго типа и новаго класса. Выступить съ новыми образами

предстояло писателю, если и не прямо разночинцу, то писателю нѣсколько болѣе демократическаго происхожденія, тому, кто родился не въ барскихъ домахъ, утопавшихъ въ зелени столѣтнихъ садовъ, не среди разгула и роскоши.

Такому художнику будетъ принадлежать слѣдующее замѣчаніе: „Никто не станетъ спорить, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный, какъ воля, самъ себѣ и судья и господинъ, гораздо ярче какого-нибудь засѣдателя и, несмотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага, притаясь въ ущельи, или выжегъ цѣлую деревню, однако же онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ истертомъ фракѣ, запачканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справокъ и выправокъ, пустилъ по міру множество всякаго рода крѣпостныхъ и свободныхъ душъ.— Но тотъ и другой, они оба—явленія, принадлежащія къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе, хотя по весьма естественной причинѣ то, что мы рѣже видимъ, всегда сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего, какъ нерасчетъ поэта—нерасчетъ передъ его многочисленною публикою, а передъ собою: онъ ничуть не теряетъ своего достоинства, даже, можетъ быть, еще болѣе пріобрѣтаетъ его, но только въ глазахъ немногихъ истинныхъ цѣнителей“. Такъ писалъ, какъ извѣстно, Гоголь, авторъ „Портрета“, въ своей статьѣ о Пушкинѣ, вошедшей въ „Арабески“.

Это уже не только призывъ къ реализму, какъ къ пріему творчества. Здѣсь уже нѣчто большее. Иначе понимается здѣсь и самый предметъ реалистическаго изображенія. Поэзія есть и въ каждодневномъ, въ обыденномъ. Мы здѣсь уже движемся по тому направленію эстетическаго сознанія, идя по которому мы черезъ четверть вѣка услышимъ отъ француза Флобера признаніе, что „въ каждомъ уголкѣ жизни содержится атомъ красоты“, а отъ нашего Чернышевскаго, что все „интересное“ можетъ служить предметомъ художественнаго воспроизведенія.

Такой взглядъ на вещи долженъ былъ измѣнить прежде всего отношеніе къ природѣ. Онъ превозмогаетъ уже романтическое исканіе „живописности“. Уже Пушкинъ и Лермонтовъ, какъ художники-пейзажисты, не остановились на одномъ только живописномъ, этомъ первомъ импульсѣ къ познанію красоты природы. Пушкинъ и понялъ, и воспѣлъ блѣдную прелесть псковскихъ полей и лѣсовъ. Но формулировалъ новую реалистическую эстетику только Гоголь. „Я всегда,—пишетъ Гоголь, — чувствовалъ въ себѣ маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ, взглянувши на картину, покачалъ головою и сказалъ: „Хорошій живописецъ выбираетъ дерево, хорошо растущее, а не сухое“. Въ дѣтствѣ мнѣ казалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость: знать, что нравится и что не нра-

вится толпѣ. Сочиненія Пушкина, гдѣ дышитъ у него русская природа, такъ же тихи и безпорывны, какъ русская природа. Ихъ только можетъ совершенно понять тотъ, чья душа носитъ въ себѣ чисто русскіе элементы, кому Россія родина, чья душа такъ нѣжно организована и изощрилась въ чувствахъ, что способны понять неблестящія съ виду русскія пѣсни и русскій духъ; потому что, чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина". Толпа, стало быть, еще требуетъ романтически-живописнаго. Но поэтъ уже превзошелъ это требованіе. Онъ ведетъ толпу къ новой поэзіи, поэзіи каждодневности. Чтобы возвыситься до этой формулировки, нужно было такъ глубоко вдуматься въ вопросы художества, какъ это продѣлалъ Гоголь, нужно было проникнуться художествомъ, какъ ремесломъ, жить только въ одномъ мірѣ художества.

Если теперь съ точки зрѣнія художниковъ болѣе демократическаго происхожденія—художниковъ, родившихся „среди этой кучи набросанныхъ одинъ на другой домовъ гремящихъ улицъ, кипящей меркантильности", возникнетъ тотъ же вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ генія и пестрой мѣщанской толпы, о взаимныхъ отношеніяхъ идеала и дѣйствительности, онъ естественно получитъ хотя и схожее, но все же иное разрѣшеніе въ средѣ поэтовъ-бариновъ, съ ихъ увлеченіемъ непонятыми героями.

Гоголь эти мысли выявилъ наиболѣе ярко и трагично въ „Невскомъ проспектѣ" и въ „Запискахъ сумасшедшаго". Но то же—и у Тимофеева въ „Поэтѣ" и у Павлова въ „Именинахъ". У Тимофеева трагедія генія продумана уже съ полной реалистической простотой. Выводы азбучны и практичны. „Поэтъ,—пишетъ Тимофеевъ,—осужденъ жить въ нашемъ, а не въ иномъ мірѣ, и отъ всѣхъ мечтаній онъ долженъ пробудиться на площади, среди большого европейскаго города, среди шумной толпы, иной разъ и пьяной и грубой; среди этой пошлости наллежитъ ему и умереть подъ говоръ этихъ пигмеевъ въ платьѣ эгоизма. Его предсмертныя страданія ужасны, въ особенности, если онъ сознаетъ, что даже тѣмъ малымъ счастьемъ, которое человѣку на землѣ доступно, онъ не сумѣлъ воспользоваться. Ничтожества проситъ онъ у своего генія передъ прощаніемъ съ жизнью. Онъ боится, что съ своей „живой душой" онъ даже небесный рай, куда онъ долженъ переселиться, обратитъ въ черную обитель страданія. Но геній беретъ его на небеса, и со смертью для него начинается новая жизнь. Онъ исполнилъ свое назначеніе: онъ былъ залогомъ союза Бога съ человѣкомъ, онъ былъ свѣтиломъ для этого мрачнаго, мертваго міра, лампадой во тьмѣ грѣха, недуговъ и печали, хотя онъ и ненавидѣлъ этотъ міръ. Теперь, въ моментъ смерти, святой небесный огонь долженъ быть взятъ въ свою отчизну. Душа поэта—душа земли; его величіе — величіе людей; его мечта — вся вселенная. Даже его безумная мечта о новомъ мірѣ не пропадаетъ даромъ—она цѣлебный бальзамъ для души всегда

А. В. Кольцовъ

больного человѣка". Но тутъ проблема однако только поставлена и при томъ чисто теоретически. Дано не болѣе, какъ сухое общее правило. Въ „Невскомъ проспектѣ" Гоголя эта проблема воплощена. Въ ней бьется горячее человѣческое сердце. Вѣдь геній это живой человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ такихъ же простыхъ смертныхъ, что бродятъ вотъ тутъ, по Невскому проспекту, теряясь въ толпѣ, заглядываясь, какъ и всѣ прочіе, на первую попавшуюся красавицу. Но съ нимъ случается не то, что съ поручикомъ Пироговымъ. Нѣтъ—иное, именно, потому, что онъ геній, художникъ. Вотъ трагедію-то этого генія-художника во плоти и представитъ уже не Тимофеевъ; это сдѣлаетъ только геніальный Гоголь; сдѣлаетъ это, пожалуй, въ особомъ смыслѣ, въ по своему трагическихъ условіяхъ, и Павловъ.

Вѣрный своимъ романтическимъ предразсудкамъ, Гоголь однако отнюдь не могъ представить себѣ смѣшивающимся съ пошлой толпой и прозябающимъ среди житейской пошлости какого-нибудь итальянскаго художника. Это очень характерно для происхожденія русскаго реализма. Точно вдумываясь вотъ въ этотъ сѣрый и блѣдный пейзажъ русской природы, который онъ отчасти уже оцѣнилъ, какъ восторженный поклонникъ Пушкина, сталъ Гоголь реалистомъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ опредѣляетъ онъ художника Пискарева: „Не правда ли, странное явленіе—художникъ петербургскій? Художникъ въ странѣ снѣговъ, художникъ въ странѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сѣро, туманно! Эти художники вовсе не похожи на художниковъ итальянскихъ, гордыхъ, горячихъ, какъ Италія и ея небо; напротивъ того, это большею частью добрый, кроткій народъ, застѣнчивый, безпечный, любящій тихо свое искусство, пьющій чай съ двумя пріятелями своими въ маленькой комнатѣ, скромно толкующій о любимомъ предметѣ и вовсе небрегущемъ объ излишнемъ. Онъ вѣчно зазоветъ къ себѣ какую-нибудь нищую-старуху и заставитъ ее просидѣть битыхъ часовъ шесть съ тѣмъ, чтобы перевести на полотно ея жалкую, безчувственную мину. Онъ рисуетъ перспективу своей комнаты, въ которой валяется всякій художественный вздоръ: гипсовыя руки и ноги, сдѣлавшіяся кофейными отъ времени и пыли, и сломанные живописные станки, опрокинутая палитра, пріятель, играющій на гитарѣ, стѣны, запачканныя красками, съ растворенными окномъ, сквозь которое мелькаетъ блѣдная Нева и бѣдные рыбаки въ красныхъ рубахахъ. У нихъ всегда почти на всемъ сѣренькій, мутный колоритъ—неизгладимая печать сѣвера. При всемъ томъ, они съ истиннымъ наслажденіемъ трудятся надъ своею работою".

Но вотъ, посколько съ наслажденіемъ трудится надъ своею работою художникъ-мечтатель, жизнь, съ которою онъ примирился и которую научился изображать, все-таки разитъ его и терзаетъ. Ему нужны его грезы; онъ живетъ въ этихъ грезахъ, а жизнь разбиваетъ ихъ. Чтобы спасти свои грезы отъ разъѣдающей пошлости мѣщанства, художникъ готовъ пожертвовать всѣмъ и, конечно, своимъ здоровьемъ.

Если нуженъ опіумъ, онъ будетъ принимать опіумъ, и въ результатѣ — простое житейское совсѣмъ реальное несчастіе, сгубившее художника Пискарева, а потомъ самоубійство. „Такъ погибъ, жертва безумной страсти, бѣдный Пискаревъ, тихій, робкій, скромный, дѣтски простодушный, носившій въ себѣ искру таланта, быть можетъ, со временемъ бы вспыхнувшаго широко и ярко".

И если повѣрить сюжету разсказа, Пискаревъ долженъ быть признанъ человѣкомъ ненормальнымъ. Веди онъ записки, это были бы „Записки сумасшедшаго". Вопросъ продуманъ глубоко. Тотъ, кто, какъ говоритъ про себя герой „Записокъ сумасшедшаго", „начинаетъ иногда слышать и видѣть такія вещи, которыхъ никто еще не видывалъ и не слыхивалъ", вѣдь всегда либо геній, либо сумасшедшій, а нерѣдко то и другое вмѣстѣ... Такъ роднятся сюжеты обѣихъ названныхъ повѣстей Гоголя.

И художникъ Пискаревъ такъ же, какъ и герой „Записокъ сумасшедшаго", такимъ образомъ, геніи уже безъ блеска барства. Напротивъ, это—„маленькіе люди", это будущіе „Бѣдные люди" или „Униженные и оскорбленные". Соціальная среда, къ которой принадлежитъ непонятый геній, кореннымъ образомъ измѣнилась. Оттого теперь въ мечтаніяхъ романтика, изнывающаго среди житейской пошлости, съ мыслями объ искусствѣ, о добрѣ, о красотѣ южной природы и о благородствѣ чувствъ сплетаются и жадныя фантазіи о роскоши и высокомъ положеніи въ обществѣ, чего не могло быть, когда герой представлялся, напротивъ того упившимся всѣмъ этимъ и пресыщеннымъ. Выдвинулся новый классъ. Точка зрѣнія усвоена мелкобуржуазная, разночинческая.

У Павлова мы видимъ однако такого интеллигента, разночинца, которому надо разорвать еще оковы не соціальнаго и не политическаго гнета, а самаго грубаго гнета—рабства. Начинается классовое самосознаніе средняго класса, а еще не изжиты самыя ужасныя формы сословной зависимости. Въ лицѣ героя „Именинъ" передъ нами встаетъ страшный и окровавленный обликъ крѣпостной интеллигенціи. Получить тотъ минимумъ личной свободы, какой возможенъ былъ въ Россіи для не крѣпостныхъ, этого достигаетъ герой „Именинъ", когда оказывается, наконецъ, подъ красной солдатской шапкой.

Съ повѣстью Павлова мы впрочемъ переходимъ въ реализмъ, уже почти не имѣющій ничего общаго съ романтизмомъ. Проблема генія въ его столкновеніяхъ съ толпой тутъ отсутствуетъ. Это ужъ больше не реалистическое изображеніе психологіи романтизма въ его широкомъ общечеловѣческомъ, не только историко-литературномъ пониманіи.

Еще другой моментъ въ развитіи русскаго реализма представляютъ романы и повѣсти, сосредоточивающіе все вниманіе читателя на однихъ только среднихъ людяхъ. Мы подошли къ тѣмъ чисто реалистическимъ очеркамъ Гоголя, которые тянутся отъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ" до „Мертвыхъ душъ".

Развитіе подобной повѣсти начинается съ „дѣдушки нашего романа" „Ивана Выжигина" Булгарина, съ

„Нищаго“, „Черной немочи“ и „Невѣсты на ярмаркѣ“ Погодина. Но это литература для самого того общества, которому противополагалъ себя романтикъ, литература для публики. „Булгаринъ,—говоритъ Пушкинъ,—такъ для нея (для публики) созданъ, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать“. Это мѣткое словцо вообще такъ примѣнимо ко всему очень современному, вполнѣ подходящему для современнаго читателя.

Чисто реалистическіе очерки Гоголя отъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“ до поэмы „Мертвыя души“, которые обыкновенно еще со временъ Бѣлинскаго разсматриваются въ связи съ только что названными разсказами и повѣстями, отличаются отъ нихъ, однако, не только однимъ неизмѣримо большимъ размѣромъ таланта. Тутъ совсѣмъ особый художественный замыселъ—юморъ. Гоголь былъ юмористомъ. Катарсисъ смѣха заставлялъ взволнованно и тревожно, хотя и весело всматриваться черезъ произведенія Гоголя въ современную дѣйствительность. Юморъ Гоголя—идиллическій въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“—вызываетъ снисхожденіе, а снисхожденіе толкаетъ на любовь. Снисходительный юморъ—въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ переходитъ даже въ сожалѣніе. И отсюда это: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ которымъ заканчивается повѣсть. Вотъ они какіе маленькіе и жалкіе, какіе смѣшные и все-таки какіе скучные эти люди тамъ въ глуши съ ихъ сѣрой однообразной жизнью. Скучно тамъ! И оттого, что такова жизнь вообще, скучно на свѣтѣ,—точно хочетъ сказать авторъ.

Комизмъ Гоголя не есть бичующій комизмъ. Это вовсе не сатира. Его душа была слишкомъ осложнена; онъ былъ слишкомъ созерцателенъ, чтобы стать сатирикомъ. Въ своемъ юморѣ Гоголь все тотъ же неисправимый романтикъ. Отсюда связь гоголевскаго „натурализма“ съ только что очерченнымъ еще романтическимъ настроеніемъ. Гоголь-романтикъ, любящій живописное, любящій яркіе цвѣта, подсмѣивается надъ міромъ малыхъ сихъ. Сатирикомъ былъ Грибоѣдовъ. Въ самой совершенной формѣ, въ какой всегда выражается комизмъ, въ комедіи бичевалъ онъ, увлеченный возвышеннымъ романтикъ, затхлость и ничтожество общества, попиравшаго все возвышенное и не дававшее ему развиться. Гоголь былъ консерваторъ—оттого онъ и не могъ стать сатирикомъ, оттого вызывалъ онъ не гнѣвъ, а сожалѣніе, не презрѣніе, а жалость.

Комизмъ Гоголя долженъ былъ однако также найти свое окончательное выраженіе въ комедіи.

Судьбы русскаго театра давно интерессовали Гоголя; онъ ясно видѣлъ, какъ ничтоженъ театръ, и къ театру примѣнялъ онъ ту же самую мѣру, тѣ же самыя мысли, какія мы уже знаемъ по отношенію къ пейзажу и къ повѣсти. „Непостижимое явленіе,—пишетъ Гоголь,—то, что всегдневно окружаетъ насъ, что неразлучно съ нами, что обыкновенно, то можетъ замѣчать одинъ только глубокій, великій, необыкновенный талантъ. Но то, что случается рѣдко, что составляетъ исключеніе, что останавливаетъ насъ своимъ безо-

бразіемъ, нестройностью среди стройности, за то схватывается обѣими руками посредственность". И вотъ, продолжаетъ Гоголь: „Странное сдѣлалось сюжетомъ нынѣшней драмы. Все дѣло въ томъ, чтобы разсказать какое-нибудь происшествіе, непремѣнно новое, непремѣнно странное, дотолѣ неслыханное и невиданное: убійство, пожары, самыя дикія страсти, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ въ теперешнихъ обществахъ!" А у насъ это еще хуже. У насъ даже въ простыхъ реалистическихъ пьесахъ, когда изображается „не странное", а самое каждодневное, и тогда оно ничего не имѣетъ общаго съ дѣйствительностью. „Положеніе русскихъ актеровъ,—пишетъ Гоголь,—жалко. Передъ ними трепещетъ и кипитъ свѣжее народонаселеніе, а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видали. Что имъ дѣлать съ этими странными героями, которые ни французы, ни нѣмцы, но какіе-то взбалмошные люди, не имѣющіе рѣшительно никакой опредѣленной страсти и рѣзкой физіономіи? гдѣ высказаться? на чемъ развиться таланту? Ради Бога, дайте намъ русскихъ характеровъ, насъ самихъ дайте намъ, нашихъ плутовъ, нашихъ чудаковъ! на сцену ихъ, на смѣхъ всѣмъ! Смѣхъ—великое дѣло: онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія, но предъ нимъ виновный—какъ связанный заяцъ..."

Эти замѣчанія Гоголя написаны черезъ два года послѣ „Ревизора", но они такъ ярко отражаютъ то, чего хотѣлъ достигнуть Гоголь своей драмой: его искусство просилось на сцену, тамъ только было оно расцвѣсть. Но „Женитьба" его это именно его особый, почти безъидейный, сожалѣющій и отнюдь не бичующій юморъ. Даже въ „Ревизорѣ", который такъ обидѣлъ публику на первомъ представленіи, потому что она узнала въ немъ самое себя, и тутъ Гоголь не можетъ быть въ сущности названъ бичующимъ. Да, очень жалки всѣ эти большіе и малые Сквозники-Дмухановскіе, эти насильники, трепещущіе передъ воображаемымъ ревизоромъ; да, жалокъ и этотъ великолѣпный питерскій хлыщъ, Хлестаковъ, жалки Бобчинскій и Добчинскій, но что же? Развѣ не является настоящій ревизоръ? Въ сущности все обстоитъ благополучно. Правительство блюдетъ. Исполнители его воли—„лихіе супостаты". Но правительство сумѣетъ во время справиться съ ними, и намъ остается скорѣе пожалѣть о нихъ, чѣмъ негодовать. Зачѣмъ осуждать тѣхъ, кто все равно будетъ осужденъ? Благонамѣренность замысла „Ревизора" отлично оцѣнилъ Николай I, покровительствовавшій этой комедіи. „Ревизоръ"—комедія характеровъ въ старомъ еще до-романтическомъ смыслѣ. Она выводитъ передъ нами безсмертнаго Хлестакова, раскрываетъ хлестаковство въ душѣ человѣческой. Она глубоко правдива, глубоко реальна; но только правдива, только реальна.

Съ „Ревизоромъ" русскій реализмъ дошелъ до своего окончательнаго проявленія. „Натуральная школа" достигла совершенства. Мы стоимъ наканунѣ „Мертвыхъ душъ", гдѣ развернется еще цѣлая серія характеровъ безсмертныхъ и яркихъ, правдивыхъ и потому національныхъ, національныхъ уже не въ смыслѣ „мѣстности" только, а именно въ

смыслѣ того самопознанія, о которомъ мечтали еще критики двадцатыхъ годовъ.

И точно поспѣвая за Гоголемъ, тѣмъ же реализмомъ исполнены и комедіи другого недюжиннаго юмориста, земляка Гоголя, Квитки. Комедіи Квитки съ историко-литературной точки зрѣнія особенно интересны тѣмъ, что онѣ вовсе не порвали съ морализующей комедіей вѣка Просвѣщенія. Имена дѣйствующихъ лицъ, опредѣляющія основную черту характера, уносятъ чуть не въ времена Фонвизина, а одна изъ лучшихъ комедій Квитки, „Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ“ (1828) предвосхищаетъ основной замыслъ гоголевскаго „Ревизора“.

7.

Философскія исканія и публицистика.

Въ тридцатыхъ годахъ замѣчается нѣкоторое оживленіе въ журналистикѣ. Стремленіе создать общественное мнѣніе дѣлаетъ новыя и новыя попытки въ борьбѣ съ старающейся подавить всякую самостоятельную мысль цензурой. Попытки эти чаще всего приводятъ къ неудачамъ. Вотъ краткій мартирологъ тогдашнихъ журналовъ. Въ 1832 году запрещенъ „Европеецъ“ Ивана Кирѣевскаго. Въ 1834 году запрещенъ „Московскій Телеграфъ“ Полевого за рецензію на драму Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла“. Относительно этого произведенія, написаннаго въ духѣ „самодержавія, православія и народности“ не долженъ былъ „смѣть свое сужденіе имѣть“ публицистъ того времени. Въ томъ же 1834 году взамѣнъ „Сѣверной Пчелы“ Булгарина и Греча возникаетъ „Библіотека для чтенія“ подъ редакціей Греча, а это изданіе Гоголь въ письмѣ Погодину характеризуетъ словами: „И вотъ литература наша безъ голоса“. Въ 1836 году запрещенъ „Телескопъ“ Надеждина за „Философическое письмо“ Чаадаева.

Остановимся сначала на этомъ послѣднемъ. Это несомнѣнно самый крупный публицистъ Пушкинскаго времени. Несмотря на цензурный гнетъ, публицистъ нарождался, и публицистъ не только въ смыслѣ профессіи, но и въ высшемъ смыслѣ. Въ смыслѣ профессіи Чаадаевъ даже не можетъ быть названъ публицистомъ. Такими могли быть лишь совсѣмъ пресмыкающіеся, неразборчивые люди, какъ Сенковскій (баронъ Брамбеусъ), Гречъ, Булгаринъ. Способность приспособляться чувствуется и въ Надеждинѣ и Полевомъ. Чаадаевъ стоялъ совершенно одиноко и оттого, будучи публицистомъ по темпераменту, въ русской журналистикѣ онъ выступилъ только одинъ разъ.

О Чаадаевѣ молодой Пушкинъ сказалъ:

> Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесъ,
> А здѣсь онъ—офицеръ гусарской.

„На обломкахъ самовластья“, какъ это предсказывалъ своему другу Пушкинъ, Россія, увы! не напишетъ его имени. Онъ „отчизнѣ посвятилъ души прекрасные порывы“ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Его близость къ декабрьскому возстанію была

такого характера, что послѣ жандармскаго допроса 1826 г. его признали ни въ чемъ не виновнымъ. Пушкинъ недаромъ представляетъ его себѣ „въ кабинетѣ“ „милымъ домосѣдомъ“. Но и своей личностью, и своими писаньями онъ „воспламенялъ къ высокому любовь“. Пыпинъ подчеркнулъ въ „Философическихъ письмахъ“ Чаадаева скептицизмъ. Относительно Россіи Чаадаевъ, разумѣется, былъ скептикомъ. Такія слова нужно назвать скептицизмомъ: „Отъ этого вы найдете, что всѣмъ намъ недостаетъ нѣкотораго рода основательности, метода, логики. Силлогизмъ Запада намъ неизвѣстенъ. Въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то большее, чѣмъ неосновательность. Лучшія идеи отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодные призраки, цѣпенѣютъ въ нашемъ мозгу. Человѣкъ теряется, не находя средства прійти въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что ему предшествуетъ и что послѣдуетъ; онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководствуетъ чувство общаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерявшіяся существа встрѣчаются во всѣхъ странахъ; но у насъ эта черта общая...“ Но бичеваніе насъ русскихъ и всей русской культуры было вѣдь только тѣмъ „жаромъ“, которымъ Чаадаевъ „воспламенялъ къ великому любовь“. То, что презираешь, того не стоитъ бичевать. Зачѣмъ также бичевать и поносить безцѣльно. Между настроеніемъ Чаадаева и тѣмъ, что нужно называть скептицизмомъ, глубокое различіе. Скептицизмъ всегда холоденъ. Въ Чаадаевѣ нѣтъ никакой холодности. Пыпинъ справедливо говоритъ, что Чаадаевъ теоретически высказалъ то, что жило въ сознаніи всего пушкинскаго кружка, всего русскаго романтизма. Въ немъ было великое разочарованіе, вплотную приблизившее къ байронизму, и огромное увлеченіе, „къ высокому священные порывы“. Какъ достигнуть высокаго, когда кругомъ все такъ низко и такъ пошло? Чаадаевъ не дѣлалъ себѣ иллюзій. Главное его достоинство—это полнѣйшее отсутствіе робости мысли. Разочаровавшись въ русской культурѣ, Чаадаевъ не побоялся отвергнуть ее всю цѣликомъ. И мало этого. Онъ потребовалъ еще покаянія. „Я думаю,—писалъ онъ,—что для нашего полнаго возрожденія въ смыслѣ откровеннаго разума, намъ нужно еще какое-нибудь великое покаяніе, какое-нибудь всемогущее искупленіе, вполнѣ ощущаемое всѣмъ христіанскимъ міромъ, испытываемое всѣми, какъ великая физическая катастрофа на поверхности нашего міра; безъ этого я не понимаю, какъ мы могли бы избавиться отъ грязи, которая все еще оскверняетъ нашу память“. Нѣтъ, такъ говоритъ не скептикъ, но такъ можетъ говорить только западникъ.

Никто сильнѣе Чаадаева не отразилъ западническаго теченія тогдашней русской мысли. Передъ взглядами Чаадаева мнѣніе Ивана Кирѣевскаго, что „Россія должна перенимать все у иностранцевъ“, звучитъ холодно и глухо.

Западничество Чаадаева однако въ значительной степени отличается отъ послѣдующаго западничества. Къ этому послѣднему ближе подходитъ Полевой со своимъ „Мо-

сковскимъ Телеграфомъ". Онъ былъ выразителемъ уже либеральныхъ, или, вѣрнѣе, просвѣтительныхъ теченій двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ и, какъ сынъ купца и какъ журналистъ, онъ представлялъ собою теченіе нѣсколько болѣе демократическое, чѣмъ выдающіеся литераторы того времени. Возникшій въ 1827 г. „Московскій Вѣстникъ" Погодина, этотъ журналъ, вдохновленный Веневитиновымъ, напротивъ, отражаетъ аристократизмъ крупныхъ тогдашнихъ писателей, впослѣдствіи вошедшихъ въ групну пушкинскаго „Современника". Вяземскій, старинный сотрудникъ Полевого, отрицалъ этотъ аристократизмъ, но извѣстная доля его несомнѣнно сказывалась, поскольку аристократическимъ можетъ быть названо такое настроеніе, какое вылилось въ пушкинскомъ обращеніи къ Видоку Фиглярину.

Въ чаадаевскомъ западничествѣ была одна черта, совершенно однако несвойственная послѣдующему западничеству,—это интересъ къ религіознымъ вопросамъ. Мысль Чаадаева была въ корню религіозна. Религіознымъ былъ для него и вопросъ объ общечеловѣческой культурѣ. И вотъ западникъ Чаадаевъ, для котораго развитіе цивилизаціи тѣсно связано съ развитіемъ религіи, распространяетъ свое западничество вплоть до увлеченія католицизмомъ. Въ тѣ времена черезъ іезуитскія коллегіи католицизмъ прокладываетъ себѣ путь въ сердца русской знати, но смотрѣть на эти католическія симпатіи лишь какъ наслѣдствіе іезуитской интриги, едва ли правильно. Возрожденіе и углубленіе религіозной мысли, которое чувствуется у Чаадаева, было явленіемъ закономѣрнымъ и находящимся въ полномъ взаимодѣйствіи съ теченіями философской мысли на Западѣ. Жозефъ де-Мэстръ служилъ главнымъ проводникомъ идей, развивавшихся на Западѣ со времени Шатобріана, въ наше отечество. Романтическій возвратъ къ религіи, сначала почти незнакомый русскому романтизму, не порывавшему съ идеями вѣка Просвѣщенія, наконецъ, все-таки совершился. Въ средѣ, настроенной западнически, онъ долженъ былъ увлекать въ сторону католицизма. Чаадаевъ—единственный представитель у насъ религіознаго западничества.

Иначе должно было обстоять среди тѣхъ круговъ образованнаго русскаго общества, въ которыхъ все болѣе назрѣвалъ вопросъ о русской самобытности. Съ идеей народности трудно было не связывать идею о православіи. При подъемѣ религіозныхъ интересовъ неминуемо долженъ былъ совершиться шагъ именно въ эту сторону. Непосредственно и даже въ грубой формѣ это случилось въ сердцѣ Гоголя, какъ автора появившихся впослѣдствіи „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями". Но былъ и другой путь исканія религіозной самобытности. Это путь болѣе сложный и кружный.

„Чѣмъ былъ,—пишетъ Барсуковъ, —Андрей Тургеневъ, другъ Жуковскаго, Батюшкова, князя Вяземскаго для поколѣнія, предшествовавшаго 1812 году, чѣмъ былъ Веневитиновъ для поколѣнія, принадлежащаго 1825 году, тѣмъ сталъ Станкевичъ для молодыхъ людей между 1835 и 1840 годами". Этими словами отлично опредѣляются по-

степенныя колебанія русской философской мысли. Если позднѣе образуется кружокъ пламенныхъ гегельянцевъ, старающихся продумать всю окружающую ихъ жизнь, прошлое и будущее своей родины черезъ призму гегелевской мудрости, то въ концѣ двадцатыхъ годовъ будитъ и направляетъ мысль шеллингьянство. Еще юношей богато одаренный и такъ рано умершій Веневитиновъ былъ у насъ проводникомъ Шеллинговой философіи, гораздо болѣе успѣшнымъ и значительнымъ, чѣмъ тогдашніе профессора философіи, Галичъ въ Петербургѣ и Павловъ съ Давыдовымъ въ Москвѣ. Въ 1825 году было основано въ Москвѣ „Общество любомудрія“. Въ него вошли, кромѣ Веневитинова, кн. В. Ѳ. Одоевскій, Кошелевъ, Погодинъ, Шевыревъ, Хомяковъ и Кирѣевскій. „Московскій Вѣстникъ“, который редактировалъ Погодинъ, явился органомъ кружка. Назначеніе его было слѣдующее: „созданіе научной эстетической критики на началахъ нѣмецкой умозрительной философіи и въ привитіи общественному сознанію убѣжденія въ необходимости примѣнять философскія начала къ изученію всѣхъ эпохъ, наукъ и искусствъ“.

Это теченіе чисто московское. Москва и осталась колыбелью философскихъ исканій. Обѣ столицы какъ-то подѣлили между собой въ то время эти двѣ полосы дѣятельности въ русскомъ возрожденіи. Тамъ, въ Петербургѣ, въ чиновныхъ и военныхъ кругахъ, близко стоявшихъ къ колебавшейся и роковымъ образомъ клонившейся къ застою и злу придворной мысли, тамъ готовился и скоро вспыхнулъ взрывъ декабрьскаго возстанія. Здѣсь, въ Москвѣ, въ тишинѣ помѣщичьихъ домовъ, вдали отъ престола, вырываясь изъ затхлости, напряженный умъ становился пытливо размышляющимъ. Тамъ, въ Петербургѣ, сердца рвались къ французскому политиканству, рѣшительному, но только раціоналистическому. Въ Москвѣ царитъ нѣмецкое вліяніе. Здѣсь тихое умозрѣніе, бездѣятельное, но болѣе вдумчивое. Пушкинъ всецѣло остался петербуржцемъ. Погодинъ въ 1826 году, во время одного изъ пребываній Пушкина въ Москвѣ, записалъ въ своемъ дневникѣ эти слова: „Пушкинъ декламировалъ противъ философіи“. Въ связи съ этими должны быть поставлены и насмѣшливыя слова его о московской молодежи, такъ называемыхъ „архивныхъ юношахъ“, потому что многіе изъ нихъ служили въ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ: „Стоитъ только тронуть пальцемъ, чтобы полилась всемірная ученость“. Эта всемірная ученость тогдашняго времени давалась широкими историко-культурными построеніями нѣмецкой умозрительной философіи.

„Общество любомудрія“ было первымъ очагомъ того, что позднѣе будетъ названо славянофильствомъ. Мальчикомъ Константинъ Аксаковъ на одномъ изъ актовъ Московскаго университета еще читалъ стихи, восхваляющіе перваго и величайшаго русскаго западника, Петра Великаго. Кирѣевскій своимъ „Европейцемъ“ былъ также западникомъ. Въ Обществѣ любомудрія они поворачиваютъ свои интересы и свои надежды совершенно въ другую сторону. А въ области философской мысли ими руково-

дитъ умозрительное настроеніе, Хомякова и Киреевскаго увлекавшее въ область богословской науки. Черезъ отца Паисія Величковскаго, подъ вліяніе котораго подпалъ Кирѣевскій, начинается то сближеніе съ православіемъ, которое изъ Хомякова сдѣлало теолога, а на славянофильство наложило такой своеобразный отпечатокъ, заставлявшій славянофиловъ противополагать православному славянству славянство не православное. Пережитая членами Общества любомудрія религіозная эволюція охарактеризована въ одномъ очень извѣстномъ отрывкѣ изъ письма къ Кирѣевскому одного изъ выдающихся членовъ кружка, Кошелева. „Прежнія наши мысли,—пишетъ Кошелевъ,—о будущей жизни, какъ о превращеніи въ какое-то безусловное, кажутся мнѣ школьными и дикими. Чѣмъ болѣе я думаю о будущей жизни, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ ея необходимости. Полвѣка тому назадъ Кантъ доходилъ до необходимости бытія Бога, свободы воли и безсмертія души; теперь вѣра въ Бога, свобода воли и безсмертіе души служатъ основаніемъ любомудрія и лишь съ жизнью можно исторгнуть оную изъ нашей души. Сперва признали необходимость Бога, потомъ индивидуальность Оного, теперь это знаніе превратилось въ вѣру. Думаю и надѣюсь, что какъ теперь не сомнѣваются болѣе въ безсмертіи души, такъ современемъ убѣдятся въ индивидуальномъ ея безсмертіи“.

Въ тридцатыхъ годахъ и Пушкинъ проникся племенными интересами. Вопросъ объ общности славянскихъ племенъ трагически обострился вслѣдъ за первымъ польскимъ возстаніемъ. Но для того ядра, изъ котораго выйдетъ московское славянофильство, характерно именно это смѣшеніе племенного и религіознаго вопросовъ. Прежде всего сама Россія начинаетъ мыслиться, какъ страна, объединенная однимъ религіознымъ чувствомъ.

Услышь же гласъ судьбы, воспрянь
въ сіяньи новомъ,
Проснися, дремлющій Востокъ!

писалъ Хомяковъ въ 1834 году. Подъ Востокомъ здѣсь разумѣется, конечно, не что иное, какъ Восточная церковь. Отсюда черезъ пять лѣтъ эти восторженные стихи къ Кіеву, одновременно и „матери городовъ россійскихъ“ и центру православія. Теперь „сыны Волыни“ названы падшими, потому что „мечъ и лесть, обманъ и пламя ихъ похитили у насъ“. Оказывается, что стать уніатомъ значитъ перестать быть русскимъ. Славянинъ-католикъ, славянинъ-протестантъ представляются какой-то аномаліей, создается идеалъ какого-то религіозно-государственнаго единства. Вотъ „славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ“, русскомъ и православномъ—

И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой!

Такъ, забитый жестокостью и обманомъ царственнаго сыщика Николая I конституціоналистическій патріотизмъ декабристовъ, осложнившись шеллингьянствомъ, померкъ, а на мѣсто его стала зрѣть идея какого-то самобытнаго полу-религіознаго и анти-конституціоналистическаго Земскаго Собора, а подогрѣтая религіознымъ идеализмомъ вражда католиковъ-поляковъ и православныхъ-русскихъ

начала создавать мысль объ обрусительствѣ. И самодержавіе торжествовало...

Но въ той же Москвѣ, отчасти какъ продолженіе тѣхъ же самыхъ философскихъ исканій, того же увлеченія нѣмецкой философіей, появилось уже новое теченіе. Это кружокъ Станкевича, въ который входятъ въ то время еще молодые общественные и литературные дѣятели послѣдующихъ десятилѣтій: Бѣлинскій, Бакунинъ, Боткинъ, Кетчеръ, Катковъ и Константинъ Аксаковъ. Всѣ они вышли на литературное поприще въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ надеждинскомъ „Телескопѣ". Здѣсь впервые увидѣли свѣтъ „Литературныя мечтанія" Бѣлинскаго, въ концѣ которыхъ будущій властитель умовъ сороковыхъ годовъ говорилъ: „Наше общество уже близко къ своему окончательному образованію".

Кружокъ Станкевича создастъ уже новое западничество, не имѣющее уже почти ничего общаго съ западничествомъ Чаадаева. Описывая тогдашнее время, Герценъ назвалъ носившіяся въ кружкѣ Станкевича идеи наслѣдіемъ общечеловѣческой науки. Дальнѣйшее развитіе кружка и пойдетъ широкой дорогой общечеловѣческаго, культурно-историческаго развитія. И когда на Западѣ рѣзко и отчетливо поставится вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ третьяго и четвертаго сословій, о взаимныхъ отношеніяхъ собственности и труда, о буржуазномъ конституціонализмѣ и о соціализмѣ, бывшіе члены кружка Станкевича увлекутся уже новыми, высшими идеями общечеловѣческаго строительства, не забывая своеобразныхъ формъ русской самобытности, но и не ослѣпляя себя ихъ призрачнымъ совершенствомъ.

Въ то время, когда погибъ „Телескопъ" за статью Чаадаева, кружокъ Погодина и Кирѣевскаго издавалъ „Московскій Наблюдатель", а въ Петербургѣ Пушкинъ напрягалъ послѣднія свои силы, какъ публицистъ въ своемъ „Современникѣ". По личнымъ связямъ, а отчасти и по симпатіямъ Пушкинъ стоялъ ближе къ „Московскому Наблюдателю"; но его взоръ, всегда все ясно видѣвшій и понимавшій, остановился уже и на Бѣлинскомъ. Уѣзжая изъ Москвы за годъ до смерти, Пушкинъ писалъ Нащокину: „Я оставилъ у тебя два порожнихъ экземпляра „Современника". Одинъ отдай князю Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому, тихонько отъ „Наблюдателей", и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться".

Таковъ послѣдній привѣтъ великаго поэта властителю умовъ сороковыхъ годовъ.

Тридцатые годы отдѣляютъ отъ сороковыхъ годовъ два роковыхъ событія. 29 января 1837 года не стало Пушкина, а 15 іюля 1841 года умеръ Лермонтовъ. Смерть Пушкина, общественное значеніе котораго съ такой силой и такой вдумчивостью выразилъ Лермонтовъ, это истинная трагедія тогдашней русской литературы. Романтическая разочарованность и романтическое презрѣніе къ окружающему получило здѣсь какое-то чисто реальное выраженіе.

> Не вынесла душа поэта
> Позора мелочныхъ обидъ.

Измученный нравственно всѣми этими нездоровыми и вредными его генію сношеніями съ коварно хитрившимъ съ нимъ Николаемъ I, опозоренный своимъ нелѣпымъ камеръ-юнкерствомъ, съ больнымъ сердцемъ, захватаннымъ грязными руками писавшей ему грязныя анонимныя письма свѣтской черни, ринулся Пушкинъ подъ пулю Дантеса. А всколыхнувшая все его существо смерть Пушкина была причиной послѣдней ссылки Лермонтова на Кавказъ. Тамъ долженъ былъ онъ встрѣтиться съ Мартыновымъ. И его мучившаяся душа при всей своей святости искала столкновенія. Она нашла ее въ пустой никому не нужной ссорѣ.

И этотъ свободный геній погибъ „невольникомъ чести“.

ГЛАВА XIII.

Русская литература во второй четверти вѣка.

(П. Н. Сакулина).

Вторая четверть XIX в.—одна изъ интереснѣйшихъ эпохъ нашей исторіи. Русь мужицкая и дворянская, повидимому, прочно покоилась на устояхъ крѣпостничества и самодержавія. Опираясь на безчисленную бюрократическую армію и на нравственную поддержку дворянскаго „общества“, абсолютизмъ праздновалъ свою рѣшительную побѣду надъ крамольными элементами страны и тщательно оберегалъ неприкосновенность историческихъ формъ русской жизни, превращая государство въ огромную крѣпостную вотчину. Вся официальная Россія Николаевской эпохи, по выраженію Герцена, сливалась „въ одно фантастическое лицо какого-то колоссальнаго чиновника, насупившаго брови, нерѣчистаго, уклончиваго, но который постоитъ за себя“; „его не только не собьешь съ ногъ обыкновенной пращой, но и гранитнымъ утесомъ, стоящимъ подъ монументомъ Петра I“. Тысячерукое, тысячеглазое и вездѣсущее начальство взяло на себя руководство всѣми сторонами жизни многомилліоннаго народа и съ самодовольствомъ повторяло свое традиціонное „все обстоитъ благополучно“. Казалось, бюрократическій механизмъ, усовершенствованный до послѣднихъ мелочей, дѣйствовалъ съ полной исправностью. Всюду водворялся казарменный порядокъ и тишина кладбища. Но задолго еще до торжественнаго краха николаевскаго режима въ періодъ Крымской войны, тамъ и сямъ обнаруживались явные симптомы близкаго разложенія. Жалкое состояніе экономической жизни страны, настоятельная потребность въ свободномъ, вольнонаемномъ трудѣ, начинающееся „оскудѣніе“ дворянства (къ концу Николаевскаго царствованія болѣе 65% крѣпостныхъ душъ числилось въ залогѣ), волненія кре-

[illegible] быта. Основы прежней соціальной [illegible] тели новыхъ общественныхъ группъ. Журналистика и университеты, де[illegible] демократизировали и составъ интел[illegible] приходили къ одному уровню, братались между собою и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во [illegible] генціи и, въ частности, писателей, попрежнему поставляло дворянство, но небезразличенъ фактъ, что уже въ [illegible] рожденія новыхъ общественныхъ отношеній. Весь ходъ жизни настойчиво диктовалъ чуткимъ людямъ мысль о необходимости коренныхъ перемѣнъ, и это сознаніе достигаетъ особенной остроты въ сороковые годы, моментъ рѣшительнаго перелома въ исторіи русской мысли и литературы.

Николаевская эпоха, несмотря на всѣ драконовскія строгости полицейской опеки, чрезвычайно богата умственными и литературными теченіями. Одни изъ нихъ, консервативныя по своему направленію, носили чисто классовый характеръ и пользовались официальнымъ покровительствомъ. Другія, хотя отдѣльными своими чертами и связаны съ бар[illegible] своей идеологіи являются продук[illegible] сти нашей интеллигенціи, стремившейся осмыслить общія задачи русской жизни и даже заглянуть въ ту [illegible]

1.

Офиціальная идеологія и ея послѣдователи.

[illegible]

шалось въ соединенномъ духѣ *православія, самодержавія и народности*", т. е. въ духѣ тѣхъ началъ, которыя-де выработаны всею историческою жизнью русскаго народа и которыми-де Россія существенно отличается отъ другихъ странъ. Идеи, проводившіяся еще Карамзинымъ, Шишковымъ и ихъ многочисленными предшественниками, вылились теперь въ совершенно законченную формулу и получили офиціальную санкцію. Третій членъ этой формулы, особенно привлекавшій къ себѣ какой-то интригующей таинственностью, былъ самымъ ходовымъ и въ то же время самымъ спорнымъ терминомъ эпохи: всѣ и все стремились къ „народности", но каждая общественная фракція влагала свое содержаніе въ это понятіе. Для Уварова и другихъ представителей „офиціальной народности" конкретный смыслъ того требованія, которое заключается въ словѣ „народность", сводился къ сохраненію крѣпостного права и связанныхъ съ нимъ формъ жизни. При этомъ Уваровъ прекрасно сознавалъ духовное родство между крѣпостничествомъ и абсолютизмомъ и опредѣленно высказывался въ томъ смыслѣ, что самодержавіе и крѣпостное право, имѣя одинъ историческій источникъ, должны имѣть и одну историческую судьбу.

Итакъ, православіе, самодержавіе и крѣпостное право—вотъ изъ чего сложилось понятіе офиціальной народности, употребляя выраженіе Пыпина, уже получившее полное право гражданства.

Николаевское правительство съ чувствомъ особенной гордости говорило о народности своей политики, непоколебимо вѣрило въ совершенство существующаго строя Россіи и порой возвышалось до умилительнаго оптимизма. Возмущенный скептицизмомъ Чаадаева, шефъ жандармовъ, гр. Бенкендорфъ изрекъ безсмертныя слова: „Le passé de la Russie a été admirable; son présent est plus que magnifique; quant à son avenir il est au delà de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer".

Къ поддержанію въ русскихъ людяхъ этого убѣжденія были направлены всѣ сложныя мѣропріятія правительства, впрочемъ, одинаково относившіяся къ категоріи полицейскихъ воздѣйствій. Въ частности для нуждъ литературы имѣлась широко поставленная *цензура*.

Строгости цензуры въ Николаевское время превосходятъ всякое вѣроятіе.

Кромѣ главной цензуры, существовало около 22 спеціальныхъ. Требовалось исключительно счастливое расположеніе звѣздъ, чтобы книга безпрепятственно прошла сквозь Сциллу и Харибду цензуры.

„За строгость не столько отвѣтитъ цензоръ, сколько за слабость", внушалъ Уваровъ еще въ 1832 г.: „жалобы на него будутъ недѣйствительны". Но и этого показалось мало. 2 апрѣля 1848 г., не безъ иниціативы со стороны самого общества, возникаетъ подъ предсѣдательствомъ морского министра кн. Меньшикова грозный бутурлинскій комитетъ, или „совѣтъ пяти" (Д. П. Бутурлинъ, М. А. Корфъ, гр. А. Г. Строгановъ, Дегай и Дубельтъ). Этотъ негласный комитетъ, облеченный исключительными полномочіями и дѣйство-

давлія подобно тайному инквизиціонному судилищу, вызвалъ настоящую панику даже среди представителей оффиціальнаго міра. Цензоръ Никитенко съ неподдѣльнымъ ужасомъ заносилъ на страницы своего дневника новый фактъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія и писалъ: „Стали опасаться за каждый день свой, думая, что онъ можетъ оказаться послѣднимъ въ кругу родныхъ и друзей“.

Цензурная хроника въ Николаевскую эпоху представляетъ какой-то сплошной скорбный листъ. Цѣлый рядъ научныхъ и общественныхъ вопросовъ былъ изъятъ цензурою изъ вѣдѣнія печати. Подъ запретомъ находилась почти вся новѣйшая исторія Запада; изъ русской исторіи не пропускалось все, относящееся къ народнымъ волненіямъ, къ переворотамъ XVIII в. и т. п. Писать о „политическихъ видахъ“ правительства или касаться дѣйствій властей было весьма рискованнымъ дѣломъ. По словамъ Уварова (1834 г.), „въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ. Это привилегія, которую правительство можетъ дать и отнять, когда хочетъ“. Негодуя на „непростительную смѣлость“ акад. Кеппена, который вздумалъ подвергнуть обсужденію постановку у насъ почтоваго дѣла (въ 1841 г.), кн. Голицынъ, съ своей стороны, высказалъ рядъ интересныхъ сентенцій: „Публичное порицаніе частнымъ человѣкомъ какой либо отрасли государственнаго управленія, гдѣ всѣ законы истекаютъ отъ самодержавной власти, есть явленіе совершенно новое, несообразное съ духомъ нашего правленія“. Начальникъ почтоваго вѣдомства опасается, что, если не положить предѣлъ подобному вольнодумству, то „свободное книгопечатаніе“ не оставитъ въ покоѣ ни одной стороны жизни: „Можно ожидать затѣмъ осужденія системъ налоговъ, финансовъ, просвѣщенія, законовъ и всего... Ободрясь симъ примѣромъ, другой скажетъ, крѣпостное или иное какое состояніе должно также измѣниться“.

Литература была на положеніи усиленной охраны, и каждый литераторъ чувствовалъ себя контрабандистомъ, который съ опасностью для собственнаго благополучія провозилъ черезъ цензурную границу запретный товаръ, именуемый литературой. Писать приходилось съ оглядкой, полунамеками. „Слово искривилось“, по удачному выраженію И. С. Аксакова. Литературная производительность падала; особенно уменьшилось число книгъ по вопросамъ общественнымъ и государственнымъ. Вопли противъ цензурныхъ стѣсненій раздавались со стороны даже такихъ людей, какъ Жуковскій, Погодинъ, Вигель, Булгаринъ, Сенковскій. „О Боже, гдѣ мы живемъ!“ восклицаетъ Булгаринъ, и самъ не разъ выступавшій добровольнымъ доносчикомъ: „За что цензоры угнетаютъ разумъ человѣческій и навлекаютъ на всѣхъ насъ гнѣвъ Божій?“ Въ оффиціальномъ изданіи 1862 г. („Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“) характеризуемое нами время было заклеймено названіемъ „эпохи цензурнаго террора“.

Правительство, такимъ образомъ, заняло весьма опредѣленную позицію и, сильное сознаніемъ своей правоты, не стѣснялось въ выборѣ средствъ для защиты своихъ интересовъ, ко-

торые оно отожествляло съ благомъ всей страны.

Посмотримъ теперь, какъ относилось *общество* къ идеямъ офиціальной народности.

Заранѣе можно сказать, что масса русскаго дворянства съ удовольствіемъ увидитъ въ офиціальной идеологіи выраженіе своихъ завѣтныхъ вожделѣній, своихъ сословно-классовыхъ нуждъ. За правительствомъ стояли густые ряды крѣпостниковъ и монархистовъ разныхъ оттѣнковъ. Расправа съ декабристами и весь николаевскій режимъ деморализующимъ образомъ дѣйствовали на настроеніе широкихъ слоевъ общества, которые и безъ того не могли похвалиться высотою своего культурнаго уровня. Въ первые десять лѣтъ Николаевскаго царствованія наше общество, по словамъ Герцена, было „безъ живыхъ интересовъ, жалкимъ, струсившимъ, подобострастнымъ". „Печальное зрѣлище представляетъ наше современное общество", жаловался Никитенко въ 1841 г.: „въ немъ ни великодушныхъ стремленій, ни правосудія, ни простоты, ни чести въ нравахъ, словомъ, ничего, свидѣтельствующаго о здоровомъ, естественномъ и энергическомъ развитіи нравственныхъ силъ". Эта общественная атмосфера и особенно характеръ дворянскихъ интересовъ въ достаточной степени объясняютъ намъ успѣхъ офиціальной народности.

Люди различнаго умственнаго и нравственнаго склада выступали защитниками правительственной и дворянской идеологіи. На службѣ у нея находилась довольно многочисленная консервативная *пресса*: „Московскія Вѣдомости", „Сѣверное Обозрѣніе", изданія Греча, Булгарина и Сенковскаго, журналы „Маякъ", „Москвитянинъ" и т. д. Погодинъ и Шевыревъ, издатели „Москвитянина", были, по выраженію Герцена, „добросовѣстно раболѣпны" и съ удивительнымъ постоянствомъ повторяли излюбленныя идеи изъ кодекса офиціальной народности. Въ первомъ же нумерѣ журнала (январь 1841 г.) Шевыревъ выступилъ съ изложеніемъ своего политическаго credo. Онъ патетически предостерегаетъ отъ серьезной опасности, какой угрожаетъ Россіи близкое общеніе съ Западомъ: Западъ уже носитъ въ себѣ „злой, заразительный недугъ", онъ уже пахнетъ „будущимъ трупомъ". Чтобы предотвратить возможность рокового зараженія, мы крѣпче должны ухватиться за наши самобытныя начала, за наши „коренныя чувства, въ которыхъ сѣмя и залогъ нашему будущему развитію": это—„чувство религіозное" (т. е. православіе), „чувство государственнаго единства Россіи" (т. е. самодержавіе) и, наконецъ, „сознаніе нашей народности". Статья Шевырева выражала, несомнѣнно, взгляды редакціи „Москвитянина" и, болѣе того, формулировала основную точку зрѣнія всей консервативной прессы.

Тенденціи офиціальной идеологіи проникаютъ и въ *науку*. Такіе историки, какъ Погодинъ, Морошкинъ и его ученикъ Савельевъ-Ростиславичъ, такіе этнографы, какъ Терещенко и Сахаровъ,—пропитываютъ свои изслѣдованія идеями казенной народности, стремясь, говоря словами Терещенко, изъ изученія нравовъ и образа жизни народа почерпнуть „трогательные образцы добродушія,

гостепріимства, благоговѣйной преданности къ своей родинѣ, отечеству, православію и самодержавію". При такой постановкѣ своей задачи этнографъ, естественно, обходилъ всѣ темныя стороны реальнаго быта, особенно проявленія крѣпостного права.

„Ходя по селамъ и деревнямъ", Сахаровъ главнымъ образомъ выслѣживалъ нашу „народность", находилъ ее и умилялся. Плохо разбираясь въ фактахъ прошлой и современной ему русской жизни, Сахаровъ твердо знаетъ одно, что „императоръ Николай Павловичъ ни мало не усумнился принять нашу народность подъ свою защиту и сдѣлать ее символомъ министерства народнаго просвѣщенія", что „онъ ясно разгадалъ грядущую славу Россіи, онъ одинъ понялъ назначеніе русской земли". Въ рѣчахъ Сахарова звучитъ неуклюжая, малограмотная, но, видимо, искренняя защита идеи народности, какъ ее понимала сѣрая масса русскаго общества.

Идея народности, такъ заманчиво звучавшая для русскаго человѣка и, дѣйствительно, имѣвшая огромное значеніе для Николаевской эпохи, горячо поддерживалась также Надеждинымъ и Плетневымъ, при чемъ оба склонны были трактовать ее въ узкихъ рамкахъ офиціальнаго пониманія.

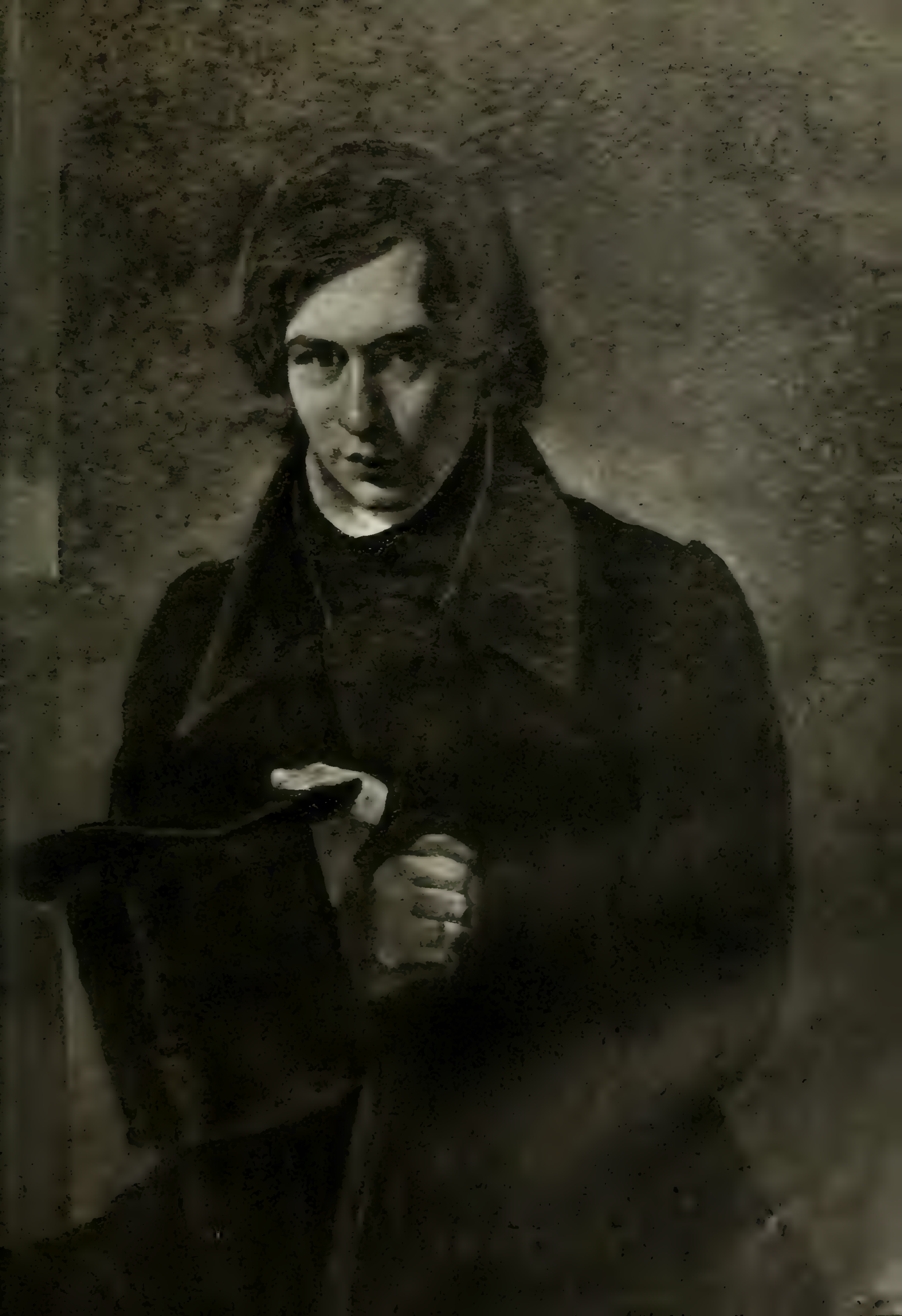
Подъ эгидой офиціальной народности развился особый жанръ *беллетристики* и *драмы*, окрашенный консервативно-патріотическимъ романтизмомъ, развивавшійся у насъ также подъ вліяніемъ Вальтеръ Скотта и, отчасти, В. Гюго. Наиболѣе типичными представителями этого жанра являются Загоскинъ, Даль и Кукольникъ. Загоскину принадлежитъ цѣлая серія историческихъ романовъ („Юрій Милославскій", 1829 г., „Кузьма Рощинъ", 1836 г., „Рославлевъ", 1839 г.). Уже „Юрій Милославскій" имѣлъ огромный успѣхъ и создалъ автору славу „проложителя новаго пути", по выраженію кн. Шаховского. Жуковскій, Пушкинъ, С. Т. Аксаковъ привѣтствуютъ романъ. „Если бы романы Вальтеръ Скотта были написаны на русскомъ языкѣ", говорилъ Аксаковъ, „и тогда бы Юрій Милославскій сохранилъ свое неотъемлемое достоинство". Надеждинъ готовъ вести съ Загоскина „эру живой народной словесности" и видитъ „главное неоспоримое достоинство" его романовъ „въ истинѣ, вѣрности и естественности красокъ, коими русская жизнь въ нихъ изображается". Современники не замѣчали сантиментально—романтической поддѣлки въ историческихъ картинахъ Загоскина и не смущались тѣми его понятіями, которымъ еще Полевой далъ названіе квасного патріотизма. Народностью въ самомъ непосредственномъ и наивномъ ея пониманіи отмѣчено все творчество плодовитаго писателя Вл. Даля (казака Луганскаго), талантъ котораго, юморъ, и, несомнѣнно хорошее знаніе народнаго быта настолько подкупали Бѣлинскаго, что онъ даже въ 1846 г. называлъ „физіологическіе очерки" Даля „перломъ современной русской литературы". Въ томъ же узкомъ патріотизмѣ черпалъ свое вдохновеніе Кукольникъ, авторъ напыщенныхъ ходульныхъ драмъ. Трескучія фразы его героевъ ласкали слухъ высокопоставленныхъ особъ, и Кукольникъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ офиціознаго

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ.

[illegible] К. П. [illegible]

([illegible])

[illegible]



писателя. Вспомнимъ, что неодобрительный отзывъ Полевого объ его драмѣ „Рука Всевышняго отечество спасла“ имѣлъ самыя непріятныя послѣдствія для критика. Словомъ, рядъ представителей нашего консервативно-патріотическаго романтизма съ большей или меньшей искренностью и послѣдовательностью примыкалъ къ офиціальной идеологіи.

Идеи офиціальной народности съ чистымъ сердцемъ исповѣдывали далѣе *Жуковскій*, кн. Вяземскій и Гоголь.

Поэтъ—мечтатель, смотрѣвшій на міръ „сквозь призму сердца“, считавшій своимъ лучшимъ другомъ воображеніе, Жуковскій старался держаться въ сторонѣ отъ треволненій дѣйствительной жизни. „Ни моя жизнь, ни мои знанія, ни мой талантъ“, писалъ онъ А. И. Тургеневу въ 1827 г., „не стремили меня ни къ чему политическому“. И друзья не разъ жаловались на его общественно-политическій индифферентизмъ. Тѣмъ не менѣе, бывали моменты, когда даже для Жуковскаго оказывалось невозможнымъ молчать, и онъ спѣшилъ излить душу въ письмѣ къ какому-нибудь пріятелю, а въ 1848 г. взялся даже за перо публициста. 14 декабря 1825 г. вызвало со стороны Жуковскаго самый рѣзкій отзывъ. Онъ не находитъ достаточно бранныхъ эпитетовъ, чтобы заклеймить „презрѣнныхъ злодѣевъ“, ихъ „низкій, разбойничій духъ“; онъ отказывается признавать въ возстаніи какой-либо смыслъ: „Даже не видно и фанатизма, а просто звѣрская жажда крови безо всякой, даже химерической цѣли“. Государь отстоялъ свой тронъ и обнаружилъ такія доблестныя качества, что ему теперь прочно обезпечена любовь народа: „на него полагаются, его уважаютъ“. Если впослѣдствіи поэтъ и смягчилъ свой приговоръ относительно личности декабристовъ, то, безъ сомнѣнія, онъ никогда не могъ сочувствовать ихъ идеямъ; въ немъ жилъ убѣжденный монархистъ, вѣрившій въ самодержавіе Божіею милостью. Европейскія событія 1848 г. дали ему, какъ кн. Вяземскому, автору „Святой Руси“, и многимъ другимъ русскимъ писателямъ, поводъ высказать свою непоколебимую преданность тѣмъ историческимъ началамъ, на которыхъ покоится Св. Русь. Потрясенная революціями, З. Европа того и гляди распадется на „гнилыя части“. Ея разложеніе подготовляется давно и имѣетъ своимъ источникомъ главнымъ образомъ „дерзкое непризнаніе участія всевышней власти въ дѣлахъ человѣческихъ“. Еще реформація подорвала авторитетъ церкви, поколебала вѣру, а съ нею и все святое. Въ результатѣ „мятежъ противъ всякой власти, какъ божественной, такъ и человѣческой“. Съ одной стороны, развивается „раціонализмъ (отверженіе божественности Христа), отсюда пантеизмъ (уничтоженіе личности Бога), въ заключеніе атеизмъ (отверженіе бытія Божія)“. Съ другой, возникаетъ ученіе о договорѣ общественномъ; „изъ него—самодержавіе народа, котораго первая степень представительная монархія, вторая степень демократія, третья степень соціализмъ и коммунизмъ; можетъ быть и четвертая, послѣдняя степень: уничтоженіе семейства и вслѣдствіе того возвышеніе человѣчества, освобожденнаго отъ всякой обязанности, ограничивающей чѣмъ-

либо его личную независимость, въ достоинство совершенно свободнаго скотства". Самодержавіе ума человѣческаго и самодержавіе народа—вотъ зло, угрожающее Западу гибелью, и мы должны противопоставить ему священный авторитетъ нашей церкви и божественность самодержавія, какъ власти, установленной самимъ Богомъ и единственно приличествующей христіанскимъ государствамъ. „Самодержавіе, опираясь на Божію правду, вѣрнѣе всѣхъ бумажныхъ конституцій приведетъ народъ русскій безъ всякихъ потрясеній, медлительнымъ путемъ законности, къ той цѣли, къ которой всѣ земные народы стремятся, къ свободѣ". Политическіе взгляды Жуковскаго коренятся прежде всего въ общихъ основахъ его міросозерцанія, но окончательно они окрѣпли въ придворной атмосферѣ и въ кругу его консервативныхъ друзей. По существу онъ высказывалъ то же, что говорили Уваровъ и Ширинскій-Шахматовъ, но на эти идеи офиціальной народности онъ налагалъ свой отпечатокъ какой-то патріархально библейской наивности, поднимая ихъ на высоту религіознаго догмата.

По всѣмъ своимъ симпатіямъ Жуковскій принадлежалъ къ той группѣ умѣренныхъ консерваторовъ, въ составъ которой входили: Плетневъ, кн. Вяземскій, А. О. Смирнова, гр. М. Ю. Віельгорскій и др., и къ которой примыкали также *Гоголь* и Пушкинъ.

Великій художникъ, такъ геніально изобразившій пошлость и бѣдность русской жизни, заговорилъ языкомъ тоны, когда вздумалъ отдать себѣ самому отчетъ въ тѣхъ идеалахъ, которые давно таились въ его душѣ, но не имѣли повода для своего обнаруженія. II томъ „Мертвыхъ душъ" и „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями" развернули передъ читателемъ страшную картину идейнаго хаоса, окутавшаго мысль писателя. Всѣ истинные друзья пришли въ ужасъ, понявъ, какую тяжелую драму переживаетъ Гоголь, повидимому, такъ увѣренно и самодовольно расточавшій свои нравоученія. За патологическими эксцессами его мысли нельзя было не видѣть, что ядъ офиціальной народности отравилъ и его свѣтлую натуру, сдѣлавъ изъ сатирика жалкаго апологета имъ же самимъ осмѣянной жизни.

Гоголь мнитъ, что онъ выше „славянистовъ" и „европистовъ", двухъ главныхъ общественныхъ фракцій того времени, и въ состояніи дать собственное рѣшеніе вопросамъ русской жизни, но роковымъ образомъ остается въ заколдованномъ кругу офиціальной идеологіи. Наша церковь, разсуждаетъ Гоголь, „какъ цѣломудренная дѣва, сохранилась одна только отъ временъ апостольскихъ въ непорочной первоначальной чистотѣ своей", и она не только можетъ дать силу Россіи, „не измѣнивъ ничего въ государствѣ", но и выступить въ роли руководительницы другихъ народовъ, такъ какъ западная церковь, достаточная при прежнемъ, „одностороннемъ и неполномъ развитіи человѣчества", теперь оказывается несостоятельной. Только въ православной церкви человѣчество найдетъ „просторъ не только душѣ и сердцу человѣка, но и разуму, во всѣхъ его верховныхъ силахъ; въ

ней дорога и путь, какъ устремить все въ человѣкѣ въ одинъ согласный гимнъ верховному Существу“.

Въ этой части своихъ сужденій Гоголь, безъ сомнѣнія, близко подходитъ къ славянофиламъ, среди которыхъ у него было не мало личныхъ друзей. Но дальнѣйшія воззрѣнія Гоголя на нашъ общественный и политическій строй должны были вызывать и, дѣйствительно, вызывали недоумѣніе въ рядахъ славянофиловъ, но зато встрѣчали полное сочувствіе у истинныхъ представителей официальной народности. Мало того, что, согласно съ Жуковскимъ, онъ говоритъ о монархѣ, какъ „образѣ Божіемъ на землѣ“, онъ склоненъ идеализировать нашъ бюрократическій строй до такой степени, что говоритъ: „чѣмъ больше всматриваешься въ организмъ управленія губерній, тѣмъ болѣе изумляешься мудрости учредителей: слышно, что самъ Богъ строилъ незримо руками государей“. Развивая какіе-то фантастическіе проекты о „верховномъ совѣтѣ государства“, объ улучшеніи сословной организаціи, Гоголь, разумѣется, далекъ отъ того, чтобы требовать какихъ-нибудь существенныхъ перемѣнъ. Напротивъ, онъ болѣе чѣмъ доволенъ тѣмъ, что́ есть. Дворянство, „цвѣтъ нашего населенія“, „сосудъ и хранитель высокаго нравственнаго чувства всей націи“, должно сохранить свое господствующее положеніе и право владѣть крѣпостными. Помѣщики не что иное, какъ „управители государя“. „Въ награду за доблести, за испытанную честную службу даются дворянину въ управленіе крестьяне, даются ему, какъ просвѣщеннѣйшему, какъ ставшему выше предъ другими“, и крѣпостное право трактуется Гоголемъ, какъ священный институтъ. Взыщетъ Богъ съ барина, если онъ откажется отъ своей обязанности управлять крестьянами; взыщетъ онъ и съ мужика, если тотъ окажетъ неповиновеніе барину, „потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога“. Увлекшійся проповѣдникъ крѣпостничества рекомендуетъ помѣщику ссылаться въ доказательство своихъ правъ на евангеліе и св. писаніе и чуть ли не требовать отъ мужиковъ клятвы на евангеліи въ вѣрности помѣщику. Сохранить въ неприкосновенности крѣпостной строй значитъ, по словамъ Гоголя, сообразоваться „съ волею Божіею, а не своими какими-нибудь европейскими или иными затѣями“. Онъ наивно думаетъ, что „въ истинно русскихъ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ“ лежитъ рѣшеніе той соціальной проблемы, которая поставлена на очередь З. Европой. Помѣщики могутъ воспитать „ввѣренныхъ имъ крестьянъ такимъ образомъ, чтобы они стали образцомъ этого сословія для всей Европы, потому что теперь не на шутку задумались многіе въ Европѣ надъ древнимъ патріархальнымъ бытомъ, котораго стихіи исчезнули повсюду, кромѣ Россіи, и начинаютъ гласно говорить о преимуществахъ нашего крестьянскаго быта, испытавши безсиліе всѣхъ установленій и учрежденій нынѣшнихъ для ихъ улучшенія“. Значитъ, и Гоголь слышалъ звонъ съ соціалистической колокольни, но совершенно своеобразно воспользовался взглядами современниковъ на кресть-

янскую общину, найдя въ нихъ лишь основаніе для своей апологіи крѣпостничества.

Воззрѣнія Гоголя представляютъ причудливый конгломератъ традиціоннаго консерватизма, идей офиціальной народности, славянофильства и даже отголосковъ (весьма смутныхъ) соціализма. Но по основной окраскѣ они все-таки ближе всего стоятъ къ идеямъ офиціальной народности. Какъ и Жуковскій, Гоголь позаботился дать имъ религіозную санкцію и оживить ихъ поэзіей гражданскаго лиризма. Русь въ представленіи Гоголя лихая тройка, которая неудержимо несется впередъ: „летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства". Что же удивительнаго, если черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ „Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ". Констанжогло, Муразовы, Улиньки и подобные персонажи II тома „Мертвыхъ душъ" должны поддерживать въ насъ вѣру въ это недалекое и счастливое будущее Россіи. Такъ далеко отклонился Гоголь отъ тѣхъ соціальныхъ выводовъ, которые сами собой вытекаютъ изъ его художественнаго воспроизведенія дореформенной Россіи, въ которой, говоря его же вдохновенными словами, все „безпріютно и непривѣтливо, точно какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родною нашею крышею", но гдѣ-то на проѣзжей дорогѣ, въ холодной, угрюмой почтовой станціи, гдѣ равнодушный смотритель неизмѣнно повторяетъ свой черствый отвѣтъ: „нѣтъ лошадей!" Гоголь, великій художникъ—бытописатель, оказался безсильнымъ произнести то магическое слово „впередъ", котораго, по его собственному наблюденію, страстно ждала николаевская Россія.

Не сказалъ этого слова и *Пушкинъ*, когда-то смѣлый пѣвецъ „декабризма". Николаевскій режимъ тяжелыми путами сковывалъ свободный полетъ его генія, калѣчилъ его мысль и творчество. Поэтъ дѣлаетъ вынужденную и безплодную попытку примириться съ верховной властью, дѣйствовать съ правительствомъ и черезъ него, ищетъ смысла и историческаго оправданія въ дѣйствіяхъ Николая, видя здѣсь „контръ-революцію Петру"; становясь (вмѣстѣ съ Жуковскимъ) на точку зрѣнія русской государственности въ польскомъ вопросѣ, развивая почти шовинистическія мысли о мощи Россіи, о величіи русскаго царя, Пушкинъ чувствуетъ какую-то непонятную потребность замолвить слово за цензуру и даже низвести съ пьедестала Радищева, вслѣдъ которому онъ хотѣлъ славить свободу. Загадочныя статьи Пушкина о Радищевѣ не только свидѣтельствуютъ о желаніи автора „Деревни" быть умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ, объ его отрицательномъ отношеніи къ рѣзкому, тѣмъ болѣе революціонному пути, но и раскрываютъ всю тревогу его души, всю силу его стремленія найти самого себя, его жгучую жажду самоопредѣленія и самооправданія. Письма и лирика Пушкина хранятъ грустные слѣды тѣхъ мукъ, которыя переживалъ поэтъ, осыпанный милостями монарха

и подчиненный его непосредственному надзору. Драгоцѣнная жертва „жестокаго вѣка“, Пушкинъ до самой смерти не могъ сбросить съ себя золотыхъ цѣпей, и нелегко ему было даже въ чисто художественномъ творчествѣ „итти дорогою свободной, куда влечетъ свободный умъ“.

2.

Философскія теченія тридцатыхъ годовъ.

Официальная идеологія, являясь оправданіемъ и поддержкой интересовъ господствовавшаго класса, предлагала для обывательской мысли мягкое ложе, на которомъ она могла спокойно дремать десятки лѣтъ. Среднему человѣку, дѣйствительно, казалось, что кругомъ царили „тишь да гладь“. Но въ лучшей части русской интеллигенціи не прекращалась напряженная работа мысли. Не забудемъ, что Николаевская эпоха, этотъ классическій періодъ „лишнихъ людей“, вскормила больную, но геніальную музу *Лермонтова*, которая съ такой искренней болью отзывалась на острые диссонансы эпохи. Какъ бы мы ни подчеркивали тяготѣніе Лермонтова къ „сверхчувственному міру“, мы не можемъ не видѣть, что его поэзія есть крикъ изстрадавшейся души, которую мучатъ не одни внутреннія противорѣчія духа, не одно сознаніе невозможности услышать на землѣ чудныя пѣсни небесъ, но и гнетъ вполнѣ реальныхъ условій жизни и даже въ извѣстныхъ случаяхъ прямо гнетъ николаевской дѣйствительности. Вотъ отчего ему душно кажется на родинѣ, и сердцу тяжко, и душа тоскуетъ“. Поэтъ интеллигентской рефлексіи, Лермонтовъ страдалъ за себя и другихъ и въ годину безвременья пѣлъ униженнымъ людямъ о счастьѣ борьбы и свободы, о благахъ жизни, не знающей преградъ для всесторонняго проявленія человѣческой личности. Въ лирикѣ Лермонтова звучитъ и тоска надорваннаго сердца, и протестъ сильнаго духа и вѣра въ его побѣду надъ тѣмъ, что кошмаромъ давитъ русскую жизнь. Его поэзія въ сложномъ переживаніи отразила психологію того слоя николаевской интеллигенціи, который не могъ довольствоваться рамками официальной идеологіи и рвался на просторъ лучшей жизни.

Среди массы инертнаго, буржуазно настроеннаго и гражданскии незрѣлаго общества тамъ и сямъ ярко выдѣлялись группы *молодежи* съ характернымъ для эпохи возвышенно-идеалистическимъ настроеніемъ. У однихъ въ рукахъ были толстыя книги нѣмецкихъ философовъ, другіе зачитывались статьями и брошюрами французскихъ соціалистовъ, но всѣ одинаково возмущались „противорѣчіемъ ученія съ жизнью“ (Герценъ) и одинаково стремились уйти отъ невыносимой прозы повседневнаго прозябанія, чтобы создать себѣ на философской или соціалистической основѣ новое міропониманіе. Чѣмъ меньше было возможности перебросить мостъ между мечтой и реальной жизнью, тѣмъ больше было соблазна уходить въ сферу абстрактнаго мы-

шленія, тѣмъ больше было желанія поярче расцвѣтить созданія своей покорной мечты. Въ исторіи внутренняго развитія этихъ идейныхъ теченій была, конечно, своя логика, но это была логика чистыхъ идей, а не логика жизни, что́ однако не помѣшало впослѣдствіи сближенію теоретической мысли и жизни, выработкѣ конкретной программы реформъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ умственная жизнь достигаетъ особенной интенсивности въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь почти одновременно обучалась цѣлая плеяда талантливыхъ юношей, которымъ суждено было сдѣлаться выдающимися писателями и общественными дѣятелями: въ 1829 г. поступилъ въ Московскій университетъ Бѣлинскій, въ 1830 г. — Станкевичъ, Лермонтовъ, Герценъ и Огаревъ, въ 1831 г.— Гончаровъ, въ 1832 г.—К. Аксаковъ, въ 1834—Ѳ. И. Буслаевъ. На рѣдкость даровитая молодежь! Оглядываясь на этотъ періодъ своей жизни, Герценъ имѣлъ право сказать: „Въ то время Россія будущаго существовала между нѣсколькими мальчиками, только что вышедшими изъ дѣтства. Въ нихъ было наслѣдіе общечеловѣческой науки". Умственная работа этой молодежи направлялась по двумъ колеямъ, которыя уже были проложены ихъ русскими предшественниками и углублены соотвѣтствующими теченіями европейской мысли Одни разрабатываютъ соціально-политическія проблемы, другіе — отвлеченно философскія; одни идутъ по слѣдамъ французскихъ авторитетовъ, другіе — по слѣдамъ нѣмецкихъ философовъ гегельянскаго толка. Насъ не должно особенно удивлять одновременное существованіе такихъ, повидимому, противоположныхъ теченій. Вспомнимъ, что гегельянецъ Рудинъ (прототипомъ котораго былъ Бакунинъ, гегельянецъ и далѣе одинъ изъ создателей анархизма) въ концѣ концовъ погибаетъ на парижскихъ баррикадахъ въ 1848 г. въ борьбѣ за освобожденіе рабочаго класса. Этотъ финалъ романа, подсказанный Тургеневу его художественнымъ чутьемъ, полонъ историческаго символизма: въ немъ наглядно выступаетъ близкое родство философскаго и соціально-политическаго идеализма.

Начнемъ съ нашихъ философовъ тридцатыхъ годовъ, во главѣ которыхъ стояли Станкевичъ и Бѣлинскій.

Продолжая традиціи любомудровъ, они также отдаются „философскимъ исканіямъ" и начинаютъ съ того же Шеллинга, чтобы затѣмъ перейти къ Гегелю. Обыкновенно центромъ философскаго кружка въ Москвѣ считаютъ *Н. В. Станкевича*; долгое время его называли даже родоначальникомъ нашего гегельянства. Такое представленіе въ значительной степени является ошибочнымъ, но находитъ себѣ оправданіе въ тѣхъ восторженныхъ отзывахъ, которыми единодушно осыпаютъ Станкевича его знаменитые друзья.

Личность Станкевича производила чарующее впечатлѣніе своей высокой одухотворенностью, красотою внутренняго міра, носившаго на себѣ печать какой-то непорочной чистоты. Воспитанный на нѣмецкой поэзіи, главнымъ образомъ на Шиллерѣ, Гете и Гофманѣ, Станкевичъ впиталъ въ себя духъ романтическо-философскаго идеализма и съ этой

высоты озиралъ природу и человѣческую жизнь. Своею мыслью онъ хотѣлъ объять весь міръ и любовно заключить его въ свое трепетно бьющееся сердце. „Любовь,—писалъ Станкевичъ,—это родъ религіи, которая должна наполнять каждое мгновеніе, каждую точку жизни. Иначе нельзя понимать любовь человѣку, уже приведенному къ какой-либо степени сознанія". И Станкевичъ, типичнѣйшій идеалистъ тридцатыхъ годовъ, искалъ „существа, которое бы достойно замѣнило для него красоту всего созданія, сосредоточило бы на себѣ и усилило бы святое врожденное чувство любви".

Вѣчно натянутыя струны его души издавали тихіе, гармоническіе звуки, которые рвались наружу, искали внѣшняго проявленія въ поэтическомъ творчествѣ.

Кромѣ нѣсколькихъ набросковъ, Станкевичу принадлежатъ трагедія „Василій Шуйскій", повѣсть „Нѣсколько мгновеній изъ жизни графа Z *_*", эскизъ „Три художника" и 42 лирическихъ стихотворенія. Если его трагедія является не болѣе, какъ литературнымъ упражненіемъ, то прочія произведенія, а особенно лирика отражаютъ самыя интимныя переживанія поэта въ тѣ „священныя мгновенья", когда душа

Чужда земныхъ заботъ,
Просвѣтлена лучомъ преображенья
И жизнію небесною живетъ.

При всей идеалистичности своего настроенія, нашъ поэтъ не могъ однако безпечно витать въ надзвѣздномъ эфирѣ, далеко надъ грѣшною землей. Онъ сознавалъ свои обязательства по отношенію къ земнымъ братьямъ, и это сознаніе прекрасно высказано имъ въ стихотвореніи „Раскаяніе поэта". Оскорбленый грубымъ непониманіемъ людей, поэтъ покинулъ ихъ общество, но, раскаявшись въ своемъ поступкѣ, говоритъ любимой дѣвѣ:

Да, слишкомъ широки души моей объятья
Все человѣчество я долженъ въ нихъ принять,
Чтобъ утолить вполнѣ потребность наслажденья,
Потребность пламенной возвышенной любви.
Одна твоя любовь не укротитъ стремленья.
Она божественна, я знаю цѣну ей;
Но надъ главой моей пусть прогремятъ проклятья,
Когда забуду я отчизну и людей,
Васъ, дѣти падшія, но мнѣ родные братья!

Станкевичъ былъ свободенъ отъ какого-либо идеалистическаго лунатизма и училъ сестру смотрѣть на предметы „при солнечномъ свѣтѣ—въ его истинѣ": „Жизнь хороша—и только одна жизнь хороша. Плохо намъ, если мы будемъ принимать сонъ и мечту за жизнь". Жизнь выше всего. Сознаніе своей отвѣтственности передъ жизнью, передъ людьми побуждало Станкевича отъ поэзіи перейти къ философіи. Въ ней онъ видѣлъ насущную потребность времени. Чтобы быть полезнымъ человѣчеству, разсуждалъ онъ въ письмѣ отъ 10 ноября 1835 г., нельзя ограничиться указаніемъ „средствъ къ пропитанію, къ спокойному житью, къ удобствамъ жизни, къ эгоистическому образованію, которое бы умножало удовольствія жизни": гораздо важнѣе внушить человѣчеству „высокія убѣжденія, сознаніе своего

достоинства, христіанскія истины". Ближайшей задачей своего поколѣнія Станкевичъ и считаетъ усвоеніе философіи: „мы потерпимъ за будущее поколѣніе и, можетъ быть, съ Божіею помощью, облегчимъ трудъ его". Съ энтузіазмомъ отдается онъ изученію философіи. По его письмамъ можно прослѣдить шагъ за шагомъ весь ходъ его философскихъ занятій.

Станкевичъ начинаетъ съ Шеллинга; въ 1833 г. онъ уже пытается отдать себѣ отчетъ въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ и пишетъ статью „Моя метафизика", повторяя мысли Шеллинга. Отъ Шеллинга въ концѣ 1835 г. онъ переходитъ къ Канту; весной 1836 г. онъ читаетъ Фихте и переживаетъ настоящія философскія муки, такъ какъ авторъ „Vorlesungen über die Bestimmung des Menschen" произвелъ, по словамъ Станкевича, „такой сумбуръ въ головѣ, возможность котораго я и не подозрѣвалъ". Гегель стоитъ пока на второмъ планѣ. Правда, въ 1835 г. Станкевичъ переводитъ для „Телескопа" статью Вильма „Опытъ о философіи Гегеля", но не кончаетъ ея и настоящимъ образомъ приступаетъ къ изученію Гегеля лишь въ Берлинѣ въ 1836 г. подъ руководствомъ Вердера. Только къ 1840 году, т. е. году своей смерти, Станкевичъ, повидимому, уже довольно прочно овладѣлъ философіей Гегеля.—Изъ тѣхъ же писемъ видно, что товарищами Станкевича по изученію философіи были только Клющниковъ и Красовъ, и то въ весьма слабой степени. Въ сущности онъ одинъ и, при томъ съ немалымъ трудомъ, пробирался по тернистому пути нѣмецкаго любомудрія, и философскій кружокъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, возникаетъ лишь съ появленіемъ М. А. Бакунина, который, дѣйствительно, сумѣлъ занять руководящее положеніе среди философствовавшей московской молодежи. Несмотря на весь свой піэтетъ къ Станкевичу, самъ Бѣлинскій признавалъ, что наиболѣе замѣчательный періодъ въ его духовномъ развитіи начался уже послѣ отъѣзда Станкевича за границу.

Бѣлинскій не менѣе страстно, чѣмъ Станкевичъ, переживалъ всю яркую гамму идеалистическихъ возбужденій, шедшихъ и отъ нѣмецкой поэзіи (особенно Шиллера), и отъ нѣмецкой философіи, главнымъ образомъ Шеллинга и Фихте. Романтическій идеализмъ не заслонялъ отъ него живой дѣйствительности, и лучшимъ матеріаломъ для характеристики Бѣлинскаго въ догегельянскій періодъ являются такія его произведенія, какъ студенческая драма „Дмитрій Калининъ" (1831) и первая большая критическая статья „Литературныя мечтанія" (1834).

Молодой авторъ щедро надѣлилъ своего героя автобіографическими чертами и заставилъ его произносить горячія тирады противъ крѣпостного права, противъ ложныхъ взглядовъ на любовь, на отношенія родителей къ дѣтямъ, на науку и пр. Разумѣется, Дм. Калининъ, самъ крѣпостной рабъ, по прихоти судьбы получившій однако прекрасное образованіе, всю силу своего справедливаго негодованія обрушиваетъ именно на крѣпостное право. „Неужели эти люди", восклицаетъ онъ, „для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право—од-

нимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что́ для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердный Боже, Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?..“ Пусть то тамъ, то сямъ слышатся въ пьесѣ Бѣлинскаго отзвуки Шиллера (его „Разбойниковъ“, „Коварства и любви“) или Шекспира („Отелло“); пусть авторъ грѣшитъ противъ естественности дѣйствія и порою наивенъ въ своемъ психологическомъ анализѣ: его пьеса не теряетъ отъ этого своей жизненности и поучительности. „Тутъ вы увидите многія лица, давно вамъ извѣстныя“, писалъ Бѣлинскій отцу, и, дѣйствительно, его драма, появившаяся одновременно съ „Страннымъ человѣкомъ“ Лермонтова, отражаетъ правдиво и сильно не только общіе порядки крѣпостной Россіи, но и мѣтитъ въ опредѣленную семью крѣпостниковъ — Мосоловыхъ, земляковъ какъ Бѣлинскаго, такъ и Лермонтова. И нельзя не присоединиться къ отзыву С. А. Венгерова, что „драма Бѣлинскаго безусловно должна быть признана самымъ яркимъ произведеніемъ всей нашей освободительной литературы“.

Тотъ альтруистическій энтузіазмъ, которымъ насыщена пьеса „Дмитрій Калининъ“ и который составляетъ самую типическую черту натуры „неистоваго Виссаріона“, не покидаетъ Бѣлинскаго и въ первый періодъ его философскихъ занятій. Наоборотъ, въ философскомъ идеализмѣ онъ еще свободнѣе и увѣреннѣе расправляетъ свои крылья, чтобы орломъ подняться на высоту, откуда онъ могъ бы однимъ взоромъ окинуть „безпредѣльный, прекрасный Божій міръ“. Этотъ міръ, говоритъ авторъ „Литературныхъ мечтаній“, повторяя съ чувствомъ глубокаго убѣжденія мысли Шеллинга, „есть не что иное, какъ дыханіе единой, вѣчной *идеи* (мысли единаго вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи“. Постигать душу и тѣло вселенной можетъ „только пламенное чувство смертнаго“. Этимъ чувствомъ Бѣлинскій обладалъ въ высочайшей степени; недаромъ кн. В. Ѳ. Одоевскій относилъ его къ самымъ тонкимъ философскимъ организаціямъ. Наиболѣе полнаго своего проявленія премудрая идея достигаетъ въ человѣкѣ, и Бѣлинскій спѣшитъ сдѣлать изъ этого соотвѣтствующіе этическіе выводы: „Гордись, гордись, человѣкъ, своимъ высокимъ назначеніемъ; но не забывай, что Божественная *идея*, тебя родившая, справедлива и правосудна, что она дала тебѣ умъ и волю, которые ставятъ тебя выше всего творенія, что она въ тебѣ живетъ, а жизнь есть дѣйствованіе, а дѣйствованіе есть борьба;

не забывай, что твое безконечное, высочайшее блаженство состоитъ въ уничтоженіи твоего *я* въ чувствѣ любви... Отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами твое своекорыстное *я*, дыши для счастія другихъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родины, для пользы человѣчества".

Вотъ какимъ языкомъ говорилъ пылкій идеалистъ, пока холодная догма Гегеля еще не покрыла его горячее сердце ледяной корой разсудочности.

Универсальная философія Гегеля съ ея діалектическимъ методомъ представляетъ строго логическое построеніе, претендующее дать законченный отвѣтъ на всѣ вопросы бытія. Желѣзными рамками логики онъ сурово ограничилъ полетъ интуитивной мысли и лирику философскаго вдохновенія.

Міровая жизнь есть выполненіе единаго плана, продуктъ дѣятельности абсолюта. Абсолютъ, міровой разумъ, идея—высшая реальность; все частное и индивидуальное не имѣетъ самодовлѣющей цѣнности, являясь внѣшней и случайной оболочкой общаго, „призрачной дѣйствительностью". Поэтому „все разумное—дѣйствительно, и все дѣйствительное — разумно". Такъ именно была понята у насъ философія Гегеля и этими именно сторонами (если не считать самого діалектическаго метода) она произвела наиболѣе сильное впечатлѣніе на московскихъ ея адептовъ, не обратившихъ должнаго вниманія на сложность гегелевскаго понятія „дѣйствительность", на то, что „дѣйствительность" по своему содержанію выше существующаго" (die Wirklichkeit steht höher als die Existenz).

Бакунинъ и Бѣлинскій стояли во главѣ московскихъ гегельянцевъ. Къ нимъ примыкали Аксаковы, Хомяковъ, Кирѣевскіе, В. Боткинъ и др. Работа шла горячая и напряженная. „Не было ни одного параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ Логики, двухъ Эстетики, въ Энциклопедіи и другихъ твореніяхъ Гегеля", разсказываетъ Герценъ, „котораго бы они не взяли съ бою, путемъ продолжительныхъ преній, продолжавшихся подрядъ нѣсколько дней". Каждая брошюрка философскаго содержанія немедленно пріобрѣталась и „зачитывалась въ нѣсколько дней до дыръ". Отвлеченнѣйшій вопросъ отвлеченной философіи такъ близко принимался къ сердцу, что „люди, искренно любившіе и уважавшіе другъ друга, ссорились и не сходились по цѣлымъ недѣлямъ, не согласившись между собою по поводу „абсолютной личности" и ея „по себѣ бытія". Мысль непрестанно витала въ мірѣ абстракцій и во всемъ искала проявленія мірового абсолюта. Непосредственное чувство дѣйствительности какъ бы притуплялось, и конкретный міръ доходилъ до сознанія сквозь философскую призму. Идя за городъ, гегельянецъ отдается „созерцанію своего пантеистическаго единства съ космосомъ"; въ каждомъ встрѣчномъ мужичкѣ онъ видитъ „міровую субстанцію въ ея непосредственномъ и случайномъ проявленіи". Тургеневскій Лежневъ въ порывѣ философскаго экстаза ходитъ въ садъ на свиданіе съ бѣлой липой. Явленія внѣшняго и внутренняго міра подвергаются самому тонкому анализу. Неугомонная рефлек-

сія, „самоѣдство", по выраженію Шубина (въ „Наканунѣ"), убиваетъ въ гегелельянцѣ активность духа, непосредственную упругость и свѣтлость чувства. Если въ груди гегельянца зарождалось, напр., чувство любви, оно тотчасъ дѣлалось объектомъ философскихъ размышленій, проходило цѣлый рядъ мытарствъ и возвращалось назадъ, говоря словами того же Герцена, „безъ капли живой крови, блѣдной алгебраической тѣнью".

Гегель полновластно царилъ надъ умами и дѣлилъ свое господство только съ представителями нѣмецкой поэзіи и искусства. Знать „Фауста" Гёте, особенно вторую часть, читать сочиненія Гофмана, увлекаться Бетховеномъ и философски разбирать каждый его аккордъ—все это обязательные пункты въ программѣ русскаго гегельянца. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ нихъ считалъ долгомъ своей философской совѣсти презирать все французское, въ частности французскую литературу, служившую не общему и вѣчному, а скоропреходящимъ интересамъ дня, политическимъ и общественнымъ вопросамъ текущей жизни.

Эта текущая жизнь трактовалась, какъ нѣчто пошлое и мелкое.

Игнорируя частности, нашъ философъ видѣлъ передъ собой лишь цѣлое, какъ вмѣстилище мірового абсолюта. Это цѣлое не можетъ подлежать критикѣ. Какъ поднять дерзновенную руку на то, въ чемъ присутствуетъ абсолютъ? Бѣлинскій, по его словамъ, трепеталъ „таинственнымъ восторгомъ, сознавая разумность дѣйствительности, видя, что изъ-подъ нея ничего нельзя выкинуть, и въ ней ничего нельзя похулить и низвергнуть". „Дѣйствительность" можетъ быть лишь предметомъ славословія. „Возставать противъ дѣйствительности", писалъ Бакунинъ, „и убивать въ себѣ всякій живой источникъ жизни—одно и то же; *примиреніе съ дѣйствительностью*, во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни, есть великая задача нашего времени, и Гегель и Гете—главы этого примиренія, этого возвращенія изъ смерти къ *жизни*... Будемъ надѣяться, что новое поколѣніе сроднится, наконецъ, съ нашею *прекрасною русскою дѣйствительностью*, и что, оставивъ всѣ пустыя претензіи на геніальность, оно ощутитъ, наконецъ, въ себѣ законную потребность быть *дѣйствительными русскими людьми*". Здѣсь все характерно. Гегель поднимаетъ въ глазахъ нашихъ философовъ цѣнность дѣйствительности и подготовляетъ мысль къ переходу въ слѣдующую, реалистическую стадію. Недаромъ въ философіи Гегеля находили себѣ опору у насъ Герценъ, на Западѣ—Марксъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, именемъ Гегеля санкціонируется у насъ „примиреніе съ дѣйствительностью" и даже съ „прекрасной русской дѣйствительностью". Пушкинъ въ статьѣ „Мысли на дорогѣ" (1833) считаетъ вліяніе нѣмецкой философіи благотворнымъ именно потому, что „она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія" (очевидный намекъ на

декабристовъ). Для поколѣнія тридцатыхъ годовъ, какъ справедливо доказывалъ проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, примиреніе съ дѣйствительностью было психологической необходимостью. Тѣмъ сильнѣе, разумѣется, должно было сказаться вліяніе своебразно понятыхъ философскихъ формулъ Гегеля. Неуклонно идя по пути примиренія, Бѣлинскій, со свойственной ему прямотой дошелъ въ статьяхъ о Бородинской годовщинѣ (1839 г.) до настоящаго апоѳеоза идеи царя, до крайней идеализаціи тогдашняго русскаго строя. Въ письмѣ къ другу отъ 1837 г. критикъ съ полной искренностью возстаетъ противъ мысли, будто Россіи нужна какая-то конституція. По его непоколебимому убѣжденію, гражданская свобода явится плодомъ внутренней свободы, а внутренняя свобода пріобрѣтается „успѣхами просвѣщенія, основаннаго на философіи, на философіи умозрительной, а не эмпирической, на царствѣ чистаго разума, а не пошлаго здраваго смысла... Вся надежда Россіи на просвѣщеніе, а не на перевороты, не на революцію и не на конституцію... Свобода конституціонная есть свобода условная“. Безусловная истинная свобода будетъ результатомъ просвѣщенія на основѣ умозрительной философіи. Весь вопросъ для Бѣлинскаго сводится къ идеѣ личнаго самосовершенствованія: „Люби добро, и тогда ты будешь полезенъ своему отечеству, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства—тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшей страной въ мірѣ“.

Протекло очень немного времени, и николаевская „дѣйствительность“ раскрыла Бѣлинскому до полной очевидности мысль о необходимости созданія такихъ общественно-политическихъ формъ, которыя способны были бы обезпечивать какъ „внутреннюю“, такъ и гражданскую свободу. По вѣрному замѣчанію Герцена, „исключительно умозрительное направленіе совершенно противоположно русскому характеру... русскій духъ переработалъ гегелево ученіе, и наша живая натура, несмотря на всѣ постриженія въ философскіе монахи, беретъ свое“. Гегельянство было для насъ извѣстной теоретической школой, лишь временно затуманившей ясность жизненнаго взгляда. Жизнь скоро вторглась и за философскіе окопы и увлекла за собой тѣхъ, кто лишь по идейному предубѣжденію отклонялъ отъ себя рѣшеніе насущныхъ вопросовъ реальной дѣйствительности.

3.

Славянофильство.

Черезъ неизбѣжную стадію философскаго ученія прошли и родоначальники славянофильства, среди которыхъ назовемъ: Ив. В. Кирѣевскаго († 1856), А. С. Хомякова († 1860), Конст. Серг. Аксакова

(† 1860), Ив. С. Аксакова († 1887), Ю. Ѳ. Самарина († 1876), Дм. Валуева († 1845) и др. По разсказу Самарина, славянофилы съ неменьшимъ рвеніемъ, чѣмъ ихъ противники западники, спорили о такихъ, напр., вопросахъ, какъ: „возможенъ ли логическій переходъ, безъ скачка или перерыва, отъ понятія чистаго бытія черезъ понятіе небытія къ понятію развитія и бытія опредѣленнаго, отъ Seyn черезъ Nichts къ Werden и къ Daseyn? иными словами, что́ правитъ міромъ: свободно творящая воля или законъ необходимости"? Ив. Кирѣевскій, нѣкогда шеллингіанецъ, штудируетъ въ началѣ сороковыхъ годовъ „Логику" и „Философію религіи" Гегеля. Но Гегель все же пришелся не по душѣ славянофиламъ: они отдавали явное предпочтеніе Шеллингу, особенно Шеллингу берлинскаго періода съ его философіей откровенія. Имъ ближе былъ философскій романтизмъ, свободный отъ „разсудочнаго самомнѣнія", рѣшавшій вопросы съ помощью интуитивнаго озаренія, въ полномъ согласіи съ внутреннимъ чувствомъ и вѣрою. Разумъ, говорилъ Хомяковъ, въ состояніи только развивать зерно истины, полученное въ готовомъ видѣ посредствомъ откровенія и вѣры. Геніальность, предполагающая и оригинальность мышленія, могла бы, по мнѣнію Кирѣевскаго, „даже повредить полнотѣ истины". Такимъ образомъ, славянофильскій методъ мышленія носитъ специфическія черты философскаго романтизма, и неудивительно, что славянофилы (напр., Ив. Кирѣевскій) такъ охотно усваивали идеи и православно-восточныхъ мистиковъ. По мнѣнію Ив. Кирѣевскаго, „философія нѣмецкая, въ совокупности съ тѣмъ развитіемъ, которое она получила въ послѣдней системѣ Шеллинга, можетъ служить у насъ самою удобною ступенью мышленія отъ заимствованныхъ системъ къ любомудрію самостоятельному, соотвѣтствующему основнымъ началамъ древне-русской образованности и могущему подчинить раздвоенную образованность Запада цѣльному сознанію вѣрующаго разума".

Общая философская концепція шеллингіанскаго характера соединяется у славянофиловъ съ идеей самобытно-національнаго развитія, т. е. съ той идеей, которая въ сущности никогда не сходила у насъ со сцены и заняла доминирующее мѣсто въ Николаевскую эпоху. Въ этомъ случаѣ славянофильство рѣшаетъ ту же проблему, которая составляетъ содержаніе офиціальной народности; оно также ставило на своемъ знамени принципы: православіе, самодержавіе и народность. Это обстоятельство давало извѣстное основаніе сближать и даже отожествлять славянофильство съ казенной идеологіей и видѣть въ немъ новую попытку „дворянскаго самоопредѣленія", „стихійный голосъ русскаго помѣщичьяго сословія, настроеніе, выработанное вѣками его хозяйственной, въ сущности, лѣнивой жизни, его гражданскаго и политическаго безволія, его праздной мечтательности" (Евг. Соловьевъ).

Во всемъ этомъ есть доля правды: ни одинъ самый горячій апологетъ славянофильства не въ состояніи отрицать его связи съ принципами офиціальной народности и чертами дворянской психологіи. Но все

же трудно видѣть въ славянофильствѣ только дворянскую классовую идеологію (таковой является офиціальная народность): это — скорѣе философско-романтическая доктрина русской самобытности, продуктъ „общинно-земледѣльческаго мышленія", мышленія, воспитаннаго и своеобразными чертами земледѣльческаго быта, и общинными порядками деревни (Евг. Соловьевъ). Славянофильство— одна изъ формъ характернаго для Россіи народничества.

Болѣе или менѣе опредѣленную форму ученіе славянофиловъ пріобрѣтаетъ приблизительно къ 1844 г. Ближайшими ихъ предшественниками можно считать любомудровъ (особенно Веневитинова, Ив. Кирѣевскаго, Кошелева, кн. Вл. Ѳ. Одоевскаго) и отчасти Чаадаева.

Размышляя въ духѣ Шеллинга о всемірно историческомъ развитіи, русскіе шеллингіанцы уже пытаются философски освѣтить ходъ нашей національной исторіи, заложить основы философіи русской исторіи.

Русская культурная исторія, сравнительно съ западной, разсуждали они, поражаетъ своей бѣдностью и мизерностью. Петръ В. понялъ, что въ нашемъ прошломъ нѣтъ „достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія", и обратился къ Западу за просвѣщеніемъ. Исторически этотъ шагъ былъ необходимъ. Но, какъ единодушно сѣтуютъ Кирѣевскій, Веневитиновъ и другіе любомудры, нашему культурному развитію недостаетъ самобытности, внѣшняя форма нашего просвѣщенія „до сихъ поръ еще находится въ противорѣчіи съ формою нашей національности". Кирѣевскій предается мечтамъ о созданіи русской философіи, которая разовьется „въ нашей жизни, создастся изъ текущихъ вопросовъ, изъ господствующихъ интересовъ нашего народнаго и частнаго быта". Любомудры идутъ и дальше. Принимая ученіе нѣмецкой философіи, что въ разные моменты исторіи міровая жизнь достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта то въ томъ, то въ другомъ народѣ, они находили возможнымъ сдѣлать изъ него выводъ, наиболѣе выгодный и лестный для своего отечества. Пусть нѣмцы думаютъ, что Германія пойдетъ во главѣ народовъ,— наши любомудры хотятъ вѣрить, что „столицею" другихъ народовъ, „сердцемъ, изъ котораго выходитъ и куда возвращается вся кровь, всѣ жизненныя силы просвѣщенныхъ народовъ", будетъ именно Россія. Кирѣевскому уже въ 1829 г. („Обозрѣніе русской словесности" за 1829 г.) казалось, что Европа представляетъ теперь „видъ какого-то оцѣпенѣнія", и похожа на запруженную рѣку, которая превратила плодоносную страну въ болото. Въ эпилогѣ „Русскихъ ночей" кн. В. Ѳ. Одоевскій подробно останавливается на вопросѣ о культурныхъ взаимоотношеніяхъ Россіи и Запада. Онъ понимаетъ, что существуетъ только одна наука; онъ также славитъ историческій подвигъ Петра В. и рекомендуетъ узкимъ націоналистамъ „своего не чуждаться, чужого не бояться". Тѣмъ не менѣе смыслъ всѣхъ рѣчей Фауста (одного изъ главныхъ персонажей „Русскихъ ночей") сводится къ рѣшительной критикѣ европейской культуры и къ панегирику русскому народу съ его „всеобъемлющей многосторонностью духа", съ преобладаніемъ въ немъ

„иныхъ стихій, почти потерявшихся между другими народами“. Отсюда выводъ: „чтобы достигнуть полнаго гармоническаго развитія основныхъ, общечеловѣческихъ стихій, Западу, несмотря на всю величину его, не доставало другого Петра, который бы привилъ ему свѣжіе, могучіе соки славянскаго Востока!“ Россіи предстоитъ выполнить великое провиденціальное назначеніе. Небо, съ пророческимъ паѳосомъ вѣщалъ Кюхельбекеръ, „предопредѣлило Россіянамъ быть великимъ, благодатнымъ явленіемъ въ нравственномъ мірѣ“. Великій скептикъ, поскольку рѣчь шла о прошломъ Россіи, Чаадаевъ также твердо вѣрилъ, что „мы призваны разрѣшить большую часть проблемъ соціальнаго строя, завершить большую часть идей, возникшихъ въ старомъ обществѣ, и произнести приговоръ въ самыхъ важныхъ вопросахъ, занимающихъ человѣчество“. Такъ широко была распространена въ 30-хъ годахъ идея нашего культурнаго мессіанизма.

Прибавимъ къ этому и другую идею, которой суждено было занять главное мѣсто въ идеологіи славянофиловъ, именно идею религіи, какъ основного момента человѣческой цивилизаціи. Уже Ив. Кирѣевскій подчеркивалъ фактъ, что римская церковь „стала не только источникомъ духовнаго образованія, но и главою устройства политическаго“, т. е. имѣла такое значеніе, какого не могла пріобрѣсти наша церковь „во времена необразованныя“. Для Чаадаева столбовая дорога общечеловѣческаго прогресса намѣчена исторіей христіанства и всего болѣе католичества.

Итакъ, уже въ воззрѣніяхъ любомудровъ и Чаадаева даны исходные пункты для развитія славянофильства, и послѣднему требовалось лишь углубить, систематизировать идеи предшественниковъ и тѣснѣе связать ихъ съ идеей самобытности.

Умомъ Россію не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить.
У ней особенная стать,—
Въ Россію можно только вѣрить.

Въ этихъ словахъ Тютчева высказывается одна изъ самыхъ основныхъ мыслей славянофиловъ, мысль о томъ, что Россія, говоря словами К. Аксакова, „земля совершенно *самобытная*, вовсе не похожая на европейскія государства и страны“. Латинскій Западъ и восточный, греко-славянскій міръ, представительницей котораго является теперь Россія, можно разсматривать, какъ два особыхъ культурныхъ типа, разнящихся между собою всѣми важнѣйшими сторонами жизни, начиная съ религіи и кончая формами общественнаго и политическаго быта.

Восточный, греко-славянскій міръ владѣетъ истиннымъ христіанствомъ, преемственно полученнымъ отъ апостоловъ. Высокія начала православной вѣры одухотворяли собою всѣ стороны византійской образованности, ея науку и философію. Россія воспользовалась благами этой христіанской культуры и вполнѣ заслужила наименованіе Святой Руси. Ея обширныя пространства покрылись множествомъ монастырей, изъ которыхъ „единообразно и единомысленно разливался свѣтъ сознанія и науки во всѣ отдѣльныя племена и княжества. Ибо не только духовныя понятія народа изъ нихъ исходили, но и всѣ его понятія нравственныя, общежительныя и юридическія“. Внѣшнимъ обра-

зомъ раздѣленная на мелкія княжества, Русь „всегда сознавала себя, какъ одно живое тѣло, и не столько въ единствѣ языка находила свое притягательное средоточіе, сколько въ единствѣ убѣжденій, происходящихъ изъ единства вѣрованія въ церковныя постановленія". Это говоритъ въ статьѣ „О характерѣ просвѣщенія Европы" тотъ самый Ив. Кирѣевскій, который ранѣе, какъ мы только что видѣли, сомнѣвался въ широкомъ вліяніи русской церкви. Теперь для него, какъ и для другихъ славянофиловъ, было аксіомой, что „коренной русскій умъ, лежащій въ основѣ русскаго быта, сложился и воспитался подъ руководствомъ св. отцовъ восточной церкви", что „христіанское любомудріе" обусловливало духовное единство всей необъятной Руси, цѣльность ея культурнаго развитія.

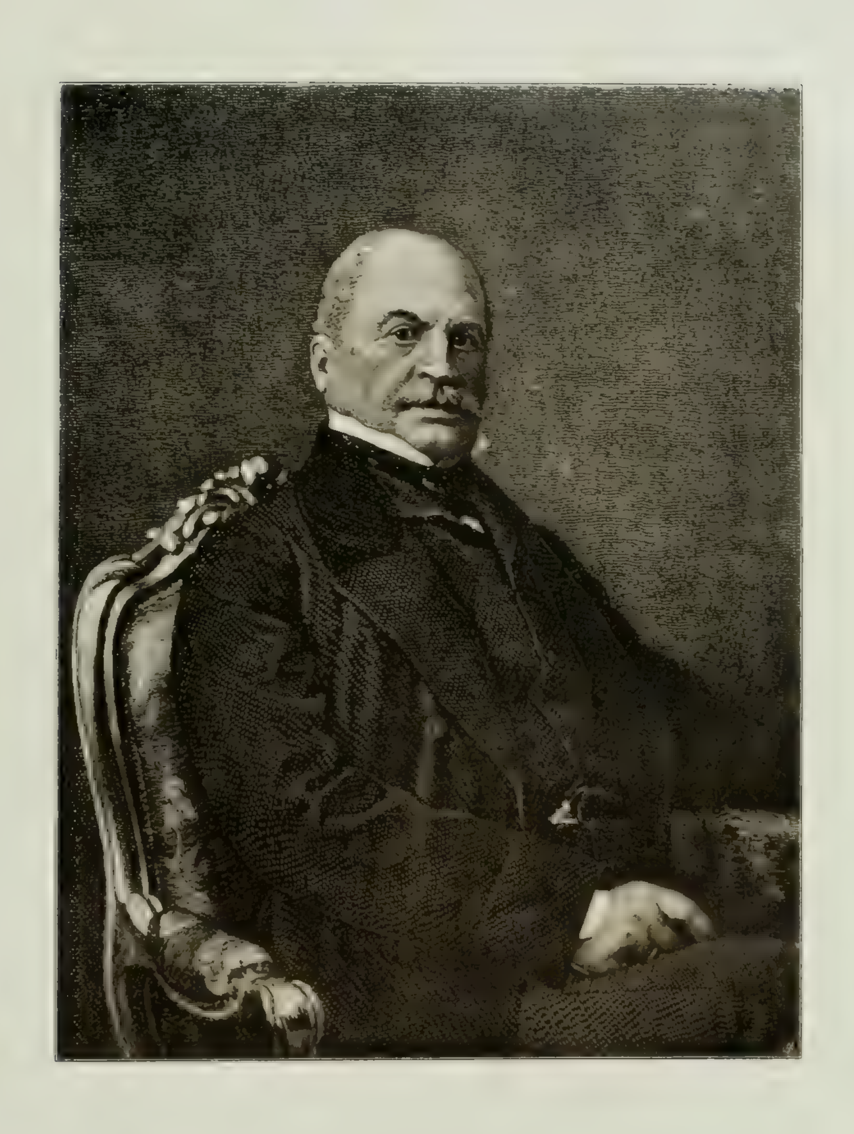
Не то наблюдаемъ мы на Западѣ. Католицизмъ кичливо порвалъ со вселенскимъ преданіемъ и толкнулъ церковь на ложный путь. Въ область религіи вторгается въ разныхъ формахъ чуждый ей элементъ разсудочности, исказившій чистоту первоначальныхъ вѣрованій. Наука и вѣра стали другъ противъ друга, какъ двѣ враждебныя силы. Этотъ антагонизмъ ослабилъ обѣ стороны. Философія Запада превращается въ рядъ противорѣчивыхъ логическихъ построеній, убивающихъ „тѣ живыя убѣжденія, которыя лежатъ выше сферы разсудка и логики". Наука, безспорно содѣйствуя улучшенію матеріальнаго благосостоянія людей, оказывается безсильной дать законченный отвѣтъ на вопросы бытія и порождаетъ безплодный скептицизмъ. Западъ, лишенный главнаго одухотворяющаго начала, не болѣе, какъ тѣло безъ души, мертвый организмъ, въ которомъ уже начался процессъ гніенія. Пресыщенное изжившее себя европейское просвѣщеніе находится въ состояніи агоніи, „и мертвеннымъ покровомъ задернутъ Западъ весь".

Сравненіе государственнаго быта древней Руси и Запада также говоритъ не въ пользу послѣдняго.

„Всѣ европейскія государства", писалъ К. Аксаковъ, „основаны завоеваніемъ. Вражда есть начало ихъ". Отсюда — неизбѣжность постоянной борьбы народа съ властью, междоусобныхъ раздоровъ, революцій, которыми Западъ хвалится, „принимая ихъ за свободу".

Самое происхожденіе западныхъ государствъ вызываетъ необходимость твердыхъ юридическихъ нормъ, поддерживаемыхъ внѣшнею силой. Западъ „чувствовалъ въ себѣ недостатокъ внутренней правды" и развилъ внѣшнюю законность, принудительную государственность. Печать этой государственности лежитъ „на всѣхъ проявленіяхъ общественности" западныхъ народовъ. У нихъ „нѣтъ простоты жизни, нѣтъ свободы. Вездѣ внѣшнее, условное, искусственное".

Совершенно иначе сложилась русская государственная жизнь. „Русское государство", читаемъ у того же К. Аксакова, „было основано не завоеваніемъ, а добровольнымъ призваніемъ власти. Поэтому не вражда, а миръ и согласіе есть его начало. Власть явилась у насъ желанною, не враждебною, но защитною, и утвердилась съ согласія народнаго". Подобныя идиллическія отношенія продолжали сохраняться



Гр. П. Д. Киселевъ

и далѣе, въ силу внутренняго сознанія обѣихъ сторонъ. Земля и государство были связаны между собой узами „взаимной довѣренности", исключающей возможность острыхъ конфликтовъ. Князь и вѣче, царь и земскій соборъ или земская дума, словомъ, Земля и Государство умѣли полюбовно размежевываться, держась принципа, что „правительству — сила власти, землѣ—сила мнѣнія". Государь „не опасался спрашивать мнѣнія народа" и признавалъ для себя его нравственное значеніе; народъ не хотѣлъ „государствовать" и самъ ограничивалъ себя ролью совѣтника, простосердечно говоря: „мысль наша такова, а тамъ какъ будетъ угодно государю". Ни въ какихъ договорахъ, юридическихъ гарантіяхъ не было надобности. „Гарантія есть зло... Вся сила въ идеалѣ... Вся сила въ нравственномъ убѣжденіи". Русскій народъ чувствуетъ органическое отвращеніе ко всякимъ юридическимъ нормамъ.

Широки натуры русскія.
Нашей правды идеалъ
Не влѣзаетъ въ формы узкія
Юридическихъ началъ.

Опираясь на бытовое преданіе и внутреннее убѣжденіе, древне-русскіе законы „носятъ характеръ болѣе внутренней, чѣмъ внѣшней правды, предпочитая очевидность существенной справедливости — буквальному смыслу формы, святость преданія — логическому выводу, нравственность требованія — внѣшней пользѣ"; словомъ, „внутренняя справедливость брала въ древне-русскомъ правѣ перевѣсъ надъ внѣшнею формальностью". Взаимоотношенія между властью и землей были чужды „гордости западной свободы" и держались „обоюднымъ искреннимъ желаніемъ пользы". То же миролюбивое согласіе царило и въ другихъ сферахъ древне-русской жизни. Мы не знали гибельной борьбы сословій; напротивъ, „всѣ классы и виды населенія были проникнуты однимъ духомъ, одною вѣрою, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинаковою потребностью общаго блага" (К. Аксаковъ). Единое, хоровое начало преобладало въ древне-русской жизни и крѣпкимъ цементомъ связывало всѣ части огромнаго организма. Личность тонула въ этомъ цѣломъ, видя въ самоотреченіи „высшій актъ личной свободы и сознанія".

Начиная съ семьи и кончая всѣмъ государствомъ, все зиждилось на общинномъ началѣ. Оно „составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей; сѣмена и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, зарыты въ его плодотворной глубинѣ". Знаменательнымъ остаткомъ прежняго строя является сельская община, уцѣлѣвшая въ крестьянскомъ быту. Она не только гарантируетъ мужику прочное и справедливое землепользованіе, но и воспитываетъ его этическія понятія. „Міръ для русскаго крестьянина", говоритъ Хомяковъ, „есть какъ бы олицетвореніе его общественной совѣсти, передъ которою онъ выпрямляется духомъ; міръ поддерживаетъ въ немъ чувство свободы, сознаніе его нравственнаго достоинства и всѣ высокія побужденія, отъ которыхъ мы ожидаемъ его возрожденія".

Коротко говоря, начала, на которыхъ построенъ весь укладъ древне-

русской жизни, отличаются такой своеобразной высотой, что наша исторія, по словамъ К. Аксакова, „можетъ читаться, какъ житія святыхъ".

Петръ Великій своимъ властнымъ прикосновеніемъ разрушилъ всю эту патріархально-библейскую идиллію; онъ насильственно повернулъ Россію на путь западно-европейскаго развитія, увлекся просвѣщеніемъ и государственностью Запада. „Изъ могучей земли, могучей болѣе всего вѣрою и внутреннею жизнью, смиреніемъ и тишиною, Петръ захотѣлъ образовать могущество и славу земную, захотѣлъ, слѣдовательно, оторвать Русь отъ родныхъ источниковъ ея жизни, захотѣлъ втолкнуть Русь на путь Запада—путь ложный и опасный" (К. Аксаковъ). До Петра русскіе также кое-что заимствовали у Запада, но они брали оттуда только полезное и обще-человѣческое. Петръ же Великій посягнулъ на одежду, языкъ и систему управленія, измѣняя послѣднюю въ духѣ западной государственности.

Вся Русь, вся жизнь ея доселѣ,
Тобою презрѣна была,
И на твоемъ великомъ дѣлѣ
Печать проклятія легла,—

писалъ К. Аксаковъ въ стихотвореніи „Петру".

Преобразованія Петра Великаго были настоящей революціей, измѣной власти народу. Государство разрываетъ съ землей, и этотъ разрывъ внѣшнимъ образомъ выражается въ томъ, что императоръ строитъ новую столицу, „свою, не имѣющую ничего общаго съ Россіей, никакихъ русскихъ воспоминаній". Новый городъ „сталъ Руси тяжкою грозой"; „онъ сокъ народа истощаетъ" и „духомъ движется чужимъ".

Внутренній расколъ идетъ и дальше; отъ стараго единства не остается и слѣда: „образованное" по европейскому образцу общество и собственно народъ дѣлаются чуждыми другъ другу по своимъ вѣрованіямъ, понятіямъ, языку и одеждѣ; между ними легла глубокая и гибельная пропасть. Петербургскій періодъ антинаціоналенъ и ложенъ по своей внутренней сущности. Съ тѣмъ бо́льшей любовью обращаются славянофилы ко всему, что́ связано съ „русской столицей Москвой". Въ противоположность „иностранной столицѣ Санктъ-Петербургъ", Москва дѣлается въ глазахъ славянофиловъ не только городомъ, дорогимъ по историческимъ, священнымъ воспоминаніямъ, но какимъ-то мистическимъ символомъ, символомъ духовнаго единенія и самобытности русскаго народа. Въ честь Москвы слагались восторженные гимны.

Такимъ образомъ, во имя идеи самобытности славянофилы отрицали Петра и петербургскій періодъ нашей исторіи, рѣшившись на выводъ, передъ которымъ останавливались любомудры, въ томъ числѣ и Ив. Кирѣевскій, какъ авторъ „XIX вѣка".

Изложенная нами историческая схема славянофиловъ содержитъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ историческіе идеалы и, слѣдовательно, опредѣляетъ ихъ практическую программу. Русь православная съ самодержавнымъ царемъ, земскими соборами и общиннымъ строемъ—вотъ картина допетровской старины и вмѣстѣ идеалъ, подлежащій осуществленію въ будущемъ. Еще въ 1843 г. К. С. Аксаковъ

воодушевленно звалъ своихъ соотечественниковъ „*домой*“:

Пора домой! И пѣсни повторяя
Старинныя, мы весело идемъ.
Пора домой! Насъ ждетъ земля родная,
Великая въ страданіи нѣмомъ!
Презрѣніемъ отягчена жестокимъ,
Народнаго столица торжества,
Опять полна значеніемъ глубокимъ
Является великая Москва.

Обращаясь къ Петру Великому, К. Аксаковъ высказываетъ твердую надежду, что

Народный духъ подниметъ крылья,
Отступниковъ обниметъ страхъ,
Созданья лжи, дѣла насилья
Падутъ, разсыплются во прахъ!
И вновь оправданный судьбою,
Возстанетъ къ жизни твой народъ
Съ своею древнею Москвою—
И жизнь свободный приметъ ходъ.
Все отпадетъ, что было лживо,
Любовь всѣ узы сокрушитъ,
Отчизна зацвѣтетъ счастливо—
И твой народъ тебя проститъ.

Непонятыя и даже гонимыя правительствомъ самобытныя русскія начала сохраняются пока только въ крестьянствѣ. Народъ—„могущественный хранитель жизненной великой тайны, во всей силѣ своей самобытности предстоящій предъ нами“, говоритъ К. Аксаковъ, а интеллигенція, „публика“, разорвавшая связь съ „устоями“, похожа „на растенія, обнажившія отъ почвы свои корни“. „Мы сохнемъ и вянемъ“, и наше спасеніе состоитъ въ томъ, чтобы смириться и преклониться передъ народной правдой, опроститься и слиться съ народомъ.

Пусть личность потонетъ безъ остатка въ народномъ морѣ. Въ этомъ единеніи она обрѣтетъ свою силу и смыслъ своего существованія. Въ стихотвореніи „Гуманисту“ К. Аксаковъ давалъ Грановскому такія наставленія:

Пойми себя въ народѣ! Не сжимаетъ,
Какъ океанъ, твоей свободы онъ:
Тебѣ онъ только мѣсто назначаетъ,
Ты общему въ немъ живо покоренъ.
А безъ того—ты гонецъ безъ силы,
И жизнь твоя прекрасная пуста,
Страданья вялы и оружья гнилы,
Порывъ безплоденъ и ложна мечта.
Съ народомъ лишь взойдетъ свобода
зрѣло,
Могуществен народа только кликъ,
Принадлежитъ народу только дѣло,
И путь его державенъ и великъ.

Извѣстно, что московскіе славянофилы, дѣйствительно, дѣлали попытки опрощенія, сліянія съ народомъ.

Дѣло духовнаго возрожденія, къ которому стремились славянофилы, не должно было, по ихъ мнѣнію, ограничиваться предѣлами одной Россіи: нужно пріобщить къ нашимъ „самобытнымъ“ началамъ, во-первыхъ, славянскій міръ, а, во-вторыхъ, и весь Западъ. То, что сознала и развила въ себѣ древняя Русь, въ сущности составляетъ достояніе всего славянскаго міра. Но тяжелыя историческія обстоятельства настолько разъединили между собою славянъ, что они отличаются другъ отъ друга и религіей, и языкомъ и бытомъ. Такъ какъ истинно-славянской религіей является православіе, то на Россіи лежитъ нравственный долгъ собрать вокругъ себя славянство, объединить его на почвѣ православія и однородныхъ основъ культуры. Тогда славянство составитъ одно нравственное, а, можетъ быть, и политическое цѣлое подъ гегемоніей старшаго и наиболѣе могущественнаго собрата. Эти идеи панславизма находили себѣ реальную опору въ тѣхъ національныхъ движеніяхъ, которыя проис-

ходили тогда среди славянскихъ племенъ и которыя, между прочимъ, вдохновили Хомякова написать его стихотвореніе „Орелъ“. „Славянъ полуночныхъ орелъ“ долженъ осѣнить своими крѣпкими крыльями „младшихъ братьевъ“, изнывающихъ въ иноземной неволѣ.

О, вспомни ихъ, орелъ полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней;
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!

Не говоря уже о томъ, что идея панславизма бродила еще въ Александровскую эпоху, въ сороковыхъ годахъ она очень занимала русскіе умы и нашла себѣ интересное выраженіе въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Обществѣ (1846-7 г.), мечтавшемъ о созданіи общеславянской федераціи съ Кіевомъ во главѣ. Славянофилы, такимъ образомъ, не были одиноки въ своемъ панславизмѣ, но придавали ему свой отпечатокъ, въ смыслѣ преобладанія православной московской старины.

До сихъ поръ славянофилы были довольно послѣдовательны въ проведеніи идеи славянской самобытности. Но они недаромъ были учениками Шеллинга и Гегеля: они не могли не включить въ свою идеологію еще одного пункта, который уже фигурировалъ въ статьяхъ любомудровъ и Чаадаева, именно, идеи о нашемъ *всемірно-историческомъ мессіанизмѣ*.

„Всемірное развитіе исторіи“, читаемъ у Хомякова, „осудивъ неполныя и односторонніи начала, которыми она управлялась до сихъ поръ, требуетъ отъ нашей Св. Руси, чтобы она выразила тѣ болѣе полныя и всестороннія начала, изъ которыхъ она выросла и на которыя она опирается“. Какъ нѣкогда изжившая себя римская культура была оплодотворена пришлыми юными въ своемъ варварствѣ племенами, такъ и молодая Россія, не имѣвшая до сихъ поръ всемірно-историческаго значенія, призвана обновить дряхлѣющій западный міръ. Только мы, говорилъ Хомяковъ въ стихотвореніи „Россія“, владѣемъ теперь тѣмъ,

чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ грядущихъ дней таится
Начало славы и чудесъ!

И Россія, „всѣ народы обнявъ любовью своей“, скажетъ имъ „таинство свободы“, прольетъ имъ „сіяніе вѣры“, и станетъ

Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный—
Прозрачный Вышняго покровъ.

Славянофилы сознавали трудность выполненія своей всемірно-исторической миссіи, колебались относительно выбора путей, но твердо вѣрили въ самую идею. Европейскія событія 1848 г. возбудили живѣйшій интересъ въ славянофилахъ. Какъ Герценъ, такъ и славянофилы, увидѣли въ революціи моментъ крушенія стараго европейскаго міра, но, конечно, славянофилы сдѣлали изъ факта свои собственные выводы. Съ одной стороны, Ѳ. И. Тютчевъ въ запискѣ „Россія и революція“ призывалъ русское правительство на борьбу съ „антихристіанскимъ движеніемъ“, отъ исхода котораго однако „зависитъ на многіе вѣка вся политическая будущность человѣчества“. Убѣ-

ждать въ этомъ Николая I, конечно, не было никакой надобности, и онъ не замедлилъ показать, какъ широко понимаетъ свою задачу въ дѣлѣ усмиренія революціонныхъ стремленій. Съ другой стороны, сердце славянофиловъ забилось трепетной надеждой, что очищено поле для выступленія славянскихъ племенъ. „Православіе на міровомъ череду", писалъ Хомяковъ: „Словенскія племена на міровомъ череду. Минута великая, предугаданная, но не приготовленная нами. Теперь вопросъ, сумѣемъ ли мы воспользоваться ею?"

Разумѣется, мы не сумѣли да и не могли воспользоваться великой минутой. Переживъ годы николаевской реакціи и бѣдствія Севастопольской войны, славянофилы въ своемъ органѣ „Русская Бесѣда" (за 1857 г.) нашли нужнымъ торжественно заявить о нашихъ культурныхъ обязательствахъ по отношенію къ Западу, о необходимости и дальнѣйшихъ заимствованій, „преимущественно по части такъ называемыхъ положительныхъ знаній", и ограничить свою работу тѣмъ, чтобы „переливать занятое въ русскія формы", такъ какъ „западная цивилизація, лишенная необходимаго основанія всякаго истиннаго просвѣщенія—религіи, можетъ быть для Россіи полезною только по пропущеніи ея черезъ критику русскаго духа и его коренныхъ началъ". Но въ сороковыхъ годахъ славянофилы съ полнымъ убѣжденіемъ выдвигали идею о нашей всемірно-исторической миссіи. Для И. Кирѣевскаго, Хомякова, Ю. Самарина, К. Аксакова не было сомнѣнія въ томъ, что начала русской „народности" имѣютъ и общечеловѣческое значеніе. „Было бы совершенно невозможно рѣшить", справедливо говоритъ П. Н. Милюковъ, „какой изъ этихъ двухъ элементовъ былъ болѣе важенъ для стараго славянофила, національный или всемірно-историческій; другими словами, дорожилъ ли онъ православіемъ и общиннымъ началомъ, только какъ коренными признаками русской народности, или же, наоборотъ, самая эта народность была дорога ему только какъ носительница универсальныхъ идей православія и общины. Самый вопросъ о выборѣ между національнымъ и общечеловѣческимъ не могъ возникнуть для славянофила, такъ какъ ни представить себѣ русскую національность безъ православія и общинности, ни усомниться въ общечеловѣческомъ значеніи этихъ началъ было для него одинаково невозможно". Тѣмъ не менѣе славянофиламъ не удалось найти логическое примиреніе обѣихъ идей. Въ концѣ концовъ болѣе близкая и удобопонятная идея самобытности замѣняетъ идею мірового мессіанизма; послѣдняя незамѣтно вывѣтривается, и идеологія славянофиловъ неизбѣжно суживается въ своемъ объемѣ, открывая просторъ для развитія националистическихъ и реакціонныхъ вожделѣній. Въ лучшемъ случаѣ мы услышимъ, какъ, напр., отъ К. Аксакова въ его статьяхъ 1857 г. (въ газетѣ „Молва"), здравое пожеланіе, чтобы „свободно и ярко цвѣли всѣ народности въ человѣческомъ мірѣ; только онѣ даютъ дѣйствительность и энергію общему труду народовъ". А чаще славянофильская идеологія будетъ

служить опорой узкой самобытности. Подобную метаморфозу приходится наблюдать очень рано, уже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, среди тѣхъ литературныхъ дѣятелей, которые составили такъ называемую молодую редакцію „Москвитянина“.

Старый, сѣрый „Москвитянинъ“ Погодина въ началѣ 50-хъ годовъ принялъ въ свои нѣдра цѣлую группу энтузіастовъ русской народности и сразу необычайно оживился, просвѣтлѣлъ, заговорилъ колоритнымъ, приподнятымъ языкомъ. Въ центрѣ этой группы стояли драматургъ А. Н. Островскій и критикъ Аполлонъ Григорьевъ, а въ составъ ея входили кромѣ того: Писемскій, Потѣхинъ, Печерскій, Мельниковъ, Максимовъ, Горбуновъ, Кокоревъ, Тертій Филипповъ, Алмазовъ, Эдельсонъ и др. Теоретикъ кружка, Ап. Григорьевъ, ссылаясь на того же Шеллинга, приглашаетъ „разбить кумиръ, которому приносились требы идольскія, кумиръ отвлеченнаго духа человѣчества и его развитія“. Каждый народъ есть самоцѣльный организмъ“, а „каждый организмъ самъ по себѣ замкнутъ, самъ по себѣ необходимъ, самъ по себѣ имѣетъ полномочіе жить по законамъ, ему свойственнымъ, а не обязанъ служить переходною формою для другого, какъ утверждаетъ гегеліанство“. Русскій народъ имѣетъ свои драгоцѣнныя особенности. Чтобы опредѣлить ихъ, нужно очертить себя болѣе тѣснымъ кругомъ, отмежеваться отъ „началъ ляхитскаго и хохлацкаго“ и говорить только о народности великорусской. Ея проявленія видимъ въ великорусскомъ мужикѣ, но „старая извѣчная Русь“ сохраняется также „въ классѣ среднемъ, промышленномъ, купеческомъ по преимуществу“, а еще ближе въ Замоскворѣчьѣ. Въ кружкѣ Ап. Григорьева и Островскаго господствуетъ настоящій культъ всего русскаго, идеалистическое руссофильство. Въ квартирѣ Островскаго собирались московскіе самородки, „русаки“ изъ крестьянъ, мѣщанъ и мелкихъ купцовъ; не умолкая, раздавалась здѣсь бойкая, остроумная русская рѣчь, лились звуки заунывной русской пѣсни. Талантливый драматургъ съ любовью рисуетъ въ своихъ пьесахъ положительные типы русскаго купечества, въ родѣ Русакова въ комедіи „Не въ свои сани не садись“, крѣпкіе патріархальные нравы хорошей купеческой семьи и всю поэтическую сторону русскаго быта съ праздниками, обрядами и пѣснями (какъ въ пьесѣ „Бѣдность не порокъ“). Восторженный критикъ палъ ницъ передъ геніемъ Островскаго, отнесъ его къ тѣмъ великимъ поэтамъ, которые „суть голоса массъ, народностей, мѣстностей, глашатаи великихъ истинъ и великихъ тайнъ жизни, носители словъ, которыя служатъ ключами къ уразумѣнію эпохъ-организмовъ во времени и народовъ-организмовъ въ пространствѣ“. Органическая, почвенная критика Григорьева и ставила себѣ цѣлью раскрыть содержаніе новаго слова, сказаннаго Островскимъ. Это—та же „народность“, то же „коренное русское міросозерцаніе“, но эти старыя слова сказаны по новому: проводимое писателемъ русское міросозерцаніе—„здравое и спокойное, юмористическое безъ болѣзненности, прямое

безъ увлеченій въ ту или другую крайность, идеальное, наконецъ, въ справедливомъ смыслѣ идеализма, безъ фальшивой грандіозности или столько же фальшивой сантиментальности". Болѣе всего дорожа принципомъ народности, Ап. Григорьевъ, вообще способный доходить до крайностей въ своемъ увлеченіи, готовъ былъ абстрактную идею поставить превыше самыхъ конкретныхъ интересовъ народа. Вопросъ о „самобытности и непосредственности" казался ему „глубже и обширнѣе по своему значенію всѣхъ нашихъ вопросовъ, и вопроса о крѣпостномъ состояніи и вопроса о политической свободѣ".

Подобное доктринерство вытекаетъ изъ основныхъ свойствъ славянофильской догмы и составляетъ одну изъ слабыхъ ея сторонъ. Это прекрасно сознавалъ уже И. С. Аксаковъ. Всегда искренній въ своихъ сужденіяхъ, въ 1850 г. онъ протестуетъ противъ взгляда брата Константина на значеніе принциповъ: „что касается до принципа, то, признаюсь, это выраженіе Константина заставило меня улыбнуться. Это все равно, что говорить голодному: другъ мой, ты будешь сытъ на томъ свѣтѣ, а теперь голодай—это случайность; намажь хлѣбъ принципомъ вмѣсто масла, посыпай принципомъ—и вкусно; нужды нѣтъ, что сотни тысячъ умрутъ, другія сотни уйдутъ—это случайность. Легкое утѣшеніе".

Идеалисты - доктринеры, нерѣдко истинно-поэтическія натуры, славянофилы въ значительной степени жили въ мірѣ романтическихъ иллюзій. Ихъ историческія воззрѣнія, ихъ пессимистическая оцѣнка западной культуры и идеализація допетровской старины являются не столько продуктомъ строгаго анализа и документально научной реставраціи, сколько плодомъ историческаго романтизма и націоналистическаго настроенія. Сердце славянофила, жадное до „сладкихъ пѣсенъ старины", всегда „готово въ прошломъ погостить и въ области мечты волшебной все горе жизни позабыть", какъ говорится въ одномъ стихотвореніи Ю. В. Жадовской. Даже „народъ" фигурируетъ у славянофиловъ не съ чертами реальнаго мужика, а въ какомъ-то условномъ освѣщеніи, не исключающемъ возможности дѣлать изъ крѣпостного быта патріархальную идиллію (какъ у С. Т. Аксакова). Наука не можетъ оправдать тѣхъ историческихъ предпосылокъ, изъ которыхъ славянофилы вывели основные принципы своего ученія, опредѣлили черты русской „народности". Исходя изъ ложнаго представленія о неподвижномъ характерѣ того содержанія, которое входитъ въ понятіе „народность", славянофилы внесли въ свою идеологію элементъ какой-то косности, оказывая, можетъ быть противъ своей воли, поддержку консервативнымъ теченіямъ эпохи и давая поводъ для смѣшенія ихъ съ такими общественными дѣятелями, какъ Погодинъ и Шевыревъ. Славянофилы 40-хъ годовъ звали назадъ, къ допетровской старинѣ, тогда какъ все лучшее и живое стремилось впередъ. И. С. Аксаковъ убѣждалъ своихъ единомышленниковъ быть осторожнѣе со словами „народность" и „православіе", которыя могутъ быть использованы въ интересахъ истори-

ческой косности. Отмѣчая въ 1856 г. несомнѣнный фактъ, что въ широкихъ кругахъ Россіи, въ провинціи, гораздо большимъ вліяніемъ пользуется западничество, чѣмъ славянофильство, И. С. Аксаковъ совершенно основательно указываетъ и причину этого: „Требованія эмансипаціи, желѣзныхъ путей и проч. и проч., сливающіяся теперь въ одинъ общій гулъ по всей Россіи, первоначально возникли не отъ насъ, а отъ западниковъ; и я помню время, когда, къ сожалѣнію, славянофилы, хотя и не всѣ, противились желѣзнымъ дорогамъ и эмансипаціи: послѣдней — потому только, что она формулирована была подъ вліяніемъ западныхъ идей". Къ числу такихъ противниковъ эмансипаціи принадлежалъ, напр., И. Кирѣевскій. Но было бы совершенно неосновательно отожествлять славянофиловъ съ крѣпостниками. Въ Николаевскую эпоху они смѣло говорили о державныхъ правахъ народа и, вообще говоря, искренно желали освобожденія крестьянъ съ землею и сохраненіемъ общины. Если на практикѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ въ славянофилѣ могли обнаруживаться черты, свойственныя психологіи барина и помѣщика, то теоретически онъ преклонялся передъ мужикомъ, какъ носителемъ самобытныхъ началъ, какъ хранителемъ высшихъ національныхъ идеаловъ. Въ противоположность сторонникамъ офиціальной идеологіи, славянофилы влагали прогрессивный смыслъ въ понятіе „народности". Точно также и слова „православіе" и „самодержавіе" въ ихъ устахъ звучали иначе, чѣмъ въ устахъ Уварова или Бенкендорфа. За всѣми мечтаніями славянофиловъ о вѣчахъ, о земскихъ соборахъ и общинѣ чувствуется глубокій протестъ противъ самодержавно-бюрократическаго режима Николая I и опредѣленное стремленіе къ общественной свободѣ. Вѣдь не кто иной, какъ Хомяковъ, обличалъ николаевскую Россію за то, что она

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна.

Вѣдь не кто иной, какъ К. Аксаковъ воспѣлъ свободное слово, какъ „чудо изъ Божьихъ чудесъ", какъ „мысли свѣтильникъ и пламя", какъ силу, ведущую къ „свѣту и правдѣ". Вѣдь именно онъ давалъ мудрый совѣтъ:

Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство—тамъ бунтъ и бѣда:
Защита отъ бунта—свобода.

Вотъ почему николаевское правительство охотнѣе видѣло въ славянофилахъ своихъ враговъ, чѣмъ союзниковъ. И какой-нибудь Дубельтъ считалъ славянофиловъ „открыто неблагонадежными" людьми, потому что они „смѣшиваютъ приверженность свою къ русской старинѣ съ такими началами, которыя не могутъ существовать въ монархическомъ государствѣ."

Во всякомъ случаѣ, въ славянофильствѣ идея самобытности достигаетъ своего наиболѣе яркаго выраженія и облекается въ форму цѣлой философской теоріи.

Совершенно иной взглядъ на желательный характеръ нашего національнаго развитія высказывали западники разныхъ фракцій.

4.

Западничество и ранній русскій соціализмъ.

Терминъ „западничество“ отличается гораздо большей неопредѣленностью и неточностью, чѣмъ терминъ „славянофильство“. Дѣятели, которыхъ съ полнымъ основаніемъ можно называть западниками, далеко не составляли одной замкнутой группы. Подъ западничествомъ мы станемъ разумѣть такое общественное теченіе, которое не только не благоговѣло передъ принципами офиціальной народности, но и не способно было успокоиться на славянофильской доктринѣ самобытности, а исходило изъ признанія превосходства европейской культуры и европейскихъ идеаловъ. Слагаясь подъ вліяніемъ европейской литературы и жизни и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ французскихъ соціальныхъ идей, западничество въ то же время находится въ живой связи съ недавнимъ русскимъ прошлымъ, съ тѣмъ общественно-политическимъ движеніемъ, которое завершилось 14-мъ декабря.

Уже въ 30-хъ годахъ возникаютъ кружки, которые пытаются поднять нить, выпавшую изъ рукъ декабристовъ.

Тамбовскій помѣщикъ *Сунгуровъ* и его побочный братъ Гуровъ, вольнослушатель Московскаго университета, собираютъ у себя студентовъ, разсуждаютъ съ ними о злоупотребленіяхъ властей, о деспотизмѣ государя, о бѣдственномъ положеніи народа, восторгаются героизмомъ поляковъ, возставшихъ въ 1830—1 г. противъ русскаго правительства, и воскрешая традиціи декабристовъ, мечтаютъ о конституціонномъ образѣ правленія. Кружокъ просуществовалъ недолго: въ 1832 г. его члены были арестованы, самъ Сунгуровъ сосланъ на каторгу, а студенты отданы въ солдаты.

Большее значеніе въ исторіи нашей общественной мысли имѣлъ тотъ кружокъ молодежи, который группировался около *А. И. Герцена*. Міросозерцаніе Герцена и его немногочисленныхъ друзей рано стало развиваться въ направленіи позитивизма и соціализма. Еще въ отрочествѣ Герценъ испыталъ на себѣ вліяніе двоюроднаго брата, такъ называемаго Химика. Этотъ чрезвычайно оригинальный предтеча будущихъ „мыслящихъ реалистовъ“ признавалъ только естествознаніе, безъ церемоніи называя философію болтовней, былъ послѣдовательнымъ матеріалистомъ и атеистомъ и утверждалъ, что „эгоизмъ исключительное начало всѣхъ дѣйствій“ человѣка, и что люди такъ же мало отвѣтственны за добро и зло, какъ и звѣри. Вліяніе Химика было весьма прочнымъ и на первыхъ порахъ сказалось въ томъ, что Герценъ (въ 1830 г.) поступаетъ на физико-математическій факультетъ. Однако сразу же обнаруживается, что мысль Герцена не можетъ оставаться въ тѣхъ предѣлахъ, какіе желалъ бы положить для нея кузенъ: съ не меньшей, если не большей, силой его увлекаютъ также общественно-политическіе интересы.

Картины крѣпостного быта, проходившія передъ глазами чуткаго маль-

чика, съ раннихъ лѣтъ развили въ немъ „непреодолимую ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу". Ему было только 13 лѣтъ, когда разыгралось событіе 14 декабря 1825 г., но и оно оставило глубокій слѣдъ въ его душѣ. „Не знаю, какъ это сдѣлалось", свидѣтельствуетъ самъ Герценъ, „но мало понимая, или очень смутно, въ чемъ дѣло, я чувствовалъ, что я не съ той стороны, съ которой картечь и побѣды, тюрьмы и цѣпи". Стихи декабриста Рылѣева и Пушкина (въ родѣ „Оды на вольность", „Кинжала"), произведенія пѣвца свободы—Шиллера—питали боевое настроеніе юноши тѣмъ болѣе, что оно встрѣчало одобреніе и со стороны учителей, Протопопова и Бушо. Въ 1827 г. судьба посылаетъ Герцену друга, который на всю жизнь остался его неизмѣннымъ спутникомъ. Это былъ Николай Платоновичъ Огаревъ. Въ университетѣ къ нимъ присоединился Н. И. Сазоновъ и еще одинъ студентъ, нѣжный, какъ дѣвушка, съ натурой Влад. Ленскаго или Веневитинова. Далѣе, въ составѣ герценовскаго „кружка" мы видимъ Сатина, Влад. Пассека, Носкова, Лахтина, А. И. Савича и др. Юные друзья мечтали о заговорѣ à la Ріензи, объ обществѣ „по образу и подобію декабристовъ", проповѣдывали „свободу и борьбу". „Проповѣдывали мы вездѣ, всегда", разсказываетъ Герценъ: „Что мы собственно проповѣдывали, трудно сказать. Идеи были смутны. Мы проповѣдывали декабристовъ и французскую революцію, потомъ проповѣдывали сенъ-симонизмъ и ту же революцію, мы проповѣдывали конституцію и республику, чтеніе политическихъ книгъ и сосредоточеніе силъ въ одномъ обществѣ. Но пуще всего проповѣдывали ненависть ко всякому насилію, ко всякому правительственному произволу". Идеи были смутны, но настроеніе вполнѣ опредѣленное, и Огаревъ въ „Исповѣди лишняго человѣка" рисуетъ свой юношескій кружокъ тѣми же чертами, что и Герценъ. „Дѣти декабристовъ и міра новаго ученики, ученики Фурье и Сенъ-Симона", вспоминалъ Огаревъ,

Мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь
Народу и его освобожденію,
Основою положимъ соціализмъ,
И чтобъ достичь священной нашей цѣли,
Мы общество должны составить втайнѣ
И втайнѣ шагъ за шагомъ распространять.

Итакъ, политическій радикализмъ Герцена и его товарищей сочетался съ идеями утопическаго соціализма, главнымъ образомъ сенъ-симонизма. „Сенъ-симонизмъ" ,категорически заявляетъ Герценъ, „легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ".

Нося въ своей груди красочные идеалы соціализма, Герценъ и Огаревъ съ грустью и болью смотрѣли на окружающую жизнь, гдѣ царили ложь и рабство. Друзья любили уходить на Воробьевы горы и отдаваться „нѣмой созерцательности", тѣмъ „священнымъ минутамъ", когда „какая-то высшая поэзія смываетъ съ насъ все земное". Тяжело было послѣ этого спускаться въ сутолоку столичнаго города съ его „отравленнымъ воздухомъ", съ „толпой развратной, безчувственной". „Люди, люди!" писалъ Герценъ въ 1833 г.: „Гдѣ вы побываете, все испорчено: и сердце ваше, и воздухъ, васъ окружающій, и вода текущая и

земля, по которой ходите. Но небо, небо! Оно чисто, оно таково, какъ въ первый день творенія, дыханіе пресмыкающихся не достигаетъ его. Туда! Туда!

Тотъ міръ открытъ для наслажденья:
Въ немъ вѣчная любовь,
Въ немъ нѣтъ тоски и нѣтъ мученья,
И страсти не волнуютъ кровь!

Позитивистъ и соціалистъ, какъ видимъ, говоритъ тѣмъ же языкомъ, переживаетъ тѣ же идеалистическіе порывы, какъ любой адептъ нѣмецкой идеалистической философіи. Но отношеніе къ „дѣйствительности" здѣсь существенно иное; здѣсь справляютъ совсѣмъ иной „пиръ идей". Іюльская революція и іюльское возстаніе 1830 г. заставляютъ учащенно биться сердце Герцена и Огарева; друзья полны трепетнаго ожиданія, что близокъ тотъ часъ, когда человѣчество разрѣшитъ, наконецъ, роковую проблему равенства и свободы. Аресты среди московской молодежи побуждали ихъ съ еще бо́льшимъ задоромъ афишировать свой революціонизмъ: они „надѣли на себя бархатные береты à la Karl Sand и повязали на шею одинакіе трехцвѣтные шарфы". Въ 1834 г. Герценъ и Огаревъ были арестованы и отправлены въ ссылку. На долю Герцена досталась Вятка, откуда онъ черезъ посредствующій этапъ Владиміръ возвратился только въ 1840 г.

Такимъ образомъ, уже въ началѣ 30-хъ годовъ европейскій соціализмъ былъ сочувственно встрѣченъ нашими „дѣтьми декабристовъ". Возвратившись изъ ссылки, Герценъ и Огаревъ сталкиваются съ московскими гегельянцами. Этотъ моментъ для обѣихъ сторонъ является до нѣкоторой степени критическимъ; онъ вызвалъ необходимость взаимной провѣрки и переработки воззрѣній. Именно въ началѣ сороковыхъ годовъ Герценъ производитъ окончательный пересмотръ теоретическихъ предпосылокъ своего міросозерцанія, Бакунинъ сближается съ Арнольдомъ Руге и вообще лѣвыми гегельянцами, Бѣлинскій переходитъ въ новый фазисъ своего идейнаго развитія, западническая группа уже сознательно отдѣляется отъ славянофиловъ.

По свидѣтельству Герцена, до ссылки между нимъ и кружкомъ Станкевича - Бѣлинскаго „не было большой симпатіи". — „Имъ", говорилъ онъ, „не нравилось наше почти исключительно политическое направленіе, намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное. Они насъ считали фрондёрами и французами, мы ихъ сентименталистами и нѣмцами". Встрѣча изгнанниковъ съ москвичами была дружеская; послѣдніе не прочь были принять въ свой союзъ и Герцена, но въ качествѣ правовѣрныхъ гегельянцевъ требовали „безусловнаго принятія феноменологіи и логики Гегеля и притомъ по ихъ толкованію".

Герценъ засаживается за Гегеля, и, какъ оказалось, раскаиваться ему не пришлось. Діалектическій методъ Гегеля далъ опору синтетической работѣ его ума, свободное и широкое пониманіе философіи Гегеля сблизило его съ тѣмъ направленіемъ, котораго держалось такъ называемое лѣвое гегельянство. „Философія Гегеля", писалъ Герценъ: „алгебра революціи, она необыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ

міра преданія, пережившихъ себя“. Благополучно вынырнувъ изъ пучины гегелевской метафизики, Герценъ зачитывается книгой Фейербаха „Wesen des Christenthums“, произведеніями Прудона, фурьериста Консидерана и т. д. Его юношескій соціализмъ крѣпнетъ и углубляется. „Я думаю даже“, увѣрялъ потомъ Герценъ, „что человѣкъ, не пережившій феноменологіи Гегеля и противорѣчій общественной экономіи Прудона, не перешедшій черезъ этотъ горнъ и этотъ закалъ—не полонъ, не современенъ“.

И дѣйствительно, черезъ этотъ „горнъ“ болѣе или менѣе прошли всѣ крупные западники.

Въ петербургскій періодъ своей жизни *Бѣлинскій* отрѣшается отъ своего отвлеченно-философскаго отношенія къ жизни, отъ своихъ консервативныхъ фантасмагорій, навѣянныхъ идеей примиренія съ дѣйствительностью. Уже въ 1841 г. онъ писалъ Боткину; „Я теперь въ новой крайности,—это идея соціализма, которая стала для меня идеею идей;... альфою и омегою вѣры и знанія“. Этотъ „соціализмъ“ Бѣлинскаго обозначалъ прежде всего отказъ отъ „философскаго филистерства“ и предпочтеніе интересовъ живой личности требованіемъ „общаго“. „Что мнѣ въ томъ“, писалъ теперь знаменитый критикъ, съ обычнымъ для него паѳосомъ, „что живетъ *общее*, когда страдаетъ *личность!* Что мнѣ въ томъ, что *геній* на землѣ живетъ въ небѣ, когда *толпа* валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что я понимаю идею, что мнѣ открытъ міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими ближними по Христѣ, но кто мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству?... Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взглядѣ на толпу и ея представителей“. Благо толпы, ближняго, реальные интересы жизни стоятъ теперь у Бѣлинскаго на первомъ планѣ. Онъ внимательно слѣдитъ за ходомъ европейской жизни, прислушивается къ голосу лѣвыхъ гегельянцевъ, читаетъ французскихъ писателей, въ частности увлекается Ж. Зандъ, знакомится съ Контомъ и „безъ ума отъ Литтре“. Словомъ, поднимается на уровень современныхъ ему идейныхъ теченій Запада, проникается убѣжденіемъ, что „всѣ общественныя основанія нашего времени требуютъ строжайшаго пересмотра и коренной перестройки“, и прежде всего проникается страстнымъ желаніемъ помочь закрѣпощенной странѣ выйти на просторъ свободной жизни.

Талантливымъ союзникомъ Бѣлинскаго былъ профессоръ Московскаго университета *Т. Н. Грановскій.*

Получивъ образованіе на юридическомъ факультетѣ Петербургскаго университета, Грановскій въ 1836 г. знакомится съ Станкевичемъ, находитъ въ немъ „родную душу“ и, естественно, подчиняется его неотразимому вліянію. Станкевичъ не переставалъ внушать новому другу свою дорогую идею о важности философіи. „Поэзія и философія—вотъ душа сущаго“, поучалъ онъ Грановскаго: „Это — жизнь, любовь: внѣ ихъ все мертво...“ Самое важное для человѣка —„понять, что такое вселенная... Твой предметъ—жизнь человѣчества: и ни же въ

этомъ человѣчествѣ образа Божія; но прежде приготовься трудными испытаніями —займись философіею". И Грановскій подъ руководствомъ того же берлинскаго профессора Вердера, у котораго работалъ и самъ Станкевичъ, трудится надъ философіей Гегеля, сознательно отвергая философію откровенія Шеллинга. Одновременныя занятія и конкретными науками—исторіей у Ранке и Раумера, юриспруденціей у Савиньи и землевѣдѣніемъ у Риттера—предохраняли мысль Грановскаго отъ излишняго увлеченія абстрактными построеніями. Мало того, онъ еще въ заграничный періодъ своей жизни высоко ставитъ идеи Пьера Леру и восхваляетъ произведенія Ж. Зандъ, которой отводитъ „одно изъ первыхъ мѣстъ между великими писателями ея отечества". Разносторонняя эрудиція помогла Грановскому критически отнестись къ тѣмъ историческимъ методамъ, которые онъ нашелъ въ нѣмецкой и французской наукѣ; нѣмецкую идею о закономѣрности и органичности историческаго процесса онъ сочеталъ съ ученіемъ французской исторіографіи о роли „естественныхъ" факторовъ исторіи и о роли личности. По мнѣнію Грановскаго, „исторія должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она такъ долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ". Послѣдующее движеніе науки внесло, разумѣется, много существеннаго въ историческую методологію, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно, говоря словами В. А. Мякотина, „оправдало тотъ путь, на который вступилъ Грановскій, и который при дальнѣйшемъ развитіи опытнаго знанія велъ къ возстановленію цѣльнаго міросозерцанія въ болѣе научномъ видѣ, чѣмъ могла его создать метафизическая философія". Ученый европейскаго типа, Грановскій былъ исполненъ глубокаго уваженія къ европейской культурѣ и относился ко всѣмъ и всему съ широкой, свѣтлой гуманностью.

Терпимость и любовь тобой руководили
Ты настоящее оплакивать умѣлъ,
И брата узнавалъ въ рабѣ иноплеменномъ,
Отъ насъ вѣками отдаленномъ!

справедливо сказалъ о Грановскомъ Некрасовъ.

Вліяніе Грановскаго въ сороковыхъ годахъ было огромно, и съ нимъ могло соперничать только вліяніе Бѣлинскаго. Они вдвоемъ и выступили въ роли вождей *западниковъ*, встрѣтивъ себѣ незамѣнимую поддержку также со стороны Герцена.

Къ 1842 году, когда Герценъ возвратился въ Москву изъ своей новгородской ссылки, оба стана, по его выраженію, были уже на барьерѣ. На первыхъ порахъ борьба велась преимущественно въ литературныхъ салонахъ Москвы (у Елагиной, у Свербеева и др.) въ присутствіи многочисленнаго и пестраго общества. Несмотря на всю страстность дебатовъ, враги сохраняли полное уваженіе другъ къ другу. „У нихъ и у насъ", писалъ по этому поводу Герценъ, „запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество—чувство безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ

русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны въ то время, какъ сердце билось одно“.

Славянофилы и западники сознавали тожество своего гражданскаго настроенія, и имъ не трудно было сойтись въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Бывало иногда, что по тому или другому спорному вопросу межи такъ слабо различались, и ораторы до такой степени склонны были поддерживать взгляды противниковъ, что на этой почвѣ происходили „недоразумѣнія“ между единомышленниками изъ западническаго лагеря. Мало того, отдѣльныя сужденія даже такихъ выдающихся представителей западничества, какъ Грановскій и Бѣлинскій, давали основаніе позднѣйшимъ историкамъ литературы колебаться въ опредѣленіи ихъ общественнаго направленія.

Грановскій, могъ, напр., сказать, что „во взглядѣ на русскую національность и по многимъ другимъ литературнымъ и нравственнымъ вопросамъ я сочувствую гораздо болѣе славянофиламъ, чѣмъ Бѣлинскому, „Отечественнымъ Запискамъ“ и западникамъ“. Въ другомъ случаѣ и самъ Бѣлинскій, наиболѣе страстный противникъ славянофильства, можетъ стать на его сторону. О Герценѣ уже нечего и говорить: его общественно-политическое міровоззрѣніе имѣетъ много пунктовъ соприкосновенія съ славянофильствомъ, но не укладывается и въ рамки западничества. Кровный западникъ, И. С. Тургеневъ, не усомнился отдать свои симпатіи „славянофилу“ Лаврецкому (въ „Двор. гнѣздѣ“). Всѣ подобные факты указываютъ только на одно, на то, что западники заранѣе не связывали себя никакой партійной программой, и обнаруживали благородную готовность принять истину, откуда бы она ни шла.

Оставляя въ сторонѣ детали и слишкомъ спеціальныя стороны въ интересной полемикѣ западничества съ славянофильствомъ, опредѣлимъ основныя черты міросозерцанія западниковъ и ихъ общественно-политическіе идеалы.

Западники не могли не отдавать должнаго ученію славянофиловъ въ его обличительной части. Бѣлинскій, напр., признавалъ полную справедливость того, „что они говорятъ противъ русскаго европеизма“; соглашался съ ними въ томъ, „что въ русской жизни есть какая-то двойственность, слѣдовательно, отсутствіе нравственнаго единства; что это лишаетъ насъ рѣзко выразившагося національнаго характера“. Какъ бы рѣзко славянофилы ни нападали на петербургскій бюрократизмъ, они не могли услышать возраженій со стороны западниковъ. Послѣдніе не менѣе ихъ дорожили также самобытностью развитія и рѣшительно возставали противъ всякаго космополитизма. Извѣстно, съ какой горячностью Бѣлинскій напалъ на Вал. Н. Майкова за его своеобразный взглядъ на большинство и меньшинство народа, на его противопоставленіе народнаго и общечеловѣческаго. Бѣлинскій усмотрѣлъ здѣсь „самый абстрактный, самый книжный дуализмъ“, отрицаніе неоспоримой для него истины, что „народности суть личности человѣчества“, что

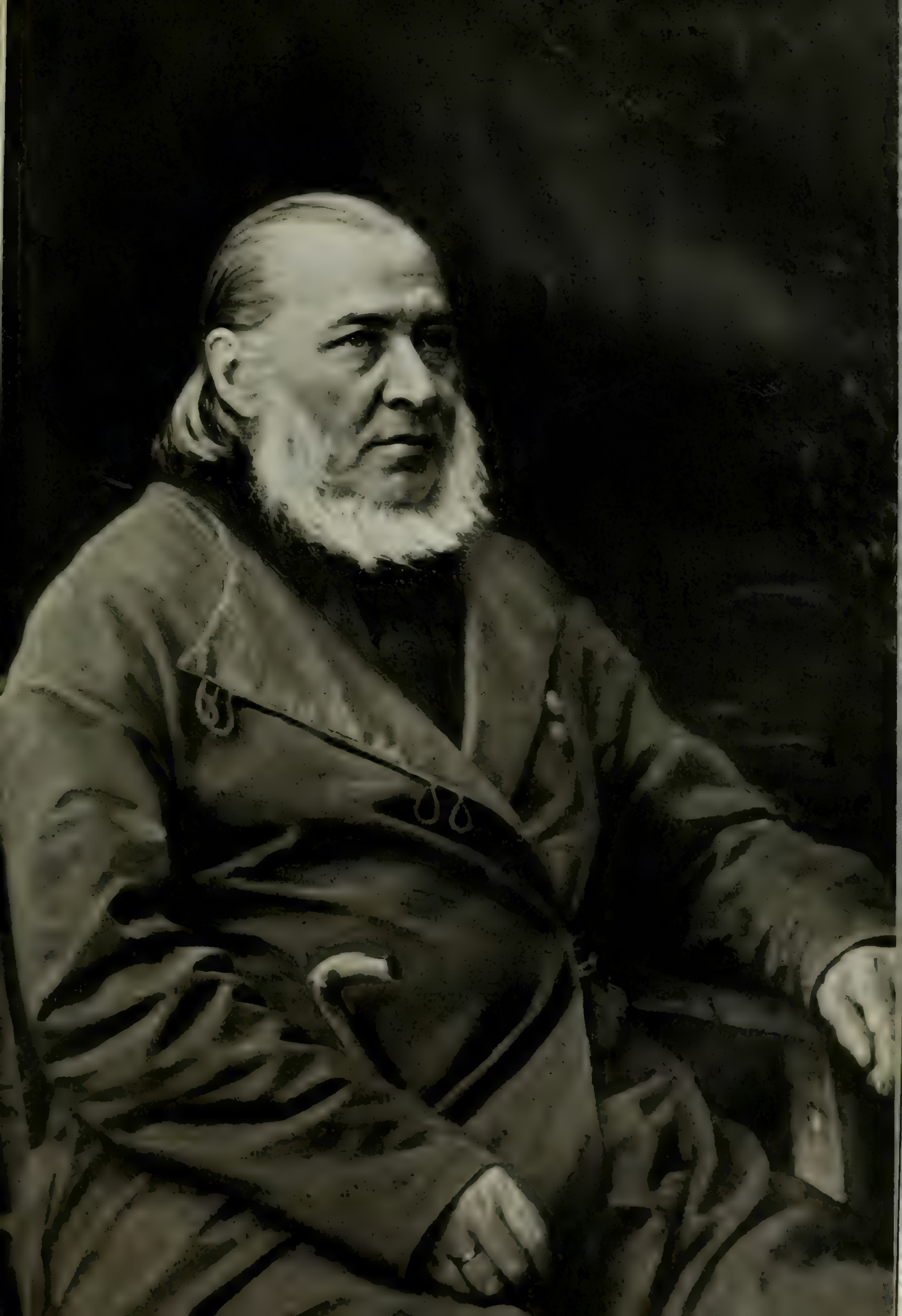
„безъ національностей человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія“. Ужъ если нужно выбирать между двумя крайностями, продолжаетъ Бѣлинскій, то „я скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ“. Въ своихъ критическихъ статьяхъ Бѣлинскій не разъ повторяетъ, что „народность—альфа и омега“ историческаго развитія. Словомъ, народность была такъ же дорога западникамъ, какъ и славянофиламъ. У тѣхъ и другихъ было одно сердце и билось оно одною любовью къ русскому народу. Но смотрѣли они въ разныя стороны: одни—на Востокъ, другіе—на Западъ. Любовь къ родному не отнимала у западниковъ способности критиковать свое и цѣнить чужое.

Культура византійскаго типа, допетровская старина понималась западниками совершенно иначе, чѣмъ славянофилами. Дѣйствительная картина нашего историческаго, прошлаго, возстановленная въ работахъ такихъ ученыхъ, какъ Кавелинъ (особенно статья „Взглядъ на юридическій бытъ древней Руси“ 1847 г.) и Соловьевъ („Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“ 1845 г., „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“ 1847 г. и далѣе „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, начавшая выходить съ 1851 г.), заставляла давать иную оцѣнку древней Руси и преобразованіямъ Петра В., чѣмъ давали славянофилы. Невѣжество древней Руси, господство деспотизма въ московскій періодъ, подавленіе свободы личности и общества, общая культурная отсталость—все это казалось западникамъ достаточной причиной, чтобы не видѣть въ Руси XVI—XVII в. своего безусловнаго идеала и выдвигать историческое значеніе реформъ Петра. Грановскій благоговѣлъ передъ личностью преобразователя Россіи, который „далъ намъ право на исторію и едва ли не одинъ заявилъ наше историческое призваніе“. „Чѣмъ болѣе живемъ мы“, писалъ Грановскій Герцену, „тѣмъ колоссальнѣе растетъ передъ нами образъ Петра“. И, понятно, Грановскому казались безсмысленными мечты о своей, русской наукѣ, не похожей на науку Запада. Давно уже славянофилы твердятъ объ этомъ, такъ давно, что ихъ обѣщанія создать русскую науку, говоритъ Грановскій, „перестали для насъ быть надеждами и превратились въ воспоминанія“. Оцѣнивая значеніе публичныхъ лекцій Грановскаго, Герценъ, со своей стороны, писалъ: „Мы должны уважать и оцѣнить скорбное и трудное развитіе Европы, которая такъ много даетъ намъ теперь; мы должны постигнуть то великое единство развитія рода человѣческаго, которое раскрываетъ въ мнимомъ врагѣ—брата, въ расторженіи—миръ: одно сознаніе этого единства уже даетъ намъ святое право на плодъ, выработанный, потомъ и кровью, Западомъ“. Духовное развитіе Россіи можетъ совершаться лишь при постоянномъ общеніи съ просвѣщеніемъ западнымъ, т. е. общечеловѣческимъ. Нужно любить и уважать европейское потому только, что оно человѣческое, а „все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвергать съ такой же энергіей, какъ и все азіат-

ское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго“, писалъ Бѣлинскій, развивая въ сущности ту же идею, которая была высказана и Станкевичемъ въ одномъ изъ его писемъ 1837 г.: „Ничто человѣческое не должно быть чуждо намъ, если мы хотимъ быть людьми“. Да въ сущности и нѣтъ надобности проявлять излишнія заботы о своей самобытности. „Гдѣ народъ имѣетъ дѣйствительныя внутреннія силы, ему нечего хлопотать о своей національности: она, какъ природа, будетъ проявляться сама собою“ (Бѣлинскій). Всякая національная обособленность ведетъ къ смерти, и нашъ планъ прогресса долженъ быть построенъ не на принципахъ національной исключительности, а на широкой идеѣ общечеловѣческой солидарности. Толкуя о Западѣ и Востокѣ, о тевтонскомъ и славянскомъ племенахъ, мы забываемъ, „что подъ этими словами должно разумѣть человѣчество“. Естественно, что Бѣлинскій не можетъ примириться со взглядомъ славянофиловъ на гибель европейской цивилизаціи и на міровую миссію Россіи. Европа не разъ была „больна“, но „не умерла же, къ удовольствію господъ душеприказчиковъ ея“. „Мы предвидимъ наше великое будущее, но хотимъ непремѣнно имѣть его на счетъ смерти Европы: какой по-истинѣ братскій взглядъ на вещи! Не лучше ли, не человѣчнѣе ли, не гуманнѣе ли разсуждать такъ: насъ ожидаетъ безконечное развитіе, великіе успѣхи въ будущемъ, но и развитіе Европы и ея успѣхи пойдутъ своимъ чередомъ? Неужели для счастія одного брата непремѣнно нужна гибель другого? Какая не философская, не цивилизованная и не христіанская мысль!“ Эти слова Бѣлинскаго съ полнымъ сочувствіемъ повторяли и другіе западники, особенно Грановскій, это— живое воплощеніе самаго возвышеннаго гуманизма.

Пусть Западъ переживаетъ кризисъ, но намъ все же есть чему поучиться у него. Не говоря уже о просвѣщеніи, весь строй европейской жизни представляетъ такія начала, которыя способны обновить и русскую жизнь.

Увлекаясь „внутренней правдой“ и хоровымъ началомъ, славянофилы оставляли народу лишь „силу мнѣнія“ и требовали отъ личности смиренія, отреченія отъ своихъ правъ. Въ этомъ пунктѣ западники стоятъ на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія: они, наоборотъ, требуютъ свободы для личности и высоко цѣнятъ полноту ея гражданскихъ правъ. Мы уже видѣли, какъ Бѣлинскій, покончивъ съ своимъ гегельянствомъ, трактовалъ личность и общее. Для него теперь „человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества“. Анализъ историческихъ условій русскаго быта укрѣпляетъ Кавелина въ убѣжденіи, что „личность, сознающая сама по себѣ свое безконечное, безусловное достоинство—есть необходимое условіе всякаго развитія народа“. Грановскій, вслѣдъ за Гизо и другими французскими историками, противопоставляетъ личность инертной массѣ. По его словамъ, „массы, какъ природа или какъ скандинавскій Торъ, безсмысленно жестоки и безсмысленно добродушны. Онѣ коснѣютъ подъ тяжестью историческихъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслью только отдѣльная личность. Въ этомъ



разложеніи массъ мыслью заключается процессъ исторіи. Ея задача — нравственная, просвѣщенная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій личность и сообразное требованіямъ такой личности общество". Выдвигая личность, какъ носительницу сознательнаго и активнаго элемента въ историческомъ процессѣ, отстаивая ея реальные интересы, западники должны были предъявлять иныя требованія къ общественному и государственному строю, чѣмъ славянофилы. Грановскій еще за границей сильно интересуется „развитіемъ политическихъ формъ и учрежденій". Въ этомъ именно отношеніи его, между прочимъ, занимаетъ исторія Испаніи. „Чудный народъ!" восклицаетъ онъ: „Они понимали конституціонныя формы тогда, когда объ этомъ нигдѣ не имѣли понятія". Бѣлинскій въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю по поводу „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями" изумляется, какъ можно писать „диѳирамбы любовной связи русскаго народа съ его владыками". „Что касается до меня лично", прибавляетъ со сдержаннымъ негодованіемъ критикъ, „предоставляю вашей совѣсти упиваться созерцаніемъ божественной красоты самодержавія (оно покойно, да и выгодно), только продолжайте благоразумно созерцать его изъ вашего прекраснаго далека: вблизи-то оно не такъ красиво и не такъ безопасно"... Декабристъ Н. И. Тургеневъ въ своемъ трудѣ „La Russie et les Russes" (1847 г.) предлагаетъ уже цѣлый планъ государственнаго переустройства Россіи на началахъ народнаго представительства. Въ проектѣ, названномъ „Русской Правдой" (какъ у Пестеля), Тургеневъ высказывается за однопалатную систему, какъ болѣе демократическую, но выборы въ его „Народную Думу" ограничены разными цензовыми условіями, такъ что на всю Россію предполагается лишь милліонъ избирателей. „Русская Правда" опредѣленно требуетъ всѣхъ конституціонныхъ гарантій гражданской свободы: отвѣтственности министровъ, независимости суда, равенства всѣхъ передъ закономъ, свободы слова и печати, свободы совѣсти. Очевидно, политическимъ идеаломъ западниковъ являлось не московское самодержавіе, хотя бы и съ земскимъ соборомъ, а правовое государство европейскаго типа, обезпечивающее обществу и личности необходимыя основы гражданской свободы.

Точно также не могли западники присоединиться и къ гимнамъ въ честь русской православной церкви, которая, по выраженію Бѣлинскаго, „всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма". Между Христомъ и церковью, а тѣмъ болѣе православною, нѣтъ ничего общаго. Какъ бы предваряя мысли Л. Н. Толстого, Бѣлинскій писалъ Гоголю: „Онъ (т. е. Христосъ) первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія. И оно только до тѣхъ поръ и было *спасеніемъ* людей, пока не организовалось въ церковь и не приняло за основаніе принципа ортодоксіи. Церковь же явилась іерархіей, стало быть, поборницей неравенства, льстецомъ власти, врагомъ и гонительницею братства между людьми— чѣмъ продолжаетъ быть и до сихъ

неръ. Но смыслъ Христова слова открытъ философскимъ движеніемъ прошлаго вѣка. И вотъ почему какой-нибудь Вольтеръ, орудіемъ насмѣшки погасившій въ Европѣ костры фанатизма и невѣжества, конечно, болѣе сынъ Христа, плоть отъ плоти его и кость отъ кости его, нежели всѣ ваши попы, архіереи, митрополиты, патріархи!“.

Само собою разумѣется, западникамъ нелегко было въ печати развивать свои взгляды на самодержавіе и православіе, да, можетъ быть, и не ихъ ставили они на первую очередь. Даже Николай Ив. Тургеневъ, рядомъ съ проектомъ „Народной Думы“, нашелъ нужнымъ подробно развить и тѣ реформы, которыя совмѣстимы съ самодержавіемъ. Соціальныя воззрѣнія западниковъ сжато и сильно были формулированы въ томъ же письмѣ Бѣлинскаго. Россія, по его словамъ, „видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ!), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и сорѣ,—права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности ихъ исполненіе... Самые живые современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть... Вотъ вопросы, которыми тревожно занята вся Россія въ ея апатичномъ снѣ!“ Вотъ планъ необходимыхъ реформъ, который набрасывалъ Бѣлинскій въ 1847 г. Онъ сводился къ немногимъ, но важнымъ пунктамъ: распространеніе просвѣщенія, водвореніе строгой законности (у Н. Тургенева прямо говорится о судѣ присяжныхъ), отмѣна тѣлесныхъ наказаній и уничтоженіе крѣпостного права. Н. Тургеневъ присоединялъ къ этому мѣстное самоуправленіе, свободу печати и т. п. Но для всѣхъ западниковъ сущность стремленій сводилась прежде всего къ освобожденію крестьянъ. Николаевская цензура дѣлала невозможнымъ гласное и открытое обсужденіе крестьянскаго вопроса, и эта больная тема трактовалась украдкой или обинякамн. Профессора Кавелинъ въ Москвѣ (1844—1848) и Мейеръ въ Казани (1845—1855) внушаютъ своимъ слушателямъ убѣжденіе во вредѣ и безнравственности крѣпостного права. Заблоцкій-Десятовскій проводитъ ту же идею въ статьѣ „Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи“ („Отеч. Записки“ 1847 г.), осторожно именуя крѣпостное право „обязательной рентой“. Съ большей откровенностью тотъ же авторъ высказалъ свои взгляды въ запискѣ „О крѣпостномъ состояніи въ Россіи“, составленной по порученію гр. Киселева. Подобныхъ записокъ немало ходило въ рукописяхъ. Эмигранты Н. И. Тургеневъ (во второмъ томѣ сочиненія „La Russie et les Russes“) и А. И. Герценъ (въ брошюрѣ „Крещеная собственность“ и статьѣ „Юрьевъ день!“ 1853 г.) присоединили свои смѣлые голоса въ защиту освобожденія крестьянъ. Обращаясь къ русскому дворянству, въ рукахъ котораго

ключъ отъ цѣпей рабства, Герценъ пользуется всѣми возможными аргументами, чтобы убѣдить помѣщиковъ въ необходимости отмѣны крѣпостного права.—Онъ указываетъ на растлѣвающее вліяніе крѣпостничества, на безпокойно выжидательное настроеніе крестьянъ, на примѣръ Запада, доказывающій, что ничто не можетъ устоять передъ напоромъ народныхъ массъ, наконецъ, на то, что „умнѣе, расчетливѣе уступить, нежели ждать взрыва". „Если есть только будущность Руси и міру славянскому", писалъ Герценъ, „крестьяне будутъ свободны... И вы, и я, мы чувствуемъ, что освобожденіе крестьянъ необходимо, неотразимо, неминуемо. Если вы не сумѣете ничего сдѣлать, они все-таки будутъ свободны по царской милости, или по милости пугачевщины.... Горячее дыханіе больной, выбившейся изъ силъ Европы вѣстъ на Русь переворотомъ. Наступающій переворотъ не такъ чуждъ русскому сердцу, какъ прежніе. Слово соціализмъ неизвѣстно нашему народу, но смыслъ его близокъ душѣ русскаго человѣка, изживающаго вѣкъ свой въ сельской общинѣ и въ работнической артели". Значительно ранѣе того, какъ были сказаны эти слова, Бѣлинскій также пытался набросать общую картину соціальнаго роста Россіи. Считая европейскую буржуазію въ извѣстномъ смыслѣ прогрессивнымъ факторомъ исторіи, онъ полагалъ, что и „внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не раньше, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію", и что на долю Россіи выпадетъ счастье наилучшаго рѣшенія „вражды капитала и собственности съ трудомъ".

Такимъ образомъ, рѣшеніе вопросовъ русской исторіи ставится въ связь съ самыми широкими проблемами европейской исторіи, и освобожденіе крестьянъ разсматривается, какъ первый шагъ по пути осуществленія идеаловъ соціализма.

Несмотря на разгромъ кружковъ Сунгурова и Герцена въ тридцатыхъ годахъ, *соціалистическія идеи* далеко не умираютъ въ сознаніи нашей интеллигенціи, и исторія русскаго соціализма сороковыхъ годовъ является необходимымъ дополненіемъ къ картинѣ идейныхъ стремленій представителей нашего западническаго либерализма.

Въ промежутокъ двухъ революцій между 1830 и 1848 годами, соціалистическая мысль Запада продолжала неизмѣнно развиваться, и всѣ важнѣйшія ея проявленія проникали и къ намъ. Петербургъ (и въ частности Петербургскій университетъ въ этомъ отношеніи не отставалъ отъ Москвы. Когда Анненковъ осенью 1843 г. пріѣхалъ изъ-за границы въ Петербургъ, то онъ, по его словамъ, „встрѣтилъ дома отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллектуальной жизни Парижа". Произведенія Прудона, Кабэ, Фурье „были во всѣхъ рукахъ", служили предметомъ горячихъ дебатовъ и порождали „вопросы и чаянія всякаго рода". Изъ писателей-художниковъ наибольшее вліяніе пріобрѣла Жоржъ Зандъ. „Изъ Франціи Сенъ-Симона, Кабэ, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ Зандъ", писалъ Салтыковъ-Щедринъ, „лилась въ насъ вѣра въ человѣчество; от-

туда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ“. Достоевскій на основаніи собственныхъ воспоминаній также утверждаетъ, что Ж. Зандъ „заняла у насъ сразу чуть не самое первое мѣсто въ ряду цѣлой плеяды новыхъ писателей, тогда вдругъ прославившихся и прогремѣвшихъ по всей Европѣ“. Оцѣнивая въ своихъ некрологическихъ замѣткахъ значеніе Ж. Зандъ, Достоевскій очень мѣтко называетъ ее „одной изъ самыхъ ясновидящихъ предчувственницъ болѣе счастливаго будущаго, ожидающаго человѣчество, въ достиженіе идеаловъ котораго она бодро и великодушно вѣрила всю жизнь, и именно потому, что сама, въ душѣ своей, способна была воздвигнуть идеалъ“.

Въ Петербургѣ, повидимому, существовало нѣсколько кружковъ, интересовавшихся французской соціалистической литературой.

Наибольшею извѣстностью пользовался кружокъ *петрашевцевъ*, названный такъ по имени Буташевича-Петрашевскаго, въ квартирѣ котораго по пятницамъ происходили собранія кружка (съ 1845 г.). Но „петрашевцы“ собирались также и у другихъ лицъ (у поручика Момбелли, у чиновника Кашкина, у литераторовъ С. Ѳ. Дурова и Пальма, у К. М. Дебу, у А. Н. Плещеева). Въ числѣ петрашевцевъ значились М. Е. Салтыковъ, Влад. Ал. Милютинъ, братья Достоевскіе, Вал. Н. Майковъ, А. [illegible] и длинный рядъ именъ педагоговъ, чиновниковъ, учащейся молодежи. По словамъ Липранди, въ [illegible] петрашевцевъ [illegible] гвардейскими офицерами и чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ находятся не окончившіе курсъ студенты, учителя, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ“. Были сторонники и въ провинціи: Тимковскій въ Ревелѣ, Кайдановъ въ Ростовѣ и др. Никакой строгой организаціи, а тѣмъ болѣе опредѣленнаго плана дѣйствій кружокъ петрашевцевъ не имѣлъ и, дѣйствительно, былъ только „заговоромъ идей“. На собраніяхъ дебатировались, главнымъ образомъ въ духѣ фурьеризма, различные общественно-политическіе и экономическіе вопросы, не получая однако единодушнаго рѣшенія. „Разрушить столицы, города и всѣ матеріалы ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты, стыда, срама превратить въ жизнь роскошную, стройную, жизнь веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить въ цвѣтахъ— вотъ цѣль наша“, говорилъ въ 1849 г. одинъ изъ петрашевцевъ на обѣдѣ въ день рожденія Фурье (7 апр.). Соціальный переворотъ перестроитъ всю жизнь человѣчества. Исчезнутъ всѣ тривіальные виды брака; исчезнетъ семья, эта форма угнетенія, „нарушенная гармонія страстей“ (Ханыковъ); позитивная мысль отвергнетъ всѣ религіозные предразсудки и познаетъ „истину въ природѣ“ (Кашкинъ). Съ разныхъ сторонъ подходили петрашевцы къ уясненію своихъ идеаловъ. Разумѣется, не могли они обойти и болѣе близкихъ вопросовъ русской жизни. Большинство изъ нихъ желало конституціи или рес-

публики, и Петрашевскій уже въ ссылкѣ, прощаясь въ Красноярскѣ съ М. Л. Михайловымъ, восклицалъ: „До свиданья—въ парламентѣ!“ Извѣстно также, что на вечерахъ Петрашевскаго горячо обсуждались вопросы объ уничтоженіи крѣпостного права, о свободѣ книгопечатанія и улучшенія суда. Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю ходило здѣсь по рукамъ.

Трубадуромъ петрашевцевъ, пѣвцомъ соціалистическаго идеализма былъ Алексѣй Николаевичъ *Плещеевъ*, уже въ 1846 г. выпустившій небольшую книжку своихъ стихотвореній.

Поэтъ клеймитъ „рабовъ грѣха, рабовъ постыдной суеты“ и бросаетъ въ сердца людей „зерно любви“, вѣря, что

Придетъ пора—и дастъ онъ роскошный плодъ.
И человѣку той поры не долго ждать,
Не долго будетъ онъ томиться и страдать.
Воскреснетъ къ жизни міръ... Смотри, ужъ правды лучъ
Пророческимъ пламенамъ сверкнетъ изъ-за тучъ!

Общечеловѣческая любовь, свобода, „священной истины законъ“—вотъ что вдохновляетъ юношескую лирику Плещеева. Бодро звучитъ голосъ поэта, когда онъ сзываетъ друзей идти „впередъ—безъ страха и сомнѣнія на подвигъ доблестный“, на встрѣчу „зарѣ святого искупленья“. Въ стихахъ Плещеева, полныхъ юношескаго упоенія грядущимъ счастьемъ человѣчества, многое, пожалуй, покажется намъ простой фразой, но для человѣка сороковыхъ годовъ, для того, кто „міръ считалъ своей отчизной и человѣчество семьей“, каждое слово пріобрѣтало особый, многозначительный смыслъ. Послѣ смерти Лермонтова, писалъ Вал. Майковъ, „г. Плещеевъ—безспорно первый нашъ поэтъ въ настоящее время“. „Онъ, какъ видно изъ его стихотвореній, взялся за дѣло поэта по призванію; онъ сильно сочувствуетъ вопросамъ своего времени, страдаетъ всѣми недугами вѣка, болѣзненно мучится несовершенствами общества и сгораетъ не тщетно жаждою споспѣшествовать его совершенствованію и торжеству на землѣ истины, любви и братства“.

Передъ взоромъ Плещеева и его восторженно настроенныхъ читателей какъ бы разстилался безбрежный океанъ, среди котораго въ голубой дали имъ чудился островъ блаженныхъ. Туда неслись затаенные помыслы нашихъ мечтателей. Но въ 1849 г. петрашевцы были арестованы и всѣ, въ томъ числѣ Петрашевскій-Буташевичъ, Плещеевъ, Достоевскій, понесли тяжелыя кары.

Идеи соціализма и неизмѣнно сопровождающія ихъ идеи позитивизма въ теченіе сороковыхъ годовъ захватываютъ все болѣе и болѣе широкіе круги общества. По свидѣтельству Герцена, университетская молодежь и даже царскосельскіе лицеисты въ срединѣ сороковыхъ годовъ отличались „совершенно реалистическимъ, т. е. положительно-научнымъ“ направленіемъ. Глубокимъ сочувствіемъ соціализму проникнуты экономическія работы Влад. Алексѣевича Милютина и статьи талантливаго критика Вал. Н. Майкова съ его теоріей „дольщины“, т. е. справедливаго распредѣленія долей между

хозяиномъ предпріятія и работниками. Далекій отъ увлеченія соціализмомъ, Н. И. Тургеневъ понималъ однако его симптоматическое значеніе, видя въ немъ „первые порывы совѣсти человѣческой къ дальнѣйшему усовершенствованію состоянія человѣка и обществъ человѣческихъ“ (въ письмѣ отъ 1843 г., гдѣ онъ опровергаетъ нападки кн. Вяземскаго). Къ принятію соціалистическихъ идеаловъ склонны были, наконецъ, столь умѣренные люди, какъ оріенталисты П. С. Савельевъ и В. В. Григорьевъ. Неудивительно послѣ этого, что къ концу сороковыхъ годовъ „Отечеств. Записки“ (1848, № 1) уже смѣло провозглашали наступленіе новой эры въ нашей умственной жизни, утверждая, что отнынѣ господство принадлежитъ естествознанію и наукамъ общественнымъ, главная задача которыхъ — [illegible] распространеніе [illegible] всѣмъ классамъ“.

Высшій синтезъ идейныхъ теченій, выразившихся въ западническомъ либерализмѣ, славянофильствѣ и соціализмѣ сороковыхъ годовъ, безспорно представляетъ намъ *А. И. Герценъ*. Въ его міросозерцаніи нетрудно указать нѣсколько основныхъ предпосылокъ, которымъ онъ никогда не измѣнялъ, которыя служили [illegible] другихъ идей и событій. Этотъ сталь[illegible] зерцанія составляютъ три начала: по[illegible]

[illegible] наго знанія могутъ быть только есте[illegible]

спасенія современному человѣку; безъ этой здоровой пищи, безъ этого строгаго воспитанія мысли фактами, безъ этой близости къ окружающей насъ жизни, безъ смиренія передъ ея независимостью, гдѣ-нибудь въ душѣ остается монашеская келья и въ ней мистическое зерно, которое можетъ разлиться темной водой по всему разумѣнію“. Мистика, идеализмъ, романтика — постоянные враги Герцена (если не считать сравнительно короткаго періода его вятской жизни). Опытъ, эмпирія должны служить опорой знанію.

Авторъ „Писемъ объ изученіи природы“ однако, подобно кн. В. Ѳ. Одоевскому, далекъ отъ того прямолинейнаго матеріализма, который исповѣдывалъ его двоюродный братъ Химикъ. По его мнѣнію, „опытъ и умозрѣніе — [illegible] ныя, дѣйствительныя степени одного и того же знанія; спекуляція — больше ничего, какъ высшая, развитая эмпирія... Правильно развиваясь, эмпирія непремѣнно должна перейти въ спекуляцію, и только то умозрѣніе не будетъ пустымъ идеализмомъ, которое основано на опытѣ“. Всякій дуализмъ долженъ быть изгнанъ изъ области теоретической мысли. Точно также необходимо возстановить монизмъ въ пониманіи природы и жизни человѣка. Сенъ-симонистъ и поклонникъ Фейербаха, Герценъ не могъ сохранить въ непри[illegible] воззрѣнія на плоть и духъ. Онъ радостно принялъ „великія слова“, которыя говорили объ единствѣ человѣческой природы, о томъ, что человѣкъ „су[illegible]

талловъ, удерживающихъ другъ друга“. На смѣну религіи смерти, бичеванія и поста шла религія жизни, красоты, „міръ здоровья“, „міръ естественно нравственный и потому нравственно чистый“. Отсюда вытекалъ для него новый взглядъ на принципы этики и на отношенія къ женщинѣ. Мужчина заключаетъ съ нею „союзъ, какъ съ равнымъ“, признавая за нею право на свободу чувства и на „общій трудъ“. Жизнь человѣка должна быть гармоніей между плотью и „духомъ“, сердцемъ и разумомъ; сердце нужно „обобщить разумомъ и въ свою очередь оживить имъ разумъ“. Жизнь человѣка, далѣе, нельзя мыслить внѣ общихъ законовъ природы. Мы вправѣ говорить о „физіологіи общественной жизни“, такъ какъ „развитіе природы незамѣтно переходитъ въ развитіе человѣчества; это двѣ главы одного романа, двѣ фазы одного процесса, очень далекія на закраинахъ и чрезвычайно близкія въ срединѣ“.

Послѣдовательный реалистъ, Герценъ одну за другой отвергаетъ всѣ „канонизированныя истины“ и „разстригаетъ ихъ изъ ангельскаго чина въ людской“, чтобы достигнуть интеллектуальной свободы, которая обезпечиваетъ внутреннюю свободу личности.

Свобода личности и полнота ея существованія—необходимое условіе человѣческаго бытія. Окружающая жизнь пропитана духомъ мелкаго, пошлаго мѣщанства съ его умѣренностью и аккуратностью. Сильная духовная личность рвется прочь изъ огромнаго стада мѣщанскихъ существъ, сжатыхъ подъ нивеллирующимъ прессомъ, какъ паюсная икра. Мѣщанство угнетаетъ все, что поднимается надъ общимъ уровнемъ и возводитъ въ добродѣтель принижeніе личности. „Лицо, истинная, дѣйствительная монада общества, было всегда пожертвовано какому-нибудь общему понятію, собирательному имени, какому-нибудь знамени“, идеѣ, обществу, народу, человѣчеству. И это было тяжкимъ грѣхомъ противъ человѣческой личности. Человѣкъ имѣетъ право на самоопредѣленіе, на развитіе. Эгоизмъ есть то же, что „индивидуализація, это сосредоточиваніе, обособленіе, къ которому стремится все сущее, какъ къ послѣдней цѣли“; эгоизмъ—„грунтъ всего человѣческаго“. Быть эгоистомъ значитъ быть самимъ собою,—быть свободнымъ человѣкомъ, а не рабомъ чего-то внѣшняго. Но эгоизмъ сознательно развитой личности можетъ принимать форму „высшей гуманности“, „любви къ наукѣ, къ искусству, къ ближнему, къ широкой жизни, къ неприкосновенности и т. п.“ Какъ разъ для прочности и полноты личнаго счастья необходимо „раскрыть свою душу всему человѣческому, страдать и наслаждаться страданіями и наслажденіями современности, работать столько же для рода, сколько для себя, словомъ, развить эгоистическое сердце во всѣхскорбящее“.

Значитъ, эгоизмъ и „общественность“ вовсе не враждебныя другъ другу начала; наоборотъ, это—„основныя стихіи жизни человѣческой, безъ которыхъ не было бы ни исторіи, ни развитія, а была бы или разсыпчатая жизнь дикихъ звѣрей, или стада ручныхъ троглодитовъ“. Нормальный порядокъ жизни предполагаетъ „гармонію между лицомъ и об-

шествомъ", гармонію между личными и общими интересами.

Всестороннее осуществленіе этого идеала станетъ возможно лишь тогда, когда на землѣ водворится социалистическій строй. Соціализмъ implicite заключаетъ въ себѣ индивидуализмъ. „Государство и отдѣльная личность, власть и свобода, коммунизмъ и эгоизмъ (въ обширномъ смыслѣ слова)—вотъ геркулесовы столбы великой борьбы, великой революціонной эпопеи". Въ разрѣшеніи этой антиноміи и состоитъ „вся мучительная задача нашего вѣка", „весь соціализмъ".

Таковы главныя предпосылки міросозерцанія Герцена.

До эмиграціи, до 1847 г., Герценъ былъ непосредственнымъ участникомъ русской общественной жизни, свидѣтелемъ все разгоравшагося спора славянофиловъ и западниковъ. Западники, безъ сомнѣнія, были ближе Герцену, чѣмъ славянофилы. Славянофильство казалось ему „явленіемъ отвлеченнымъ, книжнымъ, литературнымъ", а въ самой доктринѣ славя- [illegible] „новый елей, помазывающій царя, новую цѣпь, налагаемую на мысль, новое подчиненіе совѣсти раболѣпной византійской церкви". Это однако нисколько не помѣшало Герцену воспринять нѣкоторыя стороны ученія славянофиловъ, особенно ихъ взглядъ на общину и мессіанизмъ Россіи. Герценъ не хотѣлъ связывать себя какой-либо догмой; ратуя въ лагерѣ западниковъ, [illegible] онъ стоялъ выше тѣхъ и другихъ, и его задушевнымъ идеаломъ былъ [illegible]

французскій рабочій съ голоду рѣшился на воровство и потомъ изъ страха наказанія задумалъ покончить свою жизнь самоубійствомъ, Герценъ въ февралѣ 1843 г. заноситъ въ свой дневникъ грустныя думы о „всей гнусности современнаго общественнаго состоянія". Считая пока невозможнымъ давать „полный теоретическій отвѣтъ" на вопросъ о будущемъ строѣ, при которомъ были бы немыслимы случаи въ родѣ приведеннаго, Герценъ тѣмъ не менѣе ясно представляетъ себѣ его „общій смыслъ", всего болѣе, по его мнѣнію, раскрытый фурьеристами.

Первые годы пребыванія Герцена за границей, съ 1847 г. и до Крымской войны, были посвящены имъ напряженной работѣ надъ дальнѣйшимъ уясненіемъ себѣ соціалистическаго міросозерцанія и отмѣчены горячей вѣрой въ близкое торжество соціалистическихъ идеаловъ. Родоначальникъ русскаго народническаго соціализма вѣрилъ, что славянскимъ племенамъ, и особенно Россіи, предстоитъ самая активная роль въ дѣлѣ установленія соціалистическаго строя. Этотъ вожделѣнный моментъ Герценъ пріурочивалъ къ Севастопольской войнѣ. Когда ходъ историческихъ событій не оправдалъ его надеждъ, онъ, нисколько не отказываясь отъ своихъ идеаловъ, вступаетъ на путь „реальной политики" и въ центрѣ своихъ ближайшихъ требованій ставитъ освобожденіе крестьянъ.

Если теперь мы окинемъ общимъ взглядомъ охарактеризованныя нами теченія независимой общественной мысли, направлявшейся не по казенному тракту офиціальной народ-

ности,—то увидимъ, что ихъ *соціальныя* программы въ существенныхъ пунктахъ представляютъ несомнѣнное сходство. Славянофилы, западники, ранніе наши соціалисты (петрашевцы, Герценъ и др.), всѣ они, когда имъ приходилось отвѣчать на *конкретные* запросы русской дѣйствительности, единодушно признавали неотложность раскрѣпощенія народа, водворенія законности и свободы слова. Можно сказать, что къ концу николаевскаго царствованія передовая русская интеллигенція уже владѣла опредѣленной программой общественныхъ реформъ, главнымъ пунктомъ которой было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Изслѣдованія историковъ, юристовъ, историковъ литературы, раскрывая разныя стороны народной жизни, тѣмъ самымъ давали твердую опору народолюбію и научное обоснованіе взглядамъ людей сороковыхъ годовъ. Благо народа было тѣмъ доминирующимъ интересомъ, передъ которымъ стушевывались политическія требованія, когда-то стоявшія у декабристовъ на первомъ планѣ. Программа интеллигенціи какъ бы сузилась. Это обстоятельство не только находитъ себѣ оправданіе въ историческихъ условіяхъ Николаевской эпохи, но и представляетъ извѣстное достоинство: очевидно, ближайшимъ образомъ нужно было развязать руки главному агенту исторіи—народу и уничтожить тотъ соціально-экономическій фундаментъ, который обезпечивалъ господство за дворянскимъ классомъ и поддерживалъ незыблемость абсолютизма. Романтическій идеализмъ явно уступаетъ мѣсто позитивизму и соціальному реализму. „Дѣйствительность", понятая въ широкомъ, конкретно соціальномъ смыслѣ, становится уже лозунгомъ русской прогрессивной мысли сороковыхъ годовъ.

5.

Соціальные мотивы въ художественной литературѣ сороковыхъ годовъ.

Представляя художественное переживаніе важнѣйшихъ явленій русской жизни, наша литература сороковыхъ годовъ въ своемъ главномъ руслѣ, естественно, должна была стать *реальной* и *соціальной*.

Были, разумѣется, и служители „чистаго искусства" и среди нихъ такіе даровитые поэты, какъ Фетъ („Лирическій Пантеонъ" 1840 г., „Стихотворенія" 1850 г.), Майковъ („Стихотворенія" 1841 г.), Полонскій („Гаммы" 1844 г.), Ө. И. Тютчевъ, который, впрочемъ, печатался весьма рѣдко. Бѣлинскій и другіе критики сочувственно отмѣтили нарожденіе новыхъ поэтическихъ талантовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣленно подчеркивали и ихъ основной недостатокъ съ точки зрѣнія интересовъ эпохи. „Для успѣха въ поэзіи", писалъ Бѣлинскій, „теперь мало одного таланта—нужно еще и развитіе въ духѣ времени. Поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ; онъ уже гражданинъ царства современной ему дѣйствительности".

Важнѣйшіе представители литературы сороковыхъ годовъ, каждый въ мѣру своего таланта и обществен-

наго развитія, и являются такими гражданами царства современной имъ дѣйствительности.

Художественный реализмъ Пушкина получилъ себѣ дальнѣйшее развитіе въ „натуральной школѣ" *Гоголя*. Въ его „Мертвыхъ душахъ", первый томъ которыхъ вышелъ въ 1842 г., а второй законченъ авторомъ въ 1845 г., (хотя появился въ печати лишь въ 1855 г., и при томъ въ неполномъ видѣ), развернулось во всей своей непосредственной геніальности художественное дарованіе великаго бытописателя. Мы затруднились бы назвать Гоголя писателемъ-гражданиномъ, т. е. писателемъ, у котораго общественныя идеи входятъ существеннымъ ингредіентомъ въ художественное творчество. Не примыкая формально ни къ какой общественной фракціи, Гоголь, какъ мыслитель и гражданинъ, стоялъ на уровнѣ офиціальной идеологіи. Но его настроеніе и творчество были шире и глубже этихъ рамокъ. Не будучи сознательно-идейнымъ отрицателемъ николаевской Руси, Гоголь, по глубоко вѣрному замѣчанію проф. Овсянико-Куликовскаго, „*по своему*— живо и болѣзненно — чувствовалъ тяготу существованія при данныхъ порядкахъ, отношеніяхъ, нравахъ, и, можно сказать даже, ему, по особенностямъ его душевной организаціи, было *тошнѣе* жить среди господствовавшей умственной тьмы и нрав[illegible] многимъ, въ томъ числѣ и кое-кому изъ тѣхъ, которые принадлежали къ [illegible] „Мертвыя души" явились величайшей сатирой на дореформенную русскую жизнь, достигшую предѣловъ пошлости, мизерности, экономическаго и духовнаго обнищанія. Даже II томъ „Мертвыхъ душъ" поддерживаетъ это впечатлѣніе. Несмотря на предвзятость замысла, художникъ здѣсь еще разъ показалъ разложеніе помѣщичьей жизни, далъ богатый по внутреннему содержанію образъ Тентетникова, близкаго сородича Обломова, какъ бы мимоходомъ раскрылъ несостоятельность бюрократической системы, заставивъ добродѣтельнаго генералъ-губернатора произносить горячія ламентаціи по адресу чиновниковъ, этой организованной шайки взяточниковъ, и прибѣгать къ содѣйствію лица изъ „общества", не менѣе добродѣтельнаго откупщика Муразова, и, наконецъ, далъ воплощеніе идеѣ полезнаго труда въ лицѣ помѣщика Констанжогло, общественная психологія котораго позволяетъ предчувствовать наступленіе новыхъ порядковъ жизни. Безъ всякихъ комментаріевъ чуткій читатель видѣлъ, какой колоссальный вопросъ ставятъ „Мертвыя души" общественному сознанію. Подъ впечатлѣніемъ „глубоко выстраданной поэмы", Герценъ готовъ былъ рыдать отъ „какой-то безвыходной грусти". „Дологъ сонъ, тяжелъ. За что мы такъ рано проснулись—спать бы себѣ, какъ все около",.. заносилъ онъ въ свой дневникъ (10 апр. 1843 г.) мысли, навѣянныя Гоголемъ. Современники такъ высоко ставили соціальный элементъ въ произведеніяхъ Гоголя, что его имя на нѣкоторое время затмило имя самого Пушкина.

Бѣлинскій своимъ авторитетомъ перваго критика эпохи санкціони-

руетъ направленіе, которое принялъ Гоголь-сатирикъ. Критическія сужденія Бѣлинскаго до сороковыхъ годовъ отражаютъ на себѣ вліяніе усвоенныхъ имъ философскихъ идей, особенно гегельянства, но и тогда уже непосредственное чувство предохраняло его отъ рабскаго подчиненія теоріи и подсказывало ему смѣлые и самостоятельные взгляды. Уже въ статьѣ 1835 г. „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя" критикъ развиваетъ мысль, что „истинная, настоящая поэзія нашего времени" есть „поэзія реальная, поэзія жизни, поэзія дѣйствительности", и не задумывается называть Гоголя „главой литературы, главой поэтовъ", занявшимъ „мѣсто, оставленное Пушкинымъ". Естественно, что Бѣлинскій беретъ подъ свою защиту народившуюся *„натуральную школу"*, и его „Взглядъ на русскую литературу 1847 г.", посвященный этому вопросу, принадлежитъ къ наиболѣе вдохновеннымъ страницамъ знаменитаго критика.

„Натуральная школа", констатируетъ Бѣлинскій, „стоитъ теперь на первомъ планѣ русской литературы. Съ одной стороны, нисколько не преувеличивая дѣла по какимъ-нибудь пристрастнымъ увлеченіямъ, мы можемъ сказать, что публика, т. е. большинство читателей, за нее: это—фактъ, а не предположеніе". Новая литературная школа, естественно, была встрѣчена разнообразными нападками со стороны поклонниковъ прежнихъ направленій, и Бѣлинскій обстоятельно, шагъ за шагомъ, опровергаетъ аргументацію своихъ противниковъ. Тамъ, гдѣ послѣдніе видятъ одни недостатки, онъ находитъ достоинства натуральной школы. Обличая общественную неправду, изображая жизнь мужиковъ и маленькихъ людей, натуральная школа, разсуждаетъ Бѣлинскій, становится важной соціальной силой; ея демократизмъ какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ духу гуманности новаго времени, когда „вездѣ заняты всѣ участью низшихъ классовъ". „Могло ли не отразиться въ литературѣ это новое общественное движеніе,—въ литературѣ, которая всегда бываетъ выраженіемъ общества!" „Въ наше время искусство и литература больше, чѣмъ когда-либо прежде, сдѣлались выраженіемъ общественныхъ вопросовъ, потому что въ наше время эти вопросы стали общѣе, доступнѣе всѣмъ, яснѣе, сдѣлались для всѣхъ интересомъ первой степени, стали во главѣ всѣхъ другихъ вопросовъ". Иные нападаютъ на натурализмъ „съ эстетической точки зрѣнія, во имя чистаго искусства, которое само себѣ цѣль и внѣ себя не признаетъ никакихъ цѣлей." Бѣлинскій видитъ здѣсь огромное недоразумѣніе и „предубѣжденіе". „Вполнѣ признавая", пишетъ онъ, „что искусство прежде всего должно быть искусствомъ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что мысль о какомъ-то чистомъ отрѣшенномъ искусствѣ, живущемъ въ своей собственной сферѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ другими сторонами жизни, есть мысль отвлеченная, мечтательная. Такого искусства никогда и нигдѣ не бывало". „Личность поэта не есть что-нибудь безусловное, особо стоящее, внѣ всякихъ вліяній извнѣ. Поэтъ прежде всего—человѣкъ, по-

[illegible] гражданинъ своей земли, сынъ своего времени. Духъ народа и времени на него не могутъ дѣйствовать менѣе, чѣмъ на другихъ". Слѣдовательно, соціальныя задачи, которыя ставитъ себѣ натуральная школа, вполнѣ совмѣстимы съ требованіями искусства. Для этого писателю нужно только „быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленьями".

Реализмъ художественной литературы удовлетворяетъ важной исторической потребности и гармонируетъ съ развитіемъ реалистическихъ началъ въ другихъ сферахъ жизни: всюду мы видимъ „то же стремленіе къ дѣйствительности, реальности, истинѣ, то же отвращеніе отъ фантазій и призраковъ. Въ наукѣ отвлеченныя теоріи, апріорныя построенія, довѣріе къ системамъ со дня на день теряютъ свой кредитъ и уступаютъ мѣсто направленію практическому, основанному на знаніи фактовъ". Это въ высшей степени мѣткое наблюденіе Бѣлинскаго утверждаетъ его въ убѣжденіи, что русская литература „нашла уже свою настоящую дорогу". Сдѣлавшись самобытной и „современной", она „съ этого пути, кажется, уже не сойдетъ"; „она будетъ итти впередъ, измѣняться, но только никогда уже не перестанетъ быть вѣрной дѣйствительности и натурѣ".

Такъ пророчествовалъ Бѣлинскій. И онъ уже имѣлъ счастье привѣтствовать цѣлую плеяду писателей, которые пошли по слѣдамъ Пушкина и Гоголя. „Не только новые молодые таланты", говоритъ онъ, „бросились на указанный Гоголемъ путь, но и нѣкоторые писатели, уже пріобрѣтшіе извѣстность, пошли по этому же пути, оставивши свой прежній". Герценъ (Искандеръ), Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ—вотъ славныя имена писателей, которые получили напутственное благословеніе отъ самого Бѣлинскаго, воспринявшаго ихъ отъ литературной купели. Такъ называемые „писатели сороковыхъ годовъ" и сами не разъ подчеркивали свою связь съ пушкино-гоголевскимъ направленіемъ. „Отъ Пушкина и Гоголя", говоритъ, напр., Гончаровъ, „въ русской литературѣ теперь еще покуда никуда не уйдешь. Школа пушкино-гоголевская продолжается досёлѣ, и всѣ мы, беллетристы, только разрабатываемъ завѣщанный ими матеріалъ".

Художественно реальная по пріемамъ творчества и соціальная по содержанію наша литература сороковыхъ годовъ неизбѣжно должна была развиваться въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ общественными теченіями и по отношенію къ соціальнымъ мотивамъ, естественно, дѣлится на двѣ главныя вѣтви: на славянофильскую и западническую.

Извѣстно, что *славянофилы* не въ меньшей степени, чѣмъ западники, преклонялись предъ Гоголемъ. К. Аксаковъ въ порывѣ неудержимаго восторга сравнивалъ „Мертвыя души" даже съ поэмами Гомера и произведеніями Шекспира, что и вызвало любопытную отповѣдь со стороны Бѣлинскаго. Черезъ пятнадцать лѣтъ въ статьѣ „Обозрѣніе современной литературы" („Русская Бесѣда" за 1857 г.) К. Аксаковъ попрежнему

причисляетъ Гоголя къ величайшимъ писателямъ русскимъ", скорбитъ, что онъ „не договорилъ своего слова, которое рвалось уже въ новую область". Слѣдовательно, будущее русской литературы представлялось славянофильскому критику развитіемъ того слова, которое не успѣлъ договорить авторъ второго тома „Мертвыхъ душъ" и „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями". Вліянію Гоголя справедливо приписываютъ то, что Сергѣй Тим. Аксаковъ уже въ весьма почтенныхъ годахъ рѣшается выступать на поприще писателя (наброски его „Семейной хроники" относятся еще къ сороковымъ годамъ).

Зная идеологію славянофиловъ, заранѣе можно сказать, что въ основныхъ принципахъ критики они не разойдутся съ Бѣлинскимъ сороковыхъ годовъ и что отъ литературы они также прежде всего потребуютъ самобытности и гражданскаго служенія. Искусство не можетъ не быть народнымъ. „Художникъ", разсуждаетъ Хомяковъ, „не творитъ собственною своею силою;—духовная сила народа творитъ въ художникѣ. Поэтому, очевидно, всякое художество должно быть и не можетъ не быть народнымъ". Мы вправѣ надѣяться на возникновеніе „русской художественной школы". Такимъ образомъ художникъ и въ частности писатель неизбѣжно являются органомъ и слугою народа. Но бываютъ моменты, когда служебная роль искусства становится особенно необходимой. „Въ наше время", писалъ К. Аксаковъ въ 1857 г., „поэтическое произведеніе, хотя написанное съ талантомъ (ибо таланты всегда возможны) можетъ быть только средствомъ, однимъ изъ способовъ для изображенія той или другой мысли. Извѣстенъ анекдотъ объ математикѣ, который, выслушавъ изящное произведеніе, спросилъ: что этимъ доказывается? Какъ ни страненъ этотъ вопросъ въ приведенномъ случаѣ, но есть эпохи въ жизни народной, когда при всякомъ, даже поэтическомъ, произведеніи является вопросъ: что этимъ доказывается? Таковы эпохи исканій, изслѣдованій, трудовыя эпохи постиженія и рѣшенія общихъ вопросовъ. Такова наша эпоха". Точно такъ же и Хомяковъ (въ рѣчи 1859 г., произнесенной въ Обществѣ любителей россійской словесности), не отрицая за литературой ея правъ, какъ „служительницы вѣчной красоты", не отрицая „свободы художества", полагалъ, что художникъ — „всегда человѣкъ своего времени, обыкновенно лучшій его представитель, весь проникнутый его духомъ и его опредѣлившимися или зарождающимися стремленіями", а потому не можетъ не вносить въ свое творчество элементовъ „временнаго и случайнаго". Гражданская поэзія, „словесность обличительная" имѣетъ свой неотъемлемый raison d'être: „Есть безконечная красота въ невозмутимой правдѣ и гармоніи души, но есть истинная, высокая красота и въ покаяніи, возстановляющемъ правду и стремящемъ человѣка или общество къ нравственному совершенству".

Слѣдовательно, эстетика славянофиловъ не имѣетъ въ себѣ ничего специфическаго.

Въ славянофильскомъ лагерѣ не было первоклассныхъ художественныхъ талантовъ (ни Островскаго, ни Тютчева нельзя всецѣло относить

[illegible]ъ славянофиламъ, а послѣдній, кромѣ того, въ теченіе собственно сороковыхъ годовъ совсѣмъ не появлялся въ печати), но зато было немало писателей съ поэтическими наклонностями. Такіе выдающіеся теоретики славянофильства, какъ К. Аксаковъ и Хомяковъ, охотно пользовались художественными формами литературы. Къ нимъ нужно присоединить даровитаго, даже въ качествѣ поэта, Ив. С. Аксакова и отчасти Языкова.

Славянофильскіе поэты обыкновенно писали ad hoc, для защиты того или другого тезиса своей программы. Эта была не только гра[illegible], но и прямо *партійная поэзія*. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи составлялъ одинъ только И. С. Аксаковъ.

Въ третьей главѣ мы уже приводили характерные образчики публицистической лирики славянофиловъ. Особое мѣсто занимаютъ полемическія стихотворенія Языкова, въ которыхъ онъ разразился настоящей бранью по адресу „не нашихъ“.

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить насъ
И онѣмечить Русь, внемлите
Простосердечный мой возгласъ:
. . . .
Вы, [illegible] и дерзкій,
[illegible]
[illegible]
[illegible]
. . . .
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Расходившійся поэтъ не только громилъ всѣхъ западниковъ: отъ него достается и К. Аксакову за то, что онъ дружелюбно подаетъ руку

Тому, кто [illegible] науку
И торжествующую ложь
[illegible]
Превыше истины святой,
Тому, кто нашу Русь злословитъ
И ненавидитъ всей душой,
И кто нѣмечинѣ лукавой
Передался.

Рѣзкій, безтактный тонъ Языкова смутилъ и тѣхъ, кого онъ защищалъ.

Мотивы славянофильской лирики съ удивительнымъ однообразіемъ повторяются и въ другихъ жанрахъ ихъ „поэтическаго“ творчества.

Хомяковъ въ трагедіяхъ „Ермакъ“ и „Дмитрій Самозванецъ“, К. Аксаковъ въ драмѣ „Освобожденіе Москвы въ 1612 году“ стремятся возвеличить московскую Русь и подчеркнуть высокое значеніе „земли“ въ нашемъ историческомъ прошломъ. Прокофій Ляпуновъ въ драмѣ Аксакова призываетъ всѣхъ къ духовному единенію, призываетъ вспомнить „непремѣнное и вѣчное“, именно „то, что всѣ мы, сколько насъ ни есть, всѣ братья, православные христіане и русскіе люди“. Богъ караетъ за гордость и раздоръ: „Презрѣлъ Василій Ивановичъ земской совѣтъ, Богъ и покаралъ его. Презрѣли и вы, бояре, братство и землю; эй, не забывайте земли русской и народа. Больше правды въ простомъ народѣ... Такъ народа-то вы, бояре, не презирайте и надъ народомъ не высьтесь; вѣдь этимъ вы и сами себя осуждаете и отъ братства себя отрываете. Не разрывайте земскаго союза, не забывайте народа — тогда и вамъ будетъ хорошо и вы родной землѣ нашей полезны будете, — а безъ того нѣтъ“.

Идеалы общенароднаго братства, [illegible], по мнѣнію славяно-

филовъ, сознаны и уже осуществлялись въ древней Руси.

Въ новой, петербургской Россіи царитъ чиновникъ и правительственный деспотизмъ. И. С. Аксаковъ мѣтко охарактеризовалъ бюрократическую атмосферу въ своихъ произведеніяхъ „Жизнь чиновника“ (1842 г.) и „Утро въ уголовной палатѣ“. Когда-то воодушевленный добрыми намѣреніями, его чиновникъ въ концѣ своей карьеры долженъ былъ признать, что отъ его „усердной, долгой жизни“ не осталось

> Ни пользы никому, ни блага для отчизны,
> Ни свѣтлой памяти, ни яснаго слѣда.

Не только бюрократъ оказывается несостоятельнымъ. Несостоятеленъ и интеллигентъ, обычно идеалистъ и лишній человѣкъ, человѣкъ съ утонченными понятіями, вѣчно скорбный, неудовлетворенный и безполезный для народа. И. Аксаковъ не иначе, какъ съ ироніей, говорилъ о страданіяхъ „лишнихъ людей“.

> Смотри! толпа людей нахмурившись стоитъ:
> Какой печальный взоръ! Какой здоровый видъ!
> Какимъ страданіемъ томился неизвѣстнымъ,
> Съ душой мечтательной и тѣломъ полновѣснымъ,
> Они рѣчь умную, но праздную ведутъ;
> О жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ,
> И тратятъ свой досугъ лѣниво и безплодно,
> Всему сочувствовать умѣя благородно!
> Ужели племя ихъ добра не принесетъ?
> Досада тайная подъ часъ меня беретъ,
> И хочется мнѣ имъ, въ замѣнъ досужей скуки,
> Дать заступъ и соху, топоръ желѣзный въ руки,
> И толки прекратя объ участи людской,
> Работниковъ изъ нихъ составить полкъ лихой!...

И. Аксаковъ не разъ возвращается къ этой темѣ, разоблачая ничтожество интеллигенціи, которая носится съ своей „заемной мечтой“, лелѣетъ свою маленькую скорбь, тѣшитъ себя благородными словами и презираетъ „работы черной трудъ упорный“. Всѣми этими недостатками блещутъ, конечно, западники, не имѣющіе корней въ родной почвѣ, оторвавшіеся отъ народа. Славянофилы пытаются даже нарисовать цѣльный типъ западника, разумѣется, отрицательный. Въ своей „Licentia poetica“ подъ заглавіемъ „Зимняя дорога“ (1845 г.) И. Аксаковъ выводитъ рядомъ славянофила Архипова и западника Ящерина. Первый радуется, что „въ природѣ русской и простой“ можетъ найти „прибѣжище отъ искусственной, условной жизни нашей“; его томитъ непрестанная дума о народѣ; онъ убѣжденъ, что

> Народъ, въ развитіи своемъ,
> Пойдетъ, повѣрь, инымъ путемъ,
> Самостоятельнымъ и русскимъ,

онъ усердно молитъ Бога,

> Чтобъ самобытное начало
> Своихъ разсѣяло враговъ,
> И иго нравственныхъ оковъ
> Съ себя презрѣнное сорвало.

Ящеринъ, наоборотъ, не сознаетъ „узъ своихъ къ народу“: съ барской брезгливостью относится онъ ко всему, начиная съ ухабовъ русской дороги и кончая мужикомъ и его грязной избой. Въ свое оправданіе Ящеринъ говоритъ спутнику—славянофилу:

> Я далѣе тебя несусь своей душою,
> Скажу тебѣ здѣсь кстати вновь,
> Я не съ одной хочу сочувствовать страною,
> Во мнѣ пространнѣе любовь!

Природой русскою и русскимъ человѣкомъ
Нельзя, повѣрь, довольнымъ быть
Тому, кто вслѣдъ идетъ за просвѣщеннымъ вѣкомъ!

Въ качествѣ западника, Ящеринъ не раздѣляетъ надеждъ Архипова. Указывая на богатые плоды европейской культуры и на бѣдность русской жизни, онъ думаетъ, что западные народы

. . . рѣшать задачу намъ
Вопросовъ жизни и стремленья.

А славянофильскія мечты Архипова кажутся ему „одной потѣхою гремучей“. Онъ—скептикъ по отношенію къ русскому народу.

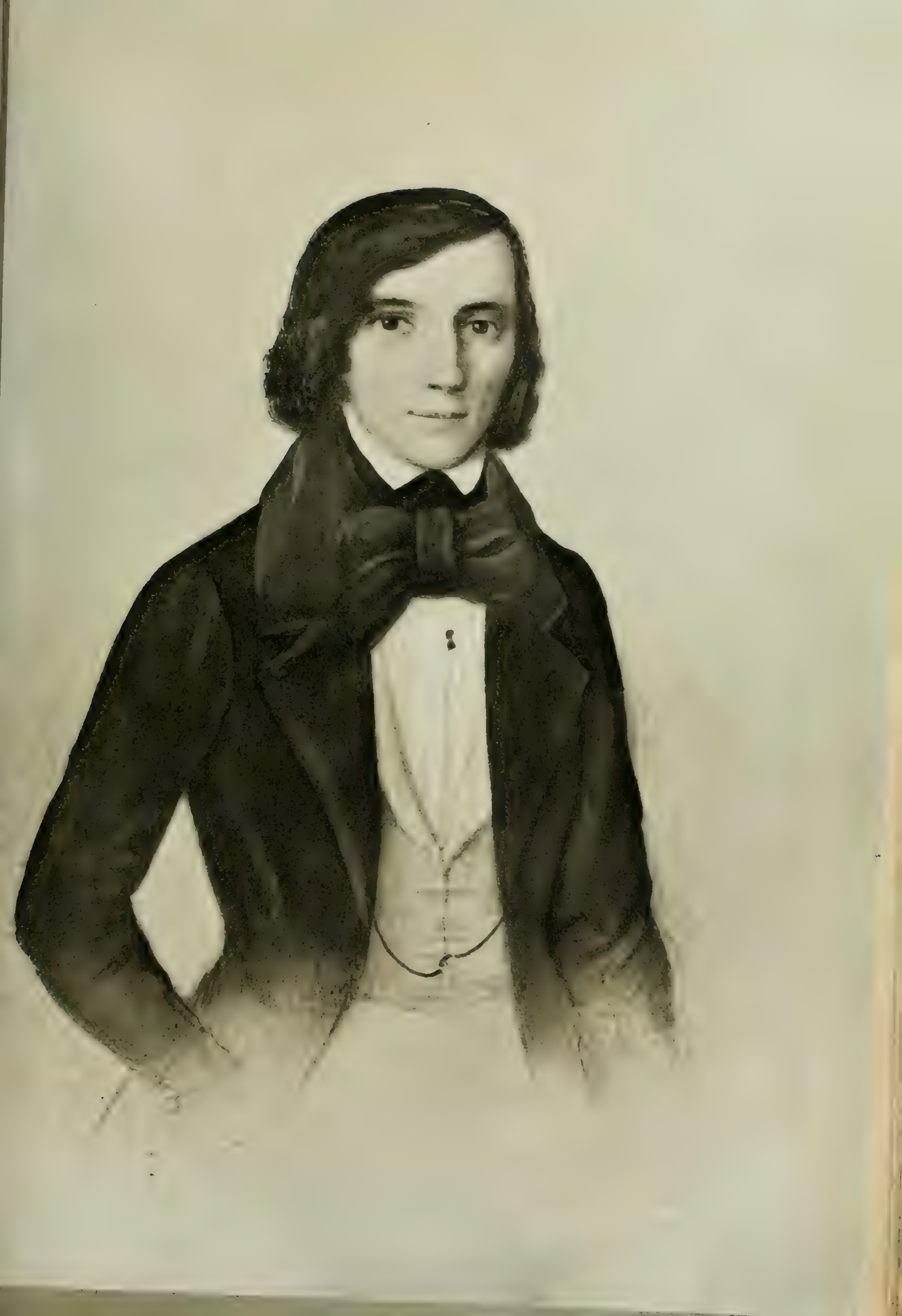
Гдѣ жъ сокровища могучей
Народа русскаго души?
. . . .
Гдѣ, въ чемъ лежитъ его начало?
Что намъ порукой за него?

Архиповъ отказывается отвѣчать на его вопросъ по мотивамъ чрезвычайно характернымъ:

Кто имѣетъ слухъ—да слышитъ,
Кто имѣетъ очи—зритъ,
Въ комъ живое чувство дышетъ,—
Въ томъ оно заговоритъ.
Я не дамъ тебѣ отвѣта,
Выраженъ не будетъ онъ
Блескомъ внутренняго свѣта,
Жаромъ тайнаго огня,
Вѣчной истиной согрѣта
Жизнь народа для меня!

Если западнику вздумается „цивилизовать“ народъ, то изъ его попытокъ выйдетъ нѣчто весьма комическое. Въ такомъ именно положеніи очутился князь Луповицкій, герой комедіи К. Аксакова того же названія (написанной въ 1851 г., но напечатанной въ 1856 г.). Прибывъ въ свою деревню изъ Парижа, князь произноситъ передъ крестьянами глупую рѣчь, въ которой обѣщаетъ „разсѣять“ среди нихъ „сѣмена умственныя“, передать имъ „нравственныя сокровища, добытыя отъ Запада Европы“. Но ему не удается провести въ жизнь ни одной своей реформы: народный бытъ прочно держится на своихъ устояхъ; въ немъ все слажено, все имѣетъ свой внутренній смыслъ. Старостѣ Антону не стоило большого труда доказать абсурдность барскихъ затѣй, нелѣпыхъ въ сравненіи съ вѣковой народной правдой. Пораженный однимъ мудрымъ рѣшеніемъ мірской сходки, князь окончательно пасуетъ и въ заключеніе признаетъ нравственное превосходство мужицкой общины: „il est imposant ce міръ... Міръ познакомилъ меня съ собой своимъ возвышеннымъ, истинно благороднымъ поступкомъ. Я уѣду отсюда съ большимъ почтеніемъ къ народу. Je vous estime, monsieur le peuple“. Такъ деревня осрамила и исправила западника.

Крестьянская жизнь въ изображеніи славянофиловъ, дѣйствительно, является какой-то imposant. Разумѣется, они не могли не знать о реальныхъ нуждахъ деревни. Читателю нетрудно заключить о томъ, какъ жилось крестьянамъ графа Долинскаго, пріятеля кн. Луповицкаго, если помѣщикъ, жуирующій за границей, полагаетъ, что мужики существуютъ на свѣтѣ для того, „чтобы намъ давать средства на всѣ цивилизованныя удовольствія“. И. Аксаковъ въ „Зимней дорогѣ“ дорисовываетъ картину подобныхъ отношеній помѣщика къ крестьянамъ. Господа живутъ „въ Питерѣ или въ чужихъ сторонахъ“; денегъ имъ „Богъ вѣсть что посылаютъ“. Имѣ.



т. е. союза съ Англіей. Государственный канцлеръ гр. Александръ Воронцовъ въ Петербургѣ, его братъ Семенъ Воронцовъ въ Лондонѣ, гр. Морковъ въ Парижѣ защищали англійскіе интересы съ неустанной энергіей и съ искусствомъ, далеко превышавшимъ искусство британской дипломатіи. Ихъ усиліями для принятія французскаго предложенія о посредничествѣ были выработаны такія условія, на которыя Франція никакъ не могла пойти; англичане соглашались говорить о чемъ угодно, только не о Мальтѣ. Наполеонъ отказался отъ третейскаго суда русскаго императора — и отправился въ Булонь подготовлять свою знаменитую экспедицію противъ Англіи. Настроеніе французскаго общества было таково, что, къ великому удовольствію русскихъ дипломатовъ, о мирѣ не могло быть и рѣчи. Къ ихъ не меньшему удовольствію, самолюбіе Александра было сильно задѣто неудачей его посредничества, и коалиція противъ Франціи съ этого времени все болѣе и болѣе становится его любимой мечтой.

Въ то же время гр. Морковъ, парижскій посолъ Россіи, старался найти и другую слабую струну Александра, струну, которая пока звучала слабо, но на которой впослѣдствіи Меттерниху удавалось достигать поразительнаго эффекта. При всемъ своемъ либерализмѣ и даже республиканизмѣ, Александръ былъ достаточно государемъ стараго порядка, чтобы не питать никакого сочувствія къ якобинской эпохѣ французской исторіи. „Съ прискорбіемъ, но и съ правдивостью я долженъ сказать вашему императорскому величеству“, доносилъ Морковъ, „что всѣ бумаги и всѣ поступки (французскаго правительства) отдаютъ навсегда ненавистными временами Робеспьера и Директоріи и стремятся пробудить повсюду идеи мятежа и переворота, отъ которыхъ — какъ льстили себя нѣкоторое время мыслью —это правительство будто бы совершенно отказалось“. Подъ маской борьбы съ „идеями мятежа и переворота“ контръ-революція во Франціи все болѣе и болѣе становится одной изъ главнѣйшихъ задачъ коалиціи — и намъ придется встрѣчаться съ нею на каждомъ шагу. Въ 1804 году уже достаточно опредѣленно обрисовывался впереди 1814-й.

Матеріальная сторона дѣла могла считаться обезпеченной, разъ въ немъ участвовала Англія. Уже при самомъ началѣ ея конфликта съ Наполеономъ англійскому послу въ Петербургѣ было поручено заявить, что если бы Пруссія и Австрія соединились противъ Франціи, то „его британское в-ство готовъ бы былъ подписать съ Россіей договоръ о взаимной помощи, *размѣры которой зависѣли бы отъ числа употребленныхъ силъ и оказанныхъ услугъ*“. Нельзя было деликатнѣе—и въ то же время прозрачнѣе — предложить наемъ русскихъ штыковъ на англійскую службу. Но такъ какъ щекотливое самолюбіе русскаго императора могло быть задѣто даже такимъ предложеніемъ, то англійское правительство спѣшило скрасить грубую сдѣлку найма въ высокой степени лестной для Александра перспективой—стать Агамемнономъ Европы, — и заранѣе соглашалось на то, чтобы союзъ континентальныхъ державъ „противъ

видовъ и замысловъ Франціи“ былъ поставленъ „подъ вліяніе его императорскаго величества“.

Но Агамемнономъ Европы легче было сдѣлаться подъ перомъ англійскихъ дипломатовъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Мы видѣли, что даже феодальную Австрію, которой, во всякомъ случаѣ, контръ-революціонные планы были вполнѣ понятны и симпатичны,—даже ее удалось втянуть въ коалицію не безъ труда. Еще болѣе труда пришлось истратить съ Пруссіей, которая въ своихъ дѣйствіяхъ гораздо больше руководилась соображеніями „реальной политики“, чѣмъ феодальными вожделѣніями. При всей личной дружбѣ Фридриха-Вильгельма и Александра, никто больше не испортилъ крови русскому императору въ 1804—5 гг., какъ именно Пруссія. Ей отнюдь не казалась ужасной перспектива разгрома Австріи Наполеономъ; конкуренція Австріи и Пруссіи въ Германіи была такимъ же эмпирическимъ закономъ дипломатической исторіи XVIII вѣка, какъ конкуренція Франціи и Англіи въ Европѣ вообще. При этомъ въ своемъ близорукомъ оппортунизмѣ Пруссія не замѣчала, что пораженіе Австріи приведетъ къ переходу Германіи подъ вліяніе Франціи, гораздо болѣе страшное. Когда послѣ Аустерлица прусское правительство поняло это,—оно было очень смущено: но чтобы оно могло это понять, нуженъ былъ именно Аустерлицъ со всѣми его послѣдствіями. Раньше Александру приходилось прибѣгать къ мѣрамъ, совершенно героическимъ, чтобы вывести Пруссію изъ ея нейтралитета. Дѣло доходило до прямыхъ угрозъ—начать войну въ случаѣ не присоединенія Пруссіи къ союзу. Особая армія была двинута на прусскія границы—и была заготовлена особая декларація, долженствовавшая объяснить нѣсколько удивленному міру, изъ-за чего русскія войска напали на владѣнія „друга“ русскаго императора. „Его величество твердо рѣшился начать войну противъ Пруссіи,“ писалъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Чарторыйскій русскому послу при вѣнскомъ дворѣ (въ сентябрѣ 1805 года). Но на Пруссію не могли подѣйствовать въ то время никакія угрозы. Александръ долженъ былъ убѣдиться, что энергическія мѣропріятія въ этомъ направленіи могли бы привести лишь къ одному: къ союзу Пруссіи... съ Франціей. Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ Гарденбергъ откровенно говорилъ русскому посланнику: „Не заставьте насъ увеличить армію Наполеона на 200.000 человѣкъ“. Въ концѣ концовъ коалиціонному рвенію русскаго императора пришлось пойти на уступки. Отъ участія прусскихъ войскъ въ первой войнѣ своей противъ Франціи Александръ долженъ былъ отказаться. Путемъ личнаго свиданія съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ ему удалось лишь добиться для русскихъ войскъ пропуска черезъ прусскую территорію; но и то лишь послѣ того, какъ французы первые нарушили нейтралитетъ прусскаго короля, проведя свои войска черезъ Анспахъ и Байрейтъ.

Уже этотъ первый опытъ свидѣтельствовалъ съ достаточной убѣдительностью, насколько оптимистичны были расчеты петербургскаго правительства—и насколько правы были тѣ, кто, подобно Австріи, приступалъ

къ коалиціи съ большой неохотой и осторожностью. Въ военныхъ планахъ Александра 200.000 пруссаковъ съ самаго начала были зачислены въ активъ на сторонѣ союзниковъ: отсутствіе ихъ уменьшало предполагаемыя силы коалиціи ровно на треть (400.000 вмѣсто 600.000 ч.) и совершенно лишало смысла тѣ операціи на сѣверѣ Германіи — на нижней Эльбѣ и нижнемъ Везерѣ, — которыя должны были раздробить силы Наполеона, помѣшать сосредоточенію его корпусовъ на Рейнѣ и Дунаѣ и обезпечить побѣдное шествіе австро-русской арміи къ французскимъ границамъ. Теперь для этихъ сѣверо-германскихъ операцій оставалось разсчитывать только на англійскій десантъ, явившійся на мѣсто, что называется, къ шапочному разбору, да на полумиѳическую шведскую армію, не имѣвшую ни артиллеріи, ни кавалеріи, ни обоза. Посланный туда вспомогательный русскій корпусъ только потерялъ даромъ время, такъ какъ помогать было здѣсь некому. Сосредоточеніе французской арміи на Дунаѣ произошло совершенно безпрепятственно, и силы, собранныя Австріей и Россіей въ южной Германіи, оказались единственнымъ, съ чѣмъ приходилось считаться Наполеону.

Но и расчетъ этихъ единственныхъ реальныхъ силъ былъ сдѣланъ въ Петербургѣ съ неменьшимъ легкомысліемъ. На бумагѣ въ южной Германіи и Италіи значилось 250.000 австрійцевъ и 180.000 русскихъ. Австрійскій дворъ былъ нѣсколько умѣреннѣе въ своихъ ожиданіяхъ: онъ опредѣлялъ союзныя силы въ этихъ мѣстахъ лишь въ 320.000 человѣкъ вмѣсто 430.000. Дѣйствительность оказалась несравненно скромнѣе и этого: къ началу военныхъ дѣйствій въ Баварію удалось двинуть лишь 80.000 австрійцевъ. Приблизительно такія же австрійскія силы были сосредоточены на итальянской границѣ. Изъ русскихъ же войскъ осенью 1805 года сравнительно близко къ театру войны былъ лишь пятидесятитысячный корпусъ Кутузова, къ которому только спустя полтора мѣсяца присоединились еще 40.000 человѣкъ—въ то время, какъ отъ первой изъ двухъ австрійскихъ армій не оставалось уже и слѣда. Такъ какъ, вдобавокъ, австрійская и русская половины южно-германской арміи союзниковъ не были объединены,—а вскорѣ, благодаря быстрому натиску французовъ, потеряли даже другъ друга изъ виду,—то численный перевѣсъ съ самаго начала былъ обезпеченъ за арміей Наполеона. Ему оставалось только использовать легкомысліе своихъ противниковъ.

Кампанія съ самаго начала пріобрѣтала совершенно безнадежный видъ. Инструкція Александра Кутузову ясно показываетъ, *на что* оставалось надѣяться союзнымъ правительствамъ, когда расчеты на поддержку Пруссіи окончательно пали, и развѣялись въ воздухѣ фантастическія цифры австро-русскихъ силъ, которыми кружили себѣ голову союзники. Пунктъ 6-й этой инструкціи гласитъ: учредить сношенія съ недовольными во Франціи, ибо, когда тамъ сдѣлается извѣстна цѣль, съ какою ведемъ мы войну, то, вѣроятно, большая часть жителей присоединятся къ намъ для низверженія Наполеонова правительства. Эта нелѣпость,—усердно внушавшаяся реакціоннымъ пра-

вительствамъ Европы эмигрантами еще съ первыхъ лѣтъ революціи— была настолько популярна среди вождей коалиціи, контръ-революція во Франціи настолько являлась послѣднимъ якоремъ спасенія для союзниковъ, что слухами о возстаніи французовъ противъ Наполеона опредѣлился даже операціонный планъ австрійцевъ въ Баваріи: опредѣлился, конечно, къ прямой выгодѣ французскаго императора, который и создалъ эти слухи черезъ своихъ шпіоновъ.

Внѣшній ходъ кампаніи 1805 года вполнѣ соотвѣтствовалъ тому, чего можно было ожидать при такихъ предпосылкахъ: катастрофа въ первую же недѣлю войны, фактически выведшая изъ строя одного изъ союзниковъ — Австрію, продолжительное бѣгство ничтожной, сравнительно, русской арміи передъ тройными силами противника,—бѣгство, такъ драматически описанное Толстымъ, что о немъ не приходится разсказывать еще разъ русскому читателю, наконецъ, отчаянная попытка загладить позоръ уже проигранной войны рѣшительнымъ ударомъ,—причемъ легкомысліе этой попытки далеко превзошло все, бывшее до этихъ поръ. Австрійцы, втянувшіеся въ войну отчасти подъ вліяніемъ преувеличенныхъ надеждъ на возможную помощь со стороны Россіи, отчасти, повидимому, дѣйствительно, увѣренные эмигрантами въ возможности контръ-революціи во Франціи, очень быстро охладѣли къ дѣлу, какъ только выяснилось, что Австріи не приходится разсчитывать не только на блестящую и легкую побѣду, но даже на сколько-нибудь самостоятельную роль. Въ сущности, ей было все равно отъ чьей милости зависѣть, Александра или Наполеона—и переговоры съ послѣднимъ начались тотчасъ же, какъ только была подписана капитуляція, сдававшая французамъ австрійскую армію въ Баваріи, и черезъ посредство того самаго генерала Макка, который эту капитуляцію подписалъ. Отпущенный на свободу Наполеономъ, онъ привезъ съ собой письмо послѣдняго къ императору Францу съ предложеніемъ— выйти изъ коалиціи и заключить отдѣльный миръ. Переписка продолжалась и послѣ, и одно изъ писемъ Наполеона къ Францу попало въ руки Кутузова въ присутствіи нѣсколькихъ австрійскихъ генераловъ. Но послѣдніе нисколько не смутились и только настаивали, чтобы письмо было какъ можно скорѣе отправлено къ ихъ государю. За короткій промежутокъ двухъ мѣсяцевъ (октябрь — ноябрь 1805 года) до формальнаго начала сепаратныхъ переговоровъ дѣло не успѣло дойти: но послѣ взятія французами Вѣны, которую Кутузовъ по вполнѣ основательнымъ стратегическимъ соображеніямъ прямо отказался защищать, австрійцы утратили всякій интересъ къ войнѣ и смотрѣли на нее, какъ на очень скучную и непріятную обязанность. Приближенные императора Александра доходили до того, что обвиняли ихъ въ прямомъ соглашеніи съ Наполеономъ: такъ именно изображалъ дѣло прусскому королю князь Долгоруковъ, по его собственному признанію (въ письмѣ къ императору Александру). Едва ли дѣло заходило такъ далеко: крайняя небрежность австрійскаго правительства въ исполненіи имъ союзническихъ обязанностей едва ли нуждается для своего объясненія въ предполо-

женіяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія высказывалъ кн. Долгоруковъ. Но, оставляя въ сторонѣ исторически мало интересный вопросъ о „зломъ умыслѣ“, тотъ фактъ, что союзники русскаго императора не кормили русской арміи и довели ее до голодовки, что они крайне плохо берегли военную тайну и давали возможность Наполеону знать русско-австрійскія диспозиции лучше, чѣмъ ихъ знали сами союзные генералы, что сами эти диспозиціи, составлявшіяся австрійскимъ штабомъ — отличались поразительной небрежностью (подъ Аустерлицемъ, напр., разстояніе между важнѣйшими пунктами было показано совершенно невѣрно) - все это не только изолировало русскую армію, но ставило ее въ положеніе гораздо худшее, чѣмъ если бы она вовсе не имѣла союзниковъ. При первомъ же столкновеніи Александра и Наполеона коалиція превратилась въ единоборство Россіи и Франціи въ условіяхъ, наименѣе выгодныхъ для первой.

Послѣднимъ—хронологически—изъ этихъ условій было появленіе въ арміи самого императора Александра Павловича. Къ тому времени, когда онъ прибылъ въ лагерь подъ Ольмюцемъ (6/18 ноября 1805 г.), въ военномъ отношеніи кампанія была закончена —и закончена относительно благополучно для русской арміи. Она не была разбита, несмотря на колоссальное превосходство французовъ въ силахъ. Передъ ней былъ открытъ путь отступленія въ Россію. Съ каждымъ шагомъ по этому пути она выигрывала, притягивая къ себѣ все новые и новые резервы; французы, напротивъ, проигрывали, такъ какъ они были вынуждены постоянно отдѣлять часть своихъ силъ для охраны своей все болѣе и болѣе растягивавшейся операціонной линіи. На границѣ Баваріи Наполеонъ былъ втрое сильнѣе Кутузова: подъ Ольмюцемъ онъ не былъ сильнѣе даже вдвое. Дальнѣйшее отступленіе, можетъ быть, вовсе спасло бы русскую армію отъ генеральнаго сраженія, во всѣхъ отношеніяхъ для нея невыгоднаго. Въ то же время получавшаяся такимъ путемъ отсрочка критическаго момента войны давала полную возможность развить кампанію дипломатическую. Та же Пруссія, конечно, не отказалась бы воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Наполеона и, не давъ намъ, можетъ быть, поддержки военной — хотя и на нее шансы все болѣе и болѣе увеличивались—произвела бы дипломатическое давленіе на Францію въ нашу пользу. Планы Кутузова строились, повидимому, на этихъ или подобныхъ соображеніяхъ: и нельзя не сказать, что эта тактика была единственно цѣлесообразной въ томъ тупикѣ, куда завела Россію первая коалиція.

Прибытіе императора Александра прежде всего лишило Кутузова всякой фактической власти; на свои вопросы о дальнѣйшихъ движеніяхъ арміи онъ получалъ отвѣтъ: „это васъ не касается“ (cela ne vous regarde pas). Права, если не обязанности, главнаго штаба перешли къ императорской главной квартирѣ. Здѣсь, какъ этого и слѣдовало ожидать, чисто военныя соображенія, которыми руководился Кутузовъ, должны были уступить мѣсто соображеніямъ чисто придворнымъ. Императоръ не могъ пріѣхать въ армію для того только, чтобы быть пассивнымъ свидѣтелемъ отсту-

вленія своихъ войскъ. Для удовлетворенія его самолюбія должна была быть одержана побѣда: дѣло военныхъ отыскать средство, какъ ея достигнуть. Придворнымъ казалось, что средства эти найти легко, и что Кутузовъ просто по лѣности и неспособности не умѣлъ этого сдѣлать до сихъ поръ. Они нашли въ этомъ случаѣ полную поддержку въ австрійскихъ генералахъ. Австріи во что бы то ни стало нужна была развязка и притомъ скорая; война давно уже была для нея безсмыслицей, и австрійское правительство не могло равнодушно видѣть разоренія своей страны ради этой безсмыслицы. Пусть будетъ сраженіе: побѣдятъ французы—тогда уйдутъ русскіе, и дѣло, какъ никакъ, кончится; побѣдятъ русскіе—уйдутъ французы, и австрійская территорія будетъ освобождена отъ тягостей и всѣхъ бѣдъ, связанныхъ съ войною. Въ обоихъ случаяхъ австрійцы выигрывали—и они охотно поддакивали придворнымъ Александра Павловича, когда тѣ требовали наступленія.

Надо прибавить, что какое-нибудь движеніе, наступательное или отступательное, было абсолютно необходимо: оставаться на мѣстѣ было нельзя; русская армія съѣла все въ окрестностяхъ Ольмюца, подвозъ былъ организованъ крайне плохо, и запасныхъ магазиновъ въ этой части страны австрійцы не приготовили, отговариваясь тѣмъ, что они предполагали вести войну въ Баваріи, а не въ Моравіи. Всѣ описанныя выше условія вели къ переходу въ наступленіе. Въ честь русскаго государя былъ устроенъ военный парадъ въ боевой обстановкѣ. Сравненіе съ парадомъ не случайное— [illegible] воръ передъ началомъ Аустерлицкаго сраженія Александру припомнился Царицынъ лугъ, гдѣ производились парады въ Петербургѣ. Ведя несчастныхъ солдатъ на бойню, ихъ заставляли маршировать въ ногу, какъ на настоящемъ парадѣ,—и сраженіе начали, какъ разводъ, въ тотъ моментъ, когда императоръ подъѣхалъ къ фронту. Результаты Аустерлица слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы ихъ стоило разсказывать здѣсь: русскій солдатъ дорого заплатилъ за удовольствіе видѣть своего государя на полѣ битвы.

Аустерлицкое сраженіе (20 ноября / 2 декабря 1805 г.) для Австріи, дѣйствительно, оказалось желанной развязкой войны: Александръ не имѣлъ теперь уже никакихъ основаній помѣшать императору Францу закончить свои секретные переговоры съ Наполеономъ открытымъ выступленіемъ изъ коалиціи и отдѣльнымъ миромъ. Русскому императору оставалось только заявить, что переговоры Франціи и Австріи не касаются его и его арміи—на что австрійцы согласились очень охотно, подъ условіемъ, что русская армія возможно быстро очиститъ австрійскую территорію. На нѣкоторое время Александръ остался единственнымъ паладиномъ коалиціи на европейскомъ континентѣ, такъ какъ даже Англія и Швеція отозвали назадъ свои войска послѣ Аустерлица. Самого Александра неудача далеко не отрезвила: услужливыми устами придворныхъ вся вина была взвалена на безвластнаго Кутузова, пораженіе было объявлено печальной случайностью, и ничто, казалось, не мѣшало попробовать счастья вторично. Немедленному возобновленію войны препят-

ствовало только то обстоятельство, что между враждующими сторонами лежала широкая полоса нейтральныхъ территорій, такъ какъ Пруссія послѣ выхода Австріи изъ коалиціи окончательно сблизилась съ Наполеономъ и приняла изъ его рукъ Ганноверъ, отнятый французами у Англіи. Расширеніе въ эту сторону Пруссія ставила главнымъ условіемъ своего участія въ коалиціи въ теченіе всѣхъ переговоровъ: и Александръ, употребилъ всю свою энергію, чтобы убѣдить англійскаго короля поступиться своими наслѣдственными владѣніями ради „самаго прекраснаго и самаго справедливаго дѣла“,—какъ называлъ русскій императоръ борьбу съ Франціей. Но фактически хозяиномъ въ Ганноверѣ былъ Наполеонъ—и онъ легко перекупилъ Пруссію, предложивъ ей отъ себя то, чего она ждала отъ коалиціи. То былъ единственный моментъ, когда Александръ, повидимому, самъ поколебался на одну минуту: стоитъ ли продолжать „прекрасное и справедливое дѣло“? Во Францію былъ отправленъ русскій уполномоченный для предварительныхъ переговоровъ о мирѣ. Но франко-прусское соглашеніе очень быстро наткнулось на тотъ подводный камень, на которомъ впослѣдствіи долженъ былъ разбиться союзъ Александра съ Наполеономъ. Дружба съ Франціей означала вражду съ Англіей. Морская торговля Пруссіи стала съ момента заключенія новаго союза. Болѣе 400 прусскихъ кораблей было захвачено англійскими крейсерами, всѣ гавани Пруссіи были блокированы. Старый соперникъ Гогенцоллерновъ на Балтійскимъ морѣ, Швеція не отказала себѣ въ удовольствіи использовать этотъ конфликтъ—шведскіе корабли присоединились къ англійскимъ, и скоро почти не осталось гавани, куда могло бы укрыться судно подъ прусскимъ флагомъ. Прусскій капитализмъ начала XIX вѣка былъ значительно развитѣе русскаго: перерывъ торговыхъ сношеній былъ для Пруссіи еще болѣе тяжелымъ ударомъ, чѣмъ для Россіи, и взрывъ общественнаго мнѣнія противъ французскаго союза былъ еще острѣе, чѣмъ былъ онъ у насъ. Хотѣли или не хотѣли этого король и его министры—прусская буржуазія навязывала имъ антифранцузскую политику. Прусское дворянство, не менѣе русскаго заинтересованное въ сбытѣ продуктовъ своихъ имѣній въ Англіи, было въ данномъ случаѣ на сторонѣ буржуазіи. Гвардейское офицерство требовало войны съ Наполеономъ и—какъ это было и у насъ—„партія войны“ быстро нашла себѣ точку опоры при дворѣ, въ лицѣ королевы Луизы. Близкія отношенія послѣдней къ императору Александру должны были еще ускорить дѣло. Александръ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ вынужденный робко заговаривать съ Пруссіей объ оборонительномъ, въ крайнемъ случаѣ, союзѣ (въ январѣ 1806 года)—осенью увидѣлъ передъ собою широкую перспективу наступательной войны противъ Наполеона рука объ руку съ прусской арміей—лучшей арміей въ мірѣ по глубокому убѣжденію всѣхъ друзей стараго порядка. Только что завязанные переговоры съ Наполеономъ были тотчасъ же прерваны—и манифестъ 3 сентября 1806 г. фактически возвѣстилъ русскому народу начало новой, второй войны съ Франціей.

Наполеонъ и на этотъ разъ не далъ коалиціи времени стать реальностью: прусскія и русскія войска были еще очень далеки отъ соединенія, когда рядомъ рѣшительныхъ битвъ, первыя были сведены почти къ нулю. Въ концѣ сентября началась война,—а въ концѣ октября русская армія одна осталась въ полѣ: уцѣлѣвшія прусскія войска скорѣе служили символомъ союза, чѣмъ играли сколько-нибудь серьезную роль въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Ходъ кампаніи 1806—7 гг. былъ иной, чѣмъ первой войны Александра съ Наполеономъ. Вторая война скорѣе могла создать иллюзію о возможности борьбы Россіи съ наполеоновской Франціей и дольше могла эту иллюзію поддерживать. Существеннымъ моментомъ были географическія условія того края, гдѣ приходилось дѣйствовать: старо-прусскія провинціи между низовьями Вислы и Нѣмана по климату недалеки уже отъ Россіи, и зимняя кампанія представляла здѣсь для французской арміи совершенно необычныя трудности. Для нанесенія рѣшительнаго удара Наполеонъ долженъ былъ дожидаться лѣта 1807 года. Тѣмъ временемъ рядъ полу-побѣдъ, полу-пораженій давали возможность русскимъ главнокомандующимъ обнадеживать и своего государя и свою армію, что вотъ-вотъ, еще одно усиліе—и они справятся съ Наполеономъ. Это была совершенно призрачная надежда: русская армія 1806—7 гг. была нисколько не лучше своей предшественницы, разбитой при Аустерлицѣ. Прежде всего, какъ и тогда, ея размѣры на добрую долю представляли фикцію: въ главномъ корпусѣ Беннигсена, гдѣ должно было быть 55.000 человѣкъ, само непосредственное начальство насчитывало не болѣе 40.000,—а въ дѣйствительности было, вѣроятно, и того менѣе. Желаніе пополнить ряды войска привело къ мысли о сформированіи народнаго ополченія („милиціи") въ 612.000 человѣкъ (манифестъ 30 ноября 1806 г.). Но что было выиграно въ количествѣ, было проиграно на качествѣ: только пятую часть „милиціи" удалось вооружить ружьями, у остальныхъ были лишь пики. Такое войско едва ли могло быть грознымъ противникомъ для первой арміи въ Европѣ—и на дѣлѣ „милиція" осталась декоративнымъ войскомъ, почти не покидавшимъ русскихъ предѣловъ и не видавшимъ непріятеля. Дѣйствительную войну вела все-таки лишь немногочисленная регулярная армія. Какъ и въ войну 1805 года, она крайне скудно была снабжена всѣмъ необходимымъ: запасовъ не было, подвозъ былъ организованъ плохо, войско жило исключительно насчетъ мѣстнаго населенія, скоро довело до голода его и голодало само. Голодные солдаты дезертировали массами, шайки мародеровъ грабили все и вся, три раза пытались ограбить русскую главную квартиру—однажды ворвавшись даже въ кабинетъ главнокомандующаго Беннигсена. Въ отвѣтъ на донесеніе объ этомъ, Александръ не сумѣлъ найти ничего лучшаго, какъ предписать дежурному генералу разстрѣливать дезертировъ на мѣстѣ, „безъ малѣйшаго состраданія" (собственноручное письмо къ графу Толстому отъ 3 января 1807г.). Объ устраненіи причинъ дезорганизаціи рѣчи не было въ этомъ случаѣ—какъ

и во многихъ другихъ, аналогичныхъ *). Остается прибавить, что управлялась дезорганизованная армія не лучше, чѣмъ ея предшественница. Кутузова, — сыгравшаго роль козла отпущенія за Аустерлицкую неудачу— не сумѣли замѣнить кѣмъ-нибудь хотя бы приблизительно равноцѣннымъ. Сначала выборъ Александра палъ на полу-сумасшедшаго Каменскаго, который былъ какъ-будто нарочно созданъ, чтобы довести до апогея хаосъ и безъ того царившій въ арміи. Благодаря распоряженіямъ Каменскаго все до такой степени перепуталось, что въ теченіе нѣсколькихъ дней никто изъ отдѣльныхъ начальниковъ не имѣлъ представленія, гдѣ армія, и что съ ней и даже существуетъ ли она вообще. Полки шли чуть что не по солнцу и скоплялись въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ въ зависимости отъ совершенно случайныхъ причинъ. Въ концѣ концовъ главнокомандующій оффиціально закрѣпилъ всю эту путаницу, объявивъ въ приказѣ, что „какъ ему въ Пруссіи дороги неизвѣстны, то самимъ генераламъ и бригаднымъ командирамъ навѣдываться о кратчайшемъ трактѣ къ нашей границѣ". Неожиданнымъ благимъ послѣдствіемъ было то, что и непріятель въ этой безурядицѣ утратилъ ясное представленіе о нашей арміи,— результатомъ чего былъ рядъ ошибокъ Наполеона и первая полу-побѣда русскихъ въ эту войну — Беннигсена подъ Пултускомъ. Это сраженіе сдѣлало Беннигсена главнокомандующимъ, но пока по тогдашней медленной почтѣ назначеніе пришло въ дѣйствующую армію, послѣдняя пережила цѣлый рядъ перипетій,—то не имѣя ни одного главнокомандующаго, когда Каменскій уѣхалъ съ тою внезапностью, какая отличала всѣ его дѣйствія, то имѣя цѣлыхъ трехъ — Кнорринга, Буксгевдена и Беннигсена, изъ которыхъ первый враждовалъ съ обоими остальными, а послѣдніе были въ столь враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, что жгли даже мосты между собою, дабы избѣжать всякаго соприкосновенія. Когда, наконецъ, назначеніе Беннигсена положило конецъ этой своеобразной „тройственной схизмѣ", дѣло немногимъ измѣнилось къ лучшему. Новый главнокомандующій былъ тяжко боленъ—у него была каменная болѣзнь, доводившая его до обмороковъ. Это былъ человѣкъ мнительный и мелочно-самолюбивый: онъ никогда не рѣшался ни на одинъ сколько-нибудь рискованный шагъ, пропускалъ такимъ путемъ всѣ удобные случаи, терпѣлъ неудачи тамъ, гдѣ могъ бы быть побѣдителемъ—и всегда въ неудачѣ оказывались виноваты или другіе генералы или слѣпая случайность. Въ своихъ запискахъ для оправданія своей репутаціи онъ не стѣсняется отрицать самые очевидные факты—и Фридландское сраженіе, напримѣръ, гдѣ Наполеонъ на голову разбилъ русскую армію, въ его изображеніи является совсѣмъ маловажнымъ дѣломъ, притомъ вовсе не особенно несчастливымъ для русскихъ. Нельзя было придумать худшаго главнокомандующаго для войны, гдѣ инціатива съ самаго начала и до конца была въ рукахъ противника, и русскимъ приходилось больше пользоваться его ошибками, чѣмъ дѣйствовать самостоятельно.

*) См. выше стр. 64.

Если. при всѣхъ своихъ недостаткахъ, Беннигсену все-таки удалось стяжать себѣ репутацію единственнаго русскаго генерала, способнаго сражаться съ Наполеономъ, то въ этомъ ему помогла, дѣйствительно, слѣпая случайность,—вѣрнѣе, тѣ географическія условія театра войны, о которыхъ мы только что говорили. Продовольствіе французской арміи въ прусской Польшѣ представляло для французовъ не менѣе сложную задачу, чѣмъ для русскихъ. Наполеонъ разрѣшилъ ее гораздо удачнѣе своего противника—но и онъ долженъ былъ считаться съ цѣлымъ рядомъ неудобствъ. Главнымъ изъ нихъ была необходимость возможно шире растянуть фронтъ арміи, тянувшійся почти отъ Данцига до Варшавы и даже южнѣе. Болѣе тѣсное расположеніе исключалось невозможностью найти на небольшой площади пропитаніе для массы людей. Два раза русскіе главнокомандующіе—въ декабрѣ 1806 года Каменскій, въ январѣ слѣдующаго года Беннигсенъ—впадали въ искушеніе прорвать тонкую цѣпь французскихъ корпусовъ и, если не разрѣзать арміи Наполеона пополамъ, то отхватить отъ нея то или другое крыло. Полная спутанность движеній Каменскаго, медленность и нерѣшительность Беннигсена помѣшали имъ довести эту задачу до конца—или хотя бы сколько-нибудь серьезно приступить къ ея разрѣшенію. Оба раза Наполеонъ умѣлъ сосредоточить свои силы во время, и, въ свою очередь, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, пытался охватить противника. Но тутъ на помощь русскимъ снова приходили климатъ—и „четвертая стихія“ восточной Европы, грязь: по ужаснымъ дорогамъ французскіе маршалы никогда не успѣвали своевременно выполнить движеній, предписанныхъ имъ ихъ императоромъ; на полѣ битвы никогда своевременно не сходились всѣ войска, которыя должны были тамъ быть по диспозиціи Наполеона. Беннигсенъ имѣлъ полную возможность „отступить съ боемъ“, отбитый, но не разбитый—и заключить свои донесенія въ Петербургъ классической фразой, что „всѣ атаки противника отражены съ блестящимъ успѣхомъ“. И въ Петербургѣ вѣрили, что мы находимся наканунѣ еще болѣе блестящихъ успѣховъ—и надеждой на нихъ пытались снова втянуть въ войну только что разгромленную Австрію. Но Австрія и на этотъ разъ была болѣе, чѣмъ права въ своей сдержанности *). Едва на смѣну русской союзницѣ—зимѣ пришло лѣто, и климатическія условія стали нормальными для французской арміи—картина рѣзко измѣнилась, и третья попытка русской арміи перейти въ наступленіе кончилась ея полнымъ разгромомъ. Если Пултускъ (въ декабрѣ 1806 г.) и Прейсишъ-Эйлау (27 января 1807 г.) могли быть представлены въ офиціальныхъ донесеніяхъ нѣкоторымъ подобіемъ побѣды, то Фридландъ (2 іюня 1807 г.) совершенно не поддавался подобному объясненію. Характерно, что въ двухъ первыхъ битвахъ, гдѣ холодное оружіе играло преобладающую роль, русская армія еще дер-

*) Характерно, что на этотъ разъ австрійцы упорно отказывались вѣрить русскимъ показаніямъ о размѣрахъ русскихъ силъ и послали особаго генерала со спеціальной цѣлью—узнать истину на этотъ счетъ.

жалась на одномъ уровнѣ съ французской; перевѣсъ послѣдней оказался внѣ всякаго спора въ бою, рѣшенномъ исключительно оружіемъ новаго времени, артиллеріей.

Фридландское пораженіе далеко однако же не означало собою истребленія русской арміи. Она потеряла не болѣе 25% своего состава и всего 10 орудій. На выручку ей подходила резервная армія кн. Лобанова-Ростовскаго — могли быть мобилизованы и дальнѣйшіе резервы. Словомъ, Александръ вовсе еще не лишенъ былъ *военныхъ* средствъ продолжать борьбу. Конецъ рѣзнѣ положило *финансовое* истощеніе коалиціи. Союзники жили преимущественно, если не исключительно, англійскими субсидіями. Но Англія постепенно приходила къ убѣжденію, что продолженіе борьбы въ прежнихъ формахъ для нея прямо невыгодно. Неудачи коалиціи на сухомъ пути привели къ тому, что громадная береговая линія отъ Любека до Данцига и Кенигсберга, до тѣхъ поръ нейтральная или полу-нейтральная, была наглухо закрыта для британской торговли. Англія поддерживала вторую войну Александра противъ Наполеона въ надеждѣ наверстать то, что было упущено по легкомыслію прусскаго правительства въ концѣ 1805 года — когда пруссаки приняли изъ рукъ Наполеона Ганноверъ и порвали съ Англіей. Теперь пруссаки давно раскаялись въ своей легкомысленной жадности, — но англичанамъ было отъ этого не легче. Пруссія была въ рукахъ врага, и врагъ безпощадно пользовался своимъ [illegible]: [illegible] французскими войсками Берлинѣ былъ подписанъ (21 ноября 1806 года) декретъ, положившій основаніе „континентальной системѣ“, — объявлявшій всѣ британскіе острова въ блокадѣ, и всякія сношенія съ ними строжайше запрещенными какъ для французовъ, такъ и для всѣхъ союзниковъ Франціи. Практически исполненіе этого декрета равнялось уничтоженію всей англійской морской торговли — и отвѣтомъ на него [illegible] быть только попытка призвать французовъ къ благоразумію, разоривъ морскую торговлю ихъ и ихъ союзниковъ. Англія объявила состояніями [illegible] гавани всѣхъ континентальныхъ государствъ, такъ или иначе примкнувшихъ къ Франціи. При [illegible] англійскаго флота надъ французскимъ (послѣ Трафальгарской битвы, 6 ноября 1806 года, объ этомъ уже не могло быть спора), это отнюдь не было пустой угрозой. На этомъ пути Англія [illegible] содержаніе же континентальныхъ армій, хронически терпѣвшихъ пораженія отъ Наполеона, [illegible] англійскаго правительства на этотъ счетъ впослѣдствіи снова измѣнилось, — когда въ Испаніи Наполеону [illegible] хомъ пути. Но въ 1807 году англичане твердо рѣшили — даромъ денегъ не тратить. И когда Александръ въ началѣ этого года обратился къ англійскому правительству съ просьбой — [illegible] Россіей въ Лондонѣ заемъ въ 6 милліоновъ фунтовъ (замаскированная форма субсидіи) — онъ получилъ ка-

тегорическій отказъ. Англійскій кабинетъ отказалъ даже во всякомъ содѣйствіи частнаго характера — и заемъ не могъ быть заключенъ. Вести войну болѣе было не на что — и съ „врагомъ рода человѣческаго“ волею-неволею приходилось мириться.

Эволюціонировать въ этомъ направленіи русской политикѣ пришлось очень быстро. Еще весной 1807 года обширный реставраціонный планъ былъ формулированъ передъ лицомъ всей Европы въ такъ называемой Бартенштейнской конвенціи (14 апрѣля). Этотъ договоръ Россіи и Пруссіи — фактически это было волеизъявленіе одной Россіи, такъ какъ Пруссія въ то время была лишь географическимъ терминомъ — ставилъ своей задачей ни болѣе, ни менѣе, какъ разрушеніе всего созданнаго Наполеономъ съ первыхъ лѣтъ XIX вѣка *), возвращеніе Франціи къ границамъ первой республики, а отчасти даже и за эти границы (именно въ Италіи). Къ участію въ этомъ,— какъ мы знаемъ „самомъ прекрасномъ и самомъ справедливомъ“ дѣлѣ, — союзные монархи приглашали Австрію, Англію и Швецію. Конвенція формулировала однако же лишь программу-минимумъ этого союза: о максимумѣ проговорился Александръ Павловичъ лишь въ частномъ разговорѣ съ Людовикомъ XVIII, котораго онъ посѣтилъ въ Митавѣ по дорогѣ въ Пруссію. „Я буду считать лучшимъ днемъ своей жизни тотъ, когда я помогу вамъ вернуться во Францію“, сказалъ русскій императоръ изгнанному Бурбону.

Все это было лишь въ мартѣ — апрѣлѣ 1807 года, а въ іюнѣ состоялось знаменитое тильзитское свиданіе, послѣ котораго Александръ и Наполеонъ разстались союзниками — и врагами тѣхъ, кого совсѣмъ еще недавно звалъ въ союзники первый. „Я ненавижу англичанъ столько же, сколько и вы“ — было одной изъ первыхъ фразъ Александра Павловича.

При данной обстановкѣ она была болѣе, чѣмъ понятна. Не кто другой, какъ Англія, заставляла теперь императора и самодержца всероссійскаго признать своимъ братомъ, своимъ ровней бывшаго артиллерійскаго поручика. Въ свое время Александръ былъ до глубины души возмущенъ однимъ извѣстіемъ о томъ, что этотъ поручикъ принялъ императорскій титулъ — теперь пришлось самому называть его государемъ. Александръ умѣлъ скрыть свои истинныя чувства подъ маской той „обворожительности“, которую такъ хорошо знало русское, дворянское общество. И лишь въ очень интимномъ кругу онъ давалъ волю своему дѣйствительному настроенію. „Льстите его тщеславію“, говорилъ онъ о Наполеонѣ одному изъ своихъ прусскихъ друзей какъ разъ въ дни тильзитскихъ торжествъ. „Я вамъ совѣтую это, какъ честный и преданный другъ вашего короля“.

Но пока что Россія шла на всѣ уступки, какихъ требовалъ ея побѣдитель. „Императоръ Александръ гораздо умнѣе, чѣмъ казалось“, съ чувствомъ удовле-

*) Возвращеніе Пруссіи и Австріи всѣхъ ихъ владѣній, уничтоженіе Рейнскаго союза, находившагося подъ протекторатомъ Наполеона, вознагражденіе королей сардинскаго неаполитанскаго etc. Спеціально для успокоенія Австріи была оговорена неприкосновенность Турціи.

творенія писалъ Наполеонъ императрицѣ Жозефинѣ. Союзъ съ Англіей, какъ по волшебству, смѣнился союзомъ противъ Англіи: не Наполеонъ, а вчерашній союзникъ Александра долженъ былъ возвращать теперь всѣ свои завоеванія съ начала вѣка. Тильзитскій договоръ въ этомъ пунктѣ однако же сохранилъ то сходство съ Бартенштейнской конвенціей, что какъ тотъ, такъ и другая остались на бумагѣ: отобрать у Англіи ея колоніальныя пріобрѣтенія было ничуть не легче, чѣмъ отнять у Наполеона захваченныя имъ области Германіи и Италіи. Реальнымъ ударомъ для Англіи было присоединеніе Россіи къ „континентальной системѣ“: повидимому, британское правительство не ожидало отъ насъ такого самоубійственнаго шага, когда отказывало Александру во всякой поддержкѣ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь Россія теряла больше, чѣмъ Англія. Еще менѣе страшна была для послѣдней война, которую Россія должна была ей объявить, какъ только предъявленныя ею къ Англіи требованія—о возвращеніи и проч.—не будутъ удовлетворены къ назначенному сроку: русскій флотъ отнюдь не былъ болѣе грозной величиной, чѣмъ французскій. Къ категоріи тѣхъ же чисто принципіальныхъ уступокъ относилось и признаніе Александромъ какъ Рейнскаго союза, такъ и всѣхъ безчисленныхъ государей, сотворенныхъ и предполагавшихся къ сотворенію Наполеономъ: т. е. всего того, на что ополчалась Бартенштейнская конвенція. Наконецъ, принципіальное же значеніе—отреченія отъ прошлаго—имѣло и то чисто символическое участіе, какое приняла Россія въ раздѣлѣ второй ея недавней союзницы, Пруссіи: изъ ея останковъ намъ достался городъ Бѣлостокъ съ его округомъ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Талейранъ, убѣждая русскихъ принять отъ Наполеона этотъ клочокъ земли, аргументировалъ тѣмъ простымъ соображеніемъ, что вѣдь Бѣлостокъ у пруссаковъ все равно отнимутъ: и ежели его не возьмутъ себѣ русскіе, онъ достанется Герцогству Варшавскому.

Согласіе на образованіе этого новаго государства изъ обломковъ прусской Польши было послѣ принятія „континентальной системы“ второй реальной уступкой побѣжденнаго побѣдителю. Какъ ни старались золотить эту пилюлю, было ясно, что на границѣ Россіи воскресаетъ сила, съ которой перестали считаться, которая была вычеркнута изъ списка живыхъ,—но которая теперь являлась на сцену, одухотворенная тою жгучей ненавистью, какую воспитала въ полякахъ эпоха раздѣловъ. Наполеонъ былъ, конечно, буквально правъ, когда онъ утверждалъ, что не имѣетъ ни малѣйшаго желанія возстановлять Польшу: ему нужна была не польская національность, а польская армія. Но армія не могла обойтись безъ національнаго базиса: еще въ эмиграціи польскіе полки были зародышемъ новой Польши. Возвращенные на родину, притомъ родину, только что освобожденную отъ иноземнаго гнета, они должны были дать могучій толчокъ національному движенію: въ Тильзитскомъ мирѣ были уже

народнаго возстанія 1831 года *).

Вѣнецъ дипломатическаго искусства Наполеона и Талейрана заключался въ томъ, что они нанесли Россіи тяжелый ударъ, наполовину уничтожавшій результаты нашей политики XVIII вѣка,—формально не коснувшись ни пяди русской территоріи, даже увеличивъ ее городомъ Бѣлостокомъ. Россію наказали, ограбивъ Пруссію. Наполеонъ сумѣлъ пощадить личное самолюбіе Александра,—вѣрно подмѣтивъ господствующую индивидуальную черту этого государя. Мало того: онъ сумѣлъ устроить дѣло такъ, что потерпѣвъ не только военное, а и дипломатическое пораженіе, равнаго которому Россія давно не испытывала, Александръ почувствовалъ себя польщеннымъ и ободреннымъ и почти искренно, могъ увѣрять своихъ подданныхъ, что отъ Тильзитскаго мира Россія много выиграла.

Качество этого выигрыша можно видѣть на одномъ примѣрѣ. Россія въ то время находилась въ войнѣ съ Турціей, втянувшись въ нее не безъ участія французскаго императора, содѣйствовавшаго султану, чѣмъ только можно: деньгами, оружіемъ, посылкой офицеровъ, совѣтами своихъ агентовъ. Мы разсмотримъ восточную политику Россіи въ другой связи **). Теперь для насъ важно то употребленіе, какое сдѣлалъ изъ русско-турецкой войны Наполеонъ. Оно было двоякое. Въ офиціальномъ текстѣ договора стояло вмѣшательство Франціи въ пользу Турціи,—какъ и слѣдовало ожидать, принимая во вниманіе ихъ союзническія отношенія. Русскіе обязывались очистить уже занятыя ими дунайскія княжества (теперешнюю Румынію) и вступить въ переговоры съ Портой при посредствѣ французскаго правительства: переговоры и вестись должны были въ Парижѣ. Наполеонъ обязывался употребить всѣ усилія, чтобы склонить турокъ заключить миръ. Но что должно было статься съ фактическимъ пріобрѣтеніемъ Россіи—дунайскими княжествами? Объ этомъ текстъ договора—и явный и секретный—говорилъ лишь одно: русскимъ выйти изъ княжествъ, туркамъ не занимать ихъ до заключенія мира. Дальнѣйшая судьба спорной территоріи опредѣлялась уже устными комментаріями Наполеона къ договору: онъ заявлялъ, что ничего не имѣетъ противъ присоединенія къ Россіи не только княжествъ, но и части задунайскихъ владѣній Турціи,—исключая только Константинополь и непосредственно прилегающую къ нему область, и давалъ понять, что Франція не остановится передъ самымъ энергичнымъ содѣйствіемъ своему новому союзнику въ этомъ случаѣ. Комментаріи эти ничѣмъ не были закрѣплены: Александръ разсматривалъ княжества уже какъ свою собственность, видѣлъ въ ихъ пріобрѣтеніи главное средство сдѣлать Тильзитскій миръ хотя сколько-нибудь популярнымъ въ Россіи,—

*) Подробнѣе объ отношеніи Наполеона къ Польшѣ см. въ главѣ LVIII „Польша въ первой половинѣ XIX вѣка“. II. Переходное время: 2. Герцогство Варшавское“ Стр. 282—292

**) См. ниже „Восточная политика Николая I“.

между тѣмъ какъ французская дипломатія, опираясь на букву договора, постоянно твердила, что на это пріобрѣтеніе Россія не имѣетъ никакого права, что Тильзитскимъ миромъ была условлена только нейтрализація—по крайней мѣрѣ, временная—дунайскихъ княжествъ, а отнюдь не присоединеніе ихъ къ Россіи. Впослѣдствіи Александру пришлось затратить много энергіи, чтобы отстоять (въ Эрфуртскомъ соглашеніи 30 сентября 1808 года) свое *право* отнять у Турціи спорную область: право, не возбуждавшее никакихъ сомнѣній до Тильзитскаго мира. О раздѣлѣ остальной Турціи уже и рѣчи не было—такъ же, какъ и о содѣйствіи французскихъ войскъ противъ Порты.

Такъ весьма реальныя невыгоды договора 1807 года уравновѣшивались совершенно идеальными и очень проблематическими уступками Франціи,—которыя на практикѣ оказывались перепродажей Россіи того, что ей давно уже принадлежало. Полную параллель къ дунайскимъ княжествамъ представляла Финляндія: Наполеонъ обнаруживалъ большую заботу о томъ, чтобы громъ шведскихъ пушекъ не безпокоилъ петербургскихъ красавицъ. Онъ высказывалъ рѣшительное недоумѣніе, какъ это русскіе допускаютъ присутствіе своего стариннаго врага почти у воротъ своей столицы. Словомъ, онъ внушалъ императору Александру мысль завоевать Финляндію—мысль, которая, повидимому, была очень далека отъ Александра въ предшествующіе годы, когда Швеція являлась желанной союзницей Россіи. Финляндію оказалось легче завоевать, чѣмъ дунайскія княжества: но и для этого понадобилась двухлѣтняя война (1808—1809 гг.), въ которой Франція не помогла намъ ни однимъ солдатомъ. А между тѣмъ, разоряя и подчиняя франко-русскому вліянію скандинавскую союзницу Англіи, Россія выполняла на сѣверѣ работу, въ высокой степени полезную для „континентальной системы"—и позволяла творцу этой системы направить всѣ силы для упроченія своего положенія на западѣ и юго-западѣ Европы.

Первые мѣсяцы послѣ Тильзита оба императора еще довольно успѣшно разыгрывали роль „друзей"—которую они усвоили себѣ на историческомъ плоту посреди Нѣмана. Александръ шелъ навстрѣчу всѣмъ желаніямъ Наполеона. Человѣкъ, недавно еще мечтавшій, какъ о счастливѣйшемъ днѣ своей жизни, о возвращеніи Людовика XVIII во Францію, теперь тѣснилъ эмигрантовъ и запрещалъ имъ носить въ Россіи бѣлую бурбонскую кокарду. Государь, два года назадъ до глубины души возмущавшійся тѣмъ, что у сардинскаго короля отобрали часть его владѣній, теперь находилъ совершенно естественнымъ, что у испанскаго короля вовсе отняли его королевство. Получивъ извѣстіе о байонскомъ coup d'état, Александръ поздравлялъ Наполеона съ открытіемъ „новой блестящей страницы" его исторіи—и однимъ изъ первыхъ поспѣшилъ признать королемъ Испаніи Жозефа Бонапарта. Наполеонъ отвѣчалъ любезностями на любезность: но отвѣчалъ весьма расчетливо. Въ отвѣтъ на опредѣленные политическіе шаги Александръ вправѣ былъ ожидать та-

кихъ же встрѣчныхъ шаговъ отъ своего новаго союзника: вмѣсто этого получались—то драгоцѣнное оружіе, то картина, писанная на фарфорѣ—настоящій шедевръ севрской мануфактуры,—то платья изъ Парижа для г-жи Нарышкиной по личному выбору Наполеона, который проявилъ себя большимъ знатокомъ въ этомъ вопросѣ. Александръ говорилъ по всѣмъ этимъ случаямъ множество комплиментовъ французскому посланнику,—но затѣмъ переходилъ на болѣе дѣловую почву: заводилъ, напримѣръ, рѣчь о дунайскихъ княжествахъ. Въ отвѣтъ изъ Парижа получалось длинное и весьма живо написанное письмо, гдѣ чувствовалась богатая фантазія императора французовъ: въ немъ говорилось о походѣ на Индію, о близкомъ взятіи русскими Стокгольма, о многихъ другихъ пріятныхъ для русскаго самолюбія вещахъ; но практическій вопросъ о княжествахъ нисколько впередъ не двигался. Мало того — французскія войска не двигались съ Вислы и продолжали занимать Пруссію. И отъ русскаго императора не могло быть тайной, что на Балканскомъ полуостровѣ „союзникъ“ всѣми мѣрами старался натравить на Россію ея постоянную соперницу въ этихъ краяхъ, Австрію. Передъ австрійскимъ посланникомъ, Меттернихомъ, Наполеонъ долго распространялся на тему о „московской опасности“, признавалъ совершенно справедливыми притязанія Австріи на долину Дуная,—ибо они „основаны на географіи“, — и обѣщалъ не допускать раздѣла Турціи, а если бы таковой случился вопреки ожиданіямъ, призвать къ участію въ немъ Австрію въ первую голову.

Между тѣмъ оборотная сторона Тильзита начинала чувствоваться въ Россіи сильнѣе съ каждымъ мѣсяцемъ; весной 1808 года экономическій кризисъ, созданный континентальной блокадой, былъ уже въ полномъ разгарѣ — и Александру пришлось уже наткнуться на оппозицію въ лицѣ лучшихъ друзей своей молодости, продолжавшихъ отстаивать интересы Англіи; онъ долженъ былъ разстаться съ Кочубеемъ, Строгановымъ и Новосильцевымъ. Ему начинало казаться, что онъ принесъ уже достаточно жертвъ новому союзу, чтобы получить въ обмѣнъ не одинъ севрскій фарфоръ. Онъ желалъ лично выяснить недоразумѣніе, повидавшись съ Наполеономъ—главнымъ образомъ онъ желалъ путемъ этого свиданія окончательно уладить восточный вопросъ, который казался такъ хорошо разрѣшеннымъ въ Тильзитѣ—и вдругъ сталъ неразрѣшимѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Наполеонъ ничуть не былъ въ принципѣ противъ новаго свиданія, — но опредѣлить его время оказывалось очень затруднительно: у императора французовъ было такъ много дѣла, что не легко было найти двѣ-три недѣли, чтобы съѣздить въ Эрфуртъ (гдѣ свиданіе предполагалось—какъ на полдорогѣ отъ французской до русской границы). Кромѣ того, ему казалось очень неудобнымъ связывать свои переговоры съ Александромъ заранѣе опредѣленной программой — напримѣръ, пріурочивать къ нему ликвидацію восточнаго вопроса. Къ чему предупреждать событія? Словомъ, съ эрфуртскимъ свиданіемъ грозила повториться исторія дунайскихъ княжествъ.

Развязка пришла оттуда, откуда ее

доброму другу Александру

от Аполлона Григорьева

1846
Сент 22;

А. Григорьевъ

никто не ждалъ. Казалось, Испанія всего меньше могла доставить Наполеону военныхъ затрудненій. Ея армія почти не существовала; то, что было, находилось фактически въ плѣну у французовъ,—въ качествѣ „союзниковъ", испанскія войска стояли въ сѣверной Германіи. Небольшія силы, оставшіяся дома, были разбиты въ первой же стычкѣ тремя французскими дивизіями. Оставались толпы кое-какъ вооруженныхъ испанскихъ мужиковъ,—скорѣе объектъ карательныхъ экспедицій, чѣмъ войско, съ которымъ стоило бы считаться. И какъ ударъ грома изъ яснаго неба пришла въ серединѣ лѣта 1808 года вѣсть, что французская армія въ Андалузіи положила оружіе передъ этими мужиками. Байленская капитуляція отняла у Наполеона ничтожную часть его „Большой арміи": всего семнадцать тысячъ человѣкъ сдались вмѣстѣ съ генераломъ Дюпономъ. Но по своему моральному впечатлѣнію это былъ ударъ, какого еще не переживала наполеоновская Франція. Имъ начинался второй періодъ наполеоновскихъ войнъ,—кончившійся катастрофой 1812 года и взятіемъ Парижа.

Ничтожная въ военномъ отношеніи неудача почти возвращала Францію къ положенію 1805 года—до Аустерлица и Фридланда. Реальной основой владычества Наполеона въ Германіи было постоянное присутствіе французской арміи между Эльбой и Вислой. Она сжимала въ тискахъ Пруссію, сторожила Австрію, служила грознымъ напоминаніемъ Александру. Теперь для того, чтобы возстановить положеніе въ Испаніи, понадобилось взять три корпуса изъ Германіи—на сто тысячъ солдатъ ослабить силы, оккупировавшія Пруссію. Того, что оставалось — 60 — 80 тысячъ человѣкъ—едва хватало для надзора за этой послѣдней: Россія и Австрія, даже каждая въ отдѣльности, были теперь, по крайней мѣрѣ, равносильны французамъ, если не сильнѣе ихъ. Польская армія только формировалась: два года спустя, она еще не превышала пятидесяти тысячъ человѣкъ. Возобновленіе коалиціи въ этотъ моментъ заставило бы Наполеона бросить Испанію—и тѣмъ закрѣпить моральное впечатлѣніе Байлена на Европу: Жозефу уже пришлось покинуть Мадридъ, и невозможность вернуть въ Испанію только что посаженнаго туда короля равнялась признанію, что французы не въ состояніи удержаться на Пиренейскомъ полуостровѣ, что у Франціи фактически уже отобрана часть ея завоеваній. Этого слѣдовало избѣгать во всякомъ случаѣ и во что бы то ни стало. Между тѣмъ 1809 годъ какъ разъ былъ срокомъ, къ которому оканчивалась реорганизація австрійской арміи, долженствовавшая, дѣйствительно, довести ее до нормы, оставшейся лишь проектомъ въ 1805 году. Въ 1807 году Австрія отказалась присоединиться къ Бартенштейнскому соглашенію, ссылаясь именно на этотъ срокъ, и Россіи было хорошо извѣстно, что *теперь* уклонившійся тогда союзникъ готовъ вступить въ бой съ Наполеономъ. Сама Россія была почти свободна; Шведская война отнимала ничтожную долю ея силъ, Турецкая—немногимъ больше, притомъ съ Турціей всегда легко было заключить миръ, отказавшись на время отъ дунайскихъ княжествъ.

Положеніе Наполеона было до крайности затруднительное. Германіи чрезвычайно тяжело доставался гнетъ „континентальной системы“: при всемъ раболѣпствѣ государей Рейнскаго союза передъ Франціей, они не смогли бы удержать своихъ подданныхъ отъ присоединенія къ Австріи и Россіи, разъ войска коалиціи вступили бы на германскую почву. Но Австріи и Россіи здравый смыслъ диктовалъ воспользоваться минутой. Нужно было во что бы то ни стало расколоть возможныхъ союзниковъ раньше, чѣмъ они успѣли столковаться. Нужно было произвести демонстрацію, которая ослѣпила бы глаза наивныхъ нѣмцевъ—и заставила бы ихъ думать, что могущество Наполеона такъ же прочно, какъ оно было годъ тому назадъ. А для этого нужно было показаться въ центрѣ Германіи рука объ руку со своимъ „другомъ“, императоромъ Александромъ; пусть люди вѣрятъ, что союзъ Россіи и Франціи несокрушимъ и вѣченъ, тогда они десять разъ подумаютъ прежде, чѣмъ ссориться съ Наполеономъ. А затѣмъ, мы уже видѣли, какъ ловко пользовался императоръ французовъ чужимъ добромъ, останками еще живой Турціи, чтобы бросить яблоко раздора между державами стараго порядка: Александръ твердо надѣялся привезти изъ Эрфурта „кусокъ Турціи“, и на этомъ надо было играть. Игра была ведена мастерски: Эрфуртскій конгрессъ на три года отсрочилъ столкновеніе съ Россіей, на четыре—образованіе коалиціи и далъ возможность Франціи скопить такіе запасы силъ, которые самую коалицію помогли ей растянуть почти на три года.

Само собою разумѣется, что такой результатъ не могъ быть достигнутъ личнымъ умѣньемъ Наполеона, какъ бы велико оно ни было. Въ сентябрѣ 1808 года объективныя условія на востокѣ Европы были за него. Прежде всего крайне выгодно для него было соотношеніе силъ внутри Россіи. Оппозиція, вызванная Тильзитскимъ миромъ, еще не успѣла охватить народной массы. Настроеніе даже широкихъ круговъ дворянства еще не вполнѣ опредѣлилось: къ проектамъ Сперанскаго только что приступали, и Александръ еще твердо надѣялся осуществленіемъ этихъ проектовъ примирить съ собою дворянское общество *). Будировали пока только придворные круги, верхушки землевладѣльческой знати: но ихъ оппозиція сразу приняла такую форму, которая должна была до чрезвычайности раздражать самую чувствительную сторону Александра,—его личное самолюбіе. Уже разрывъ съ Англіей поставилъ дѣло на эту, личную, почву: англійская дипломатія, правильно оцѣнивая соціальный вѣсъ дворянства, но нѣсколько торопясь использовать его въ своихъ цѣляхъ, поспѣшила популяризировать въ петербургскихъ салонахъ только что появившіеся памфлеты противъ Тильзита. Одна изъ брошюръ, особенно обидная лично для Александра Павловича, была услужливо доставлена ему французскимъ посланникомъ: это было непосредственнымъ поводомъ къ тому разрыву съ „молодыми друзьями“, о которомъ мы уже говорили. Петербургская оппозиція должна была на нѣкоторое время стушеваться:

*) См. т. II, стр. 18—61.

скоро она опять ожила въ Павловскѣ, въ гостиныхъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. То, что говорилось здѣсь вполголоса и съ придворными умолчаніями, гораздо громче можно было слышать въ Вѣнѣ. Аристократическіе кружки двухъ центровъ легитимизма были связаны тысячами нитей. Русскій посланникъ въ Вѣнѣ, Разумовскій, былъ болѣе австрійцемъ, чѣмъ любой изъ старыхъ слугъ габсбургскаго дома. Въ салонахъ его и его австрійской родни совершенно открыто предавались воспоминаніямъ объ 11 марта 1801 года. Русско-французскій союзъ при такихъ обстоятельствахъ становился личнымъ дѣломъ Александра; ему надо было доказать во что бы то ни стало, что правъ онъ, а не его придворные критики, что Тильзитъ, дѣйствительно, облагодѣтельствовалъ Россію. И пока давленіе снизу не было настолько сильно, чтобы разбудить въ немъ чувство самосохраненія —какъ это случилось позже, въ 1811 году--чувство собственнаго достоинства не позволяло ему спустить флагъ передъ аристократической камарильей Вѣны и Павловска. Не даромъ „молодыхъ друзей“ изъ родовитаго дворянства смѣнилъ около него какъ разъ въ это время плебей Сперанскій,—поѣхавшій съ нимъ въ Эрфуртъ.

Канва, на которой могъ вышивать Наполеонъ, была готова. Александръ давно требовалъ эвакуаціи Польши и Пруссіи „Большой арміей“: едва узнавъ о Байленѣ, Наполеонъ извѣстилъ своего союзника о своемъ полномъ согласіи на эвакуацію, позаботившись о томъ, чтобы это извѣщеніе дошло до Петербурга раньше новости о байленской катастрофѣ. Правда, через нѣсколько дней истинная связь явленій стала болѣе или менѣе понятна Александру—но первое впечатлѣніе было сдѣлано. Александръ давно требовалъ личнаго свиданія, давно осаждалъ Коленкура вопросами: „когда же мы ѣдемъ?“ Уже 22 мая (н. ст.) онъ отказался отъ своего первоначальнаго условія —разрѣшить при свиданіи восточный вопросъ—и готовъ былъ ѣхать безъ всякихъ условій; Наполеонъ подъ разными предлогами оттягивалъ дѣло. Теперь всѣ затрудненія исчезли. По командѣ французскаго императора всѣ государи Рейнскаго союза собрались въ Эрфуртъ—привѣтствовать гостя Германіи, друга императора Наполеона. Самъ господинъ этихъ коронованныхъ лакеевъ выѣхалъ навстрѣчу Александру за городъ, за нѣсколько верстъ. Возобновились дружескія изліянія Тильзита. Правда, придворная хроника сообщала о нѣкоторыхъ шероховатостяхъ: изъ устъ въ уста передавались слова Наполеона, что онъ подвергаетъ себя всѣмъ этимъ непріятностямъ только изъ за Испаніи; разсказывали о сильной сценѣ между нимъ и его союзникомъ, когда Наполеонъ бросилъ на полъ шляпу и топталъ ее ногами; передавали о нѣкоторыхъ намѣренныхъ безтактностяхъ, способныхъ уколоть императора Александра,—въ родѣ раздачи наградъ за Фридландъ въ его присутствіи. Но все это было болѣе или менѣе за кулисами. Офиціально все обстояло благополучно—и Александръ уѣхалъ изъ Эрфурта попрежнему союзникомъ Наполеона, увозя съ собою желанный „кусокъ Турціи“: по поводу дунайскихъ княжествъ состоялось соглашеніе, отвѣчавшее желаніямъ Россіи.

Когда отъ Австріи пришло предложеніе по поводу коалиціи, оно было встрѣчено въ Петербургѣ такъ же, какъ встрѣтили подобное же предложеніе въ Вѣнѣ въ 1807 году, послѣ Бартенштейнской конвенціи. Правда, Александръ обѣщалъ австрійскому посланнику, Шварценбергу, сдѣлать „все человѣчески возможное“, чтобы—въ качествѣ союзника Франціи—причинить Австріи какъ можно меньше вреда: и сдержалъ это обѣщаніе. Участіе Россіи въ начавшейся вслѣдъ затѣмъ австро-французской войнѣ было чисто номинальнымъ. Но дальше этого его жертвы въ пользу „самаго прекраснаго и самаго справедливаго дѣла“ не пошли. Наполеонъ достигъ своей цѣли: онъ раскололъ коалицію еще раньше, чѣмъ она успѣла образоваться. Онъ могъ уничтожить союзниковъ 1805 года по частямъ: покончивъ съ Австріей въ 1809 году, онъ имѣлъ теперь полную возможность, на досугѣ и не спѣша, подготовлять походъ 1812 года въ Россію.

2.

Война за „освобожденіе Европы“.

1. Разрывъ русско-французскаго союза.

Около 1810 года борьба между Англіей и Франціей дошла до своего критическаго момента. Континентальная блокада, поддерживаемая со всей суровостью военнаго положенія, начинала давать нѣкоторые результаты. Французская промышленность, освобожденная отъ конкуренціи, понемногу завоевывала европейскій рынокъ; съ Франціей дѣлили ея выгоды другія страны, попавшія „подъ иго Наполеона“: расцвѣтъ текстильнаго производства въ Саксоніи падаетъ какъ разъ на это время. Европейская буржуазія оказывалась все болѣе и болѣе заинтересованной въ поддержаніи французскаго владычества. Переживъ первое тяжелое время, она могла освоиться съ континентальной блокадой, привыкнуть обходиться безъ англійскихъ фабрикатовъ, перенеся къ себѣ домой англійскую технику. Наоборотъ, дальнѣйшее развитіе этой послѣдней было бы крайне затруднено суженіемъ рынка; перепроизводство уже теперь чувствовалось; количество безработныхъ росло—и рядомъ съ этимъ французскіе агенты съ радостью извѣщали свое правительство о все новыхъ и новыхъ банкротствахъ въ Сити. Англія начинала вариться въ собственномъ соку. Оставалось, повидимому, только позаботиться о томъ, чтобы китайская стѣна, воздвигнутая вокругъ англійскихъ мануфактуръ, становилась все выше и прочнѣе. Въ ней былъ однако же одинъ дефектъ: Пиренейскій полуостровъ, пока на немъ держалась англійская армія, пока не было подавлено возстаніе испанскаго крестьянства, былъ постоянной зіяющей брешью въ „континентальной системѣ“. Попыткѣ задѣлать эту брешь теперь послѣ Вѣнскаго мира (1809 г.), связавшаго Австрію по рукамъ и ногамъ, были посвящены всѣ наличныя силы Наполеона: къ началу 1811 года въ Испаніи было сосредоточено до 270.000 войска—въ полтора раза больше, чѣмъ понадобилось ему въ 1805 году, что-

бы разгромить Австрію, и въ 1806, чтобы превратить Пруссію въ географическій терминъ. Но на Пиренейскомъ полуостровѣ все пропадало, какъ въ бездонной бочкѣ. И вотъ, какъ разъ теперь, съ каждымъ мѣсяцемъ становилось все яснѣе, что система имѣетъ и другую брешь: и что эту другую брешь представляютъ собою владѣнія „друга" и „союзника" французскаго императора.

Къ Наполеону приходили извѣстія, что шестьсотъ—потомъ говорили о тысячѣ двухстахъ — кораблей подъ разными флагами, но нагруженныхъ англійскимъ товаромъ, направляются къ сѣверо-восточнымъ портамъ. Готенбургъ на берегахъ Швеціи былъ ближайшимъ этапомъ: оттуда шло распредѣленіе запретнаго груза небольшими, мало замѣтными партіями по всѣмъ портамъ Балтійскаго моря. Львиная доля должна была достаться Россіи, — гораздо больше, чѣмъ она могла потребить при тогдашнемъ развитіи своего хозяйства. Континентальная блокада создавала въ Россіи оригинальный транзитъ: англійскіе товары шли въ западную Европу по нашимъ рѣчнымъ путямъ, какъ нѣкогда, въ дни кіевской Руси, шли такимъ образомъ мануфактурныя произведенія Востока. Съ береговъ Балтики англійская контрабанда шла на австрійскую границу, къ Бродамъ—гдѣ образовался передаточный пунктъ почти не меньшей важности, чѣмъ въ Готенбургѣ. Отсюда запретные товары наводняли Герцогство Варшавское, Австрію и Пруссію,—пробираясь далѣе до южной Германіи и даже Швейцаріи. Здѣсь контрабанда, шедшая съ сѣверо-востока, подавала руку контрабандѣ, шедшей съ юго-запада черезъ все еще не покоренную Испанію.

Англійскіе контрабандисты удостоились высокой чести—быть предметомъ непосредственной переписки двухъ „владыкъ міра". Шестьсотъ кораблей, о которыхъ мы упоминали выше, давъ уже ранѣе предметъ для дипломатическихъ нотъ, въ концѣ концовъ вызвали осенью 1810 года спеціальное посланіе Наполеона къ императору Александру,—отправленное притомъ въ Петербургъ не обычнымъ путемъ, а съ особо довѣреннымъ лицомъ, флигель-адъютантомъ русскаго императора, Чернышевымъ.

„Англичане очень страдаютъ отъ присоединенія (къ Франціи) Голландіи и отъ предписанной мною оккупаціи портовъ Мекленбурга и Пруссіи", писалъ Наполеонъ. „Каждую недѣлю въ Лондонѣ происходятъ банкротства, вносящія смятеніе въ Сити. Фабрики стоятъ безъ дѣла; склады переполнены. Я только что приказалъ конфисковать во Франкфуртѣ и въ Швейцаріи огромное количество англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ. Шестьсотъ англійскихъ судовъ, которыя блуждали въ Балтійскомъ морѣ и не были приняты ни въ Мекленбургѣ, ни въ Пруссіи, направились къ владѣніямъ вашего величества. Если вы ихъ примете, война будетъ продолжаться; если вы ихъ секвеструете и конфискуете ихъ грузъ въ гавани или уже на берегу, Англіи будетъ нанесенъ страшный ударъ: всѣ эти товары принадлежатъ англичанамъ. Отъ вашего величества зависитъ имѣть миръ или продолжать войну. Миръ есть и долженъ быть вашимъ желаніемъ. Вашему величеству ясно, что мы достигнемъ его,

если Россія конфискуетъ эти шестьсотъ судовъ и ихъ грузъ. Какія бы бумаги у нихъ ни были, чьимъ бы именемъ они ни прикрывались, выдавали ли бы они себя за французовъ, нѣмцевъ, испанцевъ, датчанъ, русскихъ, шведовъ — ваше величество можете быть увѣрены, что это англичане".

Отъ конфискаціи англійской контрабанды зависѣлъ миръ Европы... Такія строки можно было написать только въ отчаяніи,—и только отчаяніемъ, сознаніемъ невозможности задавить Англію, какіе бы убытки она ни терпѣла, можно объяснить странныя колебанія въ экономической политикѣ Наполеона, до тѣхъ поръ такой твердой и послѣдовательной. Безсильный заткнуть всѣ дыры въ континентальной блокадѣ — онъ приходитъ къ химерической идеѣ: устроить, по крайней мѣрѣ, такъ, чтобы сами нарушенія блокады шли на пользу Франціи.

Въ блокадѣ были двѣ стороны. Одной она опиралась на вполнѣ реальныя потребности континентальнаго капитализма—на борьбу за рынки болѣе отсталой промышленности материка съ самой передовой промышленностью Европы. Въ данномъ случаѣ блокада играла ту же роль, что и всякая сильная таможенная охрана вновь возникающей промышленности: она ускоряла развитіе послѣдней, поскольку у нея были свои собственные корни, и была вредна не производителямъ, а потребителямъ, вынужденнымъ въ теченіе нѣкотораго времени переплачивать на мануфактурныхъ произведеніяхъ. Пока рѣчь шла объ обмѣнѣ фабрикатовъ, наполеоновская система, такимъ образомъ, не вступала въ борьбу съ законами природы, а лишь форсировала тѣ тенденціи, которыя всегда и вездѣ были свойственны полицейскому государству—и которыя вполнѣ привычны для всякой буржуазіи на первыхъ стадіяхъ капиталистическаго развитія. Оттого въ этой области блокада и была, какъ мы видѣли, успѣшна—всюду, гдѣ были данныя для самостоятельнаго развитія крупной промышленности. Но въ „системѣ" была и другая сторона,—гдѣ „система" являлась противоестественной, вступала въ борьбу не только съ иноземными конкурентами Франціи, а съ законами природы — и гдѣ поэтому она неизбѣжно терпѣла полное пораженіе. Это была область обмѣна сырья. Безъ колоніальныхъ продуктовъ Европа не могла обходиться: если бы даже удалось замѣнить какими-нибудь суррогатами чай и кофе (какъ это удалось относительно сахара), если бы даже примириться съ лишеніемъ американскаго табака—то какъ разъ возникающая текстильная промышленность не могла обойтись безъ хлопка. Но все, что привозилось изъ-за океана, съ точки зрѣнія „континентальной системы" было англійскимъ товаромъ: потому что ни одинъ колоніальный продуктъ не могъ проникнуть въ Европу иначе, какъ на англійскомъ судиѣ или, по крайней мѣрѣ, съ дозволенія англичанъ,—что для Наполеона было одно и то же. Всѣ попытки прекратить контрабанду этого рода били въ лицо ту самую буржуазію, ради интересовъ которой были запрещены къ ввозу англійскіе фабрикаты. И какъ разъ послѣ того, какъ переходъ всѣхъ испанскихъ колоній въ руки Англіи оконча-

тельно закрѣпилъ ея перевѣсъ въ этой области, Наполеонъ былъ вынужденъ узаконить колоніальную контрабанду. Такъ называемый „тріанонскій“ тарифъ, утвержденный Наполеономъ 5 августа 1810 г., разрѣшалъ ввозъ колоніальныхъ товаровъ—хотя бы и прошедшихъ черезъ англійскія руки, съ уплатой высокой таможенной пошлины. Тарифъ дополнялся системой „разрѣшеній“ (licences), позволяющихъ фактически и прямую торговлю съ Англіей колоніальными продуктами—подъ условіемъ вывоза произведеній французской промышленности на равную сумму. Licences давали поводъ къ массѣ всевозможныхъ злоупотребленій: посредствомъ нихъ, въ сущности, было можно просто откупиться отъ „континентальной системы“. Совершенно правильно ихъ разсматриваютъ поэтому, какъ одинъ изъ симптомовъ разложенія наполеоновскаго господства вообще. Но на первыхъ порахъ французское правительство ревниво оберегало свою монополію выдавать „разрѣшенія“. Всякій товаръ англійскаго происхожденія, кромѣ колоніальнаго, оплаченнаго высокой пошлиной, подлежалъ истребленію немедленно по обнаруженіи. Это было еще разъ подтверждено Тріанонскимъ тарифомъ—и къ этому неустанно приглашались всѣ союзники императора Наполеона.

Тріанонскій тарифъ провелъ рѣзкую демаркаціонную черту между двумя половинами континентальной Европы. Онъ былъ выгоденъ для странъ, уже обладавшихъ большими зачатками крупной промышленности: Саксонія, западная Германія, Бельгія, сѣверная Италія были теперь тѣснѣе привязаны къ Франціи, чѣмъ когда бы то ни было ранѣе. Но онъ былъ смертельнымъ ударомъ для странъ, жившихъ вывозомъ сырья, покупавшихъ, а не продававшихъ фабрикаты: Швеція, вывозившая въ Англію лѣсъ и продукты своихъ рудниковъ, сѣверо-восточная Германія, Польша и Россія, гдѣ крупное землевладѣніе одинаково было заинтересовано въ хлѣбномъ экспортѣ,—всѣ онѣ остались по ту сторону этой демаркаціонной черты. Можно сказать, что Тріанонскій тарифъ намѣтилъ основную группировку будущей коалиціи. Вопреки всѣмъ политическимъ предвидѣніямъ, Пруссія, Швеція и Россія должны были стать ея непремѣнными членами—Пруссія, несмотря на то, что ея король, окончательно терроризированный разгромомъ Австріи, въ это время не уступалъ въ сервилизмѣ ни одному изъ нѣмецкихъ государей и всего ждалъ отъ союза съ Наполеономъ, Швеція, несмотря на то, что французскій маршалъ только что сдѣлался въ ней наслѣднымъ принцемъ и фактическимъ государемъ,—въ виду дряхлости номинальнаго короля. Для Россіи отказъ принять Тріанонскій тарифъ былъ тѣмъ Рубикономъ, за которымъ начался Двѣнадцатый годъ: все остальное, отъ мелкихъ недоразумѣній личнаго свойства, въ родѣ неудачнаго сватовства Наполеона за русскую великую княжну или обиды, нанесенной тѣмъ же Наполеономъ владѣтельнымъ правамъ голштинской династіи въ Ольденбургѣ,—до самаго крупнаго по внѣшности конфликта изъ-за вопроса о возстановленіи Польши, все это, такъ или иначе, тянетъ къ основной причинѣ—экономическому разрыву на почвѣ Тріанонскаго декрета 1810 года.

„Если англичане продержатся еще нѣсколько времени, я не знаю, что тогда будетъ и что намъ дѣлать“, сказалъ однажды Наполеонъ Чернышеву—въ полной увѣренности, конечно, что его слова незамедлятъ дойти до Александра Павловича. Союзники Франціи должны были понять, что вопросъ о континентальной блокадѣ есть вопросъ жизни и смерти для имперіи Наполеона. Если они не умѣли или не хотѣли этого понять, они уже не были союзниками, хуже того—они были измѣнниками. Ихъ нужно было силой принудить къ повиновенію—середины не было. Отказъ Россіи отъ блокады, прямой или хотя бы косвенный, долженъ былъ заставить Наполеона воевать, хотѣлъ онъ этого или нѣтъ: вотъ почему споръ о томъ, кто былъ виновникомъ войны 1812 года, является совершенно празднымъ. Виноваты были тѣ самыя объективныя условія, которыя въ 1809 году предупредили войну. Если въ дни эрфуртскаго свиданія настроеніе русскаго общества было таково, что Александръ могъ въ послѣдній разъ сыграть роль „друга“ императора французовъ—и могъ надѣяться извлечь изъ этого пользу, то въ концѣ 1810 года рискованность подобной попытки была слишкомъ очевидна: это былъ тотъ моментъ, когда всѣ наблюдатели, безъ различія направленій, констатировали полное отсутствіе „довѣренности и усердія“ къ русскому правительству со стороны его подданныхъ. Становилось совершенно ясно, что переломить экономическое развитіе Россіи было бы безуміемъ; что воевать легче, чѣмъ переносить долѣе тягости континентальной блокады. И когда Александру категорически было предъявлено двойное требованіе: во-первыхъ, не пускать къ себѣ англичанъ—„за кого бы они себя ни выдавали“, и безпощадно истреблять всякій подозрительный грузъ, какимъ бы нейтральнымъ флагомъ онъ ни прикрывался; и, во-вторыхъ, признать новый французскій тарифъ обязательнымъ и для Россіи,—у русскаго императора уже не было болѣе колебаній. Онъ не только отказался слушать второе требованіе, заявляя, что таможенные тарифы представляютъ внутреннее дѣло страны, въ которое другія державы, хотя бы союзныя, не имѣютъ права вмѣшиваться, что принять Тріанонскій тарифъ значило бы обнаружить „слишкомъ мало заботъ о благосостояніи своихъ подданныхъ“. Онъ не только продолжалъ пускать къ себѣ англичанъ, если они являлись въ наши порты подъ американскимъ флагомъ—и позволилъ безпрепятственно выгрузиться между прочимъ большей части тѣхъ шести сотъ кораблей (самъ Александръ насчитывалъ ихъ только сто), о которыхъ такъ хлопоталъ Наполеонъ. Онъ сдѣлалъ гораздо больше: онъ отвѣтилъ на Тріанонскій декретъ русскимъ тарифомъ 31 декабря 1810 года, представлявшимъ собою не что иное, какъ формальное объявленіе таможенной войны Франціи.

Англійская торговля уносила изъ Россіи дешевое сырье и давала въ обмѣнъ или золото или цѣнные фабрикаты. Къ совсѣмъ инымъ послѣдствіямъ должна была вести торговля съ Франціей. Въ первое время послѣ Тильзитскаго мира Наполеонъ дѣлалъ попытки эксплуатировать русское сырье: но при крайней дороговизнѣ сухопутной перевозки на лошадяхъ, это

можно было сдѣлать только на мѣстѣ. Французское правительство пробовало заказывать въ Россіи корабли — но они оказывались не важными въ техническомъ отношеніи и не стоили тѣхъ хлопотъ, какія доставляла ихъ переправа во Францію по морямъ, усѣяннымъ англійскими крейсерами. Выгоднѣе было закупить лѣсъ, пеньку для канатовъ, холстъ для парусовъ гдѣ-нибудь поближе,—напримѣръ, въ Германіи,—хотя часто все это и было русскаго происхожденія. Стоимость сухопутной перевозки выдерживали зато ліонскія шелковыя матеріи и другіе предметы роскоши: но въ обмѣнъ на нихъ изъ Россіи уходило не сырье, а золото. Съ точки зрѣнія меркантилизма,—по старой рутинѣ опредѣлявшаго взгляды тогдашнихъ русскихъ финансистовъ, хотя бы и читавшихъ Адама Смита—въ этомъ была главная причина паденія курса ассигнацій. „Не надо выпускать золото изъ страны", училъ меркантилизмъ: а для этого надо не пускать въ страну предметовъ роскоши, или пускать ихъ возможно меньше и осторожнѣе. Тарифъ 1810 года вдохновлялся въ сущности тѣми же идеями, какъ и старый „ново-торговый уставъ" 1667 года. Высокая, иногда запретительная пошлина на шелковыя матеріи, кружева и тому подобное и строжайшія мѣры противъ контрабандной торговли этими предметами: вотъ къ чему въ основномъ сводился поворотъ въ русской таможенной политикѣ, отмѣченный указомъ 18/31 декабря. При офиціальномъ, по крайней мѣрѣ,—разрывѣ торговыхъ сношеній съ Англіей эта мѣра могла бить только подданныхъ императора Наполеона и никого другого: то, что отъ новаго тарифа страдали нѣмецкіе его подданные изъ государствъ Рейнскаго союза наравнѣ съ французами,—какъ пробовалъ указывать русскій посолъ Куракинъ,—было самымъ плохимъ утѣшеніемъ, какое только можно придумать. А чтобы не было сомнѣній, что дѣло шло о нанесеніи удара французской торговлѣ, какъ наиболѣе вредной, строгія постановленія о контрабандѣ распространялись только на товары, привезенные сухимъ путемъ: морская, т. е. англійская, контрабанда преслѣдовалась гораздо мягче, ввезенные моремъ товары конфисковались, но не сжигались. Послѣ этого Александръ сколько угодно могъ утверждать, что онъ не собирается мириться съ Англіей: фактически экономическій миръ съ Англіей былъ заключенъ въ ту самую минуту, когда Франціи была объявлена таможенная война. Надо прибавить, что указъ 18 декабря былъ формальнымъ нарушеніемъ Тильзитскаго договора, — ставившаго торговыя сношенія между Россіей и Франціей на почву трактата 1787 года— и, само собою разумѣется, подразумѣвавшаго, что всякія измѣненія въ status quo должны устанавливаться по обоюдному соглашенію. Когда русскому правительству было указано на это, оно отвѣтило, что Франціей такъ же были повышены пошлины на поташъ, чай, ревень, рыбій жиръ и другіе предметы, привозимые изъ Россіи, безъ какого-либо соглашенія съ послѣдней. Нѣтъ надобности объяснять, что пошлина на рыбій жиръ въ двадцать лѣтъ не могла вынуть изъ русскаго кармана столько, сколько могла вложить туда въ одинъ годъ пошлина на ліонскій бархатъ

Александръ не зналъ еще тогда, что въ его распоряженіи уже имѣется гораздо лучшій отвѣтъ на всякіе упреки формальнаго свойства. Русскій указъ еще никому не могъ быть извѣстенъ во Франціи, когда французскій сенатъ нанесъ Тильзитскому договору, если не болѣе существенное, то во всякомъ случаѣ гораздо болѣе явное оскорбленіе. Въ Тильзитѣ была гарантирована между прочимъ неприкосновенность владѣній германскихъ родственниковъ русскаго императорскаго дома—въ томъ числѣ герцога Ольденбургскаго. Въ концѣ 1810 года, въ борьбѣ съ англійской контрабандой, Наполеонъ почувствовалъ необходимость взять подъ непосредственное наблюденіе императорскаго правительства всю береговую линію Германіи: 13 декабря сенатъ постановилъ, что ганзейскіе города со всѣми ихъ владѣніями и прилегающими къ нимъ территоріями присоединяются къ французской имперіи. Въ числѣ этихъ прилегающихъ территорій было и герцогство Ольденбургское. Самъ Наполеонъ, повидимому, желалъ еще въ то время по возможности щадить родственника русскаго государя — и вступилъ со злосчастнымъ герцогомъ въ нѣкоторое подобіе переговоровъ. Но императорская администрація привыкла дѣйствовать быстро, по военному: въ одинъ прекрасный день Ольденбургъ занятъ былъ французскими войсками, французскіе чиновники расположились въ немъ, какъ дома—а герцогу было заявлено, что если онъ не намѣренъ принять французское подданство, то долженъ будетъ выселиться на территорію, которую императору французовъ угодно будетъ ему пожаловать взамѣнъ Ольденбурга. Неизвѣстно, призналъ ли бы дѣйствія своей администраціи Наполеонъ въ обычное время: но одновременно съ докладомъ объ ольденбургскомъ дѣлѣ въ Парижъ должно было прійти и извѣстіе объ объявленіи Россіей Франціи таможенной войны. Маленькій родственникъ русскаго царя долженъ былъ стать первой его жертвой: декретомъ 22 января 1811 года Ольденбургъ былъ безъ дальнихъ околичностей присоединенъ къ Франціи.

Современные французскіе историки оспариваютъ, чтобы этой выходкой Наполеонъ желалъ отвѣтить личнымъ оскорбленіемъ Александра на ударъ, нанесенный русской политикой экономическимъ интересамъ Франціи. Если это случилось и нечаянно, во всякомъ случаѣ нарочно нельзя было ударить больнѣе. Мы уже знаемъ, какъ сильно было развито личное самолюбіе у Александра; мы знаемъ, какъ его соблазняла роль покровителя Европы, защитника слабыхъ—причемъ въ числѣ этихъ слабыхъ, нуждавшихся въ защитѣ Александра, бывали короли и даже императоры. И вотъ теперь на его глазахъ оскорбляли члена его собственной семьи — и ему не могъ онъ помочь. Онъ самъ почти попадалъ въ то положеніе безнаказанно обижаемаго, въ какомъ онъ привыкъ видѣть короля прусскаго—и до котораго онъ никогда не разсчитывалъ унизиться. До чего можетъ зарваться этотъ выскочка—долженъ былъ онъ подумать, услыхавъ, что его родственнику, члену одной изъ древнѣйшихъ династій, предки котораго въ продолженіе 700 лѣтъ носили корону—предлагали сдѣлаться ни болѣе, ни менѣе,—какъ француз-

скимъ подданнымъ! Не даромъ обида герцога Ольденбургскаго играетъ въ послѣдней перепискѣ Александра съ Наполеономъ такую выдающуюся роль: и читая, какъ русскій императоръ подробно и тщательно перечисляетъ права своего дома на Ольденбургъ, вы чувствуете, что здѣсь идетъ рѣчь о его личномъ, кровномъ дѣлѣ, и что онъ не потому только поминутно къ нему возвращается, что трудно было найти лучшій формальный предлогъ для разрыва союза.

Мы сказали: „предлогъ". Ольденбургское дѣло часто разсматривали, какъ одну изъ причинъ войны 1812 года—и, слегка поддаваясь настроенію самого Александра Павловича, какъ одну изъ главныхъ причинъ. Письма, напечатанныя въ приложеніи къ мемуарамъ Чарторыйскаго, должны совершенно устранить такое толкованіе: война была рѣшена въ умѣ Александра раньше, чѣмъ онъ узналъ о захватѣ Ольденбургскаго герцогства французами. Обстоятельства, а не личная воля русскаго императора, были виною того, что Наполеонъ получилъ въ свое распоряженіе лишній годъ, и притомъ самый цѣнный для него годъ, для подготовки русскаго похода. Весной 1811 года Россія была готова начать войну при самыхъ благопріятныхъ для нея условіяхъ. Преувеличивая, по обыкновенію, свои силы, Александръ считалъ возможнымъ бросить на западную границу отъ двухсотъ до двухсотъ пятидесяти тысячъ человѣкъ: больше онъ не имѣлъ и въ іюнѣ 1812 года. Но вмѣсто полумилліонной „Большой арміи" за годъ раньше передъ нимъ было 46 тысячъ французовъ маршала Даву, разбросанныхъ по всей Пруссіи, да едва пятидесятитысячная польская армія, — которую притомъ онъ готовъ былъ считать въ числѣ союзниковъ, а не враговъ. Ибо на этомъ вертѣлся весь планъ кампаніи 1811 года, какъ рисовался онъ Александру Павловичу: возстановленіе Польши руками Россіи и переходъ, въ уплату за это, польской арміи отъ Наполеона къ Александру — такова была центральная идея этого плана.

Мы видѣли, что въ свое время образованіе Герцогства Варшавскаго было главнымъ ударомъ, какой нанесъ Тильзитскій договоръ русской политикѣ. Это была такая же зіяющая брешь на русской западной границѣ, какую сама Россія представляла въ системѣ континентальной блокады. Она пугала не столько настоящимъ, сколько будущимъ. Призракъ возстановленной Польши все время не оставлялъ встревоженнаго воображенія русскихъ дипломатовъ—получить отъ Наполеона гарантію того, что Польша „никогда не будетъ возстановлена", составляло мечту императора Александра. Только въ самые послѣдніе мѣсяцы передъ разрывомъ рѣшился онъ поставить это требованіе въ такой обнаженной формѣ: и отказъ Наполеона,—отказъ, котораго ожидали, могъ лишь убѣдить его, что разрывъ неизбѣженъ. Но раньше этого были годы испытаній и колебаній, въ теченіе которыхъ французскій императоръ и его министры не разъ давали торжественныя увѣренія, что французскому правительству и въ голову не приходитъ возстановлять Польшу и каждый разъ достаточно скоро появлялось достаточно фактовъ

чтобы опровергнуть эти увѣренія или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ихъ весьма сомнительными. Вѣнскій миръ, увеличившій населеніе Герцогства Варшавскаго почти на два милліона душъ, долженъ былъ окончательно укрѣпить эти сомнѣнія: теперь три четверти этнографической Польши были уже объединены подъ одной властью. За послѣдней четвертью дѣло не могло остановиться надолго, а возрожденіе польской національности, естественно, ставило дальнѣйшій вопросъ о возрожденіи исторической Польши, — объ отобраніи у Россіи Литвы и всего, что ей досталось въ часы трехъ „разборовъ". Послѣ разрыва Наполеонъ уже не скрывалъ своей мысли — возстановить Польшу *противъ* Россіи. Александръ обнаружилъ большую проницательность, попытавшись сдѣлать изъ Польши ближайшую опору своей анти-французской политики. Имѣя Польшу на своей сторонѣ, онъ вырывалъ изъ рукъ Наполеона главное оружіе,—и сразу переносилъ театръ войны на четыреста верстъ отъ русской границы.

Расчетъ Александра, несомнѣнно, имѣлъ подъ собою соціальныя основанія. Подчиненная наполеоновскому кодексу и французской бюрократіи, Польша попрежнему оставалась дворянской страной. Но польское дворянство было не меньше русскаго заинтересовано въ сбытѣ своихъ продуктовъ на западъ: по отношенію къ „континентальной системѣ" у него были интересы, общіе съ русскимъ и прусскимъ дворянствомъ, а совсѣмъ не съ французской буржуазіей. Въ лицѣ Чарторыйскаго Александръ имѣлъ посредника въ переговорахъ съ польской знатью, лучше котораго было трудно найти. Онъ долженъ былъ убѣдить поляковъ, что русскій императоръ обезпечитъ ихъ національную независимость не хуже Наполеона: но что онъ дастъ больше Наполеона, даровавъ Польшѣ свободныя, конституціонныя учрежденія. Экономическія и политическія вожделѣнія польскаго дворянства удовлетворялись такимъ путемъ сразу: за это отъ него требовали только одного — измѣны человѣку, который первый подалъ раздѣленной Польшѣ надежду на политическое воскресеніе. Неизвѣстно, какъ отнеслось бы польское дворянство къ подобному предложенію, если бы русскія войска стояли въ Варшавѣ: три года спустя, оно довольно легко забыло Наполеона. Но въ 1811 году Александръ ждалъ перваго знака отъ поляковъ — и его должна была подать польская армія,—та часть польскаго народа, которая ближе всего стояла къ революціи и Наполеону. Спайка оказалась крѣпче, чѣмъ думали въ Петербургѣ: польская армія въ лицѣ своего главнокомандующаго, Понятовскаго, лишь только познакомилась съ планами Россіи, поспѣшила ихъ выдать Наполеону. Въ такой обстановкѣ замыслы Александра могли достичь лишь одной цѣли: они показали французскому императору, что съ войной надо спѣшить, не теряя ни минуты.

2. Двѣнадцатый годъ.

„Говорю это для васъ одного", писалъ въ ноябрѣ 1811 года французскій министръ иностранныхъ дѣлъ французскому послу въ Петербургѣ,

Лористону: „ольденбургское дѣло не имѣетъ значенія ни для насъ, ни для Россіи: вся суть въ торговыхъ интересахъ и континентальной системѣ".

„Но Александръ объ этомъ никогда не заговорилъ бы первый, а Наполеонъ твердо рѣшилъ заговорить только во главѣ пятисотъ тысячъ солдатъ", замѣчаетъ по поводу этихъ словъ новѣйшій историкъ Наполеона. Пока въ Парижѣ Куракинъ усиливался передать протестъ по ольденбургскому дѣлу, пятьсотъ тысячъ солдатъ начали медленно двигаться по направленію къ Вислѣ.

Походъ на Россію въ извѣстномъ смыслѣ напоминалъ эрфуртскій конгрессъ: и тамъ, и тутъ не малую роль играло желаніе произвести манифестацію, способную укрѣпить престижъ Наполеона тамъ, гдѣ онъ начиналъ падать, и освѣжить страхъ тѣхъ, кто переставалъ бояться. Заранѣе распространялись совершенно невѣроятныя цифры вооруженныхъ силъ имперіи, — напоминавшія наивные разсказы греческихъ историковъ о полчищахъ Ксеркса. Наполеонъ не хуже Александра умѣлъ вздувать размѣры своихъ армій: разница только въ томъ, что онъ обманывалъ ими не себя и своихъ союзниковъ, а своихъ враговъ. Русскій патріотизмъ, какъ и греческій патріотизмъ Геродота въ свое время, охотно задерживалъ эти мнимыя величины, — раздувая свою побѣду количествомъ пораженныхъ враговъ. Даже серьезные русскіе историки готовы были считать наполеоновскую армію въ шестьсотъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. На самомъ дѣлѣ „списочный" составъ ея доходилъ до 387.343 человѣкъ (не считая „вспомогательныхъ", но весьма мало помогавшихъ, прусскаго и австрійскаго корпусовъ, перваго въ 20, втораго въ 26 тысячъ человѣкъ). Реальный составъ обыкновенно бываетъ на 10% ниже списочнаго, и едва ли Наполеонъ очень уменьшилъ свои силы 1812 года, когда впослѣдствіи на о. св. Елены онъ опредѣлялъ ихъ въ 400.000 человѣкъ всего на все, вмѣстѣ съ союзниками. Во всякомъ случаѣ, это была самая крупная армія, какую когда-либо выдвигала Франція на одномъ театрѣ войны. Она была почти вдвое сильнѣе армій (ихъ было три), сосредоточенныхъ Александромъ на западной границѣ: 280 тысячъ всего, 200 тысячъ безъ запасныхъ и гарнизоновъ. Фантастическіе размѣры еще увеличивались въ томъ густомъ мракѣ, которымъ было окружено каждое движеніе арміи. Полки выступали въ походъ внезапно, часто глухой ночью, и шли, избѣгая большихъ городовъ. Маршалу Жюно было приказано выѣхать къ мѣсту своего командованія такъ, чтобы даже его адъютанты и прислуга не знали, куда онъ направляется. Едва ли всѣ эти мѣры могли обмануть русскихъ шпіоновъ, если таковые были: впослѣдствіи Наполеонъ превосходно зналъ число и расположеніе русскихъ войскъ не на основаніи разсказовъ уличныхъ зѣвакъ, а по точнымъ свѣдѣніямъ о количествѣ съѣстныхъ припасовъ и фуража, доставлявшихся въ тотъ или другой пунктъ. Такихъ вещей отъ наблюдателей-спеціалистовъ скрыть нельзя—и ночные походы больше были сценическимъ эффектомъ, разсчитаннымъ на воображеніе публики, чѣмъ серьезной мѣрой предосторожности. Но для тої

же цѣли, если армія скрывалась, то ея вождь ѣхалъ на войну съ необычайнымъ, показнымъ великолѣпіемъ. Сотни и тысячи экипажей провожали императорскій кортежъ; на нѣсколько дней были прерваны всѣ сношенія между Парижемъ и восточной границей Франціи, всѣ средства сообщенія были монополизированы императоромъ, его дворомъ и штабомъ. Въ Германіи населеніе цѣлыхъ областей было поднято на ноги для того, чтобы исправлять дороги, по которымъ онъ ѣхалъ. Ночью огромные костры освѣщали путь, и зарево, подобно пожару, издали возвѣщало о приближеніи императорскаго поѣзда. Весь дворъ съ полнымъ комплектомъ камергеровъ, шталмейстеровъ и пажей и со всей женской свитой императрицы ѣхалъ до Дрездена—гдѣ было назначено rendez-vous императора съ его вольными и невольными союзниками и гдѣ онъ долженъ былъ разстаться съ Маріей Луизой. Здѣсь строго соблюдали весь придворный чинъ Тюльери и С. Клу. Парадный серебряный сервизъ и коронные брилліанты были перевезены въ Дрезденъ: все показное великолѣпіе величайшей въ мірѣ имперіи развертывалось во всей своей широтѣ передъ ошеломленными обитателями захолустной нѣмецкой столицы. Кто сказалъ бы, что этого великаго и могущественнаго государя гонитъ къ холоднымъ русскимъ равнинамъ грубая экономическая необходимость? А между тѣмъ это было такъ. Трудно придумать болѣе ѣзкій контрастъ, чѣмъ тотъ, который существовалъ между великолѣпіемъ императорскаго двора и состояніемъ народныхъ массъ во Франціи. Этотъ контрастъ бросался въ глаза уже въ дни празднествъ, сопровождавшихъ крещеніе наслѣдника Наполеона, „короля Римскаго“, лѣтомъ 1811 года. Мрачныя толпы безработныхъ бродили по улицамъ С. Антуанскаго предмѣстья, мастерскія были пусты—но не потому, что народъ желалъ праздновать. По ночамъ въ разныхъ мѣстахъ на стѣнахъ домовъ появлялись прокламаціи, призывавшія народъ къ возстанію противъ наполеоновскаго режима. Императорскій кортежъ встрѣчало озлобленное молчаніе, — и къ наемнымъ ура полицейскихъ шпіоновъ время отъ времени примѣшивались пока еще робкіе, но достаточно явственные свистки. Къ началу 1812 года дѣло нисколько не улучшилось. Къ промышленному кризису присоединилась дороговизна съѣстныхъ припасовъ. Въ Нормандіи уже вспыхивали хлѣбные бунты, которые пришлось усмирять оружіемъ. Наполеонъ долженъ былъ вспомнить времена Конвента -и установить maximum императорскимъ декретомъ. Но въ другихъ отношеніяхъ Франція совсѣмъ не напоминала временъ Конвента: въ армію не только не стремились толпы волонтеровъ, какъ въ 1792 г., но не легко было получить въ ряды и тѣхъ, кто былъ обязанъ служить. Франція была покрыта отрядами подвижной жандармеріи, разыскивавшей бѣглыхъ рекрутовъ. Всюду шла охота за людьми —и то тамъ, то сямъ можно было видѣть, какъ полицейскіе съ торжествомъ вели закованныхъ въ цѣпи будущихъ солдатъ „великой арміи“. Что дѣлать, если неудача „континентальной системы“ продлитъ

подобное положеніе вещей — этотъ вопросъ стоялъ не передъ однимъ Наполеономъ. И среди самой императорской администраціи находились люди, пророчившіе близкій конецъ имперіи и реставрацію Бурбоновъ.

Какъ разоряющійся купецъ соритъ деньгами, чтобы поддержать въ глазахъ толпы свой фактически уже не существующій кредитъ, такъ первая имперія маскировала свое критическое положеніе утрированной роскошью. Но самъ Наполеонъ не могъ не сознавать, хотя бы по временамъ, что у него не все идетъ, какъ слѣдуетъ,—что много признаковъ, указывающихъ скорѣе на упадокъ, чѣмъ на подъемъ. „Мнѣ оказалъ бы большую услугу тотъ, кто избавилъ бы меня отъ этой войны“, говорилъ онъ Савари: „но что же дѣлать—вотъ она пришла; пора съ ней развязаться“. Другому своему сотруднику онъ охарактеризовалъ русскій походъ, какъ „самое трудное предпріятіе, за которое онъ когда-либо брался“. „Но разъ что начато, надо кончать“, прибавилъ онъ. Теперь настала его очередь питаться химерическими надеждами, которыми убаюкивали себя нѣкогда его противники первыхъ коалицій. Онъ высказывалъ увѣренность, что война продлится недолго, и не однажды на разные лады возвращался къ той мысли, что дворяне (les grands seigneurs) заставятъ Александра просить мира. Нельзя было быть въ большемъ заблужденіи относительно истинныхъ интересовъ и стремленій тогдашняго русскаго дворянства. Но въ противоположность своимъ врагамъ 1805 г., онъ не строилъ своей тактики на подобныхъ самоутѣшеніяхъ и отнюдь не возлагалъ на внутренній кризисъ у непріятеля того, что не могли сдѣлать его собственныя войска. Онъ готовился къ войнѣ 1812 года, какъ онъ не готовился ни къ одной войнѣ раньше,—за колоссальными размѣрами своихъ средствъ и силъ не упуская ни одной мелочи, которая могла такъ или иначе повліять на ходъ событій.

Ядро „Большой арміи“ (la Grande armée—что у насъ неправильно переводится, обыкновенно, „Великая армія“) должны были составить войска, расположенныя вдоль береговъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, отъ Голландіи до Пруссіи. Здѣсь, отъ Утрехта до Стральзунда, стояло девять пѣхотныхъ дивизій, образовавшихъ 1-й и 2-й корпуса арміи, двинутой противъ Россіи. Въ эпоху мира съ Россіей эти войска фактически осуществляли континентальную блокаду,—это была сила, направленная прежде всего противъ Англіи: идя „бить англичанъ въ Москвѣ“, Наполеонъ двинулъ ее въ первую линію. Въ тактическомъ и административномъ отношеніи эти войска, особенно 1-й корпусъ маршала Даву, были лучшимъ, чѣмъ располагала Франція, послѣ императорской гвардіи. Это были отборные солдаты подъ командой опытныхъ боевыхъ генераловъ, имена которыхъ постоянно встрѣчаются на страницахъ исторіи наполеоновскихъ войнъ (Даву, Удино, Гюденъ, Компанъ, Фріанъ, Жераръ). Даву былъ лучшимъ военнымъ администраторомъ Франціи. Свой корпусъ онъ называлъ подвижной колоніей, которую можно было перевести въ любую

страну—и она вездѣ нашла бы средства существовать и дѣйствовать. „Въ каждой ротѣ есть портные, сапожники, каменщики, хлѣбопеки, оружейники, словомъ—всякіе рабочіе", писалъ онъ Наполеону. Эти отборныя войска были въ самыхъ широкихъ размѣрахъ снабжены всѣмъ необходимымъ. Намъ придется дѣйствовать въ скудной странѣ, говорилъ Наполеонъ, которую, по всей вѣроятности, непріятель опустошитъ,—и мы должны быть готовы во всемъ обходиться собственными средствами. Никогда еще французская армія не брала съ собой такого огромнаго запаса провіанта. Каждая часть должна была имѣть при себѣ двадцать пять дневныхъ раціоновъ на каждаго солдата. Кромѣ того, провіантъ слѣдовалъ за войсками живьемъ, въ видѣ цѣлыхъ батальоновъ воловьихъ фуръ. Когда фуры приходили на мѣсто, воловъ убивали—и войска были, такимъ образомъ, обезпечены свѣжей говядиной. Армія брала съ собой двадцать восемь милліоновъ бутылокъ вина, два милліона бутылокъ водки. А въ видѣ резерва для всего этого на Вислѣ были устроены запасные магазины, изъ которыхъ четыреста тысячъ человѣкъ могли прокормиться цѣлый годъ. Хлѣбъ въ зернѣ и фуражъ для конницы разсчитывали имѣть на мѣстѣ—для этого походъ предполагалось начать въ іюнѣ, такъ что разгаръ кампаніи долженъ былъ прійтись во время жатвы. Для перемалыванія зерна въ муку были заказаны спеціальныя ручныя мельницы, которыя долженъ былъ имѣть при себѣ каждый полкъ. Словомъ, казалось, что все было предусмотрѣно для того, чтобы застраховать французскія войска отъ той участи, которая ихъ постигла.

Если всѣ эти мѣры предосторожности не избавили солдатъ Наполеона отъ необходимости питаться кониной, начиная съ четвертаго и даже съ третьяго мѣсяца кампаніи, то виною этого являлся отнюдь не недостатокъ предусмотрительности. Скорѣе какъ разъ наоборотъ: именно избытокъ предусмотрительности привелъ къ тому, что предпріятіе очень быстро переросло границы технической осуществимости для своего времени. Въ самомъ дѣлѣ, одна перевозка провіанта (не считая пороха, запасной аммуниціи, одежды и т. д.) требовала пяти или шести тысячъ повозокъ съ 8—10 тысячами погонщиковъ и 18—20 тысячами лошадей и воловъ. Это былъ цѣлый дополнительный корпусъ: онъ продовольствовалъ армію, но приходилось заботиться о пропитаніи его самого, и это была въ высшей степени трудная задача, такъ какъ онъ шелъ сзади арміи, которая съѣдала и истребляла все на своемъ пути. Весь фуражъ доставался на долю кавалеріи, которая тѣмъ не менѣе постоянно страдала отъ его недостатка; артиллеріи доставалось еще меньше,—а на долю обоза не оставалось совсѣмъ ничего. Лошади, а въ особенности волы, падали тысячами—и въ результатѣ войска не получали ни самихъ воловъ, ни того, что было въ воловьихъ фурахъ. Оставалось одно—везти фуражъ для обоза въ готовомъ видѣ: но тогда вставала новая задача—о прокормленіи тѣхъ, кто везъ этотъ фуражъ, и такъ далѣе до безконечности.

Но техническія трудности, хоть и съ усиліями, непонятными нашему времени, времени желѣзныхъ дорогъ, еще можно было бы преодолѣть,— если бы было кому ихъ преодолѣвать. Ахиллесова пята „Большой арміи" заключалась не столько въ сложности ея механизма, сколько въ крайне плохомъ качествѣ того матеріала, изъ котораго этотъ механизмъ былъ сдѣланъ. Гигантскіе размѣры экспедиціи—первая и наиболѣе очевидная причина ея неудачи,—тѣмъ именно и обусловливались, что количествомъ приходилось замѣнять качество. Если бы Наполеонъ имѣлъ съ собою своихъ аустерлицкихъ солдатъ, онъ могъ бы ограничиться на треть меньшимъ контингентомъ: но подъ его командой были теперь войска далеко низшаго уровня. Двумя первыми корпусами—Даву и Удино—почти исчерпывались старыя—и притомъ чисто французскія войска, жившія традиціями революціонныхъ войнъ и первыхъ войнъ имперіи, создавшія тактику, о которую, какъ стекло, разбилась армія Фридриха Великаго въ 1806 году. Къ нимъ можно было прибавить только императорскую гвардію да нѣсколько дивизій отборной тяжелой кавалеріи. Но и эти части были уже въ значительной степени испорчены примѣсью полковъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ вышедшей изъ войнъ революціи наполеоновской арміей и состоявшихъ изъ солдатъ, отчасти совершенно равнодушныхъ къ войнѣ, отчасти искренно ненавидѣвшихъ Францію и ея императора. Въ корпусѣ Даву былъ полкъ, сформированный изъ ганзейскихъ нѣмцевъ, который почти весь разбѣжался во время похода еще по Германіи; такъ какъ населеніе оказывало всякую поддержку дезертирамъ, и разъ убѣжавшаго солдата не легко было найти, то Даву примѣнялъ самыя свирѣпыя мѣры, чтобы страхомъ удержать солдатъ въ рядахъ: онъ разстрѣливалъ даже просто отсталыхъ за „намѣреніе дезертировать"; но ничто не помогало— и несчастный полкъ пришлось вести къ русской границѣ подъ сильнымъ конвоемъ французской пѣхоты и конницы. Въ корпусѣ Удино былъ полкъ швейцарцевъ, гдѣ треть солдатъ были больны. Удино объяснялъ это тѣмъ, что въ полку много рекрутъ, приведенныхъ въ армію закованными въ кандалахъ и страшно истомленныхъ такимъ путешествіемъ. Въ рядахъ молодой гвардіи были испанцы, португальцы и голландцы, преданность которыхъ своимъ номинальнымъ государямъ была болѣе, нежели сомнительна: впослѣдствіи изъ испанскихъ дезертировъ былъ сформированъ цѣлый партизанскій отрядъ, дѣйствовавшій противъ французовъ. Начиная съ 3-го корпуса маршала Нея, эта примѣсь плохихъ „союзныхъ" войскъ, на которыя Наполеонъ ни въ коемъ случаѣ не могъ положиться, какъ на свои, становится все замѣтнѣе: у Нея была уже цѣлая дивизія вюртембергцевъ,—постоянный источникъ безпорядка и путаницы, офиціально отмѣченный въ приказахъ по арміи. Дальше шли корпуса, почти цѣликомъ составленные изъ иностранцевъ, принудительно завербованныхъ во французскую службу: лучшими изъ нихъ были итальянцы (4-й корпусъ), страшно терпѣвшіе отъ

русскаго климата, и поляки (5-ый корпусъ); гораздо хуже были баварцы, саксонцы, особенно вестфальцы, по части буйства и грабежей превзошедшіе даже вюртембергцевъ: въ общемъ не менѣе 150.000 нѣмцевъ, которые настолько же неохотно слѣдовали за Наполеономъ, насколько они были плохи, какъ армія. Когда они дѣйствовали вмѣстѣ съ болѣе надежными частями, ихъ можно было употреблять только въ качествѣ подмоги, но не для самостоятельной роли; когда они оставались одни, ихъ били (баварцевъ на Двинѣ, саксонцевъ на Волыни)—и приходилось болѣе цѣнныя войска отправлять имъ на выручку.

Было бы однако же совершенно ошибочно думать, что чисто французскія войска — только въ силу того, что они французскія, были лучше „союзныхъ“: слабая сторона послѣднихъ заключалась въ томъ, что они были переполнены рекрутами, еще не успѣвшими пропитаться искусственной казарменной атмосферой и принесшими въ ряды арміи все то острое недовольство режимомъ первой имперіи, которое было особенно сильно въ покоренныхъ странахъ, но которое къ 1812 году было уже не менѣе сильно и въ самой Франціи. Мы видѣли, къ какимъ экстреннымъ мѣрамъ приходилось прибѣгать и здѣсь, чтобы получить отъ населенія солдатъ. Между тѣмъ, по свидѣтельству маршала Нея, рекруты составляли подавляющее большинство французскихъ полковъ, кромѣ первыхъ трехъ корпусовъ и старой гвардіи. И, благодаря этому, чисто французскіе полки представляли нерѣдко ту же картину, что и союзники: та же масса отсталыхъ, тѣ же дезертиры, то же мародерство. Стихійный протестъ противъ принужденія выражался въ наполеоновской арміи 1812 года такъ же, какъ онъ выражается всегда и всюду въ этихъ случаяхъ, въ Россіи или въ Маньчжуріи безразлично, въ массовомъ и остромъ упадкѣ дисциплины, передъ которымъ высшее начальство останавливается въ тупомъ недоумѣніи. И, какъ всегда бываетъ, „Большая армія“ таяла подъ вліяніемъ этого упадка съ поразительной быстротой: отъ границы до Смоленска она потеряла не менѣе 80 тысячъ человѣкъ, изъ нихъ не болѣе 10 тысячъ было убито или ранено. Въ главныхъ силахъ подъ непосредственной командой Наполеона было 280.000 человѣкъ при переходѣ границы и лишь 140.000 черезъ два мѣсяца подъ Бородиномъ. При такихъ условіяхъ время было первымъ и главнымъ союзникомъ русскихъ,—гораздо раньше, чѣмъ началъ дѣйствовать второй ихъ союзникъ, климатъ.

Въ то время, какъ французская армія къ концу наполеоновскихъ войнъ все болѣе ухудшалась, растворяясь въ массѣ „союзниковъ“,—русская, наоборотъ, пріобрѣла нѣкоторыя боевыя качества, которыхъ она была лишена ва 1805 году. Двѣ коалиціи, война съ Швеціей, почти непрерывно шесть лѣтъ тянувшаяся война съ турками (1806—1812),—которая окончилась почти въ ничью *) только потому, что Александру стали

*) Бухарестскимъ миромъ 15 мая 1812 г. Княжества остались за турками, которые уступили Россіи только восточный берегъ Прута. См. объ этомъ ниже.

необходимы 60 тысячъ солдатъ, занятыхъ на Дунаѣ—все это было очень хорошей военной школой для плацпарадной арміи, оставленной въ наслѣдство своему сыну Павломъ. Война выдвинула цѣлый рядъ генераловъ и офицеровъ, если и не очень талантливыхъ, то, во всякомъ случаѣ, съ несомнѣнной боевой опытностью—и, отучивъ солдатъ нѣсколько отъ шагистики, выучила ихъ стрѣлять. Но размѣры этой арміи росли весьма туго — и финансы Россіи были совсѣмъ не въ такомъ положеніи, чтобы ускорить этотъ процессъ. Англійскія же субсидіи явились слишкомъ поздно—только уже въ самомъ началѣ войны: ихъ значеніе сказалось больше въ 1813, чѣмъ въ 1812 году. Мы уже упоминали, что къ началу военныхъ дѣйствій Александръ имѣлъ на берегахъ Нѣмана и Буга до двухсотъ тысячъ человѣкъ — по спискамъ и, вѣроятно, нѣсколько менѣе въ дѣйствительности. Даже съ дунайской арміей, которая подошла лишь къ началу осени, это было раза въ полтора меньше „Большой арміи“ Наполеона. Вооруженіе народа, образованіе ополченія было теперь еще болѣе настоятельной необходимостью, чѣмъ въ 1806 году. Русское дворянство очень охотно жертвовало своими крѣпостными ради такой „національной“ войны, какой была возобновившаяся борьба съ Наполеономъ. Александръ былъ очень доволенъ достигнутыми результатами, или, по крайней мѣрѣ, старался казаться довольнымъ. „Послѣдствія превзошли мои ожиданія“, писалъ онъ 18 іюля адмиралу Чичагову, вновь назначенному командиру дунайской арміи: „Смоленскъ мнѣ далъ 15.000 чел., Москва—80.000. Калуга—23.000. Каждый часъ я ожидаю донесеній изъ другихъ губерній“... Въ дѣйствительности все это было повтореніемъ бутафорской „милиціи“ 1806 года. „Поспѣшность, съ которою было составлено ополченіе 1-го округа *), не позволила ни снарядить его надлежащимъ образомъ, ни дать ему достаточное военное образованіе“, пишетъ офиціальный историкъ Отечественной войны. „Ратники большею частью были вооружены только пиками и рогатинами и обуты въ лапти, что заставило употреблять ихъ почти исключительно для поданія помощи раненымъ, либо ставить въ третью шеренгу пѣхоты регулярныхъ войскъ“ **). Нѣкоторое военное значеніе имѣло только петербургское ополченіе (2-го округа): и примѣръ его служилъ блестящимъ доказательствомъ, что при нѣкоторой подготовкѣ народная армія отнюдь не была мечтой, и что уже въ началѣ XIX вѣка казарменная каторга технически вовсе не была необходима для выработки вполнѣ пригодныхъ солдатъ. Петербургскіе ополченцы были обучены всѣмъ фронтовымъ пріемамъ въ пять дней — и достигли такихъ успѣховъ, что на присутствовавшаго при ихъ ученьи англійскаго военнаго агента они произвели впечатлѣніе настоящей арміи, „выросшей изъ земли“. Но въ общемъ ходѣ войны значеніе этого небольшого отряда (около 13.000 чел.)

*) Обнимавшаго 8 губерній наиболѣе близкихъ къ театру военныхъ дѣйствій: Московскую, Тверскую, Ярославскую, Смоленскую, Калужскую, Тульскую, Владимирскую, Рязанскую.

**) Богдановичъ.—Исторія Отечественной войны 1812 года, т. II, стр. 51.

было ничтожно. Какъ и въ 1806—7 гг., вся тяжесть борьбы легла на регулярныя войска съ нѣкоторою помощью казаковъ,—которые однако стали опасны противнику и полезны арміи лишь съ той поры, когда французы были окончательно разстроены боями, голодомъ и холодомъ *).

Количественно слабая, качественно лучшая, чѣмъ когда-либо въ предшествовавшія войны съ Наполеономъ, эта армія управлялась такъ же плохо, какъ и всегда. Первоначальный планъ кампаніи былъ разсчитанъ на наступленіе: въ связи съ этимъ, между прочимъ, всѣ запасные магазины были придвинуты къ самой границѣ, что, разумѣется, осуждало ихъ на неизбѣжную гибель въ случаѣ отступленія. Благодаря этому, армія въ теченіе всей кампаніи въ Россіи жила исключительно средствами тѣхъ губерній, гдѣ происходили военныя дѣйствія—чѣмъ „опустошеніе страны“, котораго такъ боялся Наполеонъ, достигалось само собою въ максимальныхъ размѣрахъ. Привычка пропитываться собственными средствами естественно вела за собою привычку къ мародерству и грабежу. „Я обогналъ много бродягъ, отставшихъ отъ войны на цѣлый переходъ, въ самомъ отвратительномъ видѣ“, писалъ Александръ Павловичъ Барклаю-де-Толли отъ 6-го іюля—черезъ двѣ недѣли послѣ начала войны. Въ отвѣтъ на требованіе императора „прекратить эти безпорядки“ главнокомандующій не умѣлъ найти ничего, кромѣ стараго, давно доказавшаго свою безполезность средства—разстрѣливать всѣхъ мародеровъ или подозрѣваемыхъ въ мародерствѣ. Самъ Барклай сомнѣвался въ его дѣйствительности и примѣнялъ эту мѣру больше по обычаю *). Во всякомъ случаѣ, грабежи не прекращались; грабили и около Вильны, и около Витебска, и подъ Смоленскомъ, и подъ Москвой: и не грабить было нельзя, ибо солдатамъ надо было что-нибудь ѣсть. Надо прибавить, что если солдаты грабили просто подъ непосредственнымъ давленіемъ голода, то высшіе чины грабили не меньше, но съ большимъ комфортомъ и съ меньшей опасностью. Начальникъ штаба первой арміи, генералъ Ермоловъ, разсказываетъ цѣлый рядъ весьма поучительныхъ случаевъ изъ этой области, какъ очевидецъ. Одинъ изъ опорныхъ пунктовъ при отступленіи нашей арміи на сѣверо-востокъ, прикрывавшая дорогу на Петербургъ крѣпость Динабургъ (теперь Двинскъ) „строилась около двухъ лѣтъ большимъ весьма иждивеніемъ: болѣе 5.000 человѣкъ военныхъ погребено при работахъ и въ такомъ же или большемъ числѣ разсѣяла смертность“; въ результатѣ о крѣпости „надобно было разспрашивать, гдѣ она: линіи оной даже не были означены“. „Все время“, заключаетъ Ермоловъ, „повидимому, употреблено было, дабы дать правдоподобіе расходамъ похищенной суммы“ **). Само собою разумѣется, что динабургская крѣпость никакой роли

*) „Никто болѣе казаковъ не разсуждаетъ объ опасности и едва ли кто смотритъ на нее съ бо́льшимъ ужасомъ“, говоритъ ген. Ермоловъ въ своихъ запискахъ (стр. 171).

*) См. его донесенія императору изъ-подъ Смоленска 9 августа.

**) Записки Ермолова, стр. 15.

въ кампаніи не сыграла и была очищена безъ сопротивленія. Таковы были инженеры: но, какъ и можно ожидать, пальма первенства принадлежала интендантскому вѣдомству. Мы выше упомянули, что при отступленіи пришлось сжечь или бросить непріятелю запасные магазины. Это дало поводъ къ колоссальнымъ злоупотребленіямъ: горѣли магазины, въ которыхъ, по всѣмъ даннымъ, физически не могло быть ни одной четверти овса и ни одного пуда сѣна *).

Относительно плана кампаніи послѣ того, какъ рушились всѣ надежды на поддержку поляковъ, съ одной стороны, а, съ другой, стало извѣстно о союзѣ Наполеона съ Австріей и Пруссіей, въ русскомъ главномъ штабѣ царствовалъ полный хаосъ. „Въ то время, когда Наполеонъ готовился вторгнуться въ Россію“, говоритъ уже цитированный нами офиціальный историкъ войны 1812 года, „никто у насъ не могъ въ точности опредѣлить—ни образа дѣйствій нашихъ армій, ни направленія, по которому слѣдовало двигаться въ случаѣ отступленія, ни конечнаго пункта, къ коему довелось намъ отступать“ **). Офиціальный историкъ объясняетъ это естественной и непреодолимой ограниченностью человѣческаго предвидѣнія: не трудно однако же замѣтить, что полнаго отсутствія плана кампаніи однимъ этимъ объяснить нельзя. Казалось бы, при всѣхъ естественныхъ недостаткахъ человѣческаго ума, можно и должно было отвѣтить себѣ на вопросъ: хотимъ ли мы давать сраженіе Наполеону или нѣтъ? Очень распространено мнѣніе, что „скиѳская тактика“ заманиванія французской арміи въ глубь Россіи была рѣшена съ самаго начала —по крайней мѣрѣ, съ того момента, когда мы отказались отъ вторженія въ Польшу. Въ подтвержденіе этого мнѣнія цитируютъ отдѣльныя фразы Александра и Барклая-де-Толли, сказанныя, отчасти, еще задолго до войны. Между тѣмъ не было сколько-нибудь удобной—или казавшейся удобной позиціи—на пространствѣ отъ Вильны до Москвы, гдѣ наша армія не готовилась бы принять бой. Ея главнокомандующій, Барклай-де-Толли, неоднократно заявлялъ о своей готовности и рѣшимости дать сраженіе Наполеону,—заявлялъ это не только публично, что могло бы еще быть объяснено, какъ средство поднять упавшее настроеніе войска, но и въ частныхъ письмахъ дѣлового характера. Императоръ же Александръ даже послѣ того, какъ оборонительная тактика блестяще оправдалась полнымъ разложеніемъ французской арміи, все еще находилъ возможность пенять Барклаю, что онъ не принялъ сраженія подъ Смоленскомъ,—т. е. не отступилъ отъ оборонительной тактики. Очевидно, что и у того и у другого или не было полной искренности, когда они грозили Наполеону заманить его чуть не въ Камчатку, или не хватало духа привести подобный планъ въ исполненіе. Какъ бы то ни было, это были одни слова, не имѣвшія никакого вліянія на дѣйствія русскихъ войскъ. Отступленіе отъ Вильны до Москвы было результатомъ не сознательнаго расчета, а просто механическаго толчка, даннаго намъ „Большой арміей“ Наполеона. По справедливому

*) Тамъ же, стр. 56

**) Богдановичъ, цит. т. I, 94

замѣчанію Ермолова, „средство отступленія, единственное въ положеніи нашемъ,... слишкомъ хорошо истолковано было превосходствомъ силъ непріятельскихъ". Но какъ и куда отступать, это оставалось опять-таки совершенной загадкой для руководителей русской арміи. Повидимому, ими былъ принятъ планъ Фуля,—прусскаго генерала, перешедшаго на русскую службу. Онъ состоялъ въ комбинаціи системы укрѣпленныхъ лагерей, представлявшихъ тогда послѣднее слово стратегіи, практически подтвержденное опытомъ португальской кампаніи Веллингтона (лагерь у Торресъ-Ведрасъ),—съ полузабытымъ опытомъ Семилѣтней войны. Въ немъ было два момента: одинъ состоялъ въ устройствѣ обширнаго укрѣпленнаго лагеря, гдѣ могла бы укрыться цѣлая армія, другой—въ раздѣленіи самой этой арміи на двѣ части, одна изъ которыхъ удерживала бы непріятеля передъ этимъ лагеремъ, другая дѣйствовала бы ему во флангъ и тылъ. Такова была теорія плана: но, нужно сказать, Фуль былъ совершенно неповиненъ въ той практической формѣ, какую придали его плану русскіе генералы. Для его плана вовсе не было нужно, чтобы русская армія была растянута вдоль всей западной границы на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ отдѣльными корпусами, которые потомъ соединялись передъ лицомъ превосходныхъ силъ непріятеля съ величайшимъ трудомъ и постоянной опасностью быть отрѣзанными. Такое расположеніе войска имѣло бы смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы предполагалось упорно защищать линію Нѣмана: этого не входило ни въ планъ Фуля, ни, повидимому, въ намѣренія русскаго штаба, такъ какъ Наполеону было предоставлено переправиться черезъ Нѣманъ безъ единаго выстрѣла. Далѣе, для фулевскаго плана было существенно необходимо, чтобы вторая армія, направленная на флангъ и тылъ Наполеона, обладала достаточными размѣрами для самостоятельныхъ дѣйствій: между тѣмъ, въ то время, какъ первая армія, сосредоточенная въ лагерѣ при Дриссѣ, заключала въ себѣ 110—120 тыс. человѣкъ, вторая армія Багратіона имѣла не болѣе 40 тыс. *) Въ такомъ видѣ 2-я армія была слабѣе двухъ наполеоновскихъ корпусовъ, вмѣстѣ взятыхъ,—а въ главныхъ силахъ Наполеона такихъ корпусовъ было восемь,—и ей ничего не оставалось, кромѣ самаго поспѣшнаго отступленія въ глубь страны, вплоть до соединенія съ первой арміей. Такое распредѣленіе силъ—въ корнѣ обезсмыслившее операціонный планъ Фуля—опять-таки едва ли можно объяснить естественной ограниченностью человѣческаго предвидѣнія. Скорѣе тутъ можно видѣть одинъ изъ образчиковъ перевѣса придворныхъ соображеній надъ военными, какіе мы видали и раньше. При первой арміи былъ императоръ, она

*) 3-я или резервная армія, приблизительно такихъ же размѣровъ, подъ командою Тормасова предназначалась первоначально для прикрытія юго-западныхъ губерній, а потомъ вмѣстѣ съ войсками, возвратившимися съ Дуная, для дѣйствій на сообщеніяхъ „Большой арміи". Въ первую половину кампаніи она не играла большой роли, оперируя противъ австрійцевъ и саксонцевъ, которымъ, въ свою очередь, въ планѣ Наполеона была отведена чисто демонстративная роль.

должна была закрывать дорогу на Петербургъ, если бы Наполеонъ избралъ это направленіе — причины слишкомъ достаточныя, чтобы въ рукахъ Барклая сосредоточить втрое больше солдатъ, чѣмъ у Багратіона.

Наполеонъ не пошелъ этой дорогой. Завладѣть Петербургомъ вовсе не входило въ его планы—походъ вдоль береговъ Балтійскаго моря все время подставлялъ бы его лѣвый флангъ подъ удары англичанъ и шведовъ. Кромѣ того, обладаніе административнымъ центромъ Россіи ни къ чему непосредственно не вело. Правда, оно дало бы возможность замкнуть кольцо континентальной блокады,—но въ то же время всѣ экономическіе рессурсы страны оставались бы въ рукахъ Александра, который могъ продолжать войну до безконечности. Между тѣмъ,—и это было еще одной изъ причинъ катастрофы,—войну нужно было кончать скоро: выносить одновременно двѣ такихъ болячки на своемъ тѣлѣ, какъ Россія и Испанія, имперія не могла. Попытка покончить съ Испаніей не удалась—нужно было покончить съ Россіей возможно скорѣе. Для этого нужно было ударить въ центръ экономической жизни Россіи, захватить въ свои руки узелъ тѣхъ рѣчныхъ дорогъ, которыя являлись тогда почти единственными грузовыми трактами, отрѣзать Петербургъ отъ губерній, снабжавшихъ его хлѣбомъ и заблокировать Александра въ его столицѣ. Ставъ между Окой и Волгой, Наполеонъ достигалъ всѣхъ этихъ цѣлей: а поднять французское знамя на башняхъ Кремля, значило дополнить реальный успѣхъ однимъ изъ тѣхъ сценическихъ эффектовъ, которые этотъ великій актеръ такъ цѣнилъ—и безъ которыхъ никогда не обходилась его политика отъ похода къ пирамидамъ до высадки въ Каннѣ въ 1815 году. Что саморазложеніе французскихъ войскъ пойдетъ такъ быстро, что онъ дойдетъ до Москвы лишь съ обломками своей „Большой арміи" и не найдетъ въ самой Москвѣ ничего, кромѣ развалинъ, это были случайности, къ которымъ онъ не былъ готовъ и о которыя разбился весь его планъ. Но въ іюнѣ 1812 года планъ этотъ казался вполнѣ осуществимымъ, французскіе солдаты знали, что они идутъ въ Москву, и надеждой прійти туда жила вся армія.

Извѣстіе о переходѣ французами границы застало Александра, какъ извѣстно, врасплохъ. У насъ были увѣрены, что главныя силы Наполеона еще подъ Варшавой, что вдоль Нѣмана стоятъ лишь незначительные передовые отряды „Большой арміи". На этомъ основаніи у насъ позволяли себѣ мечтать о наступленіи почти наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій (еще 1 апрѣля, напр., въ этомъ смыслѣ дано было предписаніе генералъ - интенданту Канкрину). При всей внѣшней выдержкѣ, русскій императоръ обнаружилъ полную растерянность въ своихъ дѣйствіяхъ, когда въ истинномъ положеніи дѣла уже нельзя было болѣе сомнѣваться. Пытаясь сдѣлать видъ, что переходъ Наполеономъ границы есть лишь послѣдствіе простого недоразумѣнія, случайной неловкости русскаго посла въ Парижѣ, Куракина (потребовавшаго безъ разрѣшенія и вѣдома

русскаго правительства своихъ паспортовъ), Александръ написалъ въ этомъ смыслѣ письмо императору французовъ и отправилъ его съ Балашовымъ,—въ явной надеждѣ выиграть нѣсколько дней для отступленія русской арміи. Но онъ имѣлъ дѣло съ слишкомъ опытнымъ военнымъ человѣкомъ для того, чтобы такой простой маневръ могъ удаться: Балашова Наполеонъ принялъ, хотя не тотчасъ, и даже удостоилъ его весьма продолжительной бесѣды, французскія же арміи продолжали двигаться впередъ безостановочно. На помощь намъ сразу же пришелъ климатъ: почти тропическіе ливни превратили дорогу въ сплошной кисель; лошади французской кавалеріи, плохо кормленныя зелеными, скошенными на корню, овсомъ и рожью, не выдержали тяжелыхъ переходовъ и падали массами: въ нѣсколько дней ихъ погибло до десяти тысячъ. Обозы безнадежно отстали — и французская армія послѣ всѣхъ сложныхъ и дорогихъ приготовленій съ первыхъ же переходовъ начала голодать—и грабить. Населеніе — тѣ самые литвины, на сочувствіе которыхъ, со словъ польскихъ помѣщиковъ, такъ надѣялись во французской арміи—бѣжало въ лѣса и не оказывало никакихъ услугъ. Въ довершеніе, французскій штабъ страшно путался въ незнакомой странѣ—несмотря на то, что всѣ мѣры и здѣсь опять-таки были приняты: въ распоряженіи Наполеона была подробная русская карта офиціальнаго изданія; по его приказанію, она была перегравирована и роздана во всѣ полки: но русская офиціальная карта была такъ плоха, что пользованіе ею приводило къ самымъ отрицательнымъ результатамъ.

Въ концѣ концовъ первая армія отступила отъ Вильны къ Дриссѣ благополучно—и такъ быстро притомъ, что непріятель на нѣсколько дней былъ потерянъ изъ виду, и пришлось отправлять спеціальные разъѣзды, чтобы напасть на его слѣды. Правда, благодаря этой быстротѣ была брошена большая часть обозовъ, но это было еще лучшее, что могло случиться. Планъ Фуля, практически былъ уже упраздненъ событіями—вторая армія была безнадежно отрѣзана отъ первой французами, и о ней въ Дриссѣ имѣли еще менѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ о положеніи непріятеля. Поэтому совершенно независимо отъ удобствъ или неудобствъ несчастнаго лагеря при Дриссѣ, держаться въ немъ не имѣло ни малѣйшаго смысла. Такъ какъ императоръ не могъ отступить—это было ниже его достоинства—то Александръ Павловичъ поспѣшилъ уѣхать изъ арміи въ Москву—воодушевлять населеніе: больше ему, дѣйствительно, ничего не оставалось. А Барклай, незадолго передъ тѣмъ писавшій Багратіону, что онъ надѣется, что „Богъ помилуетъ насъ отъ отступленія", и назначавшій генеральное сраженіе подъ Свенцянами (близъ Вильны) — Барклай долженъ былъ взять на себя бремя непопулярности и приняться за руководство дальнѣйшимъ спасаніемъ первой арміи отъ Наполеона.

Задачи послѣдняго теперь, когда не удалось разбить русскую армію по частямъ на границѣ, сводились къ двумъ: во-первыхъ, помѣшать

дальнѣйшей концентраціи русскихъ силъ—и ни въ какомъ случаѣ не допускать соединенія Барклая съ Багратіономъ. Во-вторыхъ, отрѣзать главныя силы русскихъ — т. е. первую армію Барклая-де-Толли — отъ южныхъ и, буде возможно, отъ центральныхъ губерній, заставивъ ее перемѣнить восточное направленіе на сѣверо-восточное или даже прямо сѣверное. Первую задачу долженъ былъ выполнять корпусъ Даву—но великій администраторъ французской арміи здѣсь оказался не на высотѣ положенія и подъ Могилевомъ далъ Багратіону опередить себя на одинъ переходъ. Этого было достаточно, чтобы обѣ арміи соединились подъ Смоленскомъ. Тогда Наполеонъ съ удвоенной энергіей принялся за разрѣшеніе второй задачи—и едва не успѣлъ въ этомъ. Соединившись, русскіе главнокомандующіе не могли воздержаться отъ искушенія — перемѣнить оборонительную тактику на наступательную: обѣ арміи двинулись къ сѣверо-западу отъ Смоленска обратно по дорогѣ на Витебскъ, безъ ясно опредѣленной цѣли—въ качествѣ смутной возможности рисовалась побѣда надъ крайнимъ лѣвымъ крыломъ „Большой арміи“—итальянцами 4-го корпуса, слишкомъ оттянувшимися отъ главныхъ силъ. Этотъ переходъ въ наступленіе—на который Барклай согласился крайне неохотно, выполнялся въ высшей степени нестройно и медленно. Отношенія между главнокомандующими весьма напоминали отношенія Беннигсена и и Буксгевдена въ 1806 году. „Никогда главнокомандующій какой-либо арміи не находился въ столь непріятномъ положеніи, какъ я въ сіе время“, писалъ впослѣдствіи Барклай Александру I. Багратіонъ обвинялъ своего коллегу прямо въ государственной измѣнѣ и притомъ не только устно, а и на письмѣ. „Мы проданы“, писалъ онъ начальнику штаба 1-й арміи, Ермолову: „я вижу, насъ ведутъ на гибель“. „Я служилъ моему природному государю, а не Бонапарте“, прибавлялъ онъ, намекая, что кто-то другой служитъ именно Бонапарте. Поставленный между двухъ огней—опасеніемъ погрома, который Барклай въ глубинѣ души считалъ неизбѣжнымъ въ случаѣ столкновенія съ главными силами Наполеона, и нежеланіемъ быть ославленнымъ, какъ измѣнникъ (а, можетъ быть, и больше, чѣмъ просто ославленнымъ: участь Сперанскаго была еще свѣжа въ памяти всѣхъ) — главнокомандующій первой арміей изображалъ шагъ на мѣстѣ, въ сущности не идя впередъ, и все время имѣлъ въ виду не столько положеніе французовъ, сколько отношеніе къ себѣ главнокомандующаго второй арміей. „Я долженъ былъ льстить его самолюбію“, признавался онъ впослѣдствіи Александру, „и уступать ему въ разныхъ случаяхъ противъ собственнаго своего удостовѣренія“. Тѣмъ временемъ французы быстро перебросили главную массу „Большой арміи“ на лѣвый берегъ Днѣпра и черезъ Красный попытались охватить лѣвое крыло соединенныхъ русскихъ армій,—отрѣзывая ихъ этимъ движеніемъ отъ южныхъ губерній и отъ резервной арміи Тормасова, а въ случаѣ дальнѣйшей удачи —захвата Смоленска—и отъ Москвы. Тутъ вторично въ кампаніи 1812 года обнаружилось, что наполеоновскіе

маршалы за глазами своего императора способны дѣйствовать не лучше русскихъ генераловъ. Мюратъ повторилъ ошибку Даву—давъ отступить во время небольшому сторожевому отряду, прикрывавшему нашъ лѣвый флангъ, и позволивъ, благодаря этому, русскимъ сосредоточить наспѣхъ достаточныя силы для защиты Смоленска.

Бои подъ Смоленскомъ (4—5 августа)—первое крупное сраженіе въ эту кампанію, которое Багратіонъ и его сторонники очень желали превратить въ генеральную битву — были отчаянной попыткой французовъ исправить ошибку Мюрата подъ Краснымъ. При всемъ численномъ перевѣсѣ арміи Наполеона, мѣстныя условія были однако настолько выгодными для насъ, что попытка эта не удалась. Старая смоленская крѣпость, построенная еще при Борисѣ Годуновѣ, оказалась способной выполнять свою задачу и въ началѣ XIX вѣка: такъ мало прогрессировала военная техника съ того времени. Смоленскія стѣны въ теченіе двухъ дней выдерживали огонь даже батарейной (тяжелой полевой) артиллеріи: чтобы ихъ разрушить, нужны были осадныя орудія, которыхъ при „Большой арміи", не разсчитывавшей имѣть дѣло съ крѣпостями, не было. *) Несмотря на огромныя потери, городъ былъ взятъ лишь тогда, когда русскіе пожелали его отдать —послѣ того, какъ обѣ арміи отошли за Смоленскъ и были, такимъ образомъ, въ безопасности. Это былъ несомнѣнный успѣхъ, и успѣхомъ этимъ русская армія была обязана Барклаю-де Толли: онъ добился того, что и вторая изъ задачъ, стоявшихъ передъ Наполеономъ въ началѣ перваго періода кампаніи, не была разрѣшена такъ, какъ было нужно для французовъ. Въ первый разъ съ начала войны Наполеонъ заговорилъ со своими маршалами о возможности — закончить кампанію 1812 года, не доходя до Москвы, и расположиться на зимнія квартиры между Витебскомъ и Смоленскомъ. Нѣсколько дней спустя, въ разговорѣ съ плѣннымъ русскимъ генераломъ Тучковымъ, онъ пошелъ еще дальше, заявляя, что онъ ничего не желаетъ болѣе, какъ прекратить миромъ военныя дѣйствія. „Мы уже довольно сожгли пороха, и довольно пролито крови; вѣдь когда же нибудь надобно кончить! За что мы деремся"?—Повидимому, ради заключенія мира Наполеонъ не прочь былъ даже отъ нѣкоторыхъ уступокъ въ области континентальной блокады. „Вы хотите имѣть сахаръ и кофе", говорилъ онъ: „вы будете имѣть ихъ". Обо всемъ этомъ онъ просилъ Тучкова довести до свѣдѣнія императора Александра—черезъ посредство брата Тучкова (корпуснаго командира).

Трудно сказать, какое впечатлѣніе произвели бы эти симптомы въ Петербургѣ, если бы они тамъ стали извѣстны во время. Но при тогдашней медленности сношеній судьбы арміи и войны рѣшались въ столицѣ, обыкновенно, очень заднимъ числомъ. Въ то время, какъ происходили бои подъ Смоленскомъ, столичная публика была подъ впечатлѣніемъ удачнаго соединенія армій, съ одной стороны, „нерѣшительности и медленности"

*) Осадный паркъ имѣлся только при корпусѣ Макдональда, оперировавшемъ противъ Риги.

Барклая, съ другой. Всѣ истинные патріоты требовали немедленнаго перехода въ наступленіе — и перемѣны главнокомандующаго. Извѣстія изъ лагеря Багратіона и его сторонниковъ въ сильной степени подогрѣвали настроеніе. Императору Александру, чувствовавшему свою отвѣтственность за Барклая, котораго онъ, и никто другой, вывелъ въ люди, сдѣлалъ военнымъ министромъ и главнокомандующимъ, предстояло рѣшиться на шагъ, аналогичный перевороту 17 марта 1812 года: чтобы удовлетворить общественное мнѣніе русскаго дворянства, тогда онъ разстался со Сперанскимъ; теперь для той же цѣли нужно было не только замѣнить Барклая кѣмъ-нибудь другимъ — но и выбрать этого другого непремѣнно изъ оппозиціи. Александръ Павловичъ видѣлъ необходимость пойти на эту уступку — и весьма антипатичный ему еще съ Аустерлица Кутузовъ сталъ главнокомандующимъ. По обыкновенію, дѣло было обставлено нѣкоторой конституціонной комедіей: въ вечеръ второго смоленскаго сраженія (5 августа) особое совѣщаніе изъ высшихъ военныхъ чиновъ, нѣкоторыхъ министровъ и членовъ государственнаго совѣта, въ теченіе трехъ часовъ заслушавъ и обсудивъ отчеты Барклая-де-Толли о ходѣ военныхъ дѣйствій, „пришло къ заключенію", что необходимо назначить одного, общаго главнокомандующаго всѣми вооруженными силами Россіи и что этимъ главнокомандующимъ долженъ быть Кутузовъ. Послѣдній за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство, и весь Петербургъ зналъ, что главнокомандующимъ будетъ назначенъ именно онъ.

Отправляясь въ армію, Кутузовъ откровенно заявлялъ близкимъ людямъ, что онъ не надѣется разбить Наполеона, но надѣется его обмануть. Первое очень скоро оправдалось въ точности — второго пришлось ждать довольно долго. Съ новымъ главнокомандующимъ въ армію явилось много новыхъ лицъ, — которые начали съ того, разумѣется, что стали выживать старыхъ руководителей и заводить новые порядки. Кутузовъ былъ слишкомъ старъ, чтобы положить конецъ этой грызнѣ, — вообще онъ оказался слишкомъ старъ для какихъ бы то ни было рѣшительныхъ дѣйствій—и, повидимому, помимо этого, слишкомъ хорошо помнилъ Аустерлицъ. Но если тогда его военныя соображенія были парализованы придворными расчетами, то теперь въ дѣла вмѣшивался на каждомъ шагу другой элементъ не-военнаго характера: давленіе дворянскихъ „патріотовъ", увѣренныхъ, какъ и всѣ представители этой разновидности во всѣ времена, что непріятеля можно шапками закидать. Про себя Кутузовъ смотрѣлъ на дѣло, можетъ быть, болѣе пессимистически, чѣмъ нужно было: но ради удовлетворенія общественнаго мнѣнія онъ долженъ былъ казаться гораздо болѣе дерзкимъ, чѣмъ слѣдовало. Результаты получились обратные тѣмъ, какихъ ожидали въ Петербургѣ отъ перемѣны главнокомандующаго. Съ назначеніемъ Кутузова — и до конца кампаніи, въ сущности—армія лишилась всякаго центральнаго руководства. Событія развивались совершенно стихійнымъ путемъ—и генераль-

ное сраженіе, о которомъ мечтали „патріоты“, — но которое было нужно Наполеону, а никакъ не русскимъ, застало нашу армію въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, на позиціи, крайне неудачно выбранной и еще хуже укрѣпленной. Она была неприступна съ той стороны, откуда намъ никто не угрожалъ, и настолько доступна со стороны, обращенной къ непріятелю, что Наполеонъ, какъ извѣстно, бралъ наши батареи кавалерійскими атаками. На этой позиціи русская армія стояла, пассивно ожидая противника,—и фактически *приняла* сраженіе вмѣсто того, чтобы его *дать*. Между тѣмъ теперь шансы вовсе не были такъ безнадежны какъ въ началѣ кампаніи. На 130.000 штыковъ и сабель Наполеона русскіе имѣли 105.000 (не считая ополченія и казаковъ): но почти 20.000 штыковъ гвардіи Наполеонъ не пустилъ въ дѣло и не расположенъ былъ пускать ни при какихъ условіяхъ. При почти равномъ числѣ сражающихся мы имѣли крупный перевѣсъ въ главномъ огнестрѣльномъ оружіи эпохи, въ артиллеріи: у русскихъ было 640 орудій противъ 587 французскихъ, притомъ почти четверть нашихъ орудій были батарейныя, тогда какъ у Наполеона едва десятая часть, —остальныя по дальности и силѣ боя далеко уступали русскимъ батарейнымъ орудіямъ. Если прибавить къ этому, что обычный маневръ Наполеона—охватъ лѣваго русскаго крыла—тактически такъ же не удался подъ Бородиномъ, какъ не удался онъ подъ Смоленскомъ стратегически, —(командующія лѣвымъ флангомъ высоты были своевременно заняты русскими, хотя и относительно слабыми силами, но достаточными, чтобы задержать обходное движеніе поляковъ и вестфальцевъ)—и что самую сильную часть нашей позиціи корпусамъ Даву и Нея пришлось брать въ лобъ, фронтальными атаками,—то придется признать, что результаты Бородинскаго боя были несравненно ниже того, на что позволяли надѣяться имѣвшіяся въ распоряженіи Кутузова данныя. Онъ достигъ только того, что не былъ разбитъ на голову—при всѣхъ не весьма добросовѣстныхъ усиліяхъ его рапорта изобразить дѣло, какъ полу-побѣду, его нельзя было назвать даже нерѣшительнымъ. Къ вечеру всѣ наши позиціи *) были въ рукахъ французовъ; непріятель имѣлъ двадцатитысячный совершенно нетронутый резервъ, — тогда какъ изъ русскихъ армій вторая не существовала вовсе, а первая была почти совершенно разстроена, потерявъ до 40%, если не болѣе. Вообще наши потери поражали своею непропорціональностью сравнительно съ французскими; въ то время, какъ болѣе слабая артиллеріей и все время наступавшая самымъ энергичнымъ образомъ, армія Наполеона потеряла только 28.000 человѣкъ, русскіе лишились не менѣе 44.000,—въ результатѣ чего на другой день боя Наполеонъ оказался вдвое сильнѣе Кутузова, тогда какъ наканунѣ онъ былъ сильнѣе его всего на 25%. Причиной было крайне безтолковое расположеніе нашихъ войскъ, — тѣснившихся, безъ всякой нужды, на небольшомъ пространствѣ,

*) Лѣваго крыла и центра; о правомъ не приходится говорить, такъ какъ французы вовсе его не атаковали.

такъ что непріятельскія ядра могли бить всѣ четыре линіи нашихъ корпусовъ вплоть до резервовъ.

Бородинское сраженіе дало Наполеону — безъ всякой необходимости—послѣдній формальный успѣхъ: взятіе Москвы. Если бы всѣ атаки французовъ на Бородинскомъ полѣ были отбиты, въ чемъ не было, какъ мы сейчасъ могли видѣть, ничего невѣроятнаго, „Большой арміи“ пришлось бы возвращаться къ Смоленску и тамъ располагаться на зимовку. Чтобы лишить ее возможности зимовать въ Москвѣ, пришлось прибѣгнуть къ героическимъ мѣрамъ: по предписанію ген.-губернатора Растопчина полиція сожгла городъ *), оставленный жителями — гдѣ, по крайней мѣрѣ, не осталось „ни одного дворянина“, по завѣренію Кутузова. Это было самое главное, — прочія сословія могли и потерпѣть. Какъ всегда бываетъ, полиція пришла въ данномъ случаѣ на помощь „патріотизму“ обывателей,—которые сами по себѣ, по свидѣтельству очевидцевъ, патріотическія чувства обнаруживали въ весьма слабой степени. Ермоловъ даетъ, напримѣръ, весьма выразительную

*) Вопросъ о томъ, кому принадлежитъ честь или на кого падаетъ вина московскаго пожара, въ сущности разрѣшенъ до конца еще Богдановичемъ въ 50-хъ гг. Изъ приводимыхъ у него данныхъ съ несомнѣнностью вытекаетъ, 1) что у Растопчина былъ такой планъ еще за нѣсколько недѣль до оставленія города; 2) что имъ были приняты всѣ мѣры къ осуществленію этого плана (напр., увезены всѣ пожарные инструменты); 3) что имъ были даны соотвѣтствующія инструкціи полицейскимъ приставамъ, нѣкоторые изъ которыхъ приняли, по собственному признанію, непосредственное участіе въ поджогахъ. См. „Исторію Отечественной войны“, т. II, стр. 312—315.

картину отношенія москвичей къ раненымъ — вполнѣ оправдывающую его слова объ „оскорбительномъ равнодушіи столицы къ бѣдственному состоянію солдатъ“ *). Какъ бы то ни было—непосредственной военной цѣли Растопчинъ достигъ; зимовать французамъ, дѣйствительно, было негдѣ. При невозможности остаться въ Москвѣ, пребываніе въ ней могло только довести до конца разложеніе „Большой арміи“, начавшееся еще на границѣ. Среди хаоса и развалинъ не было никакой возможности поддержать дисциплину въ переутомленныхъ походомъ войскахъ. Даже старая гвардія поддалась общей дезорганизаціи: не только ближайшее начальство потеряло всякій авторитетъ, но въ присутствіи самого императора войска вели себя такъ, что поведеніе ихъ приходилось отмѣчать въ приказахъ. О „союзникахъ“ и говорить не приходилось: вспомогательныя войска превратились въ Москвѣ просто въ банду мародеровъ.

Это мародерство автоматически создавало сначала въ окрестностяхъ Москвы, а затѣмъ и далѣе то, чего не удавалось достигнуть краснорѣчію правительственныхъ манифестовъ и воззваній: народную войну. На защиту отъ разбойниковъ, одѣтыхъ во французскіе, вюртембергскіе, вестфальскіе и иные мундиры, поднималось крестьянство, вооруженное чѣмъ попало: и такъ какъ оно имѣло дѣло съ непріятелемъ до послѣдней степени дезорганизованнымъ, то побѣда, и часто довольно легкая, оставалась на сторонѣ крестьянства. На множествѣ

*) См. его „Записки“, стр. 191. Ср. стр. 145,—объ истинномъ характерѣ „патріотическихъ пожертвованій“

отдѣльныхъ примѣровъ можно прослѣдить, какъ именно этимъ путемъ защиты своего очага отъ мародеровъ пробуждался въ массахъ тотъ патріотизмъ, о которомъ такъ много и такъ безплодно говорили наверху. „Если бы вмѣсто звѣрства, злодѣйствъ и насилій непріятель употребилъ кроткое съ поселянами обращеніе и къ тому еще не пожалѣлъ денегъ, то армія (французская) не только не подверглась бы бѣдствіямъ ужаснѣйшаго голода, но и вооруженіе жителей или совсѣмъ не имѣло бы мѣста, или было бы не столь общее и не столь пагубное“, говоритъ Ермоловъ *). А на почвѣ массоваго вооруженія развивалась и крѣпла та партизанская война, съ которой французы четыре года безуспѣшно боролись на Пиренейскомъ полуостровѣ. Русскіе партизаны были малочисленнѣе гверильясовъ и менѣе ихъ предпріимчивы; на ихъ долю не выпало ни одного такого крупнаго дѣла, какъ Байленъ. Но одной, основной, цѣли они достигали; фуражировки и реквизиціи, единственное средство прокормиться въ странѣ, гдѣ французы не имѣли запасныхъ магазиновъ, а русскіе были уничтожены, стали невозможны. Маленькіе отряды фуражировъ не могли на десять верстъ отойти отъ арміи, не рискуя быть истребленными; приходилось посылать на фуражировку пѣхоту съ пушками — но и это не помогало. Между тѣмъ немного въ сторонѣ отъ большой дороги было множество деревень, совершенно нетронутыхъ— откуда потомъ съ успѣхомъ продовольствовалась русская армія, преслѣдовавшая Наполеона.

*) „Записки“ стр. 242.

Разложеніе французскихъ войскъ сказалось весьма быстро—въ первые же дни по занятіи ими Москвы (2 сентября). Главнымъ образомъ этимъ приходится объяснить благополучное маневрированіе въ конецъ разстроенной русской арміи по южнымъ уѣздамъ Московской губерніи, между рязанской дорогой (по которой первоначально пошелъ Кутузовъ) и калужской. Благодаря тому маразму, въ который впала „Большая армія“, Наполеонъ до 14 сентября не предпринялъ даже сколько-нибудь обстоятельной рекогносцировки, чтобы узнать, куда же именно ушелъ Кутузовъ. Это дало время русскому штабу принять нѣкоторыя мѣры противъ стихійнаго хаоса, водворившагося въ арміи уже со времени отступленія отъ Смоленска и достигшаго крайней степени послѣ оставленія Москвы. Сторожевая служба упала до того, что однажды два эскадрона непріятельской кавалеріи едва не взяли въ плѣнъ самого начальника арріергарда, Милорадовича, незамѣтно подъѣхавъ къ дому, гдѣ онъ ночевалъ. Другой разъ въ хвостѣ нашей арміи, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ французскими передовыми постами, оказалась пѣхота съ тяжелой (батарейной) артиллеріей,—конница же, которая должна была прикрывать отступленіе именно этой артиллеріи и пѣхоты, далеко ушла впередъ. Любопытнымъ памятникомъ этого хаоса осталась особая присяга, которую именно въ это время предполагалось брать съ нижнихъ чиновъ: „не отлучаться отъ команды и не грабить“. Присяга была прислана изъ Петербурга—но на мѣстѣ нашли неудобнымъ такъ об-

наруживать свое отчаяніе и ограничились строгимъ приказомъ по арміи.

Единственнымъ средствомъ привести армію въ порядокъ было—перевести ее на нѣсколько недѣль на мирное положеніе: этой цѣли и отвѣчала стоянка въ Тарутинскомъ лагерѣ, куда русская армія вступила 20 сентября. Съ этого дня и до 6-го октября было нѣчто въ родѣ перемирія, хотя формально и не заключеннаго. Военныя дѣйствія выражались въ эти двѣ недѣли только въ набѣгахъ партизановъ — регулярныя же войска обѣихъ сторонъ мирно созерцали другъ друга, а начальники авангардовъ, Мюратъ и Милорадовичъ, ѣздили другъ къ другу въ гости. Тѣмъ временемъ Наполеонъ долженъ былъ окончательно убѣдиться, что его надежды на богатые московскіе запасы были совершенно неосновательны. Французамъ горькимъ опытомъ доставалось знакомство съ тѣмъ полу-натуральнымъ хозяйствомъ, какимъ жила средняя полоса Россіи въ началѣ XIX вѣка. Въ первый разъ за всѣ свои походы въ Европѣ они наткнулись на городъ, населенный исключительно потребителями—гдѣ производительные классы населенія составляли ничтожное меньшинство. Пока въ городѣ были эти потребители—помѣщики съ ихъ челядью—припасы туда стекались въ изобиліи. Стоило потребителямъ выѣхать—и городъ обращался въ настоящую пустыню, гдѣ труднѣе было что-нибудь найти, чѣмъ въ деревнѣ. Только къ концу своего пятинедѣльнаго пребыванія въ Москвѣ французы начали осваиваться нѣсколько съ этимъ положеніемъ вещей, давно забытымъ западной Европой. Появились прокламаціи, приглашавшія окрестное крестьянство свозить свои продукты на базаръ, причемъ гарантировалась неприкосновенность какъ самимъ продуктамъ, такъ и ихъ хозяевамъ. Но эта попытка „Большой арміи“ выступить самой въ роли потребителя, замѣнивъ собою выѣхавшее изъ Москвы дворянство, кончилась полной неудачей. Ближайшія окрестности города были уже опустошены дочиста—а въ болѣе дальнихъ терроризированные и озлобленные крестьяне уже начинали партизанскую войну. Необходимость выйти изъ-подъ Москвы и передвинуться на зимнія квартиры ближе къ западной границѣ, ясная съ перваго дня, становилась все настоятельнѣе. Но представлялся вопросъ: какъ добраться до ближайшаго этапа на этой дорогѣ, Смоленска, отдѣленнаго отъ Москвы двадцатью переходами, на протяженіи которыхъ Наполеонъ не позаботился устроить ни одного магазина — такъ тверды были его надежды на московскіе запасы. Во французскомъ штабѣ знали о существованіи старой дороги изъ Москвы въ Смоленскъ—на Боровскъ, Малоярославецъ и Медынь, и французскіе топографы получили приказъ ее изслѣдовать. Выйдя на эту дорогу, французы вступали въ совершенно нетронутый войной край, гдѣ можно было надѣяться прокормиться мѣстными средствами; въ то же время они охватывали лѣвое крыло арміи Кутузова, стоявшей подъ Тарутиномъ и, въ случаѣ удачи, отбрасывали ее на юго-востокъ, врѣзываясь клиномъ между главной арміей, съ одной стороны, ре-

сѣверной арміей Тормасова и дунайской — Чичагова, съ другой. Одновременно съ этимъ только что прибывшій изъ Франціи свѣжій корпусъ (9-й—маршала Виктора), долженъ былъ отбросить къ Петербургу войска Витгенштейна,—подвигавшіяся на югъ, тѣсня Удино и баварцевъ, оставленныхъ Наполеономъ на Двинѣ для охраны лѣваго фланга „Большой арміи“. Такимъ образомъ, кольцо, которое пытались образовать русскіе вокругъ послѣдней, было бы разорвано, и Наполеонъ, имѣя преимущество дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, билъ русскія силы по частямъ.

По странной случайности, обѣ арміи пришли въ движеніе одновременно. Въ тотъ самый день, когда Наполеонъ передъ выступленіемъ изъ Москвы дѣлалъ смотръ своимъ войскамъ, войска Кутузова вышли изъ своей тарутинской позиціи и атаковали авангардъ Мюрата на р. Чернишнѣ (6 октября). Это сраженіе—самое безпорядочное за всю кампанію, что не помѣшало Кутузову въ собственноручномъ донесеніи Александру уподобить его „учебному маневру, съ раченіемъ приготовленному“—кончилось побѣдой русскихъ, которые располагали въ этомъ бою всѣми своими силами (около 95 тысячъ человѣкъ) противъ 15.000 французовъ. Этотъ успѣхъ повелъ къ частичному переходу въ наступленіе и на другихъ пунктахъ. Двигаясь на сѣверъ, русская кавалерія вышла на ту дорогу, по которой должны были проходить главныя силы Наполеона—и скоро столкнулась съ этими послѣдними. Захваченные отсталые утверждали, что Наполеонъ уже пятый день, какъ вышелъ изъ Москвы со всей „Большой арміей“. Хотя онъ двигался гораздо быстрѣе Кутузова,—русская армія была предупреждена все же достаточно заблаговременно, чтобы стать поперекъ дороги французамъ. При Малоярославцѣ произошло столкновеніе. Наполеону удалось сосредоточить здѣсь только 70.000 человѣкъ, такъ что онъ былъ почти на треть слабѣе противника; орудій у него было уже вдвое менѣе, чѣмъ у русскихъ. Вопросъ о томъ, принимать или не принимать сраженія, пришлось теперь рѣшать ему. Послѣ долгаго колебанія, онъ рѣшилъ его отрицательно: французская армія потянулась на свою прежнюю дорогу, по которой она пришла въ Москву, къ Можайску.

Малоярославецъ былъ поворотнымъ пунктомъ кампаніи: разъ перейдя въ отступленіе, Наполеонъ вышелъ изъ этого состоянія только въ Германіи. Война упростилась до послѣдней степени: французы бѣжали, какъ только хватало силъ; уже въ первые дни по выходѣ изъ Москвы у нихъ былъ недостатокъ въ продовольствіи; вся кавалерія свелась къ четыремъ съ небольшимъ тысячамъ человѣкъ; разложеніе арміи шло въ ужасающей прогрессіи,—вестфальскій корпусъ, который шелъ въ головѣ всѣхъ войскъ, т. е. дальше всего отъ непріятеля, за два дня потерялъ отсталыми 8% своего состава. Кольцо, которое надѣялся разорвать Наполеонъ, должно было стягиваться все туже и туже. Если ему все-таки удалось разорвать его въ послѣднюю минуту, то этимъ

онъ былъ обязанъ исключительно русскимъ генераламъ. Прежде всего Кутузовъ, все продолжавшій видѣть передъ собою побѣдителей при Аустерлицѣ, никакъ не могъ освоиться съ мыслью, что онъ теперь сильнѣе Наполеона. Подъ Малоярославцемъ онъ уже отдалъ приказъ объ отступленіи, когда узналъ, что отступаетъ его противникъ. Подъ Вязьмой онъ могъ прійти на поле битвы со всей арміей, но оставилъ всю тяжесть боя на плечахъ передовыхъ отрядовъ—съ очевидной цѣлью, въ случаѣ неудачи, отдѣлаться возможно дешевле. Даже, когда Наполеонъ бросилъ Смоленскъ, что уже само по себѣ было явнымъ доказательствомъ полнаго разстройства „Большой арміи", наполеоновская гвардія казалась Кутузову очень страшной, и онъ не рѣшился стать ей поперекъ дороги, ограничиваясь добиваніемъ по частямъ остальныхъ французскихъ корпусовъ. Только потомъ, какъ бы раскаиваясь, что онъ не рѣшился дать сраженіе Наполеону, онъ изобразилъ это дѣло (подъ Краснымъ, 5 ноября) генеральнымъ сраженіемъ въ своей реляціи. На дальнѣйшемъ маршѣ Наполеонъ значительно опередилъ русскую армію—такъ что кульминаціонный пунктъ бѣгства „Большой арміи", переправа черезъ Березину, прошелъ совершенно безъ участія Кутузова; только его авангардъ былъ свидѣтелемъ — но не участникомъ, боя. Здѣсь судьба Наполеона была въ рукахъ гр. Витгенштейна (командира корпуса, защищавшаго Петербургъ) и Чичагова (командовавшаго дунайской арміей). Отношенія этихъ двухъ генераловъ весьма напоминали отношенія Барклая и Багратіона подъ Смоленскомъ; оба весьма не желали сблизиться,—особенно Витгенштейнъ не желалъ соединяться съ Чичаговымъ, опасаясь попасть къ нему подъ команду. Къ тому же, подобно Кутузову, онъ питалъ большое уваженіе даже къ остаткамъ наполеоновской арміи и тѣснилъ своихъ непосредственныхъ противниковъ, Удино и Виктора, ровно настолько, насколько это было необходимо, чтобы засвидѣтельствовать свое участіе въ дѣлѣ. Вся тяжесть боя пала на армію Чичагова, который, разбросавъ свои войска на большомъ пространствѣ, успѣлъ соединить къ мѣсту переправы Наполеона—и то съ опозданіемъ—лишь 22.000 человѣкъ. Противъ этого Наполеонъ имѣлъ еще до 40.000 вполнѣ исправныхъ солдатъ—не считая толпы отсталыхъ и безоружныхъ. Въ результатѣ составленный Александромъ (еще въ августѣ) сложный планъ плѣненія всей французской арміи не былъ исполненъ даже приблизительно;—въ наши руки не попалъ не только Наполеонъ, но и ни одинъ изъ его маршаловъ, ни одинъ батальонъ его гвардіи. Казаки подбирали безчисленное количество полузамерзшихъ французовъ, брошенныхъ вмѣстѣ съ обозомъ и артиллеріей: этими трофеями и приходилось утѣшать себя. Погибли во время отступленія преимущественно молодежь и „союзники": кадры „Большой арміи" уцѣлѣли и послужили ядромъ новой арміи, которая дала Наполеону возможность провести кампанію 1813 и 1814 гг. Не считая австрійцевъ, пруссаковъ и

саксонцевъ, дѣйствовавшихъ отдѣльно, черезъ русскую границу перешло обратно около 42.000 наполеоновскихъ войскъ *); русская армія, сильно изнуренная стремительнымъ зимнимъ походомъ, пострадала почти не менѣе: армія Кутузова, выступившая изъ Тарутина въ количествѣ 95.000, имѣла на границѣ всего 27.000 человѣкъ, армія Чичагова—не болѣе 10.000. Кутузовъ былъ правъ, когда говорилъ, что для новой кампаніи придется создавать и новую армію. Но онъ самъ же и былъ главной причиной того, что эту новую кампанію приходилось вести.

3. Третья коалиція.

Двѣ первыя коалиціи свелись въ концѣ концовъ къ единоборству Россіи и Франціи. Третья сама была послѣдствіемъ,—и послѣдствіемъ неизбѣжнымъ,—такого единоборства. Въ Россіи многіе—и въ томъ числѣ самъ Кутузовъ—были убѣждены, что разъ французы изгнаны изъ Россіи, задача борьбы съ Наполеономъ разрѣшена такъ, какъ только мы могли бы пожелать для себя. Продолженіе войны, заграничный походъ 1813—1814 гг., разсматривался, какъ личный капризъ императора Александра—какъ одно изъ проявленій обычнаго якобы для этого государя донкихотства. Освободивъ Россію, онъ желалъ освободить и Европу. При этомъ патріоты, и тогдашніе, и позднѣйшіе, проливали не мало слезъ по поводу принесенія въ жертву истинно-русскихъ интересовъ интересамъ чуждыхъ намъ и враждебныхъ западно-европейскихъ державъ. Мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, что донкихотство было въ высокой степени чуждо Александру Павловичу, всегда—и въ вопросахъ внутренней, и въ вопросахъ внѣшней политики—весьма трезво смотрѣвшему на вещи. Если что нарушало иногда эту трезвость, то не столько увлеченіе собственной фразеологіей—сначала либеральнаго, потомъ мистическаго оттѣнка—а развѣ чрезвычайно остро развитое личное самолюбіе. Это послѣднее, несомнѣнно, должно было толкать его къ продолженію войны: Наполеонъ былъ въ Москвѣ, Александръ долженъ былъ подписать миръ въ Парижѣ. Но необходимость продолжать войну, опредѣлялась не однимъ этимъ мотивомъ: даже если бы онъ не существовалъ, нашлись бы другіе, болѣе солидные. Цѣлый рядъ обязательствъ вынуждалъ Россію биться до конца, до разрушенія наполеоновской имперіи. Если бы Александръ помирился со своимъ противникомъ, то его настоящіе союзники не могли съ нимъ помириться—а его союзники возможные и будущіе легко могли превратиться въ его враговъ. Онъ долженъ былъ попытаться создать коалицію, если онъ не хотѣлъ имѣть ее противъ себя.

Два союзника, по отношенію къ которымъ были уже приняты на себя

*) Изъ нихъ въ строю было въ Вильнѣ 4.300 штыковъ и сабель, остальные безоружные. Какъ извѣстно, главныя потери отъ мороза французская армія понесла именно на пути между Березиной и Вильной.

извѣстныя обязательства, были—въ хронологическомъ порядкѣ—Швеція и Англія. Швеціей тогда фактически правилъ французскій маршалъ, сдѣлавшійся наслѣдникомъ шведскаго престола не безъ прямого участія Наполеона *). Онъ долженъ былъ служить живой связью между побѣжденной русскимъ оружіемъ союзницей Англіи и французской имперіей. Въ то же время тотъ фактъ, что орудіемъ „континентальной системы" по отношенію къ Швеціи явилась Россія, что результатъ русскихъ побѣдъ, Фридрихсгамскій миръ (5 сентября 1809 г.) окончательно лишилъ Швецію того положенія хозяина Балтійскаго моря, какое она завоевала себѣ въ дни Густава-Адольфа—все это, казалось бы, должно было навсегда поссорить Швецію съ Россіей. Но экономическая солидарность оказалась сильнѣе политической вражды. Въ началѣ XIX вѣка берега Ботническаго залива имѣли для Швеціи минимальное значеніе: развивавшаяся съ каждымъ годомъ контрабандная торговля съ Англіей черезъ Готенбургъ (см. выше) перемѣщала центръ ея вниманія въ другую сторону—ей теперь нужны были берега океана. Но они принадлежали въ то время союзницѣ Наполеона, Даніи: датскій король былъ въ то же время и государемъ Норвегіи. Въ то же время отношеніе къ континентальной блокадѣ въ Стокгольмѣ и Петербургѣ скоро стало тождественнымъ: она одинаково не давала жить, какъ Россіи, такъ и Швеціи. Присутствіе француза на шведскомъ престолѣ ничего не могло измѣнить въ этой естественнымъ путемъ складывавшейся комбинаціи: Швеція вмѣстѣ съ Россіей противъ Даніи, а, стало быть, и Франціи. Бернадоту оставалось на выборъ или потерять всякую популярность на своей новой родинѣ, или сдѣлаться проводникомъ шведской политики въ борьбѣ съ политикой Наполеона. Если прибавить, что этотъ родственникъ французскаго императора не питалъ никакой личной привязанности къ послѣднему, считая возвышеніе Бонапарта, такого же солдата революціи, какъ и онъ самъ, чуть ли не личною для себя обидой—то политически неожиданная роль Бернадота станетъ для насъ психологически совершенно понятна. Въ началѣ 1812 года въ Петербургъ пріѣхалъ его генералъ-адъютантъ, Левенгельмъ, съ письмомъ къ Александру Павловичу, гдѣ наслѣдникъ шведскаго престола развертывалъ передъ русскимъ императоромъ необычайно смѣлую, широкую и заманчивую картину новой коалиціи противъ Наполеона. Прежде всего Бернадотъ брался примирить Россію съ Англіей: это было легче всего въ данный моментъ. Англія, Швеція и Россія образовывали сѣверный полукругъ новаго анти-французскаго союза; Пруссія не могла остаться нейтральной,—и переговоры, которые она какъ разъ въ это время пыталась завязать съ Александромъ, ясно показывали, въ какую сторону склоняются ея симпатіи. Данію, охваченную кольцомъ коалиціи, легко было силой принудить войти въ нее. Сѣверо-восточная Европа оказывалась такимъ путемъ

*) Маршалъ Бернадотъ, родственникъ Наполеона, избранъ сеймомъ въ Эребро (21 августа 1810 года), какъ кандидатъ, предлагаемый Франціей.

объединенной противъ Франціи. Оставалось нейтрализовать Австрію, которой Бернадотъ, въ виду ея родственныхъ отношеній (незадолго передъ тѣмъ Наполеонъ женился на австрійской эрцгерцогинѣ), довѣрялъ меньше, чѣмъ Пруссіи. Наслѣдный принцъ шведскій надѣялся этого достигнуть при помощи диверсіи съ юга, использовавъ для Россіи тотъ естественный союзъ турокъ и шведовъ, который сложился на почвѣ ихъ общей борьбы противъ Россіи. При посредничествѣ Швеціи, Александръ заключалъ миръ съ Портой,—силы которой направлялись на австрійскую границу. Для себя лично бывшій французскій маршалъ выбиралъ самую активную и самую рѣшительную роль: съ арміей, составленной изъ шведовъ, русскихъ и англичанъ онъ обрушивался на ближайшаго союзника Наполеона, датскаго короля, овладѣвалъ Копенгагеномъ, принуждалъ датское правительство отдать свою армію въ распоряженіе коалиціи,—и со всѣми находившимися теперь въ его распоряженіи силами, включая и сѣверныхъ нѣмцевъ, наносилъ смертельный ударъ въ тылъ „Большой арміи", удерживаемой тѣмъ временемъ русскими войсками между Вислой и Нѣманомъ. За всѣ эти услуги Бернадотъ требовалъ лишь одного вознагражденія—но оно было непремѣннымъ условіемъ союза: присоединенія Норвегіи къ Швеціи.

Александръ едва ли былъ ослѣпленъ этимъ продуктомъ гасконской фантазіи Бернадота. Но для него не могло не быть ясно одно: что согласившись на ограбленіе датскаго короля, онъ получалъ возможность увести съ береговъ Балтійскаго моря всѣ свои войска до послѣдняго солдата. Если бы одновременно удалось заключить миръ съ турками—при посредствѣ Швеціи или безъ нея, все равно — линія обороны сокращалась до минимальныхъ размѣровъ, и всѣ боевыя силы могли быть сосредоточены противъ Наполеона. Пренебрегать шведскимъ союзомъ, очевидно, ни коимъ образомъ не слѣдовало. Нѣкоторыя угрызенія совѣсти, вызывавшіяся предполагаемой операціей надъ датскимъ королемъ — съ которымъ у Россіи были наилучшія отношенія — были легко успокоены: его можно вознаградить, рѣшалъ Александръ,—хотя бы отдавъ ему тотъ самый Ольденбургъ, изъ-за котораго было столько разговоровъ съ французами. Норвегія была обѣщана Бернадоту, и 24 марта (5 апрѣля) 1812 года былъ подписанъ союзный договоръ между Россіей и Швеціей. А три дня спустя Александръ отправилъ ноту французскому правительству,—гдѣ впервые онъ рѣшительно и открыто переходилъ въ наступленіе, требуя удаленія французскихъ войскъ за линію Эльбы. Новый союзъ такимъ образомъ сразу же свелъ русскую политику съ той мертвой точки, на которую она стала въ моментъ неудачи польскаго плана.

Экспедиція въ Данію осталась пока въ проектѣ: впослѣдствіи Бернадотъ при личной встрѣчѣ съ Александромъ въ Або (въ августѣ) самъ совершенно основательно указывалъ, что въ случаѣ побѣды коалиціи Данія все равно вынуждена будетъ уступить все, что отъ нея потребуютъ, и что было бы стратегически нелѣпо отдѣлять для этой авантюры часть силъ, необходимыхъ для борьбы съ Наполеономъ.

Мира съ Турціей Александръ добился собственными усиліями. Посредничествомъ Швеціи онъ воспользовался только для того, чтобы оформить свои отношенія къ Англіи — больше, чѣмъ оформленія, они не требовали — всякій государь, воюющій съ Наполеономъ, по существу уже былъ союзникомъ британскаго правительства. 6 (18) іюля въ Öребро въ Швеціи былъ подписанъ договоръ, главное содержаніе котораго сводилось къ обязательству Англіи уплачивать Россіи военную субсидію. Въ отвѣтъ на это всѣ русскія гавани были немедленно открыты для англійскихъ торговыхъ судовъ — въ видѣ особенной любезности открыты даже ранѣе, чѣмъ договоръ былъ ратификованъ англійскимъ правительствомъ. Континентальная блокада офиціально перестала существовать на восточныхъ берегахъ Балтики.

Швеціи легко было измѣнить Наполеону: русская граница была ея единственной континентальной границей; со всѣхъ другихъ сторонъ, пока существовалъ британскій флотъ, она была въ такой же безопасности, какъ сама Англія. Гораздо сложнѣе было положеніе Пруссіи. Вся исторія внѣшней политики этой послѣдней, съ осени 1811 года до весны 1813, представляетъ собою рядъ колебаній необычайно длиннаго размаха между двумя прямо противоположными союзами — съ Россіей и съ Франціей. Съ характернымъ для Пруссіи оппортунизмомъ правительство Фридриха-Вильгельма начало съ заискиванія передъ болѣе сильнымъ: оно первое предложило союзъ Наполеону. Но императоръ французовъ отнесся къ этому предложенію весьма скептически; правительство „друга" императора Александра I не внушало ему никакого довѣрія; рѣзкое антифранцузское настроеніе берлинскихъ военныхъ круговъ не могло быть для него секретомъ. Въ военномъ отношеніи Пруссія въ его глазахъ была самой плохой опорой, какую только можно себѣ представить. Если онъ впослѣдствіи все же потребовалъ у нея двадцатитысячнаго вспомогательнаго корпуса, то главнымъ образомъ ради того, чтобы взять половину всѣхъ наличныхъ силъ Пруссіи *) подъ непосредственный надзоръ французовъ. Пруссія ему была нужна не какъ союзникъ, а какъ база для его русскаго похода; она обязана была снабжать „Большую армію" квартирами и провіантомъ: „заставьте платить Пруссію", писалъ Наполеонъ маршалу Даву — „сколько бы она ни заплатила, она все-таки еще будетъ намъ должна"; черезъ нее проходили пути сообщенія „Большой арміи" съ Франціей: имѣть страну между Эльбой и Вислой въ полномъ своемъ распоряженіи, быть хозяиномъ у себя въ тылу, вотъ къ чему сводилась главная задача Наполеона по отношенію къ Пруссіи. Отсюда его манера держать себя — въ высшей степени странная, если бы онъ считалъ Фридриха-Вильгельма своимъ военнымъ союзникомъ: онъ не только не заботился о томъ, чтобы Пруссія возможно лучше приготовилась къ войнѣ, онъ мѣшалъ ей готовиться. Онъ требовалъ не вооруженія, а разоруженія прусскихъ крѣпостей, не мобилизаціи, а демобили-

*) Какъ извѣстно, послѣ Тильзитскаго мира постоянная армія Пруссіи была ограничена 42.000 чел.

заціи сосредоточенныхъ въ нихъ войскъ — и посылалъ спеціальныхъ агентовъ слѣдить, всѣ ли запасные, дѣйствительно, распущены, какъ было предписано. Такія мѣры предосторожности, стратегически вполнѣ понятныя, терроризировали прусское правительство; его нечистая совѣсть подсказывала ему самыя мрачныя опасенія. Въ Берлинѣ готовы были вѣрить, что Наполеонъ рѣшилъ воспользоваться походомъ на Россію, чтобы покончить недодѣланное въ 1807 году, что „Большая армія“ мимоходомъ сотретъ Пруссію съ лица земли, и превратитъ ее во французскую провинцію, — какой незадолго передъ тѣмъ сталъ Ольденбургъ. У этихъ зловѣщихъ предчувствій могло быть нѣчто въ родѣ реальной основы въ тѣхъ инструкціяхъ, которыя получилъ Даву—и о которыхъ смутные слухи могли дойти до берлинскаго двора: въ случаѣ малѣйшихъ признаковъ измѣны Наполеонъ, дѣйствительно, рѣшилъ не церемониться съ Пруссіей, и Даву съ помощью поляковъ, саксонцевъ и вестфальцевъ долженъ былъ быть готовъ немедленно превратить „союзницу“ въ завоеванную страну. Страхъ доводитъ до отчаянія: предупредительныя мѣры Наполеона толкнули прусское правительство какъ разъ къ той измѣнѣ, которой онъ опасался. Фактическій военный министръ Пруссіи, Шарнгорстъ, осенью 1811 года подъ величайшимъ секретомъ отправился въ Петербургъ — договариваться о союзѣ съ Александромъ. Пруссія соглашалась безповоротно стать на сторону Россіи и связать съ нею свою судьбу — но подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ: немедленнаго вступленія русской арміи въ прусскіе предѣлы. Иначе прусская армія была бы раздавлена въ процессѣ мобилизаціи: и союзъ Фридриха-Вильгельма съ Александромъ только облегчилъ бы Наполеону исполненіе тѣхъ плановъ, въ которыхъ его подозрѣвала Пруссія. Русскому императору, значитъ, предстояло покинуть свои позиціи на Нѣманѣ и оставить самое Россію безъ защиты, или ослабить эту защиту, если онъ хотѣлъ воспользоваться предложеніемъ Шарнгорста. Александръ не рѣшился взять на себя такую отвѣтственность. Онъ хотѣлъ сначала знать, не будетъ ли открыта Наполеону для нападенія на Россію другая, южная дорога — черезъ Австрію; не обнажитъ ли онъ своего лѣваго фланга, вступивъ въ Пруссію,—и не дастъ ли тѣмъ противнику возможность обойти себя съ тыла. По крайней мѣрѣ дружественный нейтралитетъ Австріи былъ для него совершенно необходимъ. Пока онъ не былъ въ немъ увѣренъ, онъ соглашался только прикрыть русскими войсками Кенигсбергъ—не болѣе. Для Фридриха-Вильгельма этого было, очевидно, слишкомъ мало. Шарнгорстъ долженъ былъ изъ Петербурга поѣхать въ Вѣну. Здѣсь онъ узналъ, что не только не приходится думать о дружественномъ нейтралитетѣ тестя французскаго императора въ предстоящей борьбѣ — но что Австрія наканунѣ заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза съ Франціей. Планъ русско-прусскаго союза падалъ самъ собою. Тѣмъ временемъ французской дипломатіи удалось нѣсколько разсѣять страхи берлинскаго правительства;

въ февралѣ 1812 года союзъ Пруссіи съ Франціей былъ формально закрѣпленъ договоромъ — и двадцать тысячъ пруссаковъ перешли русскую границу вмѣстѣ съ „Большой арміей".

Наполеонъ сознательно избѣгалъ дать имъ сколько-нибудь отвѣтственную роль. Поставленные на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, въ Курляндіи, они номинально должны были служить для осады Риги—за которую французы такъ и не принялись во все время кампаніи. Фактически, какъ уже упомянуто, они должны были служить заложниками добросовѣстнаго поведенія Пруссіи; непосредственно за ними наблюдали войска маршала Макдональда, въ корпусъ котораго они были включены, — а сзади ихъ стерегъ двадцатитысячный данцигскій гарнизонъ. Императору французовъ и въ голову не приходило, что когда-нибудь эти войска могутъ пріобрѣсти для него военное значеніе. А между тѣмъ, когда остатки „Большой арміи", въ видѣ толпы полу-безоружныхъ бѣглецовъ, переправлялись черезъ Нѣманъ, корпуса Макдональда на лѣвомъ крылѣ, Шварценберга (австрійцы) и Ренье (саксонцы) на правомъ представлялись единственной организованной силой, какой располагала Франція на русскихъ границахъ. Если бы Пруссія и Австрія остались вѣрны союзу съ Наполеономъ, онъ даже теперь былъ бы не слабѣе Александра: потому что русскія арміи, пришедшія въ декабрѣ 1812 года на Нѣманъ, имѣли въ строю не больше людей, чѣмъ три корпуса, оставшіеся у Наполеона.

Фридрихъ-Вильгельмъ опять переживалъ минуты мучительнаго томленія. Пораженіе французовъ было ясно; моментъ избавленія, казалось, наконецъ пришелъ. Но люди, запуганные Наполеономъ, не рѣшались вѣрить своимъ глазамъ и ушамъ; „ничтожества", — окружавшія прусскаго короля, по словамъ Штейна,— никакъ не могли освоиться съ мыслью, что Франція оказалась слабѣе Россіи: мы не будемъ къ нимъ такъ строги, какъ Штейнъ, если вспомнить, что съ этой мыслью долго не могъ освоиться и самъ главнокомандующій побѣдоносной русской арміи. Фридриху-Вильгельму казалось, что Александръ, осмѣлившись побѣдить Наполеона, идетъ на явную гибель— и хочетъ увлечь съ собой несчастную Пруссію. Его дипломаты то выступали съ крайне нелѣпыми проектами посредничества,—предлагая Наполеону удалиться за Эльбу подъ условіемъ, что Александръ не перейдетъ Вислы: какъ нельзя быть болѣе наивный способъ добиться эвакуаціи Пруссіи отъ останковъ „Большой арміи". То они пытались извлечь изъ великой катастрофы маленькую пользу, требуя отъ Наполеона возврата 94 милл. франковъ, переплаченныхъ прусскимъ правительствомъ за съѣстные припасы для французскихъ войскъ, и очищенія нѣкоторыхъ прусскихъ крѣпостей— повидимому, соглашаясь на этихъ условіяхъ продолжить союзъ съ Франціей. Положеніе до крайности осложнялось еще тѣмъ, что король, окруженный въ Берлинѣ войсками маршала Ожеро (смѣнившаго Даву въ роли сторожа Пруссіи), постоянно трепеталъ за свою личную безопасность. Дѣло въ концѣ концовъ разрѣшилось само собой—и Фридри-

ху-Вильгельму оставалось только покориться своей судьбѣ. Командиръ прусскаго вспомогательнаго корпуса, ген. Іоркъ, нашелъ способъ отдѣлиться отъ французскихъ войскъ Макдональда—и совершенно неожиданно для своего французскаго начальника заключилъ конвенцію съ Витгенштейномъ, въ силу которой прусскія войска должны были оставаться нейтральными впредь до рѣшенія вопроса о союзѣ съ Россіей прусскимъ правительствомъ. А вслѣдъ затѣмъ ландтагъ Восточной Пруссіи, первой прусской провинціи, занятой русскими войсками, сдѣлалъ еще шагъ дальше—собственной властью созвавъ подъ знамена ландверъ, т. е. предпринялъ именно ту мобилизацію, которая была строжайше запрещена Наполеономъ. Прусскому королю оставалось одно изъ двухъ—или соединиться съ французами противъ своихъ войскъ и подданныхъ—или вслѣдъ за ними перейти на сторону Россіи. Онъ и тутъ колебался нѣкоторое время—и демонстративно отрѣшилъ Іорка отъ командованія. Но русскія войска послѣ нѣкоторой остановки на Нѣманѣ двигались впередъ быстро: въ февралѣ 1813 г. главная квартира Александра и Кутузова была уже въ Калишѣ у самой прусской границы. Тогда Фридрихъ-Вильгельмъ, наконецъ, рѣшился; тѣмъ временемъ не безъ труда выбравшись изъ-подъ надзора войскъ Ожеро, — онъ $^{15}/_{16}$ февраля заключилъ союзный договоръ съ Александромъ въ Калишѣ. Своевременный переходъ русскими войсками границы сразу оторвалъ одного союзника у Наполеона и далъ Александру лишнихъ сто тысячъ войска.

Онъ обезпечилъ въ то же время и другое необходимое условіе—нейтралитетъ Австріи. Корпусъ Шварценберга въ теченіе войны дѣйствовалъ противъ русскихъ не многимъ болѣе энергично, чѣмъ русскіе противъ австрійцевъ въ 1809 году. Едва получивъ точныя свѣдѣнія о разгромѣ „Большой арміи“, австрійскій фельдмаршалъ поспѣшилъ также нейтрализовать свои войска, заключивъ съ русскими отдѣльное трехмѣсячное перемиріе. Но руководитель австрійской политики, канцлеръ Меттернихъ, вовсе не расположенъ былъ еще подражать примѣру Фридриха-Вильгельма и отдавать австрійскую армію въ распоряженіе Александра. По совершенно вѣрному наблюденію русскаго агента въ Вѣнѣ, Штакельберга, дальнѣйшее поведеніе Австріи всецѣло зависѣло отъ того, какое положеніе займетъ относительно насъ Германія. Если бы настроеніе Германіи сложилось безусловно въ пользу коалиціи, Австрія должна была бы вмѣшаться, чтобы не дать Пруссіи единоличнымъ руководствомъ въ „освободительной“ борьбѣ закрѣпить свою гегемонію надъ нѣмцами. Въ случаѣ же неудачи коалиціи Австрія съ ея нетронутой арміей легко могла бы выступить въ качествѣ вершительницы судебъ утомленныхъ боемъ противниковъ и заставить дорого купить свое посредничество. Въ ожиданіи она вела переговоры на обѣ стороны—и трехмѣсячное перемиріе, заключенное Шварценбергомъ, было ей какъ нельзя болѣе на руку.

Итакъ, для того, чтобы завершить коалицію, нужно было имѣть на своей сторонѣ Германію—а для это-

го, въ свою очередь, нужно было быстрымъ шагомъ, не останавливаясь, итти впередъ—чтобы возможно большія массы поставить въ соприкосновеніе съ союзными войсками раньше, чѣмъ на сценѣ появится новая армія Наполеона. Въ сѣверной и восточной Германіи дѣло шло необыкновенно ходко. Войска Ожеро уступили Берлинъ почти безъ сопротивленія. Ганзейскіе города привѣтствовали русско-прусскіе передовые отряды, какъ избавителей: здѣсь, казалось, французы совсѣмъ стушевались. Правда, это только казалось, очень скоро Даву опять появился въ Гамбургѣ, который въ концѣ концовъ дольше удержался во французскихъ рукахъ, чѣмъ большая часть крѣпостей Германіи. Значительно меньшій энтузіазмъ нашли союзныя войска въ Саксоніи — гдѣ начинались уже области, связанныя съ французской имперіей не путемъ голаго насилія, а общими экономическими интересами. Но въ военномъ отношеніи и здѣсь былъ на первыхъ порахъ полный успѣхъ — русскіе и пруссаки заняли Дрезденъ еще легче, чѣмъ Берлинъ; саксонскій король долженъ былъ выѣхать изъ своей страны—онъ укрылся въ Прагѣ, въ Австріи, какъ бы собираясь раздѣлить ея нейтралитетъ.

Картина рѣзко измѣнилась, какъ только „Большая армія" воскресла въ Германіи. Теперь, правда, въ ней было еще больше рекрутовъ (хотя были и старыя войска, вызванныя изъ брошенной на произволъ судьбы Испаніи). Но арміи союзниковъ были немногимъ лучше въ этомъ отношеніи—чтобы развернуть въ настоящія дивизіи и корпуса тѣ кадры, изъ которыхъ состояла прусская армія и въ которыя обратилась русская послѣ зимняго похода, ихъ пришлось пополнить тѣмъ же элементомъ. Тѣмъ не менѣе весною 1813 года они были количественно слабѣе наполеоновской арміи, — и имѣли во главѣ въ лицѣ Витгенштейна совершенно неспособнаго главнокомандующаго (Кутузовъ умеръ 16 апрѣля). Первое же большое сраженіе (при Люценѣ 20 апрѣля 1813 г.) стоило союзникамъ лѣваго берега Эльбы—они вынуждены были отступить за Дрезденъ. Это отступленіе страшно обезкуражило Фридриха-Вильгельма, которому уже стала мерещиться кампанія 1806 года и его мемельское изгнаніе. 30 апрѣля Наполеонъ вмѣстѣ съ королемъ саксонскимъ торжественно въѣхалъ въ Дрезденъ, а 8 и 9 мая союзники вновь были разбиты въ восточной Саксоніи при Бауценѣ: пришлось отступить на прусскую территорію, въ Силезію. Императоръ Александръ начиналъ уже снова находить неприличнымъ свое пребываніе на войнѣ, разъ дѣла шли такъ плохо: съ поля сраженія при Бауценѣ онъ уѣхалъ, не дождавшись своей арміи, заявивъ Витгенштейну, что онъ „не хочетъ быть свидѣтелемъ такого разстройства" (déconfiture). Нѣсколько дней спустя французы заняли и Бреславль—мы были откинуты почти къ Вислѣ.

Изъ критическаго положенія вывелъ союзниковъ самъ Наполеонъ. Уже тотчасъ послѣ Люцена онъ пытался вступить въ переговоры съ императоромъ Александромъ. Но союзники считали свою неудачу случайностью—и французскія предложенія

были отклонены. Послѣ Бауцена обѣ армiи—и прусская, и, въ особенности, русская были такъ разстроены, что прiостановка военныхъ дѣйствiй являлась для нихъ существенной необходимостью: новый главнокомандующiй, Барклай-де-Толли, въ теченiе нѣсколькихъ дней не могъ опредѣлить ни состава, ни численности своей армiи—такъ все перепуталось. Теперь поэтому согласились на перемирiе,—которое продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Съ перваго взгляда представляется загадочнымъ, зачѣмъ понадобилось это перемирiе побѣдителю. Но мы поймемъ это, если вспомнимъ, что новая армiя Наполеона была по составу еще хуже, то есть еще болѣе способна къ саморазложенiю, чѣмъ „Большая армiя" 1812 года. Несмотря на строжайшiе приказы и разстрѣливанiе дезертировъ, даже гвардейскiе полки таяли день ото дня безъ всякихъ сраженiй. Мародерство было неистовое — цѣлыя дивизiи и бригады превращались въ банды разбойниковъ, наводившихъ ужасъ на союзныхъ Наполеону саксонцевъ. Но нужно прибавить, что если французы оставляли ряды по одиночкѣ или маленькими партiями — то нѣмецкiе „союзники" дѣлали то же организованно, переходя къ непрiятелю цѣлыми частями въ полномъ боевомъ порядкѣ, со штабомъ и артиллерiей. Углубляться съ такой армiей въ непрiятельскую страну значило итти на встрѣчу новой Березинѣ гораздо быстрѣе, чѣмъ то было въ 1812 году. Двѣ блестящiя побѣды давали Наполеону нѣкоторое удовлетворенiе за московскiй походъ. Опираясь на ихъ моральный эффектъ, онъ могъ разсчитывать, что добьется максимально выгодныхъ условiй: нѣсколько мѣсяцевъ спустя, комбинацiя могла быть далеко хуже.

Расчетъ былъ слишкомъ ясенъ—и именно поэтому не могъ удаться. Россiя и Пруссiя далеко не истратили еще всѣхъ своихъ рессурсовъ—имъ не было никакого расчета мириться на условiяхъ, сколько-нибудь выгодныхъ для Наполеона. Они тянули дѣло, пополняя и приводя въ порядокъ свои разстроенныя войска. Когда, наконецъ, Наполеонъ добился отъ нихъ яснаго и точнаго изложенiя ихъ пожеланiй, то оказалось, что послѣднiя сводятся въ существѣ къ возстановленiю status quo ante 1805 года. Пруссiя и Австрiя должны были быть возстановлены въ первоначальныхъ предѣлахъ—какiе онѣ имѣли передъ началомъ первой коалицiи, Рейнскiй союзъ уничтоженъ, Голландiя и сѣверная Германiя очищены французами,—т. е. фактически упразднена континентальная блокада. Услыхавъ въ первый разъ эти предложенiя, Наполеонъ назвалъ ихъ „неслыханнымъ оскорбленiемъ" — и весьма грубо заподозрилъ передававшаго ему ихъ австрiйскаго канцлера, Меттерниха, въ томъ, что тотъ, просто напросто, подкупленъ англичанами. Съ своей стороны, императоръ французовъ соглашался пожертвовать только Герцогствомъ Варшавскимъ — да тѣми провинцiями, которыя онъ отобралъ у Австрiи въ 1809 году. Другими словами, онъ разсчитывалъ расколоть коалицiю, давъ „нацiональное" удовлетворенiе Россiи—и династическое своему тестю, императору Францу. Но это было такой же утопiей, какъ и мечты

русскихъ патріотовъ: коалиція была прочно связана договорами Пруссіи и Россіи съ Англіей (2 и 3 іюня); Англія оплачивала всѣ издержки, но зато союзники обязаны были положить оружіе не прежде, какъ добившись того, что нужно Англіи. Мало-по-малу и Наполеонъ сталъ понимать эту логику коалиціи—и началъ склоняться на уступки болѣе общаго характера, но было уже слишкомъ поздно. Онъ имѣлъ теперь противъ себя не только сѣверъ и востокъ Европы, но и ея центръ въ лицѣ Австріи. Два условія главнымъ образомъ опредѣлили присоединеніе сначала нейтральной, потомъ посредничавшей Австріи къ коалиціи. Первымъ изъ нихъ былъ тотъ народный характеръ, который стала принимать война въ Германіи: ультра-феодальному правительству императора Франца никоимъ образомъ не могла нравиться картина подданныхъ, дѣйствующихъ помимо воли своихъ государей и вынуждающихъ послѣднихъ совершать такіе шаги, которыхъ они сами, можетъ быть, и не сдѣлали бы,—какъ это случилось съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ прусскимъ. Надо было бороться съ этой „якобинской заразой",—а для этого взять германское движеніе подъ свою опеку, вмѣшавшись въ него возможно энергичнѣе. Другимъ были наблюденія надъ поведеніемъ Наполеона во время переговоровъ: его уступчивость не внушала довѣрія къ его силѣ. Уже то, что онъ такъ охотно жертвовалъ поляками, своимъ авангардомъ на Вислѣ, показывало австрійскимъ дипломатамъ, что они имѣютъ дѣло не съ тѣмъ Наполеономъ, какимъ онъ былъ въ 1807 году. Готовность къ дальнѣйшимъ пожертвованіямъ окончательно укрѣпила ихъ въ убѣжденіи, что „великій человѣкъ пошатнулся на престолѣ" (le grand homme est à coté du trône). Примкнуть къ коалиціи, очевидно, было надежнѣе, чѣмъ оставаться вмѣстѣ съ Наполеономъ; и Францъ сначала объявилъ союзный договоръ, заключенный имъ въ 1812 году съ зятемъ, не существующимъ, а затѣмъ 12 августа (н. ст.) объявилъ ему войну. Коалиція развертывалась теперь передъ Наполеономъ въ такомъ полномъ составѣ, какого она еще никогда не имѣла.

Присоединеніе Австріи увеличило силы союзниковъ, и безъ того значительно возросшія за время перемирія, еще на 110.000 человѣкъ: численный перевѣсъ, и притомъ громадный, былъ теперь безусловно на сторонѣ коалиціи. Тѣмъ не менѣе первые шаги союзниковъ по открытіи военныхъ дѣйствій живо напоминали сцены изъ двухъ первыхъ коалицій. Главнокомандующимъ союзныхъ армій былъ назначенъ австрійскій фельдмаршалъ Шварценбергъ,—хорошій дипломатъ, остававшійся таковымъ и на полѣ битвы. Онъ заботился не столько о единствѣ и цѣлесообразности своихъ распоряженій, сколько о томъ, чтобы они не вызывали возраженій со стороны союзныхъ монарховъ, въ полномъ составѣ присутствовавшихъ при арміи *). Подъ Дрезденомъ онъ былъ за штурмъ, когда думалъ, что Александръ Павловичъ его желаетъ— и противъ штурма, какъ только

*) Кромѣ, разумѣется, сумасшедшаго короля англійскаго, Георга III. Наслѣдный принцъ шведскій присоединился подъ Лейпцигомъ.

выяснилось обратное. Въ результатѣ, штурмъ не былъ формально предписанъ, но не былъ формально и отмѣненъ, отдѣльныя колонны дѣйствовали по вдохновенію своихъ начальниковъ, и пораженіе было полное. Этотъ учтивый главнокомандующій и его штабъ настолько мало были подготовлены къ своей задачѣ, что у нихъ не было даже порядочной карты театра войны—хотя дѣло шло не о центральной Африкѣ, а о сосѣдней съ Австріей Саксоніи—и окрестности Дрездена представляли для нихъ землю, весьма мало изслѣдованную, полную всякихъ географическихъ неожиданностей. Развѣдочная часть была поставлена такъ, что, составляя операціонный планъ, въ главной квартирѣ полагали Наполеона съ главными силами находящимся около Лейпцига, къ западу отъ Эльбы: а на самомъ дѣлѣ „Большая армія" была далеко на востокъ отъ этой рѣки, на границѣ Силезіи. Изъ заблужденія союзники были выведены случайно, благодаря дезертирству двухъ вестфальскихъ полковъ, цѣликомъ ушедшихъ отъ Наполеона. Вдобавокъ, съ присоединеніемъ австрійцевъ, союзники усвоили себѣ классическую медлительность этой арміи—и шестидесятиверстное разстояніе отъ границъ Богеміи до Дрездена было едва пройдено въ четыре дня, что дало возможность Наполеону сосредоточить всѣ свои силы къ угрожаемому пункту. Когда штурмъ Дрездена былъ отбитъ съ громадными потерями (до 30-ти тысячъ человѣкъ), главною квартирой союзниковъ овладѣло такое уныніе, что даже не наиболѣе пессимистически настроенные предлагали перейти къ оборонѣ, занявъ „крѣпкую центральную позицію",—т. е. отдавъ всю инціативу кампаніи въ руки Наполеона. Только случайная побѣда русскихъ надъ неосторожно выдвинувшимся впередъ корпусомъ Вандама нѣсколько подняла настроеніе. Мало-по-малу рѣшено было снова перейти въ наступленіе—причемъ, ради обезпеченія успѣха, передъ французскими позиціями у Лейпцига, гдѣ сталъ Наполеонъ, прикрывая свои сообщенія, должны были соединиться всѣ силы, какими располагала коалиція: русско-австро-прусская главная армія изъ Богеміи, прусско-русскій корпусъ Блюхера изъ Силезіи, и шведско-прусско-русско-англійская армія Бернадота изъ сѣверной Германіи: всего до 270.000 солдатъ, которымъ Наполеонъ могъ противопоставить не болѣе 160.000. Тѣмъ не менѣе ему едва не удалось послѣ трехдневнаго боя отдѣлаться тѣмъ, чего достигъ въ свое время Кутузовъ подъ Бородиномъ: проиграннымъ сраженіемъ безъ уничтоженія арміи. Половина французскихъ войскъ уже успѣла отступить въ полномъ порядкѣ, когда, по несчастному недоразумѣнію, были взорваны мосты, по которымъ должна была отступать другая половина. Нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ оказались отрѣзанными и были частью истреблены, частью взяты въ плѣнъ союзниками.

Лейпцигъ отдалъ Германію въ руки коалиціи. Саксонцы перешли на самомъ полѣ битвы, баварцы попытались загородить дорогу отступавшимъ войскамъ Наполеона: побѣда надъ ними была послѣднимъ тріумфомъ „Большой арміи". Спустя годъ послѣ обратнаго перехода ея предшественницы

черезъ Нѣманъ, союзныя войска стояли на Рейнѣ. Дипломатическія способности союзнаго главнокомандующаго, тренія въ главной квартирѣ коалиціи, отчаянная храбрость послѣднихъ солдатъ Франціи, послѣднія вспышки военной геніальности Наполеона—все это еще на три мѣсяца отсрочило развязку. Но кампанія 1814 года была уже агоніей, и конецъ ея былъ заранѣе предрѣшенъ; $^{19}/_{31}$ марта самолюбіе императора Александра было удовлетворено въ полной мѣрѣ: побѣдителемъ Наполеона онъ вступилъ въ Парижъ.

3.

Священный Союзъ.

Съ момента взятія Парижа коалиція могла считаться достигнувшей своей цѣли, а потому неизбѣжно должна была распасться. Англичане готовы были мириться уже на Рейнѣ. При первой заминкѣ въ походѣ 1814 года, обнаружившей, что даже съ агонизирующей „Большой арміей“ бороться не такъ легко, ихъ представитель въ главной квартирѣ коалиціи, лордъ Кэстльри, настоятельно совѣтовалъ императору Александру—вступить въ переговоры съ Наполеономъ, не дожидаясь необходимости перейти обратно за Рейнъ. Англійскій дипломатъ ссылался въ данномъ случаѣ на инструкціи, данныя ему парламентомъ, и прибавилъ: „наша коалиція все равно распадается“. Кэстльри былъ совершенно правъ: австрійцы крайне неохотно углублялись во Францію и были увлечены къ движенію на Парижъ почти силой русскими и пруссаками. „Я не могу каждый разъ бѣгать къ вамъ на помощь за полторы тысячи верстъ“, отвѣтилъ Александръ Павловичъ, настаивая, чтобы дѣло было во что бы то ни стало доведено до конца, т. е. до низложенія Наполеона. Но наступилъ, наконецъ, и этотъ моментъ—и теперь, повидимому, ничего не оставалось, какъ разойтись каждому къ своимъ дѣламъ. Расхожденіе во внѣшней политикѣ было такъ велико, что державы-союзницы чуть не на другой же день послѣ изгнанія Бонапарта изъ Франціи едва не начали между собою войны. Связующее начало было однако же найдено—и оно оказалось достаточно прочнымъ, чтобы превратить коалицію въ нѣкоторое подобіе постояннаго учрежденія, извѣстнаго подъ именемъ „Священнаго Союза“. Но оно было найдено не въ области международныхъ отношеній, хотя и маскировалось ими: его основой были общіе интересы союзныхъ правительствъ въ ихъ внутренней политикѣ.

Въ области внѣшней политики то общее, на чемъ могли сойтись члены коалиціи, было формулировано ужъ при самомъ ея образованіи въ августѣ 1813 года. Это общее заключалось: 1) въ разрушеніи имперіи Наполеона—т. е. въ „освобожденіи“ приблизительно 32 милліоновъ итальянцевъ, швейцарцевъ, голландцевъ, нѣмцевъ и т. д. изъ-подъ „ига“ французскаго „угнетателя“; изъ этого слѣдовало два дальнѣйшія

условія: такъ какъ „освобожденныхъ“ нельзя же было предоставить самимъ себѣ—стоитъ вспомнить, что у многихъ изъ нихъ даже „законныхъ государей“ въ то время не было, и съ точки зрѣнія дипломатіи стараго порядка они представлялись истинными овцами безъ пастыря—то 2) необходимо было или образовать изъ этихъ безпризорныхъ милліоновъ новыя государства, притомъ такъ, чтобы коалиціи не приходилось чего-нибудь опасаться отъ этихъ государствъ въ будущемъ, — или распредѣлить ихъ по государствамъ, уже существующимъ. Послѣднее было очень удобной формой для того, чтобы обезпечить должное вознагражденіе союзникамъ. Съ другой стороны, изъ этого же разрушенія имперіи вытекало, въ-3-хъ,—возвращеніе въ первобытное состояніе Франціи—т. е. сметеніе безъ остатка всѣхъ результатовъ великой революціи, поскольку они выразились въ территоріальныхъ перемѣнахъ: Франція должна была стать такой, какой она была 1 января 1792 года.

Такимъ образомъ, побѣда коалиціи должна была привести къ дипломатической реставраціи. Изъ этого логически еще вовсе не вытекало, что она должна сопровождаться и реставраціей политической,—воскресеніемъ тѣхъ учрежденій, какія имѣла старая Франція до низверженія монархіи,—со старой династіей включительно. Но, какъ мы увидимъ ниже, одно было довольно тѣсно связано съ другимъ. Однако уже выполненіе этой дипломатической реставраціи наталкивалось на цѣлый рядъ затрудненій. Въ числѣ „мятежниковъ“, которые, по крайней мѣрѣ юридически, оставались еще въ 1814 году законопротивными, были такіе, въ существованіи которыхъ были весьма близко заинтересованы наиболѣе вліятельные члены союза, только что одержавшаго побѣду надъ Наполеономъ. Такіе прежде всего въ очень большомъ числѣ оказывались внѣ Европы: всѣ американскія колоніи Испаніи,—Венецуэла, Перу, Боливія, Чили, Ла-Плата, Аргентина *), находились въ полномъ возстаніи противъ своего законнаго государя и явно обнаруживали преступную тенденцію стать республиками. Этого, конечно, нельзя было терпѣть: но добраться до мятежниковъ въ данномъ случаѣ было трудно безъ содѣйствія британскаго флота—и совсѣмъ невозможно при его противодѣйствіи. Но Англія экономически была въ высокой степени заинтересована въ томъ, чтобы колоніи Испаніи ни подъ какимъ видомъ не попадали подъ опеку державъ европейскаго континента. Это были ея новые рынки—ея добыча отъ испанской войны; выпустить ее изъ рукъ она не соглашалась ни въ какомъ случаѣ. Всѣ настоянія императора Александра о возвращеніи заокеанскихъ земель ихъ законному владѣтелю разбивались объ упорное сопротивленіе его недавней союзницы. Самое большое, на что соглашались англичане, это, ради приличія, поддерживать въ отпавшихъ колоніяхъ монархическій принципъ противъ республиканскаго. Но когда заоке-

*) Вскорѣ къ нимъ присоединилась и Мексика.

анскіе испанцы обнаружили непреодолимое отвращеніе къ монархіи и мексиканцы разстрѣляли смѣлаго человѣка, рѣшившагося воцариться надъ ихъ республикой,—англійское правительство не стало усложнять дѣла своею настойчивостью. Мексиканскій императоръ долго не имѣлъ подражателей, — почти полстолѣтія. По ту сторону океана интересы, оскорбленные революціей, не нашли себѣ удовлетворенія.

Но Америка въ силу уже чисто географическихъ условій не была на первомъ планѣ у спорящихъ союзниковъ. Былъ народъ, на глазахъ всей Европы возставшій противъ своихъ законныхъ владѣтелей,—и о немъ теперь въ первую очередь ставился вопросъ: возвращаться ему въ прежнее состояніе или нѣтъ? Комбинація силъ на этомъ вопросѣ была тѣмъ любопытнѣе, что глава коалиціи, императоръ Александръ, былъ въ данномъ случаѣ противъ реставраціи, а за нее—была Франція; правда, Франція, уже не наполеоновская, революціонная, а Франція Бурбоновъ, контръ-революціонная,—хотя интересы ея и представлялъ бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Наполеона, оставшійся ему въ наслѣдство отъ революціи.

Этимъ народомъ были поляки. Въ 1807 году они, прусскіе подданные, рѣшительно возстали по зову счастливаго побѣдителя Пруссіи—и завоевали себѣ первый зачатокъ политической независимости, Варшавское Герцогство. Въ 1809 году то же повторилось съ австрійскими подданными польской національности. Въ 1814 году приходилось вновь повторять польскіе раздѣлы—дробить уже сложившееся вновь государство. Но уже въ 1812 году, переходя съ войсками границу, Александръ твердо рѣшилъ этого не дѣлать и не допускать, чтобы это сдѣлали другіе. Польша должна была цѣликомъ перейти къ нему, — стать его личной „собственностью“ (его подлинное выраженіе впослѣдствіи) скорѣе, чѣмъ владѣніемъ Россіи. Онъ хлопоталъ не о томъ, чтобы въ качествѣ русскаго императора получить нѣсколько милліоновъ польскихъ подданныхъ, а о томъ, чтобы, кромѣ русскаго императора, стать еще и польскимъ королемъ. Въ этомъ смыслѣ онъ весьма категорически высказался передъ кн. Чарторыйскимъ, поспѣшившимъ пріѣхать въ русскую главную квартиру.

Такія намѣренія русскаго императора очень дразнили тогдашнихъ патріотовъ,—даже столь просвѣщенныхъ, какъ нѣкоторые изъ декабристовъ *). Не трудно было однако же видѣть, что даже съ узко военной, стратегической точки зрѣнія Александръ поступалъ вполнѣ разумно. Въ своемъ заграничномъ походѣ онъ сразу обезпечивалъ этимъ свой тылъ: въ кампаніи 1813—14 гг. никому и въ голову не приходило безпокоиться о нашихъ сообщеніяхъ черезъ Польшу — несмотря на то, что поляки были наиболѣе преданными Наполеону „союзниками“ во время похода на Москву, и даже подъ Лейпцигомъ польская гвардія еще дралась въ рядахъ „Большой арміи“. Стоило вспомнить, что въ 1812 году мы могли бы встрѣтить Наполеона не на Нѣманѣ, а на Вислѣ, что будь Польша за насъ, намъ

*) См. выше главу III „Декабристы“.

ничего не стоило бы выполнить то требованіе, которое пруссаки выставляли непремѣннымъ условіемъ своего присоединенія къ коалиціи, —и, быть можетъ, отъ разоренія двѣнадцатаго года Россія была бы вообще избавлена. Но поведеніе Александра находитъ себѣ гораздо болѣе глубокое политическое оправданіе. Въ началѣ XIX вѣка онъ превосходно понималъ то, чего не могли понять полстолѣтія спустя русскіе политики муравьевской школы: что разъ польскую націю нельзя уничтожить, надо постараться имѣть ее на своей сторонѣ,—иначе, подъ видомъ подданныхъ, Россія будетъ имѣть на западной границѣ столько же непріятелей. Ненависть къ иноземцу, воспитанную въ полякахъ эпохой раздѣловъ, гораздо практичнѣе было вылить на голову своимъ сосѣдямъ, Австріи и Пруссіи, нежели копить ее для себя. „Польское царство послужитъ намъ авангардомъ во всѣхъ войнахъ, которыя мы можемъ имѣть въ Европѣ“, говорилъ Александръ. „Сверхъ того, для насъ есть еще та выгода, что давно присоединенныя къ Россіи польскія губерніи при могущей встрѣтиться войнѣ не зашевелятся, какъ то бывало прежде, и что опасности сей подвергнуты Пруссія, которая имѣетъ Познань, и Австрія, у которой есть Галиція“...

Словомъ, съ большой мѣткостью политическаго взгляда, Александръ въ корнѣ уничтожалъ одно изъ двухъ главныхъ реальныхъ послѣдствій Тильзита: разъ навсегда вынималъ польскую занозу изъ своего бока. Такъ какъ другое реальное послѣдствіе тильзитскаго униженія—континентальная блокада, надо само собою еще въ процессѣ войны,—то Россія фактически возвращалась въ то положеніе, какое она занимала до начала наполеоновскихъ войнъ, но при несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ. Національное удовлетвореніе Россія получала полное — и если не смѣшивать національныхъ интересовъ съ грабежомъ явно чужого и ненужнаго, никакой патріотъ по совѣсти не могъ бы ничего возразить противъ результатовъ третьей коалиціи. Но именно поэтому временные друзья Россіи имѣли возразить очень многое. То соображеніе, которое, съ точки зрѣнія Александра, говорило за сохраненіе политической самобытности бывшаго Варшавскаго Герцогства, должно было для Австріи и Пруссіи служить доводомъ противъ: онѣ желали бы видѣть Россію въ роли соучастницы ограбленія Польши, въ равной съ другими долѣ пользующейся законной ненавистью поляковъ,—а вовсе не въ роли покровительницы воскресшей польской національности, пользующейся дружбою этой послѣдней во вредъ австрійцамъ и пруссакамъ. Меттернихъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы доля—и очень добрая — польской территоріи отошла къ Россіи: но онъ всѣми силами души былъ противъ превращенія Александра въ короля польскаго. Къ весьма непріятному удивленію Александра, на сторонѣ Меттерниха оказался въ этомъ случаѣ и представитель Франціи на Вѣнскомъ конгрессѣ, Талейранъ. Александръ, когда вырабатывались условія мира щадилъ Францію—надѣясь имѣть въ ней впослѣдствіи извѣстный противовѣсъ жадности своихъ союзни-

ковъ,—особенно Австріи. „Я полагаю, что Франція мнѣ кое-чѣмъ обязана“, съ упрекомъ сказалъ онъ Талейрану при свиданіи *). Но Франція искала вернуть себѣ свободу, а не облегчить рабство. Пока въ массахъ шло глухое броженіе, подготовлявшее возвратъ Наполеона, вторичное изгнаніе Бурбоновъ и Сто дней, верхи французскаго общества въ лицѣ Талейрана добивались дипломатической эмансипаціи, и, какъ сейчасъ увидимъ, добились ея. Спѣшно приходилось искать себѣ новыхъ союзниковъ противъ Австріи и Франціи: и Александръ одного сейчасъ же нашелъ. Продолжая свою политику—парализованіе Германіи посредствомъ умѣлаго распредѣленія территорій на ея восточной окраинѣ — онъ привязалъ къ себѣ Пруссію, предложивъ ей въ обмѣнъ за признаніе его королемъ польскимъ уступку всей Саксоніи. За милліонъ безпокойныхъ подданныхъ, которыхъ Фридрихъ-Вильгельмъ терялъ въ бывшемъ Варшавскомъ Герцогствѣ, онъ пріобрѣталъ два милліона добрыхъ нѣмцевъ и чрезвычайно завидное округленіе гогенцоллернскихъ владѣній къ югу. Это было такъ соблазнительно, что Пруссія немедленно стала самымъ горячимъ защитникомъ новаго „добраго дѣла“, какимъ являлась теперь передача Польши въ полномъ видѣ въ руки Александра I.

Саксонскій король былъ третьимъ изъ законопреступниковъ, судьба которыхъ должна была затруднить членовъ коалиціи, собравшихся на конгрессъ *). Послѣ Лейпцигской битвы этого несчастнаго союзника Наполеона перевезли въ Австрію и держали тамъ подъ строгимъ надзоромъ. Онъ представлялъ собою странную фигуру административно арестованнаго короля, котораго не рѣшаются судить, несмотря на то, что Александръ громко называлъ его измѣнникомъ, заслуживающимъ умереть въ ссылкѣ. Разговоры, которые происходили у русскаго императора съ Талейраномъ по поводу судьбы Саксоніи и ея государя, должны, казалось бы, разъ навсегда устранить всякіе упреки въ донкихотствѣ и фантазерствѣ, которые все еще иногда повторяются по адресу Александра. Талейранъ пріѣхалъ на конгрессъ принципіально послѣдовательнымъ сторонникомъ „законности“, какъ ее понималъ старый порядокъ: бывшій революціонеръ правильно находилъ такую роль наиболѣе выигрышной для только что возстановленныхъ въ своихъ правахъ Бурбоновъ, которыхъ онъ представлялъ въ Вѣнѣ. Съ точки зрѣнія этой „законности“ не могло быть королей-измѣнниковъ, — потому что измѣна заключалась именно въ неповиновеніи волѣ короля и ни въ чемъ другомъ. Такія мысли Талейранъ неустанно развивалъ передъ императоромъ Александромъ,—сердя его этимъ до чрезвычайности. „Вы всегда говорите мнѣ о принципахъ; ваше общественное право (droit public) для меня ровно ничего не значитъ;

*) Фактически она была обязана ему избавленіемъ отъ контрибуціи: вмѣсто 132 мил. франковъ, которые требовала одна Пруссія, она заплатила 25 мил. всего.

*) Вѣнскій конгрессъ, открывшійся офиціально 1 ноября (н. ст.) 1814 г. Александръ и другіе представители державъ коалиціи съѣхались уже въ сентябрѣ.

я не знаю, что это такое. Какое употребленіе, думаете вы, я могу сдѣлать изъ всѣхъ вашихъ пергаментовъ и трактатовъ?..." „У меня двѣсти тысячъ человѣкъ въ Герцогствѣ Варшавскомъ", говорилъ въ тотъ же разъ Александръ по поводу Польши: „пусть же меня выгонятъ!" „Необходимо, чтобы въ нихъ (нашихъ дѣлахъ) каждый нашелъ свою выгоду", бросилъ онъ другой разъ: „я сохраню то, что занимаю". Если можно уловить въ этихъ рѣчахъ какой-нибудь „идеальный" мотивъ, то развѣ тотъ мотивъ личнаго самолюбія, который намъ такъ хорошо знакомъ. „Для меня одно выше всего,—это данное мною слово. Я его далъ и сдержу: я обѣщалъ Саксонію прусскому королю..." „Убѣдите пруссаковъ, чтобы они вернули мнѣ мое слово", говорилъ Александръ Талейрану позднѣе, когда вопросъ о Польшѣ былъ уже близокъ къ ликвидаціи въ благопріятномъ для русскаго императора смыслѣ—и саксонскій вопросъ начиналъ его тяготить. Послѣднее звучало почти измѣной по отношенію къ бѣдному Фридриху-Вильгельму, послушно исполнявшему всѣ приказанія Александра по дипломатической части и принуждавшему своихъ оппортунистически настроенныхъ министровъ къ большой „принципіальности" въ этомъ случаѣ. Характерно, впрочемъ, что оппортунистъ Гарденбергъ, тайно бесѣдовавшій съ Талейраномъ на тему о возможномъ союзѣ противъ Россіи, употреблялъ почти тотъ же языкъ, что и русскій императоръ: „государственное право" (droit public) и для него было нелѣпымъ сочетаніемъ звуковъ, и онъ очень сердился, когда этотъ терминъ пытались употреблять въ документахъ конгресса.

Но при всей энергіи, съ какой наступали Пруссія и Россія, онѣ не могли ждать отъ австрійскаго правительства уступки въ саксонскомъ вопросѣ. Отдать Саксонію Гогенцоллернамъ, это значило отдать въ руки соперника и возможнаго врага ключъ отъ своего собственнаго дома—это значило сдѣлать пруссаковъ хозяевами тѣхъ горныхъ проходовъ въ Богемію, которыми прусскія войска такъ превосходно воспользовались потомъ, въ 1866 году; словомъ, это значило воткнуть себѣ въ бокъ занозу похуже той, какую Наполеонъ оставилъ Россіи въ Тильзитскомъ трактатѣ. Но австрійцы послѣ побѣды надъ Наполеономъ чувствовали себя вовсе не такъ, какъ Александръ послѣ фридландскаго пораженія. Какъ ни страшны были соединенныя силы русской и прусской арміи, при поддержкѣ со стороны Австрія надѣялась выдержать бой; а такую поддержку она нашла не у одной Франціи: Англія, использовавъ Россію до конца, въ сущности уже не нуждалась въ ней послѣ разрушенія первой имперіи; а дѣлать изъ Александра второго Наполеона, вершителя судебъ континента, вовсе не входило въ ея планы. Александръ уже смѣшивалъ, на словахъ, „выгоды Европы" со своими собственными: не слѣдовало давать развиваться такому честолюбію.

Къ срединѣ зимы 1814—15 гг. отношенія до того обострились, что Пруссія и Россія нашли своевременной военную оккупацію спорныхъ тер-

риторій,—причемъ вновь назначенный главнокомандующій польской арміей, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, въ приказѣ призывалъ поляковъ „къ защитѣ отечества". У Наполеона кое-чему научились... Съ своей стороны, Меттернихъ, Кэстльри и Талейранъ подписали (3 января н. ст. 1815г.) конвенцію, согласно которой Австрія, Англія и Франція обязывались выставить по полутораста тысячъ человѣкъ каждая. Военныя дѣйствія должны были начаться въ мартѣ. Талейранъ могъ поздравить себя съ блестящимъ успѣхомъ: Франція не только не была одинока и порабощена, ея полная самостоятельность была признана, и въ защитѣ ея она могла опереться на двухъ главныхъ участницъ только что побѣдившей ее коалиціи.

Кризисъ во Франціи оборвалъ развитіе этого, исторически высоко любопытнаго процесса. Извѣстіе о возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы*) сразу смѣшало шашки. Воскресшій императоръ вовсе не былъ расположенъ итти по стопамъ Людовика XVIII вмѣстѣ съ Австріей: беря быка за рога, онъ предложилъ союзъ Александру. Но Александръ, уже умудренный опытомъ послѣдней коалиціи, уже зная, что Наполеона можно побить—совсѣмъ не склоненъ былъ сразу жертвовать половиной достигнутаго успѣха, создавая себѣ соперника. Въ то же время Англія, передъ которой вновь всталъ призракъ континентальной блокады, сразу и рѣшительно повернула къ прежнимъ союзамъ. Четвертая коалиція сорганизовалась гораздо быстрѣе, чѣмъ третья. Поставленные на очередь крупные вопросы заставили быть уступчивѣе въ мелочахъ. Александръ пожертвовалъ частью поляковъ („своей собственностью") и уступилъ Пруссіи Познань, а Австріи Галицію. Впослѣдствіи, какъ мы видѣли, онъ даже усматривалъ въ этомъ извѣстную для себя выгоду. Но титулъ польскаго короля (или „царя", какъ довольно нелѣпо перевели титулъ для удовольствія русскихъ патріотовъ) онъ оставилъ за собой. Оставлена была также и самостоятельная польская конституція,—и хотя Александръ понималъ свои конституціонныя права и обязанности довольно своеобразно*),—все же иллюзія политическаго возрожденія польской національности на первыхъ порахъ получалась довольно полная. Сладились и относительно Саксоніи—причемъ въ этомъ спорѣ не только вотчинные интересы и понятія, но и вотчинная терминологія господствовали совершенно явно. Торгуясь съ саксонскимъ королемъ, ему обѣщали сначала 350.000 „душъ", потомъ 700.000,—наконецъ, перешли за миллионъ: оставляя въ сторонѣ размѣры, можно было подумать, что имѣешь передъ собой добрыхъ русскихъ помѣщиковъ. Сошлись въ концѣ концовъ на томъ, что административно ссыльный король сохранилъ $^3/_5$ своей вотчины и получилъ возможность умереть съ надлежащимъ церемоніаломъ въ Дрезденѣ,—а не въ русскомъ изгнаніи, какъ сулилъ ему сначала Александръ I.

Мы нарочно подробно коснулись

*) въ февралѣ 1815 г.

*) См. выше стр. 64 и главу VIII. „Польша въ первой половинѣ XIX вѣка".

спора изъ-за Саксоніи: онъ лучше поясняетъ сущность тѣхъ переговоровъ, которые велись въ Вѣнѣ подъ аккомпаниментъ баловъ и концертовъ, нежели это могъ бы сдѣлать анализъ трактатовъ*). Не смотря на громкія фразы о „благѣ Европы“ или даже о благѣ „всего христіанства“, отъ современниковъ, и притомъ наиболѣе предубѣжденныхъ, не могло укрыться, чѣмъ, собственно, занимались въ Вѣнѣ. Это былъ „дѣлежъ между побѣдителями имущества побѣжденнаго“—по точному опредѣленію правой руки Меттерниха, реакціоннаго публициста Генца. Вотчинники, благополучіе которыхъ было такъ или иначе задѣто французской революціей, побѣдивъ, наконецъ, послѣднюю въ лицѣ военной диктатуры Наполеона, собрались устраивать свои дѣла. Послѣ земельной жадности—главнаго интереса всякаго вотчинника, ихъ слѣдующій ближайшій интересъ былъ въ томъ, чтобы потрясеніе отнюдь не повторялось. Надо было взаимно застраховать полученную добычу отъ новой революціи*). Этой цѣли и отвѣчалъ договоръ, подписанный въ сентябрѣ 1815 года вождями коалиціи—актъ основанія Священнаго Союза.

Внѣшняя форма этого документа, до тошноты пропитаннаго тѣмъ ханжескимъ духомъ, который былъ такъ свойственъ императору Александру въ эти годы, такъ же мало даетъ понятія о его дѣйствительномъ значеніи, какъ текстъ любого трактата того времени—и даже еще менѣе: изъ всѣхъ „звучныхъ и пустыхъ“ документовъ эпохи конгрессовъ это наиболѣе „звучный и пустой“,—здѣсь Меттернихъ былъ совершенно правъ. Благочестивое настроеніе овладѣвало тогда Александромъ Павловичемъ по всякому важному и неважному поводу: послѣ удачнаго смотра войскъ при Вертю, напр., онъ такъ умилился, что сердце его, по собственнымъ его словамъ, „наполнилось любовью къ его врагамъ, и онъ могъ горячо молиться за нихъ всѣхъ“. При такомъ интимномъ общеніи съ Богомъ въ каждомъ будничномъ случаѣ своей жизни, могъ ли Александръ не примѣшать религіи къ такому рѣшительному шагу, какъ основаніе „союза государей противъ народовъ“? Но мы жестоко ошиблись бы, если бы стали искать источника новаго союза въ религіозномъ настроеніи русскаго императора. Державы-союзницы могли дѣйствовать вмѣстѣ и совершенно дѣловымъ образомъ, не поминая имени Господа Бога всуе. Такимъ практическимъ проявленіемъ Священнаго Союза были, напримѣръ, протоколы, подписанные державами-союзницами въ ноябрѣ 1815 г.—и дополняемые инструкціями, полученными главнокомандующимъ оккупаціонной арміи во Франціи, Веллингтономъ*). Трактатъ 20 ноября (н.

*) Заключительный актъ Вѣнскаго конгресса („l'Acte final“), подписанъ 9 іюня н. ст. 1815 года.

*) Австрія получила 2.300 кв. миль и 10 милл. человѣкъ, Пруссія—2.217 кв. миль и 5.362 тыс. чел., Россія—2.100 кв. миль и 3 милліона человѣкъ.

*) Послѣ вторичной побѣды союзниковъ надъ Наполеономъ, Франція должна была заплатить 600 милл. фр. контрибуціи и, кромѣ того, содержать въ теченіе 5 лѣтъ оккупаціонную армію союзныхъ державъ въ 150.000 человѣкъ.

ст.) интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ представляетъ собою новое изданіе двухъ договоровъ, заключенныхъ ранѣе—1 марта н. ст. 1814 г. (Шомонскій трактатъ) передъ первымъ взятіемъ Парижа союзниками и 25 марта (н. ст.) 1815 г., передъ началомъ послѣдней войны съ Наполеономъ,—но изданіе дополненное. Дополненіе вызвано именно тѣмъ случаемъ, который далъ поводъ къ возобновленію войны: воскресеніе бонапартизма въ его новомъ—и тѣмъ болѣе опасномъ—видѣ, въ союзѣ съ демократическими идеями. Поэтому, оговоривъ исключеніе навсегда отъ престолонаслѣдія Наполеона и всѣхъ членовъ его семьи, документъ продолжаетъ: „А такъ какъ революціонные принципы могли бы и впослѣдствіи раздирать Францію и угрожать такимъ образомъ спокойствію другихъ государствъ, высокія договаривающіяся стороны, торжественно признавая свою обязанность охранять въ подобныхъ обстоятельствахъ спокойствіе и интересы своихъ народовъ съ удвоеннымъ тщаніемъ, обязуются въ то же время, если бы такое несчастное событіе разразилось снова, условиться между собою и съ его христіаннѣйшимъ величествомъ (королемъ Франціи) о мѣрахъ, которыя онѣ сочтутъ необходимыми для безопасности своихъ государствъ и для общаго спокойствія Европы“. Этотъ еще учтивый языкъ,—вполнѣ однако ясно говорившій о правѣ, присвоенномъ себѣ державами-союзницами, вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, поддерживая реакцію въ борьбѣ съ революціей—разъяснялся уже совершенно откровенной инструкціей Веллингтону, гдѣ безъ околичностей заявлялось, что государи коалиціи „формально обѣщали королю (Людовику XVIII) поддержать его оружіемъ противъ всякой революціонной попытки“. О томъ, когда и какъ можетъ быть осуществлено это вмѣшательство, предоставлялось судить самому англійскому фельдмаршалу,—котораго послы союзныхъ державъ должны были постоянно держать въ курсѣ всѣхъ относящихся сюда вопросовъ.

О подобномъ же военно-полицейскомъ надзорѣ за всѣми европейскими народами пока стѣснялись говорить: французы были уже ославлены, какъ якобинцы; по отношенію къ своимъ добрымъ подданнымъ сохраняли, пока было возможно, слащавый языкъ отеческаго покровительства. На Ахенскомъ конгрессѣ (осенью 1818 г.), по словамъ Генца, „всѣ соображенія стушевывались передъ верховной обязанностью предотвратить крушеніе власти, спасая народы отъ ихъ собственныхъ заблужденій“: но тѣмъ не менѣе, „дабы не подать повода къ злорѣчію и нескромностямъ“, не было сказано ни слова „ни о формѣ правленія, ни о представительной системѣ, ни о поддержаніи или видоизмѣненіи привилегій дворянства, ни о свободѣ печати...“ Скоро однако же добрые подданные произвели столь рѣшительный натискъ на своихъ королей, сначала въ Испаніи, потомъ въ Неаполѣ, потомъ въ Пьемонтѣ, что на слѣдующихъ конгрессахъ пришлось говорить всѣ слова. Настаивая на вооруженномъ вмѣшательствѣ въ испанскія и

итальянскія революціи. Александръ впервые провозгласилъ принципъ полицейскаго надзора не только за Франціей, но и за любой страной, гдѣ началось бы революціонное движеніе (Троппаускій конгрессъ осенью 1820 г.). Въ деклараціи конгресса этотъ принципъ получилъ совершенно отчетливую формулировку: было объявлено, что всякое государство, внутри котораго произойдетъ революція, тѣмъ самымъ исключается изъ Союза; что никакія измѣненія въ государственномъ устройствѣ, произведенныя революціоннымъ путемъ, не будутъ признаны Союзомъ; что, наконецъ, въ случаѣ, если бы революція угрожала—или могла угрожать—спокойствію другихъ странъ, державы-союзницы должны вмѣшаться въ дѣло, употребивъ сначала „дружескія увѣщанія", а потомъ „силу обуздывающую", съ цѣлью возвращенія заблудшей державы „въ лоно Союза"—т. е. возстановленія стараго порядка.

Троппаускій конгрессъ установилъ, какія измѣненія государственнаго устройства являлись неправомѣрными: это были тѣ, что шли снизу, были послѣдствіемъ требованій народа. Его непосредственный продолжатель, Лайбахскій конгрессъ (весна 1821 года) опредѣлилъ то же въ положительной формѣ, указавъ, какія „полезныя или необходимыя измѣненія въ законодательствѣ и управленіи" допускаются правилами Союза. Это были тѣ, которые истекали изъ „свободной воли, обдуманнаго и просвѣщеннаго рѣшенія тѣхъ, кому Господь ввѣрилъ власть". Священный Союзъ вовсе не былъ взаимной страховкой единоличныхъ деспотовъ для поддержанія абсолютизма въ чистомъ видѣ. Въ его составъ входили конституціонные государи: самъ Александръ Павловичъ былъ таковымъ въ Финляндіи и Польшѣ. И здѣсь не было никакого противорѣчія: нигдѣ, даже въ Россіи, старый порядокъ не выражался въ безграничной власти одного надъ всѣми. А Союзъ былъ взаимной страховкой для поддержанія именно стараго порядка въ его цѣломъ. Сословныя учрежденія средневѣковаго типа, въ родѣ старыхъ финляндскихъ „чиновъ", были отнюдь не противны „вѣчнымъ законамъ нравственности", такъ грубо изобиженнымъ демократической испанской конституціей 1812 года*). Даже конституціи болѣе новаго типа могли быть довольно удовлетворительны, если избирательное право въ нихъ было ограничено разумнымъ цензомъ: Александръ, напр., былъ большимъ сторонникомъ французской хартіи 1814 года и до нѣкоторой степени ускорилъ ея опубликованіе, объявивъ Людовику XVIII—колебавшемуся принять на себя опредѣленныя политическія обязательства—что русскія войска не выйдутъ изъ Парижа, пока хартія не будетъ опубликована. Но эта хартія вскорѣ же затѣмъ дала Франціи „несравненную палату" (Chambre introuvable)—сплошь изъ дикихъ помѣщиковъ. А когда буржуазія освоилась съ новыми условіями парламентской борьбы и стала въ большомъ числѣ проникать въ палату — Александръ потребовалъ

*) Она была лозунгомъ всѣхъ тогдашнихъ революцій и образцомъ, между прочимъ, для нашихъ декабристовъ.

измѣненія избирательнаго закона,— помѣщикамъ искусственно былъ данъ перевѣсъ надъ остальными классами населенія—и скоро Франція имѣла „вновь обрѣтенную палату“ (Chambre retrouvée). Власть помѣщика надъ низкорожденнымъ такъ же исходила отъ Бога, какъ и власть государя надъ помѣщиками. Священный Союзъ брался охранять весь „порядокъ“, а не только личные интересы коронованныхъ особъ. Это и давало ему значеніе знамени, подъ которымъ шла вся европейская реакція вплоть до того, какъ демократическая революція 1848 года нанесла ей смертельный ударъ.

4.

Восточная политика Николая I.

Въ западно-европейскихъ международныхъ отношеніяхъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній Россія заняла ту позицію, какая ей принадлежала по праву. Наиболѣе феодальное изъ европейскихъ государствъ не могло въ концѣ концовъ не оказаться во главѣ всеевропейской феодальной реакціи противъ буржуазной революціи. Какія бы формы ни принимала эта послѣдняя—форму ли военной диктатуры Наполеона, или форму либерально-плутократическаго режима Іюльской монархіи—она могла быть увѣрена, что Россію она встрѣтитъ противъ себя. И дѣло нисколько не мѣнялось отъ того, что первый изъ русскихъ государей, которому пришлось грудь съ грудью схватиться съ революціонной Франціей, былъ одно время „другомъ“ Наполеона Бонапарта, а конституціонныя учрежденія „любилъ, и думалъ, что всякій порядочный человѣкъ долженъ ихъ любить“; второй же искренно ненавидѣлъ эти учрежденія и думалъ, что ни одинъ порядочный человѣкъ не можетъ быть ихъ сторонникомъ, — а Бонапарта такъ и не согласился признать своимъ братомъ до конца жизни: какъ ни различны были политическіе взгляды сыновей Павла, дѣлали они въ области внѣшней политики одно и то же,—дѣлали то, чего можно было ожидать отъ крѣпчайшаго изъ оплотовъ феодализма въ Европѣ.

Казалось бы, эта связь внутренняго строенія государства, его типа, съ его внѣшней политикой должна была меньше чувствоваться въ отдѣльныхъ дипломатическихъ районахъ,—гдѣ преслѣдовались нѣкоторыя спеціальныя политическія цѣли. Наши восточныя отношенія, напримѣръ, и сами дѣятели, и ихъ историки не прочь были поставить или на почву религіознаго чувства, припоминая старо-московскія легенды о православномъ царѣ всего христіанства, или на почву географической логики, повелительно диктовавшей Россіи будто бы захватъ Константинополя и Дарданеллъ немедленно вслѣдъ за превращеніемъ Чернаго моря въ русское озеро. Но какъ ни привычна первая изъ этихъ комбинацій, какъ ни соблазнительно ясна вторая, мы ничего не поняли бы въ восточной политикѣ Россіи, если бы

взяли за путеводную нить одну изъ нихъ. Почему православный царь долженъ былъ бросить православныхъ грековъ на произволъ судьбы и приняться за ихъ освобожденіе только подъ вліяніемъ опасности потерять весь свой авторитетъ на Балканскомъ полуостровѣ въ пользу своихъ политическихъ соперниковъ? Почему географическая логика не мѣшала императору Николаю связывать себя обязательствами съ такими государствами, которыя никакъ не могли допустить занятія Царьграда русскими — и тѣмъ ставить на своемъ пути къ этому городу все болѣе и болѣе высокіе барьеры? На эти вопросы мы не получимъ отвѣта, лишь только забудемъ объ охранительной роли Россіи въ тогдашней европейской политикѣ вообще: и мы увидимъ, что „восточный вопросъ" въ первой половинѣ XIX вѣка тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ общеевропейскими отношеніями Россіи и понятенъ только въ связи съ ними.

Самое его возникновеніе или, вѣрнѣе, воскресеніе послѣ пятнадцатилѣтняго перерыва (съ 1791 г., Ясскаго мира, до начала войны Александра I съ султаномъ Селимомъ въ 1806 году) было обусловлено второй коалиціей. При Павлѣ и въ первые годы Александра отношенія къ Турціи были мирныя и почти союзническія: египетская экспедиція напугала Порту и, естественно, заставила ее искать поддержки у присяжныхъ враговъ Французской республики, Англіи и Россіи. Когда французовъ въ Египтѣ смѣнили англичане, то, при всей корректности послѣднихъ относительно правъ султана,—турки уже не могли смотрѣть на дѣло прежними глазами. Французскіе агенты очень умѣло эксплуатировали эту перемѣну настроенія. Скоро повелительный тонъ русскаго посланника въ Константинополѣ сталъ невыносимъ для султана. Онъ не понималъ, какъ могъ онъ допустить, чтобы невѣрные такъ зазнались—и рѣшилъ какимъ-нибудь крупнымъ актомъ демонстративно проявить свою независимость. Случай скоро представился: господари Молдавіи и Валахіи были фактически ставленниками Россіи; султанъ ихъ смѣнилъ — и не подумалъ снестись по этому поводу съ русскимъ правительствомъ. Россія и ея союзница поняли это, какъ случайный капризъ — и, чтобы предупредить его повтореніе, прибѣгли къ мѣрамъ строгости: русская армія вступила въ дунайскія княжества, англійская эскадра, пройдя Дарданеллы, появилась передъ Константинополемъ. Но результатъ получился обратный: то, что сочли капризомъ, на дѣлѣ было серьезнымъ поворотомъ политики. Порта уже успѣла оцѣнить значеніе Наполеона и твердо рѣшила связать свою судьбу съ судьбой побѣдителя при Аустерлицѣ и Іенѣ. Англійская эскадра увидѣла передъ собой батареи, покрытыя сотнями орудій въ полной боевой готовности: инженерные офицеры, которыхъ незадолго передъ тѣмъ присылалъ Наполеонъ въ Константинополь, жили здѣсь, очевидно, не даромъ. Французскій посолъ Себастіани былъ душой обороны. Англичане имѣли въ виду военную демонстрацію, а не настоящую войну: простоявъ нѣсколько дней передъ городомъ, эскадра ушла обратно за Дарданеллы. Это должно было еще

больше ободрить турокъ: въ отвѣтъ на оккупацію княжествъ Селимъ объявилъ Россіи войну.

Война была еще очень далека отъ конца ко времени тильзитскаго свиданія. Турки годами держали насъ на линіи Дуная, ведя, по обыкновенію, очень упорную и умѣлую крѣпостную войну. Русскія войска штурмовали одну дунайскую крѣпость за другой, часто бывали отбиты, иногда имѣли успѣхъ—но за взятой крѣпостью оказывалась новая—и такъ далѣе безъ конца. Миръ съ Россіей дѣлалъ ненужной для Наполеона турецкую войну, въ качествѣ военной диверсіи: но вполнѣ въ его интересахъ было превратить восточный вопросъ въ диверсію политическую, расширивъ, запутавъ и осложнивъ его по мѣрѣ возможности. Онъ смотрѣлъ на Александра Павловича, какъ на большого ребенка, которому нужно было дать какую-нибудь игрушку, чтобы онъ не мѣшалъ взрослымъ. Одна игрушка скоро нашлась—то была Финляндія; но одной было мало. И уже на тильзитскомъ плоту онъ поспѣшилъ поднять большой вопросъ, котораго, какъ онъ могъ надѣяться, хватитъ русскимъ на долгіе годы. Онъ припомнилъ своему собесѣднику „греческій проектъ" его бабушки, Екатерины II, и весьма краснорѣчиво и съ большимъ сочувствіемъ распространился о его достоинствахъ. Это было, конечно, не малымъ предательствомъ по адресу Турціи,—которая только что такъ довѣрчиво отдалась подъ покровительство французскаго императора. И, разумѣется, только чисто формальнымъ оправданіемъ могло служить то обстоятельство, что султанъ Селимъ былъ передъ этимъ свергнутъ съ престола янычарами — и престолъ занимало уже другое лицо. Но „императоръ Наполеонъ не любилъ турокъ: онъ ихъ считалъ варварами", по словамъ одного изъ его помощниковъ. А по отношенію къ „варварамъ" все позволительно: особенно, когда единственно цѣнное, что находилъ у нихъ Наполеонъ, ихъ легкая кавалерія, болѣе не была нужна. Какъ бы то ни было, вопросъ о *раздѣлѣ Турціи* впервые поставилъ передъ Александромъ Павловичемъ Наполеонъ въ Тильзитѣ. Мы уже видѣли, съ какою радостью ухватился за него самолюбивый русскій императоръ—передъ которымъ мелькнула надежда съ честью отдѣлаться отъ безславной памяти двухъ первыхъ коалицій. Въ Константинополѣ все можно было позабыть: и Аустерлицъ, и Фридландъ, и тильзитское униженіе. И Константинополь на цѣлыхъ полтора года не сходитъ съ поля зрѣнія императора Александра. Трудно смотрѣть безъ смѣха, какъ лукавый корсиканецъ эксплуатировалъ этотъ „пунктикъ" своего новаго союзника. Читая нѣкоторыя его письма (напримѣръ, знаменитое письмо отъ 2 февраля 1808 года), можно подумать, что для Франціи не было въ это время вопроса важнѣе восточнаго; что все вниманіе ея императора обращено на Константинополь и восточные берега Средиземнаго моря: что оріентирующимъ началомъ его политики является отнюдь не Испанія—какъ это было на самомъ дѣлѣ—а Турція и Египетъ—съ придачей, можетъ быть, Индіи. Само собою разумѣется, что все это было

разсчитано не только на то, чтобы занять Александра, а и для другихъ цѣлей: надо было сбить съ толку англичанъ, не давая имъ сосредоточить вниманіе на Пиренейскомъ полуостровѣ. Оттого Наполеонъ и не ограничивался одними словами — а, время отъ времени, собиралъ корабли и войска на такихъ пунктахъ, откуда можно было ожидать экспедиціи на востокъ. Но само собою разумѣется также, что экспедиціи этой никогда не суждено было отправиться. Тѣмъ временемъ Румянцевъ съ Коленкуромъ проводили въ Петербургѣ цѣлые дни надъ картой Турціи, серьезно споря изъ-за каждаго клочка земли, вовсе не принадлежавшей ихъ государямъ. Александръ настолько былъ увлеченъ дѣломъ, что ставилъ даже сначала свою поѣздку въ Эрфуртъ въ зависимость отъ рѣшенія восточнаго вопроса. Но Наполеону это было отнюдь не нужно: онъ хотѣлъ до безконечности говорить о раздѣлѣ Турціи, а отнюдь не рѣшать что бы то ни было по этому поводу. Коленкуру было поручено убѣдить Александра согласиться на „свиданіе безъ условій“—и, какъ мы видѣли (см. выше, 1. „Тильзитъ“), онъ въ этомъ успѣлъ. Въ итогѣ вышло, что *на словахъ* Россіи былъ обѣщанъ даже Константинополь (споръ шелъ только о Дарданеллахъ), а *на бумагѣ* за ней, какъ мы видѣли, (см. тамъ же) долго не соглашались закрѣпить даже дунайскія княжества, которыя были однако же заняты русскими войсками еще до Тильзита.

На дѣлѣ и ихъ приходилось еще закрѣплять за собой побѣдами на полѣ битвы,— а это было далеко не такъ легко, какъ дѣлить карту Турціи въ петербургскомъ кабинетѣ. Послѣ шести лѣтъ войны Александръ былъ фактически почти такъ же далеко отъ Константинополя, какъ и въ ея началѣ. Войнѣ, начавшейся благодаря второй коалиціи, положила конецъ третья. Разрывъ русско-французскаго союза самъ собою ставилъ вопросъ объ отношеніи Порты къ бывшимъ союзникамъ. Но по отношенію къ континентальной блокадѣ у Турціи, какъ у всякой мало развитой экономически страны, общіе интересы были не съ Франціей. Однимъ изъ поводовъ продолжать войну послѣ переговоровъ, начатыхъ на основаніи тильзитскаго соглашенія, было то, что турки продолжали пускать къ себѣ англичанъ и покровительствовали англійской контрабандѣ на Балканскомъ полуостровѣ. И здѣсь, какъ въ Финляндіи, Россія являлась рукой Франціи,—чего турки не могли не видѣть. Къ тому же, всѣми средствами добиваясь мира, русское правительство довело до свѣдѣнія Порты и ту переписку о раздѣлѣ, которая происходила между Наполеономъ и Александромъ. Понятно, что къ новому предложенію союза со стороны Франціи турки отнеслись теперь очень скептически—и, не заключивъ союза съ Россіей (чего очень желалъ императоръ Александръ), согласились однако же заключить съ ней миръ. Условія этого мира (16 мая 1812 г.) были въ высокой степени благопріятны для Турціи— и почти ничего не давали Россіи, хотя послѣднимъ дѣйствіемъ войны была крупная побѣда Кутузова, который здѣсь, дѣйствительно, весьма

удачно „перехитрилъ“ великаго визиря. Всѣ территоріальныя пріобрѣтенія Александра послѣ шестилѣтней борьбы свелись къ узкой полосѣ земли на лѣвомъ берегу Прута: главный объектъ спора, княжества, остался за Турціей, которая могла на этомъ основаніи считать себя даже побѣдительницей. Прочія статьи Бухарестскаго договора были или повтореніемъ постановленій прежнихъ трактатовъ (какъ статья, неопредѣленно предоставлявшая русскому императору право „покровительствовать“ православнымъ подданнымъ султана, имѣвшаяся уже въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ трактатѣ 1774 г.), или возстановляли status quo ante bellum, признавая, напримѣръ, тоже весьма неопредѣленно формулированное право надзора Россіи за ходомъ управленія въ княжествахъ и назначеніемъ господарей. Если припомнить, что даже эти „успѣхи“, по общему убѣжденію того времени, были куплены только цѣною англійскаго золота, рѣкой лившагося въ карманы турецкихъ дипломатовъ, — то можно понять, почему турецкая война навсегда осталась однимъ изъ самыхъ непріятныхъ воспоминаній Александра Павловича, и онъ всегда старался поскорѣе отогнать отъ себя мысль о возможности возобновленія военныхъ дѣйствій на Дунаѣ. Когда, въ связи съ начинавшимся греческимъ движеніемъ, ему предлагали въ 1816 г. воспользоваться своимъ доминирующимъ положеніемъ на востокѣ Европы и разорвать Бухарестскій трактатъ, который турки къ тому же плохо и соблюдали, онъ отвѣтилъ своему собесѣднику (графу Каподистріи): „Все это прекрасно обдумано, но чтобы осуществить вашъ планъ, надо воевать, а я этого не хочу. Довольно съ насъ войнъ на Дунаѣ. Онѣ деморализуютъ армію. Вы сами были тому свидѣтелемъ. Сверхъ того, миръ въ Европѣ еще не упроченъ, и зачинщики революцій ничего бы столь не желали, какъ разрыва между мною и турками“.

Послѣднія слова бросаютъ яркій свѣтъ на отношеніе русскаго правительства—одинаковое, какъ при Александрѣ, такъ и при его преемникѣ—къ крупнѣйшему факту балканской исторіи начала XIX вѣка, греческому возстанію. Возрожденіе Греціи—съ обычной для XVIII вѣка исторической неряшливостью смѣшивавшееся съ возрожденіемъ Византійской имперіи—было центральной идеей того „греческаго проекта“, который достался Александру Павловичу въ наслѣдство отъ Екатерины II. Съ свойственнымъ этой государынѣ политическимъ реализмомъ она разсматривала вооруженное возстаніе грековъ, а за ними и другихъ христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова, какъ необходимый постулатъ для осуществленія ея проекта. „Принятіе оружія, сколько возможно вездѣ въ одно время или вскорѣ одного народа за другимъ“, ставилось главной цѣлью гр. Алексѣю Орлову, командиру русскаго флота въ Архипелагѣ въ 1769 году. Инструкція Екатерины II предписывала ему „соединя въ свое предводительство разные греческіе народы, какъ можно скорѣе составить изъ нихъ нѣчто видимое и между собою къ общему подвигу

соединенное, которое бы свѣту представилось новымъ и цѣлымъ корпусомъ" *). Орлову удалось набрать нѣсколько тысячъ греческихъ ополченцевъ, но это искусственно возбужденное со стороны движеніе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій,— а Екатерину навело на самыя мрачныя мысли о возрождаемой ею національности: склонность къ рабству, писала она „свойственна грекамъ или лучше сказать врожденна имъ"; обнаруживая въ своемъ характерѣ „совершенное легкомысліе", они не только не принесли намъ пользы, но и „толико пакости намъ причинили". Для борьбы за національную самостоятельность еще не было почвы. Но тѣ же русско-турецкія войны ее и создавали. Мирные трактаты, Кучукъ-Кайнарджійскій и затѣмъ Ясскій, выговорили обширныя льготы для русской торговли на турецкомъ востокѣ: но русскія торговыя суда составляли здѣсь совершенно ничтожную величину. Въ девяти случаяхъ на десять русскій флагъ прикрывалъ грека. Онъ прикрывалъ его тѣмъ надежнѣе, что и официальный дипломатическій представитель Россіи въ этомъ краю почти всегда былъ тоже грекъ. „Греки стали естественными посредниками между нашими черноморскими портами и рынками юго-западной Европы. Они забрали въ руки всю хлѣбную торговлю южной Россіи съ Австріей, Италіей, Франціей и Испаніей. Богатыя колоніи греческихъ торговцевъ завелись въ приморскихъ городахъ всѣхъ этихъ странъ. Одновременно поднялось и развилось благосостояніе Сиры, Гидры и многихъ другихъ торговыхъ центровъ Архипелага. Изъ безправной дотолѣ райи стали въ значительномъ числѣ выходить люди зажиточные: шкипера, арматоры, негоціанты" *). Словомъ, подъ покровомъ русскаго флага развивалась греческая буржуазія—со всѣми свойственными этому классу стремленіями, въ томъ числѣ и національными. Французская революція закончила ея формировку. Театръ революціонныхъ войнъ почти захватывалъ Грецію; трехцвѣтное знамя появлялось на берегахъ Балканскаго полуострова—въ Каттаро, на Іоническихъ островахъ. Подъ этими впечатлѣніями образуется первая гетерія—тайное националистическое общество (въ концѣ 90-хъ гг. XVIII в.). Австрійская полиція помогла туркамъ открыть его и справиться съ нимъ. Въ 1814 году возникло новое общество уже на русской почвѣ и съ участіемъ людей, близко стоявшихъ къ русскимъ официальнымъ сферамъ. Въ него надѣялись втянуть министра Александра I, Каподистрію; его дѣятельнымъ членомъ былъ флигель-адъютантъ русскаго императора, князь Ипсиланти.

„Принятіе оружія греческими народами", о которомъ такъ хлопотала Екатерина II, становилось фактомъ. Притомъ фактъ этотъ возникалъ самопроизвольно—русскому правительству оставалось только использовать его: не было надобности даже компрометировать себя ролью подстрекателя. Помощь балканскимъ христіанамъ, возстававшимъ противъ

*) [illegible] „Внѣшняя политика императора Николая I", [illegible] стр. 22[illegible].

*) Гончевъ, т. I., стр. [illegible]—2[illegible]4.

турецкаго правительства, была уже явленіемъ обычнымъ: во время войны съ Портой Александра I, русскіе постоянно поддерживали и оружіемъ и деньгами возстаніе сербовъ. Бухарестскій миръ обезпечилъ имъ нѣкоторую административную автономію,—которую, впрочемъ, турки плохо уважали. Все это было совсѣмъ недавно,—и, казалось бы, ничего не стоило распространить русское покровительство и на грековъ. Этимъ на первыхъ порахъ нельзя было даже ухудшить своихъ отношеній къ Турціи, которая все равно была убѣждена, что греческое движеніе внушено и поддерживается Россіей. Но русскимъ правительствомъ руководили въ данномъ случаѣ соображенія гораздо болѣе высокаго порядка. „Политика императора Александра сильна своими охранительными началами, а потому она отвергаетъ всѣ косвенныя и частныя вліянія, неподтверждаемыя правами", писалъ Каподистрія въ отвѣтъ на приглашенія гетеристовъ. „Никакая помощь, ни прямая, ни косвенная, не можетъ быть оказана вамъ государемъ, ибо, повторяю, подкапываться подъ основанія Турецкой имперіи посредствомъ постыднаго и преступнаго дѣйствія тайнаго общества было бы недостойно его". „Необходимо убѣдиться, что людямъ не дано созидать однимъ словомъ или одною правительственной мѣрой народы или возстановлять тѣ изъ нихъ, которые утратили ихъ прежній блескъ. Эти великія событія содержатся въ предвѣдѣніи всевышняго, совершить ихъ можетъ одна его воля. Отъ насъ зависитъ только помоганіе другъ другу съ любовью и безо всякой притомъ затаенной мысли, съ чистосердечнымъ желаніемъ содѣлаться добрыми чадами нашей церкви и лучшими сынами нашего отечества. Оно находится подъ скипетромъ оттомановъ. Провидѣнію угодно, чтобы подъ этимъ же скипетромъ вы ему служили; этой высшей волѣ должно повиноваться. Всякое другое внушеніе коварно, или оно есть признакъ самаго гибельнаго заблужденія страстей".

Нѣсколько лѣтъ спустя авторъ этихъ краснорѣчивыхъ строкъ былъ президентомъ греческой республики, ведшей ожесточенную борьбу со „скипетромъ оттомановъ". Но и онъ, и фактически поставившее его въ президенты русское правительство пришли къ этому неизбѣжному концу очень окольнымъ, длиннымъ и запутаннымъ путемъ, стоившимъ грекамъ много лишней крови, а Россіи— утраты всякой популярности въ Греціи. Первыя же извѣстія о возстаніи имѣли послѣдствіемъ стр[illegible]ый погромъ въ Константинополѣ и другихъ турецкихъ городахъ: турецкая черная сотня въ патріотическомъ одушевленіи разграбила и перебила множество христіанъ, грековъ и негрековъ, греческій патріархъ Константинополя (незадолго передъ тѣмъ предавшій проклятію гетеристовъ, по требованію турецкаго правительства) былъ повѣшенъ въ полномъ облаченіи на воротахъ патріархата. Соучастіе Порты во всѣхъ этихъ неистовствахъ было совершенно очевидно и нисколько не скрывалось; войска и полиція открыто грабили и убивали, прокладывая путь черносотеннымъ шайкамъ. Пред-

ставленія русской дипломатіи не имѣли никакого значенія. Политику Александра турки поняли въ томъ смыслѣ, что русскіе просто не смѣютъ объявить Портѣ войны—и стали обходиться съ нами соотвѣтствующимъ образомъ. „Нашъ флагъ подвергается оскорбленіямъ въ проливахъ“, доносилъ русскій посланникъ, „нашихъ матросовъ *) убиваютъ или ранятъ и оправдываютъ это преступленіе радостью и усердіемъ мусульманскихъ войскъ... Входъ въ Дарданеллы воспрещается всѣмъ судамъ, нагруженнымъ зерномъ... Исключительному осмотру подвергаются русскія суда въ Дарданеллахъ и на всемъ Архипелагѣ, дабы провѣрить, нѣтъ ли на нихъ военныхъ снарядовъ,—на что я согласился...“ Но когда подобному же осмотру Порта стала подвергать казенныя русскія суда, возившія корреспонденцію посольства, а въ число „безнаказанно оскорбляемыхъ“ попали чины этого послѣдняго, баронъ Строгановъ вынужденъ былъ прервать дипломатическія сношенія—и запросить инструкцій у своего государя, что ему предпринять въ такомъ неслыханномъ случаѣ. „Агамемнонъ Европы“ былъ какъ разъ на Лайбахскомъ конгрессѣ, когда къ нему пришли слезныя жалобы его дипломатовъ на тѣхъ, кому, по недавнимъ еще и, казалось, несомнѣннымъ расчетамъ Александра—даже и существовать вовсе не слѣдовало. Можно было ожидать громового удара: но положеніе всеевропейскаго жандарма обязывало—и вмѣсто громовъ Россія излила свое негодованіе въ депешѣ, гдѣ Порта обвинялась... въ неумѣніи усмирить греческую революцію. „Вмѣсто того, чтобы подавить революціонный духъ, Порта распространяетъ его“, писалъ Каподистрія по порученію императора Александра. „Вмѣсто того, чтобы навсегда погубить дѣло революціи, она, повидимому, задалась цѣлью его облагородить; наконецъ, вмѣсто того, чтобы доказать греческому народу, что зачинщики смутъ соблазняютъ его и увлекаютъ по ложному пути, она доказываетъ ему, свойствомъ и цѣлью мѣръ своихъ, что ему остается только выборъ между отчаяніемъ и смертью...“ Это обвиненіе сопровождалось угрозой: „дать убѣжище“ возставшимъ грекамъ, если русскія требованія (наиболѣе конкретнымъ изъ нихъ было возстановленіе разрушенныхъ православныхъ церквей) не будутъ удовлетворены въ восьмидневный срокъ. Туркамъ угроза, видимо, вовсе не показалась страшной—и по истеченіи восьми дней Строганову ничего не осталось, какъ уѣхать съ посольствомъ изъ Константинополя. Александръ понималъ, что необходимы шаги, нѣсколько болѣе рѣшительные,—но онъ *не смѣлъ* ихъ предпринять безъ разрѣшенія державъ Священнаго Союза. Прося своихъ союзниковъ разрѣшить ему вооруженное вмѣшательство въ грекотурецкую распрю, онъ яркими красками изображалъ тѣ бѣды, которыя сулитъ оставленіе дѣла въ прежнемъ видѣ. „Или“, писалъ онъ императору Францу, „восторжествуетъ турецкое правительство, и христіанство будетъ свидѣтелемъ истребленія народа, служившаго единственнымъ посредникомъ между Портой и

*) Вспомнимъ, что это, по большей части, были тѣ же греки.

христіанскими державами въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, или падетъ Оттоманская имперія, и новый очагъ безпорядковъ изольетъ на Европу тѣ бѣдствія, отъ которыхъ было такъ трудно оградить ее". Въ этомъ же смыслѣ писалъ онъ и англійскому кабинету. На австрійцевъ все это однако же не произвело никакого впечатлѣнія—и пустить русскихъ на Балканскій полуостровъ они не пожелали. На Веронскомъ конгрессѣ Александръ уже не рѣшился вновь поднять вопросъ. Англичане же реагировали на все происшедшее весьма своеобразно. „Россія покидаетъ свой передовой постъ", заявилъ Каннингъ:„ Англія должна воспользоваться этимъ и занять ея мѣсто тѣмъ болѣе, что человѣчество этого требуетъ". Это было въ 1823 году,—а въ августѣ 1825 г. Греція формально стала подъ покровительство короля великобританскаго.

Это былъ такой ударъ русскому престижу среди балканскихъ христіанъ, какого Россія не испытывала давно. Въ Вѣнѣ совершенно успокоились: „Вліяніе русскаго двора на грековъ потеряно", съ удовольствіемъ говорилъ Меттернихъ. Надо было поправлять дѣло—но самолюбіе не позволяло прямо признаться въ своихъ ошибкахъ, а традиціи Священнаго Союза не допускали и мысли объ открытомъ союзѣ съ „мятежниками". Въ Россіи попрежнему конфисковывались деньги, собиравшіяся въ пользу грековъ. Новый русскій государь (Александръ умеръ черезъ три мѣсяца послѣ перехода грековъ подъ англійскій протекторатъ), излагая свою восточную политику передъ различными высокими особами, пріѣхавшими его привѣтствовать, почти не упоминалъ о грекахъ и не высказывалъ къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія. Въ послѣднемъ случаѣ Николай, повидимому, былъ совершенно искрененъ. Онъ понималъ, что свободная Греція не могла быть другомъ самодержавной Россіи, гдѣ первый порывъ къ политической свободѣ только что былъ задавленъ 14 декабря,—и потому отъ всей души не желалъ, чтобы греки, какъ и другія балканскія народности, стали *вполнѣ* свободны. Право заключать союзы и имѣть своихъ дипломатическихъ представителей Николай считалъ для грековъ опасной и слишкомъ дорогой роскошью. „Вѣрно понятые нами интересы наши совѣтуютъ намъ никогда не допускать, чтобы Греція распространила свою территорію и свое политическое вліяніе за предѣлы, нынѣ ей положенные", писалъ нѣсколько лѣтъ спустя вѣрный истолкователь дипломатическихъ взглядовъ императора, баронъ Брунновъ. „Увеличивать матеріальныя силы греческой державы, *подчиняющейся вліянію ученій, управляющихъ политикой морскихъ державъ* (т. е. Англіи и Франціи), *было бы изо всѣхъ возможныхъ комбинацій наиболѣе для насъ вредною*". Николаю не нужно было поэтому притворяться, говоря, что столкновеніе съ Турціей есть личное его дѣло. Но какъ разъ въ области мелкихъ столкновеній именно съ Россіей Порта теперь склонна была обнаружить уступчивость: ей не могла улыбаться перспектива нажить себѣ въ качествѣ враговъ сразу и Россію и Англію. Аккерманская конвенція (25 сент.

1826 г.) разрѣшила исключительно въ нашу пользу всѣ мелкія контроверзы, возникавшія на почвѣ Бухарестскаго трактата, причемъ Россіи не пришлось даже пускать въ ходъ подготовленной военной демонстраціи. Такой успѣхъ долженъ былъ ободрить къ дальнѣйшимъ шагамъ. Они были тѣмъ легче, что Англія нашла для себя выгоднымъ пойти намъ навстрѣчу. Британское правительство вовсе не расположено было вести войну съ Турціей изъ-за Греціи. Его идеалъ состоялъ въ томъ, чтобы вынудить у турокъ всѣ возможныя уступки мирнымъ путемъ, путемъ концентрированнаго давленія съ разныхъ сторонъ. Въ этой комбинаціи ближайшія услуги могли оказать Россія или Австрія, какъ двѣ крупнѣйшія сосѣдки Турціи со стороны континента—и Франція, какъ главная средиземноморская держава. Но позиція Австріи, по вполнѣ реальнымъ соображеніямъ поддерживавшей турокъ и status quo на Балканскомъ полуостровѣ, была слишкомъ ясна, чтобы къ ней стоило обращаться; а во Франціи въ это время, въ дни феодальной реакціи Карла X, русское вліяніе было особенно сильно. Каннингъ рѣшилъ начать поэтому съ Россіи: Веллингтонъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ другими привѣтствовать Николая Павловича съ восшествіемъ на престолъ, привезъ въ Петербургъ предложеніе — координировать дѣйствія Англіи и Россіи въ греческомъ вопросѣ. Англія должна была предложить свое посредничество воюющимъ сторонамъ, а Россія — поддержать Англію. Вполнѣ согласно съ личными взглядами Николая, требованія, предъявляемыя Портѣ, не доходили до полной независимости грековъ. Они получали лишь автономію, немного расширенную сравнительно съ автономіей дунайскихъ княжествъ, но оставались подданными султана и платили ему дань. Это былъ все же нѣкоторый прогрессъ, сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ императора Александра, присоединявшимъ ко всему этому еще раздѣленіе Греціи на три совершенно самостоятельныя княжества.

Англо-русское соглашеніе было закрѣплено такъ называемымъ „петербургскимъ протоколомъ“ (23 марта 1826 г.), который черезъ годъ съ небольшимъ, по присоединеніи къ его основнымъ началамъ Франціи, превратился въ формальный договоръ трехъ державъ (Лондонскій договоръ 27 іюня 1827 г.). Къ этому времени борьба достигла высшаго напряженія, и мольбы грековъ о помощи, съ которыми они обращались какъ къ Англіи, такъ и къ Франціи,—но не къ Россіи, — заставляли принять какія-нибудь мѣры, не ограничиваясь дипломатической литературой. Турціи было предложено перемиріе,—она отказалась даже выслушать: ноту пришлось оставить на диванѣ у турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ. Тогда союзныя державы рѣшили фактически ограничить военныя дѣйствія, прекративъ подвозъ турецкихъ войскъ въ Грецію и добившись удаленія оттуда арміи союзника султана, египетскаго паши. Сопротивленіе, которое встрѣтили на этомъ пути союзныя эскадры, привело къ извѣстной Наваринской битвѣ (8/20 октября 1827 г.), гдѣ былъ уничтоженъ турецко-египетскій флотъ. Военныя силы законнаго государя, подавлявшаго мятежъ своихъ

подданныхъ, были истреблены, между прочимъ, русскими пушками! Это привело въ ужасъ и негодованіе Меттерниха. Въ другое время это едва ли бы встрѣтило сочувствіе и Николая: но рядъ успѣховъ, сначала дипломатическихъ, потомъ военныхъ, раскрылъ передъ нимъ такія широкія перспективы, что жажда новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній заставила молчать на время его легитимизмъ. Несомнѣнно, что съ этого именно времени въ его мозгу воскресаетъ идея, такъ долго занимавшая его старшаго брата — и доставшаяся имъ обоимъ въ наслѣдство отъ Екатерины II — идея раздѣла Турціи. Этого сюжета теперь приходилось касаться съ необыкновенной осторожностью. Русское правительство не уставало заявлять, что оно не имѣетъ ни малѣйшаго интереса ускорить паденіе Оттоманской имперіи, —что, напротивъ, сохраненіе султана на престолѣ соотвѣтствуетъ его живѣйшимъ желаніямъ. Но когда Австрія захотѣла, чтобы союзники формально гарантировали неприкосновенность Турціи, русская дипломатія самымъ рѣшительнымъ образомъ выступила противъ этого требованія, — своей мотивировкой ясно выдавая свои затаенные помыслы и желанія. „Вслѣдствіе нашего географическаго положенія на югѣ, а также положенія Босфора, служащаго какъ бы ключомъ къ нему", писалъ Нессельроде, „преобладающее вліяніе въ Константинополѣ составляетъ одну изъ нашихъ потребностей". Это вліяніе Россія могла бы оказывать и черезъ правительство султана,—но что же дѣлать, если послѣдній никуда не годится? „Не видимъ ли", спрашиваетъ въ благочестивомъ негодованіи русскій дипломатъ, „что государь этой имперіи пытается совершить въ ней преобразованія, расшатывающія ея основы, разрушающія ея прежнія силы и не созидающія силъ новыхъ, грозящія вызвать ужасную революцію?" Австрія должна была понять, что русскій государь на мѣстѣ такого революціоннаго султана явится настоящимъ выигрышемъ: этого, конечно, прямо не было сказано, но это не трудно было вычитать при нѣкоторомъ вниманіи. Во всякомъ случаѣ—гарантировать цѣлость Турціи значитъ брать на себя „обязательства неисполнимыя". Это еще прозрачнѣе комментировалъ Николай Павловичъ въ устной бесѣдѣ съ австрійскимъ посломъ. „Я искренно буду сожалѣть, если недоступныя человѣческимъ расчетамъ обстоятельства доведутъ Порту до края пропасти. Надѣюсь, что ужасная катастрофа эта не совершится". „Впрочемъ", продолжалъ онъ, отдавъ долгъ приличіямъ, „никакое препятствіе не заставитъ меня отказаться отъ моего предпріятія, хотя бы оно и имѣло послѣдствіемъ паденіе Оттоманской имперіи. Это было бы, конечно, новымъ несчастіемъ, гибельнымъ усложненіемъ, ибо я не предвижу никакого средства возстановить зданіе въ случаѣ, если бы оно разрушилось..."

2 апрѣля 1828 года появился манифестъ о войнѣ съ Турціей. Въ манифестѣ опять-таки не было ни слова о грекахъ. Благодаря этому, причины войны оказывались чисто экономическими—онѣ сводились къ разнаго рода стѣсненіямъ русской торговли и торговцевъ, чинимымъ турками. Для выполненія обширныхъ

завоевательныхъ плановъ Николай явился въ армію лично. На Дунаѣ были сосредоточены силы, вопреки увѣреніямъ патріотическихъ историковъ, болѣе чѣмъ достаточныя по тогдашнимъ условіямъ: армія Витгенштейна почти равнялась 1-й арміи Барклая-де-Толли 1812 года, силы же Турціи, конечно, были весьма далеки во всѣхъ отношеніяхъ отъ „Большой арміи“ Наполеона. Тѣмъ не менѣе, послѣ нѣсколькихъ легкихъ успѣховъ вначалѣ, дѣло пошло такъ туго, что не только не приходилось думать о походѣ на Константинополь, а, напротивъ, пришлось перенести главную квартиру далеко къ сѣверу отъ Дуная, въ Яссы. Турки, по обыкновенію, отсиживались въ крѣпостяхъ и не шли въ поле; русскія войска, тоже по обыкновенію, оказались плохо подготовленными къ крѣпостной войнѣ — и, кромѣ того, плохо снабженными и плохо приспособленными къ тѣмъ климатическимъ условіямъ, въ которыхъ имъ приходилось дѣйствовать: результатомъ была масса больныхъ. Осаду Силистріи пришлось снять, Шумлу—прикрывавшую доступъ къ балканскимъ переваламъ, даже не рѣшились осаждать. Была взята лишь при помощи черноморскаго флота одна Варна—чтобы хотя чѣмъ-нибудь почтить личное присутствіе Николая Павловича. Впечатлѣніе отъ похода 1828 года было таково, что Россія черезъ посредство датскаго посланника въ Константинополѣ пыталась завязать мирные переговоры — но тщетно. Кампанія 1829 года — при которой Николай лично уже не присутствовалъ — сказала то же самое, что и обезпечило конечный успѣхъ Кутузову на Дунаѣ въ 1811 году: переходъ турокъ, которымъ успѣхъ вскружилъ голову, въ наступленіе. Въ полевомъ сраженіи (при Кулевчѣ) турецкая армія была разбита на голову. Дорога за Балканы была открыта, и новый русскій главнокомандующій, Дибичъ, хотя и съ очень слабыми силами (всего около 20 тысячъ человѣкъ) могъ, наконецъ, осуществить мечту своего государя, двинувшись на Константинополь. Николай боялся вѣрить своему счастью, но тѣмъ не менѣе спѣшилъ принять практическія мѣры на случай, если бы Константинополь въ самомъ дѣлѣ достался въ его руки. „Перейдемъ“, писалъ онъ Дибичу, „къ случайностямъ, осуществленія которыхъ я молю Бога не допустить: очутиться намъ владыками Константинополя и тѣмъ, слѣдовательно, вызвать исчезновеніе Оттоманской имперіи въ Европѣ. Однако, я не хочу оставить васъ безъ нѣкоторыхъ общихъ указаній“.... Говоря о томъ, что англичане уже считаютъ насъ „владыками“ Константинополя, Николай подчеркнулъ это слово пять разъ. „Словомъ, полное торжество!“ въ упоеніи восклицалъ онъ и тутъ же, вспомнивъ о приличномъ христіанину смиреніи, добавлялъ: „теперь болѣе, чѣмъ когда либо отнесемъ все къ Богу“...

Но походъ Дибича къ Адріанополю былъ гораздо больше ловкой военной демонстраціей, чѣмъ прочнымъ успѣхомъ. Стоило туркамъ нѣсколько оправиться—и съ его силами онъ не смогъ бы удержаться за Балканами. Приходилось использовать психологическій моментъ, не теряя ни минуты и не ставя себѣ фанта-

стическихъ задачъ, добиваться условій, реально наиболѣе выгодныхъ. Дибичъ и поспѣшилъ это сдѣлать, даже не дождавшись окончательныхъ инструкцій Николая. Адріанопольскій договоръ (2/14 сентября 1829 г.) закрѣпилъ за Россіей устье Дуная и все восточное побережье Чернаго моря: не создавая ничего существенно новаго, онъ закончилъ процессъ превращенія этого моря въ русское озеро, начатый Ясскимъ миромъ 1791 года. Дунайскія княжества были фактически отобраны у Турціи и фактически же переданы Россіи: но формальнаго присоединенія этой заколдованной территоріи не удалось добиться даже въ Адріанополѣ. Наконецъ, Турція обязывалась выплатить Россіи военныя издержки. Но самымъ существеннымъ въ политическомъ отношеніи былъ пунктъ, совсѣмъ не вытекавшій изъ первоначальныхъ требованій Россіи, — гдѣ, какъ мы помнимъ, о Греціи вовсе не говорилось: этимъ пунктомъ Порта принимала главныя основанія Лондонскаго договора 1827 года, — т. е. признавала, если не независимость, то, по крайней мѣрѣ, автономію грековъ. Пунктъ этотъ не былъ продиктованъ Дибичемъ, — онъ заключался въ первоначальныхъ турецкихъ предложеніяхъ, и его оставалось только принять или отвергнуть. Для послѣдняго у русскаго главнокомандующаго не было ни малѣйшихъ основаній. Между тѣмъ очень нетрудно понять, почему Порта напрашивалась съ этой по видимости громадной уступкой: Греція ей все равно фактически уже не принадлежала—египетскія войска вынуждены были удалиться оттуда послѣ истребленія флота, и Морея была занята французскимъ корпусомъ. Въ то же время для западныхъ державъ именно освобожденіе Греціи составляло весь интересъ борьбы—а вовсе не завоеванія императора Николая. Выказывая готовность въ этомъ пунктѣ, Порта привлекала на свою сторону всю европейскую дипломатію.

Съ „владычествомъ" надъ Константинополемъ приходилось, такимъ образомъ, подождать: зато безъ особенно горячаго желанія съ своей стороны императоръ Николай сдѣлался освободителемъ Греціи. Для возвращенія утраченной Россіей популярности моментъ, во всякомъ случаѣ, былъ несравненный. Но русское правительство такъ воспользовалось своимъ правомъ опеки надъ вновь народившимся, благодаря русскимъ побѣдамъ, государствомъ, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ нашихъ заботъ Греція была дальше отъ насъ, чѣмъ когда бы то ни было.

Мы уже видѣли, что національное движеніе въ Греціи своими корнями тѣсно связано, во-первыхъ, съ развитіемъ греческой буржуазіи, во-вторыхъ, съ вліяніемъ французской революціи. И тѣмъ и другимъ опредѣлялась политическая идеологія руководящихъ слоевъ новаго государства. Первое же собраніе народныхъ представителей Греціи (въ Эпидаврѣ въ 1822 году) провозгласило принципъ народнаго верховенства и выработало конституцію на основѣ раздѣленія властей, гарантировавшую грекамъ неприкосновенность личности, свободу совѣсти, печати, собраній и т. д. Эта конституція была одним изъ лишнихъ поводовъ охлажденія Александра къ греческому дѣлу; вскорѣ

послѣ ея изданія Каподистрія вынужденъ былъ оставить русскую службу. Съ тѣхъ поръ національная независимость и политическая свобода разсматривались греческой буржуазіей, какъ нѣчто нераздѣльное. Въ 1827 году Трезенское собраніе, еще разъ провозгласивъ полную независимость Греціи и въ то же время подтвердивъ политическіе принципы, высказанные въ Эпидаврѣ, избрало временнымъ правителемъ или президентомъ Эллады Каподистрію. Бывшій русскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявлялъ, что онъ „прежде всего—грекъ“, а потомъ уже русскій чиновникъ. Тѣмъ не менѣе при первыхъ слухахъ, что ему предстоитъ играть роль въ греческихъ дѣлахъ, онъ поспѣшилъ въ Петербургъ—куда къ нему и пришло офиціальное извѣстіе объ избраніи. Само собою разумѣется, что онъ нашелъ необходимымъ выслушать совѣты императора Николая: тотъ указалъ ему, какъ „главную задачу“—„отчужденіе греческаго движенія отъ сопряженныхъ съ нимъ демагогическихъ элементовъ“ *). Отъ него ждали не самоотверженной борьбы за свободу своей родины, внѣшнюю и внутреннюю, даже не обереганія въ Греціи интересовъ его второй родины Россіи—что было бы еще, но съ общечеловѣческой, понятно, — а полицейскихъ услугъ Священному Союзу. И новый президентъ Эллады оказался необыкновенно воспріимчивымъ къ подобнымъ внушеніямъ — воспринятымъ имъ „съ благоговѣніемъ“, по словамъ историка—инспираціямъ императора Николая. По прибытіи въ Грецію онъ началъ съ грубѣйшаго нарушенія конституціи: онъ разогналъ сенатъ, избранный Трезенскимъ народнымъ собраніемъ, и составилъ новый изъ своихъ приверженцевъ, имъ самимъ назначенныхъ. Затѣмъ онъ отказался принести присягу, установленную тѣмъ же собраніемъ для президента,—гдѣ послѣдній обязывался охранять независимость Греціи и управлять ею на основаніи конституціи. Вмѣсто этого онъ обѣщался добиться для Греціи благодѣяній, заключавшихся въ Лондонскомъ договорѣ 1827 года,—какъ извѣстно, не устанавливавшемъ полной независимости Греціи, и оставлявшемъ ее въ вассальныхъ отношеніяхъ къ султану. Неизвѣстно, какъ отвѣтилъ бы греческій народъ на такія дѣйствія своего президента, если бы всего три мѣсяца спустя послѣ его появленія не вспыхнула русско-турецкая война. Несмотря на то, что она была начата не во имя независимости Греціи, греки приняли въ ней самое энергическое участіе. Съ другой стороны, какъ ни мало былъ расположенъ Николай къ „мятежникамъ“, онъ не могъ не цѣнить содѣйствія греческихъ войскъ и флота—просто, какъ чрезвычайно полезной ему военной диверсіи. Помимо субсидіи, которую стала выплачивать Россія грекамъ пополамъ съ Франціей, русское правительство отъ себя единовременно ассигновало два милліона франковъ, а императрица Александра Θеодоровна лично еще 800.000.

Эти „благодѣянія“, надлежащимъ образомъ популяризированныя Каподистріей, наряду съ военными успѣхами, отвлекшими все вниманіе къ внѣшней политикѣ, заставили на время забыть о неконституціонныхъ поступкахъ президента. Каподистрія поспѣ-

*) [illegible], назв. соч., стр. 262.

шилъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы получить индемнитетъ: весной 1829 года онъ созвалъ народное собраніе въ Аргосѣ, явившись на него въ мундирѣ русскаго статсъ-секретаря и съ русскими орденами. Онъ желалъ этимъ дать понять, что ссориться съ нимъ значитъ ссориться съ императоромъ Николаемъ и Россіей. При такой обстановкѣ греческая буржуазія не нашла удобнымъ поднимать конституціонные споры,—тѣмъ болѣе, что англо-французская дипломатія довольно опредѣленно ручалась за то, что Греція не будетъ лишена политической свободы. Соглашаясь, что самой подходящей для Греціи формой правленія будетъ монархическая, представители Англіи и Франціи добавляли: „Было бы несправедливо и опасно, при учрежденіи наслѣдственнаго правительства, лишить грековъ представительнаго начала, такъ какъ они даже подъ турецкимъ владычествомъ сами избирали свои общинныя власти, и старѣйшины ихъ пользовались правомъ распредѣленія податей“. Характерно, что подъ этимъ заявленіемъ подписался и русскій посолъ, — къ великому огорченію Каподистріи, пытавшагося доказать, что для греческаго народа „непригодно правительство, основанное на чисто конституціонныхъ началахъ, несовмѣстимыхъ ни съ чисто соціальными стремленіями Греціи, ни съ покоемъ Европы“. Другое требованіе греческаго народа,—требованіе полной независимости, тоже было удовлетворено державами-союзницами: Лондонская конференція, созванная для окончательнаго улаженія греческихъ дѣлъ на основѣ Адріанопольскаго трактата, пришла къ заключенію о необходимости сдѣлать Грецію совершенно самостоятельнымъ государствомъ *).

Въ обоихъ случаяхъ такимъ образомъ послѣдствія произвола Каподистріи были парализованы—и самъ онъ являлся только временнымъ зломъ. Правда, онъ употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы продлить свое управленіе. Когда найденъ былъ подходящій кандидатъ на греческую корону въ лицѣ родственника англійскаго короля, принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, Каподистрія въ своихъ письмахъ такими яркими красками изображалъ затрудненія, ожидающія его, бѣдность и лишенія, какія придется переносить греческому монарху,—что принцъ, терявшій изъ-за греческаго престола хорошую англійскую пенсію, въ концѣ концовъ раздумалъ и отказался. Скоро однако же нашелся другой кандидатъ, не англійскій, а русско-австрійскій — несовершеннолѣтній баварскій принцъ Оттонъ: управлять этотъ юный государь, конечно, не могъ бы, но что же дѣлать, если болѣе зрѣлаго воплощенія монархическаго принципа не находилось для Греціи.

Но пока проходила кандидатура Оттона, въ Греціи успѣли совершиться крупныя и трагическія событія. Іюльская революція всколыхнула греческихъ либераловъ. Режимъ Каподистріи сталъ для нихъ совершенно невыносимъ — и когда

*) Въ этомъ случаѣ на сторонѣ Англіи съ Франціей была и Австрія—которая не могла не видѣть, что Каподистрія является въ сущности русскимъ намѣстникомъ, и желала возможно скорѣе отъ него избавиться. Но участіе Австріи было равносильно санкціи Священнаго Союза и Николай поспѣшилъ подчиниться

требованіе немедленнаго созыва народнаго собранія было отклонено президентомъ, поднялось возстаніе. Во главѣ его стали тѣ самые люди, которые передъ этимъ бились съ турками за независимость греческаго народа: флотомъ инсургентовъ командовалъ знаменитый адмиралъ Міаулисъ. Русскія пушки нашли, наконецъ, себѣ достойное примѣненіе: при помощи эскадры адмирала Рикорда Каподистріи удалось подавить возстаніе—но не спасти ни себя, ни заведенныхъ имъ порядковъ. 28 сентября 1831 года онъ былъ убитъ — и вмѣстѣ съ нимъ рухнулъ „русскій" режимъ въ Греціи. Пытавшійся занять его мѣсто братъ Каподистріи долженъ былъ бѣжать, а немного спустя его примѣру пришлось послѣдовать и сенату, составленному изъ креатуръ покойнаго президента. „Русская" партія была окончательно разбита; вся надежда была на новаго короля. Но когда баварскій принцъ со своими чиновниками явился, наконецъ, въ Грецію (въ 1833 году), то оказалось, что баварцы вовсе не склонны жертвовать популярностью Оттона предразсудкамъ императора Николая. Въ первомъ же обращеніи къ своимъ новымъ подданнымъ король—или, вѣрнѣе, говорившій отъ его имени баварскій министръ иностранныхъ дѣлъ — обѣщалъ созывъ народнаго собранія для выработки конституціи. А въ первое министерство Оттона вошли вожди всѣхъ либеральныхъ группъ — и ни одного члена „русской" партіи. Съ усмирявшимъ грековъ адмираломъ Рикордомъ Оттонъ не пожелалъ даже видѣться, а съ русскимъ посланникомъ обращались такъ, что тотъ самъ не ѣздилъ во дворецъ. Въ концѣ 30-хъ годовъ Греція была для правительства императора Николая безнадежно потерянной страной и являла собою глазамъ русскихъ дипломатовъ ужасающе мрачную картину. „Ничто не procвѣтаетъ въ Греціи", писалъ въ это время баронъ Бруновъ. „Администрація впала въ совершенное бездѣйствіе. Графъ Армансбергъ*), подчиняясь вліянію англичанъ, удаляетъ отъ престола всѣхъ, кто мужественно служилъ отечеству во время войны за независимость, и въ то же время покровительствуетъ сторонникамъ разрушительныхъ идей, поощряетъ стремленіе извѣстной партіи, желающей введенія въ Греціи конституціоннаго порядка..." Но это было зло настоящей минуты: глава нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, старался проникнуть взоромъ въ будущее и съ ужасомъ видѣлъ тамъ, что „государства, основанныя на развалинахъ Оттоманской имперіи, не замедлятъ соперничать съ нами въ могуществѣ, цивилизаціи, промышленности и богатствѣ".

Отсюда былъ одинъ шагъ до мысли, что нашими естественными союзниками на Балканскомъ полуостровѣ являются не единовѣрные русскимъ славяне и греки,—„неблагодарность" которыхъ только что была такъ блестяще доказана, а— сами турки. Около этой идеи и вертится восточная политика императора Николая во второмъ фазисѣ ея развитія, гдѣ наиболѣе яркимъ моментомъ является Ункіаръ-Искелесскій договоръ 26 іюня 1833 г.

Турецкому султану угрожали двоя-

*) Глава регентства, [illegible] Оттона.

каго рода мятежники. Съ одной стороны, это были борющіеся за свою національную независимость народы Балканскаго полуострова: съ другой, турецкіе губернаторы отдаленныхъ провинцій, плохо связанныхъ съ центромъ, легко сосредоточивали въ своихъ рукахъ крупныя денежныя и военныя средства и становились самостоятельными государями. Въ первые годы XIX вѣка такую роль игралъ губернаторъ Албаніи, Али-паша—союзникъ еще республиканской Франціи. Къ 20-мъ годамъ выросъ въ значительную силу другой французскій союзникъ, губернаторъ Египта, Мегметъ-Али. При помощи французскихъ офицеровъ онъ создалъ себѣ армію, которая была несравненно лучше недисциплинированныхъ полчищъ султана. Французскіе инженеры и моряки построили ему флотъ, съ которымъ приходилось считаться даже европейскимъ державамъ. Къ этому надо прибавить, что онъ выступалъ всегда, какъ ревнитель правовѣрія—и что въ кругъ его непосредственнаго вліянія входили священные города ислама, Мекка и Медина: и съ этой точки зрѣнія онъ легко могъ стать непосредственнымъ конкурентомъ констатинопольскаго государя. Въ борьбѣ съ греками Мегметъ-Али былъ союзникомъ султана,—безъ него турки не продержались бы въ Пелопонесѣ до 1827 года. За свои услуги онъ требовалъ присоединенія къ своему генералъ-губернаторству Сиріи—ему отказали. Онъ нашелъ, однако, случай ввести въ спорную область свои войска (подъ предлогомъ спора съ аккскимъ пашою, тоже полу-самостоятельнымъ владѣтелемъ, но болѣе мелкимъ). Порта сочла себя подготовленной для того, чтобы положить конецъ притязаніямъ египетскаго паши—войска султана двинулись въ Сирію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они были отброшены почти къ самому Константинополю, и Мегметъ-Али былъ полнымъ хозяиномъ всей страны отъ береговъ Нила до Малой Азіи.

Николай Павловичъ нашелъ, что наступилъ чрезвычайно удобный моментъ проявить свои дружескія чувства къ султану Махмуду. Онъ и раньше пробовалъ сблизиться съ нимъ путемъ разныхъ мелкихъ одолженій—уменьшивъ, напримѣръ, военную контрибуцію, которую по Адріанопольскому трактату должна была выплачивать намъ Порта: контрибуцію, впрочемъ, какъ и всѣ турецкія контрибуціи, довольно безнадежную. Кромѣ того, онъ старался быть полезнымъ Махмуду добрыми совѣтами. Одинъ изъ нихъ былъ настолько оригиналенъ, что заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Давая прощальную аудіенцію чрезвычайному посланнику Порты, Халиль-пашѣ,—пріѣзжавшему въ Петербургъ хлопотать о нѣкоторыхъ смягченіяхъ Адріанопольскаго трактата—Николай, кромѣ письма къ султану, пожелалъ дать Халилю еще словесное порученіе по такому предмету, „писать о которомъ нельзя“: то былъ дружескій совѣтъ—перейти въ христіанство. Огорошенный турецкій дипломатъ пролепеталъ, что, конечно, это самое очевидное доказательство дружбы къ султану, какое русскій императоръ могъ дать,—но передать совѣтъ своему повелителю все-таки не объ-

щалъ. Осенью 1832 года дѣло не могло уже ограничиваться совѣтами. Николай рѣшился самымъ энергическимъ образомъ вмѣшаться въ споръ изъ-за Сиріи. Дѣло для него было совершенно ясно, — Мегметъ-Али былъ мятежникъ, султанъ законный государь. При первомъ извѣстіи о „мятежѣ“ египетскаго паши было приказано отозвать русскаго консула изъ Александріи и воспретить русскимъ подданнымъ (едва ли ихъ было много) пребываніе въ революціонномъ Египтѣ. А когда арміи султана были безнадежно разбиты, въ Константинополѣ неожиданно появился генералъ Муравьевъ съ письмомъ Николая къ Махмуду и съ приказаніемъ, буде султанъ на это согласится, немедленно ѣхать въ Александрію и призвать египетскаго пашу къ порядку именемъ русскаго государя.

Разговоръ Николая съ Муравьевымъ *), передъ отправленіемъ послѣдняго въ Турцію, бросаетъ яркій свѣтъ не только на отношеніе императора къ этому дѣлу—но и на его политическое міросозерцаніе вообще. „Я хочу показать султану мою дружбу“, говорилъ Николай Павловичъ. „Надобно защищать Константинополь отъ нашествія Мегмета-Али. *Вся эта война не что иное, какъ послѣдствіе возмутительнаго духа, овладѣвшаго нынѣ Европой и въ особенности Франціей.* Самое завоеваніе Алжира есть дѣйствіе безпокойныхъ головъ, которыя къ тому склонили слабаго Карла X. Нынѣ они далѣе распространили вліяніе свое и возбудили египетскую войну. Съ завоеваніемъ Царьграда мы будемъ имѣть въ сосѣдствѣ гнѣздо всѣхъ людей безпріютныхъ, безъ отечества, изгнанныхъ всѣми благоустроенными обществами. Люди сіи не могутъ оставаться въ покоѣ. Они нынѣ окружаютъ Мегметъ-Али-пашу, наполняютъ флотъ и армію его. Надобно низвергнуть этотъ новый зародышъ зла и безпорядка, надобно показать вліяніе мое въ дѣлахъ Востока“.

Итакъ, Россіи предстояло бороться въ лицѣ египетскаго паши ни болѣе, ни менѣе, какъ съ всемірной революціей. Съ точки зрѣнія Николая, это вполнѣ объясняло энергическія мѣры, пущенныя имъ въ ходъ: черноморскій флотъ вошелъ въ Босфоръ, одна русская дивизія была высажена на берегъ возлѣ Константинополя, другая готовилась приплыть вслѣдъ за первой. Но турки разсматривали войну съ Мегметомъ-Али вовсе не со всемірно-исторической точки зрѣнія. Правда, они не прочь были отъ помощи Россіи,—въ особенности одну минуту, когда Порту охватила настоящая паника при видѣ египетской арміи, идущей прямо на Константинополь (9 декабря 1832 года египетскія войска разбили послѣднія военныя силы султана при Иконіи, а въ январѣ они были въ виду Бруссы — въ двухъ шагахъ отъ Босфора). Но паника скоро миновала и присутствіе въ непосредственной близости къ ничѣмъ не защищенной турецкой столицѣ русскаго флота и русской арміи начало, наконецъ, безпокоить Порту больше, чѣмъ египетскія

*) Н. Н. Муравьевымъ „Карскимъ“, впослѣдствіи намѣстникомъ на Кавказѣ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ М. Н. Муравьевымъ-Виленскимъ.

силы, вмѣстѣ взятыя. Тамъ были все-таки свои, былъ болѣе личный врагъ султана, чѣмъ врагъ Турціи—здѣсь былъ старинный непріятель, гяуръ, еще недавно грозившій разрушеніемъ Оттоманской имперіи. Кромѣ того, турки никакъ не хотѣли вѣрить, что вмѣшательство императора Николая совершенно безкорыстно—и были правы въ этомъ случаѣ: русское правительство было отнюдь не прочь получить „два каменистыхъ уголка на Босфорѣ"—и остаться въ нихъ навсегда. Только нѣсколько наивная лояльность генерала Муравьева, не сумѣвшаго прочитать между строкъ въ своихъ инструкціяхъ—а нѣкоторыхъ вещей николаевскіе дипломаты не рѣшались все же написать прямо, всѣми буквами—помѣшала осуществленію этого проекта. Турки стали требовать удаленія нашего флота—имъ въ этомъ отказали, ссылаясь на неблагопріятные вѣтры, не дающіе судамъ выбраться изъ Босфора; тѣмъ временемъ русскіе офицеры тщательно изучали мѣстность, строили укрѣпленія. Не было другого средства избавиться отъ русскихъ, какъ заключить миръ съ Мегметомъ-Али: Порта рѣшила, что лучше потерять Сирію, чѣмъ дать Россіи прочно засѣсть на берегахъ Босфора. Неожиданнымъ послѣдствіемъ русскаго вмѣшательства оказалось то, что Махмудъ согласился на всѣ желанія своего мятежнаго губернатора,—далъ даже больше, чѣмъ просилъ Мегметъ-Али, въ послѣднюю минуту подъ вліяніемъ Франціи понизившій свои требованія.

Попытка захватить Босфоръ въ качествѣ „друга" потерпѣла такую же неудачу, какъ и попытка овладѣть имъ въ качествѣ врага въ 1828 году. Притомъ не было никакой надежды на то, чтобы турки когда-нибудь еще обратились къ нашему „дружескому" содѣйствію. Вновь назначенный главноначальствующій русскими силами на Босфорѣ, гр. Орловъ—одинъ изъ самыхъ близкихъ людей Николая—вѣрно воспроизвелъ настроеніе Порты тотчасъ по заключеніи мира, сказавъ, что „вольною волею турки не позовутъ насъ, а если мы придемъ, то это будетъ равносильно объявленію имъ войны". Оставалось прикрыть свою неудачу пышными фразами и это, наконецъ, удалось въ совершенствѣ. Султану были непріятны и опасны, собственно, конкретныя проявленія русской дружбы,—въ родѣ линейныхъ кораблей черноморскаго флота передъ Буюкъ-Дере. Слыть другомъ русскаго императора—было бы несомнѣннымъ козыремъ въ оттоманской политикѣ на будущее время. Заключенный Орловымъ съ Портой Ункіаръ-Искелесскій *) договоръ свидѣтельствовалъ торжественно передъ всей Европой, что между Россіей и Турціей установленъ вѣчный миръ, дружба и союзъ. Императоръ Николай „вслѣдствіе искреннѣйшаго желанія обезпечить существованіе, сохраненіе и полную независимость блистательной Порты" обѣщалъ, въ случаѣ надобности, предоставить въ ея распоряженіе необходимое количество сухопутныхъ и морскихъ силъ и содержать ихъ на свои

---

*) Такъ называлась мѣстность, гдѣ стояли русскія войска; договоръ, собственно, былъ подписанъ въ Константинополѣ.

счетъ. Турція со своей стороны обязывалась не пускать иностранныхъ военныхъ кораблей черезъ Дарданеллы.

Реальное значеніе для Россіи имѣлъ лишь послѣдній пунктъ—но Муравьевъ совершенно основательно сомнѣвался, чтобы у турокъ хватило силъ исполнить принятое ими на себя обязательство: ни прежде, ни послѣ дарданелльскія батареи не въ состояніи были задержать эскадры, которая твердо рѣшила прорваться. Все остальное было лишь тѣмъ барабаннымъ боемъ, который замаскировываетъ отступленіе. Императоръ Николай, повидимому, самъ въ глубинѣ души сознавалъ это: въ послѣднемъ, третьемъ, фазисѣ своей восточной политики онъ старается добиться своего не путемъ навязыванья въ дружбу къ султану, а посредствомъ соглашеній съ другими державами, имѣвшими интересы на Востокѣ. Это—періодъ русско-англійскаго союза, изъ котораго столько пользы сумѣла извлечь Англія и никакой—Россія.

Соглашенія съ другими европейскими державами по турецкимъ дѣламъ, несомнѣнно, были отступленіемъ отъ традиціонной политики русскаго двора на Востокѣ. Русскіе государи постоянно оберегали свою полную независимость въ сношеніяхъ съ султаномъ. Отступленіе отъ этого принципа въ 1807 году было однимъ изъ униженій, какія принесъ Александру Павловичу Тильзитскій трактатъ. Соглашенія 1826—27 гг. по греческому вопросу не касались непосредственныхъ отношеній Россіи и султана—и Николай началъ войну съ Турціей, вовсе не считаясь съ этими соглашеніями. Если теперь онъ пошелъ на уступки въ этой области, то это могло значить только, что и для него „побѣдоносный" Ункіаръ-Искелесскій договоръ по существу былъ дипломатической неудачей, и онъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ отложить въ сторону свою гордость, заискивая передъ тѣми, кѣмъ онъ хотѣлъ бы командовать. Разъ захватъ не удался въ одиночку—не попытать ли найти въ этомъ дѣлѣ товарищей? По старой привычкѣ, ближайшей заинтересованной стороной считалась Австрія. Уже лѣтомъ 1833 года, посылая свой флотъ и свои войска къ Босфору, Николай зондировалъ почву въ этомъ направленіи. Въ бесѣдѣ съ австрійскимъ посломъ онъ не скрылъ отъ него, какъ тяжела ему жертва, имъ приносимая—помощь Турціи. И, можетъ быть, еще изъ этой жертвы ничего не выйдетъ. „Я желалъ бы поддержать Турецкую имперію; если она падетъ, то я ничего не хочу изъ ея обломковъ. Мнѣ ничего не нужно... Какъ же поступить? Мысль о раздѣлѣ всегда занимала державы". Посолъ отнесся къ этой мысли съ явнымъ несочувствіемъ. Тогда Николай припугнулъ его возстановленіемъ Греческой имперіи — подъ скипетромъ Оттона баварскаго: такое возвеличеніе одного изъ южно-германскихъ принцевъ, фактическихъ вассаловъ Австріи, онъ зналъ, не можетъ понравиться Меттерниху, — который, немного спустя, въ самомъ дѣлѣ заявилъ, что Австрія ничего подобнаго „не допуститъ". Но тогда нужно же сговориться о томъ, что дѣлать? На запросы нашихъ дипломатовъ Мет-

тернихъ долго отвѣчалъ уклончиво: наконецъ, категорически сказалъ, что Константинополя Россіи не дадутъ. Казалось бы, послѣ этого ничего не оставалось, какъ воротить себѣ полную самостоятельность дѣйствій—изъ перваго же „соглашенія“, очевидно, ровно ничего путнаго для Россіи не выходило. Но послѣ уже начатыхъ переговоровъ это похоже было на разрывъ—а разорвать съ Австріей—это было слишкомъ для государя, такъ преданнаго идеямъ Священнаго Союза, какъ Николай Павловичъ. Два мѣсяца спустя послѣ заключенія Ункіаръ-Искелесскаго договора онъ отправился лично въ Австрію. Въ Мюнхенгрецѣ была подписана формальная конвенція между императорами всероссійскимъ и австрійскимъ по восточнымъ дѣламъ (6 сентября 1833 г.). Гласной цѣлью конвенціи было „не допускать общими силами никакой комбинаціи, которая наносила бы ущербъ независимости верховной власти въ Турціи“: это было направлено главнымъ образомъ противъ Мегмета-Али, какъ и поясняла тайная статья конвенціи. Другая тайная статья предусматривала *общее* вмѣшательство Австріи и Россіи въ турецкія дѣла въ случаѣ, если бы султану угрожала вышеуказанная опасность. Другими словами, Австрія пріобщалась къ проблематическимъ благодѣяніямъ Ункіаръ - Искелесскаго трактата,—безъ какихъ-либо соотвѣтствующихъ уступокъ съ своей стороны. Обѣ дипломатіи, и австрійская и русская, хвастались побѣдой; но, кажется, послѣдняя была болѣе права.

Нѣсколькихъ лѣтъ однако было достаточно даже для русской дипломатіи, чтобы понять, что Австрія отнюдь не является хозяйкой на Балканскомъ полуостровѣ и что дѣлить надо, во всякомъ случаѣ, не съ нею. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка европейскій капитализмъ быстрыми шагами завоевывалъ Левантъ: Суэзскій перешеекъ еще не былъ прорытъ, но значеніе узкой полосы земли между Азіей и Африкой и ея окрестностей было вѣрно оцѣнено уже Наполеономъ въ концѣ XVIII вѣка. Изъ-за будущаго міровового пути уже загорѣлась между морскими державами борьба, грозившая стать не менѣе упорной, чѣмъ какой была борьба XVIII вѣка изъ-за колоній. Столкновенія Турціи и Египта пріобрѣтали европейское значеніе именно на почвѣ этой борьбы: египетскій паша былъ постояннымъ кліентомъ Франціи, въ свою очередь въ Константинополѣ англійскіе послы были чѣмъ-то въ родѣ проконсуловъ, свергавшихъ и назначавшихъ визирей и министровъ. Торговый договоръ Англіи съ Турціей въ 1839 году былъ самымъ яркимъ символомъ побѣды европейскаго капитализма на Востокѣ. Договоръ устанавливалъ европейскія условія торговли на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи. Всѣ мелкія пошлины, стѣснявшія торговлю, отмѣнялись — и замѣнялись единственнымъ имперскимъ таможеннымъ тарифомъ. Монополіи также были упразднены, и, самое главное, договоръ устанавливалъ полное юридическое равенство для всѣхъ торгующихъ: иностранцы получали тѣ же права, что и подданные султана. Немного позже, поставленное англичанами министерство Решидъ-паши пред-

приняло рядъ административныхъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью приспособить имперію султана къ потребностямъ буржуазнаго оборота.

Турки довольно легко поддавались британской опекѣ по очень простой причинѣ: передъ англичанами не приходилось бояться за цѣлость султанской вотчины. Слишкомъ явно было, что имъ нужны не территоріальныя пріобрѣтенія. Напротивъ, французскій кліентъ, Мегметъ-Али, былъ постоянной угрозой именно въ этомъ отношеніи — и поддерживавшая его рука Франція была такъ могущественна, что отъ нея, казалось, никто не могъ спасти, кромѣ англичанъ. Россія въ глазахъ Турціи была своего рода Мегметомъ-Али, только болѣе страшнымъ, потому что она протягивала руки прямо къ Константинополю. Австрія навсегда дискредитировала себя въ глазахъ Порты своимъ поведеніемъ въ греческомъ вопросѣ: она тогда всячески подстрекала султана не исполнять требованій трехъ союзныхъ державъ,— и довела его до Наварина и Адріанопольскаго мира. Когда вновь вспыхнула война между Турціей и Египтомъ (въ томъ же 1839 году), Порта ни на кого больше не надѣялась, кромѣ Англіи — и надѣялась не напрасно: несмотря на всѣ блестящія побѣды египетскихъ войскъ, Мегметъ-Али быстро сдался, какъ только англійскій флотъ вмѣшался въ дѣло. А его покровительница, Франція, не рѣшилась сдѣлать этого съ своей стороны, потому что на сторонѣ Англіи былъ въ это время весь европейскій континентъ, считая въ томъ числѣ и Россію.

Здѣсь не мѣсто описывать исторію шумнаго кризиса, едва не приведшаго къ войнѣ на Рейнѣ—и воскресившаго во Франціи наполеоновскую легенду, издалека подготовивъ тѣмъ второго Бонапарта. Для насъ интересно только, какимъ образомъ императоръ Николай сталъ союзникомъ Пальмерстона, — того самаго Пальмерстона, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ былъ въ его глазахъ свѣтеломъ всякаго революціоннаго нечестія — и съ которымъ онъ долженъ былъ воевать нѣсколько лѣтъ спустя. Когда впервые возникъ вопросъ о защитѣ Турціи и, въ частности, Константинополя союзными силами европейскихъ державъ — и, въ связи съ этимъ, о занятіи ихъ эскадрами Дарданеллъ (вопреки ясному смыслу Ункіаръ-Искелесскаго трактата), первымъ чувствомъ русскаго императора было негодованіе—а его первымъ движеніемъ—защищать попранный трактатъ 1833 года. Россія рѣшительно отказалась принять участіе въ общеевропейскомъ выступленіи *). „Вопросъ о закрытіи Дарданеллъ составляетъ для насъ вопросъ чести", писалъ Нессельроде, „и мы обязаны защищать его во что бы то ни стало, никогда не останавливаясь ни передъ какой жертвой... Рѣшенія государя по этому предмету приняты безповоротно разъ навсегда". Но западныя державы въ это время уже успѣли привыкнуть къ непреклонному виду императора Николая — и на этотъ разъ не обратили на русскія заявленія никакого вниманія. Мало того, — онѣ сумѣли заставить

*) Въ немъ приняли участіе: Англія, Австрія — также коммерчески заинтересованная въ сохраненіи Турціи, Пруссія и, совершенно колебавшаяся, Франція

русскаго посланника въ Константинополѣ подписаться подъ общимъ обращеніемъ къ Мегмету-Али вмѣстѣ съ представителями Англіи и Франціи. На мѣстѣ, такимъ образомъ, русская дипломатія приняла участіе въ шагахъ, которые высшее дипломатическое начальство признавало принципіально недопустимыми. Въ „непреклонность“ Николая не особенно вѣрили даже его собственные дипломаты....

И они были совершенно правы: почти одновременно съ высокомѣрными заявленіями Нессельроде довѣренное лицо императора Николая, баронъ Брунновъ, отправился искать у Англіи помощи и союза именно въ турецкихъ дѣлахъ. Въ Лондонѣ Брунновъ, по словамъ Пальмерстона, говорилъ, что его государь вполнѣ согласенъ съ англійскими видами по отношенію къ дѣламъ Турціи и Египта. Что онъ приметъ участіе во всѣхъ мѣрахъ, признанныхъ необходимыми для приведенія этихъ видовъ въ исполненіе. Что „если мѣры, принятыя Мегметомъ, будутъ угрожать опасностью Константинополю и вызовутъ какія-либо морскія, или военныя операціи на Босфорѣ или въ Малой Азіи, то онъ надѣется, что операціи эти будутъ предоставлены ему“,—а сами англичане возьмутъ на себя исполненіе того, что окажется нужнымъ въ Средиземномъ морѣ или вдоль береговъ Сиріи и Египта. О Дарданеллахъ больше не было рѣчи—и въ заключеніе своихъ предложеній русскій уполномоченный формально обѣщалъ упраздненіе Ункіаръ-Искелесскаго договора.

Какъ видимъ, Николай Павловичъ началъ терпѣть униженія не подъ стѣнами Севастополя. Во Франціи не хотѣли вѣрить, что русское правительство до такой степени отречется отъ всѣхъ своихъ прежнихъ словъ и дѣйствій. Но, говоритъ историкъ внѣшней политики императора Николая, „въ концѣ декабря 1839 года баронъ Брунновъ вторично прибылъ въ Лондонъ и вручилъ лорду Пальмерстону планъ совокупнаго дѣйствія великихъ державъ, *тщательно соображенный со всѣми мнѣніями, взглядами и даже надеждами англійскаго министра*“ *). Россія поступала на службу Англіи не менѣе добросовѣстно, чѣмъ это было въ дни первой коалиціи противъ Наполеона. Пальмерстонъ могъ теперь выступить противъ французскаго кліента, ничѣмъ болѣе не стѣсняясь,—и судьба Мегмета-Али была рѣшена.

Въ итогѣ пятнадцатилѣтней борьбы за первенство на берегахъ Босфора, Лондонская конференція 1841 года положила конецъ „исключительному протекторату Россіи надъ Портой“, говоря словами Пальмерстона. Неприкосновенность Турціи была гарантирована пятью великими державами: въ случаѣ новой опасности, султану уже не было надобности прибѣгать къ страшной для него помощи своего сѣвернаго сосѣда. Напротивъ, онъ могъ теперь обратиться къ защитѣ всѣхъ остальныхъ державъ противъ самой Россіи. Мы знаемъ, что онъ и воспользовался этимъ въ 1854 году: лондонскія соглашенія начала 40-хъ годовъ подготовляли Крымскую кампанію.

Но надежда живуча въ сердцѣ человѣка: Николай Павловичъ долго

---

*) Татищевъ, назв. соч., стр. 498.

не хотѣлъ вѣрить, что онъ проигралъ свою дипломатическую кампанію,—какъ пятнадцать лѣтъ спустя онъ долго не признавался въ своей военной неудачѣ. Ему казалось, что соглашеніе съ Англіей очень подвинуло впередъ вопросъ о раздѣлѣ Турціи. Если дѣло тянется, то виноваты неумѣлые или недобросовѣстные посредники: стоитъ переговорить лично — и всѣ недоразумѣнія устранятся. Въ 1844 году онъ поѣхалъ въ Англію. „Я пріѣхалъ сюда не съ политическою цѣлью", говорилъ онъ королевѣ Викторіи и ея мужу. Тѣмъ не менѣе разговоры, которые онъ велъ съ англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ были несомнѣнно политическіе: они вертѣлись все около той же навязчивой идеи русскаго императора. „Турція умираетъ", толковалъ онъ, „сколько бы мы ни старались спасти жизнь ея, мы въ этомъ не успѣемъ. Она умретъ, не умереть ей нельзя, это будетъ критическая минута". Боже сохрани, конечно, говорить о раздѣлѣ наслѣдства умирающаго: „я не хочу ни единаго вершка турецкой земли". Тѣмъ не менѣе „необходимо условиться на справедливыхъ основаніяхъ, установить вполнѣ искренно добросовѣстное соглашеніе"... Но британскій кабинетъ находилъ, очевидно, совершенно достаточными лондонскія соглашенія 1841 года—и ни въ какіе частные договоры съ русскимъ императоромъ вступить не пожелалъ.

Назрѣвали уже однако событія, которыя должны были дать рѣзкій толчокъ всѣмъ европейскимъ отношеніямъ—и на короткое время вновь сдѣлать русскаго императора вершителемъ судебъ не одной Турціи. Приближалась февральская революція— непосредственная виновница и послѣднихъ успѣховъ и заключительной катастрофы Николаевскаго царствованія.

Библіографія.

ВВЕДЕНІЕ. РОССІЯ ВЪ КОНЦЕ XVIII В.

Источники. *Кн. Щербатовъ.* Сочиненія. I–II тт. СПб. 1901—4. *А. Н. Радищевъ.* Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. 1888 г. СПб. *А. Д. Болотовъ.* Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя имъ самимъ для своихъ потомковъ. 4 г. СПб. 1871—73 гг. *Письма Императора Александра I* и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу (Сбор. Русск. Истор. Об-ва, т. V). Дневникъ *Храповицкаго* 1782—1793. Изд. И. П. Барсукова. СПб. 1874 („Русск. Арх." 1901 г.). Записки о Екатеринѣ Великой кавалера *А. М. Грибовскаго.* Изд. М. П. Погодина. М. 1847 г. Записки *Державина.* Академическое изданіе сочиненій Державина, 9 т., 1884 г. СПб., и отдѣльныя изданія.

Общія сочиненія. *В. И. Семевскій.* Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. 2 т. СПб. 1901 г. *Его же.* Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. *Его же.* Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII вѣкѣ и первой половинѣ XIX вѣка („Историческое Обозрѣніе", т. IX). *Его же.* Статьи на ту же тему въ „Быломъ" 1906 г.

М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. I, гл. I—III. *А. Лаппо-Данилевскій.* Русскія торговыя и промышленныя компаніи въ первой половинѣ XVIII ст. („Журн. Министр. Народн. Просвѣщ." 1898—99). *А. Семеновъ.* Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской торговлѣ и промышленности съ половины XVII ст. по 1858 г. СПб. 1859 г. 3 ч. *Романовичъ-Славатинскій.* Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права. СПб. 1870. *И. Дитятинъ.* Устройство и управленіе городовъ въ Россіи. Т. I. Города въ XVIII ст. СПб. 1875 г. *А. Д. Градовскій.* Высшая администрація XVIII вѣка и генералъ-прокуроры. (Собр. соч. т. 2, СПб. 1866 г.). *Его же.* Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. *Ѳ. М. Дмитріевъ.* Сперанскій и его государственная дѣятельность. (Собр. соч., т. II. М. 1900 г.) *А. А. Васильчиковъ.* Семейство Разумовскихъ. СПб. 1880—87 гг.

ГЛАВА I.

Павелъ I.

Источники. *Schiemann.* Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nicolaus I. Berlin. 1902. Записки современниковъ: *Башилова* („Заря", 1871, XII), *Гейкинга* („Р. Ст.", 1887), *Державина* (Сочиненія, т. VI. СПб. 1871), *Екатерины II* (1906 г.), *Гр. Ланжерона* („Р. Ст." 1895), *Лопухина* („Рус. Арх." 1884), *Реймерса* („Рус. Ст." 1883), *Гр. Рибопьера* („Рус. Арх." 1877), *Саблукова* („Рус. Арх." 1869, II), *Тургенева* („Р. Стар." 1885—7, 1889, 1895), *Фонвизина* (Семевскій, Богучарскій и Щеголевъ. Общественныя движенія въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. СПб. 1905 г.)

Общія сочиненія: *Дм. Кобеко.* Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. 1754—1796. 3-е изд. СПб. 1887. *Шильдеръ Н.* Императоръ Павелъ I. СПб. 1901 г. *Брикнеръ А.* Смерть Павла I (русск. перев. съ введ. В. И. Семевскаго). СПб. 1905 г. *Евгеній Шумигорскій.* Павелъ I (Рус. Біогр. Словарь), Спб. 1902. *В. Семевскій.* Пожалованіе населенныхъ имѣній при императорѣ Павлѣ I („Рус. Мысль", 1882, XII). *Bernhardi F. T. von.* Geschichte Russlands in der europäischen Politik 1817—31. 3 т. Лейпц. 1877. *А. Петрушевскій.* Генералиссимусъ князь Суворовъ, 3 т. СПб. 1884 г. *В. Бильбасовъ.* Исторія Екатерины II. Т. 1 и 2. СПб. 1890—1891 гг. Т. XII. Берлинъ. 1896 г. *Е. Шумигорскій.* Екатерина Ивановна Нелидова. СПб. 1897 г. *Е. Шумигорскій.* Императрица Марія Ѳеодоровна. Т. I. СПб. 1892 г. *А. Пыпинъ.* Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I (2 изд. СПб. 1885 г.). *Лебедевъ.* Преобразованіе русской арміи въ царствованіе императора Павла Петровича („Р. Ст." 1877 г., т. XVIII). *Милютинъ.* Исторія войны 1799 г. *Корсаковъ.* Воцареніе императора Павла („Ист. Вѣст." 1906 г.).

ГЛАВА II.

Александръ I.

Общая исторія. *М. И. Богдановичъ.* Исторія царствованія Александра I и Россіи въ его время. 6 т. СПб. 1869—71 гг. *Н. Шильдеръ.* Александръ I. 4 т. СПб. 1897. *Н. Шильдеръ.* Александръ I (ст. въ I томѣ „Русскаго біографическаго Словаря"). *Е. Шумигорскій.* Императрица Марія Ѳеодоровна. СПб. 1892 г. *Ѳ. А. [illegible].* Характеристика императора Александра I. Кіевъ. 1878 г. *Николай Гречъ.* Біографія императора Александра I. СПб. 1835 г. *Сергѣй Глинка.* Исторія жизни и царствованія Александра I. М. 1828 г. *Ch. Eynard.* Vie de madame de Krüdener. Парижъ. 1849 г. *А. Н. Пыпинъ.* Г-жа Крюденеръ („В. Евр." 18[illegible] г., VIII и IX). *Великій князь Николай Михайловичъ.* Старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ („Ист. Вѣст." 1907 г.). *Schiemann.* Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Vol. I. Kaiser Alexander I und die Ergebnisse seiner Lebensarbeit. Berlin. 1904 г.

Внутренняя политика. *А. Пыпинъ.* Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. СПб. 1900 г. *Великій князь Николай Михайловичъ.* Графъ П. А. Строгановъ. 3 т. СПб. 1903 г. *Н. Тургеневъ.* La Russie et les russes (русскій переводъ неполный „Россія и Русскіе", изд. 1907 г.). *Сперанскій.* Планъ государственнаго преобразованія. М. 1905 г. *Середонинъ.* Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ. т. I. СПб. 1902 г. *Щегловъ.* Государственный Совѣтъ въ Россіи. 2 т. Ярославль. 1892—5. *Корфъ.* Жизнь графа Сперанскаго. 2 т. СПб. 1861 г. *С. Южаковъ.* Сперанскій (біограф. библіотека Павленкова). *Иконниковъ.* Графъ Мордвиновъ. СПб. 1873 г. *Грибовскій.* Высшая администрація. *Schnitzler.* Histoire intime de la Russie sous les Empereurs Alexandre et Nicolas. 2 т. Paris.

Вигель. Воспоминанія Филиппа Филипповича В. Москва. 1866 г. *Н. М. Карамзинъ.* Записка о древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ („Русс. Архивъ" 1870 г.).

ГЛАВА III.

Декабристы.

Источники *Никита Муравьевъ.* Разборъ донесенія Слѣдственной Комиссіи въ 1826 г. *[illegible]* Воспоминанія о тайномъ обществѣ въ Россіи 1815—1826 гг. Записки *И. И. Гор[illegible]* („Рус. Арх." 1882 г.). Записки *Ба[illegible]* („Девятнадцатый вѣкъ", 1 ч.). Воспоминанія декабриста *А. С. Гангеблова* (М. 1888 г.). „Записки декабриста" (изд. Розена). 1870 г. *Воспоминанія декабриста* (А. С. Бѣляева) о пережитомъ и перечувствованномъ, 1805 - 1850 гг. СПб. 1882 г. *Завалишинъ.* Записки декабристовъ. 1-е рус. изд. СПб. 1906 г. „Записки декабриста Д. И. Завалишина" *В. Богучарскаго.* München. 2 т. Записки декабриста кн. *С. П. Трубецкого.* СПб. Изд. ред. журн. „Всемірный Вѣстникъ". 1905 г. *П. И. Пестель.* Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева. 1906 г. СПб. *Государственныя преступленія въ Россіи* въ XIX в., подъ редакц. В. Богучарскаго. Т. I. (Донесеніе Слѣдствен. Комиссія, донесеніе варшавск. Слѣд. К-та и др. офиц. документы). *А. К. Бороздинъ.* Изъ писемъ и бумагъ декабристовъ. *М. Довнаръ-Запольскій.* Мемуары декабристовъ. *Шиманъ.* Къ исторіи царствованія Павла I и Николая I. *Сѣмевскій, Богучарскій и Щеголевъ.* Общественное движ. въ Россіи въ первой пол. XIX вѣка. Кн. I. *Записки декабристовъ:* Якушкина, ф.-Визина, Оболенскаго, Штейнгеля, Пущина, Лунина, Муравьева, Волконскаго и Лорера. Въ упомянутой выше книгѣ Шимана между прочимъ напечатаны воспоминанія М. Бестужева о 14 дек., воспом. Фаленберга, воспом. К. Голодникова (не декабриста) — „Декабристы въ Тобольской губ.", выписка изъ дневн. шт.-рот. Каульбарса о дѣйствіяхъ конной гвардіи и др. матеріалы.

Общія сочиненія. *Корфъ.* Восшествіе на престолъ Николая I. *Богдановичъ.* Исторія Александра I. Т. VI. *Шильдеръ.* Исторія Александра I (т. IV) и Николая I (т. I). *Герценъ.* La conspiration russe en 1825 г. (отчасти въ Сборникѣ Бурцева „За 100 лѣтъ"). *Плехановъ.* 14 дек. 1825 г. *В. Е. Якушкинъ.* Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. Съ приложеніемъ проекта конституціи Никиты Муравьева. СПб. 1906 г. *Пыпинъ.* Обществ. движеніе.

Монографіи и отдѣльныя статьи. *Щеголевъ.* Первый декабристъ Раевскій. Пестель передъ Верховнымъ Судомъ *Н. И. Сильванскаго.* „Былое" 1906 г. *Дмитріевъ-Мамоновъ А.* Декабристы въ Западной Сибири. Историческій очеркъ по офиц. документамъ. Съ портр. СПб. 1905 г. *Котляревскій Н.* Декабристы кн. А. И. Одоевскій и А. Я. Бестужевъ-Марлинскій, ихъ жизнь и литерат. дѣят. СПб. 1907 г. *Покровскій В.* Жены декабристовъ. Сборн. историко-бытов. статей. М. 1906 г. *Декабристы.* 86 портретовъ, видъ Петровскаго завода и 2 бытовыхъ рисунка того времени. Пояснительный біографическій текстъ П. Головачева. Вступительная статья В. Мякотина. М. 1906 г.

Довнаръ-Запольскій М. Идеалы декабристовъ. М. 1907 г.

Довнаръ-Запольскій М. Мемуары декабристовъ (Записки, письма, показанія, проекты конституціи, извлеченные изъ слѣдств. дѣла, съ вводной статьей). Кіевъ.

Довнаръ-Запольскій М. Тайное общество декабристовъ. Историч. очеркъ. М. 1906 г.

ГЛАВЫ IV—VII.

См. библіографію къ II части, гл. I.

ГЛАВА VIII.

Польша въ первой половинѣ XIX вѣка.

Tadeusz Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. *Aleksander Kraushar.* Książę Repnin; Polska w pierwszem czteroleciu panowania Stanisława Augusta. *I. I. Kraszewski.* Polska w czasie trzech rozbiorów. 1772—1799. *Wal. Kalinka.* Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. *Костомаровъ.* Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. *Соловьевъ.* Исторія паденія Польши. *S. Aszkenazy.* Dwa stulecia. *Le comte d'Angeberg.* Recueil des Traités, Conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862. *Wal. Kalinka.* Sejm czteroletni. *Wl. Smoleński.* Ostatni rok sejmu wielkiego. Его же. Konfederacya Targowicka. *Roman Pilat.* O literaturze politycznej sejmu czteroletniego. *Oswald Balzer.* Reformy społeczne i polityczne konstytucyj 3-go Maja. *Stanisław Smolka.* Stanowisko mocarstw w obec konstytucyi 3-go Maja. *Kołłątaj.* O ustanowieniu i upadku konstytucyi 3-go Maja 1791 roku. *K(orson).* Kościuszko, życiorys, z dokumentów osnuty. *F. Smitt.* Die Theilung Polens in den Jahren 1773, 1793, 1796 und 1815. *Ferrand.* Histoire de trois démembrements de la Pologne. *Zajączek.* Histoire de la révolution de Pologne en 1794, par un temoin oculaire. *Raumer.* Polens Untergang. *Leonard Chodżko.* Histoire des Légions polonaises en Italie. *Fryderyk hr. Skarbek.* Dzieje księstwa Warszawskiego. *Wł. Smoleński.* Rządy pruskie na ziemiach polskich. 1793—1807. *Rembowski.* Przyczynek do dziejów konstytucyjnych księstwa Warszawskiego. *Waw. Surowiecki.* O upadku przemysłu i miast w Polsce. *Lelewel.* Polska odradzająca się. *Niemcewicz.* Pamiętniki. Tom I, II. *Ogiński.* Mémoires. *Koźmian.* Pamiętniki. *Fryd. hr. Skarbek.* Królewstwo Polskie od epoki początku swego do rewolucyi listopadowej. *Stanisław Barzykowski.* Historya powstania listopadowego. *Maurycy Mochnacki.* Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. *Hirschberg.* Zbiór pamiętników do historyi powstania 1830 i 1831. *Lud. Mierosławski.* Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. *Ign. Prądzyński.* Pamiętnik historyczny i wojskowy o wójnie polsko-rosyjskiej w r. 1831. *Кн. Щербатовъ.* Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ. Томъ IV. *Józef Sołtykowicz.* O przyczynach wewnętrznych i najbliższych nędzy włościan naszych (1815). *Jan Ludwik Żukowski.* O pańszczyźnie z dołączeniem uwag nad moralnym i fizycznym stanem ludu naszego (1830). *Teod. Morawski.* Dzieje narodu polskiego. Tom VI. (Polska pod obcem panowaniem). *Piotr Chmielowski.* Historya literatury polskiej. Tomy III, IV, V. *Wł. Grabieński.* Dzieje narodu polskiego. Część II. *Wiktor Heltman.* Demokracya polska na emigracyi.

ГЛАВА IX.

Прибалтійскій край въ первой пол. XIX ст.

„Прибалтійскіе сборники". Тт. I—IV (сборники матеріаловъ по исторіи Прибалтійскаго края). Рига. 1878—80 гг. Archiv für Geschichte Liv-Esth-Curlands, v. Bunge. I—VIII, 1840—49 гг. *Budberg.* Wie die persönliche Freyheit den Bauern des Livl. Gouvernements zuertheilen wäre. Riga. 1817. *Storch.* Russland unter Alexander I. Riga. 1804 г. *H. v. Hagemeister.* Materialien zu einer Geschichte der Landgüter Livlands. *W. v. Bock.* Livländische Beiträge. 1870 г. Leipzig. *G. Engelhardt.* Vom Zustande der Bauern in Liv-und Esthland. Mitau. 1818 г. Programm. Nachrichten über den Zustand der Schulanstalten des Mitauschen Schulkreises, I—II. Mitau. 1805—6 гг. Abhandlungen aus und zu der Veranschlagung der Bauernländerien in Liv-und Curland. Mitau. 1835. *O. Müller.* Das Livländische Agrargesetzgebung. Riga. 1892 г. Матеріалы къ изученію аграрныхъ условій Лифляндіи, изд. Ландратской Коллегіи. Рига. 1885. *v. Kampenhausen.* Der Bauernlandverkauf auf den Privatgütern Curlands in den Jahren 1804—72. *А. Орановскій.* Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Курляндская губернія, изд. Главнаго Штаба. СПб. 1868 г. *Веймарнъ.* Лифляндская губернія. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. СПб. *O. Schmidt.* Rechtsgeschichte Liv - Esth - Curlands- Юрьевъ. 1894 г. *М. Харузинъ.* Балтійская конституція. Москва. 1888 г. *Г. Погеаръ.* Къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Рига. 1892 г. *F. Bunge.* Liv-Esth-Kurländische Urkundenbuch. Ревель. 1853—73 гг. *S. Busch.* Beitrage zur Geschichte und Statistik der Kirchen und Schulwesen der Ev.-lutherischen Gemeinden in Russland. *I. Kohl.* Die Völker Europas. *Hüeck.* Darstellung der landwirthschaftlichen Verhältnisse in Esth-Liv-und Kurland. 1845 г. *Chr. Brockhausen.* Likkumi Widsemes Semsekeem doti. Mitau. 1820 г. *V. Samson.* Historischer Versuch über die Aufhebung der Leibeigenschaft in den Ostseeprovinzen. *Gulecke.* Geschichte des Livländischen Volksschulwesens. *Stryk.* Beiträge zur Geschichte der Rittergüter Livlands. 2 Theile. Dresden. 1885 г. *Bunge.* Erorterung aus den in Liv-Kur-und Esthland geltenden Rechten. 1839-49 гг. *Tiesenhausen.* Erste Fortsetzung von

Materialien zur Gütergeschichte Livlands. Riga. 1843 г. *G. v. Buddenbrock.* Beiträge zur Kentniss der Provinzialverfassung und Verwaltung Livlands. СПб. 1804 г. *v. Bunge.* Geschichte des Liv-Esth-und Kurlands Privatsrechts. СПб. 1862 г. *von N. N.* Baltische Zustände. 1863 г. *Ernst Nolcken.* Russland hat allein noch die Wahl. Berlin. 1857 г. ***A. Buddens.*** Halbrussisches. Leipzig. 1847 г. *Hollman.* Die Volksschule in Livland. Dorpat. 1875 г. *J. Eckardt.* Jungrussisch nud Altlivlandisch. Leipzig. 1870 г. *J. Eckardt.* Die Baltischen Provinzen Russlands. Leipzig. *Derschau und Kayserling.* Beschreibung der Provinz Kurland. Mitau. 1805 г. Сочиненія ***Ю. Самарина.*** Тт. I—VIII. *А. Тобинъ.* Аграрное законодательство Лифляндіи въ XIX ст. *Bunge.* Brieflade. *O. Ruthenberg.* Edelmann und Bauer. *O. Ruthenberg.* Mecklenburg in Kurland. *G. Merkel.* Die freien Letten und Esthen. Mittheilungen der Geselschaft fur Geschichte Liv-Esth-Curlands. 13 томовъ. 1886 г. *G. Rennenkampf.* Bemerkungen über die Leibeigenschaft in Livland und ihre Aufhebung. *K. Paucker.* Esthlands Landguter. *J. Sievers.* Zur Geschichte der Bauernfreiheit in Livland. Riga. 1878. *J. Eckardt.* Juri Samarins Anklage gegen die Ostseeprovinzen. Leipzig. 1869. *Schirren.* Livländische Antwort. Leipzig. 1869. *Аксаковъ.* Прибалтійскій вопросъ. Москва. *Полное Собраніе Законовъ.* Томъ XXXVI, прилож. №№ 27, 735, пар. VIII. *Mellin.* Noch einiges uber die Bauernangelegenheiten in Livland. *Bunge.* Geschichtliche Entwickelung der Standesverhaltnisse in Liv-Esth-Kurland. *Fribe.* Bemerkungen über Liv-und-Esthland. *Fr. Rosin.* Latweeschu Semneeks. Riga. 1906 г.; и мн. др.

Кромѣ того, массу интересныхъ статистическихъ свѣдѣній, матеріаловъ и статей можно найти въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ, газетахъ, журналахъ, альманахахъ, ученыхъ запискахъ и т. п.: Dorpater Kalender за 1877 г. „Rigasche Handelszeitung" за 1862 г. (I полугодіе) и др. годы. Livlandisches Magazin. Kampenhausen. Gotha. 1803 г. „Kurländisches Provinzialblatt", за 1810—11 гг. Mitau. „Mitauscher Almanach". 1800—1802 гг. Mitau. *Geoponika.* Ökonomisches Monatsschrift, за 1798—99 гг. Mitau I-ый годъ 6 выпусковъ, II-ой годъ—12 выпуск. „Ruthenia", період. изданіе, 1811 г. выход. въ Ригѣ и Митавѣ, 1807—10 гг.—въ Митавѣ и Петербургѣ; 12 томовъ, изд. Albers u. Gebruder. „Nordischer Almanach". Рига 1806—1809 гг. Записки Академіи Наукъ за 1859 г. СПб. „Magazin", період. сборники, изд. въ Митавѣ съ 1829 г., за 1829—62 гг. Латышская газета „Mahjas Weesis" за 1898 г. „Baltische Wochenschrift" за разн. годы. „Отечественныя записки" за 1867 г., статья „Экономическій и правственный быт балтійскихъ крестьянъ". Mitauscher Kalender, за 1809—1860 гг. Statistiches Jahrbuch fur das Gouvernement Kurland за 1860 г. Журналъ „Ausland" за 1871 г. Латышскій энциклопедическій словарь (Latweeschu Konversazijas Wahrdniza). „Rigasche Stadtblatter" за 1810—21 гг. Рига. „Livländische Schulblätter" за 1813—15 гг. „Freymütiger", журналъ изд. Г. Меркеля. 1807 г. „Zuschauer", изд. Меркеля, за 1817 г. „Neue Inländische Blätter", за 1817—19 гг. Dorpat (Юрьевъ). „Inländische Blätter". Riga. 1814—17 гг. Газета „Inland", съ 1837 по 1862 г., подъ ред. проф. Бунге. „Zeitung für Stadt und Land". Riga. 1872 г. „Latweeschu Awises" (латышская газета) выходить въ Митавѣ съ 1829 г. „Rigascher Almanach". 1866—69 гг. Много свѣдѣній имѣется въ слѣд. латышскихъ газетахъ и журналахъ: „Baltijas Westnesis", газета за 1890—1906 гг. „Deenas Lapa"—ежедневная газета за 1890—1905 гг. Журналъ „Austrums"—ежемѣсячн. 1880—1905 гг. Газета „Mahjas Weesis"—за 1890—99 гг. Журналъ „Mahjas Weesa Mehneschraksts" за 1899—1904 гг. Газета „Balfs", за 1889—95 гг. Газета „Tebwija", за 1890—99 гг. Газета „Peterburgas Awises"—за 1868 г., а затѣмъ за 1902—1905 гг. Газета „Semkopis", за 1890—1900 гг. Сборникъ „Pubrš" и другіе. Имѣются также нѣкоторыя свѣдѣнія въ слѣдующихъ нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ: „Duna Zeitung", газета; „Libausche Zeitung", газета; „Rigaer Tagebladt", „Rigasche Rundschau" и др. Schriften der Kurländischen Gesellschaft für Litteratur und Kunst, за 1819—47 гг. „Baltische Monatsschrift", съ 1880 г. Revel; и мн. др.

ГЛАВА X.

Университеты въ первой половинѣ XIX в.

„Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія" за 1802—73 гг. СПб. 1866—73. „Сборникъ постановленій по м. н. пр." за 1802—88 гг. СПб. 1864—94.

С. Рождественскій. Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. 1802—1902 гг. СПб. 1902 г. *С. Рождественскій.* Университетскій вопросъ въ царствованіе императрицы Екатерины II и система народнаго просвѣщенія, по уставамъ 1804 года („Вѣст. Евр." за 1907 г., кн. 7—8). *С. Рождественскій.* Сословный вопросъ въ русскихъ университетахъ въ первой четверти XIX в. („Ж. Мин. Нар. Пр." 1907 г., 5; и отдѣльно, СПб. 1907 г.) *Десятилѣтіе* министерства народнаго просвѣщенія: 1833—1843 (записка, представленная государю министр. Уваровымъ). СПб. 1864. *П. Феррлюдинъ.* Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи. Вып. I. Академія наукъ и университеты. Саратовъ. 1894 г. *В. Иконниковъ.* Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія („Вѣстн. Европы" за

1876 г. №№ 9—11). *П. Милюковъ*. Очерки по исторіи русской культуры. Часть вторая. Церковь и школа. Изд. 2-е. С.-Петербургъ. 1899. *П. Милюковъ*. Университеты въ Россіи („Энциклопедическій Словарь" Брокгауза и Ефрона, полутомъ 68-ой. С.-Петербургъ. 1902 г.). *С. Шевыревъ*. Исторія Московскаго Университета. М. 1855 г. *Біографическій словарь* профессоровъ Московскаго Университета. Части I—II. М. 1855; *С. Ашевскій*. Изъ исторіи Московскаго Университета (къ полуторастолѣтнему юбилею 1755—1905) въ журн. „Міръ Божій" за 1905 г., 2—6. *Д. Щепкинъ*. Московскій Университетъ въ половинѣ двадцатыхъ годовъ („Вѣсти. Европы". 1903 г., № 7). *В. Якушкинъ*. Изъ исторіи русскихъ университетовъ („Вѣсти. Воспитанія". 1901 г. № 7). *В. Григорьевъ*. Императорскій С.-Петербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. С.-Петербургъ. 1870 г. *В. Д. Спасовичъ*. Пятидесятилѣтіе С.-Петербургскаго Университета (Собраніе сочиненій. Т. IV). *Н. Загоскинъ*. Исторія Казанскаго Университета за первые сто лѣтъ его существованія. Томы I—III. Казань. 1904 г. *Н. Буличъ*. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета. Томы I—II (1887—1891 гг.). *Д. Багалѣй*. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета. Томы I—II. Харьковъ. 1894—96. *Краткій очеркъ* исторіи Харьковскаго Университета за первые сто лѣтъ его существованія, составленный проф. Багалѣемъ, Сумцовымъ и Бузескуломъ. Харьковъ. 1906. *Д. Багалѣй*. Удаленіе профессора Шада изъ Харьковскаго Университета. Харьковъ. 1899 г. *М. Владимірскій-Будановъ*. Исторія Университета Св. Владиміра. Кіевъ. 1884 г. *Е. Петуховъ*. Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, Университетъ за первыя сто лѣтъ его существованія. Юрьевъ. 1902 г. *М. Сухомлиновъ*. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I („Изслѣдованія и статьи". Томъ I. СПб. 1889 г.). *Е. Ѳеоктистовъ*. Магницкій. СПб. 1865 г. *Н. Барсуковъ*. Жизнь и труды Погодина. Томы I—XIV. *А. Никитенко*. Записки и дневникъ. Томъ I. Изд. под. ред. М. Лемке. С.-Петербургъ. 1905 г. *П. Виноградовъ*. Т. Н. Грановскій. („Р. М." 1893, 4). *Вѣтринскій*. Грановскій и его время. Изд. 2-е. С.-Петербургъ. 1905 г.). *А. Станкевичъ*. Грановскій и его переписка. Томы I—II. М. 1897 г. *А. И. Герценъ*. Былое и думы. *К. Аксаковъ*. Студенческія воспоминанія. („День". 1862, № 39—40). *Гончаровъ*. Воспоминанія (изд. Маркса, т. XII). *Прозоровъ*. Бѣлинскій и Московскій Университетъ въ его время. Изъ студенческихъ воспоминаній. „Библіотека для чтенія". 1859 г., № 12. *Ѳ. И. Буслаевъ*. Воспоминанія. „В. Евр." 1890, 11—12. *Ф. Л. Ламиковъ*. Студенческія воспоминанія. „Р. Арх." 1875, III. *Я. И. Костенецкій*. Воспоминанія изъ моей студенческой жизни. „Р. Арх." 1887, I и II. *С. Мельгуновъ*. Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ. М. 1904.

ГЛАВЫ XI, XII, XIII.

Русская литература въ первой половинѣ XIX в.

Подъ рубрикой I названы важнѣйшія справочныя пособія; подъ рубрикой II—главнѣйшія произведенія мемуарной литературы, заключающія въ себѣ данныя относительно общественной и литературной жизни; подъ рубрикой III указаны важнѣйшія историко-литературныя пособія общаго характера. Далѣе дана библіографія по отдѣльнымъ, болѣе крупнымъ писателямъ, причемъ подъ рубрикой а) названы лучшія изданія сочиненій, подъ рубрикой б)—переписка и подъ рубрикой в)—болѣе существенныя работы о каждомъ писателѣ.

I. **Справочныя пособія.** *Шторхъ и Ф. Аделунгъ*. Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи въ теченіе пятилѣтія, съ 1801 по 1806 г. СПб. 1810 г.

В. В. Сопиковъ. Опытъ россійской библіографіи. Подъ ред. В. Н. Рогожина. Изд. Суворина. 1905 г. 4 ч.

В. Рогожинъ. Матеріалы для р. библіографіи XVIII и перв. четв. XIX ст. Т. I, вып. I. 1903 г.

Росписъ россійскимъ книгамъ изъ библіотеки *Смирдина*. 4 части. СПб. 1828. —4 прибавленія. СПб. 1829—56.

Н. И. Быстровъ. Систематическій реестръ р. книгамъ съ 1831 по 1846 г., изд. М. Д. Ольхина.

Г. Геннади. Справочный словарь о р. писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX ст. (до буквы М., 2 тт., дополн. Н. Собко. 1880 г.).

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь р. писателей и ученыхъ. 6 тт.

Его же. Русскія книги, съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. СПб. 1896—99 гг. 3 тт.

— Источники словаря р. писателей. Т. I. СПб. 1900 г. (Ааронъ-Гоголь).

Русскій біографическій словарь.

Кн. Н. Н. Голицынъ. Библіографическій словарь р. писательницъ. СПб. 1889 г.

Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ р. писателей. 10 вып. 1885—1907 гг.

А. Н. Неустроевъ. Историческое разысканіе о р. повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг. СПб. 1875 г.

— Указатель къ р. повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и къ историческому разысканію о нихъ СПб. 1898 г.

— Дополненія къ Неустроеву въ „Очеркахъ литературы XVII и XVIII ст." Л. Майкова и у Н. М. Петровскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1898, ч. 315, № 1 и въ Изв. Отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1907 г. Т. XII, кн. 2.

Н. М. Лисовскій. Р. періодическая печать 1703—1894 гг.
Н. М. Лисовскій. Списокъ указателей къ р. періодич. изданіямъ XVIII и XIX ст. Литер. Вѣстн. V т., кн. II.
Геннади. Списокъ р. анонимныхъ книгъ съ именами ихъ авторовъ и переводчиковъ. СПб. 1874 г.
Карцовъ и Мазаевъ. Опытъ словаря псевдонимовъ р. писателей. СПб. 1891 г.
Межовъ. Исторія р. и всеобщей словесности. СПб. 1872 г.
Метьеръ. Р. словесность съ XI по XIX ст. Ч. II. СПб. 1902 г.
Пыпинъ. Исторія р. литературы. Т. IV.
Энциклоп. Словарь Брокгауза и Эфрона.
2. **Архивы и мемуары**. (Мемуары декабристовъ см. особо).
Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ. 2 тт. Переписка кн. П. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ (1812—1823). Подъ ред. В. И. Саитова. СПб. 1899—1901 гг.
Щукинскій сборникъ. 7 вып. М. 1902—1908 гг.
Татевскій сборникъ С. А. Рачинскаго. СПб. 1899 г.
Девятнадцатый вѣкъ. Историч. сборникъ, издав. П. Бартеневымъ. 2 тт. М. 1872 г.
М. И. Пыляевъ. Неопубликованные мемуары. Ист. В. 1890, № 1.
Н. Дубровинъ. Р. жизнь въ началѣ XIX в. Р. Ст. 1898, 12; 1899, 1—4, 6, 8; 1900 г. 9—11; 1901 г.
В. Якушкинъ. Изъ литературной и обществ. исторіи 20—30 годовъ. Р. Ст. 1888, 10—12; 1889, 2, 7.
Е. Колбасинъ. Литерат. дѣятели прежняго времени. СПб. 1859 г.
В. А. Инсарскій. Записки. 2 ч. СПб. 1898 г.
Д. Руничъ. Записки. (1797—1825). Р. Ст. 1896, № 11 и Р. Обозр. 1890, 8—10.
И. И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь. 3 ч. М. 1866 (и во II т. „Сочиненій И. И. Дм." подъ ред. А. А. Флоридова. СПб. 1893 г.)
Кн. И. М. Долгорукій. Капище моего сердца. Чт. Общ. ист. и др. росс. 1872, кн. 3—4; 1873, кн. 1—3; Р. Арх. 1890 г.
М. А. Дмитріевъ. Записки современника СПб. 1859 г. Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869 г.
С. Н. Глинка. Записки (1774—1847). СПб. 1895 г.
М. И. Глинка. Записки. СПб. 1871 г.
С. П. Жихаревъ. Записки современника. (1805—1819). Ч. I (Дневникъ студента) и ч. II (Дневникъ чиновника). М. 1890 г.
Н. И. Брусиловъ. Воспоминанія. Ист. В. 1893, № 4.
А. Шишковъ. Записки. М. 1869 г.
Гоцъ. (Петръ - Отто фонъ Goetze). Fürst Alex. Nikol. Golitzyn und seine Zeit. 1882 г.
О. А. Пржецлавскій. Очерки петерб. жизни (1818—1832). Р. Ст. 1874, XI.
— Былые очерки. Р. Ст. 1876, XVI; 1883, XXXIX.
Гр. Ѳ. М. Растопчинъ. Mes mémoires ou moi au naturel écrits en dix minutes (въ „Matériaux en grande partie inédits, pour la biographie future du C—te Th R." Брюссель. 1864 г. Русскій переводъ во II т. „Девятнадцатаго вѣка" Бартенева).
Я. И. де-Санглэнъ. Записки (1776—1831). Р. Ст. 1882, 12; 1883, 1—3, 10.
А. А. Витбергъ. Записки. 1813—1824. Р. Ст. 1872. 5.
Арх. Фотій. Записки (автобіографія). Р. Ст. 1894, 3—5, 7, 9, 10; 1895, 2, 3, 7, 8, 11, 12; 1896. 7, 8.
Д. Н. Свербеевъ. Записки. 1799—1826. 2 тт. М. 1899.
Н. Сушковъ. Изъ записокъ о времени Александра I. В. Евр. 1867.
Д. И. Ростиславовъ. Записки. Р. Ст. 1880, 1882, 1884, 1887, 1888. 1892—5.
Н. Г. Устряловъ. Записки. Древняя и новая Россія. 1877—1880 гг.
И. И. Панаевъ. Литерат. воспоминанія. 3 изд. СПб. 1888 г. (или въ VI т. „Собранія сочиненій"). Къ нимъ—указатель М. С. Боцяновской (СПб. 1903 г.).
В. И. Панаевъ. Воспоминанія. В. Е. 1867 г. 3 и 4; Р. Ст. 1892, 11 и 12; 1893, 2; 1901, № 6.
Ф. Ф. Вигель. Записки. 7 ч. СПб. 1891—3 гг.
Н. И. Гречъ. Записки о моей жизни. СПб. 1886 г.
Ѳ. Булгаринъ. Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. 6 ч. СПб. 1846—9 гг.
А. О. Смирнова. Записки (1824—1845). СПб. 1895 г.
А. В. (С. С. Уваровъ). Литературныя воспоминанія. Соврем. 1851. № 6.
А. В. Старчевскій. Воспоминанія стараго литератора (1837—1887). Ист. В. 1886 г.
Гр. В. А. Соллогубъ. Воспоминанія. Ист. В. 1886 г.
А. Ф. Фроловъ. Воспоминанія и замѣтки. Р. Ст. 1882, 5 и 7.
А. М. Фадѣевъ. Воспоминанія (1790—1867). Одесса. 1897 г.
М. К. Чалый. Воспоминанія. Вып. I. (1826—1844). Кіевъ. 1890 г. (изъ „Кіевской Старины"). Вып. II (1844—1852). Кіевъ. 1895 г. (изъ „Кіевской Старины").
В. Р. Зотовъ. Петербургъ въ 40-хъ гг. Ист. В. 1890 г. №№ 1—6.
Л. Н. Павлищевъ. Изъ семейной хроники. Ист. В. 1888 г. 1—12.
Гр. А. Д. Блудова. Записки. М. 1889 г.
Гр. Н. Хр. Граббе. Изъ памятныхъ записокъ. Р. Арх. 1873 г.
— Записная книжка (1828—1869 г.) Р. Арх. 1888 и 1889, прилож.
М. М. Корсиковъ. Памятныя записки. Р. Арх. 1891 г., кн. II.
И. С. Жирковичъ. (1789—1848). Записки. Р. Ст. 1874, тт. IX—XI; 1875, XIII; 1876, XVI—XVII; 1878, XXII—XXIII; 1890, LXVII
Арх. В. Кочубей. Семейная хроника или записки (1790—1873). СПб. 1890 г.

Θ. П. Лубяновскій. Замѣтки за границею (1840—43). 1845 г.
— Воспоминанія (1797—1834). 1872 г.
А. М. Тургеневъ. Записки. Р. Ст. 1885, 9—12; 1886, 1, 10; 1887, 1, 2; 1889, 2, 4.
И. Θ. Карабановъ. Историч. разсказы и анекдоты. Р. Ст. 1872, 6 и 11.
И. Липранди. Изъ дневника и воспоминаній. Р. Арх. 1866, 8—10.
Г. И. Филипсонъ. Воспоминанія. М. 1885 г.
К. Н. Лебедевъ. Москва въ послѣдніе годы николаевскаго царствованія (1852—1855). Р. Арх. 1888, I—III; 1889, I.
А. И. Подолинскій. Воспоминанія. Р. Арх. 1872, 3 и 4.
С. Д. Полторацкій. Альбомъ (1820—1852). Р. Ст. 1887, 10 и 11.
— Русскіе достопамятные люди. Замѣтки и воспоминанія. Р. Ст. 1892, 5, 6 и 7.
С. М. Соловьевъ. Мои записки для дѣтей моихъ, а если можно, и для другихъ. В. Евр. 1907, кн. 3 и слѣд.
Н. И. Пироговъ. Дневникъ стараго врача. (Сочин., т. II).
О. М. Бодянскій. Выдержки изъ дневника (1852 — 1855). Сборникъ Общ. л. р. сл. 1891 г.
Н. И. Макаровъ. Мои семидесятилѣтнія воспоминанія и съ тѣмъ вмѣстѣ моя полная предсмертная исповѣдь. 4 части. СПб. 1881—2 гг.
— Калейдоскопъ. Разсказы и очерки изъ первой половины XIX в. Дополненіе къ „Моимъ семидесятилѣтнимъ воспоминаніямъ". СПб. 1883 г.
М. Θ. Каменская. Знакомые. Время. 1861 г.— Воспоминанія. Ист. В. 1894 г.—50 лѣтъ назадъ. Романъ. СПб. 1861 г.
Кн. П. А. Вяземскій. Старая записная книжка. (Сочиненія. Тт. VIII—X).
Кс. Полевой. Записки. СПб. 1888.
А. Д. Галаховъ. Сороковые годы. Ист. В. 1891, № 6; 1892, 1 и 2.
А. Милюковъ. Литературныя встрѣчи и знакомства. СПб. 1890 г.
А. Я. Головачева-Панаева. Р. писатели и артисты. Воспоминанія (1824—1870). 1890 г.
А. В. Никитенко. Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ (1804—1877). Изд. 2-е, подъ ред. М. Лемке. 2 тт. 1905 г.—Къ 1-му изд. указатель М. С. Боцяновской (СПб. 1903 г.)
И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Встрѣчи и воспоминанія. 1903 г.
С. Т. Аксаковъ. Литературныя и театральныя воспоминанія (Сочин., т. IV).
Д. В. Григоровичъ. Воспоминанія. Изд. Маркса, т. XII.
Д. Ахшарумовъ. Изъ моихъ воспоминаній (1849—1851). 1905 г.
Θ. И. Буслаевъ. Мои воспоминанія. СПб. 1897 г.
Н. А. Огарева-Тучкова. Воспоминанія (1848—70). М. 1903 г.
А. И. Герценъ. Былое и Думы.
И. С. Тургеневъ. Литературныя воспоминанія. (Соч., т. X).

А. Фетъ. Ранніе годы моей жизни. М. 1893 г.
— Мои воспоминанія (1840—1889). 2 ч. М. 1890 г.

3. Историко-литературныя пособія общаго характера. *А. Галаховъ.* Исторія р. словесности. Т. II. М. 1894 г.
И. Порфирьевъ. Исторія р. словесности. Ч. II, отд. 3. Казань. 1891 г.
А. Пыпинъ. Исторія р. литературы. Т. IV. Изд. 2-е.
А. М. Скабичевскій. Исторія новѣйшей р. литературы. 5-е изд. СПб. 1903 г.
A. von Reinholdt. Geschichte der russischen Litteratur von ihren Anfängen bis an die neueste Zeit. Leipzig. 1886.
A. Brückner. Geschichte der russischen Litteratur. Leipzig. 1905.
А. Н. Веселовскій. Западное вліяніе въ новой р. литературѣ. Изд. 3-е. М. 1906.
К. Θ. Головинъ. Русскій романъ и р. общество. Изд. 2-е. СПб. 1904 г.
Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской обществ. мысли. 2 изд. СПб. 1908 г.
Ев. Соловьевъ (Андреевичъ). Очерки по исторіи р. литературы XIX в. Изд. 3-е. СПб. 1907 г.
— Опытъ философіи р. литературы. СПб. 1905 г.
В. Саводникъ. Очерки по исторіи р. литературы XIX в. 2 ч. Изд. 4-е. М. 1907 г.
П. Кропоткинъ. Идеалы и дѣйствительность въ р. литературѣ. СПб. 1907 г.
И. Буличъ. Очерки по исторіи р. литературы и просвѣщенія съ начала XIX в. Т. I. СПб. 1902 г. Т. II. СПб. 1905 г.
А. Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 3-е. СПб. 1900 г.
— Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Изд. 3-е. СПб. 1906 г.
Н. А. Котляревскій. Литературныя направленія александровской эпохи. СПб. 1097 г.
П. Милюковъ. Главныя теченія р. исторической мысли. Т. I. М. 1898 г.
И. И. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX ст. въ русской литературѣ. Варшава. 1903 г.
— Романтическій идеализмъ въ рус. обществѣ и литературѣ 20-30-хъ годовъ XIX ст. СПб. 1908.
М. И. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи по р. литературѣ и просвѣщенію. 2 тт. СПб. 1889 г.
А. П. Пятковскій. Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. 2 части. СПб. 1888 г.
С. Весинъ. Очерки исторіи р. журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. СПб. 1881 г.
Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Исторія р. интеллигенціи. Ч. I. 2 изд. М. 1907 г.
Θ. Θ. Нелидовъ. Очерки по исторіи новѣйшей р. литературы. Ч. I. Изд. 2-е. М. 1907 г.
Ч. Вѣтринскій. Т. Н. Грановскій и его время. Изд. 2-е. СПб. 1905 г.
— Въ сороковыхъ годахъ. М. 1899 г.

П. В. Анненковъ. Воспоминанія и критич очерки. Отдѣлъ третій. СПб. 1881 г.
П. В. Анненковъ и его друзья. Изд. Суворина. 1892 г.
А. Н. Веселовскій. Этюды и характеристики. Изд. 3-е. М. 1907 г.
А. И. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой р. литературы. Изд. 2-е. 2 тт. 1903 г.
Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія. Т. Ш.
Ор. Миллеръ. Русскіе писатели послѣ Гоголя. 3 тт. СПб. 1906 г.
С. А. Венгеровъ. Очерки по исторіи русской литературы. СПб. 1907 г.
А. К. Бороздинъ. Литературныя характеристики. 2 тт. СПб. 1903—7 гг.
П. Морозовъ. Минувшій вѣкъ. СПб. 1902 г.
В. Богучарскій. Изъ прошлаго р. общества. СПб. 1904 г.
П. Н. Милюковъ. Изъ исторіи р. интеллигенціи. СПб. 1902 г.
Н. Котляревскій. Старинные портреты. СПб. 1907 г.
М. О. Гершензонъ. Исторія молодой Россіи. М. 1908 г.
Ю. И. Айхенвальдъ. Силуэты р. писателей. Вып. I. М. 1906 г.
Проф. Евг. Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. 4 тт. Казань. 1900—1903 гг.
— Философія и литература. Т. I. Казань. 1898 г.
— Философія въ Россіи. Вып. I—V. Казань. 1899—1901 гг.
А. М. Скабичевскій. Очерки исторія р. цензуры. СПб. 1892 г.
М. Лемке. Очерки по исторіи р. цензуры и журналистики XIX ст. СПб. 1904 г.
— Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. по подлиннымъ бумагамъ С. Е. И. В. Канцеляріи. СПб. 1907 г.
И. Ивановъ. Исторія русской критики. 2 тт. СПб. 1898—1900 гг.
Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Т. I. 1890. Т. II. 1891 г.
П. Н. Милюковъ. Очерки по исторіи р. культуры. Т. II. Изд. 4-е. 1905 г.
В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в. 2 тт. СПб. 1888 г.
Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Кн. I—XXI. СПб. 1888—1907 гг.
С. Невѣдѣнскій. Катковъ и его время. СПб. 1888 г.
Н. Колюпановъ. А. И. Кошелевъ. 3 тт. М. 1889 г.
Е. Ковалевскій. Гр. Блудовъ и его время. СПб. 1866 г. (или въ „полномъ собр. сочиненій“, т. I. СПб. 1874).
Заблоцкій-Десятовскій. Гр. Киселевъ и его время. 4 тт. СПб. 1882 г.

4. Отдѣльные писатели и направленія.

Н. М. Карамзинъ. (1766—1826).

а) Сочиненія, изданіе 4-е. СПб. 1834—5 гг., 9 том.; изданіе 5-е (Смирдина). СПб. 1848 г. 3 том.; переводы, особ. изданіе 4-е. СПб. 1835 4 том.; „Избранныя сочиненія“ подъ ред. Л. И. Поливанова (съ примѣчаніями), ч. I. М. 1884 г.; „Исторія государства россійскаго“, изд. Эйнерлинга. СПб. 1842—3, 3 книги; къ нему „Ключъ“ П. Строева. СПб. 1844 г.; стихотворенія К. въ „Русской поэзіи“ Венгерова, вып. VII.
б) Неизданныя сочиненія и переписка К. СПб. 1862 г.
Изъ бумагъ К. Сборникъ „Старина и Новизна“. Кн. II. СПб. 1898 г.
Письма К. къ И. И. Дмитріеву. СПб. 1866 г.
Письма К. къ кн. П. А. Вяземскому (1810—1826). Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Барсукова. СПб. 1897 г.
М. Погодинъ. К. въ его сочиненіяхъ, письмахъ и отзывахъ современниковъ. 2 т. М. 1866 г.
Письма К. къ А. Ѳ. Малиновскому. Изд. О. л. р. сл. 1860 г.
Вальдманъ и Гротъ. Переписка К. съ Лафатеромъ. Сборникъ 2 отд. Ак. Н., т. LIV. Переписка К. также: Р. Арх. 1866, 11—12; 1867, 3; 1868, 11; 1869, 3, 10; Библ. Зап. 1858, 19; Атеней. 1858, 19—28; В. Е. 1897, май.
в) *С. Пономаревъ.* Матеріалы для библіографіи литературы о К. (1783—1883). Сборникъ Отд. р. яз. и слов. Ак. Н. Т. XXXII, № 8. СПб. 1883 г.
Н. Тихонравовъ. Четыре года изъ жизни К. (1785—1788). Сочиненія, т. III, ч. I.
Я. Гротъ. Очеркъ дѣятельности и личности К. Сборникъ 2 отд. Ак. Н. 1867 г., т. I, № 10.
— Филологическія разысканія. Изд. 4-е, т. I. 1899 г.
Ѳ. И. Буслаевъ. Мои досуги. Ч. II. М. 1866 г.
Д. Анучинъ. Столѣтіе „Писемъ р. путешественника“. Р. М. 1891, 7 и 8.
В. Сиповскій. К., авторъ „Писемъ р. путеш.“ СПб. 1899 г.
А. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Т. I. СПб. 1903 г.
И. Ивановъ. Исторія р. критики. Т. I. СПб. 1898 г.
П. Милюковъ. Главныя теченія историч. мысли. М. 1898 г.
А. Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I. Изд. 3-е. СПб. 1900 г.

А. С. Шишковъ. (1754—1841).

а) *Сочиненія.* Изд. Росс. Ак. СПб. 1819—39, 17 частей.
б) „Записки, мнѣнія и переписка Ш.“ Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Берлинъ. 1870 г. 2 том.
Письма Ш. Р. Арх., 1866 г., № 11—12.
Бумаги Ш. (1816—1824 г.)—Р. Арх. 1870 г., № 2.
в) *В. Стоюнинъ.* А. С. Ш. СПб. 1880 г.
Щебальскій. Ш., его союзники и противники. Р. В. 1870 г., № 11.
А. Кочубинскій. Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцевъ. Начальные годы р. славяновѣдѣнія. Одесса. 1887—1888 гг.

В. А. Озеровъ. (1770–1816).

а) Сочиненія. Изд. Вольфа. 1856 г.

б) Письма Озерова къ А. Н. Оленину (1808 и 1809 гг.)—Р. Арх. 1869 г., № 1.

в) *Кн. П. Вяземскій.* Сочиненія, т. I. СПб. 1878 г.

Л. Майковъ. Кн. Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ (въ книгѣ „Пушкинъ". СПб 1899 г.).

Проф. А. И. Соминъ. Значеніе Озерова въ исторіи р. литературы. Кіевъ. 1870 г.

А. Ѳ. Мерзляковъ. (1778—1830).

а) Сочиненія. Изд. Общества любителей р. слов., подъ ред. М. Полуденскаго. М. 1867 г. 2 том.

Краткое начертаніе теоріи изящной словесности. М. 1822 г.

Краткая риторика. Изд. 4-е. М. 1828.

б) Письма: М. Библіогр. Зап. 1859, № 11, т. II; Р. Арх. 1865, № 1; 1866, № 1; Р. Ст. 1879, XXIV.

в) *И. М. Бѣлоруссовъ.* Зачатки р. литер. критики. Вып. II. М., какъ теоретикъ и критикъ. Воронежъ. 1888 г.

И. Ивановъ. Исторія р. критики. Ч. II. СПб. 1898 г.

Н. Мизко. Біографическо - критическій очеркъ. Р. Ст. 1879 г., янв.

И. А. Крыловъ. (1768—1844).

а) Полное собраніе сочиненій, съ біографіей Плетнева. 3 части. СПб. 1847. 2 изд. 1859 г.

Полное собраніе сочиненій подъ ред. В. В. Каллаша. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе", СПб. 1905, 4 том. Рецензія на это изданіе Л. К. Ильинскаго въ Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1907, т. XII, кн. 1.

б) Письма въ III т. изд. В. В. Каллаша.

в) *В. Межовъ.* Юбилеи Ломоносова, Карамзина и Крылова. СПб. 1871 г.

В. Кеневичъ. Библіографич. и историч. примѣчанія о басняхъ Кр—ва въ VI т. Сборника Отд. р. яз. и слов. Ак. Н.

— Указатель статей о К—вѣ, съ 1808 по 1871 г.

— Хронологич. списокъ басенъ и ихъ изданій. 1819—1843. Р. Арх. 1865, № 8.

В. В. Каллашъ. О хронологіи басенъ К. Изв. отд. р. яз. и слов. Ак. Н., т. XII (1907) кн. 1.

Сборникъ р. отдѣленія Ак. Н. СПб. 1869, т. VI (статьи Грота, Никитенка, Срезневскаго, Кеневича и др.).

Л. Майковъ. Первые шаги К—ва на литерат. поприщѣ (въ „Историко-литер. очеркахъ". СПб. 1895 г.).

В. Перетцъ. И. А. К., какъ драматургъ. СПб. 1895 г.

Н. М. Терновскій. И. А. К. Воронежъ. 1896 г.

П. Владимировъ. Кр. и его басни. Кіевъ. 1895 г.

В. В. Сиповскій. Загадочный писатель. Образованіе. 1895, № 2.

Аммонъ. Жизненная правда и теоретич. взгляды въ басняхъ Кр. Ж. М. Н. Пр. 1895, 8.

П. Драгановъ. Международное значеніе Кр. и новыя свѣдѣнія о переводахъ его басенъ на иностр. языки и нарѣчія. Ж. М. Н. Пр. 1895, № 7.

К. Н. Батюшковъ. (1787–1855).

а) Сочиненія, со статьей Л. Н. Майкова и примѣчаніями Л. Майкова и В. И. Саитова. СПб. Т. I, 1887, т. II. 1885, т. III. 1886 г.

Изданіе общедоступное, въ одномъ томѣ, М. 1898 г.

б) Письма, въ III т. названнаго выше изданія.

в) *Л. Н. Майковъ.* „О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Б—ва" при I т. названнаго выше изданія.

Л. Н. Майковъ. Б., его жизнь и сочиненія. Изд. 2-е. СПб. 1896 г.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь. Т. II.

В. А. Жуковскій. (1783—1852).

а) Сочиненія: изданіе 10-е подъ ред. П. А. Ефремова, въ одномъ томѣ. СПб. 1901 г.; подъ ред. проф. Архангельскаго въ приложеніи къ „Нивѣ" за 1902 г.; подъ ред. А. Д. Алферова, изд. Сытина, 2 тт. М. 1902 г. (съ иллюстраціями).

б) *И. Бычковъ.* Бумаги Ж., поступившія въ Имп. П. Библ. въ 1884 г. СПб. 1887 г.

К. Я. Гротъ. Нѣсколько дополненій къ рукописямъ Ж. СПб. 1901 г.

Письма Ж. въ VI т. изд. 7-го (подъ ред. Ефремова).

Письма Ж. къ А. И. Тургеневу (1805-1844 гг.). М. 1895 г. (изд. „Р. Арх.").

Памяти В. А. Ж. и Н. В. Гоголя. Вып. I. Изд. отд. р. яз. и слов. Ак. Н. СПб. 1907 г.

Письма Ж. къ Гоголю и гр. А. П. Толстому. Сборникъ О. л. р. слов. 1891 г.

Письма Ж. къ имп. Александру Николаевичу. (1832—1847 гг.). Р. Арх. 1883, 1, 3, 4; 1885, 1, 4, 7.

Переписка съ Плетневымъ въ III т. „Сочиненій и переписки Плетнева". (СПб. 1885 г.)

Уткинскій Сборникъ, подъ ред. А. Е. Грузинскаго. М. 1904 г. (о немъ статья П. Сакулина „М. А. Протасова-Мойеръ по ея письмамъ" въ Изв. Отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1907 г., т. XII, кн. 1 и 2).

Письма Ж. къ Е. Г. Пушкиной въ I т. „Девятнадцатаго вѣка" Бартенева (М. 1872 г.)

Проф. Пѣтуховъ. Письмо В. А. Ж. къ канцлеру фонъ-Миллеру. Второй юбилейный сборникъ въ честь Ламанскаго. 1905 г.

Замѣтки В. А. Ж. въ Р. Арх. 1908, № 1.

в) *К. К. Зейдлицъ.* Жизнь и поэзія Ж. по личнымъ воспоминаніямъ и неизданнымъ источникамъ. СПб. 1883 г.

K. von Seidlitz. W. A. Joukoffsky. Mitau. 1870 г.

Загаринъ (Поливановъ). Ж. и его произведенія. 2 тт. М. 1883 г.

Н. Тихонравовъ. В. А. Ж. (Сочиненія, т. III, ч. I).

Н. К. Козминъ. О переводной и оригинальной литературѣ конца XVIII и начала XIX в. въ связи съ поэзіей В. А. Ж. СПб. 1904 г.

Вс. Чешихинъ. Ж., какъ переводчикъ Шиллера. Рига. 1895 г.

П. Сакулинъ. Взглядъ Ж. на поэзію. В. Восп. 1902 г., № 5.

А. Н. Пыпинъ. Характеристики лит. мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Изд. 3-е. 1906 г.

Акад. А. Н. Весе探овскій. В. А. Ж. Поэзія чувства и „сердечнаго воображенія". СПб. 1904 г.

Арзамасъ. *А. Пыпинъ.* Общественное движеніе при Александрѣ I. Изд. 3-е. СПб. 1900 г.

— Характеристики литерат. мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. Изд. 3-е. СПб. 1906 г.

Л. Майковъ. О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова; при I т. изданія „Сочиненія К. Н. Б." 1887 г.

Е. Ковалевскій. Гр. Блудовъ и его время. СПб. 1866 г. (или—Полное собраніе сочиненій. Т. I. СПб. 1874 г.).

А. Н. Кирпичниковъ. Новые матеріалы для исторіи Арзамаса (уставъ Арзамаса). Р. Ст. 1899 г., кн. 5.

Проф. Халанскій. Къ исторіи возникновенія Арзамаса. Мирный Трудъ. 1902 г., № 1.

Е. Сидоровъ. Литературное общество „Арзамасъ". Ж. М. Н. Пр. 1901 г., № 6 и 7.

Русскій романтизмъ. *Бѣлинскій.* Сочиненія А. С. Пушкина. (VIII т. изд. Солдатенкова, III т. изд. Павленкова).

Ап. Григорьевъ. Сочиненія. Т. I. СПб. 1876 г.

Н. Чернышевскій. Очерки гоголевскаго періода р. литературы. (Полное собраніе сочиненій. Т. II. СПб. 1906 г.).

А. Скабичевскій. Сорокъ лѣтъ р. критики. (Сочиненія. Т. I).

Н. Буличъ. Очерки по исторіи р. литературы и просвѣщенія. Т. II. СПб. 1905 г.

А. Пыпинъ. Исторія р. литературы. Т. IV.

— Общественное движеніе при Александрѣ I. Изд. 3-е. СПб. 1900.

— Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Изд. 3-е. СПб. 1906.

К. Ѳ. Головинъ. Русскій романъ и р. общество. 2-е изд. СПб. 1904 г.

И. Ивановъ. Исторія р. критики. 2 тт. СПб. 1898—1900 гг.

А. Н. Веселовскій. Западное вліяніе въ новой р. литературѣ. Изд. 3-е. М. 1906 г.

А. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Т. I. СПб. 1903 г.

Евг. Соловьевъ (Андреевичъ). Опытъ философіи р. литературы. СПб. 1905 г.

Аскольдовъ. О романтизмѣ. „Вопросы Жизни". 1905 г., № 1 и 2.

С. А. Адріановъ. Что такое романтизмъ. „Вѣстникъ и Библ. Самообразованія". 1904 г., № 10.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія р. общественной мысли. 2-е изд. Т. I. СПб. 1908 г.

Ак. А. Н. Веселовскій. В. А. Жуковскій. СПб. 1904 г.

Н. А. Котляревскій. Литературныя направленія александровской эпохи. СПб. 1907 г.

Н. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX ст. въ р. литературѣ. Варшава. 1903 г.

Его же. Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30-хъ годовъ XIX столѣтія. СПб. 1908.

Н. Козьминъ. Очерки изъ исторіи р. романтизма. Н. А. Полевой, какъ выразитель литерат. направленій современной ему эпохи. СПб. 1903 г.

М. Zdziechowski. Byron i jego wiek. T. II. Kraków. 1897.

Ал. Н. Веселовскій. Этюды и характеристики (очерки о байронизмѣ). Изд. 3-е. М. 1907 г.

А. Brückner. Geschichte der russischen Litteratur. Leipzig. 1905.

А. С. Пушкинъ. (1799—1837).

а) Сочиненія: 1) изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ ред. П. О. Морозова, 7 тт. СПб. 1887; 2) изд. Т-ва „Просвѣщеніе", подъ ред. П. О. Морозова, 8 тт. СПб. 1903—1905 г.; 3) изд. А. Суворина, подъ ред. П. А. Ефремова, 8 тт., СПб. 1903—1905 гг.; 4) изд. Акад. Наукъ, т. I, подъ ред. Л. Н. Майкова, изд. 2-е, 1900 г., т. II подъ ред. В. Е. Якушкина, 1905 г.; 5) изд. Брокгауза и Эфрона, подъ ред. С. А. Венгерова (вышелъ пока т. I, 1907 г.).

б) *Л. Майковъ.* Матеріалы для академич. изданія сочиненій П. СПб. 1903 г.

Н. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ П. СПб. 1903 г.

В. Брюсовъ. Лицейскія стихотворенія П. Къ критикѣ текста. М. 1907 г.

Письма П. въ названныхъ выше изданіяхъ.

Сочиненія П. Переписка. Подъ ред. В. И. Саитова. Изд. Ак. Н. Т. I. СПб. 1906.

Письма П. и къ П. Подъ ред. В. Брюсова. М. 1903 г.

в) *Puschkiniana.* Библіографич. указатель статей о жизни А. С. П., его сочиненій и вызванныхъ ими произведеній литературы и искусства. СПб. 1886 г.

В. В. Каллашъ. Русскіе поэты о П. Сборникъ стихотвореній. М. 1899 г.

— Puschkiniana. I. Библіографич. труды о П. II. Стихотворенія о П. Кіевъ. 1902 г.

— Puschkiniana. Матеріалы и изслѣдованія объ А. С. П. Вып. II. Кіевъ. 1903 г.

В. Зелинскій. Р. критич. литература о произведеніяхъ П. 7 частей. М. 1887—1899 гг.

Трубачевъ. П. въ р. критикѣ. СПб. 1889 г.

И. Владимировъ. П. въ р. критикѣ. 1899 г.

В. Сиповскій. Пушкинская юбилейная литература. Изд. 2-е. СПб. 1902 г.

П. В. Анненковъ. Матеріалы для біографіи П. Изд. 2-е. СПб. 1873 г.

— П. въ Александровскую эпоху. СПб. 1874 г.

— Общественные идеалы А. С. П. (въ III ч. „Воспоминаній и критич. очерковъ".)

Я. Гротъ. П., его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-е. 1899 г. (и въ III-емъ т. „Трудовъ" Грота. СПб. 1901 г.).

Л. Майковъ. П. Біографич. матеріалы и из-

торико-литературные очерки. СПб. 1899 г.

П. и его современники. Изд. Ак. Н. 5 вып. 1907 г.

Н. Лернеръ. А. С. П. Труды и дни. М. 1903 г.

Н. Сумцовъ. Этюды объ А. С. П. 10 вып. Варшава. 1893—1899 гг.

В. Якушкинъ. О П. Статьи и замѣтки. М. 1899 г.

М. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855. СПб. 1908 гг.

П. Владимировъ. П. и его предшественники. 1899 г.

А. Н. Веселовскій. П. и европейская поэзія (въ „Этюдахъ и характеристикахъ“).

В. В. Никольскій. Идеалы П. Изд. 3-е. СПб. 1899 г.

Слонимскій. Политическіе идеалы П. Ист. В. 1905, 6.

В. О. Ключевскій. Евг. Онѣгинъ и его предки. Р. М. 1887 г., № 2.

В. Острогорскій. Очерки пушкинской Руси. Изд. 2-е. СПб. 1897 г.

Вл. С. Соловьевъ. Судьба П. СПб. 1898 г. (Сочиненія. Т. VIII).

Н. Коробка. Личность въ р. обществѣ и литературѣ начала XIX в. П. и Лермонтовъ. СПб. 1903 г.

Мережковскій. Вѣчные спутники. Изд. 3-е. СПб. 1906 г.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты р. писателей. Вып. I. М. 1906 г.

В. Г. Бѣлинскій. Сочиненія А. С. П. (VIII т. изд. Солдатенкова, III т., изд. Павленкова).

В. Стоюнинъ. А. С. П. СПб. 1881 г.

Незеленовъ. А. С. П. въ его поэзіи. СПб. 1882 г.

— Шесть статей о П. СПб. 1892 г.

А. Пыпинъ. Характеристики литерат. мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ гг. Изд. 3-е. СПб. 1906 г.

В. Сиповскій. П. Жизнь и творчество. СПб. 1907 г.

П. Драгановъ. Кто впервые принялся переводить А. С. П. и прототипы переводовъ его на 50 языковъ и нарѣчій міра. Ист. В. 1899 г., май (ср. также перечень переводовъ главнѣйшихъ произведеній П. на иностранные языки въ Энц. Слов. Брокгауза, пт. 50, стр. 848—9).

П. Кулаковскій. Стихотворенія А. С. П. въ славянскихъ переводахъ. Варшава. 1899 г.

Писатели — декабристы. Собраніе стихотвореній декабристовъ. Изд. И. И. Ѳомина. Т. I. М. 1906 г. Т. II. М. 1907 г.

К. Ѳ. Рылѣевъ. (1795—1826). Сочиненія и переписка; подъ ред. П. Ефремова. 3-е изд. СПб. 1874 г.—Полное собраніе сочиненій въ „Библіотекѣ декабристовъ“ 1906 г., вып. I и III. О немъ: *Якушкинъ.* Изъ исторіи литературы 20-хъ гг. В. Е. 1888, XI. *Сиротининъ*, въ Р. Арх. 1890 г., № 6. *Бороздинъ* въ I т. „Литерат. характеристикъ“. *Н. Котляревскій*, въ Р. Бог. 1904—1905 г. *Г. Балицкій*, въ I вып. „Библ. декабристовъ“. *Ивановъ*, въ „Исторіи р. критики“

В. Сиповскій. Пушкинъ и Рылѣевъ. СПб. 1905 г. *Айхенвальдъ.* Силуэты р. писателей. Т. I.

Кн. А. И. Одоевскій (1803—1839). 1) Полное собраніе стихотвореній. Подъ ред. бар. Розена. СПб. 1883 г. 2) Подъ ред. М. Н. Мазаева. СПб. 1893 г. (въ прилож. къ „Сѣверу“). О немъ: *А. Сироткинъ*, въ И. В. 1883, 5. *Н. Котляревскій.* Декабристы. СПб. 1907 г.

В. К. Кюхельбекеръ. (1797—1846). Сочиненія: въ „Собраніи стихотвореній декабристовъ“ (Лейпцигъ. 1863 г.), въ изданіи Ѳомина т. II; во „Всем. Вѣстн.“ за 1903 г.; въ Лит. В. 1902 г. т. III. Вѣчный Жидъ. Р. Ст. 1878 г. 3. Мистерія „Ижорскій.“ СПб. 1825 г.

Переписка и Дневникъ (1881—45)—Р. Ст. 1870. Т. I; 1875. Т. XII, XIII—XIV; 1878. Т. XXI, XXII; 1883, 7 и 8; 1884, 1 и 2; 1890, 8; 1891, 10; Р. Арх. 1881, 1; 1871 г. О немъ: *Ю. В. Косовъ.* Біографич. очеркъ и переписка (1817—1825). Р. Ст. 1875, 7. *Н. А. Котляревскій.* Литерат. дѣятельность декабристовъ. Р. Бог. 1901 г. № 3 и 4. *Ивановъ.* Исторія р. критики. Т. I. *Н. Замотинъ.* Романтическій идеализмъ. СПб. 1908.

А. Бестужевъ - Марлинскій (1795—1837). Полное собраніе сочиненій въ 12 ч., изд. 4-е, СПб. 1847 г. О немъ: *Венгеровъ.* Критико-біографич. словарь. Т. III. *Ивановъ.* Исторія р. критики. Т. I. *Богучарскій.* Изъ прошлаго р. общества *Н. Котляревскій.* Декабристы. СПб. 1907.

А. С. Грибоѣдовъ. (1796 или 1795—1829).

а) Полное собраніе сочиненій, подъ ред. И. А. Шляпкина СПб. 1889 г. 2 тт.

„Горе отъ ума“, изд. московскаго Историч. музея подъ ред. В. Е. Якушкина. 1906 г.

б) Письма, въ I т., изданіе подъ ред. Шляпкина.

Письма къ Н. Каховскому въ „Сборникѣ О. люб. р. слов.“ М. 1891 г.

в) *Н. К. Пиксановъ.* Матеріалы для библіограф. указателя произведеній А. С. Гр. и литературы о немъ. Юрьевъ. 1903 г.

А. С. Гр. Библіографическій указатель произведеній Гр. и литературы о немъ подъ ред. Н. Лисовскаго (1814 — 89). СПб. 1889 г.

А. Скабичевскій. А. С. Гр., его жизнь и литерат. дѣятельность. СПб. 1893 г.

И. А. Гончаровъ. Мильонъ терзаній. (Собр. сочиненій, изд. Маркса. Т. XI).

А. Суворинъ. „Горе отъ ума“ и его критики (при изд. „Горе отъ ума“. СПб. 1886 г.).

Алексѣй Н. Веселовскій. Этюды и характеристики. Изд. 3. М. 1907 г.

А. И. Смирновъ. Грибоѣдовъ, его жизненная борьба и судьба комедіи его (Варш. Унив. Изв. 1895 г. Т. VI).

П. Е. Щеголевъ. А. С. Гр. и декабристы. По архивн. матеріаламъ. Съ приложеніемъ

факсимиле дѣла о Гр. СПб. Изд. Суворина 1905 г.

Olga Kramarova. A. S. Griboiédov. Sa vie ses oeuvres. Paris. 1907.

В. Н. Куницкій. Языкъ и слогъ „Горя отъ ума“ съ словаремъ. Отчетъ коллегіи Галагана. 1890—94 гг. (отдѣльно Кіевъ 1894 г.).

В. Т. Нарѣжный. (1780—1826).

Сочиненія, 10 частей, изд. Смирдина. СПб. 1835—6.

Россійскій Жилблазъ или похожденія. князя Гаврилы Семеновича Чистякова. 6 ч. 1814 г. (три послѣднія части уничтожены цензурой).

О немъ: *Н. А. Бѣлозерская.* В. Т. Н. Изд. 2-е. СПб. 1896 г.

Н. В. Гоголь (1809—1852).

а) Сочиненія: 1) подъ ред. Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока. СПб. 1889—1896. 7 тт.; подъ тою же редакцію, изд. Маркса, въ приложеніи къ „Нивѣ“ за 1900 г. въ 12 тт.; изд. Сытина подъ ред. А. И. Кирпичникова, М. 1902 г.; „Ревизоръ“, первоначальный сценическій текстъ, извлеченный изъ рукописей Н. С. Тихонравовымъ. М. 1886 г.

б) Письма Н. В. Г., подъ ред. В. Шенрока, 4 тт. СПб. 1901 г.

в) *С. А. Венгеровъ.* Источники словаря р. писателей. Т. I. СПб. 1900 г.

Горожанскій. Библіографич. указатель о Н. В. Г. отъ 1829 по 1882 г. Р. М. 1883 г. прилож.

С. Пономаревъ. Обзоръ литературы о Г. въ „Изв. Нѣжинскаго филологич. института“ за 1882 г.

В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Г. 4 тт. М. 1892—8 гг.

— Спорные вопросы въ біографіи Г. В. Е. 1904 г. № 9 и сл.

А. И. Кирпичниковъ. Опытъ хронологич. канвы къ біографіи Н. В. Г. (при изданіи Сытина).

— Сомнѣнія и противорѣчія въ біографіи Г. Комментарій къ біографич. канвѣ). Изв. Отд. р. яз. и сл. Ак. Н. Т. V.

А. Веселовскій. Этюды и характеристики. Изд. 3-е. М. 1907 г.

Н. В. Г. Рѣчи, посвященныя его памяти (Пыпина, Арсеньева, Бороздина и Нерѣтца). СПб. 1902 г.

Н. И. Петровъ. Новые матеріалы для изученія религіозно-нравственныхъ воззрѣній Н. В. Г. Кіевъ. 1902 г.

Пыпинъ. Характеристики литерат. мнѣній. Изд. 3-е. 1906 г.

С. А. Венгеровъ. Писатель-гражданинъ (въ „Очеркахъ по исторіи р. литературы“).

Д. Мережковскій. Гоголь и чортъ. СПб. 1906 г.

Н. Котляревскій. Н. В. Г. СПб. 1903 г.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Г. Изд. 2-ое. СПб. 1907 г.

I. Мандельштамъ. О характерѣ гоголевскаго стиля. Гельсингфорсъ. 1902 г.

М. Ю. Лермонтовъ. (1814—41).

а) Первое полное собраніе сочиненій, подъ ред. П. Висковатова. М. 1891 г. 6 тт. (съ обширной біографіей въ VI т.). Полное собраніе сочиненій, подъ ред. Арс. Введенскаго. СПб. 1891 г. 4 тт.

б) *Письма* — въ названныхъ выше изданіяхъ.

в) Библіографія при III т. изд. подъ ред. Висковатова.

Бѣлинскій. Полное собраніе сочиненій, подъ ред. Венгерова. Т. V. и VI.

В. Острогорскій. Мотивы лермонтовской поэзіи. М. 1891 г.

С. А. Андреевскій. Литерат. очерки. СПб. 1902 г.

В. Спасовичъ. Байронизмъ у Л. (Сочиненія. Т. II).

Н. Владиміровъ. Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Л. Кіевъ. 1892 г.

Н. И. Коробка. Личность въ р. обществѣ и литературѣ начала XIX в. Пушкинъ, Лермонтовъ. СПб. 1903 г.

Н. Михайловскій. Герой безвременія (Сочиненія. Т. IV, и отдѣльно).

Н. Котляревскій. М. Ю. Л. Изд. 2-е. СПб. 1905 г.

А. В. Кольцовъ. (1808—1842).

а) Сочиненія: 1) подъ ред. А. I. Лященка. СПб. 1893 г.; 2) подъ ред. Арс. Введенскаго, 2 изд. СПб. 1895 г.

б) Письма—въ названныхъ выше изданіяхъ.

в) *Бѣлинскій.* XII т. изд. Солдатенкова или IV т. Павленкова.

Вал. Майковъ. Сочиненія, изд. Фукса. Т. I.

М. Де-Пуле. А. В. К. въ его житейскихъ и литерат. дѣлахъ и въ семейной обстановкѣ. СПб. 1878 г.

В. Огарковъ. К., его жизнь и литерат. дѣятельность. СПб. 1891 г.

В. К. Ярмерштедтъ. Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія К. Вопр. фил. и псих. 1893, 5.

Н. Владиміровъ. К., какъ человѣкъ и какъ поэтъ. Кіевъ. 1894 г.

В. Острогорскій. Художникъ р. пѣсни. А. В. К. М. 1893 г.

С. Н. Прядкинъ. Очерки поэзіи А. В. К. Воронежъ. 1906 г.

Кн. Вл. Ѳ. Одоевскій (1803—1869).

а) Сочиненія. 3 части. СПб. 1844 г. Мнемозина. Альманахъ въ 4 кн. 1824 г. Изд. кн. Вл. Ѳ. Од. и Кюхельбекеромъ. Сказки и разсказы дѣдушки Иринея. 3-е изд. СПб. 1895 г.

б) Бумаги кн. Вл. Ѳ. Од. въ приложеніи къ Отчету Имп. Публ. б. за 1884 г. (СПб. 1887 г.).

Изъ бумагъ кн. Вл. Ѳ. Од. Р. Арх. 1864, 7 и 8; 1874, 1; 1871, 1; 1897, 6.

Изъ переписки кн. Вл. Ѳ. Од.: Р. Ст. 1904 г. май и сл.; Кіевск. Ст. 1883, 4; Р. Арх. 1879, II; 1878, II; 1890, II; Р. Ст. 1892, 4; Р. Обозр. 1894, 3.

в) *Бѣлинскій*. Т. III изд. Павленкова, Т. IX изд. Солдатенкова.
Пятковскій. Кн. Вл. Θ. Од. СПб. 1870 г.
— Кн. Вл. Θ. Од. и Д. В. Веневитиновъ. Изд. 3-е.
Н. Сумцовъ. Кн. Вл. Θ. Од. Харьковъ. 1884 г.
Ч. Вѣтринскій. Въ сороковыхъ годахъ. М. 1899.
А. Θ. Кони. Очерки и воспоминанія. 1905 г.
Н. Котляревскій, Старинные портреты. СПб. 1907 г.
Б. А. Лезинъ. Краткій обзоръ просвѣтит. дѣятельности кн. Вл. Θ. Од. и его педагогич. принциповъ. Р. Ш. 1904 г., дек.
Н. А. Янчукъ. Кн. В. Θ. Одоевскій и его значеніе въ исторіи р. церковной и народной музыки. Т. I Трудовъ музыкально-этнографич. Коммиссіи И. О. люб. ест., антр. и этногр. М. 1906 г.
Б. А. Лезинъ. Очерки изъ жизни и литер. дѣятельности кн. Вл. Θ. Од. Записки Харьк. унив. 1905, 2; 1906, 1, 2. 3, 4.
И. И. Замотинъ. Романтическій идеализмъ. СПб. 1908.

П. Я. Чаадаевъ (1793 или 1796—1856).
а) Oeuvres choisies de Pierre Tchaadaïeff, publiées pour la première fois par le P. Gagarin. Paris. Leipzig. 1872 г. „Философическія письма" и „Апологія сумасшедшаго" въ приложеніи къ книгѣ М. О. Гершензона „П. Я. Ч." СПб. 1908 г.
б) Отрывки изъ неизданныхъ бумагъ Ч. въ В. Е. 1873, 11; 1871, 11. Переписка Ч—ва: Сочиненія Дениса Давыдова, ч. 3; Н. Сушковъ. „Моск. унив. благор. пансіонъ"; Библ. Зап. 1861, № 1; Р. Арх. 1866 № 7; 1872, VI; 1881, 1. Р. Ст. 1870, т. I, 1902, 3; В. Е. 1906, 4; 1874, VII; Гершензонъ: „П. Я. Ч.".
в) *Пыпинъ*. Характеристики литературн. мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ гг. 3-е изд. 1906 г.
А. Веселовскій. Этюды и характеристики. Изд. 3-е. М. 1907.
П. Н. Милюковъ. Главныя теченія р. исторической мысли. Изд. 2-е.
Евг. Бобровъ. Философія и литература. Т. I. Казань. 1898 г.—Его же. „Философія въ Россіи". Вып. IV.
Бельтовъ. Критика нашихъ критиковъ. СПб. 1906 г.
Пузановъ. П. Я. Ч. Труды Кіевск. Дух. Ак. 1906, кн. 5 и 6.
М. О. Гершензонъ. П. Я. Ч. Жизнь и мышленіе. СПб. 1908 г. Въ приложеніи: Письмо Е. Д. Пановой къ Чаадаеву, „Философическія письма" Ч—ва, „Апологія сумасшедшаго", три письма къ А. И. Тургеневу, письмо къ Сиркуру и письмо къ неизвѣстному.

Н. В Станкевичъ. (1813—1840).
а) Стихотворенія. Трагедія. Проза. М. 1890 г.
б) Письма въ книгѣ Анненкова „Н. В. Ст." М. 1857 г.
в) *Анненковъ*. Н. В. Станкевичъ. М. 1857 г.
— Очерки и воспоминанія, т. III.
А. Станкевичъ. Т. Н. Грановскій и его переписка. М. 1897 г.
Добролюбовъ. Сочиненія. Т. II.
Скабичевскій. 40 лѣтъ р. критики. (Сочин. Т. I).
Пыпинъ. Бѣлинскій. Жизнь и переписка. Изд. 2. СПб. 1908 г.
Филипповъ. Судьбы р. философіи. Р. Бог. 1894, 11.
А. Веселовскій. Кружокъ Ст—ча. В. Е. 1882, 5.
С. А. Венгеровъ. Бѣлинскій. Т. I и III.
— Очерки по исторіи р. литературы Т. I. СПб. 1907 т.
М. Гершензонъ. Исторія молодой Россіи. М. 1908 г.

Петрашевцы. „Политич. процессы Никол. эпохи". Петрашевцы. М. 1907 г. Изд. Саблина.
В. И. Семевскій. Изъ исторіи обществ. идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ гг. Ростовъ на Дону. 1905 г.
Д. Д. Ахшарумовъ. Изъ моихъ воспоминаній конца 40-хъ гг. В. Е. 1901 г., № 11 и 12.
Арефьевъ. Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири. Р. Ст. 1902 г., № 1.
По дѣлу Петрашевскаго. Р. Ст. 1905 г., февр.

А. Н. Плещеевъ. (1825 — 1893). Стихотворенія. Изд. 3-е (съ біографич. очеркомъ Быкова). О немъ: *Валер. Майковъ*. Сочиненія, т. II (изд. Фукса). *Добролюбовъ*. Т. II. *К. К. Арсеньевъ*. Критическіе этюды. Т. II. *Н. А. Заболотскій*. Поэтъ гуманности и свѣтлыхъ идеаловъ. Записки О-ва ист., филог. и права при Варш. ун. 1904 г., вып. 3.

Вал. Ник. Майковъ. (1823—1847).
Критическіе опыты. 3-е изд. СПб. 1901 г. Сочиненія, изд. Фукса, подъ ред. Г. В. Александровскаго. Кіевъ. 1901 г., 2 тома. О немъ: *К. К. Арсеньевъ*. Критическіе этюды. Т. II. СПб. 1888 г.
Л. Н. Майковъ. Въ предисловіи къ „Критическ. опытамъ".
А. Скабичевскій. 40 лѣтъ р. критики. (Сочин., т. I).
И. Ивановъ. Исторія р. критики. Т. II (ч. 3).

Славянофильство. *Н. Г. Виноградовъ*. И. Кирѣевскій и начало московскаго славянофильства. В. фил. и псих. 1891 г., кн. XI.
Мих. Бор—инъ. Происхожденіе славянофильства. СПб. 1891 г.
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Славянофильское ученіе и его судьбы въ р. литературѣ. От. Зап. 1862 г., 2, 3 и 4.
Ор. Миллеръ. Основы ученія первоначальныхъ славянофиловъ. Р. М. 1880 г., 1 и 3.
Г. А. Максимовичъ. Ученіе первыхъ славянофиловъ. Кіевъ. 1907 г.
Н. Пановъ. Славянофильство, какъ философское ученіе. Ж. М. Н. Пр. 1880 г., 11.
Кавелинъ. Собраніе сочиненій. Т. III.

Вл. С. Соловьевъ. Очерки изъ исторіи р. сознанія. (Сочиненія. Т. V).

М. О. Кояловичъ. Исторія р. самосознанія. Изд. 3-е. СПб. 1901 г.

А. Д. Градовскій. Сочиненія. Т. VI. (СПб. 1901 г.).

Н. Колюпановъ. Очеркъ философской системы славянофиловъ. Р. Обозр. 1894 г., 7, 8, 9, 10 и 11.

А. Пыпинъ. Характеристики литерат. мнѣній. Изд. 3-е. 1906 г.

А. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Т. II.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія р. общественной мысли. Т. I. 2 изд. СПб. 1908.

Вѣтринскій. Грановскій и его время. 2 изд. СПб. 1905 г.

Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. 21 кн. 1888—1907 гг.

В. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и первой половинѣ XIX в. Т. II. СПб. 1883.

Я. Колубовскій. Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи. В. Ф. и Пс., кн. VI.

Писатели-славянофилы. *Ив. В. Кирѣевскій.* (1806—1856). Сочиненія. 2 тт. М. 1861 г. О немъ: *Н. Г. Виноградовъ.* И. К. и начало московскаго славянофильства. В. Фил. и Псих. 1891 г., кн. XI. *В. Лясковскій.* Бр. Кирѣевскіе. СПб. 1899 г.

К. С. Аксаковъ. (1817—1860). Полное собраніе соч. Вышло 3 тома (М. 1861, 1875, 1880).—Освобожденіе Москвы въ 1812 г. М. 1848 г.—Князь Луповицкій или пріѣздъ въ деревню. М. 1851 — Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: „Похожденія Чичикова или Мертвыя Души“. М. 1842. О немъ: *Е. Смирновъ.* Аксаковы, ихъ жизнь и литер. дѣятельность. СПб. 1895. — Венгеровъ. „Критико-біографич. словарь“, т. I и „Очерки по исторіи р. литературы“ (ч. I). — Пыпинъ. „Исторія р. этнографіи“. Т. I.

И. С. Аксаковъ. (1823—1886). Полное собраніе сочиненій. 7 тт. М. 1886—7. — Сборникъ стихотвореній. Изд. 2-е. М. 1886 г. — И. С. Акс. въ его письмахъ. 2 тт. М. 1888. — О немъ: *Венгеровъ.* „Критико-біографическій словарь“, т. I.—*Арсеньевъ.* Критич. этюды. Т. I.—*М. Сухомлиновъ.* И. С. Акс. въ сороковыхъ годахъ (въ II т. „Изслѣдованій и статей“). *В. Смирновъ:* Аксаковы, ихъ жизнь и литерат. дѣятельность. СПб. 18.5 г.

Ю. Ѳ. Самаринъ (1819—1876). Сочиненія. 10 тт. М. 1877—1896. О немъ: Въ память Ю. Ѳ. С. СПб. 1876 г.—*Градовскій.* Трудные годы. СПб. 1880 г.

А. С. Хомяковъ. (1804—1860). Собраніе сочиненій. 8 тт. М. 1900—1 гг. О немъ: *В. Лясковскій.* А. С. Х. СПб. 1898 г. *В. З. Завитневичъ.* А. С. Х. Т. I. Кіевъ. 1902 г.— Его же. Х., какъ богослов. 2 тт. Кіев. 1905 г. *Л. Г. Владимировъ.* А. С. Х. и его этико-соціальное ученіе. М. 1904 г.

С. А. Венгеровъ. Молодая редакція „Москвитянина“. В. Е. 1886 г. № 2. *Л. Н. Лобовъ.* Славянофильство и его литерат. представители (Алмазовъ, Эдельсонъ и др.). Слав. Извѣстія. 1906 г. № 4 и сл.

Ап. Григорьевъ. (1822—1864). Сочиненія. Т. I. СПб. 1876 г. О немъ: *И. Ивановъ.* Исторія р. критики. Т. II.—*Шахъ-Пароніанцъ.* Критикъ-самобытникъ, Ап. Ал. Гр. СПб. 1899 г.—*Д. Михайловъ.* Ап. Гр.; жизнь въ связи съ характеромъ литер. дѣятельности его. СПб. 1900 г.

В. Г. Бѣлинскій. (1810—1848).

а) Сочиненія: 1) подъ ред. С. А. Венгерова (пока вышло 8 тт.); 2) изд. Солдатенкова и Щепкина въ 12 тт.; 3) изд. Павленкова въ 4 тт. (съ 1906—7 гг.—изданіе 3-е).

б) Переписка: въ книгѣ Пыпина „В. Г. Б., его жизнь и переписка“ (см. ниже); при изданіи Павленкова; Русь, 1881, 8. Р. М. 1891, 1; 1892, 1; Отчетъ Имп. П. Библ-ки 1889 г.; Сборникъ Общ. люб. росс. слов. 1891 г.; Лепта Б. въ пользу голодающихъ. 1892; книга „Анненковъ и его друзья“; Р. Обозр. 1894, кн. 5; сборникъ „Починъ“. М. 1896 г.; сборникъ „Братская помощь“; сборникъ „Дѣло“ (1899 г.).—Письмо Б. къ Гоголю. Изд. „Свѣточа“. СПб. 1905 г.

Чернышевскій. Очерки гоголевскаго періода р. литературы (Полное собраніе сочиненій. Т. II. СПб. 1906 г.).

Ап. Григорьевъ. Сочиненія. Т. I.

П. Анненковъ. Воспоминанія и критич. очерки. Т. III.

П. Анненковъ и его друзья. СПб. 1892 г.

А. Скабичевскій. 40 лѣтъ р. критики. (Сочиненія. Т. I).

Памяти В. Г. Б. Сборникъ. 1899 г.

А. Пыпинъ. В. Г. Б., его жизнь и переписка. Изд. 2-е („Колоса“). Въ одномъ томѣ. СПб. 1908 г.

— Характеристики литерат. мнѣній. Изд. 3-е.

И. Ивановъ. Исторія р. критики. Т. II.

М. Филипповъ. Судьбы р. философіи. Р. Бог. 1894, 9 и 11.

— Философскія убѣжденія Б. Научное Обозр. 1897, 5, 6, 8, 9.

С. Венгеровъ. Великое сердце (въ „Очеркахъ по исторіи р. литературы.“)

Евг. Соловьевъ. Б. въ его письмахъ и сочиненіяхъ. СПб. 1898 г.

Ч. Вѣтринскій. Грановскій и его время. Изд. 2-е. СПб. 1905 г.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія р. обществ. мысли. Т. I.

Бельтовъ. За 20 лѣтъ. Изд. 2-е. СПб. 1906 г.

Г. Плехановъ. Рѣчь о Б. Одесса. 1906 г.

Т. Н. Грановскій. (1813—1855).

а) Сочиненія: 1) 4-е изд. М. 1900 г. (въ одномъ томѣ); 2) изданіе Библіотеки „Сѣвера“, 1906 г.

б) Т. Н. Грановскій и его переписка, Т. II. М. 1897 г.

в) Т. Н. Гр—ій и его переписка. Т. I. М. 1897 г. Біографическій очеркъ А. Станкевича.

Анненковъ. Воспоминанія и критич. очерки. Т. III.

Кавелинъ. Т. Н. Гр. (Сочиненія. Т. III).

П. Г. Виноградовъ. Т. Н. Гр. Р. М. 1893 г. апр., и въ „Сборникѣ въ пользу воскр. школъ“ (М. 1894 г.).

П. Милюковъ. Изъ исторіи р. интеллигенціи. СПб. 1902.

Ч. Вѣтринскій. Т. Н. Гр. и его время. Изд. 2-е. СПб. 1905 г.

Н. Карѣевъ. Историческое міросозерцаніе Т. Н. Гр. 3-е изд. СПб. 1905 г.

Д. М. Левинъ. Т. Н. Гр. Опытъ историч. синтеза. Изд. 2. 1902 г.

В. А. Мякотинъ Изъ исторіи р. общества. 2 изд. СПб. 1906 г.

Р. Ю. Випперъ. Общественно-историч. взгляды Гр. М. Б. 1905 г. № 11.

М. Гершензонъ. Исторія молодой Россіи. М. 1908.

А. И. Герценъ. (1812—1870).

а) Сочиненія: 1) Женева. 1857 — 1880. 11 тт.; 2) Колоколъ и Полярная Звѣзда; 3) изд. Ф. Павленкова въ 7 тт., СПб. 1905 г.; 4) тою же фирмою въ 1907 г. издано въ болѣе исправной редакціи нѣсколько отдѣльныхъ произведеній; 5) Du dévellopement des idées révolutionnaires en Russie. Изд. 2-е. Лондонъ. 1853 г. (въ р. переводѣ издано Сытинымъ подъ заглавіемъ „Движеніе общест. мысли въ Россіи“. М. 1907 г., и Саблинымъ подъ заглавіемъ „Къ развитію революц. идей въ Россіи“. М. 1906 г.); 6) новая глава изъ „Былого и Думъ“ въ журн. „Былое“, 1907 г., май; 7) неизданная статья А. И. Г. въ журналѣ „Былое“ 1906 г., февраль.

б) Дневникъ А. И. Г. въ VI т. изд. Павленкова.—Переписка А. И. Г. съ Н. А. Захарьиной—ib., т. VII.—Переписка А. И. Г.: Р. Ст. 1876, т. 17; 1889, т. 61; Р. М. 1888, 7, 9—11; 1889, 1, 4, 10—12; 1890, 3, 4, 8—10; 1891, 6, 7, 8; 1892, 7—9; 1902, 11, 12; Р. Арх. 1887, II; Сѣв. В. 1894, 7, 8; В. Евр. 1907, № 6 и сл.; сборникъ „Помощь голодающимъ“ (1892).—*М. Бакунинъ*. Его письма къ А. И. Г. и Н. Огареву. СПб. 1907 г.

в) *Т. П. Пассекъ*. Изъ дальнихъ лѣтъ. 3 тт. СПб. 1878—9, 1889.

Н. Огарева-Тучкова. Воспоминанія. М. 1903.

П. В. Анненковъ. Воспоминанія и критич. очерки. Ч. III. СПб. 1881.

П. В. Анненковъ и его друзья. СПб. 1892.

В. Батуринскій. Г., его друзья и знакомые. Т. I. СПб. 1904 г.

А. Пыпинъ. В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изд. 2-е. СПб. 1908 г.

П. Милюковъ. Изъ исторіи р. интеллигенціи. СПб. 1902.

Е. Некрасова. Юношескіе литер. труды Г. Сѣв. В. 1895 г., сент.

М. Лемке. Очеркъ жизни и дѣятельности Г., Огарева и ихъ друзей. М. Б. 1906 г., іюль.

М. Гершензонъ. Г. и Западъ. Р. М. 1907, № 3. — Западные друзья Г. Былое. 1907 г., апрѣль.

М. Лемке. Г. въ Европѣ. Совр. Міръ. 1906 г., октябрь.

Н. Страховъ. Борьба съ Западомъ. СПб. 1887 г.

Бородкинъ. Славянофильство Тютчева и Г. 1902 г.

С. Булгаковъ. Душевная драма Г. (въ книгѣ „Отъ марксизма къ идеализму“. СПб. 1904 г.).

Otto von Sperber. Die socialpolitischen Ideen A. Herzens. Leipzig. 1894.

М. Гершензонъ. Соціально - политическіе взгляды А. И. Г. М. 1906 г.

Вл. И. Покровскій. Г., какъ соціалистъ. Образованіе. 1907, 1 и 2.

Д. В. Смирновъ. Жизнь и дѣятельность А. И. Г. СПб. 1897 г.

Ч. Вѣтринскій. Въ сороковыхъ годахъ. М. 1899 г.

П. Морозовъ. Минувшій вѣкъ. СПб. 1902 г.

В. Богучарскій. Изъ прошлаго р. общества. СПб. 1904 г.

Діесперовъ. А. И. Г. 1906 г.

Ивановъ - Разумникъ. Исторія р. обществен. мысли. Т. I. 2-ое изд. СПб. 1908.

П. Боборыкинъ. А. И. Г. Р. Мысль. 1907, № 11.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. И. Г. СПб. 1908.

Н. Пл. Огаревъ (1813—1877).

а) Стихотворенія 2 тт. Подъ ред. М. О. Гершензона. М. 1904 г.

б) Переписка. Р. М. 1888—1892 (см. о Герценѣ).

в) *Анненковъ* и его друзья. СПб. 1892 г. *В. Боткинъ*. Сочиненія, т. II. *П. Перцовъ*. Философскія теченія р. поэзіи. 2 изд. СПб. 1900 г. *Ю. Айхенвальдъ*. Силуэты р. писателей. Вып. I. *М. Гершензонъ*. Исторія молодой Россіи. М. 1908 г.

ГЛАВА XIV.

Внѣшняя политика Россіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка.

Источники. *Ө. Мартенсъ*. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Т. XIV. СПб. 1905. *Сергѣй Соловьевъ*. Дипломатическія сношенія между Россіей и Швеціей въ первые годы царствованія Александра I. (Сбор. Имп. Русск. Ист. О—ва, т. II). *Записки графа Каподистріи* о его служебной дѣятельности (Сбор. Имп. Русск. Ист. О—ва, т. III) По-

матическая переписка Наполеона съ генераломъ Савари 1807 г. (Сбор. Имп. Русск. Ист. О—ва. т. LXXXIII). Посольство графа П. А. Толстого въ Парижѣ въ 1807 и 1808 гг. (Собр. Имп. Русск. Ист. О—ва, т. LXXXIX). *Переписка герцога Ришелье* (Сб. Имп. Русск. Ист. О—ва. т. LIV). *Донесенія* А. И. Чернышева, князя Куракина, барона Сухтелена и пр. (Собр. Имп. Русск. Ист. О—ва, т. XXI). *Metternich* Mémoires, 8 т. 1884. Correspondance de Napoléon I (тт. XV, XVI, XVII и XVIII). Paris. 1858—70, изд. A. Du-Casse. *Talleyrand*. Mémoires. 1890—92. Донесенія князя Куракина Александру I о его бесѣдахъ съ Наполеономъ 1809—1811. (Русск. Арх. 1870). *К. К. Злобинъ*. Дипломатическія сношенія между Россіей и Швеціей со времени вступленія на престолъ императора Александра I до присоединенія Финляндіи (Собр. Имп. Русск. Ист. О—ва, т. II). *Поццо-ди-Борго*. Замѣтки и воспоминанія о самомъ себѣ, адресованныя гр. Разумовскому. 1804. (Сб. И. Р. И. О. т. II). *Pozzo di Borgo*. Correspondance diplomatique. Paris. 1890. *Prince Adam. Czartorysky*. Mémoires et correspondance avec Alexandre I, 2 т. Paris. 1887. *Graf von Toll*. R.-Denkwürdigkeiten. 2-е изд. 4 т. Leipzig. 1865—6. *П. И. Липранди*. Опытъ каталога всѣмъ отдѣльнымъ сочиненіямъ по 1872 г. объ Отечественной войнѣ 1812 г. Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 г., собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ, ч. I—VII. Москва. 1897—1908. *Матеріалы Военно-Ученаго Архива Главнаго Штаба*. Отечественная война 1812 г., части I и II. СПб. 1900—3. *Н. Дубровина*. Отечественная война въ письмахъ современниковъ 1812—15 гг. (Записки Имп. Академіи Наукъ, т. XLIII). СПб. 1882 г. *В. Харкевичъ*. 1812 г. въ дневникахъ, запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Вильна. 1900—3. *Tchitchagoff*. Mémoires inédits. Campagnes de la Russie in 1812 contre la Turquie, l'Autriche et la France. Berlin. 1855. *А. П. Ермоловъ*. Записки о войнѣ 1812 г. Лондонъ и Брюссель, 1863 г. и Москва, 1865 г. *Rostopchine*, le comte. La vérite sur l'incendie de Moscou. Paris. 1823. *Ségur*. Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812; 2 v. Paris. 1826. *Klüber*. Acten des Wiener Kongresses. 9 томовъ. 1815—19 и 1835. *De Maistre*. Correspondance diplomatique 1811—17. 2 тома. Парижъ. 1858 г. *Герцогъ Ришелье*. Переписка съ Александромъ I, Поццо ди-Борго, Каподистріей, Нессельроде и др. (Сб. Р. И. О., т. LIX). *Растопчинъ, гр. О. В.* Переписка съ императоромъ Александромъ I. (Русск. Стар. 1893). *А. А. Половцовъ*. Дипломатическая переписка посланниковъ, 1814—1830. (Сб. И. Р. И. О. 1902 г.). Мемуары о 12 годѣ. Д. Давыдовъ. „Дневникъ партизанскихъ дѣйствій". Н. Н. Муравьевъ. Русск. Архивъ. 1885—93 гг. Перовскій. Рус. 1865. № 3.

Общія сочиненія. L'alliance russe sous le premier Empire. *Albert Vandal*. Napoléon et Alexandre I. 3 тома. Paris. 1891—6. ***Трачевскій***. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Введеніе къ документамъ архивовъ Парижскаго и Петербургскаго за 1800—1808 гг. (Сб. И. Р. И. О. 1890—1894 гг.). ***Шильдеръ***. Александръ I. 1901 г. ***Богдановичъ***. Исторія Отечественной войны 1812 г. 3 тома. СПб. 1859—1860. ***Богдановичъ***. Исторія войны 1813 г. до независимости Германіи. 2 тома. СПб. 1863 г. ***Богдановичъ***. Исторія войны 1814 г. СПб. 1865 г. *Сергѣй Соловьевъ*. Императоръ Александръ I. Политика. Дипломатія. СПб. 1877 г. *A. Thiers*. Histoire du Consulat et de l'Empire. 2 т. 1845—62 (русскій переводъ Ф. А. Кони. СПб. 1849 г.), *Lanfrey*. Histoire de Napoléon 1868—69 (русск. перев. Карѣева, изд. Вольфа). *S. Tatistcheff*. Alexandre I et Napoléon d'après leur correspondance inédite 1801—1802. Парижъ. 1891 г. *The Cambridge*. Modern History, v. IX, Napoléon. Кембриджъ. 1906 г. (въ особенности т. XVI, Russia under Alexander I and the invasion of 1812. Е. Щепкина). Въ приложеніи подробная библіографія. *Лависсъ и Рамбо* Исторія XIX вѣка. Пер. съ французскаго, тт. I, II и III. М. 1907 г. изд. Т-ва Бр. А. И. Гранатъ и К°. Приложена подробная библіографія. *T. Bernhardi*. Geschichte Russlands und der europäischen Politik im XIX-ten Jahrhundert, 4 т. Leipzig. 1863—77. *Jomini*. Vie politique et militaire de Napoléon. *Гервинусъ*. Исторія XIX в. Переводъ съ нѣмец. Т. I. *Debidour*. Histoire diplomatique de l'Europe. T. I. *Treitschke*. Deutsche Geschichte. T. I. Berlin. 1882.

Важнѣйшія монографіи и отдѣльныя статьи *A. Vandal*. La France et la Russie pendant la campagne de 1809. (Annales de l'École des Sciences Politiques. 1892). *E. Driault*. La question d'Orient en 1807 (ib. V, XIV, XV). Paris. 1900—1. *E. Driault*. La politique orientale de Napoléon. (1806—8). Paris. 1904. *В. Харкевичъ*. 1812 г. Березина. Военно-историческое изслѣдованіе. СПб. 1893 г. *В. Харкевичъ*. Война 1812 г. отъ Нѣмана до Смоленска. Вильна. 1901 г. *А. Н. Поповъ*. Москва 1812 г. (Русск. Арх. 1875—6). *Скугаревскій*. 1812 г. отъ начала войны до Смоленска включительно. Казань. 1898 (библіографія). *Градовскій*. Система Меттерниха. (Вѣст. Европ. 1894, I и II тт.). *Sorel*. Le traité de Paris du 20 novembre 1815 г. *С. Соловьевъ*. Вѣнскій конгрессъ. (Р. Вѣст. 1865 г. II). Strobe von Kavelsberg. Metternich und seine Zeit. Вѣна и Лейпцигъ. 1906 г.

Оглавленіе.

Россія въ концѣ XVIII вѣка.

(М. Н. Покровскаго).

ГЛАВА I.

Павелъ Петровичъ.

(М. Н. Покровскаго).

ГЛАВА II.

Александръ I.

(1801—1815).

(М. Н. Покровскаго).

ГЛАВА III.

Декабристы.

(К. Н. Левина и М. Н. Покровскаго).

1.

Союзъ Спасенія. Союзъ Благоденствія. Южное и Сѣверное Общества. Планы возстанія.

2.

3.

Идеологія декабристовъ.

ГЛАВА IV.

Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка.

(Н. А. Рожкова).

ГЛАВА V.

Внутренняя политика въ царствованіе Николая Павловича.

(А. А. Кизеветтера).

ГЛАВА VIII.

Польша въ первой половинѣ XIX вѣка

(З. Ленскаго).

I.

Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.

II.

Переходное время.

ГЛАВА IX.

Прибалтійскій край въ первой половинѣ XIX вѣка.

(К. И. Ландера).

ГЛАВА X.

Университеты въ Россіи въ первой половинѣ XIX в.

(И. И. Бороздина).

ГЛАВА XI.

Русская литература до Пушкина.

(П. Н. Сакулина).

ГЛАВА XII.

Очеркъ Пушкинскаго періода.

(Е. В. Аничкова).

ГЛАВА XIII.

Русская литература во второй четверти вѣка.

(П. Н. Сакулина).

ГЛАВА XIV.

Внѣшняя политика Россіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка.

(М. Н. Покровскаго).

1.

Тильзитъ.

Стр.

3.

Священный Союзъ.

4.

Восточная политика Николая I.

Снимки съ портретовъ, помѣщенные въ первой части.

ИСТОРІЯ РОССІИ въ XIX вѣкѣ.

Въ изданіи принимаютъ участіе: прив.-доц. Е. В. Аничковъ, С. М. Блекловъ, проф. М. М. Богословскій, И. Н. Бороздинъ, прив.-доц. С. А. Венгеровъ, В. В. Водовозовъ, А. К. Дживелеговъ, проф. В. Я. Желѣзновъ, Н. Н. Жордани, Вл. Ильинъ, В. Я. Канель, проф. А. А. Кизеветтеръ, М. И. Коваленскій, А. Л. Коллонтай, К. И. Ландеръ, К. Н. Левинъ, З. Ленскій, Л. Мартовъ, В. Д. Медемъ, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, М. Н. Покровскій, проф. Э. Л. Радловъ, Н. А. Рожковъ, С. Ѳ. Русова, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, прив.-доц. В. М. Фриче, С. Я. Цейтлинъ, В. И. Чарнолускій, проф. М. П. Чубинскій, Г. А. Шрейдеръ, Ю. Д. Энгель и др.

СОДЕРЖАНІЕ. Часть I. (1800—1840); 1. Россія въ концѣ XVIII вѣка. Хозяйство. Общество. Государственная власть. 2. Павелъ I. 3. Александръ I. 4. Декабристы. 5. Экономическое развитіе Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. 6. Внутренняя политика въ царствованіе Николая Павловича. 7. Финансовая реформа Канкрина. 8. Государственные крестьяне при Николаѣ I. 9. Польша въ первой половинѣ XIX вѣка. 10. Прибалтійскій край въ первой половинѣ XIX вѣка. 11. Университеты въ первой половинѣ вѣка. 12. Русская литература Александровской эпохи. 13. Очеркъ Пушкинскаго періода. 14. Русская литература во второй четверти вѣка. 15. Внѣшняя политика Россіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. **Часть II (1840—1866)**: 1. Конецъ Николая и Крымская кампанія. 2. Крестьянская реформа. 3. Земская реформа. 4. Судебная реформа. 5. Общественное движеніе въ 60-хъ годахъ. 6. Польское возстаніе. 7. Положеніе евреевъ въ первой половинѣ XIX вѣка. 8. Кавказскія войны. 9. Литература 50-хъ и 60-хъ годовъ. 10. Университеты. 11. Религіозное движеніе. 12. Пластическія искусства. 13. Русская музыка. **Часть III (1866—1892)**: 1. Народное хозяйство въ Россіи во второй половинѣ XIX вѣка. 2. Государственное хозяйство Россіи. 3. Мѣстное самоуправленіе. 4. Правительство и судъ. 5. Восточный вопросъ. 6. Общественное движеніе въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. 7. Журналистика въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. 8. Литература съ 70-хъ по 90-е годы. 9. Народное образованіе. 10. Научное движеніе. 11. Религіозное движеніе. 12. Пластическія искусства. 13. Музыка. **Часть IV (1892—1903)**: 1. Аграрный вопросъ въ концѣ вѣка. 2. Крупная индустрія. 3. Государственное хозяйство въ концѣ вѣка. 4. Рабочій вопросъ и рабочее движеніе. 5. Фабричное законодательство. 6. Фабричная гигіена и земская медицина. 7. Аграрное законодательство. 8. Крестьянское движеніе. 9. Народное образованіе. 10. Университетское движеніе. 11. Земское движеніе. 12. Революціонныя организаціи и партіи. 13. Польскій вопросъ. 14. Прибалтійскій край. 15. Еврейскій вопросъ. 16. Кавказъ. 17. Финляндія. 18. Литература конца вѣка. 19. Внѣшняя политика эпохи.

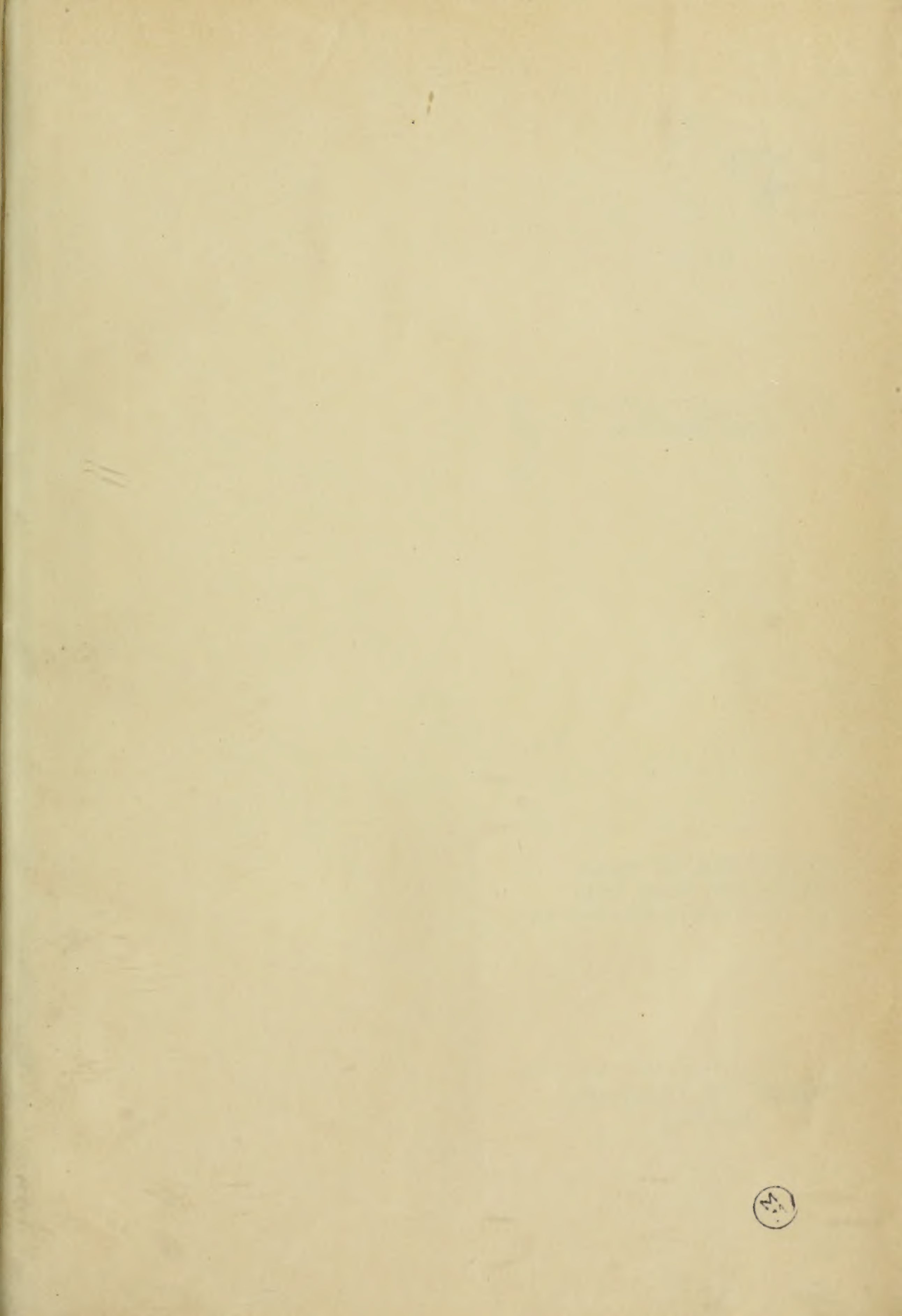
Изданіе составитъ около 35 выпусковъ въ 80 стр. большого формата, въ общей сложности около 2.800 стр. текста и, кромѣ того, будетъ заключать до 200 художественно исполненныхъ снимковъ съ портретовъ выдающихся дѣятелей и съ картинъ и скульптуръ русскихъ художниковъ, въ томъ числѣ до 60 **геліогравюръ** англійскаго типа.

Принимается **предварительная подписка** на слѣдующихъ условіяхъ: 1) либо при подпискѣ уплачивается **2 р.** и при полученіи каждаго выпуска — по **1 р.** (съ пересылкой), за переводъ платежа уплачивается **10 коп.**; 2) либо при подпискѣ уплачивается **5 руб.** и при полученіи каждаго **5-го** выпуска, т. е. 5, 10, 15-го и т. д. также по **5 руб.** до полнаго окончанія всего изданія (при такомъ способѣ полученія устраняются почтовыя формальности и лишніе расходы, связанные съ полученіемъ книгъ наложеннымъ платежомъ). **Цѣна** отдѣльнаго выпуска **1 р. 35 к.**

Главная контора изд. Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“: МОСКВА, Б. НИКИТСКАЯ, 5.

Отдѣленіе въ С.-Петербургѣ: Загородный пр., 14.

„Русская Скоропечатня“, С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, 34.



„Ленин...а"
...№ 53
25-
№ 4510
1940.

UTL AT DOWNSVIEW